

А.С. МАКАРЕНКО

*Педагогические
сочинения*

Том

1

А.С. МАКАРЕНКО

Педагогические сочинения

А.С. МАКАРЕНКО

*Педагогические сочинения
в восьми томах*

Редакционная коллегия:

М. И. Кондаков (главный редактор),
В. М. Коротов, С. В. Михалков,
В. С. Хелемендик

А.С. МАКАРЕНКО

Педагогические сочинения

Том 1

Москва
«Педагогика»
1983

Печатается по решению Президиума
Академии педагогических наук СССР

Рецензенты:

П. В. Руднев,
действительный член АПН СССР, доктор педагогических наук, профессор **Н. Д. Ярмаченко**,
доктор **Эдгар Гюнтер** (ГДР),
кандидат педагогических наук **М. Д. Виноградова**

Составители и авторы комментариев:

Л. Ю. Гордин, А. А. Фролов

Макаренко А. С.

М 15 Педагогические сочинения: В 8-ми т. Т. 1 /
Сост.: Л. Ю. Гордин, А. А. Фролов.— М.: Педагогика, 1983.— 368 с., ил.
Пер. 1 р. 70 к.

В первый том настоящего издания вошли педагогические работы А. С. Макаренко 1922—1936 гг. по вопросам теории, методики и практики коммунистического воспитания, его выступления по вопросам педагогики, а также его переписка с А. М. Горьким.

Для работников просвещения и педагогической науки.

М 430200000—038 подписное
005(01)—83

ББК 74.03(2)
37(09)

От составителей

Наследие выдающегося советского педагога Антона Семеновича Макаренко (1888—1939) отражает знаменательный этап в формировании основ социалистической педагогики. Оно занимает важное место в развитии теории и методики коммунистического воспитания, советской системы народного образования, возникших на основе марксистско-ленинской концепции воспитания, в ходе социалистических общественных преобразований в нашей стране под руководством КПСС.

Прочная связь проблем педагогики с идеологией и моралью рабочего класса и всех трудящихся, с политикой Коммунистической партии, практикой строительства социализма в СССР — характерная черта наследия А. С. Макаренко, имеющая большое значение для современной теории и практики воспитания.

Собрание сочинений А. С. Макаренко в 7-ми томах вышло первым изданием в 1950—1952 гг. (редколлегия: И. А. Каиров — главный редактор, Г. С. Макаренко, Е. Н. Медынский). Второе издание, с некоторыми дополнениями, при том же составе редколлегии вышло в 1957—1958 гг.

Издание педагогических сочинений А. С. Макаренко в 8-ми томах, включающее выявленные к настоящему времени материалы его научно-педагогического и художественно-педагогического наследия, предпринято в соответствии с решением Президиума АПН СССР. В данном издании, завершение которого предполагается к 100-летию со дня рождения педагога-писателя, расширена публикация его педагогических работ, относящихся к периоду практической деятельности в трудовой колонии им. М. Горького и трудовой коммуне им. Ф. Э. Дзержинского, с большей полнотой представлены письма, материалы к биографии А. С. Макаренко, документы его педагогической практики.

В основу структуры издания положен хронологический принцип расположения материалов с их дифференциацией по трем основным частям макаренковского наследия: результаты научно-педагогической деятельности, художественно-педагогические произведения и материалы педагогической практики колонии горьковцев и коммуны дзержинцев. Опыт этих учреждений представлен целостно, в его развитии.

Том 1 состоит из педагогических произведений А. С. Макаренко 1922—1936 гг. В томе 2 помещены художественные произведения 1932—1938 гг.: «Марш 30 года», «ФД-1», «Мажор», «Честь». Том 3 включает «Педагогическую поэму» и некоторые авторские материалы этого произведения. В томе 4 представлены педагогические произведения 1936—1939 гг. Том 5 — «Книга для родителей» и отдельные подготовительные материалы к ней. В томе 6 публикуются «Флаги на башнях», рассказы и очерки. В томе 7 собраны публицистические произведения, статьи о детской литературе и писательском труде, литературно-критические выступления, рецензии и отзывы, киносценарии. Том 8 составляют материалы из эпистолярного наследия, документы биографического характера.

При подготовке издания использованы материалы Государственной библиотеки им. В. И. Ленина, Центрального государственного архива литературы и искусства СССР, Архива А. М. Горького и Рукописного отдела Института мировой литературы им. А. М. Горького Академии наук СССР, Центрального государственного архива Октябрьской революции и социалистического строительства УССР, Харьковского областного государственного архива, Полтавского областного государственного архива, Педагогическо-мемориального музея А. С. Макаренко (г. Кременчуг Полтавской области УССР), Лаборатории исторических и мемориальных документов с Научным архивом АПН СССР.

Подготовителями издания осуществлена необходимая текстологическая работа. Тексты публикуются на основе их сверки по последним прижизненным изданиям А. С. Макаренко и архивным источникам. Произведены уточнения в датировке и наименованиях некоторых произведений, в указаниях на историю их создания и опубликования. Публикация производится в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации, стилистическими нормами, с сохранением особенностей языка автора. Вставка пропущенных слов отмечается квадратными скобками. На некоторые сокращения указывают отточия.

Комментарии обогащены сведениями, раскрывающими генезис педагогических воззрений А. С. Макаренко и позволяющими составить более полное представление об истории его опыта воспитания, основных проблемах макаренковского творчества и его значении для современной педагогики и школы. В комментариях использован справочный материал предыдущих изданий Сочинений А. С. Макаренко в 7-ми томах. Научный аппарат ряда томов дополнен именными указателями. В томе 8 помещается сводный предметно-тематический указатель, дается заключительная статья о макаренковском наследии и его современном значении.

В том 1 вошли относящиеся к 1922—1936 гг. статьи, выступления, некоторые деловые письма, методические разработки, незавершенные педагогические произведения и другие работы А. С. Макаренко о воспитании. Они дают возможность проследить возникновение и развитие его педагогических идей и опыта в ходе целеустремленного творческого поиска, органически связанного с общим процессом становления советской теории и практики воспитания на основе марксистско-ленинской методологии, коренных общественно-политических преобразований в нашей стране после Великой Октябрьской социалистической революции.

Большой фактический материал о педагогической деятельности А. С. Макаренко дает включенная в том его переписка с А. М. Горьким. Важные педагогические обобщения содержит «Опыт методики работы детской трудовой колонии» (материалы незавершенной книги). В томе помещено одно из наиболее значительных произведений педагога — «Методика организации воспитательного процесса».

Комментарии к вошедшим в том произведениям написаны Л. Ю. Гординым и А. А. Фроловым. В сверке текстов с прижизненными изданиями и архивными источниками приняла участие С. С. Невская.

В томе использованы фотографии из архива А. С. Макаренко.

*ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ
1922-1936 гг.*

Заявление в Центральный институт организаторов народного просвещения

Прошу зачислить меня студентом на основное отделение института.

Я родился в 1888 г., сын железнодорожного рабочего. После окончания двухгодичных педагогических курсов в 1905 г. был народным учителем. В 1914 г. поступил в Полтавский учительский институт, который и окончил в 1917 г. с золотой медалью. В 1917—1919 гг. был заведующим большой железнодорожной школой при Крюковских вагонных мастерских (до 1000 учащихся). Приход деникинцев и разрушение ими школы и ее отдельных трудовых организаций заставили меня в августе 1919 г. переехать в Полтаву. В 1920 г. Полтавским губнаробразом мне было поручено дело организации и управления колонией для малолетних (несовершеннолетних) правонарушителей.

Два года, проведенные мною в колонии в обществе 5 воспитателей с 80 воспитанниками, среди большого соснового леса, дали мне возможность при самой тяжелой обстановке создать одно из интереснейших учреждений.

В настоящее время колония процветает, но мне бы хотелось огромный опыт двух лет, вызвавший множество вопросов, обработать научным образом. Занятый ежедневно по 16 часов, вдали от научных центров, я не имею возможности сделать это, оставаясь в колонии. Как видно из прилагаемых документов, мне делают очень лестные предложения, но только педагогическая научная работа в Москве представляется мне заслуживающей того, чтобы оставить колонию.

К сожалению, я не хочу подвергать себя риску коллоквиума. Я не знаю, в чем он будет состоять, но напряженная работа последних лет, естественно, не давала мне возможности регулярно восстанавливать в памяти то, что забывается в различных отраслях знания, тем более что на мою долю выпало очень мало непосредственной классной работы в школе по некоторым предметам. Поэтому очень возможно, что на многие вопросы приемной комиссии, касающиеся формальных сторон знания, я не отвечу. Возвратиться же из Москвы ни с чем будет чересчур тяжело: я имею в виду не только самолюбие, но и нужную мне на будущее, хотя бы в той же колонии, энергию. Кроме того, я не обладаю средствами для такой поездки. Поэтому я прошу комиссию принять меня без устного коллоквиума. Для того же, чтобы комиссия имела представление о моей подготовке, посылаю краткое изложение «Вместо коллоквиума».

В качестве удостоверений о моих админ. и организ. способностях, как требуется (Известия ВЦИКа, № 186), прилагаю

1. Удостоверение Полтавского губнаробраза от 24/VIII.
2. Приглашение завдоротделом Южн. д. т. Греся 24/VI.
3. Приглашение месткома и цеховых старост Крюков. вагон. мастерских 4/VII.
4. Вырезку из полтавской газеты «Голос труда» от 15/VII.

Как родившийся в 1888 г., учетной карточки не представляю. Документы об образовании находятся в Харькове и будут доставлены в случае поступления.

Антон Макаренко

В случае принятия меня в институт, прошу сообщить: **Полтава, до востребования. Антону Семеновичу Макаренко.** По тому же адресу, в случае отказа, прошу выслать документы. Марки на ответ прилагаю.

К заявлению А. Макаренко

Вместо коллоквиума

В области предметных дисциплин систематические знания получил я в Учительском институте.

М а т е м а т и к о й никогда особенно не интересовался, поэтому арифметика, геометрия, алгебра, тригонометрия и физика мне знакомы только в пределах курса дореволюционного Учительского института. К настоящему дню из тригонометрии помню только общие основания, забыл многие теоремы алгебры и законы физики, с логарифмированием сейчас, пожалуй, не справлюсь.

П р и р о д о в е д е н и е. Разумеется, совершенно свободно себя чувствую в области физиологии животных и растений. Анатомические знания слабы. Забыл многие частности из геологии. Астрономию знаю хорошо и занимаюсь практически в Полтавском музее. Впрочем, знания по астрономии и космографии у меня продукт увлечений юношества.

Солидные знания имею в общей **б и о л о г и и**. Несколько раз прочитывал всего Дарвина, знаю труды Шмидта и Тимирязева, знаком с новейшими [проявлениями] дарвинизма. Читал Мечникова и кое-что другое.

Х и м и ю практически не знаю, забыл многие реакции, но общие положения и новейшая философия химии мне хорошо известны. Читал Менделеева, Морозова, Рамзая. Интересуюсь радиоактивностью.

Г е о г р а ф и ю знаю прекрасно, в особенности промышленную жизнь мира и сравнительную географию. Свободно чувствую себя в области экономической политики, знаком с ее историей и зародышами будущих форм. Все это, разумеется, не из учебников. Очень интересуюсь Австралией и Новой Зеландией.

И с т о р и я — мой любимый предмет. Почти на память знаю Ключевского и Покровского. Несколько раз прочитывал Соловьева. Хорошо знаком с монографиями Костомарова и Павлова-Сильванского. Нерусскую историю знаю по трудам Виппера, Аландского, Петрушевского, Кареева. Вообще

говоря, вся литература по истории, имеющаяся на русском языке, мне известна. Специально интересуюсь феодализмом во всех его исторических и социологических проявлениях. Прекрасно знаком с эпохой Великой французской революции. Гомеровскую Грецию знаю после штудирования Илиады и Одиссеи.

По социологии и кроме социологических этюдов указанных исторических писателей знаком со специальными трудами Спенсера, М. Ковалевского и Денграфа, а также с Ф-де Куланжем и де Роберти. Из социологии лучше всего известны исследования о происхождении религии, о феодализме.

В области политической экономии и истории социализма штудировал Туган-Барановского и Железнова. Маркса читал отдельные сочинения, но «Капитал» не читал, кроме как в изложении. Знаком хорошо с трудами Михайловского, Лафарга, Маслова, Ленина...

Логикую знаю очень хорошо по Челпанову, Минто и Троицкому.

Читал все, что имеется на русском языке, по психологии. В колонии сам организовал кабинет психологических наблюдений и эксперимента, но глубоко убежден в том, что науку психологию нужно создавать сначала.

Самым ценным, что было до сих пор сделано в психологии, считаю работы Петражицкого. Читал многие его сочинения, но «Очерки теории права» не удалось прочесть.

Индивидуальную психологию считаю не существующей — в этом больше всего убедила меня судьба нашего Лазурского. Независимо от вышеизложенного, люблю психологию, считаю, что ей принадлежит будущее.

С философией знаком очень несистематично. Читал Локка, «Критику чистого разума» [Канта], Шопенгауэра, Штирнера, Ницше и Бергсона. Из русских очень добросовестно изучил Соловьева. О Гегеле знаю по изложениям.

Люблю изящную литературу. Больше всего почитаю Шекспира, Пушкина, Достоевского, Гамсуна. Чувствую огромную силу Толстого, но не люблю, терпеть не могу Диккенса. Из новейшей литературы знаю и понимаю Горького и Ал. Н. Толстого. В области литературных образов много приходилось думать, и поэтому мне удалось самостоятельно установить их оценку и произвести сопоставление. В Полтаве пришлось довольно удачно поработать над составлением вопросника к отдельным произведениям литературы. Я думаю, что обладаю способностями (небольшими) литературного критика.

О своей специальной области — педагогике много читал и много думал. В Учительском институте золотую медаль получил за большое сочинение «Кризис современной педагогики», над которым работал 6 месяцев.

Основными проблемами педагогической науки считаю:

1. Создание научного метода педагогического исследования. В настоящее время считается азбукой, что объектом педагогического исследования является ребенок. Мне это кажется неверным. Объектом исследования со стороны научной педагогики должен считаться педагогический факт (явление).

2. Усиление внимания к детскому коллективу как к органическому целому, для этого необходима перестройка всей психологии школьного работника.

3. Полное отрешение от мысли, что для хорошей школы нужны прежде всего хорошие методы в стенах класса. Для хорошей школы прежде всего нужна научно организованная система всех влияний.

4. Психология должна сделаться не основанием педагогики, а продолжением ее в процессе реализации педагогического закона.

5. Русская трудовая школа должна совершенно заново перестроиться, так как в настоящее время она по идее буржуазна. Основанием русской школы должна сделаться не труд-работа, а труд-забота. Только организация школы как хозяйства сделает ее социалистической.

А. С. Макаренко

Понятие дисциплины в общей системе воспитания

1. Важность вопроса о дисциплине:

а) как наиболее близкого к практике;

б) как наименее обособленного, локализованного.

2. Совпадение в некоторых местах с понятием воспитания.

3. Разделение: воспитание физической природы, воспитание духовной — психической природы, воспитание социальной природы.

4. Последний отдел покрывается вполне тем отделом воспитания, который мы называем дисциплиной.

5. Дисциплина как признак организованного общества. Величина дисциплины прямо пропорциональна организованности.

6. Поэтому дисциплина есть прежде всего воспитание гражданина.

7. Важность дисциплины для воспитания психической и физической стороны личности.

8. Что же такое дисциплина?

9. Прежде всего, это результат процесса: «Точное ощущение своего положения в среде». Или «Наиболее нормальное отношение личности и общества». «Разумное подчинение общепризнанному порядку». Вообще же: «Дисциплина — это действие сдерживающих начал в действии личности». В этом понимании нет разногласий.

10. Во-вторых, это процесс. Дисциплина — это совокупность средств, при помощи которых мы стремимся к дисциплинированию личности в обществе.

11. Во втором случае мы имеем чисто педагогическую проблему и только ею могли бы интересоваться.

12. Но такому ясному пониманию вопроса препятствует:

а) неправильное понимание дисциплинированности как исключительно негативного явления. Между тем ясно, что если мы имеем усиленную работу, то [дисциплина] — это сдерживание лени.

13. Допускается: возможно, что личность будет правильно действовать исключительно в силу положительных побуждений. Это абсурд. Положительные (похвальные) импульсы воспитываются не только дисциплинированием, но их положительность не выходит за пределы побуждения. Как только начинается действие, требуется его порядок и завершение, постоянство, хладнокровие и стойкость. Без этого условия остаются только добрые намерения.

Но дисциплина важна и для воспитания импульсов, поскольку они слагаются в результате опыта и поскольку опыт организуется в дисциплине.

б) Дисциплина часто противопоставляется свободе. Это дико. Свобода не воля. Воля — это уединенная возможность всякого действия. Воля — понятие, противоположное неволе, плену, связанности. Свобода — это социальный институт, это не уединенная позиция в небесах, а часть блага общего. Если я имею свободу, то имеет ее и мой сосед. Иначе говоря, она не результат моего уединения, а именно результат общественного договора. Свободу нужно противопоставлять произволу. Дисциплина в обществе, направленная к ограничению произвола, ставит меня в точное отношение ко всем элементам общества и тем самым позволяет мне точно учитывать обстановку и точно выбирать действие. Воля — это ваш бег в пустом пространстве. Свобода — это ваше спокойное движение по Тверской или Невскому, когда вы уверены, что трамвай идет по рельсам, автомобили и рысаки держат правую сторону, а семиэтажные дома выстроены под наблюдением строительных законов и не обрушатся на вашу голову.

Прав Норман Мак Мен: «Свободный ребенок улицы связан больше, нежели дисциплинированный мальчик»¹.

14. Наконец нужно отметить значение коллективной, массовой дисциплины. Работа, управление собой, своим отдыхом.

О воспитании

[Воспитание] должно направляться одной системой законов, подобных естественным законам. И если в руках человека приложение этих законов принимает формы разнообразных комбинаций, то единство принципиального подхода от этого не проигрывает, как не проигрывает единство биологических законов оттого, что способы передвижения птицы и каракатицы различны.

Воспитание хороших детей и воспитание правонарушителей не может направляться обособленными группами принципов. Принципы воспитания, если они отражают правильно равновесие законов влияния и социальных требований и задачи эпохи, могут быть только частью единого педагогического кодекса. И, разумеется, поэтому не может быть удовлетворительно решен [вопрос] о дисциплине в колонии, если он не решен вообще.

При этом мне представляется необходимым совершенно оставить арену весьма добродетельных и похвальных упражнений в балансировании прекрасными идеями, якобы освещающими кому-то дорогу. Меня всегда удивляло ни на чем не основанное чванство иных педагогов...

Скажите, пожалуйста, разве это не знакомая всем картина, когда человек в брюках навыпуск и манжетах лезет под руку работающему в огороде мальчику со своими разглагольствованиями о каких-нибудь тычинках и пестиках?

И разве не блещут слезы умиления у этого самого человека в манжетах?

А если мальчик любит пафос работы, разве у него нет желания треснуть этого умиленного нахала лопатой по голове, чтобы не мешал? И скажите по совести, разве не приходило вам в голову, что только подлизы стараются показать умиленному человеку, как страшно они заинтересованы тычинками и пестиками?

Прекрасные прогрессивные педагогические идеи сплошь и рядом прикрывали полную научную пустоту, кое-как замещаемую совершенно домашними и совершенно дикими средствами. И в последнем итоге тон давался вовсе не школой, а семьей, улицей, переменной между уроками, вообще теми минутами, когда нет возле нас педагога.

Хаотическая машина социального целого миллионами тяжей втягивала в себя наше юношество, и вместе с ним трепался на каком-нибудь конце украшенный идеями педагог, далеко отбрасываемый на поворотах. И если все-таки что-то получалось из наших детей, то только потому, что вообще из ребенка что-то должно получиться, и потому, что вообще в жизни больше хорошего, чем плохого.

Пример: возьмите самую новейшую и очень интересную книжку московской работницы Н. И. Поповой «Школа жизни»¹. Человек довольно скромно и честно рассказывает об организации работы в классе, видно, что в школе Поповой много отдано мысли и сил, что-то большое сделано, что-то кажется близким. И вдруг на последней странице: «Далеко не разрешены еще и требуют упорной работы вопросы воспитательные».

Отчетная ведомость Полтавской трудовой колонии для дефективных детей им. М. Горького за ноябрь 1922 г.

...Б. Группа правонарушителей. Год основания 3-й.

Полтавская трудовая колония для дефективных детей им. М. Горького.

I. Состав детей.

Числилось к 1 ноября 1922 г. — 72. В течение месяца выбыло — нет. Поступило вновь — 7.

На 1 декабря 1922 г. состоит — 79, мальчиков — 70, девочек — 9.

Возраст: до 7 лет — 1, от 7 до 14 лет — 24, свыше 14 лет — 55.

Семейное положение: имеющие обоих родителей — 7, полусироты — 12, круглые сироты — 60.

По поступкам, послужившим основанием для помещения в учреждение: воровство — 38, бродяжничество — 34, убийство — 2, бандитизм — 5...

II. Состав персонала.

Всего — 33, педагогический — 11, медицинский — 1, учебно-ремесленный — 6, технический — 15.

Педагогический персонал

Пол: мужчин — 5, женщин — 6.

Возраст: до 20 лет — нет, от 20 до 30 лет — 2, от 30 до 40 лет — 6, свыше 40 лет — 3.

Семейное положение: холост — 4, женат — 7.

Стаж: общий педагогический — 11, специальный педагогический: до 3 лет — 11, от 3 до 5 лет — нет, от 5 до 10 лет — нет, свыше 10 лет — нет.

Ценз¹: общий педагогический — 10, специальный педагогический — 1, общий: низшее — 9, среднее — 9, высшее — 2.

Количество помещений...²

Размеры в квадратных саженях и десятинах:

	I колония ³	II колония
Жилые помещения	166 ² / ₃ кв. с[ажени]	104 кв. с[ажени]
Двор	2 дес[ятины]	13 дес[ятин]

Сад и парк	—	6
Огород	3	2
Поливные угодья	12	40

Педагогическая работа⁴

Школьные занятия, образовательные беседы. Школьные занятия ведутся по программе трудовой школы пятью группами — в первых четырех — на украинском языке, в последней — на русском. В украинских группах преподается русский язык, в 5-й [русской] — украинский. Образовательные беседы и чтения ведутся отдельно по вечерам.

Игры, фребелевские занятия. В праздничные и воскресные дни, свободные от работ, происходят днем игры на открытом воздухе, по вечерам — в дортуарах⁵.

Самообслуживание. Все работы в колониях — обыденные и по хозяйству ведутся абсолютно без наемного труда.

Работы в саду, огороде и в поле. Окончена заготовка продуктов на зиму, вспахано 15 десятин под пар, вывезена часть навоза.

Ручной труд и работа в мастерских. Правильная постановка в кузнечной мастерской, обслуживающей нужды колонии и исполняющей частные заказы. В сапожной изготавливается обувь для воспитанников, принимаются и частные заказы. В столярной временно отсутствует инструктор, работают одни воспитанники, обслуживают нужды колонии. В корзиночной окончена чистка прута и началось плетение корзин.

Эстетическое воспитание. Кроме рисования и пения, входящих в круг школьных занятий, обращено усиленное внимание на сценическое искусство. Ставятся шарады и спектакли, в последнее время и платные.

Физическое воспитание. Военная гимнастика и военный строй.

Экскурсии — нет.

Праздники. Торжественно отпразднована 5-я годовщина Октябрьской революции. В колонии парад, торжественный обед, спектакли и доклады. В городе в военном строе [принимали] участие в манифестациях.

Воспитание соц[иальных] привычек. Товарищеский суд, участие в хозяйственном совете.

Предполагаемая работа на будущий месяц. Постоянная постановка платных спектаклей в помещении соседней школы «Хрулево». Вывозка на поля и огороды навоза и, главным образом, заготовка топлива в соседнем лесу. Окончание ремонта в части здания II колонии и переселение туда 26 воспитанников.

Опросный лист Полтавской трудовой колонии им. М. Горького

1. Наименование учреждения. Полтавская трудовая колония им. М. Горького.

2. Адрес. Полтава, до востребования, заведующему колонии им. М. Горького.

3. На сколько детей дом устроен. При полном оборудовании колония рассчитана на 120 детей.

4. На какие средства содержится. НКП¹.

5. Общее количество детей в настоящее время:

Мальчиков	— 61
Девочек	— 9
Всего	— 70

6. Распределение дня (по солнцу):

Утреннее вставание	7 часов
Завтрак	7 ¹ / ₂ часа

Начало занятий в классах	8 часов
Конец занятий	11 »
Обед	12 »
Начало работы в мастерских	13 »
Конец работы в мастерских	14 »
Ужин	17 »
Спать	21 »

Примечание. Приведенное расписание — зимнее. Летом встают раньше и иногда рабочий день оканчивается только к вечеру. Для игр обыкновенно отводится время после ужина.

7. Школа. Постоянных школьных групп нет. Еженедельно в совете воспитателей обсуждается проект комплексных тем на неделю вперед и назначаются группы воспитанников и воспитателей для разработки этих тем. Содержание комплексной темы включает в себе обыкновенно разработку вопроса, поднятого воспитанниками на одной из анкетных бесед, и сопровождается работами по математическому, языковому и графическому изображениям.

8. Питание детей. Пища дается 3 раза в день: в 7 ¹/₂, 12 и 6 часов. В настоящее время отпускается на каждого колониста по 2 ф. хлеба и ф. крупы, 8 золотников масла, 4 золотника соли, 1 ¹/₂ золотника сахара, иногда выдается мясо. Из собственного хозяйства колония имеет вдоволь капусты, бураков, картофеля, молока (за исключением времени перед отелом коров), к летним работам колония запасает свиное сало, к зиме — птицу: гусей, уток, к праздникам — иногда барана.

9. Одежда детей. До сих пор всегда испытывали нужду в одежде. Нормально колонии нужно иметь по 2 рабочих и 1 праздничному костюму. Иногда такой нормы удается достигнуть, но плохое качество одежды, а также то обстоятельство, что выпускаемым колония дает лучшую одежду, а получает воспитанников исключительно босых и раздетых, всегда выбивает нас из нормы. Особенно рвется и портится одежда на работах в лесу (колония до сих пор сама себе заготавливает дрова в общем около 20 000 пудов в год), а также на полке и во время жатвы. Колонисты поэтому всегда имеют вид оборванный, за исключением праздничных дней. Белья сравнительно достаточно — 3 смены, меняется белье раз в неделю.

10. С обувью дело обстоит гораздо хуже: ботинки даются из очень плохого материала, в условиях работы колонии они изнашиваются иногда в несколько дней. Только работа собственной сапожной мастерской помогает кое-как справляться с нуждой, но все же около 20% детей босы.

11. Купание детей совершается еженедельно в бане колонии.

12. Врачебный осмотр. Один из воспитателей колонии имеет звание фельдшера. [Своего] врача нет, два раза в месяц приезжает врач из волости.

В случае тяжелых заболеваний дети лечатся в колонии, при эпидемии отправляются в городские больницы.

13. Воспитательные меры. Общая система воспитательной работы колонии построена на началах строгой организованности внутриколонийских отношений и работы. Внешние формы организации исходят из необходимости точного требования и точного исполнения, точного и открытого учета и отчета и не допускающей исключений дисциплины. Нарушение

дисциплины и законов колонии подлежит ведению суда товарищей, имеющего возможность налагать наказания, заключающиеся обыкновенно в наложении тех или других ограничений, естественным образом вытекающих из характера проступка.

Вся история колонии есть история борьбы за существование. Колония богатеет очень медленно, так как (может быть, и к лучшему)...² вследствие этого прививание внешних культурных привычек, особенно таких, как чистка зубов, задерживается. Колония еще не в состоянии обеспечить колонистам чистую смену одежды после работы.

Колония живет настолько тесной общиной, что в организации специальных общественных форм надобности не встречается. Колонисты организованы в отряды, представляющие основную базу для работы и самоуправления.

14. Персонал. В настоящее время имеется:

Воспитателей	11
Инструкторов мастерских	5
Инструкторов общего хозяйства	1
Инструкторов с[ельского] х[озяйства]	2
Фельдшер	1
Технического персонала	16

Органическое строение персонала (штатов) не совсем правильное, это происходит исключительно от того, что колония располагается в двух имениях, отстоящих одно от другого на 2 версты. Вследствие этого приходится иметь 11 воспитателей, между тем, если бы дети были в одном месте, можно было бы ограничиться 8. Точно так же указанное обстоятельство вызывает увеличение инструкторского и технического персонала. Выходом из этого убыточного положения является единственно окончание ремонта II колонии, что позволит увеличить число воспитанников почти вдвое, не увеличивая сколько-нибудь заметно состав персонала....

Во всяком случае, принимая во внимание, что вопрос о переводе колонии в более приспособленное имение даже не поднимался, полагаю, что на 120 детей при существующих условиях нужно иметь:

Воспитателей	14
Инструкторов	10
Фельдшеров	1
Технического персонала	19
Всего	44

Заведующий колонией *А. Макаренко*

Колония им. М. Горького

Трудовая колония для малолетних правонарушителей расположена в 8 верстах от города, по большой Харьковской дороге, в сосновом лесу. Она уединена от населенных мест — недалеко от нее расположено только два-три хутора. В колонии в настоящее время 80 воспитанников. В 1921 г. колония получила разрушенное крестьянами имение Трепке

в двух верстах от главной усадьбы и производит капитальный ремонт нескольких зданий. Отсутствие средств определило затяжной характер этого ремонта, потребовавшего вообще очень значительного напряжения сил колонии. Тем не менее из сезона в сезон постепенно восстанавливается когда-то культурное имение и вокруг него организуется хозяйство на 40 десятинах. Возле главной усадьбы колония также имеет 12 десятин, но земля здесь песчаная и используется главным образом под огороды. Основная же работа в так называемой I колонии ведется в мастерских — кузнечной, столярной, сапожной и корзиноплетной. Вообще нужно сказать, что полное отсутствие основного капитала и безразличное, а иногда даже недружелюбное отношение к колонии земельных органов делают работу колонии в области хозяйственного процесса невероятно трудной. Колония подвигается вперед исключительно за счет огромного расходования энергии колонистов и воспитателей. Чтобы справиться с требованиями развивающегося хозяйства, не поддерживаемого с самого начала вложенным капиталом (положение абсурдное с экономической точки зрения), колонисты принуждены отказывать себе во многом, и часто наша община прямо задыхается от нужды. Так, летом колонисты не могли даже увеличить дневную пайку хлеба, хотя приходилось работать в поле «от солнца до солнца». Только к августу нам помог крупной рабочком. Зимой колонисты сами заготавливают дрова в лесу, часто без одежды и обуви, почти для десятка зданий. Это чрезмерное самообслуживание, принявшее формы напряженной борьбы за существование, разумеется, очень часто приводит к границам отчаяния, а самое главное, вынуждает сокращать более полезную работу в мастерских.

Но в этой напряженной борьбе, нужно признать, есть и свои хорошие стороны. Воспитательное значение этой коллективной работы огромно. Может быть, только благодаря ей колонии удалось создать крепкую и дружную семью и найти интересные и оригинальные формы внутренней организации. Внутренние скрепы в колонии настолько значительны, что механическое их нарушение почти невозможно. Вот почему уход одного из воспитателей или воспитанников ощущается всеми, как урон, очень заметно.

Благодаря этому перевоспитание детей, главная особенность которых заключается в отсутствии здорового социального опыта, совершается более или менее нормально. К настоящему дню мы уже позволили себе роскошь не иметь наемных кладовщиков. Почти все имущество колонии находится на руках у воспитанников, а также и ключи от кладовых и амбаров. Колонисты же составляют большинство хозяйственного совета¹.

Учебные занятия ведутся по системе комплексных тем, разрабатываемых отдельными группами воспитателей и колонистов.

Колония, без сомнения, подвигается вперед, но это связывается с чересчур напряженным трудом воспитателей, и опасность переутомления их всегда ясно чувствуется.

Главная нужда наша в рабочем скоте. Мы имеем только 3 лошади, из которых одной 30 лет, а другая больна растяжением сухожилий. Для 52 десятин в двух имениях, при почти ежедневных поездках в город, это ноль.

Опыт образовательной работы в Полтавской трудовой колонии им. М. Горького

I

Воспитательский коллектив колонии им. М. Горького самой силой обстоятельств и условий работы колонии был приведен к необходимости коренного реформирования образовательной работы с воспитанниками. Колония собирает почти со всей губернии самый трудный и самый запущенный детский элемент, запущенный одинаково как в воспитательном отношении, так и в области знания. Было бы, впрочем, большой ошибкой думать, что эта запущенность синонимична нравственной или умственной дефективности. Двухлетний опыт работы в колонии саму проблему нравственной дефективности вынуждает рассматривать с некоторым сомнением. Пока что мы можем утверждать только о существовании в жизни большинства детей-колонистов в высшей степени нездорового, в высшей степени «дефективного» социально-нравственного опыта. Но поскольку этот опыт, с одной стороны, объясняет социально нездоровую мотивацию поступка, постольку он же обыкновенно связывается с особенно тонкой чувствительностью именно в области отношений нравственного характера. Внешним выражением этой чувствительности является иногда очень своеобразная, но по своему сильная система логических построений, которая для непривычного человека всегда представляется просто наглостью.

Таким же разнообразием и своеобразием строения отличается и развитие всякого нового колониста. В большинстве случаев прибывающие в колонию дети неграмотны или полуграмотны, почти не умеют считать, даже те, которые занимались спекуляцией, принципиально не признают учения и поэтому знают меньше самого неудачного школьника, если под знанием разуметь только то, что обыкновенно достигается в школе. Но при более близком знакомстве с ними они поражают огромной эрудицией, ибо видели *пол-России*, ездили и в поездах и на пароходах, воевали во всех армиях и на всех фронтах, работали или служили то на фабрике, то в типографии, то в кондитерской, то просто «у одного человека», что, впрочем, большей частью не мешает им быть в глубоком убеждении, что «работа дураков любит» и что «на наш век дураков хватит».

Предложить этому осевшему в колонии детскому народу систематическую программу классной работы, при каком угодно приращении клубного начала, было бы напрасным трудом. Средняя продолжительность пребывания в колонии полтора-два года; за это время колония обязана дать воспитаннику не только грамотность, она должна все богатство его практического опыта, весь огромный запас сил, уже закаленных в жизненной борьбе, претворить в систему ясных представлений о мире и о возможностях в мире. Только в таком случае образовательная колонийская работа не будет отставать от дисциплинирующих требований колонийской организации.

Эти чисто дидактические требования, однако, не являются решаю-

щими в определении форм образовательного процесса. Все-таки основной задачей колонии является преодоление нездорового социально-нравственного опыта прошлого. Это достигается самым незамысловатым путем — путем организации прогрессирующей общины, с точным и открытым требованием, предъявленным к личности, с точной и открытой ответственностью. Несмотря, однако, на всю простоту этого принципа, успешность его проведения зависит от очень многих обстоятельств.

Жизнь колонии уже в течение двух лет представляет непрерывающуюся напряженную борьбу за лучшее существование. По нашему мнению, такой должна быть жизнь всякого детского учреждения. Только в такой борьбе закаляется рабочая дисциплина и выковывается гордость трудящегося. Но параллельно с этой борьбой всегда должна происходить другая — борьба с неполным сознанием, с неточным представлением о своем собственном труде. Без этого самое начало борьбы может обратиться в желудочное урчание, в погоню только за ближайшим удовлетворением.

Параллелизм¹ работы и знания как требование определяет содержание образовательной работы; внешним образом этот параллелизм может быть выражен только в соотношениях труда и интереса детей. То, что не выражено в детском интересе, очевидно, не будет параллельно его жизни, его труду. В каких бы сладких формах мы ни предложили его ребенку, эта сладость будет только в представлении учителя, в его удовлетворенности по случаю «удачно» проведенного урока.

Идя навстречу детскому интересу и считаясь с логикой его жизни до колонии и в колонии, мы оказываемся как раз на путях новейшей педагогики.

Это последнее обстоятельство позволило колонии со спокойной совестью отбросить решительно все, что еще тащилось за нами от старой школы. Мы отказались от постоянной программы, от так называемых учебных планов, разделения на предметы, расписания, учебников, задачников. Отказались мы и от самого главного несчастья нашей школы — от измерения труда учителя часами и минутами.

Но мы не отказались от дисциплины, от строгого порядка в работе, от уважения к книге, а самое главное — мы не отказались от постоянного напряженного внимания к тому, что мы делаем, и к тому, что нас ожидает впереди.

II

У нас нет триместров². Вот начало марта. Мы еще деятельно работаем за столами, но ранняя весна уже отрывает от них то ту, то другую группу: надо спешить с очисткой зерна, надо подвозить навоз и землю к парникам. Мы уже знаем, что в один прекрасный день инструктор потребует всех кузнецов к плугам, к сеялкам, к боронам, а на другой день огородник заявит, что если у него в этот день на парниках не будет десятка хлопцев, то он отказывается от службы и вообще не отвечает за свои поступки.

Такая аргументация действует охлаждающим образом на самых убежденных сторонников продолжения занятий «до понедельника». Кое-

кто из книжников поворчит, но через час уже и он шагает босиком, чтобы не портить ботинки, по холодным глыбам поднимаемого поля. Окончится первая весенняя горячка, и мы, хотя по частям, опять сидим за столами или что-нибудь измеряем на свежем воздухе.

Содержание образовательной работы определяется детским интересом³. В условиях жизни тесной колонийской семьи, собственно говоря, можно было бы и не прибегать к искусственным способам проявления этого интереса. Воспитатели и колонисты всегда вместе, больше того, нам редко случается видеть постороннего человека. Поэтому интерес всегда на виду и, если угодно, на «учете». В дежурном журнале ежедневно отмечаются «злоба дня» и темы интересных разговоров. Но у нас есть и натуры замкнутые, неохотно открывающие область своего интереса, есть и такие, что целый день балагурят о пустяках, а внутри скрывают ненасытную жажду знания. Поэтому время от времени мы предлагаем всем воспитанникам анкету, заключающую в себе только один вопрос: «О чем я хочу узнать в ближайшее время?»

Колонисты очень охотно и не стесняясь отвечают на вопрос анкеты:

«Я хочу узнать, как живет слон».

«Про политику РСФСР».

«Как нужно вести правильную жизнь».

«Про сельское хозяйство».

Совет воспитателей, разумеется, не слепо следует за вопросами анкеты, придавая все-таки первенствующее значение явно для всех присутствующих «злобам дня».

Данные анкеты и дежурных отчетов обсуждаются в совете воспитателей еженедельно, и, в зависимости от преобладания того или другого интереса, назначаются к разработке темы образовательных работ. На следующем заседании совета представленные конспекты разработок по темам рассматриваются, утверждаются наиболее удачные и назначаются группы воспитателей и воспитанников для проведения их в жизнь.

Каждая тема представляет раскрытие содержания более или менее ограниченного вопроса. При этом мы не гоняемся за строгой принадлежностью этого вопроса к той или другой области знания. Так, тема «Письмо⁴ и книга» включила и условные сигналы дикарей, и египетские иероглифы, и жизнь Гуттенберга и Федорова, и работу типографии, и стоимость печатания газеты.

Независимо от этого каждая тема в процессе разработки делится на две части: пассивную (по логическому подходу) и активную. В первой части раскрывается содержание вопроса при помощи докладов, бесед, экскурсий, чтения. Вторая часть преследует задачи выражения тех мыслей и чувств, которые возникли в процессе работы, и педагогической целью ставит воспитание навыков выражения в трех его главных формах: числовой, словесной и художественной (вообще графической).

III

Каждая группа (обыкновенно 1—2 воспитателя и 10—20 воспитанников) получает два-три дня на подготовку докладов. К сожалению,

огромная нагрузка воспитателей не позволяет часто пользоваться участием второго воспитателя, кроме ведущего тему; вообще же, как показал опыт, участие ассистента делает разработку вопроса в его предварительной стадии гораздо более успешной и занимательной. Правда, никогда не бывает недостатка в добровольных ассистентах, так как из-за отсутствия помещений предварительная докладная работа совершается на квартирах у воспитателей.

Стадия предварительной работы, лишенная условной стеснительности классной парадности, наиболее интересна. Штудирование книг, брошюр, соби́рание сведений у хозяйственной части и у делопроизводителя, иногда у соседей, захватывают широкие колони́йские круги, еще до разработки возбуждают интерес, споры, хозяйственную часть доводят иногда до белого каления.

Проведенная разработка докладывается руководителем в совете воспитателей, когда представляются и рассматриваются все работы. Отчетная работа имеет очень большое значение, так как только она позволяет следить за развитием математических и языковых навыков.

IV

Воспитательный коллектив колонии им. Горького не решается подвести итоги опыта, так как проводит его только четвертый месяц. Логически и научно он для нас совершенно оправдан. Мы не сомневаемся в огромном выигрыше в смысле сечения ⁵ знания и в области создания практических навыков исследования и изображения, не сомневаемся также и в колоссально развивающем значении подобной работы.

Но не подлежит сомнению и другое: при подобных занятиях мы почти не имеем возможности коснуться отвлеченных величин. Мы принуждены обходиться без теории грамматики, алгебры, дробей и т. д. Главная работа совета в настоящее время заключается в поисках путей к разрешению этих неудобств, и мы уверены, что такие пути будут нами найдены. В этом нас убеждает история знания. Человечество не изучало алгебру по Киселеву, тем не менее пришло к познанию ее законов. Таким же естественным путем и у наших воспитанников должен возникнуть, так сказать, алгебраический интерес.

Гораздо большее неудобство заключается в чрезмерных требованиях, которые приведенный метод предъявляет к нашему воспитателю. С одной стороны, приходится проделывать огромную работу подготовки, почти учиться заново, с другой — необходимо ежеминутно подвергать себя критике не только товарищей, но и воспитанников, которые в качестве докладчиков имеют тоже книги в руках. В последнем счете и то и другое прекрасные институты, но первое время они вызывают огромную трату нервной энергии, запасы которой в условиях оторванной от света колонии всегда на исходе.

Недостаток книг, и приборов, и материалов для лабораторных занятий само собой подразумевается.

Но пока что мы духом не падаем.

Для интересующихся предлагаю конспекты наших тем, проработанных в конце зимы.

Тема 1.

«Топливо» (1 день)

1. Беседа.

Для чего нужно топливо. Почему летом не топят. Как измеряется тепло. Температуры: нормальная, комнатная, средняя в июле, средняя в январе, таяния, кипения, плавления (см.: Цингер. Начальная физика, с. 238, 246).

2. Из опытных наблюдений уместны только простые измерения t° . Хорошо измерить t° воздуха утром, днем и вечером хотя бы в течение нескольких дней.

3. Чем люди отапливаются. Дрова. Расход дров в колонии: на одну печь — дневной, годовой. Кубическая сажень. Наша «кубка», полусаженка. Сколько пудов в куб. саж[ени].

4. Покупка дров колонией. Цена полусаженки. Торги. Стоимость отопления.

5.

а) Сочинение «Как мы работаем в лесу».

б) Устный доклад о каменном угле (см.: Новая народная школа II, с. 178).

в) Устный доклад «Как животные спасаются от холода» (см.: Новая народная школа, с. 189).

г) Стихотворение «Мороз-воевода».

д) Сочинение «Как у нас топят печи».

е) Загирня. «Загадки № 1 и 10».

6. Зарисовки: термометр, везут дрова, работа в лесу и др. Запасы топлива в мире. Исчезновение лесов. Значение правильного лесного хозяйства. Угольные копи в Донбассе.

Тема 2.

«Лес зимой» (2 дня)

1. Что происходит с деревом к зиме (доклад воспитанника). Различие между хвойным и лиственным лесом.

Как определить лиственные породы зимой (см.: Полетаева, с. 150—151).

Для ответа на эту тему необходимо [организовать] экскурсию в лиственный лес главным образом для наблюдения, с последующей зарисовкой почек на деревьях.

2. Беседа о состоянии леса зимой.

а) Спит ли дерево или умерло?

б) Запасы пищи внутри растения.

в) Крахмал. О картофельных клубнях. Хорошо произвести добывание крахмала и опыт с окрашиванием йодной настойкой.

г) Где растение собирает крахмал и для чего он нужен.

Пособия: Вагнер. Рассказы о том, как устроены и как живут растения, с. 18—20 и 56—58.

Лучшее — Кайгородов. Дерево, с. 31—33.

Богданов. Беседы о жизни растений, с. 57—63.

3. Жизнь в лесу зимой.

а) Какие птицы и звери.

б) Как прячутся от холода.

в) Чем кормятся.

г) Следы в лесу.

4. Работы в лесу.

5. Воспоминания: когда деревья сбрасывают листья. Когда распускают новые. Сколько дней в году дерево проводит без листьев.

При подсчете обратить внимание на число в месяцах. Сколько недель без листьев и с листьями. (Сколько в году недель.) Сколько месяцев (в дробных выражениях).

Диаграммные изображения сравнительной длительности летнего и зимнего периода...

6. Сочинение на свободную тему в границах затронутых вопросов.

7. Зарисовки: лес зимой, сорока, работа в лесу.

8. Заучивание: «Лес» Кольцова (Вахтеров, с. 139), «Дідок у лісі» Глібова, с. 63, «Білочка», с. 77, Снігур та синичка», с. 93.

Загирня. «Загадки № 18».

Тема 3.

«Заяц и лисица» (2 дня)

1. Доклад воспитанника о зайце (Пименова, с. 155).
2. Беседа.
 - а) Отличие внешнего вида зайца и лисицы.
 - б) Как устраивают жилище заяц, лисица.
 - в) Как ухаживают за молодыми.
 - г) Чем питаются, как едят, как добывают пищу, устройство зубов.
 - д) Грызуны и хищники. Чем отличается кролик от зайца.
 - е) Как спасаются и защищаются.
3. Доклад охотника.
 - а) Как устраивается охота.
 - б) Время охоты.
 - в) Использование шкурок и мяса.
 - г) Цена за шкурку зайца и лисицы.

Этот доклад делается или приглашенным охотником, или воспитанником по собственным впечатлениям, необходимо усиленными сведениями, предварительно добытыми у охотника.

4. Математические занятия.

Сколько приблизительно зайцев живет в нашем лесу (по наблюдениям). Сколько дает заяц детенышей в год. Сколько было бы зайцев через пять (десять) лет, если бы не погибали. (Вывод: хорошо изобразить столбчатой диаграммой или в виде маленькой и большой группы зайцев.)

5. Сколько зайцев нужно убить охотнику в течение сезона, чтобы существовать с семьей в течение года. Собрание данных о стоимости шкурок и убитых зайцев, а также о среднем годовом бюджете семьи (в миллионах), предварительное. Средний бюджет семьи можно установить по жалованью колонийских служащих.

6. Свободное сочинение на любую тему, о зайце и лисице, к примеру: «Как мы поймали лисят», «Как мы выпустили лисят», «Как лиса крадет кур», «Заяц на охоте», «Охота на лисицу» и т. д.

7. Заучивание басен.

Глибов, с. 43, 93, 107, 7, 9.

Вахтеров. Кн. II, с. 63, «Ворона и лисица».

Покровский, с. 159, «Лисица и виноград», «Лев и лисица».

8. Рассказы и сказки (см.: Покровский, с. 123).

9. Зарисовки: заяц, лисица, охота, следы зайца и следы лисицы.

Тема 4.

«Стекло» (1 день)

1. Беседа на тему «Для чего нужно стекло» (окно, лампа, посуда, зеркало, очки, химическая посуда, фотография, ручки, градусник и пр.).

2. Свойство стекла: прозрачность, твердость, хрупкость. Понятие о мягкости и отсутствии хрупкости, как противоположных свойствах (свинец).

Отсутствие и в стекле и в свинце упругости. Где больше упругости? Какое тело наиболее упруго, наиболее хрупко, наиболее твердо?

Различие сортов стекла:

а) по крепости;

б) по прочности.

Достоинства ламповых стекол.

Отчего стекло лопается.

3. Как люди жили и живут без стекла.

а) Шалаши.

б) Курные избы.

в) Слюда, лед, бумага.

г) Дикт^б.

д) Как раньше охранялись магазины и как теперь?

4. Изготовление стекла (доклад воспитанника). «Книга для взрослых» Алчевской, с. 379.

5. Рисование на темы (вопросы § 1 и 3).

6. Сочинения на темы: «Для чего нужно стекло», «Из чего состоит стекло», «Как стеклятся окна», «Как люди жили без стекла».

7. Математические задачи.

Сколько стоит застеклить вторые рамы I и II дортуара.

Для этого предварительно нужно поручить одному из воспитанников узнать, какими листами и по какой цене продается стекло. Решая задачу, нужно иметь в виду, что главной ее целью будет выяснение вопроса о квадр[атных] метрах. При решении задачи придется измерить шибку⁷ окна и учитывать ненужные отрезки. Стоимость работы и замазки во внимание не принимается.

Из отчетной ведомости о состоянии Полтавской трудовой колонии им. М. Горького за апрель 1923 г.

...Школьных занятий не было вследствие интенсивных работ в поле и на огороде.

Напряженная работа по хозяйству не оставляет энергии для игр на открытом воздухе. К тому же стремление к развлечению удовлетворяется рыбной ловлей, начавшимся купанием на реке и катанием на лодке. Комнатные игры, главным образом в шахматы, по-прежнему процветают. Вечеринки с танцами тоже еще не оставлены.

Самообслуживание обычное — полное.

Закончен посев яровых, кроме гречихи и проса. Приступили к работам на паровых полях — начата вспашка. Закончен посев на занятом поле (люпин). Закончена посадка картофеля, кормовых и баштана. Идет высадка ранней рассады. Проводится и заканчивается работа в парниках. Работы в саду почти закончены. Осталось вскапывание небольших участков. Закончены работы на клубничном поле. Произведена посадка молодых деревьев (клена, тополя и акации по дорожкам колонии, сделаны большие клумбы в обеих колониях). Приближается к концу весенняя работа с молодняком. Приплод коров, овец, свиней, птицы. Произведены работы по организации кроличьего садка. В мастерских воспитанники почти не работали (не больше трех-четырёх воспитанников в день).

Военная гимнастика по программе всевобуча.

Празднование 1 Мая.

Два заседания педагогического совета.

Близкое окончание посевной кампании позволяет проектировать небольшую работу образовательного типа. Предполагаем разработать две-три темы:

1. В связи с проверкой посевной площади — работы по съемке планов и вычислении площадей преимущественно с употреблением метрических мер.

2. О сельском хозяйстве как экономическом факторе и законах СССР по землепользованию.

3. Сельское хозяйство Соединенных Штатов (тема поднята воспитанниками).

Мастерские переживают кризис в связи с чрезвычайно низкой оплатой труда мастеров — приходится разрешить мастерским производить частную работу, к тому же отсутствие материалов вообще вынуждает даже в области ремесленного обучения прибегать к частным заказчикам.

Тов. зав. губсоцвосом

...Не может быть и речи даже о сравнении работы воспитателя колонии и учителя любой школы или воспитателя детского дома. Независимо от числа недельных часов нагрузка работы определяется в колонии тесной общинной жизнью колонистов, когда и свободное время воспитателем отдается все равно детям.

Общие игры, прогулки, подготовка к празднику и спектаклям, вечеринки, заседания [товарищеского] суда, совещаний и комиссий и все виды бесед естественным образом привлекают к участию весь наличный состав воспитателей. Характер самой обстановки жизни колонии почти не оставляет возможности [для] личной жизни, потому что отсутствие какого бы то ни было другого общества приводит к тому, что ни о чем другом, кроме колонии, воспитателю и думать не приходится. Как бы это ни было полезно и интересно, но после двух лет такой напряженной траты духовной и физической энергии только на колонию заметны и остро чувствуются признаки огромной нравственной усталости, подчеркнутой и без того большой трудностью в преодолении характера наших воспитанников.

Нужно при этом обратить внимание и на то обстоятельство, что в колонии никогда не бывает каникул и праздников для воспитателя. Напротив, когда каникулы в городе — в коло-

нии самое страдное время, наполненное напряженной физической работой под солнцем и под дождем, а праздник для воспитателя колонии наиболее труден по работе педагогической.

В заключение должен указать на совершенно опустошительное для воспитательского бюджета — расходы на платье: у нас не чистая работа в классе, а в течение круглого года связанная с порчей костюма работа в лесу, поле, огороде.

Все эти обстоятельства даже при полной оплате труда делают службу в колонии, собственно говоря, всегда непривлекательной, и только для такого состава, создавшего колонию, материальная невыгодность и тяжесть работы искупаются нравственным удовлетворением. Тем более по отношению к ним невозможно допустить оплату труда более низкую, чем в нормальной школе.

Будучи серьезно обеспокоен сохранением нынешнего воспитательского состава колонии, уход которого будет совершенно незаменимой потерей, я обращаюсь в губсоцвос с просьбой изыскать способы для уплаты задолженности колонии в самое ближайшее время...

Зав. колонией *А. Макаренко*

Доклад о состоянии Полтавской трудовой колонии им. Горького

Колония существует два с половиной года, все время под руководством одного воспитательского коллектива: во всяком случае, 5 лиц этого коллектива присутствуют в нем с самого начала. Напряженная работа в течение двух с половиной лет к настоящему дню значительно утомила воспитателей, и в смысле организационном у меня нет сейчас более острой заботы, чем забота о ликвидации этой утомленности и связанных с нею вредных последствий.

Я в особенности считаю этот вопрос самым важным потому, что только к концу второго года вполне определились значительные воспитательные достижения работы колонии и только старый состав способен как следует учесть это обстоятельство и воспользоваться им для дальнейшей работы. К сожалению, ничтожная оплата труда воспитателей, не окупающая даже расходов на платье, изнашивающееся в условиях физического труда с воспитанниками зимой и летом, и возможность для воспитателей воспользоваться многими приглашениями для перемены службы усиливают опасность ухода воспитателей. Мои представления по этому вопросу в губоно ни разу не только не достигли оказания существенной помощи, но вообще даже не встретили никакого отношения, кроме обычной волокиты. Я точным образом предполагаю, что, если в течение ближайшего месяца ничего не будет сделано в этом направлении, воспитательский коллектив колонии оставит работу и разбежится. Это будет вполне понятно: нельзя работников достаточно квалифицированных нагрузить наиболее тяжелой воспитательной работой, связанной с огромным напряжением, нервным и физическим, отрезавши их на два года с половиной от культурного общества и всех решительно благ, всякого общества вообще, кроме общества воспитанников, лишив на это время каникул и отдыха, в том числе и праздничного, и в то же время выплачивать им только 40% содержания по ставкам робоса¹. Выдерживать это положение можно только в силу преданности делу, но и эта преданность имеет свои границы, во всяком случае, мы не можем строить свои организационные планы только на том, что найдутся самоотверженные люди, которым можно будет и не платить.

За вычетом этого обстоятельства, мешающего правильной работе и, самое главное, нарушающего стройность и надежность перспектив на будущее, в воспитательном отношении к настоящему времени можно признать полный успех в выполнении прямой задачи колонии. Успех этот настолько явный, что я могу, не стесняясь, говорить о нем, не ожидая суждений со стороны.

Я при этом допускаю, что в колонии, особенно в связи с постоянным притоком новых воспитанников и регулярным уходом старых, всегда возможны отдельные печальные случаи. Эти печальные случаи я считаю вытекающими непосредственно из самой задачи колонии, так как нельзя же полагать, что самый факт помещения воспитанника в колонию может сразу привести его в нормальное нравственное состояние, на первых порах его пребывания обязательно должна проявиться инерция прошлого.

Впрочем, нужно сказать, что даже такая инерция становится все реже и реже проявляемой, настолько значительно определяющее влияние сложившейся трудовой общины.

Чисто воспитательные достижения к настоящему времени характеризуются кратко в следующих отношениях:

1. Воспитанники и воспитатели колонии к настоящему дню представляют тесную рабочую семью, проникнутую взаимным уважением и преданностью друг другу, почти без всяких исключений. Только десятка полтора недавно прибывших воспитанников держатся еще выжидательно, но через месяц-другой и они станут настоящими колонистами.

2. В области общинного труда воспитанники колонии являются убежденными хозяевами и прекрасными работниками, сознательно могущими переживать гордое сознание трудящегося и презирать дармоеда.

3. Все больше и больше хозяйство колонии и хранение материальных ценностей переходит в руки воспитанников. Во всяком случае, для воспитательского коллектива уже прошло время, когда нужно было всегда ощущать заботу о замках и запорах. Большинство ключей в настоящее время на руках у воспитанников.

4. В то же время удалось не обратить воспитанников в маленьких стариков. Они всегда веселы и активны, всегда способны шутить и смеяться. Это обстоятельство я считаю особенно важным, так как организация трудовой общины всегда в самой себе должна нести опасность нарушения прекрасного детского радостного фона.

5. Совместное воспитание в колонии девочек и мальчиков до сих пор не имело дурных последствий. Никаких более или менее заметных случаев обострения в области половых отношений не было. Напротив, нужно констатировать несколько печальное пренебрежение мальчиков к девочкам, хотя и не ко всем. Этот вопрос составляет в настоящее время очередную задачу колонии.

6. Наиболее тяжелые формы нравственной запущенности колонии удалось обратить в постепенный и верный процесс образования нормального нравственного опыта.

В области хозяйства положение колонии гораздо хуже: основной причиной этого является то, что колонии не пришлось ни разу попасть на особенную заботу губоно, как некоторым другим учреждениям². Напротив, реально-трудовой характер колонии позволил в губоно чуть не с первых

дней существования колонии говорить о переходе на самокупаемость и, во всяком случае, снабжать ее только в самых необходимых случаях. Между тем трудовой доход колонии, при качестве детского труда и при условии отсутствия инвентаря и вообще капитала, разумеется, не мог ничего принести, кроме постепенного образования первоначального капитала в виде необходимых предметов инвентаря. Лучшим для иллюстрации является тот факт, что со времени основания колонии ею не было получено ни одной кровати, ни одного предмета мебели или обстановки. В течение двух лет никак не мог убедить снабжение губоно, что колонистам нужно иметь по два рабочих и по одному праздничному костюму, только при этом условии возможно наиболее экономное изнашивание платья в условиях постоянного труда. На это всегда один ответ: у нас все получают по два костюма и вы должны получать столько же. Указание на то, что каждый колонист имеет в месяц 25—26 рабочих дней (например, в кузнице), не оказывается ни для кого особенно убедительным.

Вследствие этого обстоятельства нарастание колонийского богатства идет очень медленно и внешняя обстановка жизни колониста остается примитивной. С одной стороны, это хорошо, так как почти все сделано руками колонистов, с другой стороны — все-таки постоянные лишения и голой костюм не могут быть признаны естественными условиями для воспитания.

Главные нужды колонии таковы:

1. Нет инструментов.
2. Нет материалов.
3. Нет соответствующих костюмов и обуви.
4. Нет ничего украшающего жизнь внешним образом.
5. Нет мебели.

В области образовательного процесса колония в прошлом году проводила опыт занятий по отдельным темам, давшим во многих отношениях благоприятные результаты, но судить о его достижениях мы вообще считаем преждевременным и на будущую зиму приготавливаемся к проведению его в более серьезных размерах. К сожалению, у нас нет книг и принадлежностей.

Областному инспектору дефдетучреждений Харьковской области

Педагогический совет Полтавской трудовой колонии для правонарушителей просит Вас ходатайствовать в Главсоцвосе об ассигновании колонии 70 000 рублей на приобретение духового оркестра.

Педагогический совет при этом имеет в виду очень многие воспитательные достижения, связанные с наличием оркестра в детском учреждении. Значительное повышение и более жизнерадостная окраска общего тона жизни колонии могут быть достигнуты при многих других средствах в очень значительной степени при помощи собственного оркестра. Значительному же числу воспитанников будет сообщено знание игры на духовых инструментах просто как средство заработка в будущем.

При недостаточности и тесноте мастерских колонии, которые не в состоянии обслужить 120 воспитанников, оркестр будет большим учебным подспорьем.

Чисто воспитательные достижения в области музыкального развития точно так же не подлежат сомнению.

Педагогический совет при этом выражает желание, чтобы оркестр был подарком Наркомпроса ко дню трехлетия колонии 20 сентября.

Пред[седатель] педсовета А. Макаренко

Областному инспектору учреждений Харьковской области

По проекту штатов для Полтавской трудовой колонии, выработанному в Главсоцвосе, полагаются должности:

Заведующий	1
Помощник заведующего	1
Воспитатели	12
Помощники воспитателей	3
Запасные воспитатели	4
Учителя ремесел	6
Медработник	1
Завхоз	1
Техперсонал	9

Всего 38 лиц, оплата труда которых выражается в 239 тарифных единицах.

Организация Полтавской трудовой колонии, существующей уже более трех лет, эволюционируя в порядке опыта и слагаясь из постепенных опытных приближений к наиболее экономной и полезной системе, к настоящему дню настолько далеко разнится от организации по приведенной выше сетке должностей, что почти не представляется возможным удовлетворительно согласовать эти две формы без существенных изменений в той или другой. Кроме того, индивидуальные условия работы Полтавской колонии, а именно размещение ее в двух имениях, приводит к необходимости [учета] некоторых [моментов], не предусмотренных в проекте штатов.

Основные пункты несогласованности, в общем, таковы:

1. Общее руководство работой колонии, как в области хозяйственной, так и педагогической, сосредоточено в руках заведующего колонией, что вполне согласно с принципиальными положениями организации соцвоса. Это обстоятельство, с одной стороны, требует от заведующего значительного напряжения сил, с другой — делает излишней специальную должность помощника заведующего. В то же время учреждение такой должности означало бы усиление административных функций, освобожденных от педагогических форм работы. Независимо от этого, особенности устройства Полтавской колонии приводят к необходимости иметь в колонии трех заместителей заведующего, исполняющих обычную воспитательную работу. Эти три заместителя следующие:

- 1) заместитель по I колонии, принимающий заведование во время отсутствия зав. колонией;
- 2) заместитель по II колонии, являющийся старшим из воспитателей этой колонии;
- 3) воспитатель, руководящий с/х работой колонии.

То обстоятельство, что означенные три лица при своих индивидуальных обязанностях остаются в то же время воспитателями, делает работу всего коллектива более цельной и единой.

2. По проекту штатов Главсоцвоса общее число воспитательского персонала, считая и заведующего, установлено в 21 лицо. Такое большое число воспитателей не вызывается необходимостью. Обеспечить при таком числе хорошее качество воспитательского персонала совершенно невозможно, наконец, увеличение числа воспитателей уменьшит приближение каждого из них к обществу воспитанников, создаст толпу воспитателей. Колония в настоящее время кроме завкола имеет всего 12 воспитателей, считая и запасных.

Экономия, образующуюся от уменьшения числа воспитателей, необходимо обратить на:

- а) увеличение специального инструкторского персонала;
- б) увеличение окладов инструкторского персонала;
- в) увеличение числа технического персонала, вызываемого размещением колонии в двух имениях;
- г) добавку к жалованью пяти воспитателям, имеющим двухлетний стаж по колонии;

- д) увеличение оклада делопроизводителю, ведущему учет по двум колониям;
 е) оплату дополнительного труда воспитателей по секретарству в педсовете (обязанности по учету воспитанников, по учету педагогической работы, по отчетам воспитательному и образовательному), по руководству библиотекой и по руководству музеем (пособиями, театром);
 ж) оплату труда старшего инструктора (вместо завхоза, объединяющего хозяйственную работу по двум колониям).

В итоге колония просит утвердить следующее распределение 239 тарифных единиц:

Заведующий — 1, ставок — 2	по 14-му разряду	— 12,4 тар. ед.
Ему же за руководство педчастью	$\frac{1}{2}$ ставки по 14-му разряду	— 3,1 « »
5 старших воспитателей	по $1\frac{3}{4}$ ставки по 13-му разряду	— 48 « »
7 младших воспитателей	по $1\frac{1}{2}$ ставки по 13-му разряду	— 58,1 « »
Ст. инструктор	$1\frac{1}{2}$ ставки по 11-му разряду	— 6,9 « »
8 инструкторов	по $1\frac{1}{4}$ — « — 11 — « —	— 5,2 « »
Делопроизводитель	$1\frac{1}{4}$ — « — по 11 — « —	— 5,2 « »
Медработник	$1\frac{1}{2}$ — « — по 13 — « —	— 8,3 « »
5 лиц техперсонала	по 1 ставке по 8-му разряду	— 15,5 « »
8 лиц техперсонала	по 1 — « — 6 — « —	— 20 « »
1 лицо техперсонала	по 1 — « — 1 — « —	— « »
3 заместителя завкола	по $\frac{1}{2}$ ставки по 14-му разряду	— 9,3 « »
Дополнительное вознаграждение трем руководителям педагогического учреждения	по $\frac{1}{4}$ ставки по 13-му разряду	— 4,2 « »
Всего		239 тар. ед.

Согласно означенному распределению, представляются требовательные ведомости на ноябрь, декабрь и январь. К 1 января все должности по колонии заполнены, за исключением должности фельдшера. Колония не имеет отдельного фельдшера, а обязанности его выполняет один из воспитателей, которому поэтому испрашивается $\frac{1}{2}$ ставки по 13-му разряду.

Зав. колонией А. Макаренко

Отчетная ведомость о состоянии Полтавской трудовой колонии им. М. Горького за 1923 г.

...Б. Группа правонарушителей

I. Состав детей

Штатное количество мест	— 120
Числилось к 1/I 1923 г.	— 70
В течение 1923 г. выбыло	— 42
Поступило вновь	— 70
Состоит на 1/I 1924 г.	— 98
Мальчиков	— 89
Девочек	— 9
По возрасту:	
от 7 до 14 лет	— 7
свыше 14 лет	— 91

<i>Семейное положение</i>	
Имеющие обоих родителей	— 13
Полусироты	— 27
Круглые сироты	— 58
<i>По поступкам, послужившим основанием к помещению в учреждение</i>	
Воровство	— 51
Бродяжничество	— 39
Убийство	— 2
Бандитизм ¹	— 6
<i>Характер ...</i>	
Устойчивые	— 86
Раздражительные	— 4
Инертные	— 6
Патологические	— 2
 II. Состав персонала	
Всего	— 35
Педагогический	— 12
Медицинский	— 1
Учебно-ремесленный	— 7
Технический	— 15
<i>Пол и возраст педагогического персонала</i>	
Женщины	— 6
Мужчины	— 6
От 20 до 30 лет	— 4
От 30—40	— 6
Свыше 40	— 2
Холостые	— 9
Женатые	— 9
<i>Стаж</i>	
общий педагогический до 3 лет	— 8
от 3 до 5 лет	— 4
<i>Ценз</i>	
общий педагогический	— 9
средний	— 12 ²

Отчет о состоянии учреждения в 1923 г.

1. *Личный состав воспитанников.* Истекший год колония начала при составе 62 мальчика и 8 девочек, распределенных между колониями так: в I колонии — 51, во II — 19. Предполагалось, что к лету будут капитальные ассигнования на ремонт II колонии, и поэтому проектировалось к осени увеличить число воспитанников II колонии до 70, считая для I колонии предельной нормой 50. Ожидания не оправдались: на ремонт были получены ничтожные суммы, и с большим трудом удалось довести число воспитанников II колонии до 30 к январю 1924 г. Но постоянное требование губкомиссии принять новых воспитанников принудило нарушить норму [и довести численность воспитанников] I колонии до 70 (68 к 1 января 1924 г.). Это создало к осени такую тесноту, что колония не имеет возможности дать каждому воспитаннику кровать, ее негде ставить.

Всего в течение года в колонию прибыло 70 новых воспитанников (68 мальчиков и 2 девочки). Уволено из колонии в течение года 26 (25 мальчиков и 1 девочка). Из этого числа: отправлено на рабфаки — 5, отдано родителям — 12, поступили на командные курсы — 3, нашли самостоятельный заработок — 5, выдана замуж — 1. Убежало из колонии в течение года 15 воспитанников, почти исключительно только что прибывших. Тяжелым был случай побега кладовщика II колонии Гончарова, старого колониста. Его побег окончательно заставил отказаться от использования т. Радивончика³ в качестве зав. II колонией (февраль). Умер

в течение года 1 (от малярии). Изменение качественного состава воспитанников явно сказалось к осени. В конце лета ушли почти все «старрики» набора 20-го и 21-го гг. Массовые присылки (70) почти исключительно состояли из детей, близких к тупоумию, почти сплошь неграмотных и запущенных. В последнем счете все это повело к некоторому огрублению общего тона колонийской общины. Это огрубление удалось ликвидировать при особенном напряжении только к последним дням. В течение осени колония вообще пережила тяжелый кризис, когда, казалось, педагогическому совету не удастся образовать новое ядро. К концу года эта опасность миновала, однако не для II колонии, в которой общее настроение до сих пор оставляет желать лучшего.

2. *Личный состав воспитателей.* Основное ядро старых колонистов из 6 человек за истекший год уменьшилось только на 1 после ухода Л. Н. Никифоровой. Из новых назначений казалось одним из ценных приобретений приглашение И. П. Раковича на должность заведующего II колонией. Его огромная энергия и кипучая натура при условии замечательного честного, искреннего отношения к колонии, однако, не дали того, что обещали, отчасти по причине личных событий, отчасти из-за слабости персонала II колонии. Из числа этого персонала только Весич⁴ достаточно удовлетворителен, остальные слабы, и от работы т. Архангельской и Илляшевич, вероятно, придется отказаться.

Зато в I колонии все три новых лица оказались очень удачны как в отдельности, так и в общей гармонии. Особенно нужно отметить А. П. Сагредо, работника не из первых, но прекрасного по тону и точности. Двое совсем молодых людей, т. Чаплян и Грейер работают весело, скромно и доверчиво, так, как и нужно молодым.

3. *Воспитательный процесс.*

Общее развитие воспитательной системы колонии совершалось по прежнему плану: от авторитарно-требовательного тона к рабочему самоуправлению. В течение 1923 г. многие части хозяйства и административной заботы перешли в руки воспитанников. В августе педагогический совет нашел возможным и самое заведование хозяйством передать воспитаннику. С середины лета начал функционировать совет командиров⁵ в качестве высшего хозяйственного органа. Большое значение приобрели заседания товарищеского суда, окончательно получившего форму кафедры по теории поступков. Нечто совершенно необходимое в колониях, типа нашей.

В других областях жизни колонии продолжалось дальнейшее развитие прежних схем, детализирование и квалификация деталей. Утончилось и стало более удобным сечение общины⁶. Улучшен тон и взаимоотношения. К концу года заметно стало быстрее движение вперед, задержанное качественным понижением детского состава. Вообще истекший год нужно признать наиболее благополучным. Наказания почти забыты в колонии, даже выговоры и замечания стали редкостью. За год почти не было случая воровства в колонии и абсолютно ничего не было взято у соседей. Тон веселый, жизнерадостный, простой. Отношения прекрасные. Рабочее настроение с заметной долей пафоса. К сожалению, во II колонии нет ядра, и там до сих пор все случайно. Но фактически ускорить чем-либо развитие воспитанников II колонии трудно.

4. *Хозяйственная обстановка.*

Все хозяйственные работы были исполнены своевременно, но засуха и, вероятно, ошибки агронома привели к катастрофически малому урожаю яровых, что поставило колонию в очень затруднительное положение в вопросе о корме скота. Колония продолжает настойчиво подвигаться к правильному шестиполью и к культурному животноводству.

Главная нужда колонии — отсутствие капитала. Не с чем развернуться. Даже обменять инвентарь почти нет возможности.

Ремонт II колонии становится вопросом чести. Со всех сторон на развалины посматривают наши конкуренты.

Необходимо во что бы то ни стало получить в аренду мельницу.

Необходимо принять меры к оборудованию колонии. Она никогда не была оборудована...⁷

В отдел материального снабжения

Вследствие предложения № 4463 от 3 марта представляю сведения о некомплекте обмундирования по Полтавской трудовой колонии им. М. Горького.

Вместе с тем должен решительно не согласиться с полезностью централизованного порядка в деле обмундирования на основании следующих соображений:

1. Заготовка обмундирования в центре вырывает у колонии возможность регулировать

нужду в обмундировании, пользуясь в каждый данный момент действительным ее состоянием. Централизованная заготовка была бы полезной только в том случае, если бы она могла сразу создать запасы обмундирования всех видов. Пока же этого не будет, централизованная заготовка, как уже показал опыт, всегда будет сопровождаться излишком одних предметов и недостатком других. Цифровые данные очень быстро теряют свою реальность по многим причинам.

2. При централизованной заготовке колония лишается возможности улучшить обмундирование за счет своих хозяйственных доходов. Так, например, в 1923 г. колония почти ничего не получила на одежду, однако и в этом году она, воспользовавшись урожаем и шкурами убитых животных, пошила колонистам 40 пар сапог (ботфорты), которые необходимы как спец-одежда. При централизованной заготовке колония не имела бы этой возможности: она могла бы нечто добавить в количестве, но не в качестве. Вообще же заготовка в центре меньше всего способна считаться с условиями работы данного детского учреждения. Она будет изготавливать одежду для нормального детского дома, но вовсе не для колонии. Одежда должна быть более добротна, нужны полушубки, ботфорты, фартуки и пр. Четырехлетний опыт колонии в этой области никто не заменит в центре.

3. Заготовка в центре, наконец, просто невыгодна: колония имеет свою сапожную мастерскую и сама силами воспитанников шьет себе одежду. Заготовка в центре не только удорожит одежду, но и лишит мастерские колонии работы, необходимой в учебном отношении.

4. Наибольшие же потери при централизованной заготовке будут как раз не в хозяйственной области, а в воспитательной. Вообще этот вопрос не выходит за пределы педагогической заботы и не может быть решен без педагогического исследования. С одной стороны, напряженная работа и забота детского коллектива в деле планирования покупки, изготовления, носки, с другой — получение готовых вещей из Харькова. Нет никакого сомнения, что второй способ параллелен¹ линии соцвоста.

На основании изложенного ходатайствую о том, чтобы централизованная заготовка не применялась к трудовой колонии им. М. Горького.

Зав. колонией *А. Макаренко*

Областному инспектору Харьковской области

К последнему времени колония им. Горького находит совершенно уместным и полезным в воспитательном отношении значительно сократить штат технического персонала колонии, передавая некоторые хозяйственные функции воспитанникам. Уже к 1 апреля все кладовые колонии, в том числе и бельевая, находятся в руках воспитанников. В ближайшее время предполагается передать воспитанникам должности помзавхоза, старшего конюха и кухарок.

Вследствие такого сокращения штатов предвидится сокращение выдач казны на зарплату.

В то же время всегда было необходимо выдавать старшим воспитанникам, уже подготовленным к выпуску из колонии, небольшие карманные деньги. Они позволят воспитанникам сделать некоторые сбережения перед выходом на самостоятельную работу, а самое главное — приучат их иметь у себя деньги, хотя бы и небольшие. До сего времени часто наблюдалось вредное влияние непривычки воспитанников к собственному бюджету, что определяло в значительной степени неудачу их первых самостоятельных шагов.

Мне кажется, что экономию, образуемую от сокращения штатов колонии, вполне уместно было бы обратить на выдачу карманных денег тем воспитанникам, которые уже находятся на переходе к выпуску из колонии.

Если со стороны Главсоцвоста не встречается принципиальных возражений против карманных денег, прошу не отказать в распоряжении

и указании форм и порядка таковой выдачи с точки зрения использования открываемых колонии кредитов.

Зав. колонией им. Горького в Полтаве *А. Макаренко*

Главному инспектору охраны детства Главсоцвоса НКП СССР

Постепенно увеличивая детский состав, колония им. М. Горького в настоящее время имеет 103 воспитанника. В течение ближайших трех месяцев колония должна получить еще около 100. Нужно, однако, сказать, что все последние присылки состоят исключительно из детей моложе 15 лет. Это обстоятельство и не соответствует положению о колониях, и в корне нарушает организационно-производственный план самой колонии, рассчитанный на детей старше 15 лет. Колония ничего, в принципе, не имеет против присылки младшего возраста, но было бы весьма желательным, чтобы определенно был узаконен возраст колонистов и чтобы органы, присылающие детей, также делали бы это по плану; известному колонии.

Точно так же есть необходимость в более точной локализации детского состава колонии по качеству. К сожалению, колонии совершенно неизвестны основания, по которым дети направляются в колонию, так как при воспитанниках не поступают ни дела, ни характеристики. Вообще же можно сказать, что поступающие в колонию дети не могут быть точно квалифицированы как правонарушители. Скорее это умственно отсталые. Колония считала бы необходимым иметь более определенный состав именно правонарушителей.

Считаю совершенно необходимым представить эти вопросы, назревшие давно, на разрешение Ваше.

Зав. колонией им. М. Горького *А. Макаренко*

Письмо А. П. Сугак

Антонине Павловне Сугак

20 июня 1924 г.

Ввиду происходящего расширения колонии им. М. Горького и увеличения штата воспитателей-учителей позволяю себе в третий раз обратиться к Вам с приглашением принять участие в работе колонии. Я по-прежнему глубоко убежден, что в колонии Ваш опыт как учительницы и Ваши способности и такт воспитателя найдут себе лучшее применение, чем в школе, поскольку трудовая колония должна почитаться более передовым типом детского учреждения и более соответствующим принципам соцвоса. Я убежден также и в том, что в колонии Вы найдете больший простор для столь ценной у Вас инициативы.

Зав. колонией *А. Макаренко*

15 июля 1924 г.

В прошлом году колония командировала на рабфак 6 воспитанников. Это оказало очень серьезное влияние на остальных воспитанников, и тяга к рабфаку стала одним из наилучших явлений в жизни колонии. Педсовет должен был использовать эту тягу, тем более что вообще уход из колонии для воспитанников очень труден из-за отсутствия патронирования.

К осени 1924 г. на рабфак готовились 9 воспитанников. За год ими проделана большая работа. Когда в колонии был тов. Ряппо¹, он в своем выступлении перед воспитанниками отметил, что именно они должны по-полнять рабфаки, и обещал свою поддержку.

Но Полтавский губпрофобр не может предоставить колонистам ни одного места на рабфаках.

Колония обращается в Главсоцвос с просьбой ходатайствовать о командировании на рабфак 9 воспитанников колонии.

Лучше всего было бы командировать в Киевский политехнический институт, где уже имеются наши рабфаковцы.

Зав. колонией *А. Макаренко*

В инспектуру охраны детства НКП УССР

Ознакомившись с проектом устава детской трудовой сельскохозяйственной колонии, считаю необходимым сказать следующее:

1. Вообще говоря, устав не содержит ничего такого, чего б не было во Временном уставе детских учреждений или в государственных законах, исключая некоторые указания о росте ребенка и времени его пребывания в колонии.

Оригинальными параграфами являются только такие: 2, 6, 9, 13, 16, 18. Таким образом, проект устава представляет собой, собственно говоря, систематизированные выписки из различных законоположений, которые сами по себе могут быть полезными для практического пользования.

Иначе и не могло быть, так как Временный устав детских учреждений чрезмерно детализирует план организации детских учреждений соцвоса, к которым относится и колония. По-моему, такая детализация общего устава является даже отрицательным моментом, так как она ограничивает возможности для инициативы и самобытного развития того или иного детского учреждения. Исключительно поэтому во многих учреждениях нашей республики не видно никакого творчества. Я считаю, что в этом деле нам нужно прямо признаться в своем бюрократизме, полученном в наследие от прошлого и нисколько ему не уступающем. Такая статья Временного устава, как, например, 18-я, требует, чтобы вся продажа и обмен имущества детских учреждений производились только с разрешения соответствующего органа Наркомпроса. Наличие такой статьи может привести только к одному из двух последствий: или статья совсем не будет выполняться, или она утопит все хозяйство детской колонии в бесцельной и тяжелой канцелярщине.

Вообще излишняя детализация и регламентация жизни детских учреждений, с одной стороны, очень стесняет ее, до полной остановки в развитии, с другой стороны, убивает ее живые организующие силы бесконечной перепиской и отчетностью.

Со своей стороны позволяю себе высказать такие мысли:

1. В общем для республики уставе необходимо обратить главное внимание на обозначение юридических форм и отношений данного типа детских учреждений. Как раз до настоящего времени было так, что в своей экономической жизни детское учреждение не имело никаких прав и всецело зависело от снабжения. Все это вело к тому, что наше воспитание никогда не было социалистическим, ибо быть социалистическим — это значит прежде всего быть основанным на активном экономичном коллективном труде и творчестве.

В уставе должно быть четко определено:

а) что всякая колония имеет право производства, обмена, строительства и договора. Что касается последнего, то он в каждом случае утверждается ясно обозначенным органом НКП (а не «соответствующим» органом). Производство же, обмен, строительство, купля-продажа должны измеряться только единственным критерием — успехом. Даже распределение кредитов по параграфам и статьям должно производиться самим детским учреждением. В этом случае руководящая работа НКП может иметь единую форму — проезд инспектора на место, его непосредственное вмешательство в экономическую жизнь детского учреждения, его совет, помощь, наблюдение. Общий устав должен дать учреждению юридическую базу для экономической активной воспитывающей жизни...

Организация жизни и труда каждого детского учреждения должна быть предоставлена ему самому. Ряд детских внутренних организаций, взаимоотношений, экономических и юридических форм — вообще вся конституция¹ учреждения должны создаваться им самим. Благодаря этому устав каждого учреждения должен быть своеобразным зеркалом, которое отражает все живые пути данного учреждения. Само собой разумеется, он должен утверждаться инспектурой, но это утверждение будет не бюрократическим, а исключительно педагогическим явлением, которое открывает богатые возможности и для педагогического руководства, и для наблюдения. А сама переписка между инспектурой и учреждениями должна вестись в форме не приказов и рапортов, а дружеской переписки². Это совсем не помешает инспектуре осуществлять свои контрольные и административные функции.

По моему мнению, только такая система устава сделает наше воспитание реально социалистическим и полностью свободным от ненужного бюрократизма. Она оживит работу и оперативных и центральных органов. Причем первые выигрывают в процессе творчества, а вторые — в их педагогической направленности.

Прошу извинить, если мои соображения покажутся парадоксальными.

Зав. колонией *Макаренко*

Список персонала Полтавской трудовой колонии им. М. Горького на 1 сентября 1924 г.

1. Макаренко Антон Семенович. Заведующий колонией. 36 лет. Образование: в 1904 г. окончил городскую по Положению 1872 г. школу, в 1905 г. окончил одногодичные педагогические курсы, в 1914—1917 г. — Полтавский учительский институт. Общий стаж — 19 лет. Стаж по колонии — 4 года. Выполняет работу: заведует колонией, как педагогической, так и хозяйственной частью. Отдельных заведующих этими частями нет. В то же время выполняет всю канцелярскую работу, кроме материально-учетной. В дежурстве участия не принимает, в образовательном процессе принимает участие только организационно и в отдельных лекциях. В товарищеском суде — обвиняет.

2. Поповиченко Василий Иванович¹. Воспитатель, помощник заведующего I колонии. 39 лет. Образование: общеобразовательные курсы с педагогическим отделением. Общий стаж — 20 лет. Стаж по колонии — 3 года 8 мес. Выполняет работу: общевоспитательные обязанности по дежурствам: *главному*, при котором осуществляется руководство работой колонии от зари до ночи; *рабочему*, которое характеризуется участием в физическом труде, и *вечернему* — во время отдыха.

Всего на неделю приходится: главного [дежурства] — 26 часов, рабочего — 10 часов, вечернего — 4 часа. Всего 40 часов.

Образовательной работы, как у всех воспитателей, с 1 октября по 15 апреля по 4—5 часов в день; всего в неделю, за исключением дежурных часов, 18 часов. Всего зарегистрированной работы 58 часов.

Нерегистрированная работа у т. Поповиченко как воспитателя: участие в суде, в общих собраниях, в ремонтной комиссии, характеристики.

По должности пом[ощника] завколонией — замещает заведующего колонией в той и другой колонии, а сверх этого самостоятельно ведет контроль и учет продуктов материальной части. Эта работа, как показал опыт, требует много времени.

3. Григорович Елизавета Федоровна². Воспитатель, секретарь педсовета. 44 года. Образование: окончила епархиальную школу, фельдшерскую 4-летнюю школу, 2 курса медфакультета; Киевский фребелевский педагогический институт. Общий стаж — 13 лет. Стаж по колонии — 4 года. Выполняет работу: обязанности воспитательные и образовательные — см. № 2.

Как секретарь педсовета ведет протоколы, руководит учетом воспитанников и их характеристик. Ведет учет образовательной и плановой работы по составлению программ.

Принимает участие в товарищеском суде, в собраниях, в организации выставок, праздников.

4. Поповиченко Надежда Тимофеевна³. Воспитатель. 29 лет. Образование: женская гимназия. Общий стаж — 9 лет. Стаж по колонии — 3 года 8 мес. Выполняет работу: см. № 2. Руководит библиотекой.

5. Архангельская Зинаида Петровна. Воспитатель. 40 лет. Образование: женская гимназия. Общий стаж — 20 лет. Стаж по колонии — 2 года 8 мес. Работа: см. № 2.

6. Сагредо Любовь Петровна. Воспитатель. 39 лет. Образование: женская гимназия. Стаж общий — 15 лет. Стаж по колонии — 2 года 1 мес. Работа: см. № 2. Кроме того, руководит всеми делами, которые объединяются вокруг музея, клуба и т. д.

7. Весич Владимир Алекс. Воспитатель. 36 лет. Образование среднее. Общий стаж — 12 лет. Стаж по колонии — 1 год 2 мес. Работа: см. № 2.

8. Ракович Иван Петрович. Воспитатель. Старший воспитатель II колонии. 29 лет. Образование: мужская гимназия. Общий стаж — 2 года. Стаж по колонии — 2 года. Работа: см. № 2. Как старший воспитатель II колонии несет все обязанности по руководству согласно указаний завколонией и педсовета.

9. Чаплян Николай Дмитриевич⁴. Воспитатель. 24 года. Образование: Пензенская художественная школа. Общий стаж — 1 год. Стаж по колонии — 1 год. Работа: см. № 2. Как художник в образовательной работе руководит во всех группах работой детей по искусству.

10. Грейер Лидия Владимировна. Воспитатель. 23 года. Образование: женская гимназия. Общий стаж — 9 мес. Стаж по колонии — 9 мес. Работа: см. № 2.

11. Фере Николай Эдуардович⁵. Воспитатель. 27 лет. Образование: Полтавская гимназия и Киевский политехнический институт (окончил). Общий стаж — 7 мес. Стаж по колонии — 7 мес. Дежурств не имеет. Как агроном по образованию, руководит всей сельскохозяйственной работой колонии. Зимой в образовательном процессе ведет всю учебную работу по теории сельского хозяйства во всех группах.

12. Вакансия — воспитатель.

13. Вакансия — воспитатель.

Инструкторский персонал

1. Богданович Семен Лукич⁶. Инструктор кузницы. 38 лет. Образование начальное. Общий стаж — 2 года 3 мес. Стаж по колонии — 2 года 3 мес.

Руководит учебно-промысловой работой кузнечной мастерской.

2. Николаенко Михаил Павлович⁷. 29 лет. Старший инструктор. Образование начальное. Общий стаж — 3 года 6 мес. Стаж по колонии — 3 года 6 мес. Объединяет работу всех мастерских и все области хозяйства, какие находятся в распоряжении мальчиков. Вместе с ними представляет колонию в хозяйственных делах.

3. Тапуць Бронислав Март. Инструктор садоводства и огородничества. 45 лет. Образование начальное. Общий стаж — 3 года 6 мес. Стаж по колонии — 3 года 6 мес. Руководит делами и работой в саду и огороде. В то же время является помощником агронома и завхоза во II колонии.

4. Кононенко Захар Янович. Инструктор швейной мастерской. 35 лет. Образование начальное. Общий стаж — 2 года 3 мес. Стаж по колонии — 2 года 3 мес. Руководит учебной и промысловой работой швейной мастерской.

5. Дикань Иван Митрофанович. Инструктор столярной мастерской. 28 лет. Образование начальное. Общий стаж — 1 год 8 мес. Стаж по колонии — 1 год 8 мес. То же по столярной мастерской.

6. Козырь Антип Антипович⁸. Инструктор колесной мастерской. 48 лет. Неграмотный. Общий стаж — 8 мес. Стаж по колонии — 8 мес. То же по колесной мастерской.

7. Задорожный Емельян Григорьевич. Инструктор корзиночной мастерской. 43 года. Образование начальное. Общий стаж — 4 мес. Стаж по колонии — 4 мес. То же по корзиночной мастерской.

8. Ракович Ольга Петровна⁹. Агент-инструктор. 20 лет. Образование: женская гимназия. Общий стаж — 1 год 7 мес. Стаж по колонии — 1 год 7 мес. Представляет колонию в Полтаве во всех учреждениях. Руководит всей работой мальчиков, командированных в город...¹⁰

Всего педагогического персонала: муж.— 7, жен.— 6, всего 13.

Инструкторского	7	1	8
Технического	6	8	14
Медицинского	—	1	1

Всего мужчин — 20, женщин — 16, всего — 36.

Зав. кол[онией] А. Макаренко

Тезисы содоклада на Всеукраинском совещании комиссий по делам несовершеннолетних правонарушителей

1. Посылка несовершеннолетнего в трудовую колонию должна сделаться главной мерой комиссий¹, поскольку вообще ставится вопрос о перевоспитании, а не только изоляции. Возвращение несовершеннолетнего в семью есть мера педагогически нейтральная, патронат² же может иметь значение только в том случае, если мотив правонарушения только нужда. Артели для подростков имеют много недостатков, если члены артели не прошли предварительного опыта трудового коллектива.

2. От идеальной организации трудовой колонии мы еще далеки. Однако для улучшения постановки колонии требуется не так много. Самое главное, что необходимо сейчас, — отказ от ремесленно-соцвосовского характера хозяйства. Колонии должны быть развернуты в солидные хозяйства с таким расчетом, чтобы колония могла организовать по своей периферии сельскохозяйственные коммуны из выпускников или включать их в хозяйство в качестве рабочего или административного персонала.

3. При указанных условиях прежде всего будут достигаться именно воспитательные цели, а не цели хозяйственные. В частности, здесь идет речь о еще очень мало исследованной области влияния сложной и широкой

коллективной организации на члена коллектива. Но что это влияние положительно, уже можно утверждать.

4. Режим трудовой колонии должен находить свои формы исключительно в логике хозяйствования. Все, что вытекает из этой логики (строгая дисциплина, гласный и точный отчет, фактическое, а не юридическое самоуправление, равенство прав и обязанностей, экономность и точность выражения, ясная, строго приспособленная к делу рабочая организация), обязательны для трудовой колонии. Все, что противоречит ей, должно быть отброшено, хотя бы оно и рекомендовалось в педагогической теории.

5. В направлении к созданию специальных условий детского коллектива необходимо обязательно привнести в этот коллектив начало игры (приблизительно по типу внешних форм скаутизма)³, интересные и яркие формы коллективных движений, жизнерадостный и бодрый общий тон, гордость своей колонией.

6. Учебные занятия должны быть организованы в следующих целях: а) для полной ликвидации всех видов неграмотности уже запущенных подростков; б) для общего широкого развития тех, кто еще способен учиться и дальше; в) для специальной подготовки наиболее способных к поступлению в техникумы и рабфаки.

7. Все перечисленные условия принесут пользу исключительно в том случае, если главное внимание НКП будет обращено на организацию такта. В частности, нужно: а) полное и совершенно искреннее игнорирование прошлого воспитанников и их правонарушений; б) полный отрыв от всех судебных и карательных органов, в том числе и от комиссий по делам несовершеннолетних; в) полный отказ от принудительного держания в колонии и формальной борьбы с побегам; г) обязательный прием в определенном размере детей, не совершивших правонарушение, по их просьбе и по постановлению общего собрания колонии; д) полный отказ от термина «правонарушители» или «несовершеннолетние» в официальных сношениях с НКП и его органами; е) в особенности важен тщательный подбор воспитателей, который должен производиться исключительно руководителем колонии.

Из работы «Кое-что о самоуправлении»

...У нас коли станут на путь коллективного воспитания, так решают обязательно следить, чтобы от всякой индивидуальности остались рожки да ножки. Удивляюсь, как это мы до сих пор не обсуждаем вопроса о запрещении разных там дискантов, теноров, басов. Подумайте, такое индивидуалистическое разнообразие. А носы, а цвет волос, а выражение глаз! Господи, настоящий буржуазный хаос.

В горьковской колонии были индивидуальные огороды¹. Никакой, конечно, особенной пользы от них в воспитательном отношении не было, но и вреда уж такого страшного не наблюдалось. Просто это была полоса, которую нужно было пережить. С одной стороны, они давали более сильные стимулы к труду, чем общие огороды, с другой — они показывали мне, как развитие коллектива вело к тому, что эти огороды постепенно отмерли и сейчас о них никто даже не вспоминает. Индивидуальные огороды было

более здоровое явление, чем отвращение к труду, и поэтому по диалектической логике они должны были составить некоторую часть общей истории. Для того чтобы с ними бороться, не нужно было никаких особенных хитростей.

По мере того как укреплялся и развивался детский коллектив, развивались внутриколониальные хозяйственные, бытовые, производственные и иные скрепы, должны были отмирать и отмирали излишние индивидуалистические тенденции, отмирали как раз в такой степени, в какой реальные силы коллектива становились значительней. Я только так представляю себе процесс коллективного воспитания. В таком случае те индивидуальные устремления, которые сами по себе не противоречат принципу коллектива, оставались и даже развивались, что необходимо именно в социалистическом воспитании. И, может быть, в опыте с огородами, в котором, конечно, присутствовала не одна какая-нибудь личная выгода, а целый пучок отдельных индивидуальных устремлений, может быть, как раз в этом опыте заключались совершенно полезные, хотя и индивидуальные, тенденции. Кроме того, может быть, в этом опыте заключались весьма важные элементы будущей коллективной логики. В этом вопросе без очень пристального и, пожалуй, очень скучного анализа разобраться невозможно, и поэтому я от такого анализа отказываюсь. Но только такой анализ может дать нам точное представление о содержании этого весьма сложного явления: индивидуальный огород в детском доме.

Вообще я считаю, что пора нам решительно отказаться от спекуляций с одним-другим термином, из которого мы привыкли так победоносно выводить и педагогическое средство и педагогическую критику². Хотя бы и в этом случае: так просто упереться в термин «индивидуальный», потому что он присутствует в контексте: индивидуальный огород (т. е. такой огород, который обрабатывается отдельным мальчиком на отдельном небольшом участке, в противоположность коллективному, который обрабатывается отрядом на участке). На самом деле, что такое индивидуальный огород в детском доме? Это ведь не уединенный участок земли, на котором хозяин своими собственными орудиями производит обработку для собственного потребления. Это часть общей коллективной собственности, на которой мальчик рядом с таким же другим мальчиком взятым из общей кладовой орудием [труда], может быть даже [невольно] переживая определенный цикл коллективно-трудовых проблем, может быть становясь в самые разнообразные отношения и к коллективу, и к отдельным группам, и к отдельным лицам, производит некоторую работу, продукты которой так или иначе влияют на коллективную экономику «узкой» коммуны.

Смотрите, какой сложный букет и сколько здесь элементов коллектива! А педагог как раз элементами, никакими элементами пренебрегать не может. Ибо может оказаться, что, исходя и начиная именно с таких элементарных случаев, наше воспитание сделает больше, чем нарочито и придирчиво организованное коллективное воспитание. Я, впрочем, говорю еще раз, что без специального и очень детального анализа, и при этом еще раз скажу: небывалой в педагогике скуки (в какой-то мере каждая точная наука скучна), — точное разрешение этого вопроса совершенно невозможно. Тем более необходимым до некоторого времени становится

проверка надобности или, по крайней мере, правильности того или другого суждения при помощи доверия к общей спасительности самого процесса развития коллектива...

В Главсоцвос НКП УССР. 8 августа 1925 г.

Заведующего Полтавской трудовой колонией им. М. Горького А. Макаренко

Докладная записка

В опыте колонии им. М. Горького выработаны более или менее серьезные методические данные для постановки более широкого и глубокого опыта по перевоспитанию правонарушителей, сохраняющиеся пока что в накопленной сумме живых сил педагогического коллектива, заканчивающего пятый год работы почти без изменения в своем составе и поддерживаемого достаточно дисциплинированным и воодушевленным основным составом колонистов.

Длительный и трудный процесс ремонта [зданий колонии] и [хозяйственного] «обрастания» всего на 40 десятинах, не поддержанный помощью почти ниоткуда¹, давал выход энергии колонистов. В настоящее время этот процесс почти закончен. Хозяйственные рамки становятся слишком тесными для 120 воспитанников, обладающих опытом и умением работать. Расширить их на месте нет никакой возможности.

В то же время мой личный опыт и выводы из многих размышлений над условиями и задачами советского воспитания подсказывают мне путь, который является проектом не только для колонии им. М. Горького. Мне представляется, что реализация этого проекта поможет разрешению кризиса, наблюдающегося в деле борьбы с беспризорными и его правонарушениями. Мне стороной известно, что для расширения этой борьбы в настоящее время имеются большие материальные возможности в Наркомпросе, ЦКПД² и в местных бюджетах.

Перевоспитание правонарушителей разбито у нас по многочисленным учреждениям. Если прибавим к ним еще более многочисленные учреждения для беспризорных детей, то получается довольно цельная, но печальная картина. При нашей бедности на педагогические силы и при общей неприспособленности нашей интеллигенции к серьезной работе мы непременно должны были прийти к тому (и пришли), что средняя воспитательная работа колоний не имеет ни стиля, ни системы. Карликовые хозяйства колоний, украшенные тремя-четырьмя ремесленными мастерскими, представляют прямо ужасный фон определенно мелкобуржуазного оттенка, на котором даже талантливый коллектив никакого пролетарского рисунка не добьется. Финансирование этих многочисленных колоний государственными и местными бюджетами является делом страшно неэкономным. Например, для 10 колоний по 100 детей каждая нужно не меньше 100 лиц воспитательского персонала, между тем как для одной колонии в 1000 детей за глаза довольно 25—30 воспитателей. Экономия здесь будет не только в деньгах: гораздо легче найти 25 хороших воспитателей, чем 100. Такая же экономия должна

получиться и в содержании административного и технического персонала, в содержании зданий, в отоплении, в оборудовании и т. д.

Если мы примем во внимание, что в большинстве наших колоний персонал и руководители меняются очень часто, что ведение хозяйства часто заключается просто в расходовании ассигнованных сумм, а иногда принимает вид неумелого прожектерства, то станет ясно, что наши просвещенческие центры имеют ежегодно огромный непроизводительный перерасход [средств], не получая взамен никаких особенных эффектов в работе учреждений. Более экономный расход средств и личных сил должен быть поставлен нашей целью.

Необходимость реорганизации подсказывается и общим направлением государственной и экономической жизни советских республик.

Мелкие воспитательные предприятия должны постепенно отживать и заменяться мощными очагами воспитания, «капиталистически» организованными³ и основанными на экономном и точном расходовании личных и материальных сил в условиях крупного производства и сложного коммунального быта. Мелкоремесленный или мелкоселянский тип детского хозяйства, представляющий примитивную коммуну, — совершенно не то, что требуется новому пролетарскому обществу, быстрыми шагами идущему к электрификации и американскому типу производства.

Идея крупного воспитательного предприятия в нашем обществе не нова. У нас имеются почины в этой области, но они не продуманы до конца и совершенно не выдержаны как почины педагогические. Крупные колонии с большим хозяйством у нас организованы так, что в них превалирует хозяйство, а не педагогика. Сплошь и рядом при этом само направление хозяйственной работы производится из города в меру хозяйственных талантов и хозяйственного зуда отдельных лиц и без всякого отношения к вопросам воспитания детского коллектива. Хозяйство в таких случаях рассматривается как источник средств для содержания воспитанников, и только.

Для того чтобы сохранить чистоту педагогического подхода, нужно крупное хозяйство рассматривать исключительно как условие воспитания, а хозяйственный успех — как воспитывающий импульс. В таком случае финансовое благополучие воспитательного учреждения должно пониматься не как наименьшая стоимость содержания одного воспитанника, а как наименьшая стоимость содержания воспитанника ко времени окончания им колонии удовлетворительным образом.

Превалирование педагогических целей в организации крупного воспитательного предприятия должно отразиться в точных формах соответствия между «орудиями производства» и «материалом», понимая под орудиями производства как живые [человеческие], так и материальные [хозяйственно-бытовые] факторы, а под «материалом» — детский состав. Характеристические качества продуктов хозяйства, например зерна от урожая или фабрикатов, должны рассматриваться в качестве «орудий» [нашего воспитательного] «производства». В большинстве случаев, разумеется, качественная оценка хозяйственных достижений не будет противоречить оценкам педагогических достижений, но принципиально это противоречие всегда необходимо иметь в виду. Ряд хозяйственно-полезных условий может выражаться как $a+b+m+n+u$, в то время, когда

ряд педагогических полезных условий может принять вид $a+b+$
 $+g+d+n$.

Ясно, что в воспитании за основание должен быть принят второй ряд. Иначе говоря, мы должны отбросить хозяйственно-полезное условие $m+u$ и вместо него использовать хозяйственно-безразличное или даже вредное $d+g$. При этом нельзя говорить об убыточности предприятия, как нельзя говорить об убыточности канатной фабрики на том основании, что на ее территории мало собирается картофеля.

Организация чисто педагогической системы хозяйства, создание воспитательного учреждения в условиях хозяйства требуют огромной энергии и творческих сил. Все детали организации должны быть рассмотрены с точки зрения превалирования педагогических целей. При этом больше всего нужно бояться предварительного суждения о средствах. Стройные системы средств, оправданные в глазах их авторов кажущимся соответствием по отношению к целям, на деле часто оказываются стоящими в положении противоречия не только с какими-либо целями, но даже просто со здравым смыслом. Необходимо делать установки только на месте в зависимости от данных условий.

Все вышеизложенное, по моему мнению, является необходимой предварительной оговоркой, которая должна предшествовать серьезному педагогическому начинанию.

Имея впереди всегда эту оговорку и руководствуясь исключительно желанием принести мои силы и опыт, а также силы и опыт, сконцентрированные в коллективе им. Горького, на пользу более широкому и правильному опыту, я предлагаю Главсоцвосу следующий проект:

1. Все перевоспитание правонарушителей для Украины или, по крайней мере, для Харьковской области сосредоточивается в одной трудовой колонии, расположенной вблизи Харькова.

2. Организация этой колонии должна принять формы крупного сельского и промышленного хозяйства. Как идеал или предел нужно поставить колонию с несколькими тысячами детей на нескольких тысячах десятин, в ближайшие же годы она должна иметь до одной тысячи десятин при одной тысяче детей. Со временем она должна заключать в себе несколько производств фабричного типа, а еще лучше комбинат этих производств с таким расчетом, чтобы работа на них давала возможность развиваться разнообразным силам и способностям воспитанников.

3. Нет никакой необходимости сразу основательно устремляться к указанным конечным целям. Молодой коллектив должен развиваться постепенно, но основательно. Первые годы должно посвятить организации сельского хозяйства как фундамента для будущего. Его доходы со временем поступят на расширение работы. Весьма трудным и ответственным представляется вопрос о характере промышленности трудовой колонии, и решен он может быть только после основательного анализа всех данных.

4. Колония не должна преследовать цели ремесленной или иной специальной выучки. Ее цель должна быть узко ограничена, как и всякая серьезная деловая цель, — это «санитарно-социальная» работа, перевоспитание правонарушителей. Ремесленная или иная выучка может быть

дополнением. Все меры должны быть направлены к тому, чтобы колония имела возможность весь свой готовый «продукт» отдавать обществу, чтобы немедленно принимать от него новый «материал». Забота о выпускниках может принадлежать колонии, но только как отдельно поставленная задача, не изменяющая характера основной задачи. Учреждения патронирования, профшколы, фабзавучи и рабфаки должны принимать от колонии дальнейшую работу по специальной подготовке воспитанников, с этими воспитанниками колония может находиться в связи и помогать им, но методы прямой работы с ними уже будут находиться в руках указанных учреждений.

5. Колония должна принять формы производственной коммуны с полным самоуправлением и с наибольшим формальным равенством положений воспитателей и воспитанников. В то же время коммуна эта должна отличаться железной дисциплиной и подтянутостью. Исполнительные и руководящие органы колонии должны обладать правом принуждения⁴. Вся система самоуправления должна быть построена по типу не демократического народоправства (как это очень часто предлагается в нашей литературе), а демократического централизма, как можно с более широким развитием метода полномочий и поручений и с наименьшим употреблением действий и решений «толпового» типа.

6. Заведующий колонией должен рассматриваться как полномочный представитель коммуны во всех случаях его действий, не расходящихся с имеющимися директивами органов самоуправления.

7. Сверх того, ему должно быть предоставлено право приглашения персонала, а также увольнения сотрудников до истечения шестимесячного стажа без объяснения причин.

8. Педагогический совет должен иметь характер научпедкома⁵. В области установления конституционных и методических форм он должен почитаться высшим наблюдающим органом. Ему также должно принадлежать право оценки и выпуска воспитанников, а также оценки работы воспитателей.

9. Общее направление воспитания должно руководствоваться ближайшими реальными целями, достижение которых прямо необходимо для нашей страны. Эти цели будут: дисциплинированность, работоспособность, честность, политическая сознательность. Нужно принять геройские меры, чтобы удовлетвориться этим минимумом. Всякая романтика, обычная у нас, должна быть отброшена, ибо без достижения указанного минимума всякие разговоры о чем-либо ином смешны и, напротив, достижение этого минимума открывает широкие просторы по всем направлениям.

10. Общая система воспитывающих влияний должна быть организована так, чтобы влияние живых деятелей (воспитателей) не передавалось непосредственно детям, а направлялось исключительно на создание «мертвых» источников влияния, организуя таким образом целостное влияние коллектива.

11. Одним из важнейших институтов «механического» [незаметного] влияния⁶ должен сделаться быт воспитательского персонала, к которому должны быть предъявлены соответствующие требования и условия при самом определении на службу. Этот быт должен характеризоваться более глубоким сближением жизни воспитателей с общей жизнью коммуны, со-

крашением частнохозяйственных явлений в среде персонала и по возможности сокращением числа семейных образований узкодомашнего типа.

12. Для сообщения воспитательной работе более здоровых нравственных условий должны быть приняты следующие меры: а) присылка в колонию не только правонарушителей, но и беспризорных; б) право общего собрания колонистов, или органа, его заменяющего, принимать по своему усмотрению непосредственно обращающихся к нему беспризорных детей; в) право того же собрания увольнять из колонии колонистов, явно не желающих подчиняться порядку колонии; г) абсолютно деликатное обращение с термином «правонарушители», неупотребление его в названии колонии и в официальной переписке.

13. Сразу или со временем должна быть изменена система финансирования колонии. Нынешняя система сметных ассигнований по параграфам и статьям годилась для старых детских общежитий и приютов и решительно противоречит нынешней системе коллективно-хозяйственного воспитания. Все суммы, ассигнуемые центром, должны полностью находиться в распоряжении органов самоуправления.

14. В связи с этим должна быть уничтожена система твердых штатов.

Если Главсоцвос найдет возможным приступить к организации предлагаемого мною опыта, я прошу доверить его мне и коллективу воспитателей и воспитанников колонии им. М. Горького. Подыскивание соответствующего имени и процесс сведения нескольких колоний в одну представляют технические трудности, разрешение которых не должно никого останавливать. Когда организуется фабрика, никого не останавливает вопрос ее территории.

В своем проекте я не касался деталей. Внутренний план организации коммуны и хозяйства не нужно рассматривать сейчас во всех подробностях. Я даже не надеюсь на готовые формы, имеющиеся в колонии им. Горького, но предпочитаю рассчитывать на воодушевление и опыт моих товарищей. Я глубоко убежден, что предлагаемая мною колония способна будет сделаться одним из интересных явлений в Советском Союзе. Важно очень, чтобы с самого начала со стороны центральных органов дело было поставлено с достаточным размахом и простором для инициативы.

Очерк о работе

Полтавской колонии им. М. Горького

Тридцатого августа Полтавская трудовая колония им. Горького отпраздновала пятилетие своей работы. В самом юбилее этом нет ничего, разумеется, особенно значащего: в конце восьмого года Советской власти любому учреждению не мудрено иметь за плечами пять лет. Особенное значение имеет в нашем юбилее то обстоятельство, что мы праздновали не только пятилетие учреждения, но и пятилетие работы основного состава коллектива. С основания колонии в 1920 г. этот основной состав (заведующий и три воспитателя) только дополнялся новыми работниками, которые, в свою очередь, остаются в колонии до настоящего времени. Таким образом, мы имеем сейчас коллектив воспитателей в количестве 12 человек, из которых четверо

с 5-летним стажем по колонии, один — с 4-летним, трое с 3-летним, двое с 2-летним и только двое с одногодичным. Следовательно, средний стаж одного члена педколлектива — 3,25 года, цифра огромная для стационарного учреждения с правонарушителями.

Это весьма счастливое обстоятельство определило цельность развития педагогической линии колонии. У нас это очень редко бывает: переменные группы педагогов обычно не успевают продумывать и доводить до конца ясную систему организации. Наш соцвос предоставляет достаточно простора для местного творчества, в результате которого каждое детское учреждение должно найти свой тон, систему и стиль, отражающие особенности местных условий и специальных целей. К сожалению, текучесть педколлективов и, в особенности, их негармонизированный состав, случайности соединения отдельных членов почти не оставляют возможности для создания цельной системы в каждом учреждении. Колония им. Горького оказалась исключением. Плоха или хороша наша система, судить не нам, но зато мы имели возможность в течение пяти лет: во-первых, тщательно проверить и пересмотреть детали, во-вторых, приобрести почти механические навыки, позволяющие нам совершать довольно большую работу без особенного вреда для наших нервов. В настоящем очерке я не имею возможности подробно описывать работу колонии. Я могу только бегло коснуться отдельных проблем перевоспитания, поскольку в нашей практике заключались попытки того или иного разрешения их.

1. К р а т к а я и с т о р и я

Колония открыта в 1920 г. Полтавским губнаробразом. Для нее отведено было старое имение колонии малолетних преступников, состоявшее из пяти требовавших ремонта каменных флигелей, расположенных на 12 десятинах сыпучего песка. В январе 1921 г. в распоряжение колонии было передано разрушенное имение Трепке. Небольшие средства, отпущенные для ремонта Полтавским губисполкомом, позволяли уже к концу лета 1921 г. поселить в имении братьев Трепке 6 воспитанников. В течение пяти лет колония производила капитальный ремонт имения и закончила его только благодаря помощи ЦКПД [Центральная комиссия помощи детям]. По мере выполнения ремонта колония постепенно перебрасывала из старого имения в новое своих воспитанников и, наконец, оставила старое имение в ноябре 1924 г. Общий рост числа воспитанников был такой: 1921 г.—30; 1922—50; 1923—70; 1924—100; 1925—130¹. С 1922 г. колония состоит на госбюджете как опытное учреждение Наркомпроса УССР².

2. Х о з я й с т в о

По мысли педколлектива, хозяйство должно было сделаться основным фоном педагогической работы колонии. Именно поэтому колония добивалась получить имение Трепке, так как при нем есть 40 десятин пахотной земли, луг и небольшой сад. В течение пяти лет колония развивала свое хозяйство, в последние годы взяв курс на животноводство. К юбилею мы имеем 8 лошадей, 5 коров, 7 голов молодняка, 30 овец, 80 свиней английской породы. В 1924 г. колония получила в аренду на два года паровую мельницу Трепке,

находящуюся в самой усадьбе колонии, и уже второй год вертит ее без особой прибыли благодаря отсутствию оборотного капитала, тяжелым условиям аренды и другим причинам, заключающимся в самом факте краткосрочной аренды.

Если сравнить хозяйство колонии им. Горького с хозяйством других колоний, например Рокавецкой или Будищанской, оно будет представляться почти жалким. Сколько-нибудь сносного чернозема у нас только 27 десятин, на которых разгуляться негде. В то же время мы можем похвастаться тем, что наше хозяйство развивается без всякой опеки: за пять лет колония ни разу не была предметом чьего-либо исключительного внимания.

Может быть, это обстоятельство было одним из самых полезных в воспитательном отношении. Мы имели возможность не зарыться в хозяйстве, не сделаться его рабами. Проблема хозяйства в детском учреждении весьма важная проблема, которую нельзя пока что считать решенной. Во всяком случае, хозяйство должно рассматриваться нами прежде всего как педагогический фактор. Его успешность, конечно, необходима, но не больше всякого другого явления, полезного в воспитательном отношении. Проще говоря, в хозяйстве должны превалировать педагогические задачи, а не узкохозяйственные. Определить хозяйство как педагогическое условие легко только в короткой формуле. На деле нужно всякую хозяйственную деталь, всякий частный хозяйственный процесс ощущать как явление педагогическое. Это требует огромного внимания и осторожности. Превалирование воспитательных задач ведь может иметь место только с точки зрения педагога-организатора. Воспитанник, да, пожалуй, и рядовой воспитатель, должен всерьез переживать хозяйственную заботу, не отвлекаясь никакими посторонними соображениями. Сумма этих переживаний и составляет тот основной фон, на котором пишется чисто педагогический рисунок. Воспитание и перевоспитание, если они должны направляться параллельно общему движению нашего общества, не могут принять иных форм, кроме формы коллективного хозяйствования, формы полной коммуны. Трудовой процесс, с нашей точки зрения, является процессом педагогически нейтральным... Только труд в условиях коллективного хозяйства для нас ценен, но ценен только потому, что в нем в каждый момент присутствует экономическая забота, а не только трудовое усилие.

Хозяйственная (экономическая) забота, с нашей точки зрения, является элементарным объектом воспитания. Я не имею места и времени, чтобы в этом очерке развить эту мысль, она требует, конечно, солидных аргументов. Но и при общем взгляде ясно: только переживание хозяйственной заботы может дать мощный толчок, с одной стороны, для воспитания нужных нам качеств коллектива, с другой — для логического оправдания норм поведения личности в коллективе. А как раз качество коллектива и нормы поведения личности в коллективе являются местом, где располагаются наши цели.

Вышеприведенные краткие формулы не составлялись подколлективом [колонии] им. Горького предварительно: они выведены из пятилетнего опыта, из многих случаев наблюдения воспитательного эффекта. Как на самый яркий пример, укажу на различие между столярной и сапожной мастерскими. Столярная мастерская так у нас и не успела сделаться строго ремесленной, потому что всегда была завалена требованиями хозяйства;

сапожная же давно замкнулась в узком трудовом кругу. И вот все воспитанники столярной мастерской всегда являются признанными руководителями колонийской верхушки, в то время как сапожники почти не поддаются влиянию колонии.

Это один из многих примеров, при помощи которых мы могли бы доказать правильность нашей точки зрения. Сделав хозяйственную заботу отправной точкой в процессе воспитания, мы, в полном согласии с теорией исторического материализма, все формы нашей жизни и организации вывели из хозяйства и хозяйствования. Главные формы, о которых я успею упомянуть, — это хозяйственные требования к воспитателю и воспитаннику, организация хозяйственно-активных отрядов, точная дисциплина, труд, осложненный хозяйственной целью, игнорирование узкоиндивидуальных черт колонистов, хозяйственная позиция по отношению к окружающему миру.

3. Воспитатель

Очень часто педагоги, посещающие колонию, задают мне убийственный вопрос: «Почему ваши воспитатели несут так много хозяйственных обязанностей, ведь у них не остается времени для воспитательной работы?» На вопрос этот мне отвечать очень трудно, потому что нужно начинать с Адама, но вопрос правильно характеризует работу нашего воспитателя.

Главная задача нашего воспитателя отнюдь не воспитывать. Просто противно здравому смыслу рассчитывать, что десяток интеллигентных людей, случайно собранных в колонии им. Горького, может воспитать 130 правонарушителей. Воспитатели — люди обыкновенные. Если они переженятся и народят детей, то я ручаюсь, что 50% их потомства будет плохо воспитано, не говоря уже о том, что в их воспитании не будет требуемого стиля. Честные работники-воспитатели это и сами прекрасно понимают. Воспитывает не сам воспитатель, а среда. Последняя в колонии, благодаря усилиям направляющего педколлектива, организуется наиболее выгодным образом вокруг центрального пункта — процесса хозяйствования, но эти усилия отнюдь не имеют сами по себе воспитательного характера. Воспитатель должен участвовать в хозяйстве наравне с воспитанником, и только в меру его знания, работоспособности и ответственности он может иметь некоторое преобладание в деле организации хозяйственных элементов...

Надзор и нравоучение, нравственный пример, волевое давление могут иметь место постольку, поскольку они оправдываются понятной для всякого хозяйственной логикой.

Разумеется, над хозяйством естественно надстраиваются многие явления жизни, в среде которых воспитатель может иметь некоторое значение, но и оно никоим образом не может характеризоваться только как влияние человека на человека.

Говоря коротко, воспитатель только живой деятель, цель которого служить регулятором внешних по отношению к нему и к воспитаннику хозяйственных и бытовых явлений.

4. Воспитанник

В такой же точно мере мы старались выдержать чистоту логического подхода и к воспитаннику. Принимая его в нашу коммуны, мы прежде всего предъявляем к нему общинно-хозяйственные требования. Педагогическая поза, даже в самой малой степени, не должна, по нашему мнению, быть заметна колонисту. Всякое педагогическое устремление должно быть хорошо спрятано в кабинете организатора. В живом быту коммуны воспитанник не должен чувствовать себя объектом воспитания, он должен ощущать только прикосновения точной логики нашего общего хозяйства и требования здравого смысла, которые предъявляются к нему со стороны нашего быта. Разумеется, сама воспитательная роль учреждения не может быть совершенно скрыта. Иногда в интимных вечерних разговорах колонисты говорят: «В колонии хлопцы страшно изменяются, а отчего — кто его знает...»

Часто и воспитатели, особенно из молодых, ищут объяснения этой быстрой перемене. Найти точное объяснение этому можно только после тщательного анализа всего уклада жизни, но я уверен, что в результате этого анализа мы получим элементы, вряд ли выраженные педагогическими терминами.

Свобода от педагогической нарочитости позволяет всему коллективу развиваться в одной плоскости вместо обычной системы параллельного развития, с одной стороны, детского коллектива, с другой — коллектива педагогов. Это двойное развитие обычно приводило в лучшем случае к обособлению коллективов, а иногда и расхождению их. В то же время эта свобода, как показал нам опыт, определяет свободу в самочувствии воспитанника, позволяет ему более просто и радостно переживать свое детство. Это обстоятельство особенно важно, ибо им обуславливаются часто совершенно неожиданные и интересные эффекты в области тона, дисциплины, работы.

В начале нашей работы мы сознательно и принципиально решили не интересоваться прошлым воспитанника в его присутствии, не расспрашивать его о приключениях и подвигах, но все же считали необходимым изучать «дело», приведшее воспитанника в колонию, составлять предварительную его характеристику³. В дальнейшем мы убедились, что «дело» только сбивает нас с толку, устанавливает ненужную и предвзятую позу по отношению к новичку. В настоящее время мы совершенно искренне и без всяких усилий игнорируем «вчерашний день», не интересуемся «делами» и в итоге просто ничего не знаем о прошлом воспитанника. Если спросить любого из воспитателей, за что прислали такого-то или такого-то, он просто удивленно откроет глаза, настолько крепко мы привыкли не интересоваться этим вопросом.

Результаты этого метода огромны и прямо неожиданны для нас самих. Несмотря на то что колония почти еженедельно выпускает «стариков» и принимает новых, в ней совершенно отсутствуют разговоры о прошлом. Не сказавши ни одного слова, молчаливо и просто, воспитатели и воспитанники как бы согласились, что прошлого нет и оно не стоит воспоминаний. К новичку никто не обращается с вопросом «за что» или «почему». Зато с чисто деловым интересом поинтересуются «из какого он города, мать — отец живы?». Зато с чисто деловым интересом постараются проникнуть в тайны физиономии и мускулатуры, прощупать товарища и работника. Если новичок начнет хвастливо рассказывать о своих подвигах, его сурово остановят

на третьем слове: «Брось чепуху молоть, здесь это никому не нужно!» Но новичок обычно и не начнет рассказывать. Общий хозяйственный рабочий тон, быстрый бег колонийской машины, общая занятость и общая гордость своей трудовой жизнью не позволят ему даже рта раскрыть. Фигурально выражаясь, ему предложат, без лишних речей, вскочить на какую-нибудь подножку и принять участие в общем движении. Большинство новичков с радостью хватаются за первую попавшуюся рукоятку и через месяц уже чувствуют себя колонистами. Некоторые же не находят в себе сил забыть городские рынки и кинематографы и на другой день по прибытии в колонию убегают.

Колония не только никому не препятствует уходить, а, напротив, сама объявляет: «Кто не хочет работать и быть колонистом — проваливай из колонии»⁴.

Это необходимо как естественный результат хозяйственной организации колонии, но это необходимо и для уменьшения числа побегов. Бегут из тюрьмы, колония же — открытая детская коммуна, без заборов и сторожей. Напротив, колония всегда осаждается просьбами желающих вступить в нее, что еще больше удаляет колонию от тюрьмы.

5. Организация

Воспитатели и воспитанники (сейчас у нас серьезно ставится вопрос об уничтожении этих терминов и замене их другими; отчасти они уже заменяются званием колониста и старшего колониста) составляют одну коммуны, цель которой достижение большей или меньшей культурной высоты...

Труд, дисциплина, быт, образовательная работа, будущее воспитанника и воспитателя — все это должно располагаться по линии экономического прогресса коммуны с учетом центрального основного фактора — экономического прогресса всей страны. При нынешних условиях выдержать эту формулу в точности, разумеется, невозможно. Общие условия составления штатов, нормы зарплаты и финансирования, различные формы работы персонала, регламентированные союзом, неясное юридическое положение колонии как хозяйства — все это затрудняет развитие колонии в определенном направлении, вынуждает искать обходные пути. Этими причинами обуславливается необходимость сложной организации и чрезвычайно затрудняется хозяйственно-административная работа. Но и без этих причин организационная проблема в вопросе о коллективном воспитании всегда будет оставаться самой важной проблемой. Педагогическая литература до последнего дня почти не уделяет внимания вопросу организации воспитательного коллектива, и потому всем детским учреждениям приходится самостоятельно искать организационные формы. Нужно признаться, мы не можем похвастаться особенным успехом в деле создания организационных форм детского учреждения. В последние годы наша беспомощность сказалась в проведении идеи «самоорганизации»⁵. Детский коллектив в этой проповеди представляется совершенно обособленным от воспитателя и в то же время способным в порядке инстинктивного... творчества найти организационные формы своей жизни. Это, конечно, ошибка. Детский коллектив, предоставленный самому себе, еще может в особо счастливом случае найти нечто, чтобы не погибнуть, но ведь нам нужно нечто большее. Нам нужны новые

формы жизни детского общества, способные дать положительные искомые величины в области воспитания. Только большое напряжение педагогической мысли, только пристальный и стройный анализ, только изобретение и проверка могут привести нас к этим новым формам. До сих пор только в пионерском движении пришли к более или менее оригинальным и живым формам организации... Колония им. Горького в течение пяти лет напряженно искала нужные ей организационные формы жизни. В этих поисках мы не только полагались на изобретение, мы искали и среди существующих типов детских организаций... Но заимствования из чужой практики все же не имели большого значения в жизни колонии. Мало в ней было места и для изобретений (если под изобретением понимать наперед составленный готовый план). Дело было так.

В конце 1921 г. колония не имела не только топлива, но и обуви, чтобы заготовить топливо в лесу. Требовалось огромное напряжение, чтобы справиться с холодом. С этой целью из числа всех воспитанников (всего их было в то время 30) было выделено 10 человек. Им была передана вся имеющаяся в колонии обувь и было поручено в течение недели заготовить 1000 пудов дров. Старшим из этих мальчиков был назначен Калабалин. Дело у этой группы пошло блестяще. Не помню, каким образом, но в колонии привилось для этой группы название «отряд Калабалина».

Возможно, что в этом термине сказалось прошлое некоторых наших воспитанников. «Отряд» — термин чисто партизанский... Когда отряд Калабалина закончил заготовку дров, захотелось использовать его спайку, дисциплину и обувь для другой работы — для набивки ледника. Так отряд Калабалина и остался уже постоянным явлением на зиму 1921 г. К весне мы не расформировали отряд, а наоборот — остальных 20 воспитанников разбили на 2 отряда. Таким образом, у нас получилось 3 отряда. Старшие отрядов сначала пытались называться атаманами (очевидно происхождение и этого термина), но я настоял, чтобы они назывались командирами. Так образовалась у нас система отрядов. В течение четырех лет она очень развилась и усложнилась и в настоящее время составляет основное явление среди организационных форм колонии.

Отрядов в колонии 15. Каждый из них состоит из командира, помкомандира и 8—12 рядовых членов отряда. Отряд представляет основную и главную единицу коллектива колонии. У него своя спальня, свой стол в столовой, свое платье. Только в очень редких случаях колония обращается к тому или другому воспитаннику. Если, например, нужен курьер в город, хотя бы и для ответственного поручения, то дается требование: «такому-то отряду дать курьера в город для серьезного поручения». Конечно, отряд выберет такого мальчика, которому можно довериться. Если в колонию приезжает гость, он зачисляется на довольствие в тот или иной отряд. Служащие колонии тоже довольствуются по отрядам, которые они выбирают по своему вкусу. Я, например, обедал раньше с...⁶ отрядом, а потом меня перетянули в сторожевой отряд. Все командиры отрядов составляют совет командиров...

Совет командиров собирается каждую субботу в половине третьего дня. Но обычно он собирается чаще, как только возникает какой-нибудь важный вопрос. Трубачи играют сигнал «сбор командиров», и через две минуты заседание уже открывается. Председательствует всегда заведующий колонией.

Главные функции совета командиров: распределение работ между отрядами, назначение командиров отрядов, назначение других должностных лиц (кладовщика, огородника, коменданта, завхоза и др.), разрешение отпусков, распределение одежды, организационные вопросы.

Распределение работ совершается на неделю вперед, по требованию заводов отдельными частями. Обычно работа поручается целому отряду, но очень часто приходится из остатков отрядов составлять сводные отряды только для работы с временным командиром. Система сводных отрядов позволяет нам пропускать через командные функции значительное число колонистов. Командир постоянного или сводного отряда работает наравне со всеми членами отряда, но сверх того на нем лежит забота об орудиях, семенах, порядке во время работы и ответственность за нее. К вечеру каждого дня командир готовит рапорт о дневной работе отряда, который докладывается общему собранию, а если его нет почему-либо, то заведующему колонией.

Общее управление работой колонии в течение дня принадлежит дежурным по колонии — одному воспитателю и одному воспитаннику. Пара эта постоянная и подбирается по взаимной симпатии. На дежурных лежит весь порядок дня, наблюдение за работой всех отрядов, мастерских, конюшни, свинарни и пр., а сверх того — учет дневного прихода колонии — денежного, материального и продуктового, а также и расхода. Как правило, у нас постановлено, что ни один документ не действителен без подписи одного из дежурных.

Другие воспитатели либо принимают участие в работе одного из отрядов, либо, в вечерние часы, участвуют в клубной работе. Все они подчиняются дежурным по колонии.

Такова в главных чертах организационная система колонии. По своей подвижности она позволяет легко приспособиться к любому требованию хозяйства в течение 2—3 минут. В то же время, при помощи сводных отрядов, она позволяет наибольшему числу воспитанников проходить через хозяйственно-командные должности. Сводные же отряды дают возможность постоянным отрядам не замыкаться в своих границах. Благодаря совету командиров и дежурству по колонии как исполнительному органу мы имеем возможность связывать все отряды в единый коллектив.

6. Д и с ц и п л и н а

Трудно определить понятие дисциплины в условиях коллективного воспитания и тем более трудно организовать дисциплину так, чтобы не было ненужных трений в работе. В нашем обществе к вопросу о дисциплине весьма двойственное отношение. С одной стороны, дисциплина есть один из девизов нашего общества: дисциплинированный человек представляется всем манной небесной. С другой стороны, эта же самая дисциплина, по мнению очень многих, должна быть результатом какого-то вдохновения, коллективного пафоса и доброй воли. В особенности эта добровольная дисциплина, долженствующая все покорить, пленяет представителей нашего соцвоста. В нашей педагогической литературе и в наших торжественных речах еще до сих пор можно услышать страшно увлекательные слова о самодисциплине. Жажда строгого и точного распоряжения и быстрого действия без уговоров и речей — это жажда всеобщая. Но проблема дисциплины в воспитатель-

ном учреждении обычно принимает непозволительно упрощенные формы. Вопрос ставится так: должно быть приказание и исполнение, это и будет дисциплина. Приказать вообще нетрудно, но как добиться исполнения и что делать, если исполнения не будет? Нужно найти ту силу, которая делает исполнение необходимым и которая определяет невыгодные последствия нарушения дисциплины.

Обычно эту определяющую силу приказания ищут там, где ее нет, либо в общественном мнении, во всеобщей воле, либо в воле одного лица. Всеобщая воля не так легко проявляется. Если собрать 120 детей на одно общее собрание, они могут принять любое решение, смотря по тому, кто будет влиять на них. Наши педагоги очень часто производят этот фокус: после горячей убедительной речи воспитателя дети принимают то или иное решение. Присутствует ли здесь общая воля? Конечно, нет. Всеобщая воля есть нечто среднее из разумных стремлений всех членов коллектива, воля же толпы есть только среднее из настроений данного момента. Никакое общество, государство, партия не может опираться на волю толпы; всякая здоровая дисциплина строится исключительно по системе полномочий, передаваемых более широкими организациями более узким. Очевидно, так должна быть построена и дисциплина детского учреждения.

В колонии им. Горького мы пытаемся провести этот принцип. Прежде всего мы затратили много энергии на создание конституции колонии, т. е. ряда твердо установленных положений, которые обязательны для всех воспитанников и воспитателей, для всех учреждений колонии. Во-вторых, мы затратили не меньшую энергию на установление таких форм дисциплины, которые меньше всего допускали бы произвол одного лица. В-третьих, наконец, мы старались достигнуть точного соответствия между приказанием и исполнением. Все эти цели достигаются системой полномочий, передаваемых по такой схеме, которая будет приложена (здесь нет места для этого). Всякое полномочие имеет две хорошие стороны: оно может быть легко ограничено и оно дает уполномоченному лицу право действия. К примеру: отпуск дает заведующий колонией, но право получать отпуск устанавливает совет командиров, а фактическая возможность отпуска устанавливается дежурным по колонии. Поэтому у нас правило: пока отпуск не подписан секретарем совета командиров и дежурным по колонии, заведующий подписать отпуск не может. В данном случае полномочие заведующего ограничено. Но в то же время всякий воспитанник, ушедший из колонии без моего отпуска, может быть мною же наказан, хотя право отпуска было ему вообще предоставлено. Я здесь не имею возможности описать всю нашу систему полномочий более или менее подробно.

Нужно было бы детальнее поговорить о наказании. В колонии нам удалось найти кое-что новое в проблеме наказания. Обыкновенно наказание страдает тем, что, разрешая один конфликт, оно в себе самом содержит новый конфликт, в свою очередь требующий разрешения. Нужно было найти такие формы наказания, которые содержали бы в себе окончательное разрешение конфликта. К сожалению, мы не довели еще до конца своего опыта и поэтому воздерживаемся от выводов, но я должен сказать, что есть все основания полагать, что результаты опыта будут хорошие. По крайней мере в колонии с успехом применяется наша система уже в течение двух лет. В заключение о дисциплине нужно сказать, что она, как и все в колонии,

направляется логикой хозяйствования. Поэтому, например, распоряжение воспитателя, если он не дежурный по колонии, не должно исполняться: каждый воспитатель подчиняется командиру отряда, в котором он работает, но всякое распоряжение дежурного по колонии и командира отряда должно быть исполнено беспрекословно и немедленно. Воспитатели, как и воспитанники, одинаково подчиняются дисциплине.

З а к л ю ч е н и е

Я коснулся главных сторон работы колонии в самых кратких чертах. К этому можно много еще прибавить. Трудовые и образовательные процессы, внутренние и внешние затруднения жизни колонии — все это может составить темы для большой работы. Я не считал нужным касаться их в этом очерке, так как принципиально здесь колония не занимает особой позиции.

Удачна ли работа колонии?

Об окончательных результатах говорить сейчас трудно. Мы еще не наблюдали наших выпускников в жизни в достаточном числе случаев. Но те немногие десятки юношей, которые вышли в жизнь из колонии, пока что не огорчают нас. В самой же колонии мы имеем все основания особенно духом не падать: все же наши правонарушители, присланные в колонию принудительно, очень часто действительно трудные дети, живут в колонии весело и дружно, гордятся тем, что они колонисты, прекрасно работают и активно и сознательно стремятся к лучшему будущему.

Тезисы доклада «Организация воспитания трудного детства»

1. В докладе вопрос будет разбираться исключительно по данным опыта колонии им. Горького. Трудность ребенка будет рассматриваться без всякого отношения к биологическим дефектам. В колонии им. Горького прошло более 700 детей, трудность которых более или менее установлена.

2. Типология трудного детства неудовлетворительна. Последние предложения Залкина¹ и Бельского² при частом их остроумии малопригодны для практической работы.

3. Вообще классификация возможна только после предварительного массового наблюдения и записи. В колонии мы наблюдали более 200 случаев действительно трудных.

4. Бельский сводит этически дефективных к учению Петражицкого³. Вернее было бы взять за основание не этическую, а правовую эмоцию, ибо как раз в области правовых отношений проходит как содержание нашей работы, так и наши цели воспитания⁴. Оставляя в стороне эмоции Петражицкого, можно все же обратить особенное внимание на правовую сферу.

5. Под таким углом мы склонны отрицать самое понятие дефективности в среде личности, а остановиться на дефективном отношении между личностью и обществом. Дефективность отношения заключается в отношении отпора борьбы за существование⁵ в сторону как повышения, так и понижения тона. В итоге конфликт заключается в нарушении общественной дисциплины.

6. Причины конфликтов всегда лежат в обществе, но причины представляются относящимися к личности, поскольку общество не склонно ревизовать свои требования. Поэтому обычно дефективность выражается в м о т и в а ц и и, принимая под мотивацией общую картину побуждений (картину рефлексов).

7. Дефективные отношения проявляются в трех главных областях:

1. Мотивация присвоения	Непосредственное присвоение. Нужда. Попрошайничество. Посредственное присвоение.
2. Мотивация преобладания	Неорганизованное преобладание. Организованное преобладание.
3. Мотивация обособления	Мотивация первоначального эгоизма. Мотивация свободы личности. Мотивация эстетическая.

8. Задача воспитателя — восстановление нормального отношения между личностью и обществом. Возбуждение новой системы мотивации (рефлексов). Специальные условия детской коммуны позволяют (решать) положительные задачи уже не правового, а этического воспитания.

9. Признаки детского общества: нет образца, возможны многие варианты. Все они должны как можно дальше стоять как от нынешней практики воспитания потребителей, так и от предрассудков педагогической литературы.

10. Реальная логика колонии — это логика хозяйства. Труд определяется хозяйством, которое должно отличаться развитием, мощностью, прибыльностью, веселым тоном.

Труд определяется хозяйством — знание, точность, учет, умение, «ухватка», план, отчет, ответственность. Квалификация не имеет существенного значения. Логика материала и инструмента...

12. Логика хозяйства и логика труда вместе дают железную логику коммуны. Она требует быстрого экономного совещания, короткого приказа и короткого исполнения. Но она же требует и организации защиты личности.

13. Дисциплина опирается на волю и интерес коммуны. И отсюда право коммуны карать.

14. Проблема наказания: наказание должно разрешать конфликт. Отдельные формы: восстановление дисциплины, демонстрация силы коммуны, максимум обособления, выбрасывание из коллектива.

15. Наказание имеет в виду коллектив, а не личность. Демонстрация стихии коммунальной силы, создающая не только напряжение, но и покой.

16. Значение романтики. Огромное значение символов и игры. Пафос и гордость.

17. Необходимость здорового и красивого выхода из колонии.

18. Возможны большие достижения при изменении внешних условий: финансовых, материальных, юридических.

Письмо Г. С. Салько

Глубокоуважаемая Галина Стахиевна!

В окончательном виде объединение наших колоний вокруг колонии Горького представляется мне возможным при наличии следующих условий:

1. За это дело берусь не один я, а Вы вместе со мной, следовательно, Вы обязываетесь не оставлять комиссию самое меньшее в течение двух лет.

2. Все ассигнования для колоний с 1 октября 1927 г. назначаются в мое распоряжение, исходя из контрольной цифры на одного ребенка без разделения на параграфы и статьи, и выдаются колониям месячными долями, а по отоплению и одежде — кварталными долями.

3. Мне дается право установить штаты и оклады каждой колонии и центрального управления на месте по индивидуальным договорам.

4. Мне предоставляется право приглашения и увольнения персонала.

5. Форма организации колоний и распределения материальных данных не подлежит инструктированию Наробраза в течение двух лет, за исключением случаев, когда можно говорить о нарушении закона.

6. До 1 октября 1927 г. каждая колония живет по своим планам и бюджету, но мне предоставляется право в решениях вопросов ремонта, новых построек, организаций мастерских и вообще вопросов, связанных с капитальными затратами, принимать участие в качестве Вашего уполномоченного.

7. В случае ассигнования 100 000 рублей на расширение нашей колонии они могут быть израсходованы на другие колонии при условии принятия дополнительно 100 воспитанников.

Уважающий Вас
А. Макаренко

4/V—27 г.

Проект организации трудового детского корпуса Харьковского округа

1

Трудкорпус [ТК] составляют все детские учреждения интернатного типа, получающие средства как по бюджетам окрисполкома, так и окрйомдета.

2

Своей целью трудкорпус ставит воспитание здорового, трудоспособного, дисциплинированного и политически грамотного гражданина Советского Союза.

3

Каждое отдельное учреждение трудкорпуса организуется по системе

колонии им. М. Горького, а именно (в главных чертах):

а) все воспитанники делятся на производственные отряды с общей нумерацией по всему корпусу;

б) во главе каждого отряда стоит командир, назначаемый советом командиров;

в) совет командиров является главным органом управления детучреждением;

г) педагогически ответственным руководителем совета командиров является заведующий учреждением, кроме того, ему принадлежит исполнительная власть и право наказания;

д) хозяйственная работа каждого детколлектива организуется на началах единоличной ответственности командиров или отдельных воспитанников, которым поручается та или иная хозяйственная отрасль;

е) педперсонал кроме школьной работы участвует во всех решительно функциях детколлектива, в том числе и в физическом труде.

4

Все детские учреждения округа переименовываются в колонии и нумеруются по корпусу.

5

Во главе трудкорпуса стоит начальник корпуса, назначаемый окружной инспекцией народного образования, и его помощник, также назначаемый окрИНО по согласованию с начтрудкорпуса.

6

При начальнике корпуса может быть организовано управление трудкорпусом в таком составе:

начальник корпуса,

помощник начальника корпуса,

заведующий производственной частью,

заведующий школьной частью,

политруководитель,

педагог для поручений,

заведующий общей частью,

бухгалтер,

секретарь съезда секретарей советов командиров.

7

Один раз в месяц собирается корпусный совет [КС], в состав которого входят все секретари советов командиров. Собирается он под председательством начальника корпуса, и в него входят все должностные лица, перечисленные в п. 6.

Корпусный совет рассматривает и утверждает план работы на месяц и более длительные периоды, заслушивает отчеты начкорпуса, заведующих отдельными частями, завколов и ССК [секретарей советов командиров] отдельных колоний, распределяет средства, перераспределяет помещения, личный состав и движимое имущество.

Секретарь корпусного совета (СКС) избирается корпусным советом на неопределенное время и принимает постоянное участие в работе КС.

Реализация постановлений КС и вообще управление ТК осуществляются приказами по трудкорпусу (обязательными на каждый месяц) и личными указаниями начкорпуса и отдельных членов управления.

Помощник начальника трудкорпуса принимает участие во всех случаях действия корпусного управления и, кроме того, является главным контролером работы по трудкорпусу.

Заведующий общей частью руководит всеми операциями по заготовкам предметов потребления и ведет общий учет всему инвентарю корпуса.

Педагог для поручений является главным инструктором организационно-отрядной части и внутреннего быта всех колоний.

Бухгалтерский учет ведется только по целому корпусу, а в отдельных колониях ведутся только кассовые книги.

Все средства, какие поступают в распоряжение КУ от окрИКа [окружной исполнительный комитет], или окрПД [окрпомдет], или других органов, выдаются под ответственность начальника корпуса без разделения по параграфам и статьям равными месячными долями, а при возможности и квартальными долями и вносятся на текущий счет ТК в один из банков Харькова.

Общая сумма выдаваемых корпусу средств определяется без представления смет на 1927/28 год по контрольной цифре на одного воспитанника, определяемой окрисполкомом, а в последующие годы по представлении докладных записок о необходимости изменения контрольной цифры в ту или другую сторону.

Денежные суммы завколам выдаются или переводятся на каждый месяц в размерах, устанавливаемых корпусным советом под личную ответственность завколов в порядке авансов на один месяц.

Общая сумма ассигнований по контрольной цифре предполагает обслуживание всех решительно нужд ТК, в том числе и борьбу с беспризорностью, помощь выпускникам, стипендии и т. п.

В согласии с этим все операции окрПД и других учреждений могут иметь только один смысл: добывание средств для передачи их корпусу.

Организации ДД [общество «Друг детей»] в своей помощи не должны обращаться к отдельным колониям, а иметь дело только с корпусным управлением.

Из всех учреждений корпуса выделяются три колонии специального назначения:

а) первичная колония, принимающая детей с улицы или от Комиссии по делам несовершеннолетних и подготовляющая их для отправки в другие колонии;

б) выпускающая колония, из которой дети или подростки отправляются на производство или учебные заведения;

в) реформаториум, в который помещаются дети, нуждающиеся в принудительном воспитании. Из реформаториума дети вновь поступают в первичную колонию и в исключительных только случаях — в обычную колонию.

Сверх того, ТК может организовать коммуну — жилком для бывших воспитанников, работающих на производстве.

Детское население ТК определяется точно до одного воспитанника, и только по мере выпуска закончивших воспитание КУ набирает новых воспитанников.

Подбор беспризорных с улицы, сопровождение несовершеннолетних и вообще обслуживание комиссии по делам несовершеннолетних поручается исключительно ТК, который может для этой цели организовать собственную детскую милицию, на обязанность которой возлагается и наблюдение за жизнью патронируемых подростков.

Хозяйственные права КУ определяются следующим образом: КУ имеет право открывать производственные и торговые предприятия, организовывать артели и коммуны, перебрасывать отдельные предприятия из колонии в колонию, подписывать векселя и кредитоваться в банках и торговых фирмах, арендовать имущество и продавать его.

Весь персонал ТК приглашается начкорпуса и назначается приказом по корпусу. Права сотрудников корпуса определяются существующими коллективными договорами, но жалование каждому сотруднику устанавливается индивидуальным договором в каждом отдельном случае.

ТК не имеет твердых штатов. Штат каждой колонии и КУ корпуса определяется КУ на год вперед и изменяется в случае нужды.

Увольнение сотрудников и перевод их из одной колонии в другую совершается распоряжением начальника корпуса.

Надзор за работой ТК лежит на ИНО, которая во всех случаях проводит его через КУ. Переписка между окрИНО и отдельными колониями не должна иметь места. Доклады отдельных сотрудников ТК и завколов непосредственно перед окрИНО могут происходить только с разрешения начкорпуса.

Настоящее положение вступает в силу с 1 октября 1927 г.

Проект Устава управления детскими школьно-трудовыми колониями

I. Общие положения

1. Управление детскими трудовыми школьными колониями является учреждением Харьковской окружной инспектуры народного образования, осуществляющим задания окрinsпектуры в области воспитания интернированного¹ детства, борьбы с беспризорностью и патронирования подростков, выпущенных из детучреждений.

2. Управление включает в себя все детские городки, дома и колонии, находящиеся на территории Харьковского округа и содержащиеся на бюджете окрисполкома и окрпомдета².

3. Управление составляет самостоятельную хозяйственную организацию, пользуется правами юридического лица и отвечает по всем своим обязательствам, не перелагая этой ответственности на какие-либо другие государственные органы или государственную казну.

4. Как учреждение воспитательное, управление организует свою работу согласно общим принципам социального воспитания и общим указаниям окрinsпектуры народного образования, преподаваемым вперед на каждый академический год в виде положений, инструкций и планов, каковые в то же время могут проектироваться и представляться на утверждение окрinsпектуры управления.

5. Всякое изменение состава хозяйственных и воспитательных единиц, входящих в управление, если это изменение связывается с увеличением, уменьшением или заменой территориальных владений управления, допускается каждый раз с разрешения окрinsпектуры наробраза.

6. Все учреждения интернированного детства, входящие в управление, называются школьными трудовыми колониями и по своим типам и характеру подбора детей определяются соответствующими указаниями закона.

7. Взаимоотношения трудового корпуса с профессиональным союзом³ регулируются соответствующими постановлениями по этому вопросу и коллективными договорами.

II. Средства управления

8. Средства управления составляются из ассигнований окружного исполнительного комитета на содержание детей и поступлений от хозяйства детских учреждений и предприятий, входящих в управление.

Примечание. Средства, поступающие от окрпомдета, предполагаются находящимися в распоряжении окрисполкома. Кроме того, они могут выдаваться окрпомдетом, как и другими общественными организациями, и непосредственно в распоряжение управления, но исключительно в несметном порядке.

9. Ассигнования окружного исполнительного комитета исчисляются исходя из контрольной цифры на содержание одного ребенка, исчисляемой

на основании представленных управлением операционных планов и ориентировочных смет на бюджетный год.

10. Ассигнуемая окрисполкомом на основании п. 9 сумма переводится окрфинотделом в распоряжение управления кварталными долями в Харьковское отделение государственного банка без разделения по целевым назначениям, каковое разделение устанавливается в порядке реализации сметы управления ДТК [детскими трудовыми колониями].

11. Суммы, даваемые трудовому корпусу от имени окрисполкома, могут быть израсходованы управлением на следующие цели:

- а) содержание персонала, соцстрах и отчисления в профсоюз;
- б) питание, обмундирование воспитанников;
- в) капитальный и текущий ремонт зданий;
- г) приобретение отопительных и осветительных материалов;
- д) организацию школы, мастерских⁴ и сельского хозяйства;
- е) врачебные и санитарно-гигиенические нужды детколоний;
- ж) оплату расходов по поездкам, перевозкам и переездам как служащих, так и детей;
- з) приобретение и ремонт инвентаря;
- и) подбор и транспортирование беспризорных;
- к) помощь выпускаемым из колонии подросткам.

12. Средства, получаемые от хозяйственных учреждений ДШТК [детские школьно-трудоуые колонии], находятся в распоряжении управления ДШТК и могут быть израсходованы на следующие нужды:

- а) улучшение и рационализацию хозяйства ДШТК;
- б) улучшение и украшение внутреннего быта детколоний;
- в) устройство праздников;
- г) культурно-просветительную работу как в учреждениях управления, так и среди окружающего населения;
- д) выдачу карманных денег воспитанникам детколоний;
- е) постройку новых зданий;
- ж) содержание и обновление живого и мертвого инвентаря;
- з) помощь выпускникам;
- и) организацию оборотного капитала управления.

13. Из средств, отпускаемых окрисполкомом, управление ДШТК имеет право выделить определенные суммы на закупку материалов для своих производств с тем, чтобы после реализации продукции этих производств означенные суммы возвратились по первоначальному назначению.

14. Управление ДШТК в случае действительной экономии в конце бюджетного года может ходатайствовать перед окрисполкомом о зачислении остатков в состав оборотного капитала управления ДШТК для организации амортизационного капитала или для постройки новых зданий детучреждений.

15. Управление ДШТК ежемесячно сообщает окрФО [окружной финансовый отдел] о состоянии счетов по ДШТК и исполнительные сметы по всем производственным расходам.

16. Бухгалтерия ведется при управлении по всем учреждениям, и все денежные документы хранятся при управлении ДШТК, так же как и списки инвентаря и имущества.

17. Управление ДШТК содержится за счет общих сумм, ассигнуемых ДШТК.

VIII. Органы управления ДШТК и порядок их деятельности

18. Во главе каждой колонии стоит заведующий колонией, на ответственности которого лежит как педагогическая, так и хозяйственная работа детколонии.

19. Заведующие колониями назначаются зав. управлением ДШТК и утверждаются окринспектурой наробраза после месячного стажа по заведованию.

20. Внутреннее положение о жизни и работе детколоний регулируется особой инструкцией, одновременно с настоящим уставом утверждаемой окринспектурой наробраза.

21. Во главе управления ДШТК стоит заведующий, назначаемый окринспектурой наробраза и утверждаемый окрисполкомом⁵.

24. Правление ДШТК в лице его заведующего и под его ответственностью имеет право:

а) издавать инструкции по колониям в развитие существующих положений;

б) реорганизовывать и закрывать отдельные учреждения путем перераспределения состава воспитанников, служащих и материальных ценностей;

в) организовывать производственные мастерские, отрасли сельского хозяйства как в сельских, так и в иных местах;

г) организовывать производственные артели из воспитанников колоний;

д) совершать по указанию органов наробраза сбор беспризорных на улицах и помещать их в колонии корпуса;

е) по ордерам комиссии по делам несовершеннолетних совершать задержание подростков и препровождать их [в детские учреждения] по указанию комиссии;

ж) организовывать наружное наблюдение за поведением детей и подростков на улицах, рынках, в садах и других общественных местах;

з) из всех колоний ДШТК выделить одну для принудительного воспитания;

и) открывать в колонии трудовые и профессиональные школы и краткосрочные курсы;

к) открывать лечебные заведения для воспитанников;

л) определять воспитанников на работу в производственные и торговые предприятия;

м) открывать в Харькове и других местах торговые заведения для продажи продукции производства колоний;

н) заключать договоры, выдавать и принимать векселя и кредитоваться в финансовых и хозяйственных учреждениях;

о) представлять интересы управления на суде;

п) приглашать и увольнять служащих;

р) устанавливать штаты для каждой колонии;

- с) заключать коллективные и трудовые договоры;
- т) подписывать чеки и другие денежные документы.

25. Аппарат управления ДШТК состоит из 1) общей части и бухгалтерии, 2) производственно-хозяйственной части и 3) школьно-воспитательной.

26. По мере надобности управление ДШТК созывает производственные и педагогические совещания из состава работников ДШТК и соответствующих организаций.

27. Управление ДШТК находится в Харькове.

28. Управление имеет свою печать с Гербом УССР.

В президиум окрплана

Особое мнение заведующего колонией им. Горького по вопросу о штатах и окладах колонии

В финансово-бюджетной секции [ФБ] окрплана принято решение оставить в колонии прошлогодние оклады. История этого вопроса такова: еще будучи в Полтаве наркомпросовской колонией, мы пользовались правом распределения зарплатных фондов, т. е. составлять штатное расписание применительно к рабочей системе колонии. Это же право было предоставлено колонии и в Харькове в прошлом году. Используя это право, колония уменьшила число воспитателей, но зато платила им не по 60 рублей, а по 80. Кроме того, колония увеличила зарплату всему техническому персоналу. Производственные выгоды этой меры таковы:

1) Колония объединяет в руках одного и того же педагогического состава как школьную, так и воспитательную работу, т. е. организует единство педагогического процесса, что является основным принципом практической укладки колонии им. Горького.

2) Колония избегает толпы воспитателей, когда не только воспитанники не знают всех воспитателей, но и сами воспитатели не знают друг друга (я знаю такие колонии).

3) Колония лучше обеспечивает персонал, что позволяет ей иметь более квалифицированный состав.

4) Колония экономит на жилплощади, отоплении и освещении, так как требуется меньше квартир, чем при официальном штате.

С наступлением настоящего бюджетного года колония была расширена на 50 детей. По нормам коллективного договора колония имела право получить дополнительно пять воспитательских мест.

В то же время, как и всем педагогам, колонии дана была прибавка к нормальному «правонарушительскому» окладу по 5 рублей (всем остальным прибавлено 8—9 рублей).

Колония, считаясь с возможностями, не настаивала на добавлении пяти воспитательских мест и согласилась ограничиться двумя, экономя таким образом для окрФО 195 рублей в месяц.

Зарплатный фонд, образовавшийся таким образом, колония перераспределила между необходимым персоналом, поскольку пятирублевая при-

бавка есть прибавка педагогическому персоналу, она и была распределена между педагогами и только в небольшой части между остальным персоналом.

ФБ секция этих прибавок не утвердила. Я считаю это решение неправильным по следующим основаниям:

1. Нарушается законное право колонии воспользоваться той суммой, которая принадлежит ей как колонии правонарушителей на 400 человек.

2. Нарушается право воспитателей на прибавку, данную педагогическим работникам. Если за 24 часа в неделю выдается прибавка в 5 рублей, то она должна выдаваться и в том случае, если работник работает с нагрузкой. Нагрузка у наших воспитателей и до сих пор полностью не оплачивалась.

3. В состав колонии прибавлено 50 воспитанников. Несправедливо в таком случае лишать работников общей прибавки.

4. Самое главное. Нарушается логика опыта и инициативы. Право колонии самостоятельно распределять зарплату, использованное как опыт, привело к хорошим результатам и дало экономию по смете в 195 рублей в месяц. Нелогично как раз вследствие успешности опыта лишать колонию того права, которое привело к успеху.

Разумеется, не может ни у кого появиться охота искать лучшие формы организации, если эти поиски приводят к лишению работников законной прибавки.

5. Я, как заведующий, поставлен в чрезвычайно неловкое и смешное положение. Поскольку смета была утверждена окрНКОМом и я уже семь лет пользовался правом инициативы, я имел основание объявить о новых окладах. Я не мог ожидать, что вопрос наново может быть рассмотрен.

Я считаю, что вопрос может быть решен только таким образом:

1. Либо за мной сохраняется право перераспределения и утверждается представленный мною план.

2. Либо это право от меня отнимается и в колонию должно быть приглашено 40 воспитателей по 65 рублей в месяц, как полагается по закону.

Принятое среднее решение нарушает одинаково и интересы дела, и интересы работников и дает экономию только в 160 рублей в месяц.

Потому прошу президиум окрплана об утверждении представленного мною проекта.

Зав. колонией им. Горького *А. Макаренко*

Вроде методического плана клубной работы

1. Каждый воспитатель берет на себя форму клубной работы с лабораторно-кружковой постоянной деятельностью и целевой установкой на частичную или периодическую временную работу в массе воспитанников.

2. Воспитатель, взявший кружок или группу, отвечает за достижение цели кружком (драмкружок хорош только тогда, когда он даст хороший спектакль, хор — концерты и т. д.).

Рекомендую взять:

В. Н. и Е. Г.¹ — кружок рукоделия, который, как и всякий кружок, только тогда может заинтересовать участников, когда он будет иметь периодические конкретные задания. Дело этого кружка можно поставить очень широко. Пример: вышить на все подушки красивые покрывала, ввести вышивание бисером и пр. и пр.

В. Н., Е. Г., а может, Р. О. — литературно-вокальный кружок с целевым заданием: устройство концертов, литературно-музыкальных вечеринок и т. п.

Р. О. или Е. Г. — группу подвижных игр (без лабораторно-групповой работы).

За Л. Ф., очевидно, останется литкружок (цель выпуска журнала). С Т. Д. я поговорю, насколько он имеет возможность активно вести клубную работу.

Каждый воспитатель должен выбрать только одну из рекомендованных или предлагающихся для выбора форму работы. Или по своей инициативе. Я указываю тут бесспорно жизненные, опытом подтвержденные формы работы. Мог бы указать на новые формы работы, жизненность которых теоретически доказать нельзя, да и названия надо еще придумать. Не хочу также подкладывать коллегам «свиней», советуя, возможно, не жизненные формы работы.

Для выбора: хоровой кружок, драмкружок, изо, спортивно-военный, литературный, стенгазеты, политграммоты, световой газеты, сказок, шахматно-шашечный, танцев.

Последние два считаю малоценными. Шахматно-шашечный потому, что турниры будут устраивать конкурсное бюро. Обучение неумеющих играть в шашки и шахматы можно «прилепить» любому играющему хлопцу.

Кружок танцев вообще не особенно важный кружок.

Кроме того, обязательно должно быть конкурсное бюро по организации конкурсов, ребусников, турниров и пр.

Учебно-театральный кружок (пластика, мимика, изучение искусства) и прочие кружки школьного типа пока что начинать не стоит. Лучше меньше кружков, но с настоящей работой.

Каждый кружок должен быть налажен с таким расчетом, чтобы он работал все свободное время хлопцев каждый день, и особенно в воскресенье, и чтобы там воспитатель не торчал помногу, а наведывался бы по мере надобности (в первое время, конечно, почаще).

Советы коллегам

Организация формы (кружка или группы).

А. Если вы уверены в том, что дело у вас пойдет, охотники найдутся, и вам ясна перспектива расширения и углубления работы, то хорошо начинать работу с «треском», одним ударом, т. е. объявить афишей или устно записать в какой-то кружок, но тогда следует сразу же объявить день, час и место первых занятий кружка и с места в карьер начать работу.

Афишу в таких случаях надо делать по возможности яркую и большую. Неплохо повесить даже несколько. Одновременно пустить в газетке статейку о кружке и повести агитацию (беру заказы, выполняю бесплатно, быстро и в любом количестве).

Б. Если форма работы вам мало [знакома] или совершенно незнакома, то ни в коем случае не следует начинать ее по А. Если перспектива работы туманна, настроение к данной форме работы не ясно, то следует начинать по принципу науки, а не искусства, т. е. не детализировать от общего, а обобщать от частности, конкретно и ясно и в процессе самой работы, оную изучая, стараться углублять и расширять работу, выбирать наиболее ценную и интересную цель и, вначале пропуская сквозь пальцы ряд мелочей, на которые следовало бы обратить внимание, постепенно повышать требования (вплоть до ежеминутного подметания пола).

Организацию такого кружка следует начинать с одним-двумя воспитанниками и расширять постепенно без всякой записи, афиш и прочей помпы.

Работа

А. С самого начала работы не навязывайте своих убеждений и мнений и как можно меньше старайтесь лезть с указаниями, дайте полную инициативу и равняйтесь на мнение большинства, стараясь быть образцовым и авторитетным товарищем и помощником всякому в кружке.

Пусть вначале мнение большинства, не количественного, а волевого (кто шибче кричит, как на новгородском вече), даст нежелательный вам уклон, пусть, не ахайте. Как только собьется ядро, актив, сколотится сильно заинтересованная кучка, берите руль и начинайте гнуть беспощадно свою воспитательную линию, подчас диктаторски действуя в отношении «дураков», не понимающих своей пользы, которым словом доказать невозможно или нет времени.

Помните всегда аксиому: «Ни один человек в кружке никогда не будет активнее вас самих»

работать, пока кружком руководите вы, и всегда будут хоть один-два человека, по активности равные вам».

И еще одну: «Актив кружка всегда настолько же заинтересован делом, насколько заинтересован руковод² математически».

В. В процессе работы, индивидуально изучая участников, старайтесь нагрузить каждого по его способностям и никогда не бойтесь перегрузки.

Давши задание, требуйте точного выполнения (запоминайте, что кому вы сказали), и давайте всегда задания по способностям (чтобы мог выполнить при большом напряжении), но никогда не забивайте своим авторитетом инициативу каждого, а, наоборот, старайтесь давать «туманное» задание, пробуждая таким чином³ необходимую для расшифровки инициативу.

Внимательно прислушивайтесь к толковым замечаниям и громогласно признавайте свои ошибки. (Я всегда говорю: «Ах, какой я дурак», — и думаю, что авторитет мой от того не падает.)

Многочисленные показы и указы совершенно не действуют, тогда как живой пример действует ураганно. Попробуйте поработать с воспитанниками и не глядеть на них, и потом понаблюдайте за работой. Они даже в момент раздумья бессознательно будут водить пальцем за ухом, если вы имеете эту привычку. Неосознанно они воспринимают очень сильно.

В. Относитесь ко всем с одинаковым вниманием, но громогласно уважайте по активности, не давайте возможности «горлопанить» активистам, иначе вступление в кружок будет остановлено и самый кружок расплзется от «периферии и до центра».

Каждый активист должен быть тихим и не капризничать, в противном случае его необходимо выдворить, и с возможно большим треском, насколько бы он ни был ценным для всего кружка по своим способностям.

Чересчур тихие ребята тоже нехороши.

Г. В процессе работы, считаясь с условиями, старайтесь расширять задания. Если вы вышиваете коврик, то лучше вышить его хоть чуточку лучше, хотя бы для этого потребовалось в 25 раз больше работы. То же самое в отношении спектакля, концерта и пр.

Никогда не забывайте *аксиомы*: «Стремление к красоте, крепко заложенное природой в каждом человеке, есть лучший рычаг, которым можно повернуть человека к культуре». «Бить на красоту, — значит, бить наверняка». «Красота — самый могучий магнит, и привлекает не только красивое лицо или фигура человека, но и красивый поступок, красивый спектакль, красивый концерт, вышивка и даже красивый картонный солдат».

Это не следует забывать. Лучше поставить один красивый концерт, чем восемнадцать отталкивающих, ибо уже на второй из последних нужно будет тянуть административно, а это совсем не достижение для клубной работы.

Отсутствие воли и недостаточность трудового навыка требуют подчас влияния административного характера, но это, по-моему, допустимо лишь в том случае, если оно оправдывается целью (влиянием на массу, массовыми выступлениями) и требует интенсивной работы кружка, каковую создать иначе не хватает времени (но не может быть, чтобы не было возможности).

Со злостными единичными бузотерами проще всего поступать административно, через завкола (дабы не терять времени), но надо помнить, что это совершенно к достижениям не относится, а как раз навпак⁴ (в области клубной работы).

Иногда возникает необходимость закричать диким голосом и выпялить страшно глаза, но это опять-таки допустимо, по-моему, в целях экономии времени, если она экономия нужна для дела.

Лучше всего говорить обыкновенно, спокойно, но настойчиво, не стараться говорить, дабы говорить, и давать высказываться побольше тем, кто говорит поумнее (но не поскладнее).

В частных случаях по отношению к «дуракам» или слабовольным совершенно необходимо самое репрессивное и полезное насилие с помощью завкола, но следует пользоваться им осмотрительно, учитывая, здоров ли вполне хлопец, не ленится ли он по причине быстрого физического роста, физического или общего переутомления и слабости.

Каждый воспитатель может смело браться за любой кружок, за любую форму работы (это не агитация, а моя искренняя и глубокая уверенность).

Вы знаете, довольно противно слушать, что Терский спец по клубной работе, Терский знает, как и что, и Терский умеет.

Терский именно всю свою жизнь берется за то, чего он не умеет, и его «недостаток», что у него не идет дело, уж когда-то им сделанное.

И вот, заметьте, всякое дело, которое не умеешь делать, обязательно выйдет, если под-

натужиться и добиваться своего во что бы то ни стало, верить так, как верят большевики в революцию, — обязательно выйдет. Помешать может только землетрясение или ваша смерть.

Организируйте кружок по способу Б, если вы вначале неясно представляете себе, как и что. И дуйте, и дуйте — выйдет.

Вот и вся психология.

Достаньте литературу, облазьте музеи, клубы, пошевелите мозгами, побеседуйте с коллегам, хлопцами, посмотрите, почитайте, послушайте, пощупайте, подумайте, прикиньте, отмерьте, отрежьте, выкиньте, еще отрежьте, еще выкиньте, и еще, и еще и дуйте, и дуйте.

Обязательно выйдет на-явь.

По-моему, так: если вы делаете дело, которое у вас заведомо выйдет и которое вы уже десять раз делали, то вы только отдаете свои силы и знания и ничего не получаете, а если вы делаете дело, которое вам мало или совсем не знакомо, то вы очень много получаете (во всяком случае, больше, чем в любой школе), потому что вас само дело заставляет работать активно, и посему последнее в целях саморазвития гораздо лучше. Возьмитесь вы, например, по способу Б за организацию кружка английского языка. Самоучитель достать пустяк. Начните сами [подготовку] на два дня раньше [начала деятельности] кружка, и всегда будете впереди как объясняющий, лучше и скорее всех научитесь. Вас необходимость заставит научиться... А дело будет живое, я наблюдал, как хлопцы по часу разбирают в библиотеке английские буквы, правописание и пр.

Только надо, чтоб в вас самих горел огонь. Вы смотрите: ну какое же мертвое дело стенография, а в условиях колонии им. Горького привлекало десятки первокурсников⁵, которые явно ни бельмеса не понимали и все-таки с охотой и добровольно посещали Збировского, потому что последний верил, дул, дул и выдул.

За всяким советом и помощью технической, пожалуйста, обращайтесь ко мне.

Если вам нужно что-нибудь нарисовать — пожалуйста.

И кроме того: кто искренне базируется в своей неуверенности на неумении рисовать, записывайтесь немедленно в художественный кружок, и я вам обещаю, что через месяц вы рисовать будете, хотя вам казалось, что у вас абсолютно нет никаких способностей (только при вступлении вы обязуетесь точно выполнять все те посильные задания «с переруздочкой», какие вам будут даны).

Художественный кружок, как кружок, именно теперь по некоторым условиям начинает работать с самого начала. Если вы сейчас не запишетесь, будет поздно — мы уйдем вперед и больше начинать уже не будем, хоть гром греми.

Вообще о методике клубной работы говорить можно долго, а писать нет времени, так что кто интересуется, пожалуйста — я всегда свободен.

Все почти новые формы клубной работы я представляю себе лабораторно-производственными с целевой установкой на игру или другое культурное развлечение, и поэтому весьма возможно, что некоторые из них сольются в мастерской изо, сиречь⁶ свободной мастерской⁷. Ежели на эту именно мастерскую будет хорошее большое помещение и на оборудование достаточно средств, то, по-моему, небывалый успех неминуем, а через год-полтора и доходная мастерская.

По распределению форм клубной работы между воспитателями необходимо сейчас же выработать твердое расписание клубных занятий для увязки работы некоторых кружков, оркестра и гарантии работы минимум один час.

Для формы работы весьма трудно брать такие громкие всеобъемлющие темы, как кружок культурного рабочего. Это должны представить в сумме все кружки, ибо иначе могут получиться нудные поучения и подтягивание в административном порядке, и внушают такие кружки слабым робость. Надо прежде всего внушить, что клубзанятия — приятное, полезное и интересное отдохновение, и на этой почве строить как можно более ценные пункты клубной работы.

Языком болтать надо умеренно и не больше, примерно, одной пятой всего времени занятий кружка, а самое главное — всему педколлективу в этом направлении надо работать дружно и самим предлагать помощь друг другу, не ожидая зова, ибо иной раз неудобно просить, думаешь, устал человек, чего его тревожить.

Докладная записка об организации свободной мастерской

В составе производственной части трудовой коммуны им. Ф. Э. Дзержинского состоит сапожная мастерская. Когда строилась и организовывалась трудкоммуна, мы только с трудом могли представить себе реальные условия работы в ней, ибо мы привыкли к другой обстановке работы. После месячного функционирования трудкоммуны оказалось:

1. Сапожная мастерская в ряду других мастерских коммуны оказывается слишком непривлекательной для воспитанников, слишком кустарной по сравнению с серьезно поставленными, электрифицированными деревообделочной и слесарно-механической мастерскими. Коммунары 1-го отряда (сапожники) представляются поэтому поставленными в слишком узкие производственные условия: несложный сапожный инструмент, однообразная и простая работа составляют чересчур большой контраст с другими мастерскими. Этот контраст не только кажущийся: и в действительности комплекс воспитывающих и организующих влияний в сапожной мастерской слишком беден среди других влияний коммуны.

2. Так как средний возраст коммунаров невелик и так как все население коммуны на 100% охватывается мастерскими, то получается, что весь средний и старший возраст поглощается деревообделочной и слесарной мастерскими и на долю сапожной остается младший возраст, совершенно к ней не подходящий.

Между тем ясно, что в составе наших мастерских должна быть одна мастерская легкого типа для возраста 11—12—13 лет. Проблема такой мастерской появляется впервые в практическом союзе именно в нашей коммуне, благодаря ее идеальной обстановке.

В решении вопроса, какую именно легкую мастерскую открыть вместо сапожной, для меня подсказывалось несколько решений (картонажная, переплетная), но ни одно из них не представляется вполне решающим.

Я было совсем остановился на переплетно-портфельной мастерской, но при более глубоком анализе отказался от нее.

Наконец я пришел к заключению, что наилучшим решением вопроса будет универсальная свободная мастерская, основные черты которой должны быть следующие:

а) она назначается для регулярных занятий младшего возраста и свободных занятий в клубные часы всех коммунаров;

б) в ней сосредоточены материалы и первичные инструменты по всем видам работы: по дереву, металлу, коже, гипсу, картону, электричеству и пр.;

в) она имеет целью подойти к ребенку со стороны его вкусов и способностей и дать ему возможность проявить себя в свободном трудовом усилии;

г) она не может иметь никакого производственного уклона, но в ней могут изготавливаться интересные вещи, как-то: игрушки, модели, мелкие вещи комфорта, детали;

д) она вначале может быть бедная, но с течением времени обогащаться новыми видами работы и инструмента;

е) будучи свободной мастерской, она должна все же обязательно приучать воспитанника к серьезному отношению к работе, к ответственности;

ж) вокруг нее может проводиться изыскание в направлении: «Что из чего делается».

Такая мастерская потребует единовременного расхода до 700 рублей и ежемесячного до 100 рублей¹.

Мастерская эта будет «новеллой» в области трудового воспитания, и поэтому окончательные ее формы могут быть найдены только в процессе работы.

Прошу об утверждении этого предложения.

А. Макаренко

Доклад на заседании секции социального воспитания Украинского научно-исследовательского института педагогики

От имени трудкоммуны был представлен проект основных принципов, какие предполагалось положить в основу работы трудкоммуны, и в развитие этих принципов — внутренняя конституция. При этом должен заметить, что внутренняя конституция предполагалась для детей, чтобы они могли следовать внутренним законам детской трудкоммуны.

Как указывалось научно-исследовательским институтом, в проекте имеется несколько неопределенных мест, что вызывает недоразумения. Отчасти это объясняется спешностью работы, а частью вытекает из сущности нашей проблемы. То, что в коммуну им. Дзержинского послана часть колонии им. Горького и тот уклад, который существует в колонии им. Горького, остался и у коммунаров-дзержинцев, — это и определило характер конституции. Я как основатель колонии им. Горького остался при прежних убеждениях и объясняю недоразумения только указанными обстоятельствами. Причем известное количество неопределенных мест выражает собой законную неясность, так как нужно дать возможность детскому коллективу творить формы своей жизни и быта. Слишком точно определить каждый шаг коммунаров представлялось бы излишним, ибо это значило не оставлять свободы для развития детского общества и общества педагогов, согласно тем условиям, в какие они попали, тем данным, какие имеют на будущее, и тем силам, какими обладают. В настоящее время исходным положением для трудкоммуны нужно признать горьковскую конституцию и оставить ее как исходный пункт для дальнейшего развития.

Это не значит, что коммуна им. Дзержинского должна в какой бы то ни было мере повторять развитие горьковской колонии. Даже за эти три месяца, прошедшие со времени перехода детей из колонии им. Горького в коммуну им. Дзержинского, заметна эволюция этих двух колоний: горьковская колония эволюционирует в другом направлении, и коммуна отличается от нее внутренним планом. Все же, несмотря на эту оговорку, как выяснилось на вчерашнем заседании и в беседе с отдельными членами, представителями научной секции института, можно признать, что основные моменты, выдвинутые в нашем проекте, рассматриваются как основные пункты отправления в отношении коммуны им. Дзержинского.

Эти пункты: воспитание рабочего, единство коллектива в той мере, в какой указывалось, т. е. единство детского коллектива и педагогического

и единство самого детского коллектива, меры принуждения в отношении некоторых членов, нарушающих общий порядок коллективной жизни, и главный принцип — производственный отряд, а не спальня и класс как первичный коллектив со всеми вытекающими последствиями — собственным командованием, ответственностью и представительством в совете самоуправления. Наконец, то, что вызвало наибольшую дискуссию, — это воспитание классового долга, общий бодрый тон и незначительное приращение игры, не выходящей за рамки военной игры пионеров. Эта игра включает в себе салют, знамя, в торжественных случаях — оркестр.

Наша конституция, мы считаем, в основных моментах является ортодоксальной формой соцвоса, отличающейся от средней линии соцвоса только углублением некоторых деталей, не нарушающих основного соцвосовского направления. Это основная установка моя как педагога и совета колоний им. Горького и им. Дзержинского. Расхождение по некоторым пунктам между моим проектом и позицией института, по-моему, вызывается неточными выражениями, возможно, в проекте о значении права, значении педагогического состава, совета командиров и т. д. Все недоразумения я перечислю и остановлюсь на них более подробно.

Первое недоразумение — указание на отсутствие определенной классовой установки. Как вчера я имел честь объяснить, когда я писал проект, то думал о классовой установке, но поскольку это общепризнано, то не надо было останавливаться на этом, и я, останавливаясь на элементах классовой установки, не употреблял слов «класс» и «классовая установка». Таким элементом является воспитание определенных переживаний коллективных, классовых. Это политическое воспитание. В единстве коллектива мы видим отражение интернационального единства рабочего класса и коммунистического единства; его необходимо проводить в нашем коллективе. Считаю также, что и в праве коллектива на принуждение мы отражаем монолитность классовых явлений, какие существуют в рабочем классе, что и в детском коллективе такая монолитность, право коллектива на принуждение должны существовать.

То, что рабочий класс является не только классом трудящихся, но и классом-организатором, хозяином, я в проекте отразил путем поручения детям не только трудовых функций, но и функций организаторских. Этим я имел возможность доказать, что наша практика пропитана таким функционированием, поскольку прежняя практика показала, что отряды состоят из мальчиков, прошедших командирский стаж, и только отряд новеньких включает в себе наибольшее количество не прошедших [такого стажа].

Что касается сознания долга, то оно тоже является проявлением классовой установки. Я имел уже честь докладывать, что классовую установку я положил в основу проекта. Если это не так было понято, тому виной неудачная редакция. Вот первое недоразумение.

Второе. Мне указывают, что в проекте игнорируется детское движение. Это тоже недоразумение. Я считаю, что наш проект должен отразить только те линии, которые являются отходящими от общей линии соцвоса в сторону углубления или варианта. Поскольку детское движение, социальное воспитание являются обязательными, то я не распространялся и указал только, что мы ведем политическое воспитание. Возможно, это про-

пуск; если бы было больше времени, я остановился бы подробнее, но наш проект основан на том, что все воспитание должно опираться на политическое воспитание. Причем возраст ребят, в среднем превышающий 14 лет, и общий жизненный опыт наших детей-беспризорных заставляют высказывать мнение, что нужно опереться не столько на пионерское движение, сколько на организацию комсомольской ячейки. Я имел дискуссию по этому поводу в органах окркомсомола и в органах наробраза и встречал согласие с моим мнением со стороны многих лиц, что в условиях нашей работы и житейской опытности беспризорных лучше опереться на комсомольскую ячейку. В колонии им. Горького мы имеем одну из сильнейших комсомольских организаций в округе, а пионердвижение слабо, и в колонии им. Дзержинского последнее является также проблематичным.

Следующее недоразумение то, что мы пытаемся основать нашу работу на науке о праве. Это, по-моему, является словесным недоразумением. Я имел в виду представление о праве, т. е. тот комплекс прав, который существует и в нашей советской жизни и Конституции, союзной Конституции, в кодексе законов,— все это должно отразиться на устройстве детского коллектива. Мы вообще считаем, что детский коллектив не только в области изучения, но и в воспитании навыков, рефлексов не может игнорировать законы, по которым строится советское общество. Значит, замечание проекта, что воспитание коллектива должно опереться на явления права, т. е. на наши «эмоции права» и т. д., верно. Я имел в виду право на орудия производства, на справедливое распределение в обществе труда и благ и право внутри класса, расширяющее или ограничивающее права личности. То есть только в этом понимании, понимании чисто светских форм права, я говорил, что наше воспитание не может игнорировать всю эту область, тем более что из этой области я выводил идею долга. Исходя из идеи долга, нельзя сказать, что наш воспитанник будет только лояльным человеком. Все воспитание должно развивать чувство долга по отношению к своему классу, тут дело не может ограничиться лояльностью, так что те замечания института, которые касаются этого пункта, очевидно, исходят из словесных недоразумений.

Самый спорный вопрос, спорный не в данном собрании, а в нашем педагогическом совете,— это пункт, по которому я расхожусь с советом: в отношении значения коллектива детского и коллектива воспитателей. Этот пункт затронут также институтом в двух местах, в частности в том, где говорится о неясности роли детского коллектива и больших функциях командиров. Это недоразумение, так как никто не переводил группу ребят на положение касты командиров, ибо это было бы губительным. Мне потребовалось бы слишком много времени для того, чтобы описать тот быт совета командиров, который существует на деле. Это дело такта руководящих органов коммуны, который позволяет нам командирский совет в области организации его работы строить так, чтобы в нем участвовал значительный процент детей. Я приводил таблицу двух отрядов — полевого отряда и квалифицированного из колонии им. Горького, работающего на электростанции. Может быть, не обратили внимания на эти таблицы, а может быть, этого недостаточно, чтобы снять с меня обвинение, обвинение старое. Поэтому я привел список того отряда, где стаж не более года; в нем 4 мальчика из 11 имели командирский стаж по основному отряду 2 года и по так

называемому сводному отряду [до года]. Что касается отряда ремесленного типа, то он старый, где стаж по колонии был больше года и все 11 мальчиков прошли командирский стаж, причем некоторые были 101 или 46 раз командирами и т. д. Таким образом, мы втягиваем всех в работу организатора и касты командиров появиться не может. Если взять командира коммуны им. Дзержинского, то увидите, что командиры имеют минимальный командирский стаж, т. е. одни командиры уступают свое место другим. Причем я могу доказать, что с командирством не связаны никакие привилегии и каждого командира может заменить в любую минуту любой коммунар и командовать отрядом. Это первое недоразумение.

Что касается второго вопроса о роли воспитателя в нашей работе, то с [педагогическим] советом у меня расхождение чисто принципиального свойства, где бы я уступить не мог. Оно заключается в следующем: я полагаю, что роль воспитателя вытекает не из тех формальных прав, которые ему даются внутри коммуны и являются подкреплением его авторитета. Роль воспитателя должна исходить из его эрудиции, его подготовки, его такта и т. д. Какими бы формальными правами ни награждал педагогический совет воспитателя, если нужного соотношения сил воспитанников и воспитателей не будет, то расхождения углубятся. Причем я считаю, что права отменять постановления органов самоуправления у воспитателей не должно быть. Сообщение таких прав воспитателям грозит тем, что их работа и общий тон подхода к делу пойдут в сторону наименьшего сопротивления, так как они будут стараться пользоваться этими правами, а не своими возможностями педагога-мастера. Поэтому я считаю возможным настаивать на такой форме. Роль воспитателя не обозначается установлением права (т. е. оно есть в общегосударственном масштабе, но не в масштабе коммуны). Воспитатель принимает участие во всех функциях коммуны.

Наш совет трудкоммуны им. Дзержинского настаивает на том, что он должен получить еще значение верховного органа коммуны, т. е. официально должно быть признано право утверждать и отменять постановление органов самоуправления. Для меня это значит разрыв с моими прежними убеждениями в этом вопросе. Поскольку орган самоуправления один, он должен остаться в глазах воспитанников верховным органом коммуны, а если воспитательский персонал не сумеет влиять в этом органе так, чтобы выносимые постановления были полезны для нашего дела, то поправлять это бессилие применением формальных прав было бы вредно, а само наличие этого права давало бы возможность совету ослабить роль своих педагогических сил. Опыт показал, что при нашей системе устанавливаются хорошие отношения между воспитателями и воспитанниками, получается свободная от насилия установка в положении старших товарищей, имеющих значение благодаря своему опыту, создается хорошее состояние детского и педагогического коллективов. Вопрос этот чисто технический, принципиальным он является только в нашей среде, хотя фактически отношения от этого не меняются. Вот все недоразумения, которые более или менее объяснены или приведены для сведения.

Самое главное, на чем следует особенно остановиться: мы считаем отправным пунктом конституцию колонии им. Горького, из которой мы пришли. Что должно определять наше развитие? Здесь главным направляющим, а может быть, единственным моментом является та целевая установка

нашей коммуны, о которой говорилось. Мне кажется, что в этом вопросе возможны самые различные решения и каждое из них может быть более или менее правильно, но в последнем счете достаточно ясно определилось, что у автора проекта и у института [существуют] кардинальные расхождения. Даже, пожалуй, не расхождения, а две возможности. Институт подчеркивает значение школы и образовательного процесса и поэтому ищет такой тип школы, который был бы завершенным, причем в качестве проекта дается семилетка или фабрично-заводская семилетка. Мы сами думали так в первые дни организации коммуны. В последнее время мы пришли к убеждению, что такое решение вопроса возможно, желательно, но нужно тогда сделать все необходимые выводы, какие отсюда вытекают.

Если решим, что трудовая коммуна им. Дзержинского есть ФЗУ или ФЗС с точной регламентацией всех программных движений в среде этого учреждения, то придется сделать такие выводы: прежде всего необходимо в таком случае понизить возраст[ной ценз] воспитанников до нормального школьного возраста для той или иной рубрики, во-вторых, необходим подбор воспитанников по строго школьным признакам. Наконец, необходимо в известной мере отказаться от материального эффекта наших мастерских, тогда нужно мастерским придать учебный характер. Нужно отказаться в значительной мере от функций самообслуживания, поскольку в настоящее время ребята отвлекаются отчасти от школьной работы и в известной мере от учебно-производственной работы мастерских. Наконец, нужно будет совершенно отказаться от работы по сельскому хозяйству на тех пяти десятинах, которые есть. Как ни мизерны эти пять десятин, все-таки если развивать огородное дело, то с середины апреля и с начала октября значительная часть ребят направится на эту работу, а если учтем всю работу, которая определяется жизнью коммуны как [трудовой] коммуны, а не как школы, то значительную часть сил мы должны отвлекать от учебного процесса.

Если быть последовательным, то, организуя коммуны на базе серьезной школьной работы, нужно отказаться от всех тех вещей, о которых я говорил, и отказаться от самого термина «трудовая коммуна». Это будет не трудовая коммуна, а ФЗУ с интернатом или детским домом с уклоном к ФЗУ или к фабрично-заводской семилетке. Весь цикл взаимоотношений в детском коллективе, весь цикл внутреннего быта должен измениться под влиянием строго школьной учебной установки.

Но возможен и другой путь — возможна установка на трудовую детскую коммуны, т. е. трудовой детский коллектив, главной целью которого является воспитание. Эта установка не только возможна, а в настоящий момент наиболее целесообразна. Это проистекает из следующего: у нас самый разнообразный по возрасту детский состав, самая разнообразная школьная подготовка. В трех группах имеются слесари, столяры и т. д., в деревообделочной мастерской есть учащиеся первой, второй, третьей и четвертой групп. Мы имеем три производства, три вида работ, принять школьную программу — значило бы каждую группу делить на три-четыре части. Эти условия страшно затрудняют организацию такой школы.

Дальше мы имеем такой факт: различие целеустремленности наших учебных заведений. В обычное ФЗУ поступают дети, специально интересующиеся этим видом образования. К нам приходят дети без целеустремленно-

сти, которых не спрашивают о их желаниях (они имеют различные желания и цели), и быть уверенным, что все дети пожелают быть слесарями или столярами-деревообделочниками, нельзя, так как часть думает быть механиками, часть — пойти на рабфак и т. д. Это объясняется самим фактом беспризорщины: из того, что мы берем детей не по желаниям, которые их толкают к нам, а случайно, причем у нас они должны определить свои интересы и вкусы, а эти интересы настолько разнообразны, что мы их всех удовлетворить не можем. Благодаря этим условиям я лично (педагогический совет я об этом не спрашивал) как специалист по детским трудовым коммунам остановился на коммуне. Я оставил бы детскую трудовую производственную коммуну с усилением даже финансовых прав детского самоуправления, т. е. с предоставлением ему права распоряжаться суммами, какие имеются в распоряжении коммуны, с определенным производственным эффектом, который выразился в известной самоокупаемости, и с увеличением заработка в мастерских.

В этом случае мы должны допустить известную свободу движения ребят, т. е. после коммуны известная часть [ребят] может уйти на рабфак — часть как хозяйственники, часть как служащие и т. д., и в силу этого для педагогического совета надо установить свободу руководства движением ребят. Эта установка на детскую коммуну была с самого начала организации этой колонии. Я указывал, что ставка на твердую квалификацию не всегда может быть выдержана и в такой коммуне. Мы имеем производственные мастерские, в то же время даем определенную школьную подготовку, чтобы воспитанник мог пойти дальше продолжать свое образование. Это было бы трудовой коммуной.

Возможность такого типа выяснилась в первые дни. Я считаю, что организация такой трудовой коммуны была бы прекрасным памятником товарищу Дзержинскому, если бы она была организована с прекрасным средним тоном, с политической установкой и уверенностью в будущем, какая необходима для детей. В детских колониях смешивают все карты. Во-первых, материальная бедность, во-вторых, неуверенность [в том], что воспитанник будет делать при выходе из коммуны. Если у ребят будет уверенность, что они получат поддержку, то смело пойдут по пути определения своих вкусов, определения себя.

Такая трудовая коммуна как образцовое учреждение для беспризорных должна быть. Мы не можем строить для беспризорных ФЗС, так как ФЗС с интернатом будет чрезвычайно дорогая вещь и для ста человек было бы чрезвычайно невыгодно. Но это мое мнение.

Таким образом, есть два пути: ставка на точную школу, но с отказом от самообслуживания, от сельского хозяйства, приемом ребят по возрасту, либо трудовая коммуна, трудовой коллектив, главной целью которого будет выпуск в жизнь подготовленных людей, хотя без строго [осуществляемой] школьной установки¹.

* * *

Я думаю, что в самую постановку вопроса нужно внести некоторую ясность. Памятник товарищу Дзержинскому можно построить различный: можно построить школу для детей и можно построить бронзовый памятник. Я думаю, что у нас более узкая задача: построить такой памятник, чтобы нашли

себе приют беспризорные, приют и воспитание. Поэтому в устройстве памятника мы должны исходить из нужд и из характера нашей беспризорщины.

В нашей беспризорщине два проклятия: материальная бедность в самих учреждениях, не позволяющая серьезно и всех охватить учебно-воспитательной работой, и отсутствие опеки после выхода из детской колонии. Колонист или воспитанник детского городка живет в детском доме, но перспективы он не имеет. Во-первых, не имеет ее потому, что не получил никакой квалификации, и, во-вторых, потому, что, когда уходит из дома, не имеет серьезной опеки каких-либо людей. Таким образом, если говорить о памятнике товарищу Дзержинскому, о помощи беспризорным, то нужно стараться уничтожить эти два проклятия.

У нас в колонии первое проклятие мы уничтожили: воспитанник живет в богатой, в смысле питания, машин и даже эстетики, обстановке. Дальше нужно, чтобы воспитанник был спокоен за свое будущее и естественным путем вошел в жизнь здорового рабочего коллектива. Вот конкретное выражение задач, и думаю, что, решая эти задачи, мы не должны рассчитывать, что обладаем неисчерпаемыми средствами. У нас должны быть обычные средние нормы, возможно несколько более обычных норм потребления детского дома.

Колония [как] памятник товарищу Дзержинскому будет типичным учреждением для беспризорных, по которому будут равняться другие, но ведь среди этих учреждений нет ФЗС. Если мы организуем ФЗС с богатой обстановкой, то такое учреждение для наших детских домов не может являться типичным. Наши колонии-городки по 500—600 человек, может быть, до ФЗС дойдут тогда, когда будет покончено с беспризорщиной. Поэтому вряд ли можно отказываться от образца, по которому будут равняться все детские городки. Отсюда основная задача — это конструирование жизни в детской колонии так, чтобы в области удовлетворения временных детских потребностей, в области удовлетворения естественных стремлений детства и организации жизни все было сделано правильно. Если мы говорим о школе, то мы не решаем этой задачи, так как школа не будет памятником в смысле борьбы с беспризорностью, будет обычной школой, но не будет типичной колонией для беспризорных.

З а к л ю ч и т е л ь н о е с л о в о

...Скажу, что когда я писал проект, то полагал, что идеологические споры разрешены. «Правильное» идеологическое решение было тогда, когда строился детский дом ВУЦИКа и другие богатые детские дома. И, несмотря на это, дома эти оказались нежизнеспособными. Я считал, что на десятом году революции мне идеологические положения защищать не нужно, и поэтому идеологической установки не указал...

Я хотел в первом разделе (цель воспитания) перечислить отдельные пункты того социального заказа, который нам предъявляют. Я возражал не против цели, а против того, что цели слишком общо выражались, не имея практического значения.

Я говорил, что практического значения одна только общая формула иметь не могла. Мы с таким коротким, слишком общим выражением спра-

виться не могли, и опыт не только Украины, но и РСФСР показывает, что, хотя все педагоги были знакомы с этой общей целью, все-таки выразить практически эту цель в близких, понятных формах не могли. Вот почему, выражая эту цель, я перешел к социальному заказу, какой нам дается.

Тут я подошел правильно с точки зрения класса. Товарищи ...недостаточно внимательно прочли мою фразу: «Производственный отряд является хозяином мастерской», так как дальше — такое выражение: «Для работ по самообслуживанию, а летом по сельскому хозяйству в производственные отряды выделяют временные (сводные) отряды». Именно в таком понимании основной отряд уподобляется профсоюзу. Поскольку мальчик числился в отряде столяров, а командирован на другую работу, то он относится к столярному отряду как к своему профсоюзу. Это не синдикалистский уклон...

В вопросе о дисциплинарной практике, когда я говорил о кодексе, я указал: «Во всяком случае, такой опыт произвести не мешало бы», но не производил, не думал производить, хотя считаю, что научно-исследовательскому институту вряд ли есть основание отказываться от такого опыта. Конечно, речь идет не об уголовном кодексе, но некоторый кодекс поведения можно было бы провести. Не вижу оснований только из эмоциональных соображений отказываться от постановки такого опыта, так как это будет опытная постановка.

Перехожу к сущности возражений против моего проекта. Что касается принуждения, я, когда употребил это слово, думал, что употребляю его в совершенно научном смысле и что оно будет понято научными работниками так же, потому что, если мальчик отказывается умыться, а я говорю «ты пойдешь умойся», — это элемент принуждения, так что элементы принуждения не могут быть отброшены в воспитании, а если их отбросить, то и такой момент, как сказать «иди умойся», не может быть допустим. Либо принуждение не может быть допущено, либо, если это не принуждение, то что? Я называю это принуждением, т. е. каждое принуждение может существовать, если его назвать убеждением.

В более тяжелых случаях есть более тяжелые формы принуждения. Московский съезд детских домов поставил этот вопрос прямо, так же как вопрос о наказаниях, и даже мне, убежденному стороннику принуждения, пришлось возражать против слишком формального подхода в этом вопросе.

Я для себя признаю обязательным, если вы скажете — никакого принуждения и никакого наказания. Значит, мы отказываемся от принуждения. Тогда этот закон может быть применен к коммуне им. Дзержинского, и посмотрим, что получится. Я уверен, что получится развал, если не будет принуждения и элементарного права наказания.

Я не хотел выступить ханжой и прикидываться, что не буду принуждать никого, а на самом деле буду принуждать, и поэтому должен сказать, что стою за принцип принуждения. Может быть, преодолевая естественную неловкость, считаю себя обязанным сказать, что даже применение физической силы не с целью наказания, а с целью задержки и остановки допустимо. Если два мальчика при вас будут драться, то вы физически их остановите, а не остановите — пожнете все плоды этого.

О правовых эмоциях я говорил. Считаю, что отказаться от этого нельзя. Сплошь и рядом мы получаем детей, у которых есть правовые эмоции, реф-

лексы, когда мальчик уверен, что его все обязаны кормить, одевать и т. д., а он никаких обязанностей к существующему обществу не имеет. Это обычный тип беспризорника. Вы имеете дело с правовым явлением. У некоторых мальчиков переживания нужды переходят в переживания (не знаю точного термина, выражаюсь практически) правовые: если он не имеет сапог, то он это воспринимает как право украсть сапоги, и, поскольку мы соприкасаемся с жизнью детского общества, мы сталкиваемся с постановкой правовых проблем. Если бы наша педагогическая наука содержала определенные термины, определенную трактовку таких проблем и проблемок, то можно было бы отбросить термин «правовой», но поскольку я лично точных указаний, как это назвать, в литературе не встречал, то принужден был сам придумать название — я это называю переживанием правового типа. Такие переживания у нас в доме встречаются на каждом шагу: либо ребенок убежден в каком-то своем праве, либо убежден в отсутствии права другого.

Реальная работа рядового педагога проходит все время между этими явлениями, и рядовой педагог принужден на деле как-то на это реагировать. Возможно, я в своей практике имел дело с правонарушителями, когда эти эмоции особенно проявлялись.

В отношении долга. Я старался в первой главе определить, как умел, что переживания чести исходят из сознания о чести класса, его значимости. Если я уверен в высокой ценности рабочего класса, то я это называю переживанием чести своего класса, т. е. известное достоинство от того, что принадлежу к этому классу. Конечно, у меня этот термин вытекает не из тех оснований, которые были у офицеров; что касается понятия о долге, я понимаю долг как переживание своих обязанностей по отношению к коллективу. Убежден, что в трудные моменты нашей жизни эта идея долга возникает у каждого комсомольца, у каждого партийца и даже у каждого сознательного рабочего. Может быть, нужно придумать другое слово, а я называю термином «долг». Нельзя из-за того, что я называю таким термином, перерачивать всю установку.

Считаю, что такая установка — переживание своей принадлежности к классу — и есть переживание долга. В том случае это переживание проявляется, когда личность определенным образом привлекается к общей линии поведения класса. Я считаю, что игнорировать этого нельзя. Почему игнорирую это явление? Потому что наша педагогическая литература не снисходит до таких деталей. Это «мелочи», которые оставляют для практических работников, а наши работники приходят в детские дома и перед такой «мелочью» становятся в тупик.

Я об этом говорю как о деле серьезном, это не вздор, который говорится в разгаре полемического спора. Наша трудность в правовых вопросах вытекает из внутренней неосведомленности работника в этом вопросе. Неправильно толковать понятие — одно дело, но если вы по существу отбрасываете самую возможность нашего классового рабочего долга, нашей классовой рабочей чести в том толковании, как я трактую, т. е. в отношении уверенности в значимости класса, то убежден, что кто бы ни взялся за работу в трудкоммуне, должен будет либо провести в жизнь все эти формулировки, либо погибнет коммуна.

Я считал, что передо мной стоит ответственная задача — составление

плана для такого учреждения, как Дом Дзержинского, и прикрывать такие проблемы считал себя не вправе, хотя знал, что меня лично будут ругать.

Вопрос о военизации. Тут мне только остается развести руками. Нужно же кому-нибудь за восемь лет хоть раз удосужиться и посидеть в коммуне. Я вам докажу, что это неправильно, что никакой военизации нет. Что такое военизация? С ружьями воспитанники не возятся, строем военным не занимаются, военной науки не проходят; только салютуют — так это формальный пункт. Что делает труба? Дает сигналы. Предположим, приходят французы и просят: «Соберите воспитанников». В таком случае труба даже приятно звучит, и это своего рода музыкальные звуки... Когда приезжает новый человек, то это для него странно, но когда проживет шесть-семь лет, то это является обычным звонком, и эта труба во многих случаях жизни дает возможность без лишних уговоров и митингов собрать, когда нужно, коллектив.

Говорят — кругом пропитано военным духом. Сколько бы я ни писал, сколько бы ни говорил, а я говорю не первый год — никого не могу убедить. Предположим, сегодня приехали французы, встретили их с оркестром. Если оркестр играет, то вы говорите, что это военный дух. Поскольку есть оркестр в каждой воинской части, то это военный дух, но поскольку оркестр есть на каждой фабрике, то это не военный дух, а в медной трубе нет никакого военного духа. Что касается слова «есть!», то оно не обязательно, как хочет воспитанник, так и говорит, но эта традиция прекрасная.

Говорят: никакой сознательности — одна эмоциональность и дисциплина, т. е. один товарищ начал, а другой прибавил. Один нашел одну эмоциональность, а вы — никакой сознательности. Не буду говорить о коммуне им. Дзержинского — это дело молодое, но возьмем колонию им. Горького. Если там 33% комсомольцев и вполне сознательный комсомольский народ, то откуда это берется? Ведь вечно эмоций не может быть. Эмоция сегодня, эмоция в понедельник, эмоция в четверг, но не семь лет. Это обвинение горьковской системы в постоянной приподнятости, пафосе — положительно недоразумение. Я думаю, что работу ежедневно в течение трех-четырех лет по пять-шесть часов нельзя объяснить наличием эмоций, так как она возможна лишь при длительной, холодной и четкой установке.

В чем эмоции? Известный радужный тон, бодрое настроение. Это следствие точного порядка дня, четкой дисциплины, уверенности в том, что завтра тебя не покинут. Сознание, что принадлежишь к коллективу друзей, — вот что создает бодрое настроение. Кроме того, я противник всего того, что вызывает избыток эмоции, я сторонник спокойного здорового человека. Единственная возможность убедиться — это посидеть в колонии и посмотреть, какое бодрое, уверенное настроение у воспитанников. Тут не вижу причины для возражений.

Что касается типа школы, то она у нас может быть разная. Можно установить ФЗС с прекрасным преподаванием, с ограниченным самообслуживанием, точной программой, мастерскими — и это, конечно, будет хорошее учреждение. (С места: «Почему нельзя увязать?») Можно это сделать, но увязать нельзя, приступите к конструированию, и вы ни за что не увяжете. (С места: «Приступите и увяжете».) Я не считаю себя неспособным воспитателем, но не увяжу. Здесь сидит заведующий производственными мастер-

скими, инженер Колеса, и он тоже не сумеет увязать. Можно увязать с самообслуживанием рубку дров, работы в саду и т. д. с точной производственной программой в мастерских, но увязать самообслуживание, мастерские и полную школьную программу невозможно. Я думаю, что средств не хватит, и идеологически [наше учреждение] не будет настоящим памятником товарищу Дзержинскому, как дом для беспризорных. Это будет школа, прекрасная школа с интернатом, которой будут завидовать другие школы, но далеко стоящая от обычного типа детского коллектива, колонии для беспризорных. Доказать это я, может быть, не сумею, но я уверен, поскольку имею дело с коллективом.

Посмотрим на это дело практически, практические мелочи надо уточнить. Первая деталь: нужно взять из какой-то колонии мальчиков, окончивших четырехлетку, и привести сюда. Представляю себе этого мальчика — если вы возьмете такого, который прожил в Валках определенное время, и возьмете его сюда как нормального мальчика, то посмотрим, как он вам поможет создать эту нормальную обстановку, причем ему будет лет шестнадцать. (С места: «Почему?») Потому что в детских колониях такого возраста дети подходят к пятой группе. Брусиловской колонии мы дали точные указания, кого прислать, и кого они нам прислали — самых сереньких, заурядных: тех, кто им не нужен. Так будут присылать все колонии.

По отдельным деталям — позвольте сказать искренне. Я считаю, что практика наших детских домов настолько не разработана, настолько не определена никакими положениями и даже никакими идеологическими положениями, что трудно установить законы. Ревизия 38 детских домов московских показывает, что правильная идеология, правильная установка недостаточны. Важна постановка дела воспитателями, материальные средства и т. д. Где есть удачный состав, там, где создана некая своя школа, некий свой уклад, не противоречащий ни соцвосу, ни общим принципам, но нашедший в своей обстановке свои формы, там дело движется успешно, и я думаю, что в этой трудкоммуне успех будет в том случае, если найдется коллектив, который сумеет создать свою школу.

Дружная работа 5—6 человек, которые сумеют найти применительно к данной обстановке нужные и полезные формы, даст успех в работе, а здесь, сколько бы мы ни определяли, если такого коллектива не будет, то коммуна не будет поставлена хорошо.

Почему на колонию им. Горького нападают? По перманентному недоразумению. Когда нужно говорить о положительных сторонах колонии им. Горького, то она никуда не годится, а когда нужно организовать колонию, то берут воспитанников из колонии им. Горького. Идет речь о Доме Революции — предполагают взять детей из колонии им. Горького, организовалась колония им. Дзержинского — тоже взяли из колонии им. Горького. Нужно какое-то ядро педагогов, а если не найдутся такие педагоги, то никакие программы, никакие операционные планы ничего не спасут. Нужно найти такое крепкое, сбитое, уверенное, что поступает правильно, ядро педагогов. Вот единственное достоинство того коллектива, который работает в колонии им. Горького, так как он действительно спаян и не за месяц, а за годы работы, и он соответствующие формы работы найдет. Пусть он ошибется, но он увидит свою ошибку и исправит ее.

Иных путей нет, а если мы станем на такой формальный путь, то долж-

ны написать определенную партитуру и сыграть ее до последнего диеза, из этого ничего не выйдет. (С места: «Значит, играют по слуху, а не по нотам?») Ноты написать можно, но в процессе работы сам коллектив педагогов должен найти те формы, какие нужны.

О некоторых проблемах теории и практики воспитания

I. Наши скромные желания

В огромном большинстве случаев инспектор, привыкший танцевать от школы, и в детском доме ничего не способен видеть, кроме школьных установок, а все то, что выходит за границы класса, все то, что составляет самую сущность детского дома, просто им не замечается¹.

Применение школьных критериев к работе детского дома в настоящее время сделалось обычным и, так сказать, определенной модой. В этом сказывается потеря веры в детский дом как в основное дело советского воспитания. Мечтания и планы 1920 г. сейчас трезво забыты, и детский дом мыслится необходимым до тех пор, пока будут существовать беспризорные. Насколько я помню, в харьковской пятилетке прямо проектируется уменьшение числа детских домов и их воспитанников. Детский дом в таком аспекте есть нечто вымирающее, и, конечно, никакой особенной педагогики для него не нужно. Через пять лет останется два-три детских дома в больших городах специально для воспитания сирот. Их существование будет определяться только нуждой в призрении, но отнюдь не системой советского воспитания.

Если это действительно так, то вопрос о педагогике детского дома отпадает. Как будто все идет к этому. Уж одно то обстоятельство, что почти принципиально не допускается существование детского дома для детей из семьи, что в сотнях наших колониях и деткоммунах прямо изгоняются семейные дети, что детский дом есть дом обязательно для беспризорных, уж одно это способно поставить крест над нашими педагогическими вождениями.

Имеем ли мы право, рассчитывая на то, что этот процесс умирания детского дома приведет его к благополучной кончине, забросить вопрос о его педагогике? В 1920 г. мы начинали с утверждения, что соцвос может быть только в детском доме, что школа временная форма; мы отвоевали детский дом у собеса, который по прямой житейской логике считал, что сироты и беспризорные его клиенты. В настоящее время наш детский дом по невыясненности своей педагогики, по заброшенности и своей практики и своего благосостояния, собственно говоря, в значительной мере состоит в собесе. Можем ли со спокойной совестью утверждать, что этот путь «от соцвоса к собесу» нормальный и правильный? Или, может быть, у нас есть еще возможность надеяться, что мы пойдем по другому пути: «от собеса к соцвосу»? Не рискуем ли мы, забросив педагогику детского дома слишком рано, лет через пять или даже раньше обнаружить, что мы слишком поторопились?

На эти вопросы не может быть двух ответов. Ответ может быть только

один: именно детскому дому принадлежит советское педагогическое будущее. Вот несколько, вероятно, совершенно очевидных аксиом:

1. Не может быть социалистического общества без общественного воспитания. Совершенно невозможно представить себе, чтобы в государстве, основанном на плане, стихия воспитания не была в руках государства.

2. Современное советское общество в вопросе о воспитании находится на более сложном положении, чем общество дореволюционное. Царская Россия имела все основания считать своим надежным помощником в деле воспитания семью, поскольку семья была основным, признанным и закрепленным первичным коллективом в обществе. Семья, в особенности семья буржуазная, идеологически всегда должна была стоять в одной плоскости с государственной властью. В этом участии семьи в государственном плане воспитания лежали отчасти и причины ее крепости. Супруги необходимо должны были быть связаны религиозными и юридическими цепями, обязательно на всю жизнь, если они несут ответственность за воспитание детей. Женщина по возможности должна быть нянькой и хозяйкой и необходимо должна «бояться мужа»; крепость семьи приводила к принципу единоначалия, к власти одного над другим. Дисциплина в семье была так же необходима старому обществу, как и гарантия того, что каждый ребенок обеспечен надолго отцом и матерью. Таким образом, вся архитектура семьи была приспособлена к тем воспитательным задачам, которые на эту семью возлагались.

В нашем обществе мы тоже видим семью, но мы стоим на совершенно иной позиции по отношению к семье. ...Женщина в нашей семье уже не нянька и хозяйка, а прежде всего активный и производящий член общества. ...В семье новой оба компонента равны и свободны, где они оба участвуют в производстве, где они могут в случае необходимости уйти один от другого. ...Старая крепкая семья с матерью-хозяйкой, с властью отца и отеческим ремнем, может быть, и воспитывает, но наверняка воспитывает не того, кто нам нужен...

3. В таких обстоятельствах можем ли мы хотя бы приблизительно сказать, что у нас вырастает и что у нас вырастет из наших детей. Где у нас гарантия, что из нашего теперешнего детства не вырастут самое наглое шкурное мещанство или растяпы и лежебоки «без царя в голове» и без уважения к себе и другим? И если сейчас в ответ на эти вопросы мы можем только развести руками и повертеть головой, дескать, не знаем, что через пять лет, когда наша промышленность потребует не одну тысячу женщин на производстве, когда в семью войдет матерью нынешняя свободная девушка, воспитанная нами в презрении к пеленочной и печной квалификации, мы обязательно скажем, что именно воспитание наших детей осталось без необходимых для этого институтов. Тот первичный коллектив, который раньше выражался в семье, мы [еще] ничем не заменили, ибо нельзя же таким первичным воспитательным коллективом считать школьную группу.

4. Детский дом, и только детский дом, есть будущая форма советского воспитания. Он, конечно, не может быть даже подобием нынешнего детского дома, наполненного искусственно изолированной беспризорщиной. Нынешняя колония, составленная из брошенных одиноких детей, пережив-

ших гораздо больше того, что под силу ребенку, это, вне всяких сомнений, не вполне здоровое общество, и вполне здоровым даже при геройстве наших педагогов оно уже и не может быть. Только детский дом, наполненный здоровым детством, знающим, что где-то на фабрике работают отец и мать, имеющим с ними связь и не лишенным ласки матери и заботы отца, только такой детский дом будет настоящим советским соцвосом, потому что в нем объединятся как воспитательные деятели и государство, и новая семья, и совершенно уже новый деятель — ребячий производственный, и образовательный, и коммунистический первичный коллектив.

И такой детский дом не только необходим, но и неизбежен, и, самое главное, вполне возможен. Правильно организованный и оборудованный детский дом, дающий ребенку несравненно больше того, что способна дать самая лучшая семья, в то же время представляет собой производственную организацию. Будущее наше детство будет давать обществу громадную продукцию, занимающую очень важное место в общегосударственном доходе. В самых круглых цифрах можно предвидеть, что, если все детство СССР будет организовано в детских домах, оно будет давать в год продукции на сумму один миллиард рублей. Это обстоятельство должно определить дешевизну содержания ребенка в детском доме, следовательно, выгодность для семьи помещения ребенка в детский дом. Кроме того, нужно предполагать, что общественное воспитание будет признано настолько серьезным делом, что оно будет строиться, подобно нынешнему соцстраху, на принципах обязательного участия в расходах всех. Ибо если в социальном страховании должны участвовать все, то тем более все должны участвовать в расходах по подготовке будущего поколения. Будущее поколение — дело всего общества, а не только тех, кто физически позволил себе роскошь иметь детей.

Во всяком случае, если вопрос о развитии и расширении сети детских домов есть вопрос только о средствах, принципиальная позиция педагогической мысли по отношению к детскому дому не может быть отрицательной. В последнем счете даже вопрос о средствах представляется трудным только в смысле единовременных затрат на постройку новых детских домов, самое же содержание ребенка в детском доме в среднем должно обходиться гораздо дешевле, чем в семье, при гораздо лучшем обеспечении всех его потребностей. Кстати, нужно сказать, что это содержание должно обходиться тем дешевле, чем лучше построен и оборудован детский дом. Правильное вложение капитала и здесь, как и в иных случаях, приносит и больше экономии и больше прибыли.

Впрочем, вопрос о финансовой стороне детского дома не входит в настоящую тему, об этом можно все же сказать очень много простых и совершенно очевидных истин когда-нибудь в другой раз.

Главное, на что необходимо обратить общее внимание, и в особенности внимание педагогической науки, — это совершенно несомненное положение, что советскому детскому дому, а отнюдь не школе, принадлежит будущее. Замалчивание методики детского дома поэтому должно быть оставлено.

В настоящее время в области разработки педагогических вопросов по отношению к детскому дому, да и вообще по отношению к воспитанию происходит много неладного, если не сказать больше. Схоластическая удаленность нашей науки от педагогической практики, отсутствие определенного

научного метода, гипотетичность большинства теоретических положений, преобладание формы проповеди, крайняя дедуктивность самой логики научной работы и, наконец, целое море удивительно живучих предрассудков — все это приводит к тому, что в настоящее время у нас в практике нет ни одного совершенно бесспорного положения.

По любому вопросу, даже самому древнему, у нас возможны два мнения, самое меньшее, и очень часто борьба этих мнений решается вовсе не при помощи аргументов, а исключительно благодаря давлению идей и принципов, стоящих вне логики и даже открыто отрицающих право логики на вмешательство. Ни в какой другой науке и ни в какой другой практической работе такую заметную роль не играет чистое «убеждение», т. е. совершенно свободная уверенность в какой-то непогрешимой истине, как в педагогике². Можно привести очень много примеров этой преобладающей априорности, но я остановлюсь на одном, первом попавшемся. Мы, например, все глубоко убеждены, что сознательная дисциплина — благо и что нужно воспитывать именно сознательную дисциплину, а между тем это, безусловно, одно из самых спорных положений, если подходить к нему не с точки зрения непогрешимости педагогической науки³. Дисциплина — это производное очень многих влияний и очень многих образований в сфере человеческой личности. Дисциплина поэтому может быть только конечным эффектом всего процесса воспитания...

Но было бы еще не такой большой бедой, если бы наши недостатки ограничивались только обилием вопросов спорных, даже больше, если бы все вопросы были спорными. В некоторых отделах нашей педагогической мысли очень немного спорят, не потому, что нельзя спорить, а потому, что нет охотников на это занятие. Даже напротив: находится очень много любителей гораздо более легкого дела — разводить водой и разливать по многим страницам уже однажды высказанные положения. В практической работе тоже споров мало. Так что, повторяю, беда не в спорах.

Беда в том, что наша практическая воспитательная работа вся состоит из проблем, над которыми вот уже десяток лет работают многие тысячи людей: воспитателей, инспекторов, инструкторов. Для нас это все действительные проблемы, и пока что проблемы проклятые, и, несмотря на это проклятие, все же проблемы педагогические. Они таковы как раз потому, что мы прекрасно видим, что в их разрешении весь залог успеха.

Но этими как раз проблемами наша теория и наша литература совсем не занимаются или занимаются очень мало.

Отчего это происходит? Отчего то, что для практиков составляет главный вопрос, не составляет никакого вопроса в теории? Ведь если в практической медицине вопрос о лечении рака один из главных, то таков же он и в медицинской теории. В педагогике же наш главный вопрос не является ни главным, ни второстепенным, вообще никаким в педагогической «теории».

Вот почему для нас, практических работников, даже трудно решить, что же это такое — педагогическая «теория». К нам приходят новые товарищи, только что окончившие вуз, только что освоившие педагогическую теорию, и они нам не приносят ничего нужного, никакой новой струи не вливают в наши застоявшиеся реки. В течение двух-трех лет они на наших глазах забывают эту самую теорию и постепенно приучаются полагаться

больше на эрудицию, здравый смысл и житейский опыт, и в то же время они вместе с нами возятся с нашими проклятыми проблемами, которые где-то там повыше не считаются ни проклятыми, ни педагогическими, ни даже проблемами.

Значит ли это, что мы отрицаем педагогическую теорию, а пожалуй, даже и науку?

Нет, это только значит, что мы заявляем несколько самых скромных желаний.

Несколько самых тихоньких воззваний к педагогической науке и к педагогической литературе.

1. Мы просим те вопросы, которые крайне важны и которые давно торчат перед нашими практическими глазами, без решения которых мы не можем шагу ступить в педагогической работе, считать педагогическими и присвоить им звание проблем, почетных педагогических проблем.

2. Мы просим вообще считать педагогику наукой, которая нужна прежде всего нам, практическим работникам, и которая для нас специально существует, и просим не считать, что мы и наши воспитанники существуем для педагогической науки. В наших школах, например, сплошь и рядом можно наблюдать, что не комплекс существует для учеников, а ученики для комплекса.

3. Мы просим, наконец, чтобы то, что называется педагогической наукой, стояло в прямом отношении и к нашей революции, и к тому, что называется реализмом, и к пятилетке, и к индустриализации, чтобы и вся наша работа не сидела на берегу, глядя, как мимо нас проносится широкая река жизни, а мы в это время сидим на берегу, колотим себя кулаками в грудь и кричим:

— Мы тоже с вами, честное сознательное слово, с вами, ей богу, с вами!

Вот наши скромные пожелания.

В ответ на них мы готовы выслушать возражения. Такие:

1. Ничего подобного и даже наоборот.

2. Наша наука самая революционная, самая индустриализационная.

3. Мы существуем только для нужд практической педагогики, и кто в этом сомневается, тот, значит, с нашей наукой не знаком и вообще человек подозрительный.

4. Вообще ничего подобного.

5. Все эти скромные желания — это отрицание соцвоса, это ревизия соцвоса, это недопустимо и это кустарничество.

(К слову сказать, кустарничество — есть самое ругательное слово в педагогике, по своему ругательному значению равное приблизительно словам «мове тон».)

Вот какие возражения. Я их не выдумываю, потому что я их уже слышал много, много раз. Но ведь это не возражения... Это заклинания. Я не отрицаю, что, как член педагогического общества, тоже боюсь заклинаний, не потому, что верю в их реальный смысл, а потому, что бывает на свете и панический страх.

Но соцвоса мы не отрицаем. Напротив, как раз мы являемся теми людьми, которых Гринько⁴ называет подвижниками соцвоса. Как раз наш советский соцвос мы считаем одной из самых прекрасных мыслей чело-

вещества, но мы требуем и желаем, чтобы был соцвос, а не разговоры о соцвосе, не спекуляция на соцвосе. О соцвосе, между прочим, можно очень много говорить, и у нас бы нашлось много доказательств, что соцвос извращается не по вине практических работников. Но сейчас не нужно этого специально говорить, потому что все, что написано выше и ниже, и есть как раз защита идей соцвоса.

В доказательство же того, что мы говорим правду, мы перечислим несколько наших практических проблем (не знаю, дано ли мне разрешение называть их еще и педагогическими?).

Итак, я пересиливаю панический страх и приступаю к этому перечислению. Но предупреждаю, что все то, что говорится ниже, ни в какой мере не выдумка, что эти проблемы действительно существуют не у одного меня. Я их извлекаю из тысячи моих встреч с работниками детских домов и из сотен наблюдений над детскими домами.

При этом в моем перечислении не будет никакой системы и никакой обстоятельности. Только назову и кратко охарактеризую некоторые очень немногие вопросы, разрешение которых должно принадлежать педагогике, для того чтобы детский дом мог выполнить свою огромную задачу, еще более огромную и ответственную задачу в будущем, и приведу только вопросы примерные, все проблемы нашей работы не могут вместиться на территории одного печатного листа.

Воспитатель

Действительно, проблема почти не педагогическая. Даже странно, что же это — в педагогике завести особый отдел о воспитателе? Да, наконец, и о воспитателе пишется немало.

Наудачу достаю с полки одну из книг по педагогике. Я могу это сделать наудачу потому, что во всех книгах по педагогике о воспитателе говорится приблизительно одно и то же. У меня в руках «Основы и практика социального воспитания» Н. Н. Иорданского⁵. На тех немногих страницах, которые посвящены воспитателю, повторяются о нем обычные мысли. Среди них выделяются две идеи, определяющие и направляющие, с точки зрения педагогики, работу воспитателя.

Прежде всего воспитательская проблема разрешается в границах отношения воспитателя к воспитаннику. «Живое отношение» является фундаментальным камнем воспитания, без которого никакого здания нельзя построить. Воспитатель в каждый момент своей работы должен стоять перед воспитанником или перед коллективом детей с обнаженной собственной личностью, и его работа не представляется иначе, как растрачивание его личности. Кратко эта позиция воспитателя характеризуется: «Воспитатель должен быть просто человеком».

Впрочем, за этой формулой меньше всего простоты. Это именно не просто человек, в простоте своей совершающий определенную работу, это человек, главным инструментом которого является его собственная человечность. Только орудия своими живыми нервами, вскрытыми окончаниями нервов, непосредственно направленными на ребенка, «воспитатель преобразует что-то» в душе ребенка или в душах нескольких детей. Здесь вообще функционируют души («... душу воспитателя нельзя поделить», с. 175),

а не реальности. В соответствии с этим и как это обычно было принято в педагогической литературе слово «воспитатель» ставится только в единственном числе. Иначе и быть не может при условии работы обнаженной воспитательской личности. «У педагога объект его работы — живая личность человека», — говорит Иорданский (с. 177). Как это далеко стоит от самой стихии коллективного воспитания! И все-таки это оказывается «основами социального воспитания».

Вторая идея, впрочем, необходимо вытекающая из первой, — это идея подвига воспитателя.

Иорданский говорит: «Педагогическая работа — подвиг, так представляли мы ее на школьной скамье. И в это старое, глубоко ценное и дорогое нам, людям прошлого, понятие хотелось бы, впрочем, внести кое-какие поправки».

Как видим, только поправки. В результате после этих поправок все же остается подвиг в тех или иных формах. Иорданский говорит о нем на каждой странице, иногда прямо от себя, иногда сочувственно цитируя того или другого автора. Вот:

С. 176. «Воспитатель. Сколько жизненного опыта, силы воли, любви и веры связано с этим словом».

С. 179. «Сурово взглянул любимый учитель, и это часто заставляет ребенка задуматься».

С. 180. «Нужен энтузиазм, глубокая вера в свои способы воспитания».

С. 182. «Живое влияние любви в коллективе делает чудо. Нужно уметь это чудо вызвать и сделать».

«Своим добрым сердцем он заставит каждого мальчика почувствовать, что ни одного мальчика он не уважает так, как его».

С. 186. «Сердце у воспитателя должно быть полно глубокой любви к тому конкретному ребенку, с каким ему приходится иметь дело, хотя бы ребенок этот был испорчен чрезвычайно, хотя бы он причинил ему очень много неприятностей».

Как далеки все эти мысли о воспитателе от серьезной деловой постановки вопроса! Сердце воспитателя объявляется единственным регулятором его работы. До какой степени это подвижническое служение сердца делается основанием воспитательского труда, можно судить по таким словам Н. Н. Иорданского:

«Важно для педагога, я скажу даже обязательно, направить свою деятельность в области социального воспитания так, чтобы, увлекшись улучшениями и изменениями детской обстановки, он организационное внимание обратил бы на то, что сильнее всего его самого интересует, ближе для его души, духовному его складу и настроению. Если сердце его не лежит, например, к узкоэкономическим интересам детей (детская касса, кооперация, счетоводство) просто потому, что он сам не привык придавать значение этой именно области жизни, то навряд ли следует ему братья за них. Ребенок быстро поймет фальшь и неискренность его тона».

Спросим теперь, что же у нас останется от социального воспитания в условиях такой диктатуры сердца? На каждом шагу мы встречаем личность педагога-энтузиаста, «доброе сердце» которого полно любви к самому испорченному ребенку и который поэтому сам всегда именуется не иначе, как «любимым учителем». Атмосфера влюбленности и любви, раз-

ве это не та атмосфера, которую хотели завести в институтах благородных девиц и которую, конечно, не завели? И мы в наш век социальных революций идем даже дальше благородных девиц, доброму сердцу педагога предоставляем право даже выбрать «по симпатии» ту область, которая сделается основным фоном опыта и развития ребенка. Спрашивается, между прочим, какой букет можно спроектировать, если, предположим, в детском доме десять воспитателей. Их добрые сердца, их личные подвиги в какие десять сторон растащат несчастный детский коллектив?

Что думает Иорданский и другие о коллективе воспитателей, мы не можем даже представить, потому что они видят перед собой только изможденное лицо подвижника-педагога. Тем не менее Иорданский полагает, что работа всех этих припадочных добрых сердец приведет к чему-то толковому. Достижения выражаются тоже в таких терминах, что читать все это невозможно без слез:

«Эта работа даст нужный рассеянный без теней свет, ровно разливая его среди многих, пока еще обездоленных детей, тех детей, которые уже имеют право на счастье, на солнце, на радости жизни. Ровными волнами лучистое это тепло, расширяясь все дальше, действительно сделает их детьми солнца».

Товарищи, ну зачем же такие слова! Ну разве же можно такие вещи говорить десяткам тысяч наших воспитателей и учителей? Что они должны сделать под влиянием этой проповеди? Если они честные люди, им остается только одно: подать заявление об увольнении и искать места в кооперации. Между прочим, как бездоказательна подобная литература, так же могу быть бездоказателен и я и утверждать, что результаты будут иные. Рецепт хорошего сердца только в некоторых случаях приведет к действительному подвигу, в большинстве же случаев она приведет к излюбленному нашему интеллигентскому ханжеству.

Она, эта система, обязательно скоро осложнится конкуренцией добрых сердец, гнусной борьбой за симпатии детей, за титул «наиболее любимого учителя». Физиономия сердца, на одной своей стороне добрая и любящая, вторую щеку свою сведет в судорогу злобы и зависти по отношению к коллеге, перецеголявшему всех в хитроумном своем педагогическом подвиге. А ведь у каждого педагога найдутся грешки и слабости, удобный фон для развенчивающей агитации.

И не будет никакого ровного рассеянного света у «детей солнца». Выйдут из них молодые старички с постоянной маской любви и добродетели на физиономии, лживые и хитрые эгоисты, привыкшие подрабатывать на выражении своих чувств и похвальных мыслей. Впрочем, это все к слову. Нет никакой надобности спорить с Н. Н. Иорданским.

Мы думаем о воспитании десятков миллионов наших детей. В этой огромной задаче нам нельзя строить свои планы в расчете на добрые сердца, энтузиазм и пр. В нашем распоряжении имеется и будет иметься только средний воспитатель, член профессионального союза и кооператива, обладающий обычными человеческими чертами. (Я тоже возглашаю: воспитатель — тоже человек.) Между прочими его чертами я отличу такие: он обладает средними способностями, но интересуется наукой и литературой, политической работой. Впрочем, не прочь сразиться и в фут-

бол или шахматы, пойти в театр, поесть мороженого, а если он мужчина, то выпить бутылку пива с приятелем.

Вступивши воспитателем в детский дом, он хочет честно работать, но получить большее вознаграждение и обязательно двухмесячный отпуск. К тому же он или она обязательно в кого-нибудь влюбится. Им захочется вечер провести вдвоем в парке или зимой в теплой комнате. Потом он женится, во всяком случае обзаведется женой или мужем, комодом, книжной полкой и буфетом и, наконец, собственным ребенком, который обязательно представляется ему несколько лучшим по сравнению со всеми прочими ребятами на земном шаре. Можно с некоторой долей вероятности допустить, что имеется не один такой хороший ребенок, а два или три, и каждому необходимо по установленной норме белье, капоры и ботинки. Все это перемежается с фактами работы, приносящей то удовлетворение, то разочарование, но одновременно и с фактами служебных неприятностей, внутриколлективных антипатий, товарищеских ужинов, лечения аппендицита, пломбированием зубов и переводами на лучшую службу...

Не ясно ли, наконец, что мы имеем право подойти к нашему делу, как к производству, и посмотреть на воспитателя, как на рабочего, которому вверяется серьезная деловая функция, ставится точная, пусть и трудная, но все же посильная задача, не требующая от него гипертрофии сердца или другого какого-нибудь не менее важного органа, не лишаящая его возможности быть человеком, иметь свою личную жизнь и спокойную старость.

Мы имеем право так поставить вопрос, но мы и обязаны его так поставить. Если нам докажут, что воспитание возможно только в меру наших упований на реагирование личности педагога и на его преждевременную героическую кончину (потому что, какова же может быть длительность жизни воспитателя, по Иорданскому, кроме как максимум 35 лет), то нам останется махнуть рукой на воспитание, мы его не сможем организовать просто за недостатком личностей, желающих «влектися на закланье». Это во-первых. Во-вторых, мы деловым образом обязаны поставить вопрос еще и потому, что вокруг нас на каждом шагу видим детские дома и колонии, не только не наполненные сгорающими личностями и любимыми учителями, но, напротив, обслуживающиеся самыми средними людьми...

И в порядке естественного приспособления к процессу производства, к его реальным условиям, среди этих обыкновенных людей зарождаются организационные идеи, идут чисто производственные поиски, находятся стремления осмыслить и понять деловую сущность своей работы, найти ту рабочую установку, которая одновременно и позволит им делать порученное им дело, и не потребует от них самих нечеловеческого напряжения.

Нужно подчеркнуть, что эти поиски еще очень несовершенны, еще очень далеки от науки. Не находится ученый ум, который бы синтезировал опыт, дал ему систему и толчок для развития. Тем более велика трудность этих большей частью бессознательных начинаний, что рядом с ними стоит признанная педагогическая наука с горящими глазами и растрепанной шевелюрой, призывающая к чудесам. Так, как разрешается педагогическая проблема у Иорданского, мы не только не можем раз-

решать, но нам это, очевидно, и в голову не может прийти.

У нас проблема воспитателя выражается, конечно, в других формах. Привезли в колонию револьверный станок. Квалифицированная воспитательница спрашивает:

— Привезли револьверный станок? А что, разве мы будем револьверы делать?

Да что револьверный? Наши воспитатели не знают, что такое торговый дюйм, калькуляция, метчик, шкив, какая разница между болтом и гайкой. Воспитатели совершенно не разбираются в вопросах организации труда, они не знакомы с условиями стандартной работы, они не имеют вообще никаких мыслей и знаний, касающихся производства, им не знаком чертеж и рисунок, на готовальню они смотрят, как на набор зубо-врачебных инструментов, они могут серьезно напасть на мальчика за то, что он неохотно работает в машинном отделении деревообделочной мастерской, но они совершенно неспособны себе представить, сколько требуется силы и напряжения, допустим, на долбежном станке. Они не видят никакой существенной воспитательной разницы между сапожной мастерской и слесарной, они не могут решить вопроса, нужно ли мальчику дуть меха в кузнице или для него это лишнее.

А между тем они все-таки воспитатели в детском рабочем коллективе. Пока ребята работают в мастерских, воспитателям нечего делать, в мастерские они и заходить боятся. А когда уставшие ребята к вечеру должны, казалось бы, отдохнуть, педагоги нападут на них в полном вооружении своей науки, и тут уже ребятам пощады нет. Кого уговорят, кого устыдят, кого придавят при помощи дисциплины, во всяком случае обязательно усадят на какое-нибудь заседание, а потом еще и обижаются:

— Наши ребята ничем не интересуются. Я им читаю о феодализме, а они спят, а когда кончила, так и сон прошел, все моментально в саду.

Воспитатели кое-что понимают в организации кружков, но специальных знаний о клубной работе среди детей у них нет при самой высокой квалификации. Наш иновец⁶ если и может организовать кружок, то обязательно или литературный, или драматический, да и в литературном кружке не знает толком, какую литературу нужно предложить ребятам.

Ребята хватаются за приключенческую, а воспитатель, воспитанный на лучших традициях, сует им Тургенева.

Правильно это или неправильно, проблема это или не проблема? А если не проблема, то что?

Вечером собирается оркестр. Кое-кто из ребят танцует вальс. И опять педагогическая проблема: можно вальс танцевать или нельзя. А если нельзя, то запретить будет педагогично или непедагогично?

Так и вертится воспитатель среди множества различных проблем. Неудивительно, что очень скоро огромное большинство воспитателей опускаются на обыкновенное и не очень храброе надзирательство. Скучно ходить по коридорам и мешать ребятам заниматься своими делами, а при возможности постарается удрать с дежурства, вот до какого падения сплошь и рядом опускается педагогическая деятельность. Неужели и это не педагогическая проблема?

Но вот проблема — не отдельный воспитатель, а воспитательский коллектив. Советское воспитание может быть делом только коллектива

воспитателей. Отдельный воспитатель не имеет права ни на какую политику и ни на какую методику в детском доме. Между прочим, он не имеет права ни на какую любовь к себе лично со стороны воспитанников, если это не входит в план всего педагогического коллектива.

Но что мы знаем о педагогическом коллективе? Сказано ли о нем хоть одно слово? Если нужно составить педагогический коллектив, то должен ли он состояться по формуле А, Б, С, Д или по формуле А, А, В, К и почему по той или другой? Чем, наконец, определяются свойства педагогического коллектива? Военные очень хорошо знают, каков должен быть состав роты или какого-нибудь штаба, инженеры тоже прекрасно знают, из кого составить ту или иную бригаду. У нас этого ничего не знают. Кто-то, где-то, почему-то решил, что на каждые десять воспитанников должен быть один воспитатель и что он должен якобы работать 30 часов в неделю...

По этим правилам в старой Куряжской коммуне на 400 детей было 40 воспитателей. Не только дети, но и они сами не знали, как друг друга зовут. И заведующий и дети не знали, что делать с этой толпой. Дети, впрочем, нашлись: они стали их просто обкрадывать. Некоторых обокрали по два-три раза. Воспитатели перебрались в город и стали приезжать только на дежурства с небольшим саквояжем, в котором подушка и мыло.

Чем были наполнены 30 часов работы этой толпы? Главная работа — заседание педсовета, месткома, общее собрание. Главные вопросы: склока, отпуск, жалованье, перегрузка, компенсация, жалоба и опять склока.

А чем должны быть наполнены эти 30 часов?

И при всей трудности жизни этих несчастных людей нужно признать, что ни 30, ни 130, ни 3, ни сколько угодно часов их работы никому не были нужны — ни детям, ни обществу. И может быть, три настоящих живых человека, может быть, даже без педагогической подготовки, хорошо оплаченных и охраненных от издевательств тех же самых детей, дали бы и детям, и обществу гораздо больше и при гораздо меньших затратах. Это проблема или не проблема?

Это не педагогическая проблема только в том случае, если сознательно закрыть глаза и не видеть, что такой коллектив 40 воспитателей вовсе не случайность, что он не единственный, что в лучшем случае наши воспитательские толпы надзирают и кое-как занимаются в плохонькой школе, что ни подготовка, ни организация педагогических коллективов, ни трудовые расчеты, ни рекомендуемая им методика, ни педагогическая литература, которую они читают, в самом существе и в своей логике не назначены для советского воспитания.

Проблема воспитателя у нас находится сейчас в таком положении, что ее можно характеризовать очень кратко: советского воспитательского коллектива у нас нет, мы не знаем, каким он должен быть, и мы не имеем никакого понятия, откуда он у нас возьмется и на чьей обязанности лежит его спроектировать.

Труд, хозяйство, производство

Это вторая из многих проблем.

Она, я надеюсь, станет ясной из следующего краткого рассказа о моем опыте.

Предисловие к альбому «Наши жизни — Горькому — горьковцы»

На общем собрании колонистов-горьковцев я спросил:

— Что мы подарим Алексею Максимовичу?

Было высказано много предложений, но все сразу остановились на предложении колониста Петра Дроздюка:

— Напишем всю нашу жизнь и подарим Алексею Максимовичу альбом с нашими биографиями.

Я также поддержал эту мысль. В самом деле, великому Горькому как писателю и человеку, может быть, всего приятнее будет иметь у себя небольшой человеческий документ — собрание биографий трехсот беспризорных. Мне казалось, что такой сборник будет иметь значение почти исключительно статистическое, поэтому, когда ребята стали подавать мне свои листики для печатания, я требовал от них бóльшей обстоятельности в изложении фактов их жизни.

Но по мере того, как продолжалась моя работа по собиранию материалов, я начал понимать, что значение записок моих колонистов несколько иное. Часто как раз их непосредственность, забывчивость казались мне наиболее характерными. В немудрых строках я находил отражение их мироощущения, части целой философии, той философии, какая может и должна появиться в такой определенной группе, как беспризорные. И я ясно почувствовал, как между лохматыми, напряженно грамотными строчками пробивается настоящий запах нашей эпохи, очень сложный запах, изобразить который и для великих талантов не всегда будет под силу.

Когда я печатал сотую биографию, я понял, что я читаю самую потрясающую книгу, которую мне приходилось когда-нибудь читать. Это — концентрированное детское горе, рассказанное такими простыми, такими безжалостными словами. В каждой строчке я чувствую, что эти рассказы не претендуют на то, чтобы вызвать у кого-нибудь жалость, не претендуют ни на какой эффект, это простой искренний рассказ маленького, брошенного в одиночестве человека, который уже привык не рассчитывать ни на какое сожаление, который привык только к враждебным стихиям и привык не смущаться в этом положении. В этом, конечно, страшная трагедия нашего времени, но эта трагедия заметна только для нас, для горьковцев здесь нет трагедии — для них это привычное отношение между ними и миром.

Для меня в этой трагедии, пожалуй, больше содержания, чем для кого-либо другого. Я в течение восьми лет должен был видеть не только безобразное горе выброшенных в канаву детей, но и безобразные духовные изломы у этих детей. Ограничиться сочувствием и жалостью к ним я не имел права. Я понял давно, что для их спасения я обязан быть с ними непреклонно требовательным, суровым и твердым. Я должен быть по отношению к их горю таким же философом, как они сами по отношению к себе.

В этом моя трагедия, и я ее особенно почувствовал, читая эти записки. И это должно быть трагедией всех нас, от нее мы уклониться не имеем права. А те, кто дает себе труд переживать только сладкую жалость и

сахарное желание доставить этим детям приятное, те просто прикрывают свое ханжество этим обильным и поэтому дешевым для них детским горем.

Вот эту суровую тягостную мысль мне не стыдно сказать Вам, дорогой Алексей Максимович. Вы не из тех людей, которые в вату хотят спрятать человека, «чтобы он не кричал».

Привет пионерам!

Трудно даже описать очарование вашего похода, пионеры! Мы, горьковцы, большие любители дисциплины и четкого шага, приятно были обрадованы вчера, когда ваши стройные ряды весело вливались в наши ворота. Как раз то, что мы любим: коллективный марш, точная рамка дисциплины и в то же время радостный тон, веселый взлет в о о д у ш е в л е н и я. Это наша советская и наша горьковская дисциплина. Мы уверены, что и в работе, и в борьбе это нужно для нашего будущего. Долой путаницу ходьбы и ротозейство! Да здравствует радостный и строгий пионерский поход!

Зав. колонией им. Горького

А. Макаренко

Письмо заведующему Главным управлением социального воспитания НКП СССР

Глубокоуважаемый Василий Алексеевич!

Я очень благодарен Вам за внимание, которое Вы оказали мне, приехав в колонию 11 июля. Наша беседа помогла и мне окончательно выяснить то, что от меня требуется и как мне нужно поступить. Независимо от того, какие меры могут быть ко мне применены, я продолжаю быть уверенным в правильности моего варианта детской организации. Я считаю и теперь, что в колонии им. М. Горького настоящий советский соцвос, основными моментами которого являются:

1. Организация первичных коллективов по производственному принципу (отряды, а не школьные группы)¹.

2. Самоуправление, основанное не только на выборности, но и на назначении. К этому приводит наличие серьезно-делового трудового процесса, в котором должны принять участие не только выборные представители интересов детей, но и более опытные колонисты-организаторы.

3. Это сложное выборно-назначенное самоуправление (назначенное не заведующим, а органом самоуправления) должно быть не надстройкой над фактическим управлением взрослых (как в Ахтырке²), а действительным руководителем колонии, действующим по двум линиям: по линии действия коллективного органа и по линии действия в качестве уполномоченных этого органа отдельных организаторов-колонистов в первичном коллективе (командир).

4. Воспитание не только трудовых, но и организационных навыков, для чего все работы, не требующие специальной инструментальной ква-

лификации, исполняются временными отрядами с временными командирами, меняющимися как можно чаще (система сводных отрядов).

5. Открытое признание права коллектива, как общего, так и первичного, на принуждение, а как следствие этого — существование института наказаний. Считаю вообще, что осуществление какой бы то ни было дисциплины при настоящем моральном состоянии общества невозможно без наказания.

6. Дисциплина, основанная на принуждении от имени коллектива, в то же время должна быть связана с уважением к воспитаннику и к его работе. Это уважение должно быть проявляемо на каждом шагу и заключаться не только в явлениях личной вежливости, но и в создании специальных форм внутриколлективных отношений (особые формы назначения на работу, отчета и контроля, специальные выражения доверия и полномочия).

7. Я считаю совершенно необходимыми организационные оформления эстетического порядка, подчеркивающие значение общеколлективных движений, то, что по отношению к колонии им. Горького почему-то называется военизацией (салют, знамена, оркестр).

8. В работе самоуправления и всего коллектива мы опираемся на комсомол, как это естественно вытекает из более взрослого среднего возраста. Политическое воспитание (именно воспитание, а не политическое образование) заключается в организации постоянных связей между колонией и окружающим миром. Эту связь можно представить в виде двух путей: связь с политическими организациями и деловая (коммерческо-производственная) связь с производственными, потребительскими и распределительными организациями.

9. Воспитание классового чувства я представляю себе исключительно как результат приведенных выше начальных моментов. Жизнь детской коммуны, пропитанная действиями хозяина и рабочего и освещенная экономической связью с производственной жизнью республики, и является единственным путем к воспитанию сознательного члена рабочего общества.

10. Переходная ступень преданности своему коллективу не вредна, если коллектив не обособлен в своем успехе и в своей стройности. Выпяченная гордость «горьковцев» имеет нездоровый вид только потому, что по крепости своей организации колония не имела сколько-нибудь заметных конкурентов между другими колониями. Но уже появление коммуны им. Дзержинского, построенной по тому же плану и живущей с горьковцами в постоянном дружном общении, много внесло интересного и нового в жизнь колонии. За полгода одних общеколлективных визитов было около десяти, кроме того, чисто деловая связь между колониями проявляется почти ежедневно. Наблюдение многих деталей этой связи приводит меня к глубокому убеждению, что все детские колонии могут переживать гордость своей организацией на фоне общего развития. Я на это и рассчитывал в своем проекте «Трудового детского корпуса».

Все перечисленное составляет предмет моей педагогической веры. Я уверен, что в колонии им. Горького осуществлен настоящий советский соцвос. Не имею никаких оснований усомниться хотя бы в одной детали. И поэтому по совести не могу ничего изменить, не рискуя делом.

Все это заставляет меня просить Вас привести в исполнение Ваше решение снять меня с работы. Я понимаю, что в дальнейшем будет поставлен вопрос о снятии меня и в коммуне им. Дзержинского, находящейся в таком же цветущем состоянии, как и колония им. Горького. Все же я предпочитаю скорее остаться без работы, чем отказаться от организационных находок, имеющих, по моему мнению, важное значение для советского воспитания.

В правление трудкоммуны им. Ф. Э. Дзержинского

Прилагая при сем список коммунаров, подлежащих выпуску на производство, прошу правление не отказать в разрешении следующих вопросов:

1. В каком порядке производить выпуск коммунаров, пользоваться ли для этого общими учреждениями охраны детства и биржи труда, или же правлением будет установлен особый порядок.

2. В каком размере и из каких средств выдавать выпускаемым коммунарам выходное пособие, а также какую им оказывать помощь одеждой и постельными принадлежностями.

3. Как должно разрешить вопрос с квартирами в городе: будут ли наши коммунары пользоваться общежитиями окрОНО, или квартирный вопрос будет разрешен особым порядком.

4. В случае недостаточности первоначальных заработков, из каких сумм и в каком размере будет выдаваться дотация выпускникам.

5. Какой характер будет иметь вообще патронирование над выпускниками.

Прошу правление при разрешении означенных вопросов предоставить мне возможность дать дополнительные разъяснения.

Зав. коммуной А. Макаренко

Сокращение расходов

Содержание одного воспитанника в коммуне им. Дзержинского сейчас обходится гораздо дороже, чем в любом детском учреждении округа. Средняя стоимость [содержания] одного ребенка в детских домах, имеющих 100 воспитанников, равняется по Харьковскому округу 400—450 рублей в год, между тем как содержание одного коммунара стоит в год до 600 рублей, считая все расходы по смете.

Правда, положение ребят в детских домах окрисполкома нужно признать просто плохим. Они не обеспечены ни столом, ни одеждой, ни учебой или культурной обстановкой. Отчасти эта бедность объясняется плохим хозяйничаньем случайно подобранного и плохо оплачиваемого персонала; во-вторых, она определяется в очень заметной степени отсутствием дисциплины и порядка, когда много вещей просто портится или раскрадывается. Большое значение имеет также и слишком педантичный порядок распределения средств по параграфам и статьям сметы, что не позволяет закупать предметы потребления в наиболее выгодный момент. Но все

же основной причиной остается недостаточность ассигнований, слабость основного капитала.

Наиболее ходячим и совершенно неосновательным критерием, при помощи которого обыкновенно доказывается дороговизна содержания ребенка в детском доме, является ссылка на то, что [содержание] ребенка в семье гораздо дешевле, что во многих семьях весь заработок главы семьи составляет сумму, которую мы тратим на содержание одного коммунара. К сожалению, в нашей литературе нет ни одного исследования бюджета семьи, которое давало бы нам или кому-либо другому право утверждать, что содержание ребенка в семье действительно так экономно организовано.

Если рабочий получает только 50 рублей в месяц и имеет двух ребят, то, действительно, напрашивается вывод, что содержание одного ребенка в этой семье стоит только 12 рублей 50 коп. Это заключение, однако, нужно истолковать с двух сторон. Во-первых, количество благ, получаемых ребенком в семье, не может быть определено только величиной суммы, которую семья на него затрачивает. Кроме денежных расходов семья, т. е. по крайней мере отец и мать, работает дома, часто затрачивая на это очень большой труд. Труд матери обычно все время затрачивается в семье, и высчитать сейчас, как велика часть, приходящаяся на долю одного ребенка, почти невозможно. Во всяком случае, если бы можно было говорить об этом труде в денежном выражении, то пришлось бы прибавить к указанной стоимости содержания одного ребенка не меньше 10 рублей в месяц; эта цифра должна почитаться крайним минимумом. Точно так же нужно учесть и дополнительный труд отца, затрачиваемый на семью. Даже такой, казалось бы, пустяк, как покупка чего-либо из предметов потребления семьи, обеспечивается в ней исключительно дополнительным трудом родителей, между тем как в детской коммуне труд по покупке и доставке продуктов и предметов потребления вообще обязательно оплачивается в виде жалованья тому или другому служащему.

Таким образом, только содержание ребенка в самой скромной семье, пока оно идет за счет труда родителей, уже должно достигнуть цифры 30 рублей в месяц или около этого.

Сверх этой суммы нужно прибавить все расходы, которые несет по отношению к данному ребенку государство или общество: школа, медицинская помощь, отпуск отца по его работе, соцстрах, общие расходы по коммунальному городскому хозяйству. Очень трудно, разумеется, сказать, сколько рублей придется на одного ребенка. Во всяком случае, уже одна школа прибавит на его содержание несколько рублей, если не все десять. Полученная таким образом сумма действительной стоимости содержания одного ребенка в семье не будет так уж значительно отличаться от стоимости содержания ребенка в детском доме. В колонии им. Горького стоимость содержания одного воспитанника в месяц не более 23—30 рублей. Ясно, что содержание в семье стоит дешевле.

Между тем мы взяли самый исключительный случай, когда рабочий тратит на семью из четырех человек всего 50 рублей в месяц. Прежде всего нужно сказать, что такой заработок семейного рабочего есть самый низкий заработок и положение ребенка в такой семье должно быть признано самым тяжелым. Обычный заработок семейного рабочего и служащего,

конечно, больше. Рабочий самой низкой квалификации получает уже два рубля в среднем, значительное же число рабочих имеют заработок гораздо больший, до 100—120 рублей, и только положение ребенка в такой семье должно быть признано сколько-нибудь нормальным и могущим служить для нас образцом. А в этом случае стоимость одного ребенка в семье выразится, считая и расходы государства, в таких цифрах:

Денежные расходы отца	25 рублей
Труд матери	10 »
Дополнительный труд отца	7 »
Расходы государства	15 »

Итого 57 рублей.

Следовательно, если бы мы истратили на одного ребенка в коммуне только эту сумму, 57 рублей, то никто не мог бы иметь к нам претензий, если бы и количество благ, получаемых нашим ребенком, было равно количеству благ, получаемым ребенком в семье.

Если взять коммуну им. Дзержинского, то это сравнение благ просто невозможно. Наш ребенок получает несравненно больше, чем ребенок в семье. Чтобы не претендовать на полный анализ, я перечисляю только то, что явно представляется как дополнительное потребление в коммуне по сравнению с семьей (даже и со школой):

- а) лучшее платье;
- б) всегда чистая и отдельная постель;
- в) организованная и снабженная оборудованием клубная работа;
- г) спортивная работа и игры;
- д) библиотека;
- е) дорогие, прекрасно оборудованные мастерские, хорошие инструкторы и руководители;
- ж) оркестр, т. е. регулярное музыкальное воспитание;
- з) более разнообразные и регулярные развлечения (например, кино стоит в месяц у нас на одного воспитанника 4 рубля 40 копеек);
- и) организованная коллективная жизнь, работа самоуправления и т. п.

Только это одно перечисление, далеко не полное, позволяет утверждать, что содержание одного ребенка у нас должно бы стать дороже. Кроме того, оно дороже должно стать еще по двум совершенно специфическим причинам, а именно:

1. Коммуна принуждена нести расходы, которые совершенно невозможны в семье, как-то: расходы по учету, по командировкам, расходы вообще, вытекающие из официального положения коммуны (печать, переписка, представительство).

2. Гораздо более частая смена ребят в коммуне, нежели в семье, не позволяет использовать многие виды экономии, в особенности в одежде. В семье платье сплошь и рядом переходит от одного ребенка к другому, в семье выпуск юноши заканчивает его двадцатилетнее пребывание дома, между тем как коммуна задерживает у себя воспитанника не больше, как на три года, а средний срок пребывания коммунара в коммуне будет не больше двух лет.

Таким образом, стоимость содержания одного воспитанника в коммуне, естественно, должна составлять даже бóльшую сумму, чем в семье. Иначе говоря, за одни и те же средства в коммуне труднее организовать жизнь детей.

Означенные соображения совершенно опорочивают попытку ревизовать сметы детских домов при помощи ссылки на семью. Это доказывается, наконец, и повседневной практикой. Процессы этого года по поводу применения физических мер воздействия со стороны педагогов выяснили, что главнейшей причиной тяжелого положения детских домов, бездельничанья, слабой постановки работы, плохого подбора персонала, чрезмерной нервной нагрузки заведующих, беспросветной и неинтересной жизни является недостаточность материальных средств. В резолюциях как центрального правления работников просвещения, так и коллегии Наркомата РКИ по поводу отдельных тяжелых случаев в детских учреждениях единодушно подчеркивается необходимость сметных прибавок к содержанию детских домов¹. И в самом деле, мне известно благосостояние всех детских домов Харьковского...²

...то мы будем иметь самую интересную и наиболее советскую форму участия взрослых в воспитательном процессе.

Все эти соображения тогда только уместны и нужны, когда мы оставим в коммуне школу. Вопрос о школе является у нас центральным не только с точки зрения образовательного процесса, но и с точки зрения производства. Под влиянием опыта московских коммун³ (собственно, мало отражающих в своей организации это название) и в правлении и среди членов педагогического совета появилась соблазнительная мысль настолько расширить производство нашей коммуны, чтобы она почти полностью могла окупать себя. К такой цели может привести одновременное развитие по двум направлениям: увеличение рабочего времени воспитанников и сокращение школьной работы, следовательно, уменьшение расходов на персонал педагогов.

В Болшевской коммуне ГПУ под Москвой школа совсем уничтожена⁴, а рабочее время подростков доведено до 8 часов. Производственные результаты в этой коммуне действительно велики, но все же полной самоокупаемости эта коммуна не достигла. Она производит очень много вещей, но чистая прибыль от ее производства все же не настолько велика, чтобы совершенно уничтожить дотацию по госбюджету.

Все же можно допустить, что при дальнейшем развитии Болшевская коммуна будет в полной мере окупать себя. Но это будет значить только одно: что в Болшево организована фабрика, на которой вместо рабочих работают юноши в возрасте от 18 до 25 лет. Полная самоокупаемость там тем более возможна, потому что коммуна очень богата основным капиталом и способна довести рационализацию производственного процесса до очень значительных степеней.

Все же это будет фабрика для взрослых, а не воспитательное учреждение. Совершеннейшее игнорирование школы и книги, учебно-производственного процесса, серьезной работы над бытом может иметь место или в случае фабрики, подобной Болшевской, или в случае вполне сознательного ограничения наших задач простым призранием беспризорных. Если Болшевская коммуна допускает первую крайность⁵, то есть на территории

нашего Союза очень много детских учреждений, которые и по воле финансовых возможностей, и по причине никчемности организаторов ограничиваются кое-какой опекой. Но и в том и другом случае нельзя говорить о наличии воспитания.

Правда, огромное большинство наших детских учреждений под влиянием косности нашей интеллигенции не решаются далеко отойти от простых школьных укладок и на производство в лучшем случае смотрят только как на трудовой процесс. Этот трудовой процесс, впрочем, существует только в мечтах: обычно детские дома ограничиваются школьной работой и вся существующая методика детского дома обыкновенно выражается в школьных терминах. В самом лучшем случае, как, например, в Ахтырском городке, рядом со школой развивается большое хозяйство, но оно совершенно не пропитано воспитательной задачей, оно не дает никакой производственной или хозяйственной подготовки и оно совершенно не увязано со школой. В детском коллективе все-таки доминирует школа, детское самоуправление отходит от школьного первичного коллектива, а хозяйство только кое-что подрабатывает.

Вся эта чрезвычайно серьезная проблема вообще настолько плохо решена в нашей практике, что надеяться на возможность найти какой-нибудь образец почти совершенно невозможно. Нам нужно самим совершенно самостоятельно искать решения, пользуясь огромным опытом, который у нас имеется, и теми крепко заложенными данными, которые уже проверены коммуной за 7 месяцев ее существования.

Как и везде, истину нужно искать в какой-то глубокой середине. Это, конечно, только в том случае, если мы желаем создать в нашей коммуне образцовое детское трудовое воспитательное учреждение, а я и не предполагаю, что в наших целях создать что-либо иное.

Основные тезисы, при помощи которых мне представляется возможным определить эту социалистическую истину, мне думается, таковы:

1. Одновременное и гармоническое развитие коммунара в следующих направлениях:

а) к полной совершенной грамотности в чтении, письме, счете, черчении;

б) к достаточной квалификации в определенном материале и к знанию коммерческой и организационной стороны данного производства;

в) к полному и крепкому комплексу коллективных навыков, к сознательному положению в серьезном производственном коллективе;

г) к самому глубокому воспитанию классового самосознания, выражающемуся не только в знании политграмоты, но и главным образом в наличии основной уверенности в ценности своего класса и отдельных его идей.

2. Параллельное с развитием коммунара развитие производства коммуны в направлении к возможно большей его организованности, доходности, общественной значимости и в то же время к полному соответствию с интересами детей, их здоровья и воспитания.

3. Организация обеспеченного для каждого воспитанника патронирования его коммуной после выхода в самостоятельную жизнь до полного отрыва его от коммуны.

По примеру Большевской коммуны возникает план такого развития

нашего учреждения, при котором коммунары не выпускаются на работу вне коммуны, а остаются работать в ней же в качестве наемных рабочих. Эта система в самой себе несет внутреннюю замкнутость и в воспитательном отношении должна быть признана весьма вредной. То, о чем так много у нас говорится в соцвосе, именно связь коммуны с производственным окружением, лучше всего достигается как раз выпуском воспитанников на внешнее производство. По мере накопления таких выпускников эта связь развивается, усложняется и поддерживается ее живыми носителями. Оставление воспитанников на работе в этом же учреждении, где они воспитывались, создает в учреждении целый слой людей, почти не знакомых с окружающей их производственной жизнью, привыкающих к постоянной опеке и в то же время вносящих в коммуну совершенно непредусмотренное влияние взрослых людей, влияние которых мотивируется только их близким товариществом, но в то же время совершенно свободно от руководства со стороны педагогического совета. Оставление таких стажеров может быть призвано полезным только в отдельных случаях, в зависимости от случайных обстоятельств.

Планируя общее развитие коммуны по вышеизложенному плану, мы должны обязательно проектировать в ее составе школу. Положение воспитателя, конечно, не определяется только его школьной работой. Ценность воспитателя в трудовом детском учреждении, как и многое другое в нашей соцвосовской практике, до сих пор представляется неразрешимой проблемой. Пренебрежение Болшевской коммуны к месту воспитателя в коммуне является как раз реакцией, вызванной, с одной стороны, очень плохим качеством наших воспитательских кадров (сорокарублевый воспитатель), с другой — безобразной организацией воспитательского труда, вконец испорченной разными безответственными писаниями и слепой политикой нашего союза (например, до сих пор [проф] союз отстаивает необходимость двухмесячного отпуска для воспитателей, что совершенно не оправдано никакой логикой, является страшно вредным установлением для нашего дела и для самих работников).

Как раз в учреждении интернатного типа возможно достигнуть полной гармонии между школой, производством, отдыхом, культурной работой, политработой, общественной работой, можно достигнуть того, что называется единым педагогическим процессом. Живым объединителем этих отдельных элементов единого педагогического процесса и должен явиться воспитатель. Но для этого он должен прежде всего принять участие и в школе, и в производстве, и в отдыхе, и во всем остальном. Только в таком случае его участие в жизни коммуны будет действительно определяющим.

В этой логике производство, например, может занимать главную экономическую позицию в коммуне, оно может действительно определять почти полную самокупаемость коммуны, но с точки зрения воспитательного процесса оно все же должно исходить из задач воспитателя и в значительной мере иметь своей базой как раз школу. Только достижение такой гармонии может быть нашей целью. Достижение же только одного производственного эффекта является просто отказом от воспитательной работы, может быть психологически и оправданным нашими постоянными неудачами в воспитательной работе.

Таким образом, школа представляется совершенно необходимым институтом в организации коммуны. Следовательно, она должна потребовать и расходов на персонал и, самое главное, она должна потребовать от каждого воспитанника определенного количества часов в течение дня и тем уменьшить его рабочий день в мастерских.

Благодаря этому, конечно, заметно должны уменьшиться возможности самокупаемости. Если бы только необходимость в школе приводила к необходимости ограничить самокупаемость, можно было бы еще бороться со школой как с чем-то избыточным при нашей некоторой бедности. Но самокупаемость ограничивается гораздо солиднее и другими соображениями.

Рабочий на фабрике или на заводе окупает себя своим восьмичасовым рабочим днем. В тех случаях, когда фабрика или завод заканчивает год с дефицитом, уже можно говорить о том, что рабочий себя не окупает, и это бывает не так редко. Заметим при этом, что одним трудом на фабрике рабочий себя окупить даже не может. Он обязательно должен приложить какой-то дополнительный труд дома. Поэтому его рабочий день должен быть гораздо больше, чем восемь часов.

Добиться полной самокупаемости в коммуне — это значит потребовать от мальчика или девочки, чтобы они своим трудом окупили свое потребление точно так же, как и рабочий на фабрике.

Но если мы желаем вести в коммуне серьезную воспитательную работу, то в своем требовании полной самокупаемости мы уже потребуем от нашего воспитанника, чтобы он своим трудом окупил не только содержание себя, но еще и: обучение в школе, обучение в мастерской; производительные расходы, вытекающие из официального характера коммуны; непроизводительные расходы, вытекающие из нашего культурно-педагогического плана (например, на библиотеку, театр)... много иных расходов, которые за рабочего несет государство.

Таким образом, мы требуем от нашего воспитанника, чтобы он окупил своим трудом гораздо большее количество благ, чем это в состоянии сделать даже рабочий.

При этом мы не должны забывать, что, в отличие от рабочего, наш воспитанник обладает гораздо меньшей физической силой, гораздо меньшей квалификацией, гораздо меньшей трудоспособностью, что по самому своему детскому или юношескому состоянию он гораздо чаще способен стремиться к игре, он гораздо скорее может испортить вещь, поломать что либо, да и в самом процессе обучения порча материала — совершенно естественное явление.

Поэтому какое бы то ни было планирование полной самокупаемости воспитательного учреждения было бы явлением совершенно противозачинственным и безусловно вредным для нашего воспитанника.

К этому нужно еще прибавить вот что. Наше увлечение положительными сторонами труда, как необходимого социального явления, как лучшим способом воспитания, должно быть обязательно ограничено. Влияние раннего труда не только на физическое состояние, но и на психику воспитанника далеко еще не исследовано. Из своего десятилетнего опыта⁵ я, впрочем, могу уже сделать заключение, что сколько-нибудь избыточный труд в детстве, особенно труд механический, однообразный, свя-

занный с длительным повторением физического усилия, не оправданный постоянным присутствием живого интереса, не дающий выхода естественному стремлению каждого мускула подрастающего человека к движению, не дающий выхода естественному стремлению к игре, — чрезвычайно вредно отражается прежде всего на умственном состоянии воспитанника. Я наблюдал очень много случаев, когда длительное участие в таком труде (в течение двух, трех лет) приводило к тому, что нормальный умственно мальчик обращался в явно умственно отсталого человека. На это было обращено внимание многих работников колонии им. Горького, и об этом серьезно говорилось на педагогическом совете колонии и в Наркомпросе.

Постоянная материальная запущенность той же колонии им. Горького и многие другие причины в самом Наркомпросе не позволили поставить эту проблему во всей ее широте, а между тем это очень серьезная проблема. В Европе идеи трудовой школы, трудового воспитания давно уже владеют педагогическими умами, но там никогда не рассматривали ребенка как производителя материальной ценности. Эксплуатация детского труда в Западной Европе, достигающая очень большой степени, конечно, никогда не оправдывалась в серьезной педагогике как воспитательное средство. Наше увлечение производственно-трудовым воспитанием, развившееся у нас, конечно, без всякого влияния Европы, тем более не должно доходить до идеи использования нашего детства как производственной силы.

В то же время только труд, приносящий ценности, только производство неубыточное могут рассматриваться как положительное воспитательное средство. Нам нужно найти среднюю линию, на которой можно построить такой труд, без всякого прямого вреда для детства. Поэтому говорить о восьмичасовом труде для ребят с тем, чтобы после восьми часов они еще занимались в школе, решительно не приходится. Общее количество труда для воспитанника не должно превышать восьми часов, считая в этом числе и школу. Не нужно забывать, что сверх этого обязательного и нормированного труда каждый воспитанник обязательно затрачивает довольно значительные силы на игру, на чтение, на подготовку к урокам, на политическую работу и на многое другое.

Какую часть из этих восьми часов отвести на школу, а какую на производственный труд, решается теми же соображениями, что приведены раньше. Серьезный подход к общему воспитательному процессу не позволяет истратить на школу меньше четырех часов в день. В крайнем случае варьирование в этой задаче может идти не дальше комбинации три плюс пять. Окончательно вопрос должен быть решен в зависимости от типа школы.

Значит ли это, что коммуна может или должна совершенно отказаться от стремления к самоокупаемости? Может быть, как раз полный восьмичасовой производственный день для нашего воспитанника окажется наименее производительным. Я считаю, что правильно организованный четырехчасовой рабочий день, освещенный присутствием интересного задания и общим повышенным тонусом жизни коммунара, отсутствием утомления, ясной и надежной перспективой впереди, даст гораздо больше, чем погоня за лишним рабочим часом. Прекрасное оборудование наших мастерских, возможность получить интересные заказы (но ни в каком

случае, например, на обувь)⁶, серьезный учебно-производственный процесс, позволяющий воспитаннику ощущать свое движение вперед, прекрасные бытовые и культурные условия жизни в коммуне, наконец, некоторая заинтересованность воспитанников в прибыльности производства, — все это должно в совершенстве определить успех работы наших мастеровских, успех, который может позволить нам значительную часть наших расходов покрывать собственным заработком.

Я, таким образом, допуская в результате значительную самокупаемость⁷, хочу, чтобы она была результатом прежде всего наших педагогических достижений, а не следствием прямого нажима на производство.

Нельзя, разумеется, скрыть, что, становясь на этот путь, мы оставляем в стороне наиболее легкий и простой путь, а принуждаемся к некоторому риску, который всегда заключается в поисках новых форм.

Но зато со временем мы можем надеяться достигнуть более совершенных форм соцвеса и в то же время безболезненно достигнуть значительной степени самокупаемости.

Первым условием для этого я ставлю сохранение чисто воспитательного характера коммуны, и прежде всего полное сохранение работы школы в коммуне.

Необходимость воспитательского персонала в том количестве, которое было указано раньше, остается поэтому необходимостью.

Переходя к цифрам как материалам будущей сметы, нужно сказать следующее.

Если число воспитанников у нас останется прежнее, 100 или немного больше, то потребуется прежнее число воспитателей — 7. При увеличении же числа коммунаров до 150 потребуется увеличение воспитателей на 2, т. е. 9 воспитателей. Сметные ассигнования для этого будут нужны: в первом случае 630 рублей в месяц, во втором 840 (считая 8 воспитателей по 90 рублей и руководитель клубной работой 120 рублей). В настоящем году воспитательский персонал, не считая заведующего, ежемесячно получал зарплату 670 рублей...

Длительность педагогического коллектива

Не странно ли это, что нигде — ни в педагогической литературе, ни в наших руководящих циркулярах, ни на съездах, ни на конференциях, — никто и никогда не поднял вопроса о длительности педагогического коллектива.

И в то же время на каждом шагу несчастный организатор детского дома, все тот же великомученик заведующий и все тот же замотавшийся и потерявший давно не только педагогическую, но и обыкновенную человеческую голову инспектор ни от чего так не страдают, как от малой длительности педагогического коллектива.

Вопрос о длительности педагогического коллектива — это, конечно, не только вопрос о временном измерении работы педагогов. Это именно вопрос о коллективе. Невозможно даже говорить о коллективе, если не предполагать хотя бы минимальной длительности его работы. Нельзя говорить о коллективе, если с самого начала не допустить, что вот люди

для чего-то собрались, для чего-то объединились, больше того — они проводят работу коллективного воспитания.

Но допустите это... пусть даже не в смысле педагогического соображения, а в простом смысле соображающего человека, то как вы можете рассчитывать на какой-нибудь, даже минимальный, толк от работы педагогов, если каждый из них в этом несчастном детском доме только и думает о том, чтобы поскорее удрать куда-нибудь в город, школу, в кооперацию, в вуз, выйти замуж. Если все эти люди только пересидживают лихую годину, чтобы при первой возможности попробовать свои силы на каком-нибудь новом поприще. Постоянные склоки в персонале, плохая оплата труда, тяжелое моральное состояние детского общества, постоянные оскорбления и издевательства со стороны воспитанников, а также и отсутствие спайки между товарищами — все это вполне законным образом влечет каждого работника при первом же удобном случае покинуть колонию или детский дом и искать более человеческой рабочей обстановки.

Длительность педагогического коллектива должна сделаться одной из главнейших забот наших администраторов и организаторов социального воспитания. Нужно, чтобы эти лица, наконец, поняли, что как раз в этом пункте и решается половина всех вопросов советской педагогики, а вовсе не в разглагольствованиях «о сублимации половой энергии». Если нет длительного, крепко сбитого коллектива педагогов, то в детском учреждении не только половая энергия не сублимируется, но, «наоборот», всякая иная энергия переходит в половую, да и среди самих воспитателей с этой стороны получается довольно-таки неблагоприятно.

Нужно приступить к серьезному изучению этого вопроса и к его регулированию.

Длительность педагогического коллектива может быть легко измерена и в абсолютном, и в относительном значении по сравнению с длительностью детского коллектива.

К примеру возьмем колонию им. М. Горького.

К последним числам августа 1928 г. здесь был такой педагогический персонал:

Воспитателей с 8-летним стажем работы в колонии . . .	3
» со стажем 7 лет	2
» » » 5 »	1
» » » 4 года	1
» » » 3 »	1
» » » 2 »	6
» » » 1 год	3
без стажа	2
<hr/>	
Всего	19

Нетрудно высчитать, что средний стаж (по колонии) одного воспитателя — 41 месяц. Коллектив воспитанников в то же время давал такую картину:

Стаж 6 лет	2
» 5 »	3
» 4 года	8
» 3 »	39
» 2 »	97
» 1 год	171
Без стажа	80
<hr/>	
Всего	400

Средний стаж одного воспитанника — 16,23 месяца. Таким образом, отношение между средним стажем одного педагога и средним стажем воспитанника — 2,53.

В августе в колонии оставил [работу] почти весь старый персонал¹. В настоящее время картина воспитательского стажа воспитателей такова:

С 5-летним стажем . . .	1
» 3	1
» 2	4
» 1-годовым	3
Без стажа	11
Средний стаж	12 месяцев

Если принять, что стажное положение детского коллектива осталось прежним, то среднее отношение между длительностью педагогического коллектива и детского коллектива теперь равно 0,73.

Состояние коммуны им. Дзержинского на 1 января 1929 г. таково:

Воспитателей со стажем 12 месяцев . . .	6
» » » 6 »	1
» » » 3 »	3
<hr/>	
Всего	10

Средний стаж — 8,7 месяца.

Состояние стажа коммунаров-дзержинцев:

Стаж 12 месяцев —	72
» 9 » —	18
» 6 » —	28
» 3 » —	12
Без стажа —	20
<hr/>	
Всего	150

Средний стаж — 8 месяцев.

Отношение длительности коллективов в коммуне дзержинцев 1,1.

При таком способе подсчета длительности коллектива нас, собственно говоря, должны интересовать относительные цифры, в приведенных примерах для колонии им. Горького цифры 2,53 и 0,73, а для коммуны им. Дзержинского 1,1. Такие числа, показывающие отношение длительности педагогического и детского коллективов, я предлагаю назвать коэффициентом педагогического коллектива.

Вероятно, не будет большой ошибкой, если мы признаем, что длительность педагогического коллектива, меньшая по сравнению с коллективом детским, т. е. коэффициент меньше единицы, должна рассматриваться как отрицательная величина.

Действительно, весь коллектив педагогов какой-нибудь колонии, хотя бы и той же, горьковской, в настоящее время даже при небольшом стаже работы по колонии может, допустим, состоять из работников очень ценных. Может даже быть крепко спаян, что вполне возможно и при молодом коллективе, если он подобран по системе местного выбора, если он действительно воодушевлен для большой работы. Но и при всех этих данных такой коллектив не способен будет преодолеть немедленно многих препятствий, которые возникнут как следствие самого факта его малой длительности.

Прежде всего средняя длительность детского коллектива будет больше длительности коллектива педагогического. Новый коллектив педагогов

попадая в уже сложившееся общество воспитанников, встретит в нем множество привычек, воспоминаний о прежних работниках, традиций, наконец, вполне заслуженное самочувствие «стариков», свободное внимание к новеньким воспитателям. При малейшей оплошности вся эта обстановка обязательно должна привести к конфликтам, разрешение которых требует иногда прямо-таки змеиной мудрости и такта.

Именно поэтому так мало случаев, когда запущенное, совершенно расстроенное детское учреждение поправляется от назначения нового персонала. Ему нужно состоять из слишком способных и тактичных людей, чтобы что-нибудь сделать.

Поэтому длительность педагогического коллектива должна быть всегда предметом особенного внимания организатора. Для тех, кому цифровые отношения не представляются убедительными, можно привести множество иных доводов против той скоротечности педагогических коллективов, которая наблюдается вообще в наших детских учреждениях. Я предпочитаю всяким словесным доводам и утверждениям вышеприведенную систему коэффициентов, поскольку в этой системе для меня наиболее убедительными являются коллективные единицы измерения. Но если нужны словесные изображения, то вот они.

1. В жизни трудовой колонии огромное значение имеет хозяйственно-организационная опытность воспитателя, знакомство с хозяйственным окружением и хозяйственными условиями данной колонии. При отсутствии у нас какой бы то ни было хозяйственной подготовки воспитателей в детских воспитательных учреждениях, при излишней привычке воспитателей к болтовне эта хозяйственная и организационная опытность, поскольку она слагается в процессе работы в колонии, и притом в процессе работы целого коллектива, имеет огромное значение, которое я бы не променял ни на какие словесные проповеди и фокусы. Колония есть производственная коммуна, обязанная богатеть, и хозяйственно-правильная работа воспитателя есть 50% успеха.

2. Только воспитатель, осевший на месте, переживающий свою связь с колонией как нечто серьезное и длительное, как эпоху в своей собственной жизни, а не только как эпизод, только такой воспитатель способен что-нибудь сделать. Те же гастролеры, которые переселяются в детском учреждении тяжелые времена (до окончания вуза, или до выхода замуж, или приискания лучшего места), все они приносят только вред. Тогда колония — вокзал, где толпа переселенцев, где все куда-то едут и даже вещей не распаковывают. Кто не видел этих людей, обставленных потертыми чемоданами, свертками в газетной бумаге и не имеющих собственной подушки из принципа. Их энергия тратится на чтение романов, писание длинных писем, беганье в город к знакомым и на разглагольствование. В квартирах у них «парижский жанр» и мухи.

Хороший воспитатель должен обязательно быть оседлым человеком... Он крепко усядется в своей квартире, повесит занавески, откуда-то притащит хорошую лампу и выйдет к ребятам сияющий и довольный, что он так хорошо и основательно устроился. Он уже не может не чувствовать, что он часть колонии. Каждое разбитое в колонии стекло, каждое маленькое происшествие есть происшествие и в его жизни. Тут уж из него веревки вей, выражаясь тривиально.

Гораздо хуже, если он на другой день после приезда, не познакомившись даже как следует с ребятами, спешит в село производить какую-то общественную работу (которая ему нужна для какого-то стажа), через день он не присутствует на вечернем дежурстве, потому что присутствует на каком-то собрании, окончив дежурство летит (немедленно, без обеда) по каким-то делам в город, а на новое дежурство прибегает усталый и с опозданием на десять минут и сразу же начинает врать, что у него часы расходятся с колонийскими. На заседаниях педсовета его никогда нет, отдельных поручений он просто не исполняет, а через три месяца просит на три дня отпуск (он даже согласен без сохранения содержания) и... не возвращается. В непродолжительном времени иногда можно узнать, что он уже инспектор соцвоса.

3. Только длительно сохраняющийся коллектив создает множество крепких и часто оригинальных связей со старшими колонистами, создает тот единый коллектив, который так нужен. Не наблюдая лично, трудно себе представить те полные прелести отношения, которые создаются между воспитателями и воспитанниками с одинаковым трех-четырёхлетним стажем. Эти отношения не могут быть замечены никаким ревизором или инспектором, потому что они лишены кричащих форм, подчеркнутых выражений. Эти отношения спокойны, уверены в себе. Пережитый вместе опыт, нужда и напряжение, радости и улыбка — все это роднит людей, так же как и работа. Если такие друзья иногда и поссорятся, то и в ссоре остается уважение друг к другу. Помирить их очень нетрудно.

— Как вам не стыдно, старые колонисты.

Но говоря о длительности коллектива, необходимо отметить и отрицательные явления как последствия чрезмерной длительности.

Конечно, это прежде всего персональное одряхление отдельных работников. Все живое отживает, и какой-нибудь воспитатель с 20-летним стажем по колонии далеко не будет украшать собой коллектив, хотя и отразится самым благоприятным образом на коэффициенте его длительности.

Но в менее солидных количествах излишняя длительность коллектива должна отразиться вредно на его качестве.

Прежде всего в сердце отдельного работника излишняя продолжительность работы в одном и том же детском учреждении создает привычку, чрезмерную механизацию работы, наконец, просто усталость. Это можно назвать омертвлением живых педагогических тканей. Ниже я буду говорить о механизации педагогического дела как о явлении положительном и полезном, но эта механизация все же должна предполагать присутствие воспитателя как живого деятеля.

Омертвление живых педагогических тканей есть прямое и естественное следствие узкой специализации, складывающейся привычки к ограниченному кругу впечатлений, к точно обозначенным путям реакций.

Трудно определить грань между полезными и вредными явлениями как следствиями механизации, но все же необходимо установить наличие вредных педагогических ферментов, проистекающих из явления длительности коллектива. Это вовсе, конечно, не значит, что каждый работник с большим стажем обязательно приносит с собой вредное действие указанных ферментов. Положительные качества опытного работника будут по-

лезны в колонии, но целый коллектив необходимо должен иметь в своем составе и молодые, пусть даже и совершенно неопытные, силы. Так и в материальном производстве было бы совершенно невыгодным иметь весь состав рабочих только высшей квалификации. В общем процессе производства значительное количество функций требует как раз малоквалифицированной рабочей силы. Так и в педагогическом коллективе излишнее обилие слишком опытных педагогов будет просто производственно невыгодно.

Правда, у нас еще не установлено разницы в зарплате между опытным и неопытным работником и со стороны финансовой мы как будто не вынуждаемся к такому экономному расходованию квалифицированной рабочей силы, но ведь и в материальном производстве в определении характера рабочего коллектива имеет значение не только финансовая логика: просто высококвалифицированный рабочий на черной работе даст меньше эффекта, чем чернорабочий. В педагогическом же коллективе есть еще и специфические условия, вытекающие из самого характера воспитательного процесса.

Дело в том, что нельзя наших воспитанников подавлять слишком большой опытностью педагогов. Где-то должен быть выход для их стремления руководить, командовать, показывать, решать. Пожалуй, это та самая самодеятельность, о которой давно уже наговорено много хороших слов.

Прекрасная эрудиция педагогов, их умение найти решение, найти и обозначить условия, ничего не пропустить и нигде не переборщить — все эти весьма нужные способности педагогов, если они проявляются в избыточном количестве, создают солидные пределы самодеятельности воспитанников.

Вот иллюстрация.

Дежурный обход. Дежурство в руках старого воспитателя.

Пекарня.

— Почему у вас хлеб запаздывает?

— Дрожжи поздно купили.

— Я не понимаю, для чего вы покупаете дрожжи. Вы каждый день выпекаете по 20 пудов хлеба, вы должны иметь свои дрожжи.

— Да мы давно говорили, но завхоз никак не хочет купить хмелю.

— Как вам не стыдно врать. У нас целый огород хмелю. Слушай, Петро, сейчас же пойд и нарви. Я вам расскажу, что нужно делать.

Приводится в движение вся организация пекарни (15-й отряд), в это движение совершенно механически втягивается и завхоз (воспитанник), кладовщики, агрономы, помагрономов, огородники, многие персонажи колонии, кто переругиваясь, кто весело, кто безразлично, направляют свои действия к единой цели, к созданию постоянного запаса дрожжей.

Когда уже дело приближается к желанной цели, в 15-м отряде начинают сомневаться:

— Это вы придумали, Елизавета Федоровна, а оно будет плохо. Дрожжи эти такие будут, что хлебу два дня подходить придется.

Дежурство начинает «входить в запарку».

— Что вы мне рассказываете? Что, я сама не делала этих дрожжей? Вы просто разленились здесь, в пекарне, подумать ни о чем не хотите.

Через некоторое время имеется запас дрожжей. Царит мирное удовлетворение. Командир 15-го добродушно беседует с Елизаветой Федоровной, которая уже не дежурит и вследствие этого может с ним разговаривать «без запарки».

— Хорошо, что вы нас нагнали. Я давно уже думал, что надо сделать дрожжи, а то без дрожжей просто пропадали, каждый день не навозишься: то забыли, то дорога плсхая, то денег нет.

Елизавета Федоровна улыбается. Все пришло в равновесие. Есть дрожжи, но самодеятельности, увы, было мало.

Педагогическая наука ничем так не была заинтригована, как секретом самодеятельности. Передовые педагоги столько говорили об этой самодеятельности, она уже всем так приелась, что даже отсталые педагоги в нее уверовали.

На практике эту самодеятельность проводить было прямо геройским подвигом. Педагогическая опытность выпирала из педагога без всякого его намерения, и остановить ее было очень трудно.

Все же многие ухитрялись это делать, правда, при помощи некоторой эквилибристики.

Педагог вдруг прикидывается дураком: ничего он не умеет и ничего не знает. Воспитанники тоже воробьи стреляные и охотно идут навстречу педагогической премудрости.

Прикинулся педагог ничего не знающим, и сладко у него на душе. Его наполняет блаженством сознание, что он сейчас будет вызывать самодеятельность. Он не просто делает, как человек, ничего не понимающий в педагогике. У него в руках метод, подумайте, метод, слово какое замечательное. Он хитро улыбается и подмигивает в сторону притаившихся ребят.

Ребята самым самодеятельным образом стараются доставить удовольствие этому чудаку: как ни умело педагог орудует своей физиономией, все же они видят, где притаилось настроженное беспокойство: а вдруг ничего не получится из фокуса.

— Иван Иванович, так нет же дрожжей, Михаил Павлович не купил в городе.

— Ну что ж, нет дрожжей, — значит, колония будет сидеть без хлеба, — с деланным равнодушием говорит педагог, а у самого сердце замирает от радости: вот сейчас начнется самодеятельность.

Хлопцы, угнетенные перспективой сидеть без хлеба, все же решают, что спешить с самодеятельностью нечего:

— А разве нельзя так покупать дрожжи, чтобы они всегда были? Что Михаил Павлович забыл купить, так кто же виноват?

Педагог видит, что наступил момент. Он ходит ферзем.

— А разве нельзя как-нибудь иначе придумать?

Сдаются хлопцы.

— Да, конечно же, можно. Можно самим приготовить. Взять хмель, и все. У нас его сколько угодно растет.

Педагог ничего не слышит. Он высоко, высоко плавает в блаженстве. Таинство самодеятельности свершилось. Наконец он бросает снисходительный взгляд на землю.

— Ну, вот видите? Значит, вы уже сами знаете...

— Хорошо, хорошо, мы уже и сами знаем...

Сидит вечером дома педагог и сладко вспоминает за чаем, как это все хорошо вышло с самодеятельностью. Он пьет чай и не может видеть и слышать того, что делается в этот момент за тридевять земель в тридесятом царстве, на каком-нибудь случайном пункте, на меже между буряком и футбольной площадкой.

Михаил Павлович, заведующий хозяйством, смотрит прямо в глаза командиру 15-го.

— Я тебя, черт бы тебя побрал, как протяну на собрании, так ты у меня захлопаешь глазами по-другому. Сидят, дряни, только и ждут, когда им все из города привезешь. Пальцем шевельнуть лень, лодыри проклятые. Ничего я из города возить не буду. Иди мне сейчас за хмелем, а то, ей богу, на собрании...

Разумеется, этот случай не самый характерный. Здесь энергичное и, как видим, не вполне педагогически выдержанное вмешательство Михаила Павловича здорово помогло успеху хитроумного педагога. Обычно бывает иначе: хмелю, пожалуй, и нарвут, но дрожжей все равно не будет, хотя удовлетворение педагога от этого вовсе не уменьшится: для педагогов дрожжи — что, дрожжи пустяк, главное метод. В большинстве случаев, когда обилие опытных педагогов сопровождается проектированием самодеятельности, реакции бывают такого рода.

Притихшая педагогическая опытность не только не стимулирует желания действовать у воспитанников, но, напротив, задерживает подобные желания. Действовать под критическим взглядом опытного человека не так просто: кто его знает, как оно там нужно делать. Методические ухищрения для развития самодеятельности не могут к ней привести как раз потому, что они — ухищрения, потому, что действительное отношение сил таково, что наиболее уместно действовать и распоряжаться педагогу как более опытному и знающему. Действительное положение вещей не вызывает необходимости действия неопытного воспитанника, собственно говоря, не имеющего никаких оснований для действия. Присутствие явного авторитета приводит воспитанника к такому состоянию, когда он может действовать только как ученик, только по указке, как бы вы ни прикрывали эту указку хитроумными педагогическими приемами.

Кроме того, и это очень важно, гораздо важнее всего остального, есть еще вопрос об ответственности.

Ваша методическая стойка перед объектом-воспитанником хороша и фасонна, но вы забыли снять с себя шлем ответственности, вы не надели его на воспитанника, да в его глазах и не имели права надеть. Ведь всем известно, все это чувствуют, что вы обязательно все меры примете, чтобы уладить вопрос с дрожжами, с опаздыванием выпечки хлеба.

В наших соцвосовских условиях чувство ответственности служебной, деловой, юридической является пока что главным побудителем труда и инициативы. Чисто нравственный или научный интерес у нас страшно редок, а чувство долга или рабочей чести, как это установлено Харьковским научно-педагогическим институтом, является пережитком капиталистического общества². Это, так сказать, атавизм.

Поэтому у нас естественно: если на человеке не лежит реальная ответственность, никакая сила не подвинет его на почин и на работу. Ну, а что можно говорить о ребятах, биографии которых почти не содержат в себе трудовые моменты. Самодеятельность в таком случае становится действительно делом змеиной хитрости.

Молодые, неопытные воспитатели имеют много хороших сторон, но между ними главная: они составляют естественный здоровый фон для развития не деланной, не показной, а настоящей самодеятельности.

Когда такой молодой воспитатель вступает на дежурство, его беспомощность бросается в глаза прежде всего. Ему так трудно разобраться в сложных и трудных условиях хозяйства и работы, что он жадно хватается за каждую соломинку в надежде не утонуть в одном из многочисленных морей, по которым ему приходится плавать: хозяйственном, организационном, педагогическом, рабочем. Если он человек не глупый и не вздумает корчить из себя начальство, он просто и весело отдастся уже существующей, уже окружающей его стихии хозяйственного опыта, который накопился в коллективе. В таком случае никто и никогда не обвинит его в упущении, если это не будет явная халатность.

И вот:

— Как же это? Хлеб, значит, не будет готов к обеду? — спрашивает дежурная.

— Да мы не виноваты, Елена Григорьевна. Это Михаил Павлович забыл купить дрожжей.

Елена Григорьевна смущенно молчит, потому что не знает толком, не виновата ли и она во всей этой трагедии.

Она молча уходит из пекарни. Ясно, что обед запоздает, виновата она или не виновата.

Где-нибудь в уголке канцелярии, в которой обычно собирается в свободную минутку верхнее колониальское общество, или в клубе вдруг открывается: обед запаздывает на целый час. Кому же в голову придет предъявить иск к молодой дежурной или по крайней мере понадеяться, что она примет меры против дрожжевого кризиса? Вся колония уже чувствует с утра, что колесо в колониальной жизни катится как-то неуверенно. Кое-кто обязательно попытается этим воспользоваться (и не всегда одни воспитанники), но старым колонистам яснее ясного, что ответственность ложится на них, никто с молодого работника не спросит.

В том же углу [канцелярии] уже резкий вопрос:

— А почему у вас хлеб не готов? Дрожжей не купили? А ты сам не можешь в деревню сбегать?

— Да они только носы там задирают, на пекарне. На деревню он пойдет? Ему что? Нет и нет. Не его дело.

— А ты на деревне покупал часто дрожжи?

— Покупал. А если и не на деревне, так что? Сами не можете сделать? Большая хитрость, каждая баба знает.

— Да как же их делать?

— Не знаете? Языка нет?

— А ты у своей знакомой барышни спроси. Будет о чем поговорить при встрече...

Расходятся, ничего не решивши.

Обед запаздывает. Дежурная уже мечется с проклятым вопросом, давать ли сигнал на обед или задержать работу. Ну, а как тогда будет со второй сменой школы? В дежурстве и другие промахи, но чувствуется в воздухе, что где-то совершаются частые удары пульса самодеятельности, что много вопросов уже разрешено, что на местах, в отрядах, пекарнях, конюшнях уже мобилизована хозяйская энергия коллектива. В общем шуме колониальной машины к вечеру прорвется маленький гром.

Вечернее собрание. Рапорты командиров.

— Почему не взяли вовремя сапки?

— Огородника не было, некому было выдать.

— Огородник!

— Меня позвала дежурная.

В зале возмущение:

— Ты еще на кого другого сверни. Три года живешь в колонии, а дураком прикидываешься.

— Бедный.

— Выдай сапки и иди, куда тебя звали.

В пекарне 15-й отряд на общее собрание послал помкомандира, чтобы он отдувался за опоздание с обедом, а сами спешат наверстать беду: готовят дрожжи, а для совета и экспертизы вызвали Елизавету Федоровну: весело, шумно, радостно.

Помкомандир 15-й на собрании кое-как отбивается.

— Ну так что ж! Сейчас наши делают!

— А командир где?

— Да там же, с дрожжами с этими.

Дежурная, уставшая за длинный день, смотрит в веселое лицо помкомандира 15-го, и ей уже не так страшно в этой колонии.

Окончился день.

Руль попал в слабые руки. Его деликатно и по-мальчишески весело поправят колонисты-хозяева. У них озабоченный вид, но эта озабоченность только маска, прикрывающая хорошую человеческую мину. Логика хозяйства требует, чтобы руль был поставлен правильно, и они чувствуют в себе силы его поправить. Чувствуют это и старики, видят и новенькие, и они проникаются уважением к этим горьковцам, которые так охотно принимают на себя ответственность за такое серьезное дело: дрожжи.

Изо дня в день совершается эта узурпация власти и распорядительства. Елена Григорьевна когда-то станет опытной воспитательницей, но те, кто ее учил в первые дежурства, всегда будут улыбаться ей, как опытные морские волки.

Чередование дежурств старых и молодых воспитателей — это лучшая симфония музыки жизни детской трудовой колонии.

Дежурство первых — это четкий и строгий режим серьезной машины. Уверенный в себе, спокойный, дружелюбный, но деловой тон. Две-три нотки придирчивости. Маленькая кому-то выволочка. Короткий деловой спор. Машина бежит по своим рельсам: все смазано, привинчено. Все спокойно, у руля хороший штурман. Он встал в 6.55, а в 7 дал сигнал: «Вставай!» В 7 часов зашумели спальни. Ясно, что вставать надо. Вечером короткий рапорт: по дежурству все благополучно.

Дежурство молодых — это значит, что дежурный встал в 3 часа утра. Еще вчера с вечера было достигнуто соглашение с различными лицами и учреждениями, кто обещает кого будить, кто обещает справиться и без дежурного, кто сам в 5 часов куда-то сбегает. Дежурная все же волнуется. Она везде натывается на иронические веселые физиономии, не обещающие, как будто, ничего хорошего. Эти ребята, веселые и вредные, хохочут и успокаивают:

— Да вы не беспокойтесь, будет сделано.

— Ну как тут не беспокоиться? Ах, господи (покраснела, какое там господи), уже без трех минут, где эти трубачи?

Бегом к клубу. Но оттуда в растерзанную дверь клуба уже вылетают звуки сигнала. В спальнях веселее обыкновенного и строже.

— Ты долго будешь вылеживаться? Что, тебе отдельный сигнал?

Дежурная осторожно заглядывает.

— Идите, идите, и без вас обойдемся!

Нужно пройти на кухню. Но в воротах навстречу гроыхает подвода.

— Елена Григорьевна, так мы едем.

— Куда?

— А за доктором? Оставьте же завтрак.

Немного похолодело внутри. Чуть-чуть все не провалилось. Действительно, вчера говорилось о докторе. А что?

Задрал голову пацан, старается сделать честное лицо.

— Надо голубям корму выписать.

— Голубям? Как же это?

Но уже меняется честное лицо пацана. Рядом с дежурным Костя, старый горьковец и комсомолец, гроза пацанов с честными, но неверными лицами.

— Ты чего здесь брешешь? Какого тебе корму? Вылетай отсюда пока цел! Ну и хитрый же народ! Так и пользуются случаем. У них целые склады. Ты выпиши в дежурство Елизаветы Федоровны.

— Да! Выпиши...

Пацан позорно отступает. Ничего. Третьего дня в дежурство Алексея Григорьевича он получил 10 фунтов. И никто не знал.

Застрекотал молодой неопытный день. Вечером на общем собрании не оберешься разгово-

ров, но днем много смеха, быстрого движения, веселой команды.

На одних таких дежурствах далеко не уедешь, но, серьезно, без них нельзя.

Молодому воспитателю трудно приобрести нужный авторитет, это делается страшно медленно и постепенно, но в молодости много своей прелести, которая очень нужна в детском учреждении, гораздо нужнее, чем авторитет воспитателей³.

Но как бы ни прекрасна была молодость, все же это не мешает мне утверждать, что без длительного коллектива мы никогда никакого соцвоса не построим. Я считаю, что если коэффициент педагогического коллектива меньше единицы, то дело уже плохо, если же он меньше 0,5, то дело совсем скверно. Нормальное отношение должно выражаться в пределах от 1 до 2, но с тем, чтобы в составе коллектива были воспитатели и с очень солидным стажем по колонии, и совершенно молодые.

Выражаемая в этих цифрах нормальная длительность коллектива настолько огромное благо, что оно одно должно обеспечить половину полезной работы.

Рецензия на рукопись «Руководство для комиссий по делам несовершеннолетних правонарушителей»

I. Вступительная статья «Состояние дела борьбы с правонарушениями несовершеннолетних на Украине»¹

Вступительная статья должна быть особенно тщательно проработана и иметь совершенно точные формулировки, так как она выражает принципиальную и практическую установку Наркомпроса УССР в деле борьбы и профилактики детских правонарушений.

Между тем статья сделана недостаточно четко. Начнем с определения работы комиссий и их задач. Конечно, совершенно неверно, что задачу комиссии составляет «перевоспитание несовершеннолетних». На наш взгляд, ее задачи гораздо шире: она устанавливает факт правонарушения, изучает причины, его вызвавшие, намечает план перевоспитания несовершеннолетнего, поручает непосредственное воспитание отдельным учреждениям, организациям или лицам. Перевоспитание только частично входит в функции комиссии (ответственный надзор следователя), и то эта, собственно говоря, временная функция вызвана главным образом отсутствием достаточного количества детучреждений, слабостью охраны детства и т. п.

Так же недостаточно ясно изложена разница между детским судом и комиссией, а между тем это важный момент, имеющий большое значение для местного работника. Основная разница, конечно, не в том, как сказано в статье, что комиссия является государственным учреждением, детсуд тоже входил в общегосударственную судебную систему и со своей точки зрения царское правительство уделяло достаточно внимания детской преступности. Это была классовая организация, карающая малолетнего преступника как суд особой подсудности. Комиссия — это учреждение педагогическое, находящееся в системе народного просвещения, его задача — организация среды как основы медико-педагогического воздействия.

Неверен, на наш взгляд, анализ причин, вызвавших увеличение количества дел детей из семей. Конечно, суть не в том, что увеличился и углубился охват работы: всюду в комиссиях сильно сокращены штаты, общественность далеко не привлечена к этой работе, при помощи каких живых сил мог увеличиться охват? Тут дело гораздо глубже: комиссия — это до известной степени барометр состояния детства, а следовательно, и некоторых групп общества как воспитательного деятеля. Значительные группы бывшего «общества», не принявшие искренне Октябрьскую революцию, а только подчинившиеся диктатуре пролетариата, остались без определенного мировоззрения, а следовательно, без уверенной воспитательной системы. Такая семья перестала быть воспитательной средой. Она не может дать ребенку старой моральной нормы, но в то же время противодействует новой. Выпадение несовершеннолетнего из такой семьи — явление вполне естественное и даже социально здоровое, но в некоторых случаях, под влиянием случайных причин, такое выпадение приводит к правонарушению. Процесс этот был замечен комиссиями в таких семьях года два тому назад: мать торгует, мать машинистка, вдова присяжного поверенного, иногда отец рабочий, а мать торгует.

Процесс этот гибок и серьезен, его должны учесть комиссии в своей работе, а объяснять увеличение правонарушений углублением работы и большим охватом детства просто несерьезно и отдает казенным оптимизмом. В статье это место к тому же неудачно сформулировано, и получается такое впечатление, что большой охват и углубление работы явились причиной увеличения правонарушений.

В таких же розовых тонах рисуется передача [дел подростков] старших возрастов суду. Дело не в том, что не было соответствующих учреждений для перевоспитания подростков старше 16 лет, а в том, что в интересах государства в отношении к [подросткам] старших возрастов, часто участников банд и контрреволюционных выступлений, пришлось педагогическое воздействие заменить мерами социальной защиты.

Есть еще несколько неудачных мест: не нужно, на наш взгляд, говорить о том, что съезды ВКОНа² квалифицировали местных работников, эти съезды имели более серьезное значение лаборатории, в которой создавалась теория и методика работы.

Статья производит впечатление незаконченной, необходимо в заключение дать основные положения пятилетнего плана работы комиссий. Особенно важно было бы подчеркнуть новую ориентацию на широкое привлечение к работе комиссий советской общественности.

II. «Законодательный и инструктивный материал для комиссий по делам несовершеннолетних»

Хорошо составлена вводная статья, она дает точные определения коротко, убедительно. Не везде удачно переведено, необходимо сверить с подлинником и исправить неудачные в переводе места. На наш взгляд, каждой группе законодательных актов надо дать короткие вступления, характеризующие этот материал с точки зрения практики комиссий. Нужно дать каждой группе актов подзаголовки и поместить его в оглавлении.

III. «Программа и методика социального обследования и схема врачебного обследования несовершеннолетних»

Вступительная часть программы (с. 63—65), которая должна дать общую установку, изложена неудачно, слабо со стороны языка и небрежно со стороны содержания. Остановимся в первую очередь на самом важном месте вступления о значении социального и биологического факторов, ибо именно это место должно дать основные установки комиссии, всей ее работе, в особенности для сравнения старых и новых методов. Но оно изложено таким образом, что способно привести к недоразумениям. С одной стороны, утверждается, что для марксистской педагогики недопустимо исходить из положения, что «источник активности — в самом субъекте» (с. 64). Это выражение, оставляющее желать лучшего, а через две строчки после этого такая фраза: «Было бы все-таки неверно вообще отбросить биологический фактор. Мы считаем, что биологические особенности, те или иные дефекты в этой сфере усложняют ее [личности] поведение» (с. 64).

При таком сложном отношении между социальным и биологическим факторами не мешало бы посвятить этому вопросу более пространное и более убедительное место и дать совершенно точные формулировки, иначе останется неясным, какой из этих двух факторов является решающим, тем более что в дальнейшем изложении программы читаем: «Мы должны указать определенное место для биологических элементов (анатомо-физиологических, внутренних), как и для тех, которые мы назвали окружением [средой]» (с. 64).

Если мы должны указать только определенное место как для того, так и для другого факторов, то, очевидно, вопрос об их отношениях у нас далеко не решен, потому что может оказаться, что определенное место для биологического фактора будет как раз главным местом. И поэтому совершенно уже без достаточного основания программа вдруг заявляет: «Таким образом, мы должны обследовать в первую очередь это окружение» (с. 64).

Почему же обязательно в первую очередь нужно обследовать окружение? Оба фактора в изложении программы совершенно неаргументированны в отношении друг к другу.

Кроме того, совершенно неверно говорить о биологическом факторе только в том случае, если наблюдается картина каких-либо биологических отклонений. Такое утверждение представлялось бы не совсем грамотным даже по данным нашего опыта, не говоря уже о научной логике. Можно привести в качестве примера два комплекса, наглядно доказывающих, что усложнение социальной обстановки влиянием биологических факторов происходит не только тогда, когда в биологической сфере наблюдается нездоровое отклонение — дефект.

Так, например, повышенное ощущение личности, в общем, явление совершенно здоровое, приводит к слишком энергичному, бурному протесту и часто ведет к правонарушению. Более защитное приспособление личности к той же обстановке скорее нашло бы менее болезненные пути. Особенно любопытно, что автор приводит пример такого именно выпадения из семьи на с. 160.

Другой пример: физическая сила, ловкость, сообразительность, изобретательность в известном случае закрепляют у несовершеннолетнего антисоциальный уклон; поскольку они приводят к более частым успехам в различных предприятиях — положение жока, лучшее обеспечение, некоторое удовлетворение властолюбия и славолюбия.

Именно это обстоятельство — возможность социального выпадения при самых благоприятных биологических условиях — позволяет современной советской педагогике считать главным фактором социальный. Поэтому говорить о значении только дефектов [биологической] конституции — значит именно сбиваться на старую дорожку теории о прирожденной преступности.

Вообще же говоря, педагогу (а не социологу и не биологу) можно рассматривать поведение только как продукт индивидуального случая в комбинировании социальных и биологических условий. Вступление к программе решительно забывает об этой необходимой гармоничности нашего материала и нашей методики.

Да и весь материал к «руководству» представляет нечто органически разделенное на две совершенно самостоятельные части. Отдельно написана программа педагогического обследования и совершенно независимо от нее — программа врачебного. Та и другая программы не только не связаны между собой, но в самой своей логике противоречат друг другу, и врачебная программа предлагает изучение совершенно уединенной личности и при этом на базе чрезвычайно оригинальной методологии: «Несмотря на отсутствие специальных рефлексологических методик, можно и с помощью старых психологических методов выявить совершенно объективные моменты» (ст. 111).

Спрашивается, кто и где будет связывать в одно целое эти два совершенно различных наблюдения, одно, основанное на базе новой социологии, а другое — на базе старой психологии? Очевидно, надо рассчитывать только на то, что связывание этих двух совершенно отдельных работ будет произведено только на заседании комиссии. Такой способ может привести и конечно приводит на практике к тому, что все эти акты обследования имеют только значение архивных материалов, а дело решается на основании простейшего здравого смысла и реальных возможностей.

Вступление изобилует ссылками на профессию, а общее впечатление такое: вместо того чтобы сказать несколько десятков необходимых слов о биологических и социальных факторах и сформулировать их точно и просто, приводятся длинные цитаты авторитетных педагогов, но поданы они составителем вступления чрезвычайно неудачно, например: «Под поведением организма мы должны понимать взаимоотношения с той средой, в которой он находится».

Можно ли так выразиться в популярном руководстве? Взаимоотношение и есть взаимоотношение, т. е. нечто двустороннее, но ни в коем случае не поведение данного одного субъекта. Ничего, кроме путаницы, такое цитирование внести не может.

Дефекты языка в программе, и в особенности во вступительной части, делают еще более темной и без того неясную общую установку уже не только по отношению к биологическому и социальному факторам. Возьмем самое первое определение: «Основная задача комиссий по делам несовершеннолетних — перевоспитание и помощь несовершеннолетнему, которые устраняют причины, вызвавшие правонарушение» (с. 63).

Не будем уже говорить о том, что употребление слишком широкого термина «перевоспитание» лишает все это выражение значения определения. Пожалуй, при помощи такого термина можно определить очень многие вещи, хотя бы, например, работу колонии или антирелигиозного общества. Но ведь не уничтожение причин, приведших к правонарушению, является фактически содержанием работы комиссий. Само по себе уничтожение каких-то причин было бы только отрицательной функцией, а между тем в программах и в методике как раз рекомендуются прямые положительные приемы, заключающиеся, в общем, в создании нового комплекса влияний, так сказать, новых причин нового поведения.

Чрезвычайно запутанное место во вступлении о двух этапах обследования: сперва говорится, что этап обследования можно разделить на две части, и в том же предложении автор заявляет, что этот этап нельзя разделить на две части и нигде он никогда не делится. Кроме того, это место надо читать несколько раз подряд, пока разберешься в этих этапах. Еще: «Без этого комиссия может допустить грубые ошибки, и тогда меры воздействия, которые она выберет, могут не только привести к повторению правонарушения, но так повлиять на несовершеннолетнего, что в дальнейшем он будет непригоден для педагогической работы над ним» (с. 63).

Единственное заключение, которое можно сделать из этой фразы, это только такое: кроме биологического и социального факторов поведения есть еще третий — прикосновение педагога к личности воспитанника, которое наносит такой сильный удар по этой самой личности, что даже дальнейшие педагогические прикосновения становятся невозможны. Разрушительное влияние этого третьего фактора подчеркивается тем обстоятельством, что ни биологический, ни социальный факторы ни к каким подобным катастрофам не приводят.

Такое выражение: «...На фоне этих двух факторов изучать поведение».

Нужно помнить, что все эти фразы заключаются во вступлении, занимающем только две страницы.

Второй раздел той же вступительной части слишком растянут. Не нужны, на наш взгляд, ссылки на съезды комиссий (с. 66—67). Технически очень неудобно, что при чтении этого раздела необходимо все время справляться с планом обследования и искать разделы, подразделы и литеры плана. В книге это будет особенно неудобно, а без этого во многих местах непонятно, о чем идет речь. Относительно влияний улицы и семьи дано слишком поверхностно: «Яркие впечатления вокзала, знакомства, приобретенные в соседстве с беспризорными, не раз сводили на нет слабое влияние семьи» или: «Ибо чем слабее семья, чем меньше она воспитывает несовершеннолетнего, тем сильнее влияние улицы...» (с. 69).

Можно ли так категорически утверждать, что влияние улицы всегда пагубно. Вероятно, понятие «улица» можно дифференцировать, как и всякие другие понятия, например: улица рабочего района, сельская улица, иллюминированная и украшенная улица революционного праздника.

Влияние этих улиц может быть гораздо полезнее влияния семьи — замкнутой индивидуалистической ячейки.

С другой стороны — семья. При чтении такое впечатление, что семья обязательно фактор положительный. «Слабое влияние» хорошей семьи явление отрицательное, а сильное влияние плохой семьи, обывательской, мещанской, кулацкой, — явление очень нередкое. Выходит так, что влияние такой семьи — фактор положительный, особенно в сравнении с улицей. Вот к чему приводят безапелляционные и малопродуманные формулировки. Вообще, со второго раздела, а пожалуй, и от всех материалов, вероятно против воли авторов, остается впечатление некоторого фетишизма семьи.

Дальше с. 70: «Несмотря на наше стремление максимально конкретизировать программу, остается какой-то почти невесомый элемент, который конкретизации не поддается».

Начнем с того, что при перечислении этих невесомых величин упущена одна очень существенная — слишком большое внимание семьи к несовершеннолетнему, но это так, только к слову, и существенного значения не имеет. Ибо попытка организации учета «почти незначительных элементов» совершенно недопустима в популярном руководстве. Это ставка на ощущение. Почему здесь можно руководствоваться ощущением, а в другом месте нельзя?

Есть отдельные дефекты, по-видимому просто дефекты языка.

С. 68. «Мы начинаем программу обследования широкой неорганизованной с воспитательной целью среды, которая влияет, с педагогической точки зрения, часто в большинстве своем стихийно».

Здесь не только местный работник, а и любой работник споткнется.

С. 73. «Отмечая все изменения и все, что нарушало покой семьи и самого несовершеннолетнего...»

В каком смысле здесь производится ревизия диалектического метода и какое участие в этой ревизии должен принимать обследователь, понять трудно. Во всяком случае, отношение покоя и движения в этом месте запутано.

Переходя к самой программе и методике, нужно отметить, что некоторые ее отделы написаны очень подробно и, видимо, человеком, хорошо знающим практику современной работы в комиссии и условия этой работы. К таким отделам мы относим первый опрос и обследование семьи. Но очень многие достоинства, заключающиеся главным образом в указании отдельных приемов опроса и обследования и могущие принести много пользы начинающему обследователю, к сожалению, бледнеют перед самым главным дефектом — невыдержанностью основного подхода к работе с точки зрения советской педагогической логики.

Прежде всего в программе обращает на себя внимание ее индивидуализм. В отдельных местах, конечно, говорится о коллективе, в частности о его обследовании, но это вовсе не делает весны.

Всегда и на каждом шагу авторы имеют в виду уединенную личность несовершеннолетнего, заботятся только о нем. Поэтому вся программа пропитана той особой деликатностью, какая может быть только в индивидуалистической настроенности. Интересы данной личности настолько доминируют в представлении автора, что им в жертву сплошь и рядом приносятся интересы коллектива. Во всяком случае, какой-либо серьезной задачи по отношению к целому обществу или к отдельным его частям в программе не видно.

Приведем несколько примеров:

«...Мальчика, которого обвиняют в убийстве отца, привели в комиссию в день совершения этого тяжкого преступления. Обследователь, который желает получить самые свежие подробности убийства, устраивает несовершеннолетнему тщательный допрос, следствием чего является

резко отрицательное отношение к работникам комиссии. Факт правонарушения может быть и хорошо обследован, но несовершеннолетний является утраченным для дальнейшей педагогической над ним работы навсегда» (с. 68).

Опять утрачен несовершеннолетний для педагогической работы, да еще и навсегда. Это романтическое выражение вполне естественно вытекает из общей установки по отношению к несовершеннолетнему. Приведенный пример просто никуда не годится. Такое редкое в нашей практике преступление, как убийство отца, естественно не может быть примером. В этом случае нужно быть на месте следователя совершеннейшей ханжой, чтобы в опросе мальчика бояться даже того, чтобы характер правонарушения был досконально выяснен. Программа просто запугивает читателя утерей человека для педагогической работы. А между тем бывают случаи, что только определенно требовательное отношение к личности может пробудить в ней хотя бы первоначальные социальные чувства. Во всяком случае, на месте следователя делать вид, что в преступлении ничего особенного не содержится, что убийца отца заслуживает чуть ли не ласки «хорошего дяди», в данном случае возможно в силу преувеличенного и совершенно не марксистского внимания к личности.

Сама схема обследования приспособлена для обследования и изучения отдельного лица. Очень верная мысль о том, что каждый данный район создает характерный фон в деле развития детских правонарушений, не доведена до конца. Между тем самими материалами подсказывается метод детального изучения целых районов и всех отдельных социально нездоровых образований в каждом районе. Очевидно, что для этого нужна особая методика, которая должна была привести к получению, так сказать, социально-санитарной карты города или округа, к изучению не только коллектива, в котором находится данный несовершеннолетний, но и всех вообще коллективов, могущих обратить внимание комиссии.

В «Руководстве» естественно об этом [надо] было поставить вопрос, ибо такое знание района и всех районов нельзя делать в форме временной эрудиции отдельных следователей: ушел следователь — и все его богатство ушло вместе с ним, а новому следователю придется все изучить сначала. Очень важно, что обследованию личности можно было «посвятить» меньше энергии, а все главное внимание направить на обследование общественных и коллективных явлений.

В рецензии об этом говорится не для того, чтобы предложить какой-то новый метод, а только для того, чтобы показать, что вся работа комиссии ведет к постановке такой работы. А теперешнее модулирование³ отдельной личности в значительной мере представляется растрачиванием энергии работников.

Любопытны высказывания программы по вопросу о правонарушителях-школьниках: «В нашей практике был случай, когда школа предупредила комиссию о том, что один ученик хулиганит, берет чужие вещи и т. п. Следователь не пошел в школу, не собрал исчерпывающие материалы, а вызвал несовершеннолетнего в комиссию, тот пришел, но был настолько перепуганным, что беседу с ним пришлось отложить» (с. 84).

Ясно, что в этом случае перед комиссией рядом были поставлены интересы школы как коллектива, с одной стороны, и интересы данного хулигана-ученика, с другой. Школа не может в этом случае рассматриваться как случайный свидетель, указывающей комиссии, где для нее есть работа. Что здесь вниманию комиссии предложены интересы школьного коллектива, доказывается уже тем, что школа обращается к комиссии за помощью и защитой, поскольку школа меньше, чем комиссия, вооружена правом принуждения. За основание нужно взять, во-первых, общее соображение, что в школе работают такие же педагоги, как и в комиссии, и возможность для них ошибиться не больше, чем для работников комиссии.

Интересуется ли программа школьным коллективом самим по себе? Нет, совершенно не интересуется. Для нее важнее всего то, чтобы ученик-хулиган, вызванный на комиссию, не испугался, — не каких-либо кар или угроз или просто неприятных перспектив, а самого факта вызова. И для того, чтобы ученик не испугался, программа рекомендует предварительно приехать в школу и произвести, так сказать, предварительную проверку, правда ли то, что утверждают педагоги.

Спрашивается, почему же в таком случае таким же способом не проверяются предварительно сведения, полученные от милиции? Протоколу милиционера верят настолько, что считают возможным приступить к опросу виновного.

Во всяком случае, не столько важно, правильно или неправильно рекомендуется деликатность по отношению к ученику-хулигану, а полное отсутствие мысли об интересах школы как целого коллектива. Важно только, чтобы не испугался маленький хулиган. Очень важно, что в этом случае комиссии или следователю нужно было порадоваться, что самый факт существования комиссии имеет значение для маленьких хулиганов. Может быть, и никакого разговора не нужно разводить, и ничего особенного не обследовать, а только сказать:

— Ну вот, хорошо, что пришел. Советую больше не хулиганить, потому что это может кончиться солидными неприятностями.

В практической работе именно так и говорят иногда с ребятами и немало бывает случаев, когда единственным способом является умело припугнуть. Умело, в этом вся суть, и этому умению должно научить «Руководство».

Такой же излишней деликатностью пропитаны некоторые советы по обследованию семьи.

Отдельно надо остановиться на вопросе о правонарушителях из детдомов. В «Руководстве» читаем: «Ни в коем случае нельзя допустить привод воспитанников детского дома в комиссию без предварительной договоренности и получения соответствующих материалов. Детское учреждение должно принять меры, чтобы не допустить правонарушения воспитанников».

Только незнанием самой логики коллективного воспитания можно объяснить всю эту тираду.

Именно в детском доме так часто бывают самые тяжелые случаи грабежей и хулиганства, иногда совершенно откровенного издевательства над педагогами и над всем коллективом. Этот пункт важен не столько по своему практическому значению, сколько по выразительности своей идеологической и педагогической физиономии.

Разумеется, внимательное отношение к детям необходимо во всех случаях, но не надо смешивать принципиальную установку с требованиями сегодняшнего дня, так как тут придется допускать некоторые компромиссы. В вопросе о порядке ведения дел правонарушителей из детских домов действительно на практике пришлось ввести приведенный выше пункт, но это было вызвано не принципиальной установкой, а отсутствием у комиссии свободных в коллекторе мест — просто приведут из детдома детей в комиссию, а их девать некуда. Но вносить этот пункт в «Руководство» как одну из принципиальных установок комиссии совершенно неверно.

Теперь общие замечания:

1. Чрезвычайно трудный язык, может быть, поэтому много совершенно неясных мест: «с. 63 (а), 75 (б), 81 (в), 85 (г), 87 (д)» и т. д.

2. Изложение не разбито на отделы и подано в виде совершенно несистематизированной беседы на свободные темы в несколько фельетонном тоне. Отсутствие системы очень затрудняет чтение, к концу главы совершенно теряется основная тема, например: 4-й раздел — «Применение предварительной меры воздействия», с. 82—85 — трактуют (перечисляя только главные темы): «о формальной стороне первой беседы», дальше: «словарь уличного или преступного жаргона», «протокол допроса взрослого человека», советы, как лучше вызвать несовершеннолетнего в комиссию, и т. д. ...

Все это к «Применению предварительной меры воздействия» непосредственного отношения не имеет.

Такие же отступления есть во всех главах (5-й, 6-й). Это удлиняет главы, делает их не цельными, запутывает и утомляет читателя. А ведь «Руководство» составляется для малоподготовленного и занятого работника, который просто не станет читать длинных статей — ему нужен короткий с точным заголовком материал, из которого он мог бы получить нужные ему на сегодня сведения.

Вообще, благодаря пестроте изложения трудно себе представить, на каких читателей ориентируется автор.

3. Укажем еще на одну непонятную деталь — русские слова в кавычках, например: «возмездие», «личная уния», «неустроенные» и т. д.

Это, вероятно, надо отнести за счет перевода.

Отдельно остановимся на разделе 7: «Обследование самовозникших коллективов».

При чтении совершенно ясно, что автор сам очень мало знаком с этим обследованием, в то время как в других разделах чувствуется большой практический опыт и дано очень много ценных указаний, здесь общие места и благие пожелания исследователям, вроде: «если исследователь сможет установить то, что мы называем контактом, дети охотно будут приходить на беседу» (точно это такая [простая] вещь — установить контакт с целым коллективом); «от конкретных обстоятельств и чутья исследователя зависит то, какой из двух путей выбрать в каждом данном случае».

Надо сказать, что в этом самом трудном разделе упущен из виду читатель, наш рядовой исследователь, на которого рассчитана эта книжка. Какую помощь могут оказать ему в практической работе такие общие места?

К тому же и детский «самовозникший коллектив» (по-нашему, термин несколько метафизический, «самовозникший» — это какая-то вещь в себе, но в терминологии, конечно, автор не повинен) подается в классически-педагогическом представлении: шайка блатных людишек

с вожакom и с воровским жаргоном, с правилами поведения. А на деле все это и беднее, и проще, и разнообразнее.

Наконец, почему в «самовозникшем» должны быть только «скверные» дети и влияние такого коллектива обязательно дурное?

Своеобразно трактуется «самовозникший» коллектив в детдоме: «самовозникшие коллективы воспитанников в интернатных учреждениях очень близки к коллективу беспризорных детей, вернее, это коллектив беспризорных, который переносится в условия интернатного учреждения» (с. 100).

Думаем, что с этим очень трудно согласиться. В здоровом, хорошо организованном детдоме, с крeпкой дисциплиной совершенно не страшен, а иногда даже и желателен незарегистрированный педагогами коллектив, а в том детском доме, который имеет в виду автор, начинать, конечно, надо не с «самовозникшего» коллектива, а с «организованного». Изучение [коллектива] — процесс длительный, и пока изучишь «самовозникший» коллектив, детский дом совершенно развалится. Реорганизации детдомов не входят в компетенцию комиссии, поэтому какое практическое значение для обследования имеет эта часть программы?

Вообще опираться на теорию деления коллектива на «организованный» и «самовозникший» нам представляется несколько преждевременным и опасным.

С. 102 этого раздела посвящена общим заключительным указаниям по всей программе: «Остается сделать несколько общих замечаний к порядку сбора материала, отмеченного в отдельных разделах программы», и т. д.

Для того читателя, который не прочтет «Руководство» от доски до доски, это общее замечание останется неизвестным.

IV. «Меры воздействия и показания к их применению»

Глава дает много практического материала, но требует солидного напряжения при чтении благодаря страшной пестроте изложения. О чем только в ней не говорится!

Отсутствие тематизации отдельных подразделов как-то дезорганизовало самого автора, и статья пестрит повторениями и перефразировками. Привожу страницы, где это особенно наглядно, так как выписывать все эти места просто невозможно. В подлиннике страницы отмечены скобками и пронумерованы: 143, 145, 146, 147, 149, 150, 151, 154, 164 и 165.

Никакого цельного впечатления от этой статьи не остается, найти в ней нужное место очень трудно, а ведь «Руководство» — это повседневный справочник, рабочая книга. Если приблизительно [пройтись] по основным темам, в ней затронутым, то получается следующее:

1. Заседание комиссии как часть единого педагогического процесса.
2. Меры воздействия и показания к их применению.
3. Организация среды — клубы, работа в школе и в детдоме и т. д.
4. Работа с родителями.
5. Привлечение общественников и работа с ними.

Все это очень нужно для местного работника, но необходимо самым серьезным образом проредактировать всю статью.

Укажем на некоторые места, неверные принципиально, на наш взгляд.

С. 139. «Не столько само правонарушение, его обследование, сколько личность несовершеннолетнего, условия, в которых он живет, и самое главное — будущая судьба».

В рецензии уже достаточно уделено места индивидуалистическому уклону программы. Не будем здесь больше говорить об этом. Но тут есть другая сторона.

1. Как увязать это со вступительной статьей?

2. Где же тогда разница между нами и детсудом? У них личность, и у нас личность. Выходит, что разница только в подходе: у нас более деликатный подход к той же личности. Думаем, что это не случайная оговорка автора.

Много копий было поломано в свое время в борьбе с правонарушительским уклоном, и вдруг читаем: «дети комиссии все же до некоторой степени заброшены, даже те, которых комиссия оставляет под присмотром родителей» — и дальше: «собранные в юношеском уголке рабочего клуба, они вольно или невольно будут иметь связь с детьми, которые обычно посещают клуб, и эта связь может иметь плохие последствия». Комментарии излишни.

Странно звучит такое место (с. 162): «Во вспомогательный детдом направляются трудные дети... которые своими побегамн создали невозможность охвата их педагогической работой».

Точно во вспомогательном детдоме педагогическая работа не ведется.

Вот пример очень неудачной редакции: «и поэтому детей, которые направлены в социальные учреждения (по-видимому, специальные, но в подлиннике «социальные») постановлениями комиссии, нельзя переводить или исключать из этих учреждений без постановления комиссии,

комиссия, определяя тип учреждения» или «чтобы она (беседа) имела определенный эмоциональный тон».

Подобных мест, к сожалению, много.

V. «Юридическая помощь»

Раздел составлен хорошо.

Общее заключение.

Считаем, что в таком виде, как оно подано на рецензию, «Руководство» пускать в печать нельзя. «Руководство» — это официальный документ НКП, каждое его слово — это директива или совет НКП, и поэтому здесь не может быть неудачных, скороспелых, а тем более идеологически и принципиально неточных мест.

«Руководство» необходимо на местах, в материале есть много ценного, но его необходимо переработать самым тщательным и ответственным образом. Думаем, что такая осторожность при издании официальных руководств необходима, так как было уже несколько случаев выпуска наспех проредактированных и недостаточно проработанных материалов.

Что касается индивидуалистического уклона, то, конечно, это дефект не только «Руководства», а и всей работы комиссий, и при составлении «Руководства» это не могло не отразиться.

Надо сказать, что так небрежно поданный материал, просто не выправленный после машинки, с пропусками букв, описками и т. д., производит впечатление недостаточной серьезности.

Мнение «Шарошки»

Секретарем совета командиров назначен Камардинов, как кандидат. Это очень хорошая кандидатура. Он коммунар старый, знающий все правила коммуны и хорошо грамотен. К тому же он очень активен и пользуется авторитетом среди коммунаров.

Кандидатура в КК¹ — самое большое место. На этом посту должен стоять энергичный человек и не шляпа. Он должен вмешиваться во все дела коммуны и проверять все. На эту работу намечено две кандидатуры — Долинный и Никитин. Долинный еще очень молодой коммунар. С этой работой ему будет трудно справиться. Никитин — коммунар старый и человек энергичный. Приветствуем Никитина.

Очень важным органом является совет заместителей заведующего². Он соединяет в себе и распорядительный комитет, и штаб соревнования. Кроме того, мы должны помнить, что в начале лета воспитатели пойдут в отпуск и членам СЗ придется очень часто заменять заведующего. Летом у нас много бывает разных экскурсий, и наших и заграничных, — их нужно принимать, показывать коммуны.

Намечены все кандидатуры дельные — все ребята хорошие и с этой работой справятся. Мы возражаем только против Фролова С., который уже намечен к выпуску из коммуны и должен много заниматься.

Кандидатуры в дежурство по коммуне. Их намечено 9 человек. Это хорошо, реже будут дежурить и не будут так уставать. Намечены все коммунары хорошие. Мы высказываемся только против кандидатуры Каплуновского. Он еще не знает хорошо всех коммунарских правил, да и без этого о нем много пишут нехорошего: плохо он относится к девочкам и замечен в похабных выражениях — такой человек не способен будет поднять культуру нашего быта, а в этом главная задача дежурства.

Все предложенные в санкомиссию — чистюльки, а для этой работы такие и нужны.

Что касается кандидатур в командиры, то о них сказать трудно. Как будто отрядам виднее³, во всяком случае, среди намеченных есть и кандидатуры неудачные. Например, Петкова явно командир будет некудышный — совершенно несерьезная особа. Каплуновский, безусловно, не годится в командиры, да еще такого заслуженного отряда, как второй. О Прасове тоже нельзя сказать ничего особенного — парень еще далеко не дисциплинированный и не вполне сознательный коммунар.

А для чего выдвигают Грушева? Можно подумать, что только для того, чтобы в отряде было больше беспорядка и чтобы каждый делал то, что хотел.

Швед, прекрасный парень, но командир будет определенно слабый.

Семенцов до сих пор хамоват немного, пусть бы еще капельку «обкультурился» до следующих выборов. А там для Крыма это будет хороший командир — он человек разбитной и знающий.

Наконец, почему наметили Сычова в бельевую комиссию? Человек меньше всего подходит для такого тонкого дела.

Заметка в стенгазете «Дзержинец»

«Кропачевщина»

В сегодняшнем номере я обратил внимание на две статьи. Одна об ужасном браке в литейном цехе, по случаю которого автор закричал:

— Ай, ай, ай, ужас, ужас...

Вторая — письмо к коммунарам товарища Когана, в котором он без всякой злобы описывает, как работают коммунары.

Меня неудача с глиной в ужас не привела. Ошибки бывают во всяком деле, особенно часто бывают и в новом деле, каким для нас и наших условий является литье.

Напротив, все обстоятельства этой ошибки показали мне, что у нас «кропачевщина» среди руководящего персонала производства кончилась. Как только установили, что глина не годится, товарищ Коган¹ и все мастера приняли самые решительные меры к исправлению ошибки. Я прямо говорю: проявленная ими энергия и находчивость могут послужить прекрасным примером прежде всего для коммунар. В течение всего одного дня им удалось сговориться по телефону с заводом «Свет шахтера», съездить на завод, узнать, где они достают глину, и даже достать у них несколько возов глины, которая оказалась вполне подходящей.

И вот получилось такое, чему коммунары могут позавидовать. Вчера установили ошибку, а сегодня уже произвели отливку с новой глиной, и произвели хорошо.

Почему-то коммунары не заметили и этой энергии, и этой находчивости, не заметили и очевидного мастерства Поляченко². А это нужно было заметить прежде всего для того, чтобы поучиться.

Больше того, мастера-литейщики отказались от своего трехдневного заработка, чтобы не вводить коммунар в убыток. Это совершенно лишнее: честно совершенная ошибка в начале такого дела не может идти за счет наших рабочих. Я считаю, что рабочим должно быть оплачено время полностью, но то, что они сами предложили им не платить, делает им честь.

Спросим себя прямо: многие коммунары готовы были бы на подобную жертву?

Если в руководящей части производства «кропачевщина» кончилась, то она, кажется, не кончилась среди самих коммунар.

Во всяком случае, еще и теперь приходится наблюдать отвратительные картины: «клубов» возле кузницы, шатания по коммуне без дела, ухода из мастерских, курения и матерщины в цехах. Многие наши герои при всяком случае готовы симулировать, но это не мешает им героически ругаться, несколько не хуже любого холодногорского кавалера и душки.

«Кропачевщину» надо решительно гнать теперь из рядов самих коммунар. Мы не должны больше видеть лежащих лентяев на травках и восседающих в пустословных болтаниях языком возле кузницы. Мы также не должны больше наблюдать, что коммунар уходит из цеха и просто шатается по коммуне и мешает другим работать. Все эти штучки, товарищи, надо решительно бросить. Довольно, в самом деле, прикидываться и такими, и сякими — хорошими, а на самом деле просто лодырничать и лежать. Дело о возмутительном поведении бригады Редько³ передал к расследованию⁴.

Докладная записка члену правления коммунуны им. Ф. Э. Дзержинского

Я Вас прошу считать этот доклад попыткой изложить мои взгляды человеку, который не хочет ограничиваться по отношению ко мне одним нажимом. Я сильно и глубоко убежден, что моя педагогическая работа всегда была и есть настоящая советская работа. Я при этом совершенно не склонен падать ниц перед многими утверждениями и положениями так называемой социал-восковской педагогики только потому, что они высказаны от имени советской доктрины.

Я позволяю себе затруднить Ваше внимание некоторыми общими педагогическими соображениями.

Я убежден (я так себе представляю, что я это ясно вижу, у меня никаких

сомнений нет), что такая «педагогика» на самом деле есть в значительной мере безответственная выдумка интеллигентщины. К этому я приходил очень медленно и сам в двадцатом году начинал работу, будучи убежденным ее сторонником. В настоящее время я не только в своем опыте нашел много доказательств правильности моих сомнений, но уже могу наблюдать, как и советское общество и, в особенности, партийная мысль начали разбираться в непроходимом клубке предрассудков, созданных педагогическими писателями и писателями...

Плохие детские дома не оттого таковы, что там плохие работники или что мало денег дают на их содержание, а исключительно потому, что они отравлены дамской педагогикой, в существе своем не имеющей никакого отношения ни к идее социализма, ни к пролетариату, ни к труду, ни к Советской власти, ни просто к здравому смыслу...

...Отдельные интеллигентско-российские идеи настолько живучи... что сейчас многие люди, вопреки фактам и действительной логике нашего развития, продолжают верить в спасительность большинства соцвосовских средств и продолжают настойчиво рекомендовать их употребление.

Интеллигентская педагогика как раз и характеризуется совершенно тупой верой в действительность средства только на том основании, что это средство стройно вытекает из разных идеальных положений. Так, например, среди интеллигентщины искони была вера в полезность и высокую моральную ценность бесплатного труда, в помощь бедному, в милостыню, в непотворение «злomu», в спасительность душевных разговоров, в какое-то особенное значение «любимого» учителя, в сверхъестественное значение интереса и в так называемую доминанту...

Я с 1920 г. организовал и заведовал колонией им. Горького сначала в Полтаве, затем под Харьковом, сделал ее известной всей Украине и РСФСР, и в значительной мере и за границей¹; результаты моей работы и работы подобранного [мною] педагогического коллектива были по меньшей мере удовлетворительны, и все-таки это не мешало в течение всех восьми лет травить меня и нашу работу разным совершенно бездельным людям, которые занимались исключительно тем, что выигрывали на высказывании разных похвальных взглядов и педагогических премудростей².

Окончилось все это тем, что меня заставили уйти из колонии и при этом почти сознательно пожертвовали ценностью учреждения. Немедленно после моего ухода начали применять в работе разные шаблонные патентованные средства, и в последнем счете сейчас эта колония стоит на границе развала и безусловно через год ли полтора будет расформирована.

Вся эта поучительная история имеет только потому значение, что я никогда не подстраивался под педагогическую интеллигентщину и всегда открыто высказывался против нее и настойчиво и упорно проводил свою систему организации, с моей точки зрения более соответствующую нашей нужде и нашему идеологическому кредо.

Очень многое из того, что было мною сделано в области метода и что было мишенью для возмущения и травли, потом в общесоветском масштабе было проведено как положительное средство.

К примеру, могу указать на некоторые элементы военизации, которые я предлагал еще с 20-го г. и за которые получал названия Аракчеева, жан-дарма и пр. Как известно, элементы такой военизации, даже в большей сте-

пени, были введены в практике пионерработы, а в настоящее время признаются желательными в детских домах.

...Даже в коммуне им. Дзержинского в прошлом году целая комиссия комсомола, увидев на стене у нас подвижную диаграмму междуотрядного соцсоревнования, изображавшую движение отряда вперед при помощи картинного указания на различные способы передвижения (аэроплан, лошадь, авто, пешком), пришла прямо в ужас и категорически запретила мне употреблять такую диаграмму.

В педагогической области чиновники боятся каждого нового живого слова и, как только оно кем-нибудь сказано, начинают крыть его при помощи различных рацей, введенных в употребление нашими безответственными педагогическими мудрецами. Вот почему для этих юношей, комсомольцев было совершенно ясно, что такая диаграмма принесет обязательно вред и нужно ее непременно и поскорее убрать. А между тем вот на днях в последнем номере «Прожектора» описывается такая же точно диаграмма (даже еще более сильная, ибо в ней едут уже и на коровах), которая употребляется на Нижегородском автомобильном заводе.

В самом положении о соцсоревновании, поскольку оно намечено в постановлении ЦК партии, прямо рекомендуется давать простор начинаниям на местах и отдельным формам, которые могут быть выбраны на местах. А вот все-таки среди наших педагогических деятелей никакого простора нет: знают все, что должно быть соцсоревнование, но при этом стараются его вогнать обязательно в те формы, в которые его уже где-то вогнали: признается законной только кривая, изображающая повышение или понижение процентов промфинплана, а самое существо соревнования уже рассматривается только как функция промфинплана.

В коммуну ГПУ я переходил с радостным ощущением той необходимой свободы, которую я буду иметь в области создания нового советского воспитательного метода. И действительно, у нас в коммуне мне такая свобода представлена, и только поэтому наша коммуна может претендовать на одно из первых мест в Союзе. Но и здесь, в коммуне, на каждом шагу на дороге становится все та же логика «педагогической теории», сделавшаяся почему-то достоянием буквально каждого охочего человека.

Я меньше всего хочу сказать, что вот мне одному известны секреты работы, больше их никто не знает и поэтому никто не имеет права рассуждать о моей работе. Я только один из многих людей, находящих новые, советские пути воспитания, и я, как и все остальные, собственно говоря, стою еще в начале дороги. О нашей работе обязательно нужно высказывать суждение, иначе мы обязательно заблудимся. Но это высказывание ни в коем случае не должно принимать характера навязывания методов и средств, которые только «кажутся» хорошими и революционными, кажутся потому, что наскоро и совершенно по-дилетантски безответственно выведены из некоторых хороших понятий, а еще чаще даже не понятий, а слов и терминов. Например, сколько совсем пустых слов наговорено вокруг так называемой общественно полезной работы детей. Только потому, что в словах «общественно полезная работа» содержатся признаки положительного содержания, только поэтому с детскими коллективами производят манипуляции, которые ведут прямым путем к развалу коллектива и к полной неудаче воспитания.

Нисколько не претендуя на звание великого изобретателя, я хочу только одного, чтобы о ценности метода судили по его результату, а о ценности системы судили по общему результативному итогу.

Сейчас же получается такая картина: плох там я или хорош, но я работаю с беспризорными больше десяти лет. За это время я ни одного дня не болел и никогда не был в отпуске. Мой рабочий день не меньше 15 часов. Это — больше 50 тысяч рабочих часов работы непосредственно в детском коллективе. Я уже не считаю моей работы дореволюционной, которая тоже дала мне некоторый опыт, так как мне посчастливилось все время работать в рабочей школе. Работа моя была все время более или менее успешной. За это время, представьте себе, сколько я передумал, перепробовал, сколько видел чужих опытов, сколько приобрел навыков почти механических. За это время я научился очень многому, и сейчас я отдаю это до конца искренне и воодушевленно советскому воспитанию.

Представлять себе воспитательную работу как простую цепь логических категорий, разумеется, просто неграмотно. Сказать, что вот в этом случае нужно поступить обязательно так, а в этом иначе, просто будет безобразием. Товарищ Б-н, например, без возмущения не может говорить о том, как это можно вычестить из зарплаты коммунара стоимость разбитой чашки 15 копеек. И он глубоко убежден в том, что он орудует с методической логикой, что взять из зарплаты вообще всегда недопустимо. Совершенно понятно, что вся его логика строится на некотором представлении некоторого идеала: ребенок, деньги, насилие. Разве может советская педагогика базироваться на таком идеальничании, ведь это в идеологическом и методическом смысле позорно. Все подобные соображения идут от очень стареньких интеллигентско-буржуазных философских положений о свободе личности, от индивидуалистических убеждений в том, что ребенок безответствен, просто от положений дамского доброго сердца. А чаще всего они идут от случайно пришедшей в голову мысли, что так, дескать, нужно и так будет хорошо.

Вы должны войти в мое положение. Ведь никакой такой простой и короткой логики в моей работе нет. Моя работа состоит из непрерывного ряда многочисленных операций, более или менее длительных, иногда растягивающихся на год, иногда проводимых в течение двух-трех дней, иногда имеющих характер молниеносного действия, иногда имеющих, так сказать, инкубационный период, когда накапливаются потенциальные силы для действия, а потом оно вдруг приобретает характер открытый. Всякая такая операция представляет очень сложную картину: прежде всего она должна преследовать главную цель — воспитательное влияние на целый коллектив, во-вторых, она должна иметь в виду влияние на данную личность, а в-третьих, она должна в какое-то гармоническое положение поставить и меня, и коллектив воспитателей, потому что «амортизация» педагогического коллектива — самое ответственное дело, какое у нас есть, и вообще к этому вопросу нужно относиться чрезвычайно осторожно.

Кроме этих трех главных целей в каждой операции присутствуют еще и второстепенные: сохранение материальных ценностей, удешевление воспитательного процесса, влияние на окружающую среду, доброе имя коммуны.

Конечно, идеально проведенной операцией будет считаться только такая, при которой все указанные цели достигаются в наиболее оптималь-

ном виде. Но как раз в большинстве случаев задача принимает характер коллизии, когда нужно бывает решить, какими интересами и в какой степени можно пожертвовать и полезно пожертвовать. Для того чтобы такая коллизия благополучно разрешилась или даже приняла характер гармонии, нужно бывает пережить колоссальное напряжение. В таком случае задача требует от меня прямо какой-то сверхъестественной изворотливости и мудрости, требует широкого развертывания приема и иногда сложной игры с детским коллективом, настоящей сценической игры.

Если уж Вы пошли на то, чтобы истратить на чтение моего письма изрядное количество времени, то разрешите проанализировать случай с Ге-чем.

Кражи, подобные кражам Ге-ча, имеют особенное значение в жизни детского коллектива, и при этом очень сложное. Ге-ч мальчик очень гнилой. Тов. Б-н представил его как продукт несчастного влияния Ярошенко. На самом деле это не так. Ге-ч очень развит, умен, циничен, нахален, своекорыстен, смел и, самое главное, имеет возмутительный моральный опыт: он никого не уважает и ничего не уважает. Это представитель редкого типа, который я называю типом неоправданного действия. Такие люди ставят себя против общества совершенно сознательно, не пытаюсь никакими признаками логики как-нибудь оправдать свою позицию.

Я знаю происхождение такого типа и знаю, что перевоспитание их дается очень тяжело. Оно вообще возможно только в том случае, если перед такими людьми поставлена сильная воля, которая на них регулярно давит, которая приучает их к сопротивлению общества. Манипуляции с убеждением приносят только вред, ибо только дают простор для упражнений в циничной логике, что же касается «влияния доброго сердца», то оно производит прямо противоположный эффект по отношению к ожидаемому.

Ге-ч крал в коммуне регулярно. Удалось выяснить только кражу двух шинелей и часов, но с уверенностью можно сказать, что целый цикл краж, прошедший по коммуне в течение полутора месяцев, не обошелся без Ге-ча. В детском коллективе кражи не так страшны своими материальными последствиями.

Пропадают вещи, в коллективе бродят подозрительные соображения по адресу очень многих коммунаров, говорятся укоряющие и обвиняющие речи, заводятся ссоры, создаются целые стихии ненужных разговоров.

Когда обнаружился совершенно неожиданно виновник краж, общее негодование против него явилось естественной реакцией. Это негодование, конечно, не должно было определять характера мер против Ге-ча, но такую или иную уступку общественному мнению нужно было все-таки сделать. Нужно было вообще сделать так, чтобы воспитательное влияние на весь коллектив всей этой истории было наибольшим. С такой точки зрения истории, подобные кражам Ге-ча, бывают сплошь и рядом весьма полезными толчками в развитии всего коллектива, и, если бы подобных историй не было, общий воспитательный процесс мог бы получаться более замедленным. Коллектив выковывается на явлениях, имеющих общественное значение, хотя бы даже и на таких, как кража. Это положение представляется, разумеется, парадоксальным и, пожалуй, может послужить темой для шуток. Однако тем не менее оно остается справедливым в такой степени, в какой здесь говорится о пользе для коллектива предпочтительно перед пользой для отдельной личности. Во всяком случае, гневное напряжение нашего

коллектива, вызванное кражами Ге-ча, нужно было переключить в полезные комплексы переживаний для наибольшего числа членов коллектива.

Независимо от этого отдельной задачей стоял вопрос о судьбе самого Ге-ча и о наиболее полезном влиянии наших мероприятий по отношению к нему. Я принужден был в этом вопросе не считаться, конечно, со своим представлением о Ге-че как о мальчике тяжелом и открыто поставленном против коллектива. Если бы я ударился в сторону наименьшего сопротивления, мне как раз не нужно было обращаться к совету командиров для суда над Ге-чем, а нужно было собрать педсовет, который по всем правилам педагогической науки мог бы определить невозможность для Ге-ча оставаться в коммуне, явно для него малоприспособленной как тип учреждения. Ибо по педагогическим правилам для Ге-ча нужно учреждение с более суровым режимом.

Я обратился в совет командиров и потому, что мне нужен был выход для коммунарского гнева, и потому, что только в таком случае можно было рассчитывать на оставление Ге-ча в коммуне. Первое постановление совета командиров меня совершенно удовлетворило, так как после такого сурового постановления, с одной стороны, разрешались многие комплексы настроений в коммуне, с другой стороны, Ге-ч вводился в сферу суда детколлектива и можно было рассчитывать после недолгого остывания на амнистию по отношению к Ге-чу.

Такая конъюнктура, с моей точки зрения, была одинаково полезна и для коллектива, и для Ге-ча. Коллектив переживал свою «мощь», переживал волну негодования против кражи, должен был пережить и настроение снисхождения и ответственности за самого Ге-ча, все то, что для меня было как раз нужно во всех отношениях. Ге-ч же, так открыто поставивший себя против коллектива и так же нахально и пренебрежительно державшийся на совете командиров, должен был испытать и ту же силу коллектива, и его негодование, и его амнистию. Таким образом, по моему плану достигались обе цели. Подобные операции для меня были далеко не новыми. В моей практике, в особенности по колонии им. Горького, их было много приблизительно такого типа (с индивидуальными уклонами в ту или другую сторону). Только при помощи таких приемов и создается тот бодрый и дружный тон коллектива, который отличает и нашу коммуну, и отличал колонию им. Горького и который пока что является нашим главным достижением.

И вот в такую сферу моих намерений вдруг вплетаются мысли и приемы, направленные исключительно представлениями о правах человека и гражданина³, представлениями, разумеется, идеалистическими, но никакого отношения не имеющими к педагогической технике. Тов. Б-н приехал в коммуну как защитник угнетаемого Ге-ча от коммунаров и этим сбил меня со всех позиций. Коммунары остались в положении виноватых, Ге-ч — в положении несчастного страдальца, которого коммунары хотели незаслуженно выгнать, и только защита члена правления позволила ему остаться. Его оставление в коммуне и в глазах коммунаров, и в глазах самого Ге-ча не было актом коммуны, и даже не было суждения о Ге-че, а было суждение о неправильном постановлении совета командиров.

Этот случай сам по себе незначителен. Никаких особенных бед у нас

не произошло, несмотря на то что мой план не был проведен. Хуже всего вышло для Г-ча: он остался в коммуне на прежней позиции аморального стояния против коллектива, и на этой позиции его укрепил приезд товарища Б-на, коллектив пережил неясную напряженность действия, а т. Б-н попал в положение, не выгодное для члена правления, — положение неожиданного тормоза.

Я этот случай разобрал только для того, чтобы характеризовать возможность ненужного и логически чуждого советской педагогике вмешательства случайных соображений и коротких формул. Таких примеров можно из моей практики привести очень много, даже из практики коммуны им. Дзержинского, в которой, как я говорил, мне представлена исключительная свобода педагогического действия по сравнению с другими детскими домами. И в коммуне им. Дзержинского не менее половины моей энергии уходит на преодоление ненужных трений и сопротивлений случайных мыслей и случайных формул.

И благодаря этому в работе нашей коммуны мы никак не можем достигнуть того, на что мы в самом деле способны. Это очень печально: мы не можем достигнуть наибольших успехов только потому, что все к этому успеху стремимся и все его жаждем. Но в нашей работе нет цельности системы и нет доверия к одному ответственному лицу, и, не будем греха таить, и мы еще не освободились от педагогических предрассудков, раздирающих на части детские дома наробразовского соцвеса.

Очень много соображений, высказанных выше, нужно было бы, конечно, развить и сделать достоянием всех практических работников, но у меня для этого нет времени.

Но я буду считать положительно счастливым, если этот мой доклад хоть в небольшой степени позволит мне познакомить Вас с некоторыми моими планами и мыслями, если благодаря этому Вы меня поддержите своим доверием и позволите произвести последние усилия в нашем опыте.

Те общие положения об условиях работы, которые описаны выше, касаются решительно всех областей работы, комкают всю нашу систему целиком и не позволяют нашей коммуне приобрести настоящее четкое лицо.

Я позволю себе в следующем изложении коснуться некоторых проблем, которые, по моему мнению, должны быть разрешены в скором времени и которые отчасти затрагивались на правлении.

Общий вид коммуны

В наших условиях — это тоже проблема. Как-то так получается, что общее представление о коммуне сложилось у многих сотрудников ГПУ и во всем нашем обществе почему-то неблагоприятное. Можно, пожалуй, доказывать, что раз такое представление сложилось, значит, что-то в самом существе коммуны организовано неверно, нужно это неверное искать и искоренить.

Никогда ни одной минутки я не представлял себе, что перед этим общим представлением нужно обязательно преклониться.

Я затрудняюсь назвать ту тенденцию, которая приводит к подобным

представлениям о нас, но я ее очень хорошо понимаю. Она ясна и показывает свое существо на каждом шагу. Откуда-то в нашем обществе взялось чисто романтическое отношение к идее детского дома, честное слово, недалеко ушедшее от темы о рождественском мальчике.

[Во-первых], если в коммуне более или менее счастливо живут полтора-ста ребят, если они получили от общества чистые постели и хороший дом, это всем кажется каким-то прорывом. Необходимо обязательно, чтобы эти дети были педерасты, чтобы они были обязательно изъяты из притонов разврата и преступления, чтобы они предварительно немножко порезались финками. Во-вторых, необходимо, чтобы они жили в условиях первобытной бедности, чтобы в коммуне не было паркета и хорошей мебели, чтобы таким путем они приучались к какой-то специально для них назначенной жизни. Сколько раз мне приходилось слышать упрек по моему адресу, заключающийся в том, что большинство наших детей не было на улице. Уличный стаж в данном случае требуется тоже в порядке романтической настроенности. Как это так? Мальчик не прожил на улице и месяца, а имеет дерзость воспитываться в нашей коммуне и этим самым лишает нас необходимых лавров, лишает нас возможности вокруг нашей работы иметь беспризорно-лирический ореол?

Многие идут еще дальше: ни разу не побывав в коммуне и увидев ребят только в клубе ГПУ на каком-нибудь празднике в чистом и хорошо сшитом платье, они все-таки довольно громко утверждают, что наши коммунары паньчи, белоручки, барчата. Само собой [разумеется], все убеждены, что наши ребята страшно легкие и их даже не нужно воспитывать, никакого труда не стоит с ними возиться, все это замечательно хорошие дети.

Ко всему этому присоединяется откуда-то идущее в нашу работу противопоставление нашей коммуны Прилукской, которая рисуется в самых радужных красках: и ребята там преступные, и живут проще наших, в Харьков приезжают в более или менее неуклюжей одежде, все не только были на улице, но побывали некоторые и в Соловках, а в то же время они все страшные труженики и из них обязательно вырастут настоящие цветы беспризорного воспитания.

Я в Прилуках не был, но были не один раз мои помощники и коммунары, несколько раз были у меня воспитанники-прилучане и очень искренне делились со мной своими жизненными впечатлениями. И поэтому романтические одежды Прилукской коммуны для меня малодействительны. По крайней мере до весны 30-го г. положение в Прилуках было таково, что о педагогических лаврах говорить было, пожалуй, преждевременно. Как теперь — не знаю, но знаю, что упорядочение детского коллектива дело очень сложное и довольно длительное. Кстати сказать, я решительно не верю утверждению, что из Прилукской коммуны за год убежало только сорок человек. У меня почему-то другие сведения.

Между прочим, я считаю педагогическим безобразием вот то культивирование отрывки прошлого, которое практикуется как в московских коммунах ГПУ, так и в Прилукской коммуне. Сколько я ни видел воспитанников той и другой коммуны, все они носятся со своим прошлым и кокетничают им без отдыха. В торжественных речах они обязательно скажут: вот мы были преступниками, ворами, бандитами, а вот из нас

делают людей. Их руководители, в том числе и Погребинский⁷, совершенно зачарованы этим самым прошлым и на каждом шагу о нем говорят и воспитанникам, и посетителям, и в литературе. Недавнее письмо ко мне воспитанников Болшевской коммуны с предложением организовать сборник произведений бывших беспризорных тоже говорит, что у них есть много материала, но все это материал из прошлого, преступного прошлого детей.

Прежде всего — это бесчеловечно по отношению к ребятам. Что это за воспитание, которое берет такую дорогую плату с ребят: мы вас воспитываем, но помните, такие-сякие, какие вы были скверные и какими становитесь под нашими руками. Во-вторых, это в последнем счете технически просто безграмотно: зачем тратить человеческую энергию, в данном случае ребяческую, на все эти ненужные переживания, зачем лишать человека той свободы развития, которую на самом деле должна представить ему Советская власть, зачем делать из мальчика надорванное существо, всегда сознающее свою ограниченную человеческую ценность? И именно благодаря этой работе в таких случаях никогда не может получиться сколько-нибудь интересных результатов — продукты работы, в лучшем случае, будут только средними по ценности.

Идеологически это тоже безобразие. Мы давно отказались от представления о прирожденной преступности, и гордиться, что мы из преступника сделали человека, — значит именно утверждать, что мы что-то в нем переделали. Этим гордиться не нужно. Само собой понятно, что одна перемена условий жизни подростка уже и значит, что он перестает быть преступником. Вся эта возня с прошлым воспитанника имеет целью показать в [пре]увеличенном виде так называемые достижения и оправдать некоторые недочеты в общем тоне коллектива и в его жизни.

Для того чтобы успешно состязаться с Прилукской коммуной, мне нужно было бы тоже стать на такую же линию. Поверьте, что это сделать было бы совсем не трудно.

Но мы практикуем другую установку: в нашей коммуне никто никогда не вспоминает своего прошлого, в педколлективе положительно запрещено его касаться как в разговорах, так и в официальных вопросах. Мы совершенно сознательно отказались от всякого учета и всякой регистрации преступных элементов прошлого, и благодаря всему этому оно у нас уничтожено до конца. Его просто нет.

Наши коммунары буквально не тратят на свое прошлое ни одной минуты своей жизни. И я этим горжусь. Я горжусь тем, что в коммуне никогда не произносится слово «беспризорный» и коммунары считают его обидным словом.

Значит ли это, что у наших воспитанников нет прошлого и что они так легки для воспитания?

Для красоты слова еще можно в литературном произведении раскрашивать детские преступления такими яркими красками, какими их описал Погребинский в своей книжке⁴. Но зачем это делать перед такими [реалистическими] людьми, как Вы или, скажем, я? Зачем выдумывать легенды о поголовной преступности нашего беспризорного детства и его трудности? Ведь это значит как раз играть в тон тем западноевропейским болтунам, которые нашу беспризорницу тоже раскрашивают.

«Ужасы» нашей беспризорщины почему-то преувеличивают именно у нас. Не могу понять, для чего это делается. Ведь, пожалуй, так можно убедить все наше общество в том, что наше детство действительно поставлено в такие возмутительные условия.

Прилукская коммуна существует два года. Когда не было этой коммуны, кто воспитывал этих «ужасно преступных» детей? Как же тогда обходились без Прилукской коммуны?

Я восемь лет заведовал колонией им. Горького, специальной колонией для правонарушителей. В этой колонии собирался, собственно говоря, гораздо более трудный элемент, чем в Прилуках, потому что туда мог быть прислан только мальчик, на самом деле совершивший преступление, удостоверенное судебным актом.

И все-таки я скажу: ничего ужасного там не было, все же это были более или менее нормальные люди, с которыми работать было трудно по причинам, пожалуй, от них менее всего зависящим, а зависящим исключительно от наробраза.

И при таких условиях, да еще в условиях большой бедности, процент действительно тяжелых, запущенных ребят едва ли был больше пяти.

И в Прилуках собрано обычное наше беспризорное общество: конечно, запущенное, конечно, состоящее из людей, усвоивших навыки и украсть, и нахальничать, и хулиганить. Но привести это общество в порядок при известном труде далеко не так сложно, как это рисуется. Все эти ребята в подавляющем большинстве вовсе не поклонники беспризорного несчастья, все они хотят учиться, все хотят работать, все хотят спать в чистых спальнях, все хотят быть настоящими людьми. Я утверждаю, что это совершенно нормальные люди, уличные привычки которых ликвидируются довольно быстро при хорошей работе педколлектива...

Наши ребята, побывавшие в Прилуках, также и наши педагоги — все говорят в один голос: ребята там хорошие. И это верно, в этом нет никакого сомнения. Я и сам видел этих ребят и говорил с ними. Такие же ребята и у нас. Откуда это взяли, что у нас ребята более легкие, чем, скажем, в Прилуках? Ведь такие точно дети собраны в других детских колониях (Буды, Валки, Волчанск).

Во всяком случае, у нас более сорока переведенных из колонии им. Горького, т. е. бывших правонарушителей, присланных туда по суду. Утверждение, что у нас легкие, совершенно легкие дети, делается только потому, что в нашем коллективе благополучно, — других оснований нет. А я говорю, что и в Прилукской коммуне может быть так же благополучно, и готов это доказать, и несколько раз предлагал это.

И в нашей коммуне есть очень солидное число достаточно трудных детей, с которыми справляться вообще не так просто. Ведь недаром же я работаю 15 часов в сутки без выходных дней, и вот оканчивается третий год, а я не мог поехать в отпуск. И среди моей работы хозяйственные усилия занимают сравнительно незначительную часть времени. Таких ребят, с которыми менее опытный заведующий не справился бы, у нас человек 25—30, из них с некоторыми и я справляюсь с большим напряжением. Такие, как Ге-ч, могут в Прилуках составить довольно заметную точку.

Сказки о каких-то особенных трудностях в Прилуках и о каких-то особенных «легкостях» у нас — это именно сказки. Все дело в том, что у нас

больше сделано в коллективе, и поэтому он в среднем благополучнее. Был же в Харькове ВУЦИКовский детский дом и дом им. Артема, составленный из так называемых нормальных детей. Ведь разнесли и тот и другой дом ребята? И нашу коммуну разнесут, если не работать в ней педагогам как следует.

И получается действительно странно: то именно, что составляет результат нашей работы, вдруг делается основанием для какого-то почти упрека. В Прилуках занимались педерастией, значит это, что в Прилуках лучше? А я утверждаю, что занимались педерастией только потому, что ни к черту не годны те педагоги, которые там были в то время. При правильной работе в детском доме о педерастии никому в голову не придет.

Такие же сказки рассказывают о наших ребятах, как о барчуках. Если считать рабочим человеком только того, кто небрежно одет, или не умеет причесаться, или не умеет обращаться с носовым платком, или матерно выражается, тогда, пожалуй, и такая сказка к месту. Чисто внешняя культура — самое легкое, чего можно достигнуть в детском доме, и она совершенно необходима. Она уже поднимает человека в собственных глазах и помогает ему держаться прямо на ногах. Привычка к чистоте, к аккуратности, к почищенным зубам, к вежливости — это то, с чего в крайнем случае даже можно начинать. Вот о чем приходится говорить. А костюм? Да, в коммуне есть суконные парадные хорошо сшитые костюмы, которые коммунары надевают четыре-пять раз в год. Ведь вот в течение трех лет мы их даже не изнашивали, они еще проносятся года три, в таких костюмах нас видят в обществе и на этом основании заключают, что дзержинцы — паньчи. А товарищ Элькин до сих пор повторяет старые утверждения: все для внешности. Нужно было привести в клуб ГПУ толпу полудиких, малокультурных ребят, тогда, очевидно, все были бы довольны. И здесь явно результаты нашей работы обращаются в основания для упрека.

И еще сказка: наши ребята только теперь начали работать. Простая выдумка, называемая иначе ложью. С первого дня существования коммуны ребята работали четыре часа в день, и никогда ни один коммунары не мог быть без работы. Совсем другой вопрос, к чему приводила эта работа: делали вручную шкафы и кассы. Вручную это делать долго и невыгодно, но все же делали, и половина квартир сотрудников ГПУ обставлена нашей мебелью, за которую до сих пор не заплачено больше 2 тысяч рублей. Самый клуб ГПУ оборудован работой коммунаров, оборудованы клубы союза металлистов в Харькове, союза химиков в Донбассе на 2 тысячи мест, да и многие другие менее заметные учреждения. Повторяю, все это делалось вручную при небольшом участии машин. Никогда я не мог упрекнуть коммунаров в лени или в плохой работе — они свои обязанности исполняли добросовестно, хотя и не получали платы.

А почему говорят, что коммунары дармоедами были? Просто потому, что не отвечают за свои слова, а говорить для чего-то представляется выгодным.

И еще одна сказочная мысль: у ребят малый уличный стаж. Вы даже представить себе не можете, до чего легко было бы для меня сделать этот уличный стаж более солидным: взять и написать, да еще в ярких красках, об уличных подвигах бывших беспризорных. Кто проверит и какими способами? И ведь так и делают: для доброго имени детского дома необходимо,

чтобы его воспитанники обязательно имели уличный стаж.

Как будто уличный стаж что-то определяет. Семейные дети несколько не легче уличных, т. е. совершенно такие же, как и на улице. Количество морально отсталых среди семейных детей вовсе не меньше, чем на улице. Вот наш Ге-ч из семьи. Возьмите статистику комиссий по делам несовершеннолетних, и Вы увидите, что количество преступлений семейных детей до конца подавляет преступления беспризорных, а ведь они живут в гораздо лучших условиях. Среди коммунаров самые тяжелые именно семейные дети. Они тяжелее еще и потому, что меньше дорожат коммуной. Не бывает дня, чтобы в коммуну не приезжал или не приходил какой-нибудь товарищ и не просил как-нибудь устроить его сына или дочку в коммуну, потому что он крадет, хулиганит, пропадает на улице. Бывают дни, когда таких просителей бывает по нескольку. Все это случаи, не зарегистрированные даже статистикой комиссий.

Наконец, что же делать, если количество уличных детей в СССР не так велико, как это нужно для педагогического романтизма? Ведь не даром же столько денег тратится на борьбу с беспризорностью? Того мальчика или девочку, который, очутившись в нужде, был немедленно отдан в детский дом, не могу же считать бывшим на улице.

Все дети голода, которых и сейчас много в коммуне, большей частью не были на улице. Все девочки не были на улице, это общее правило не только для нашей коммуны. Во всех детских домах, в том числе и в Прилукской коммуне, биографии большинства детей не включают в себе уличного стажа, если не считать двух-трех недель. Обычное правило, что мальчик или девочка, оставшиеся без родителей, кем-либо пристраиваются в ближайший детский дом. В этом и заключается настоящая ценность нашей борьбы с беспризорностью. Если мальчик даже и попадает на улицу, для него представляется очень нетрудным попасть в детский дом, и только заядлые бегуны скоро убегают из детского дома, большинство же в нем остаются. Для меня никогда не представлялось нужным уменьшать значение этих мер в борьбе с беспризорностью и обесценивать в чьих-нибудь глазах нашу борьбу с беспризорностью.

Даже и для увеличения наших достижений это невыгодно делать... Постоянные переводы мальчика из одного детского дома в другой, постоянные расформирования и реформирования детских домов — это настоящее зло... Поэтому мальчик, прошедший через все мытарства педагогической премудрости, бывает несколько не меньше запущен, чем уличный, да еще снабжен специальной потребительской психологией, которую специально в детских домах воспитывают.

И наконец о побегах. Три случая в год. Это для всякого понятливого человека — рекордная цифра. Я никогда не наблюдал подобной цифры и горжусь ею, тем более что ни один коммунар не убежал на улицу. Нужно нарочно чрезвычайно несправедливо и возмутительно относиться к работе коммуны, чтобы три побега в год сделать базой для каких бы то ни было разговоров. Во всяком случае, это совершенно неприлично. Может быть, и не сколько много моей заслуги в том, что у нас так мало побегов, но того, кто добился этого, весь наш коллективный труд, в том числе заботы и труд правления, можно только отметить как заслуживающие положительного отношения.

Я совершенно не понимаю, как может член правления, собственно говоря, так неосторожно и явно нарочито чернить работу собственного детского учреждения? Для меня нет никаких сомнений, что товарищ Элькин враждебно относится к нашей коммуне, и пользы от такого отношения для коммуны не будет никогда.

По существу о побегах. В известной мере число побегов, конечно, определяет положение детского дома, но прямо связывать эти две вещи ни в коем случае нельзя. Я видел детские дома совершенно развалившиеся, в которых персонал потерял всякую власть над детьми, и из них мало бежали — привольно жить в таком доме, можно безнаказанно воровать и обкрадывать даже педагогов. Крепкий, дисциплинированный детский коллектив иногда отпугивает мальчиков, привыкших к полной анархической свободе, и, если для такого мальчика представляется случай где-нибудь устроиться, он уходит из дома, а чтобы можно было с собой унести одежду, он уходит тайно. Положение наших мастерских, дающих в известном числе случаев слабую квалификацию, свободно может повести к побегу тех мальчиков, которым уже по 16 лет и они имеют возможность пристроиться где-нибудь на работе.

При таких условиях три побега в год, даже для непросвещенного внимания, — настоящее чудо. В моей практике это рекордная цифра, и за большие достижения я при настоящих условиях ни в каком случае ручаться на будущее не могу.

При этом я знаю, что нужно сделать в коммуне, чтобы уменьшить до последней степени возможность побегов, но пока что это не в моей власти.

Точно так же я совершенно не могу отвечать за возможные рецидивы среди выпущенных воспитанников. Есть ребята, которые могут нас всегда порадовать рецидивом через год или два после выпуска. Это обязательно народ умственно отсталый, а таких в коммуне всегда имеется процентов 10. С интеллектом вообще педагогика до сих пор не знает средства справляться. Если человек глуп, то это надолго. Слабый интеллект, соединенный со слабостью воли, — комплекс настолько ненадежный, что в известной среде рецидив почти неизбежен. Конечно, в редких случаях наш выпускник попадает под дурное влияние, и поэтому в редких случаях возможен и рецидив, но вообще он возможен, и за него я отвечать не могу. И сейчас в коммуне есть несколько человек, судьба которых после выпуска их из коммуны не представляется обеспеченной морально.

А нужно еще заметить, что по отношению к нашим выпускникам правлением решительно ничего не сделано, чтобы жизнь их была хоть на первое время сносной. Вот те девочки, которые работают в «Динамо» и которых т. Э. обвиняет в кражах. Сколько времени они должны были жить на 30 рублей в месяц?

Правление совсем не знает, как мне трудно пришлось с выпускниками без квартир и без каких бы то ни было ассигнований для первоначальной помощи выпускаемым.

При таком положении возможны рецидивы. Правда, что касается девочек с «Динамо», то рецидивы тут едва ли установлены. Поскольку я был в силах проверить заявление т. Э., в кражах этих можно основательно сомневаться. По рассказам коммунаров и бывших коммунаров, некоторых девочек подозревали в краже пальто у работницы и даже арестовали и

отправили в район[ную] милицию (между прочим, всех). Подозрение на них пало только потому, что они раньше кончают работу и раньше уходят. Разумеется, сыграло роль и то обстоятельство, что они беспризорные. Девочки уверяют меня, что в краже они не участвовали, что из района их скоро выпустили, что пальто украдено уборщицей, которая за это и уволена. Проверить эти данные я не мог, так как местком, к которому я обратился с вопросом, ответил мне через бывшего коммунара Бокова, что с такими вопросами я должен обращаться в угрозыск. О других случаях никто ничего не знает.

Политвоспитание

Признаюсь Вам откровенно: в постановке этого вопроса т. Б-вым я ничего не могу понять. Вопрос ставится в форме по меньшей мере странной. Никто не спрашивает, насколько политически воспитаны наши коммунары, насколько они быстро идут вперед по пути политического развития. Спрашивают о другом: применяются ли вот такие-то и такие-то политические средства, якобы обеспечивающие политическое воспитание. Б-в глубоко убежден, что политическое воспитание проводит он, а так как он сравнительно мало бывает в коммуне и так как коммунары чрезвычайно заняты, чтобы лишний раз посидеть на заседании, то он и делает вывод, что политическое воспитание поставлено слабо.

Но я имею дерзость думать, что политическое воспитание вовсе не проводится товарищем Б-вым, который, собственно говоря, и не умеет его проводить, ибо для этого тоже нужно иметь и специальные знания, и специальные способности, и подготовку. Я вовсе не склонен уступить товарищу Б-ву честь политического воспитания коммунаров до конца и безраздельно. И если учитывать не только работу товарища Б-ва, а учитывать работы и всего персонала, и мою собственную, а самое главное, всю работу коммуны, весь цикл напряжения и тона, работу всех коммунарских органов, то даже с точки зрения «метода средств» политическое воспитание будет найдено.

По Б-ву, выходит так: начались занятия на рабфаке, не стало хватать времени у коммунаров для заседаний — и исчезло политическое воспитание. Но ведь рабфак существует только с 1 октября? А до 1 октября что было? Ведь коммунары в течение двух месяцев вовсе не работали в школе, а в течение всей зимы работали гораздо с меньшей нагрузкой, чем на рабфаке. Наконец, половина коммунаров не состоит на рабфаке.

И во все эти времена политическое воспитание проводилось если не Барбаровым, то кем-нибудь другим.

Если бы я полагался на товарища Б-ва и ожидал только от его работы каких-либо эффектов, я был бы круглым дураком и самым последним заведующим.

Я очень уважаю т. Б-ва, и он хороший работник, но как работник на рабочем фронте, [непосредственно] с ребятами — он уступит многим нашим педагогам. Б-ов, собственно говоря, никогда и не был постоянным работником в коммуне. Для того чтобы с ребятами что-нибудь сделать, нужно проводить с ними все время. Б-ов вовсе не политрук

и вовсе не мой заместитель. Он постоянный представитель правления в коммуне, пользующийся доверием правления в большей степени, чем завкоммунной (что вполне естественно). И как представитель правления, как участник общих организационных усилий, он принимал участие и в организации политического воспитания.

Главный процесс политического воспитания в коммуне организован мной, и я за него отвечаю, если судить по результатам, а не по применяемым средствам.

...Я совершенно не могу понять, как можно говорить о воспитании в Советском Союзе, предполагая, что оно поставлено правильно, и думать, что политическое воспитание где-то отсутствует. Каждый воспитательный шаг у нас должен быть проникнут политическим воспитанием, и если это не так, то все наше воспитание просто вредительство и никуда не годится. Политическое воспитание — это не отдельный участок в коммуне, а это именно и есть наше воспитание. Если мне говорят, что у меня все хорошо, но нет политического воспитания, то я должен понимать это так, что вся работа вообще ничего не стоит...

В таком случае спрашивается, о чем же говорят?

Если говорить о политическом образовании, то и сам Б-ов признает, что коммунары очень быстро идут вперед в своем политическом развитии; для этого достаточно, впрочем, прочитать зачетные работы коммунаров по предмету Б-ва на рабфаке. Если говорить о политическом настроении, то оно для всех явно и ясно.

При этом вовсе неправильно было бы думать, что коммунары слабо осведомлены о всех явлениях текущей политики. Они много читают газет и книг, они в курсе событий и очень активно их обсуждают и относятся ко всем вопросам с большой страстью. Если говорить о коммунарах как о будущих членах нашего общества, то я ручаюсь за них, ручаюсь за их первосортность.

О чем же тогда говорят?

Говорят о том, что такие-то и такие-то средства политического воспитания не применяются. Какие средства?..

Вот одно из них: общественно полезная работа... Самый термин «общественно полезная» работа говорит много, и как будто называется им полезное дело. На практике работу эту сводят к тому, что воспитанники должны потерять огромное количество времени для разного хождения, должны принять участие в работе, которой они не знают, и при этом обязательно они должны что-то упустить в той работе, которую им на самом деле с большой (политической) пользой для себя нужно было сделать и можно было сделать.

Никаких методик «общественно полезной работы» нет, технически получается дилетантство или головотяпство.

Мальчик должен ходить в Шишковку и ликвидировать неграмотность. Но он не умеет этого делать, для этого нужна хотя бы небольшая методическая подготовка, он не имеет времени этого делать, эта работа вызывает у него отвращение, потому что он с ней не знаком. При этом этот самый бедный мальчик и так загружен по горло, но он все-таки должен ходить только потому, что кому-то когда-то пришло в голову, что для него эта работа воспитательно полезна.

Или он должен читать лекции в совхозе. Читать он их не умеет, слушатели спят и расходятся, сам он раздражается, но кто-то сказал, что это очень хорошее воспитательное средство. А кто наблюдал результаты применения такого средства? Я сколько ни наблюдал, но результаты всегда получались плачевные. Хорошо еще, если тот же мальчик не научится пьянствовать в Шишковке или просто ухаживать за девицами.

Все такая общественно полезная работа основана почему-то на принципе благотворительности и почти не имеет именно общественного характера. Это обычные индивидуальные работы, только плохие. Общественное же усилие всей коммуны на таком фронте, конечно, мало возможно по причинам, от нас не зависящим.

Общественная работа политических организаций в коммуне нисколько не страдала от присутствия рабфака. Я сказал бы даже, что здесь недостатки в работе происходили исключительно по причинам, не зависящим ни от коммунаров, ни от организации коммуны в целом. Дело в том, что в самой организации коммуны столько выходов общественной мысли, что они вполне удовлетворяют [наши] потребности вести общественную работу. Разве совет командиров не политическая организация, а ведь у нас, кроме совета командиров, есть еще много органов, направляемых комсомолом и состоящих из комсомольцев. Закрывать глаза на это обстоятельство — значит видеть в общественной работе исключительно внешнюю сторону вопроса.

Если говорить о времени для собраний бюро или общих собраний комсомола, то они всегда возможны. Вот сейчас я организовал в коммуне литературный кружок, в который записалось так много членов, что пришлось разбить его на три секции и с каждой работать отдельно, и для всех находится время, и все хотят почаще собираться. Значит, при желании всегда можно собрать любое собрание и любой орган. Каких-либо непреодолимых препятствий для этого никогда не было и не может быть.

Вот я подсчитал работу общественных органов коммуны за последние десять дней. Было:

Общих собраний коммунаров	4	Собрание с Краснофронт[ом]	1
Совета командиров	3	Поход в город	1
Собрание комсомольского актива	1	Лекций общих	2
Хозяйственное совещание	1	Квартирная комиссия	1
Контрольная комиссия	2	Штаб соцсоревнования	1
Клубных организаций	24	Бюро	1
Комиссия по празднику	4	Общее комсомольское	1
Спектакль	1	Всего	[48]

В этом списке можно переставить любые цифры, и, следовательно, бюро или комсомольское собрание можно собрать сколько угодно раз. Во всяком случае, общее собрание коммунаров мы собираем всегда, когда появляется хоть одна тема, и никогда из-за этого у нас не было недоразумений.

Общая стихия коммунарского коллектива и без того достаточно общественная. Если идет разговор о необходимых внешних формах, их функционирование всегда в наших руках.

Это вовсе не значит, что нам некуда дальше идти. Мы идем вперед, и мы будем развиваться.

Но заметный шаг вперед мы можем сделать только при том условии, если производство коммуны будет в руках коллектива. Так как с Вашим приходом в правление, очевидно, вопрос о самокупаемости перестал быть актуальным, то, собственно говоря, ничто не мешает этому переходу. Риск тут небольшой: все равно сейчас в производстве все связано веревками и еле держится. Пусть коммунарский коллектив серьезно станет на путь улучшения производства. Для будущих инженеров это совсем не плохо, а ребята наши для этого достаточно серьезны. Во всяком случае, строить воспитание на одном сдельном заработке далеко не завидно. А мы, кажется, к этому идем.

Только в таком случае можно будет говорить, что у нас не только настоящее политическое воспитание, но и настоящее диалектическое, так как развитие нашей индустриализации требует людей, привыкших к организационным усилиям. Разве мы можем сказать, что наш рабочий класс достаточно воспитан в этом отношении или что воспитано наше инженерство.

Отделываться от этого вопроса при помощи слова «делячество» нельзя. Мы вовсе не интересуемся прибылями, если ими не заинтересовано правление.

Простите за длинное письмо. Я еще всего не сказал, у меня очень мало времени...

Из письма Г. С. Макаренко

7 сентября 1931 г. Утро. Одесса

...После завтрака идем в кино [смотреть] «Красные дьяволята». Ребята кривятся, но угощение надо принять¹. После кино нас снимает сам Пудовкин, а вечером сразу после обеда идем в санаторий ГПУ в гости. Вот и весь день. В те немногие минуты, которые остаются в моем распоряжении, пока ребята переодеваются, мне надоедает целая куча людей — разные организации, приглашающие в гости, другие организации, просящие оркестр, киносьемщики, беспризорные, репортеры и, наконец, все коммунары.

2 ч дня

Вот и есть у меня часок. Пудовкин прибежал и на коленях просил отложить до завтра. Он здесь снимает картину «Теплоход «Пятилетка». Третьего дня на улице он влюбился в наши белые костюмы и в звуки нашего оркестра. Снимает он звуковую картину и поэтому аж дрожит от такого невиданного сочетания зрительной красоты и хорошего оркестра. А наш оркестр, действительно, против всех одесских — чудо. Сейчас Пудовкин плачет — в Одессе нет ни одного порядочного автомобиля, с которого можно было бы снимать, — все дрожат и портят картину.

На днях будем сниматься и для другого звукового фильма (Ленинградское совкино) «Музыкальная олимпиада». Главную роль здесь тоже играет все тот же оркестр...

Письмо отряду дзержинцев

Товарищу Черному и 11-му отряду.

Спасибо, товарищи, что пишете письма, и в особенности товарищу Черному. Получил ваши два письма и очень рад, что в коммуне все благополучно. Только не понимаю, как это начальника коммуны отделили от Шведа и зачем?

Прямо замечательно, что вы держите хорошо дисциплину, я так и знал, да и при мне дисциплину больше держали вы, чем я.

Отчего вы не пишете, что слышно про колонию им. Горького, как скоро будет соединение двух колоний и на каких правах?

Я здесь целый день работаю — пишу книги о дзержинцах: о вас можно написать много интересных книг, и их с охотой будут все читать.

Целый день пишу, а вечером гуляю — хожу в театры. В Москве замечательные театры и замечательно играют. В кино не был ни разу.

Здесь настоящая весна, снег лежит только по дворам, а на улице его вывезли или сварили. Я первый раз в жизни видел, что снег варят. Поставят большие такие чаны и целый день варят снег, он растапливается и водой просто сбегает по улицам.

В Москве сейчас поражает большое движение на улицах, через улицу перейти довольно трудно, нужно ожидать, пока милиционер остановит поперечное движение.

Мне из коммуны никто из пацанов не пишет, а обещали писать многие, не пишет и Швед, не пишут и девочки.

Если еще будете писать, то напишите:

начали ли шить белые парадные костюмы?

Что слышно нового о летней экскурсии?

Все ли коммунары здоровы?

Начали ли работать внутришлифовальные и автомат Самсон Верке?¹

Как работает четырехшпиндельный Гильдемейстер?

Как налаживается сборка?

Какой отряд идет первым по дисциплине?

Началось ли соцсоревнование по производству?

Как проходит весна в коммуне?

Как ведет себя Томов? Завьялов? Шаронова?

Как идут дела в новом оркестре?

Пишите, буду очень благодарен.

Пишите.

Будьте здоровы. Крепко жму ваши руки.

Ваш А. Макаренко

22/III 1932 г.

Педагоги пожимают плечами

Педагоги — самые уважаемые работники у нас в Союзе. Задача педагогов самая почетная — создавать людские кадры для всех отраслей нашей жизни. Нашей педагогикой, советской педагогикой, мы уже можем гордиться.

И все-таки пожимали плечами по поводу работы нашей коммуны, представьте себе, педагоги!

Пожимали плечами не все педагоги. О, нет! В подавляющем своем большинстве это народ смелый, чуткий, интересующийся всяким хорошим почином. В таком же подавляющем большинстве это народ героический, во всяком случае, работу он проделывает трудную и большую, и поэтому пожимать плечами по случаю нашего хорошего дела они никогда бы не стали.

Пожимала плечами небольшая кучка, самая маленькая. Эта кучка обитает на Олимпе¹. Эта кучка состоит из людей, которые, может быть, не воспитали ни одного живого, даже собственного ребенка, но которые зато сочинили много педагогических принципов.

Практика невозможна без теории, теория невозможна без практики. Но пожимавшие плечами педагоги на существующую практику смотрели с презрением и осуждением и поэтому старались завести свою собственную, так сказать, клиническую практику. С другой стороны, и презираемая педагогическая практика волей-неволей должна была теоретизировать как-то свой опыт и выводы, должна была таким образом создаваться особая, так сказать, партизанская теория.

И недаром ЦК партии пришлось взять на себя и теоретическую и практическую заботу о нашем деле².

У нас в теории дошло, например, до того, что, с одной стороны, отрицали всякую биологическую предрасположенность моральной сферы, считали, что все от среды и воспитания, и одновременно с этим, с другой стороны, все воспитание человека хотели подпереть рефлексологией и рассчитывали дать нового человека исключительно на основании изучения условных рефлексов. У одного из подобных теоретиков коллектив, например, определяется так: «Коллектив есть группа взаимодействующих лиц, совокупно реагирующих на те или иные раздражения»³. Для всякого непредубежденного человека очевидно, что это определение коллектива лягушек, обезьян, моллюсков, полипов, кого хотите, но только не коллектива людей.

Но и практика не всегда была лучше. Пролетарская педагогическая установка с боями прокладывала себе дорогу, пробивалась в жизнь, откликаясь на живые требования и потребности нашей промышленности нашей новой культурой. Разве не характерно, что лучшей школой воспитания является комсомол, производство, армия? Здесь пролегают пути подлинного классового воспитания — здесь и в школе; так были созданы фабзавучи и рабфаки, многочисленные и разнообразные курсы. Здесь дело делалось самыми быстрыми темпами, часто без специально разработанного теоретического фундамента, без практических кадров, ощупью, со многими ошибками, но спасали классовое чутье и живые требования жизни. Но в области собственно воспитания не было такой сильной живой струи. Кроме того, воспитательная область, так сказать, нежнее и неуловимее. А в нашей рабочей, комсомольской и партийной интеллигенции много еще существует воспитательных предрассудков, на веру воспринятых от старой педагогической теории и просто от бродячей интеллигентской мысли, от литературных образов и идеалов. Путь нового ленинского воспитания, путь воспитания коммунистического — это путь напряженной борьбы со многими врагами. Враги эти: осколки старой российско-интеллигентской идеологии, сильные толщи буржуазного индивидуализма. Эти враги на каждом шагу окружали нас, новых работников просвещения, стремящихся воплотить требования, предъявленные к нам нашей эпохой и революцией, в живом, настоящем деле.

Самым удобным местом для борьбы был детский дом. Во-первых, это был действительно новый тип детского учреждения, где меньше всего можно было бояться остатков старой практики; во-вторых, здесь не вме-

шивалась родительская власть. Это были выгодные стороны детского дома. Но были и неудобства. Первое: именно в детском доме оторванная от жизни, начетническая теория старалась организовать свою собственную «новую практику»; во-вторых, детский дом предлагал невероятно трудный состав детей, почти сплошь воспитанный улицей. Поэтому работа в детском доме всегда обращалась в боевой фронт.

В дни начала коммуны им. Дзержинского⁴ было уже много товарищей, знающих цену новой воспитательной пролетарской практике, много было людей, на опыте убедившихся в возможности большого прямого опыта, — поэтому коммуна начинала жить смелее, чем ее предшественники. Но бороться приходилось и тогда, а больше всего пришлось наблюдать недоверие и вот этого самого пожимания плечами.

Сейчас коммуна победоносно закончила пятилетие. Теперь нужно говорить о принципах нашего воспитательного опыта. Это именно те принципы, по поводу которых были пожимания плечами.

В 1927 г. мы явились перед педагогическим Олимпом со своим скромным идеалом культурного советского рабочего. Нам ответили:

— Культурного рабочего?.. А как?

Самое главное: как? Мы изложили свои взгляды на педагогическую технику, которую уже нам удалось испробовать в одном из медвежьих углов, далеко от больших педагогических дорог⁵.

— Мы желаем воспитать культурного советского рабочего. Следовательно, мы должны дать ему образование, желательно среднее, мы должны дать ему квалификацию, мы должны его дисциплинировать, он должен быть политически развитым и преданным членом рабочего класса, комсомольцем, большевиком. Мы должны воспитать у него чувство долга и понятие чести, иначе говоря — он должен ощущать достоинство свое и своего класса и гордиться им, он должен ощущать свои обязательства перед классом. Он должен уметь подчиниться товарищу и должен уметь приказывать товарищу. Он должен уметь быть вежливым, суровым, добрым и беспощадным — в зависимости от условий его жизни и борьбы. Он должен быть активным организатором. Он должен быть настойчив и закален, он должен владеть собой и влиять на других; если его накажет коллектив, он должен уважать и коллектив и наказание. Он должен быть веселым, бодрым, подтянутым, способным бороться и строить, способным жить и любить жизнь, он должен быть счастлив. И таким он должен быть не только в будущем, но и в каждый свой нынешний день.

«Олимпийцы» ужаснулись:

— Наказание? Наказание воспитывает раба!

— Долг — буржуазная категория!

— Честь — офицерская привилегия!!

— Это — не советское воспитание!!!

Это происходило действительно так: у нас сохранился стенографический отчет.

Мы работали пять лет. Вместе с нами почти не работали педагоги, но с нами работали коммунары-дзержинцы. Они делали стулья, арматуру, сверлилки, новую свою жизнь, нового человека, — и они еще делали новую, советскую педагогику. На нашем небольшом участке мы были не в состоянии сделать много, и с нашим небольшим «участковым» опытом

нас не пускали на страницы педагогических журналов. Но то, что мы сделали, — уже не страница журнала.

Коммуна им. Дзержинского за пятилетие «отточила» свои методы до достаточной точности. Только еще небольшие остатки идеализма и индивидуалистической педагогики до сих пор отравляют наше торжество. Но и с ними мы рассчитываем справиться в кратчайшее время.

Коммуна им. Дзержинского не знает пропасти между умственным и физическим трудом. Рабфак машиностроительного института подводит нашего коммунара непосредственно к втузу, но он входит в него не только подготовленным студентом — он уже и мастер высокой квалификации.

Поэтому вступление во втуз для коммунара может быть и необязательным. Уже сейчас на коммунарском заводе работает несколько инструкторов-коммунаров, путь которых, очевидно, путь младшего комсостава промышленности. Давая коммунарам высокую квалификацию, связанную со средним образованием, мы в то же время сообщаем ему многие и разнообразные качества хозяина и организатора. Нужно побывать на коммунарском общем собрании, чтобы в этом убедиться. Вопросы промфинплана, технологического процесса, снабжения, работы отдельных деталей, приспособлений, рационализации и контроля, норм и расценок, штатов и качества персонала ежедневно проходят перед коммунарами, проходят не как перед зрителями, а как перед распорядителями, которые не могут отмахнуться ни от какого вопроса, иначе их дело на другой же день начнет давать перебои. В решении этих вопросов для коммунаров находится прежде всего место приложения их общественной энергии, но это не энергия людей, отказывающихся от личной жизни, это не жертва подвижников, это разумная общественная деятельность людей, понимающих, что общественный интерес — это есть и интерес личный.

В этой общей установке, подчеркнутой во многих деталях нашего дела (например, в сдельной зарплате), мы находим все точки отправления и для принципов нашей педагогической техники.

В чем эти принципы?

Прежде всего мы отстраняем воспитательную работу специально над отдельным лицом, над пресловутым «ребенком», составляющим заботу педагогики. Мы считаем, что влияние отдельной личности на отдельную личность есть фактор узкий и ограниченный. Объектом нашего воспитания мы считаем целый коллектив и по адресу коллектива направляем организованное педагогическое влияние. Мы при этом уверены, что самой реальной формой работы по отношению к личности является удержание личности в коллективе, такое удержание, чтобы эта личность считала, что она в коллективе находится по своему желанию — добровольно, и, во-вторых, чтобы коллектив добровольно вмещал эту личность⁶.

Коллектив является воспитателем личности. В практике коммуны им. Дзержинского, например, проступки отдельной личности, какие бы они ни были, не должны вызывать реагирования педагога предпочтительно реагированию коллектива. Педагог в коммуне постольку может влиять на отдельную личность, поскольку он сам член коллектива, и не больше, чем всякий другой член коллектива.

Это вовсе не значит, что мы, педагоги и вообще взрослые руководители

коллектива, стоим в стороне и только наблюдаем. Как раз нам приходится каждую минуту мобилизовывать нашу мысль и опыт, наш такт и волю, чтобы разобраться в многообразных проявлениях, желаниях, стремлениях коллектива и помочь ему советом, влиянием, мнением, а иногда даже и нашей волей. Это очень сложный комплекс рабочих напряжений. Но как бы много мы ни работали, мы никогда не можем стать педагогическими авгурами⁷, изрекающими законы воспитания. Законы эти вытекают из общей жизни Советского Союза⁸ и, в частности, из жизни нашего коллектива, и они настолько сами по себе убедительны, что мудрить над ними нам уже не может быть дано.

Таким образом, педагогическая установка коммуны в общем формулируется так: создание правильного коллектива, создание правильного влияния коллектива на личность.

Разрешая вопрос жизни коллектива, мы не можем рассматривать коллектив как «группу взаимодействующих и совокупно реагирующих индивидов». Мы видим не «совокупность» и не отвлеченный коллектив, а конкретный живой коллектив мальчиков и девочек — часть советского рабочего общества в эпоху строительства социализма, классовой борьбы и перехода нашего к бесклассовому обществу. И мы видим прежде всего, что наш детский коллектив решительно не хочет жить подготовительной жизнью к какой-то будущей жизни, он не хочет быть явлением только педагогическим, он хочет быть полноправным явлением общественной жизни, как и каждый другой коллектив.

Отдельные члены коллектива не рассматривают себя как «зародыш будущих личностей». Естественно и нам стать на такую точку зрения и считать наших воспитанников полноправными гражданами советских республик. Как полноправные граждане, они имеют право на участие в общественном труде — по своим силам. Они и участвуют, и участвуют не в педагогическом порядке, а в рабочем, т. е. не портят материал, а производят нужные вещи не из идеалистических соображений альтруизма и нестяжания, а из стремления к заработку и своего, и коллектива, и за свою работу они отвечают по всей строгости производства — отвечают прежде всего перед коллективом, который является поглотителем и частного вреда, и частной пользы.

Из этого основного нашего взгляда на детский коллектив проистекают и все наши методы. Мы даем детскому или юношескому коллективу рабфак, завод⁹, инженеров, промфинплан, зарплату, обязанности, работу и право ответственности. А это значит — даем дисциплину.

Пожимающие плечами «олимпийцы» могут много говорить о необходимости дисциплины, могут с радостью наблюдать уже готовую дисциплину и даже умиляться по поводу ее красот, но совершенно не в состоянии без истошного крика наблюдать процесс дисциплинирования. Дзержинцы же ничего особенного в самой дисциплине не видят, по их мнению, это естественное и необходимое состояние каждого коллектива. В самом факте дисциплины нет для них никакой проблемы. Они видят только процесс дисциплинирования и считают, что проблема именно в этом процессе.

Если коммунар не убрал станок и он покрылся ржавчиной, коммунарское собрание, пожалуй, даже не подумает о том, что виновника нужно дисциплинировать, но все будут говорить и кричать:

— Ты испортил станок, понимаешь? Ты знаешь, сколько станок этот стоит? А что завтра будем делать, если из-за тебя не хватит детали пятнадцатой? На тебя будем смотреть — какой красивый, да?

И вовсе не решая проблемы наказания, а только оберегая заводское оборудование как общий коллективный интерес, такого коммунара снимут со станка и поставят на простую работу.

Это, может быть, и жестоко, но это жестокость необходимая. И только потому, что коллектив от нее не отказывается, нам почти не приходится ее применять.

Точно так же в коммуне почти не бывает воровства, потому что всем хорошо известен закон коммуны: украсть нельзя, за кражу можно в полчаса очутиться за бортом коммуны. Для коммуны это вовсе не проблема воспитания личности, это проблема жизни каждого коллектива, и иначе жить коллектив не может.

Педагогические теории, доказывающие, что хулигана нельзя выгнать в коридор, а вора нельзя выгнать из коммуны («вы должны его исправлять, а не выгонять»), — это разглагольствования буржуазного индивидуализма, привыкшего к драмам и «переживаниям» личности и не видящего, как из-за этого гибнут сотни коллективов, как будто эти коллективы не состоят из тех же личностей!¹⁰

Коммуна им. Дзержинского запрещает воровство совершенно категорически, и каждая личность это хорошо знает и не станет рисковать ни интересами коллектива, ни своими собственными. Поэтому в коммуне почти не бывает воровства, во всяком случае, за воровство у нас уже не наказывают. Если случай воровства происходит с новичком, еще не способным ощущать интересы коллектива как свои собственные, новенькому скажут: «Смотри, чтобы это было в последний раз». А если воровство случится еще раз, коллектив обязательно поставит вопрос об увольнении. Эта суровость есть самая большая гуманность, какую можно предъявить к человеку. Эта проблема решается с арифметической точностью. Оставить вора в коллективе — это значит обязательно развить воровство, это значит во много раз увеличить случаи краж, увеличить бесконечные конфликты, связанные с подозрениями на невинных товарищей, это значит заставить всех членов коллектива запираить свои вещи и подозрительно посматривать на соседа, это значит уничтожить свободу в коллективе, не говоря уже о том, что это означает еще и растаскивание материальных ценностей.

Насколько падает и разлагается коллектив при узаконенном и допущенном воровстве, настолько он крепнет в другом случае, крепнет только от одного общего переживания силы коллектива и его права. Тот мальчик, который хоть один раз голосовал за изгнание товарища за воровство, с большим трудом сам идет на воровство. Обращаем внимание и еще на одно обстоятельство: те, кого коллектив выбросил из своих рядов, испытывают чрезвычайно могучую моральную встряску. Обыкновенно коллектив не выгоняет в буквальном смысле на улицу, а отправляет в коллектор.

И мы знаем очень много случаев, когда такой «изгой» приходил к положительным установкам в вопросах социальной нормы [поведения]. Бывали случаи, когда он вторично присылался в коммуну и уже навсегда забывал о своем воровском опыте.

Категорическое требование коллектива применяется не только по отношению к воровству. В коммуне им. Дзержинского такое же категорическое требование предъявляется и к выпивке, и к картежной игре. За выпивку — безусловное изгнание. И именно поэтому, несмотря на то что в коммуне есть много ребят 18 и 19 лет, что большинство из них имеет довольно большие карманные деньги, коммунары никогда не пьют и чрезвычайно нетерпимо относятся к пьянству взрослых.

Такая дисциплина вытекает как осознанная необходимость, из условий всей жизни коллектива, из того основного принципа, что коллектив детей не готовится к будущей жизни, а уже живет¹¹. В каждом отдельном случае нарушения дисциплины коллектив только защищает свои интересы. Эта логика совершенно недоступна пониманию «олимпийцев» и вызывает с их стороны наибольший протест. А между тем эта логика больше направлена в защиту интересов личности, чем всякая другая.

Защищая коллектив во всех точках его соприкосновения с эгоизмом личности, коллектив тем самым защищает и каждую личность и обеспечивает для нее наиболее благоприятные условия развития. Требования коллектива являются воспитывающими главным образом по отношению к тем, кто участвует в требованиях. Здесь личность выступает в новой позиции воспитания — она не объект воспитательного влияния, а его носитель — субъект, но субъектом она становится, только выражая интересы всего коллектива.

Это замечательно выгодная педагогическая конъюнктура. Защищая каждого члена коллектива, общее требование в то же время от каждого члена ожидает посильного участия в общей коллективной борьбе и тем самым воспитывает в нем волю, закаленность, гордость. Уже без всякой специальной педагогической инструментровки в коллективе развивается понятие о ценности коллектива, о его достоинстве. Именно в этом пункте лежит начало политического воспитания. Коллектив дзержинцев осознает себя как часть великого классового пролетарского коллектива, связанную с ним в каждом своем движении. Это и есть политическое воспитание, отличное от политического образования.

В этом же ощущении ценности коллектива заключается и начало понятий чести и долга — категорий, которые «олимпийцами» назывались соответственно «офицерской» и «буржуазной привилегией».

Наше воспитание дает стране квалифицированного культурного рабочего, способного быть командиром в любой отрасли нашей работы, но способного и подчиниться товарищу. Еще не так давно «олимпийцы» описывали ужасы, проистекающие от нашего командира (отряда, группы), который, по их мнению, обязательно душит инициативу, обязательно насильничает. А наш командир только выборный единоначальник, правда обладающий большой властью и влиянием, но связанный по рукам и ногам во всех тех случаях, когда он начинает пред-

ставлять [узко]личное начало. Отряд командиров — это тоже коллектив, и командир есть только его уполномоченный.

Насчет инициативы коммунары никогда не станут слушать пустую болтовню, какой бы она ни казалась заманчивой, но без лишних слов примут всякое предложение, которое дает путь к решению поставленной общей задачи.

Мы также протестуем против воспитания деятельностью, построенной только на «интересности». Любопытно послушать прения в совете командиров, когда разбирается заявление какого-нибудь новичка:

— Мне в этом цехе работать не интересно, переведите меня в механический.

Такому «ребенку» сурово отвечают:

— Может, собрать оркестр? Может быть, для тебя интересно слушать музыку?

— Где ты был, когда мы строили завод и целый месяц носили землю на носилках? Думаешь, нам было очень интересно?

— Может быть, для тебя и уборные убирать не интересно?

Новый коммунар, впрочем, скоро начинает понимать, в чем дело. Он приобщается к «буржуазной категории» долга. Коллектив требует от личности определенного взноса в общую трудовую и жизненную копилку. Рабочий класс, великая Советская страна собирают личности не по договору, не по найму, не по [узколичному] интересу. И коммунары к вопросам долга относятся просто и уверенно — это естественная позиция пролетария по отношению к своему классу.

И если этот класс, и наш коллектив, и сам индивид представляются человеку ценностями, в которых он не сомневается, возникает понятие о классовой пролетарской чести.

Нам остается коснуться одного вопроса, наиболее жгучего в наших педагогических спорах; а как же педагог? Выходит, что все делает коллектив, а педагог для чего? И что может гарантировать, что коллектив будет поступать как раз так, как нужно?

Вопрос уместный. Коммуна им. Дзержинского в 1930 г. вовсе отказалась от воспитателей, но это не значит, что у нас их нет. Только здесь мы будем говорить о коллективе педагогов. Нашим воспитательским коллективом являются учителя, инженеры, мастера и инструкторы, чекисты, члены нашего правления и в первую очередь и главным образом — партийная и комсомольская ячейки.

И воспитание коммунаров достигается не путем чьей-нибудь проповеди или нравоучений, а исключительно из жизни, работы, стремления самого коллектива. Эта работа и стремления определяются тем, чем живет коллектив, т. е. нашей революцией, нашими пятилетками, нашей борьбой за экономическую независимость, нашим стремлением к знаниям, нашим рабфаком, нашим упорядоченным, вымытым, вычищенным коммунарным бытом, нашей дисциплиной, каждой минутой нашего напряженного, полного усилия, смеха, бодрости, мысли дня. И поэтому — пусть педагоги пожимают плечами! Эта «физкультура» уже немного запоздала.

Мы смело глядим в будущее. Образованный, знающий, умеющий мастер-коммунар, сознательный хозяин Советской страны, комсомолец и

большевик, организатор и командир, умеющий подчиняться и приказывать, умеющий бороться и строить, умеющий жить и любить жизнь, — вот наше будущее, наш вклад в грядущие кадры, какой вносит коммуна им. Дзержинского.

А если нам еще удастся перевоспитать нескольких педагогов — это уже дополнительная, внеплановая победа...

Коммуна им. Ф. Э. Дзержинского (1932)

Трудовая коммуна им. Ф. Э. Дзержинского основана в конце 1927 г., через год после смерти Ф. Э. Дзержинского. Строилась и организовывалась коммуна заботой и на средства коллектива сотрудников ГПУ Украины. Ассигнований от государственного или местного бюджета она никогда не имела¹.

Эти обстоятельства, которые делали коммуны продуктом исключительно общественной инициативы, имели очень важное значение как в истории коммуны, так и в характере ее организационных форм.

Организаторы коммуны не ставили перед собой очень широких планов. Они хотели сделать памятник Дзержинскому — детскую колонию, которая по своему качеству соответствовала бы его имени.

Забота о качестве выявилась, во-первых, в самом характере строений и оборудовании. Кажется, что это был первый дом в Союзе, который специально построен для беспризорных.

В доме — паркетные полы, разрисованные стены, ванны, души. Специальный, основательно продуманный и проверенный план позволил рационально разместить все помещения, сделать их светлыми и удобными². Такая забота была проявлена и к оборудованию. Все вещи новой коммуны: мебель, посуда, школьное оборудование — приобретены доброкачественные, по возможности хорошие и крепкие.

Но насколько продумано и хорошо организовано общежитие коммунаров, настолько мало было обращено внимания на производственную часть. Здесь организаторы коммуны равнялись на так называемые учебные мастерские, собственно говоря, мастерские кустарные. Поэтому в коммуне им. Ф. Э. Дзержинского на 100 человек коммунаров было лишь четыре мастерских: столярная, слесарная, швейная и сапожная. Эти мастерские в то время не были приспособлены к какому-нибудь определенному производству. Сапожная могла лишь чинить обувь или шить новую самым примитивным способом. Столярная мастерская имела несколько хороших верстаков, но не было ни помещения, ни оборудования для сборочного цеха. Еще менее ясно обстояло дело со слесарной: несколько верстаков не имели подходящих к ним тисков. Вполне понятно, что с начала истории коммуны не могло быть ни находящегося в обращении капитала, ни запаса материалов. В производственном отношении коммуна повторяла все ошибки детских домов.

Зато в комплектовании коммуны первым воспитанникам этих ошибок посчастливилось избежать, что в значительной мере обеспечило успех коммуны. Отдать дорогой дом в распоряжение сборища неорганизованных уличных жильцов основатели коммуны не хотели. В коммуны было

переведено 60 воспитанников из колонии им. Горького с частью персонала. Новые коммунары пришли в дом организованным, дисциплинированным коллективом, и уже через полчаса после их прихода организационный период в детском коллективе был закончен. Через месяц взяли пополнение из коллектора, оно нашло в коммуне сильный и бодрый коллектив, и им оставалось одно: идти путем этого коллектива.

100 коммунаров — норма, но уже через 8 месяцев стало возможным увеличить состав коммуны до 150 человек, и это число было неизменным до осени 1931 г. Из 150 коммунаров было 120 хлопцев и 30 девчат. Начальный состав и первое пополнение были из беспризорных 13—16 лет.

Внутреннее строение коллектива, его быт и тон были унаследованы от предшествующего опыта колонии им. А. М. Горького. Форма коллектива, разумеется, все время совершенствовалась и развивалась, и сейчас очень трудно найти большое сходство между формами горьковской колонии 1927 г. и коммуны им. Ф. Э. Дзержинского 1932 г. Но основные принципы строения жизни коллектива в коммуне остаются те же. Мы видим результат 12-летнего развития одного коллектива, состав которого постоянно изменяется.

Теперешний коллектив дзержинцев имеет коллективные традиции, которые складывались на протяжении всей истории коллектива. С первого дня своего существования коллектив дзержинцев был всегда здоровым и способным к активной деятельности и борьбе. Коммуна не знала неорганизованного дня. Между тем этому сильному коллективу пришлось очень долго и напряженно бороться за существование и качество работы.

Основав коммуны в декабре 1927 г., сотрудники ГПУ должны были в дальнейшем продолжать отчисление от своей зарплаты, чтобы содержать коммунаров. Мастерские коммуны были очень слабые, новые [для нас] коммунары совсем не умели в этих мастерских работать. Поэтому первые годы истории коммуны были в определенной мере трудными. То, что давали сотрудники ГПУ, составляло не более 3 тысяч рублей в месяц. Этого не хватало даже на повседневные расходы — было трудно сбегать хоть небольшие средства, чтобы приобрести верстаки и материалы для создания производственных помещений.

Очень медленно коммуне удалось приступить к такому накоплению. В начале 1930 г. все же посчастливилось развернуть деревообрабатывающую мастерскую, приспособив ее исключительно для производства дубовой мебели. Были построены дешевые и примитивные, но достаточно просторные цехи для массового производства. К 1930 г. коммуна уже выпускала в месяц сотни дубовых столов, столов для черчения и т. д. Далее специальностью этой мастерской стала театральная и аудиторская мебель.

Для того чтобы мастерская давала прибыль, пришлось ввести разделение труда и стандарт. Это приводило к снижению квалификации столяра-коммунара, но сейчас тип столяра-ремесленника уже отживает. Из коммуны появилась возможность выпускать хороших столяров-машинистов.

Для слесарной мастерской также приобрели два десятка старых токарных станков, оборудовали небольшую и примитивную литейную — так возник небольшой заводик медной арматуры. Номенклатура вещей, которые выпускались коммуной, была очень небольшая: кроватный угол,

машинная масленка и ударники к огнетушителям. Квалификация у коммунаров была очень узкой и неглубокой. В швейной мастерской такая же узкая специальность — трусы и ковбойки для «Динамо». Сапожную мастерскую ликвидировали еще в 1928 г.

Производство оставалось полукустарным, оборудование было примитивнейшим, строения — неудобные, а производственного обучения, собственно говоря, не существовало. В общем, эта картина была достаточно неприятной, особенно с педагогической стороны. Между тем это «производство» вывело коммуны на верный путь. Коммунары поняли, что лишь производственная работа даст возможность коммуне существовать и развиваться. Уже к концу 1929 г. коммунары поблагодарили чекистов за помощь, отказавшись от дотации, и перешли на полную самоокупаемость.

Дальнейшая цель коммунарам была ясна: нужно приобрести для коммуны новый и более подходящий завод.

В конце 1930 г. в коммунарских мастерских ввели зарплату. Это в значительной мере подняло производительность труда, а также значительно укрепило материальное положение коммуны. В кассе коммунаров создались сбережения. К середине 1931 г. они уже приближались к полмиллиону рублей, и управление коммуны поставило вопрос о строительстве нового завода.

Характер нового производства был выбран после обстоятельного обсуждения этого вопроса специалистами. Было решено строить завод электроинструмента, остановившись на электросверле как первом типе изделия. До этого времени электросверло, как и другие инструменты с электрическим мотором, привозилось из-за границы. Строя завод электроинструментов, коммуна имела в виду не только интересное производство, но и то, что она тем самым вступала в ряды активных борцов за экономическую независимость Советского Союза. Завод было решено строить из расчета на 330 коммунаров, а поэтому надо было строить и новые помещения для коллектива коммунаров. До ноября 1931 г. строительство завода и корпуса на 330 человек было закончено. Завод был оборудован и готов к выпуску к 15 января 1932 г., когда он и был открыт Г. И. Петровским³. В это время приняли 180 коммунаров.

Новый завод коммунаров несколько не похож на старое производство. Завод имеет чудесный двухсветный цех с балконом. Он имеет больше сотни станков, среди которых большая часть заграничные. Механический цех представляет собой лучшую в Харькове лабораторию по холодной обработке металла. Но коммуна имеет и литейную с вагранкой для чугуна и тиглями для алюминия.

Еще в 1930 г. коммунарская школа была реорганизована в рабфак, приписанный к Харьковскому машиностроительному институту⁴. Рабфак коммуны весной этого года сделал первый выпуск студентов в вуз.

Сейчас завод электроинструмента работает полным ходом, уже выпущено несколько тысяч электросверл, сконструирована и скоро будет выпускаться электрошлифовалка.

II

Сейчас коллектив коммунаров организован так: все коммунары поделены на 32 отряда по производственному принципу, по 10—13 коммунаров в

каждом. Отряд в коммуне является первым и основным коллективом в этом отличие от обычного типа детских домов, где этим первым коллективом является школьный класс или спальня. Отряд объединяет в себе мальчиков или девочек, работающих на определенной группе станков и выполняющих более или менее общие задания. Тем самым отряд коммунаров есть вместе с тем и производственная бригада. Но так как в коммуне есть, например, 8 отрядов токарей, то это дает возможность в пределах одной профессиональной группы вводить еще возрастное подразделение: некоторые коммунары-токари младшего возраста таким образом составляют отдельные отряды.

Девочки в некоторых случаях составляют отдельные отряды, в других они находятся в одних отрядах с мальчиками.

Как правило, отряд имеет отдельную спальню, ряд столов в столовой, имеет свое хозяйство (мебель, гардероб, посуду). Полуотряды мы имеем лишь как исключения, например: девчата-фрезеровщицы в одном отряде с мальчиками, но имеют отдельное хозяйство и спальню.

Во главе отряда стоит командир, которого выбирают общим собранием коммунаров на 6 месяцев. Командир отряда имеет для коммуны большое значение, особенно с того момента, когда устранены должности воспитателей (1930). То, что командир отряда выбирается не отрядом, а общими собраниями, делает его авторитетным не только в своем отряде, но и в других. Боязнь, что командиры в коммуне будут злоупотреблять своей властью, — безосновательна, потому что (по традиции колонии им. Горького) командир на другое полугодие выбранным быть не может.

Каждый коммунар имеет право и обязанности командира на протяжении 6 месяцев. Правда, есть много коммунаров, которые за 5 лет пребывания в коммуне ни одного раза не были выбраны командирами, но почти не было случаев, чтобы один и тот же был избран второй раз. Эта традиция, во-первых, дает нам возможность большинство коммунаров пропускать через функцию организаторов, во-вторых, приводит к демократии в отряде, не уменьшая роли единоначалия командира. В каждом отряде половина членов, а то и больше уже были командирами. Это актив отряда, который помогает новому командиру.

Что касается отрядов новых коммунаров, то тут командир находится на особом положении. Он не выбирается, а его назначает совет коммунаров; ему назначают двух помощников: один — по хозяйству, другой — по политической части. Такой штаб отряда очень быстро и четко приводит в порядок и подготавливает к нормальному положению в коммуне каждую группу детей, пришедших с улицы. В этот штаб обычно бывают собраны бывшие командиры, люди, которые умеют организовать членов коммуны.

Все командиры вместе составляют совет командиров, который представляет собой главный орган коммунарского самоуправления, имеющий в коммуне большое значение. Удачен или неудачен состав совета командиров, он руководит работой все полугодие. Поэтому кампания пере выборов в коммуне очень важна и бюро комсомольского коллектива уделяет ей много силы и внимания. Вместе с советом командиров избираются также на полгода санитарная комиссия, хозяйственная комиссия, производственные цеховые тройки и заводская производственная комиссия.

Работа коммуны в течение рабочего дня четко очерчена дневным порядком. День «ведется» дежурством, куда входят: дежурный командир, дежурный член санитарной комиссии, дежурный сигналист. Лишенные опеки воспитателей коммунары давно выработали необходимые внешние формы распорядка рабочего дня и не изменяют их без особой необходимости.

Коммунары встают по сигналу в шесть часов утра. Сразу же начинается уборка помещений коммуны: спален, клубов, классов, коридоров, лестниц и т. д. Уборка выполняется по плану, который вырабатывает совет командиров на месяц. Уборка должна быть сдана дежурному члену санкомиссии, иначе она считается невыполненной. Задержка хотя бы в одном месте ведет к задержке всего рабочего дня.

По окончании уборки — проверка. Каждый отряд в своей спальне встречает дежурство салютом и приветствием. Дежурные имеют право не допустить к завтраку неумытых и неаккуратно одетых.

Завтрак в столовой дается в две смены. Техперсонала в кухне мало, подают еду коммунары сами по очереди. До 7.30 завтрак должен быть закончен, и обе смены идут на работу: одна смена — на завод, другая — в школу. В 11.30 завод прекращает работу, а в 12.00 заканчивает работу и школа, и в течение часа — обед. В столовой каждый коммунары имеет закрепленное за ним место.

В распоряжении коммунары есть три костюма: рабочий, школьный и выходной — каждый для соответствующих случаев. В рабочем костюме, например, нельзя заходить в столовую.

После обеда, от 13.00 до 17.00 коммунары снова на работе, причем смены меняются местами. В 17.00 рабочий день заканчивается, и коммунары свободны, но это время до 20.30 все же заполнено до краев. На это время положено много всякой работы: политработа, комсомольская и пионерская, клубная, спортивная, работа органов самоуправления и, наконец, работа оркестров.

В коммуне два духовых оркестра. Один большой — до 40 человек (один из лучших оркестров на Украине), другой еще молодой — маршевый. Зимой работает до 10 кружков.

В 20.30 подается ужин, а после него сразу же общее собрание. Собрание начинается с рапортов командиров. Каждый командир [коммунары]⁵, отмеченный в рапорте, должен дать объяснения общему собранию. Эти объяснения являются главной формой коммунарыского дисциплинарного влияния.

Вопрос поведения решается главным образом в ходе междуотрядного соцсоревнования⁶. Оно проводится очень давно. Каждая провинность учитывается, и на конец месяца определяются первый и отстающий отряды. Передовой отряд владеет коммунарыским знаменем. Но, не считая достаточными чисто общественные формы воздействия, к коммунарам допускаются и чисто внешние меры, когда нужно восстановить реальные интересы коллектива.

Наказания в коммуне применяются очень редко, не обращая внимания на то, что большая часть коммунары в коммуне недавно. Способствует этому общий тон коммуны, очень большая нагрузка и необычайно сознательное, напряженное, боевое отношение ко всем вопросам коммунарыской

жизни: заводу, промфинплану, бригадному плану, браку, школе, дисциплине.

Всю коммунарскую жизнь и работу организует комсомольская организация, которая состоит из 200 человек. Комсомольский коллектив делится на 4 цеховых ячейки. Пионерская организация охватывает 100 коммунаров.

III

Работая на заводе, коммунары получают зарплату по подрядному расчету. Работая 4 часа в день, коммунар в месяц зарабатывает от 20 до 200 рублей. Из своего заработка коммунар оплачивает свое содержание за прошедший месяц. В том случае, когда его зарплаты для полного расчета не хватает, коммунар расплачивается лишь частью необходимых денег, недостаток же покрывается производственной прибылью. Содержание школы и культурных учреждений коммуны также идет за счет дохода, который дает производство (обычно коммунару приходится платить 60—70 рублей в месяц). Оставшаяся часть зарплаты делится на две равные части. Одна вносится на сберегательную книжку коммунара, и ее он не может получить до выхода из коммуны, другая — выдается ему на руки, и на эти деньги он может купить что хочет (кроме спиртных напитков и одежды).

Финансовое положение коммуны сейчас хорошее. Годовой промфинплан завода 7 тысяч машин — это 3,5 миллиона рублей, не считая дополнительной продукции производства. Эта программа дает возможность рассчитывать доход за год до 1 миллиона рублей⁷, готовое же содержание коммуны составляет 400 тысяч рублей и в значительной мере покрывается заработком коммунаров.

Все вышесказанное дает возможность коммуне бодро смотреть вперед. Уже разработан план нового расширения коммуны до 600 человек. Строится новый завод, где будут производиться фотоаппараты типа «Лейка». Это расширение можно будет сделать к осени 1933 г.

Конституция страны ФЭД

На общих собраниях коммуны им. Ф. Э. Дзержинского, в органах комсомола и самоуправления, в быту и практике в течение пятилетней работы коммуны выработались правила и нормы, которые составляют как бы неписаную нашу конституцию, они определяют весь распорядок и ход жизни в коммуне.

Основные из них состоят в следующем.

Каждый вновь прибывающий в коммуну товарищ впредь до особого постановления совета командиров не имеет звания коммунара и считается воспитанником коммуны. Воспитанник по прибытии в коммуну не может быть допущен в спальни и на работу до осмотра его врачом, купания в бане и получения свежего белья и коммунарской одежды.

Воспитанник вступает в отряд коммунаров, и командир отряда должен немедленно назначить к нему одного из старых коммунаров для ознакомления его с коммуной, правилами коммунарской жизни и для помощи

новичку на первое время. Независимо от этого, бюро комсомольского коллектива в свою очередь назначает к новичку товарища для руководства его поведением до получения новичком звания коммунара, для наблюдения за его первоначальным ростом в коммуне и развитием.

Воспитанник, в отличие от коммунара, может уходить из коммуны только с письменным отпуском; он может получать деньги на руки из своего заработка каждый раз только с разрешения совета командиров; он не имеет права заходить в спальни в течение дня без письменного разрешения; он не может быть избран ни в один орган коммунарского самоуправления и не может быть членом сторожевого отряда в коммуне.

Однако в общем собрании коммунаров воспитанник участвует с правом решающего голоса.

Совет командиров или бюро комсомольского коллектива имеет право перевести в воспитанники товарища, уже имеющего звание коммунара, за проступки, лишаящие его доверия коммунаров, за грубое нарушение интересов коммуны, за всякий поступок, позорящий коммуну и звание коммунара.

Коммунар имеет право уходить из коммуны в отпуск в свое свободное время, но должен предварительно доложить об этом начальнику коммуны, или его помощнику, или ССК [секретарь совета командиров]. Уход в отпуск без такого доклада считается самовольным оставлением коммуны.

На производстве, в быту, в школе, во всех видах работы и в поручениях начальника коммуны, его помощника, преподавателей, мастеров и начальника завода, ССК, своего командира и его помощника каждый коммунар должен всегда быть исполнительным и точным, он должен всегда строго и точно выполнять правила коммуны и в каждом деле прежде всего отстаивать и наблюдать интересы всей коммуны, а потом уже свои собственные или отдельных товарищей. Всякое приказание, законно изданное, коммунар должен немедленно выполнить, в знак чего, получая приказание, должен салютовать и отвечать «есть».

Получая на заводе зарплату, коммунар обязан вносить ежемесячно определенную часть ее за свое содержание в коммуне; половину остатка вносить в сберкассу на свое имя до окончания коммуны, а оставшиеся деньги, как карманные, он может расходовать по своему усмотрению, исключая покупку вина или покупку одежды, нарушающей коммунарскую форму.

Общее собрание коммунаров собирается каждый вечер, после второго ужина, в клубе коммуны. Присутствие всех коммунаров и воспитанников на собрании обязательно. Председательствует на общем собрании секретарь совета командиров или его заместитель.

Собрание начинается рапортом всех командиров дежурному командиру. Немедленно после рапортов председатель собрания должен предложить слово всем отмеченным в рапорте, как нарушившим дисциплину.

Каждый коммунар может возбудить на общем собрании любой вопрос, но обсуждение его может быть поставлено или не поставлено председателем, передано совету командиров или другой организации.

Ведению общего собрания подлежат все вопросы коммунарской жизни, его решения считаются окончательными и могут быть изменены только правлением коммуны.

Общее собрание имеет право накладывать на коммунаров в случае особенно тяжелых поступков взыскания: лишение отпусков, лишение звания коммунара, лишение карманных денег, выговоры, замечания, дополнительные работы, снятие с работы и с производства, снятие с командирской работы, наконец, ходатайствовать об увольнении из коммуны перед правлением.

Все коммунары делятся на отряды. Число отрядов и число коммунаров в каждом отряде, а также вопрос о принципе подбора коммунаров в отряде решается общим собранием по представлению совета командиров.

Отряду предоставляется несколько или одна спальня с точным по числу членов отряда количеством постелей и шкафов.

Отрядом командует командир отряда, у которого может быть один или несколько помощников. В каждой спальне должен быть один помощник на правах старшего по спальне.

Командир отряда избирается на шесть месяцев на общем собрании коммунаров (на специальном общем собрании). Каждый отряд выдвигает своего кандидата в командиры отряда.

Помощники командиров избираются советом командиров из состава отряда по представлению командира отряда на срок, равный сроку выбора командиров.

В случае надобности совет командиров имеет право отстранить командира от командования отрядом и избрать на его место другого коммунара с последующим утверждением этого на общем собрании коммунаров.

Командир отряда имеет право приказаний в отряде в течение рабочего дня в школе, в спальне, в быту. Он отвечает за дисциплину в отряде, за чистоту спален, классов, постелей, одежды, лица, рук, за проветривание помещений и за сохранность оборудования спален и классов.

Он заботится об отряде, следит, чтобы все полагающееся отряду было выдано в срок и нормального качества, представляет все требовательные списки по заказу хозяйственной части.

Он назначает в совете командиров на работу [коммунаров и воспитанников]. Каждый командир состоит членом совета командиров. Каждый день он обязан сдавать рапорт дежурному командиру. В начале месяца командир должен составить распределение труда коммунаров по общей уборке, в течение месяца следить за правильным выполнением этого распределения. Он должен наблюдать за поведением отдельных коммунаров, беседовать с ними в случае их ошибок, следить за успехами их в школе и помогать им не отставать путем личной помощи или назначения отдельных старших товарищей из отряда [для оказания помощи].

Отряд, если он избран по принципу школьной группы, отвечает за определенный класс, его чистоту и сохранность оборудования.

На производстве все коммунары разделяются на бригады согласно производственной расстановке коммунаров. Бригада объединяет коммунаров, работающих на определенной группе станков в первую и вторую смену.

Бригада выделяет из своей среды бригадира, согласовывая его избрание с администрацией завода. Бригадир является руководителем бригады на производстве в области порядка и дисциплины.

Группой бригад на определенном производственном участке завода руководит командир группы, избираемый на тех же основаниях, как и командиры отрядов. Он участвует в совете командиров и сдает ежедневные рапорты на общих основаниях.

Командир группы отвечает за работу группы, и прежде всего за выполнение промфинплана.

Командир отряда и командир группы не освобождаются от производственной и школьной работы и несут свои обязанности дополнительно и бесплатно.

На каждый месяц совет командиров избирает сторожевой отряд с отдельным командиром.

В совет командиров кроме избранных командиров входят с правом решающего голоса: начальник коммуны, помначальника коммуны, начальник хозяйственной части, начальник завода, врач, секретарь комсомольского коллектива, члены правления коммуны.

Председательствует в совете командиров секретарь совета (ССК), избираемый общим собранием коммунаров вместе с командирами на шесть месяцев.

Совет командиров является главным руководящим органом коммунарского самоуправления, и все остальные органы обязаны перед советом отчетом и руководятся его указаниями и постановлениями.

Секретарь совета командиров (ССК) освобождается от работы на производстве и получает зарплату, равную его среднему заработку на производстве в момент его выборов.

ССК обязан проводить в исполнение все постановления совета командиров, наблюдать за работой дежурных командиров, издавать приказы от имени совета командиров и участвовать в решении всех текущих вопросов вместе с начальником коммуны. [С] СК имеет право единолично накладывать взыскания и давать отпуска коммунарам и воспитанникам, посещать уроки всех курсов, имеет право приказания в течение дня. Все командиры отрядов и бригад дежурят по коммуне по порядку номеров своих отрядов, по двое каждый день. Дежурный командир (ДК) на день своего дежурства освобождается от работы на заводе и получает зарплату в размере среднего дневного за данный месяц. ДК ведет весь рабочий день коммуны. ДК поднимает коммуну в 6 часов утра, принимает рапорт ДЧСК (дежурного члена санитарной комиссии) о проведенной уборке коммуны, проводит проверку коммунаров, дает распоряжение о сигналах «на работу», «кончай работу», «в столовую», «на рапорта», «в клуб» и пр.

Он следит за своевременным приготовлением пищи, в столовой наблюдает за порядком, за правильным распределением пищи и ее подачей на столы.

ДК наблюдает за поведением коммунаров в течение дня, принимает гостей и делегации, наблюдает за порядком вечером в клубах и в классных помещениях, принимает рапорты командиров отряда и отдает рапорт начальнику коммуны или его помощнику о прошедшем дне.

Все распоряжения ДК должны беспрекословно выполняться всеми коммунарами. Он имеет право снять с работы, с классной группы и удалить из столовой, клуба и другого помещения коммунара, нарушающего

порядок и не подчиняющегося его приказаниям. ДК должен всегда находиться в парадной форме и иметь на левом рукаве красную повязку.

Санитарная комиссия избирается общим собранием коммунаров одновременно с советом командиров в составе семи членов. Она устанавливает правила поддержания чистоты в коммунае, чистоты одежды и тела коммунаров, порядок уборки, порядок смены белья и пользования баней, делает выводы о санитарном состоянии целых отрядов, отдельных коммунаров и помещений в коммунае. Все члены санкомиссии дежурят по очереди в течение одного рабочего дня. Дежурный член санитарной комиссии свое дежурство проводит вместе с ДК и является главным его помощником.

ДЧСК принимает утреннюю уборку коммуна и классов после конца занятий каждой смены, принимает станки после конца работы, наблюдает за сохранением чистоты в коммунае, в столовой, отдает вечером обычный рапорт ДК. ДЧСК носит повязку на левой руке с красным крестом. Утренняя уборка коммуна распределяется в совете командиров на месяц вперед между отрядами коммунаров; распределение ее между членами отряда производится самим отрядом.

Столовая комиссия избирается общим собранием коммунаров в составе трех коммунаров вместе с советом командиров сроком на шесть месяцев.

Столовая комиссия вместе с начальником хозяйственной части устанавливает сметы расходов на пищу, устанавливает меню на каждый день, следит за его выполнением. Руководство своей столовая комиссия проводит через каждый месяц. Старшая хозяйка освобождается от работы на производстве и получает зарплату по среднему сдельному за прошлый месяц.

На обязанности старшей хозяйки лежит: наблюдать за правильным получением продуктов на кухне, правильным их использованием и за выдачей пищи в столовую.

Каждый коммунар должен приходить в столовую в свою смену и занимать принадлежащее ему место, ожидая, пока ему подадут пищу.

Хозяйственная комиссия избирается общим собранием коммунаров вместе с советом командиров сроком на шесть месяцев в составе трех командиров. Хозкомиссия вместе с начальником хозчасти, комендантом и кастанейшей ведет учет и ведает заготовлением и распределением одежды коммунаров, следит за правильностью ее носки и вынесением в расход. Она ведет учет мебели в коммунае, ведает ее распределением в помещениях коммуна, ее целостью и сохранностью, вовремя отдает ее в ремонт или чистку.

Клубный совет, ведающий всей клубной самодеятельной работой, избирается общим собранием на шесть месяцев в составе пяти коммунаров. На каждый день клубный совет выделяет дежурного члена клубного совета, на обязанности которого лежит наблюдение за дневным течением клубной работы и отдача рапорта вечером ДК.

Оркестр выделен из ведения клубного совета и непосредственно подчиняется совету командиров. В оркестр коммунары входят по своему добровольному желанию, но, один раз записавшись в оркестр, коммунар не имеет права оставить его до своего выхода из коммуна. Во главе оркестра стоит командир оркестра, который отвечает за дисциплину в оркестре, за

исправность инструментов, за порядок в музыкальной комнате и помогает капельмейстеру в его учебной и концертной работе.

Штаб соцсоревнования избирается общим собранием коммунаров сроком на шесть месяцев в составе трех лиц. Штаб соцсоревнования вырабатывает нормы измерения успехов соревнования по школе, быту и дисциплине и в постоянном согласовании с педагогическим советом, учетным аппаратом производства и советом командиров ведет учет показателей по всем линиям соревнования, отображает их на специальной диаграмме, вырабатывает модусы премирования и список премируемых лиц и представляет их в правление коммуны. Лучшие отряды по быту и школе в порядке премирования получают одно из двух коммунарских знамен. Первого числа каждого месяца заканчивается цикл премирования и передача знамен.

Программа учетного отдела педагогической части коммуны им. Ф. Э. Дзержинского

1. Вести аккуратно карточки всех коммунаров, записывать своевременно (и не позже, чем через три дня) вновь прибывших и отмечать на карточках в такой же срок выбывших коммунаров, заполняя графы, какие следует.

2. В течение каждого месяца составлять и вносить в карточки-характеристики коммунаров не менее, как 40 человек, пользуясь для этого данными учета и затребывая отдельные отзывы от преподавателей и начальника педчасти.

3. Некоторую часть их этих 40 характеристик делать во второй раз, для тех коммунаров, которые уже имеют характеристики, отмечая изменения в характере и поведении.

4. В карточках коммунаров за каждый месяц отмечать средний балл¹, число полученных замечаний² и заработок на производстве и в школе.

Примечание. Если карточки не хватает, ввести вкладочные листики.

5. Вести списочный или карточный учет распределения коммунаров по курсам³, бригадам, спальням, отрядам. Желательно ввести такую форму учета, чтобы можно было иметь историю передвижения каждого коммунара в течение его пребывания в коммуне. Этот учет можно делать отдельно от карточек.

6. В течение трех месяцев восстановить историю каждого коммунара в деле его участия в активе, собрав сведения путем опроса или просмотра старых документов коммуны; отметить, сколько раз и когда был командиром какого-либо отряда или членом другого органа самоуправления.

7. Вести карточный или списочный учет распределения коммунаров по полу, возрасту, социальному происхождению, стажу по коммуне и пр.

8. Вести регулярный учет дисциплинарных взысканий и замечаний и выдавать командирам записки об этом.

9. Вести учет успешности каждого коммунара по группам школы, выводя один раз в месяц средние баллы и составляя для объявления в коммуне списки в порядке успеваемости.

10. Время от времени составлять графики успешности по отрядам.

11. Вести учет свободных мест в коммуне с указанием отряда и спальни.

12. Иметь план спален и план расстановки кроватей в каждой спальне с указанием, кому они принадлежат.

13. Составлять сводки по отдельным заданиям в случае надобности.

Памятник Феликсу

9 апреля 1927 г. коллегия ГПУ УССР постановила ознаменовать память Ф. Э. Дзержинского открытием детской трудовой коммуны его имени.

29 декабря 1927 г. в великолепно построенный и оборудованный дом коммуны вошли первые коммунары. Их было 50 человек из колонии им. М. Горького (среди них

10 девочек). Возраст коммунаров 12—15 лет; с них еще не сошли последние корки беспризорности.

Оборудованная на добровольные отчисления чекистов, коммуна на первых порах была лишена еще многого: серьезного производственного оборудования, запаса материалов и инструментов, оборотного капитала и, наконец, производственного лица и плана. Первые месяцы ушли на освоение этого оборудования, на первые производственные достижения коммунаров.

Но тогда обнаружались другие важные недостатки нашего производства. Для успешного развертывания производства необходимо ввести разделение труда, некоторое подобие поточности. На пути ко всему этому были препятствия не только технические. В известной мере можно было опасаться педагогических убытков работы на одной детали. Чрезвычайно узкая квалификация коммунара никак не могла входить в нашу воспитательную программу. 1929 год был наполнен довольно мучительными поисками решения этих проблем.

К этому времени коллектив коммунаров достиг 150 человек. Пополнение приходило почти исключительно с улицы. То обстоятельство, что это пополнение вливалось небольшими долями, позволило нам к концу 1929 г. иметь чрезвычайно сбитый, дружный и дисциплинированный коллектив, выработавший и закрепивший в традициях очень стойкие и любопытные формы нашего быта и управления. В этих формах были удачно отражены все важнейшие директивы партии и Советской власти в вопросах организации и управления, единоначалие, борьба с обезличкой, ответственность и контроль, сознательная дисциплина. Формы коммунарского самоуправления до сих пор существуют почти не измененными с 1928 г.

Все коммунары делятся на отряды. Отряд — это группа коммунаров от 10 до 20 человек, имеющих общий участок на производстве, общие спальни, столы в столовой, общий гардероб и т. д. Во главе отряда — командир, избираемый на 6 месяцев и являющийся уполномоченным общего собрания. Обычай, который постепенно приобрел в коммуне право закона, говорит, что на вторые 6 месяцев командир не может быть избран. Это позволяет коммуне всегда расширять свой актив и всегда иметь в отряде сильную группу ребят, уже бывших командирами и в значительной мере ограничивающих «власть» командира.

Эта система, соединенная с официальным отчетом всех органов и лиц в коммуне перед общим собранием или советом командиров, позволила нам добиться крепкой дисциплины, связанной в то же время с большой, бьющей в глаза бодростью и мажорностью общего тона в коммуне.

По мере того как подрастали и совершенствовались в работе коммунары, они чувствовали себя в силах зарабатывать средства на содержание коммуны. Поэтому они охотно пошли на реорганизацию производства, на небольшие сбережения, и мы усовершенствовали деревообделочную фабрику и открыли медноарматурную мастерскую. В обеих мастерских мы ввели разделение труда. На производстве была введена зарплата, значительно повысившая производительность труда коммунаров.

В это же время коммуна сделала еще один важный бросок вперед. По линии общеобразовательной учебы коммуна до сих пор имела несколько групп трудовой школы. В 1930 г. нам удалось открыть свой собственный рабфак в системе Харьковского машиностроительного института. Это позволило нам несколько повысить свой собственный средний возраст коммунаров, повысить общую значимость коммуны для коммунаров. Теперь мы получили возможность давать всем коммунарам среднее образование и даже выпускать их во втуз.

В настоящее время коммуна уже заканчивает третий год своего хозяйственного существования. Материальные дела коммуны пошли настолько хорошо, что в апреле 1931 г. был поставлен вопрос о постройке нового завода, новых корпусов для спален и расширении коммуны вдвое.

Трехлетний опыт коммуны по организации подходящего для коммунаров производства не пропал даром. Теперь и правление коммуны, и коммунарская общественность знали, что им нужно. С помощью чекистов коммунары поэтому смогли построить действительно образцовый завод — образцовый не только в условиях детского воспитательного учреждения.

Был построен завод ручных электросверлилок с расчетом на дальнейшее развертывание его в завод электроинструмента. Завод построен и оборудован лучшими советскими и заграничными станками.

С постройкой этого завода коммуна приобрела чрезвычайно мощные усилители воспитательного процесса. Работа на высококачественных станках способствовала не только повышению квалификации коммунара, но и подготовке его к работе на современном советском заводе. Завод электросверлилок дал нам широкую гамму технологических условий. У нас имеется работа на станках токарных, револьверных, зуборезных, фрезерных, шлифовальных, сверлильных, работа формовочная, инструментальная, работа по ремонту моторов со всеми их деталями и, наконец, очень важная работа по сборке. Все эти работы требуют большой точности и связаны с организацией сложного учета и контроля.

Давая высокую квалификацию коммунарам, завод дает всему коллективу возможность управлять сложным производством, в миниатюре представляющим все проблемы и задачи заводского управления.

То обстоятельство, что завод производит электросверлилку, до сих пор экспортируемую из-за границы, сообщает всей работе коммуны очень большую политическую значимость и позволяет воспитанникам коммуны проявлять действительное участие в борьбе за экономическую независимость страны. Одно сознание такого участия коллектива является очень благоприятным воспитательным условием.

Завод и новые корпуса спален были закончены в ноябре 1931 г. Работа на заводе начала развертываться. Большое пополнение, которое пришло в коммуны в это время, сплошь состояло из беспризорных прямо с улицы — людей не только неквалифицированных, но вообще не привыкших ни к какой работе. Некоторое время ушло на первоначальное их дисциплиниро-

вание. Даже и сейчас, когда с того времени прошел целый год, коммуна еще ощущает следы большого прилива «новых» (на 150 старых коммунаров принято с улицы 190).

Нужно было время, чтобы из такого материала создать настоящего коммунара, способного понимать свое место в коллективе и способного свои интересы видеть в проявлениях коллектива.

Сейчас коммуна живет полной жизнью. Завод работает с полной нагрузкой, давно достигнув проектного выпуска 1 тысячи машин в месяц. Конструируются и начинают выпускаться новые модели электроинструмента. Коммуна уже приступила к постройке завода фотоаппаратов типа «Лейка».

Инициативой, заботой, руководством и любовью коллектива украинских чекистов создан прекрасный памятник железному Феликсу. Не мрамор, не бронза — живая поросль новых людей, идущих в большую, прекрасную жизнь!

Перевернутые страницы

(Вехи, события, факты)

1927 г.

Апреля 9. Заседание коллегии ГПУ УССР, на котором постановлено увековечить память вождя и учителя Ф. Э. Дзержинского открытием детской трудовой коммуны его имени.

Октября 20. Назначение первого персонала в коммуну. Этот персонал был невелик: заведующий коммуной А. С. Макаренко, воспитатель Т. Д. Татаринов, завхоз из Ахтырки — Опришко и из Ахтырки же повар.

Декабря 25. Прибытие в коммуну первой партии коммунаров из колонии им. Горького — 50 мальчиков и 10 девочек.

Декабря 28. Выборы первого созыва совета командиров. Секретарем был избран Митя Чевелий, человек черноглазый, энергичный в высшей степени. Первым делом совета командиров было организовать коммунарский быт, распределить коммунаров по мастерским. Это было сделано в течение часа. Сейчас Митя Чевелий учится в одном из институтов в Ленинграде...

Декабря 29. Торжественное открытие трудовой коммуны им. Дзержинского и вручение ... коммунарского знамени коммунарам от коллегии ГПУ УССР.

1928 г.

Января 9. Избрано первое правление коммуны.

Января 11. Прием из коллектора новых коммунаров, взятых с улицы, в количестве 40 человек. Коммунарскому коллективу пришлось истратить много сил на приведение их в порядок. В настоящее время все они составляют правящий актив коммуны, многие уже вышли в самостоятельную жизнь. В эту группу входят Фомичев, Миша Бондаренко, Ряполов и др.

Января 15. Организация оркестра коммунаров. Около 30 труб белого металла составили первое музыкальное богатство коммунаров. Появился и В. Т. Левшаков — несменяемый с тех пор капельмейстер.

Первые звуки музыкантов причинили много страданий всему коллективу: некуда было спрятаться от душераздирающих звуков. В настоящее время коммунарский оркестр — один из лучших в Харькове и на Украине: исполняет Бетховена, Шуберта, Листа, Моцарта, Мусоргского.

Января 15. В коммуне организован комсомольский коллектив.

Января 15. Первое заседание новой комсомольской ячейки коммунаров-дзержинцев. Всего комсомольцев организовалось 15 человек. Первым секретарем комсомольской ячейки был избран коммунар Глупов, ныне студент Инхоза в Харькове.

Первой заботой комсомольской ячейки было организовать пионеротряд. Большинство коммунаров входило в пионерский лагерь.

Января 16. Правлением трудкоммуны были утверждены план и программа учебно-воспитательной работы и правил приема в коммуну...

Января 31. Создан I совет по делам коммуны.

Февраля 4. Утверждение правлением «Конституции коммуны».

Февраля 12. Посещение коммуны секретарем ЦК КП(б)У тов. Постышевым.

Апреля 27. Выборы совета командиров II созыва — секретарь Боков. Ваня Боков очень не хотел быть ССК, но общее собрание сильно на него обиделось: как это так, не хочет? Ваня всегда был убежденным металлистом, и «бюрократическая» деятельность вызывала у него презрение.

Мая 1. Первый поход коммунаров на майские торжества со своим окрестром. Оркестр играл два марша. Сейчас Левшаков уверяет, что он не играл, а «рипижил». Это не мешало коммунарам в то время гордиться своим оркестром...

Мая 9. Ваня Боков решительно подал в отставку, тем более что и слесарная мастерская протестовала против слишком сильного оголения слесарного фронта. А слесарная мастерская в это время уже выполняла сдельный заказ: делала ячейки для билетов городской станции железных дорог. Общее собрание уступило просьбе Вани Бокова и на его место выбрало Нину Ледак. О, это был командир! Коммунарским неряхам и лежебокам с этого дня не стало простора в коммуне. Очень строгая была девочка, а на вид всегда веселая, улыбающаяся. Сейчас ни Нины, ни Вани в коммуне нет. Ваня во главе ремонтного цеха фабрики «Динамо», а Нина Ледак заканчивает вуз в Ленинграде.

Мая 11. Правлением дана установка коммуне: воспитать классово сознательного и грамотного пролетария со средней производственной квалификацией.

Мая 21. Коммуну посетили шахтеры Брянских и Первомайских рудников.

Июня 7. Постановление СНК об утверждении — по ходатайству ГПУ УССР — организации детской трудовой коммуны им. Ф. Э. Дзержинского.

Июля 8. Встреча коммуну на Харьковском вокзале Алексея Максимовича Горького. Коммунары выстроились на перроне со знаменем и оркестром и заставили прослезиться Алексея Максимовича.

Июля 9. Посещение коммуны Алексеем Максимовичем Горьким. Для встречи коммунары выстроились с большими интервалами по всей дороге, но не выдержали парадных поз и вслед за машиной просто побежали в коммуну. Алексей Максимович с любовью осмотрел коммуну и сказал ребятам, что он всегда с молодым поколением потому, что оно лучше всех идет вперед.

Июля 31. Коммуну посетила ленинградская пионерская делегация.

Августа 23. Коммуну посетила французская делегация Конгресса Коминтерна.

Сентября 1. Выборы совета командиров III созыва. ССК был избран Вася Дашевский — деревообделочник. Вася был покладистый человек, веселый, и его избрание означало усиление демократических начал. Сам Вася был убежденным демократом. Это обстоятельство уже по истечении его полномочий ССК толкнуло его на печальную историю: в компании с Севой Шмигалевым они залезли в фруктовый сад Григория Ивановича Петровского. Шмигалев остался настороже, но, увидев сторожа, позорно удрал, не выполнив своего задания, а Вася попался и был отведен в милицию. Вася испытал большие неприятности и на общем собрании, и, в особенности, в педсовете. Но... все прошло. Сейчас Вася работает на одном из заводов Харькова, бывает в коммуне и с улыбкой вспоминает о приключениях 1928 г.

Сентября 1—15. Прием в коммуну с улицы и из детских домов 50 новых коммунаров, из них 20 девочек. В коммуне стало гораздо теснее и веселее. Заметно прибавилось девочек, пришли самые основные «девчачьи» кадры — Харланова, Сторчакова, Вехова.

Октября 1. Посещение коммуны эстонской рабочей делегацией.

1929 г.

Января 1. Комсомольская ячейка достигла 32 человек. Она уже развернула школу в подшефном хуторе Шишковка и начала руководить работой внутри коммуны. Секретарем избран коммунар Менде. Теперь он киномеханик на юге Украины.

Января 23. Коммуну посетила делегация бакинских рабочих.

Февраля 1. Выборы совета командиров IV созыва. ССК — Теренин. Это было время упадка коммунарского самоуправления и общего тона жизни коммунарского коллектива. Производство коммуны — деревообделочная, слесарная и швейная мастерские топтались на месте. Делали какие-то шкафы, делали вручную; они выходили дорого и давали убыток. Слесарная мастерская просто не знала что делать. Были тиски, фрезерный и револьверный станки. Коммунарский коллектив начинал уже скучать. Совет командиров Теренина был вялым и тащился в

хвосте. Коммунарская энергия пошла больше на всякие игры, начали случаться кражи.

Мая 5. Выборы совета командиров V созыва. ССК — Таликов Петро. Таликов сразу повернул дело по-новому, да и совет командиров был с ним энергичный. На горизонте — путешествие в Москву, и это сразу подняло дух коммунаров. Зав. производством — Колеса, так неудачно, и часто не по своей вине, производящий шкафики и туалетные столики. На его место никого не прислали, но у нас был заказ на театральную мебель для нового клуба строителей в Харькове. Эту мебель — тысячу с лишним мест — мы делали напряженно и страстно. В мастерской деревообделочной работали все: столяры, слесари, девочки и педагоги, работали по 8 часов в день, заказ подвигался к победоносному концу.

Июля 13. Приветствие коммуны слетом пионеров в Харькове. Это был прекрасный вечер. Было уже чем похвалиться перед пионерами.

Июля 16. Заказ строителей сдан благополучно. Коммунары получили наличными несколько тысяч рублей. Рассчитались с главными долгами, и у нас осталось чистых 4 тысячи рублей. Это — на московский поход.

Июля 17. Отпуск. Коммуна отбыла в Москву.

Июля 20. И вот коммунары в Москве. У каждого есть карманные деньги, не больше, однако. 5 рублей, но с непривычки это огромная сумма. Прежде всего посетили Мавзолей Ленина. Притихли под сводами Мавзолея. Этого момента давно с напряжением ждали.

Июля 28. Посещение коммунарами детской коммуны в Болшеве. Перед этим где только коммунары не были! Излазили всю Москву, успели даже на лодках покататься по Москве-реке, а в Болшеве их поразило настоящее производство, настоящее промышленное богатство. Болшево — это старший брат: ребята там старшие, и дело у них серьезней. У них множество машин, строится новая пятиэтажная фабрика. При виде этой благодати притихли коммунары и... позавидовали. С того дня начали наши коммунары мечтать о заводе, но как до него было далеко!

Июля 30. Возвращение коммуны в Харьков.

Августа 9. Коммуну посетила китайская пионерская делегация.

Августа 14. Посещение коммуны американской пионерской делегацией.

Августа 25. Посещение коммуны делегацией жен рабочих Краснозаводского района Харькова.

Августа 30. Выборы совета командиров VI созыва. ССК переизбран Петро Таликов. Петро был хороший руководитель нашего самоуправления, бодрый, напористый и разумный. Но дни для коммуны настали трудные — новый зав. производством Кропачев был человек ленивый, он продолжал производство клубной мебели, но все у него валилось из рук; как ни старались коммунары, а все убытки и убытки. Материала нет, мастеров хороших нет, договоры невыгодные, а спросить не с кого.

Сентября 1. Кризис в комсомольской ячейке. Менде был бездеятельным секретарем, и работа ячейки замерла. Секретарем избран в составе нового бюро Сергей Фролов. Это был очень добросовестный человек, но малоактивный и без инициативы. Комсомольские дела все же скоро пошли лучше, благодаря назначению политруководителем коммуны тов. Барбарова.

Сентября 1. Открытие в коммуне вместо трудовой школы кустпромшколы. Это была пробная затея. Она не принесла хороших результатов и свидетельствовала только о нашей растерянности. Выходило так: производство кустарное, пусть же и школа будет кустарная. Заниматься начали все же с завидным рвением — всякое знание полезно.

Ноября 17. Выборы совета командиров VII созыва. ССК — Митя Онисимов, улыбающийся, добросовестный и всегда оптимистически настроенный. Митя и его командиры не могли улучшить положения коммуны. Комсомольская организация проявила в это время замечательную энергию, но нас заедала «кропачевщина». Кропачева крыли на каждом общем собрании, крыло бюро, а он твердил только одно: подождите, все будет прекрасно.

Ноября 23. Утверждение состава правления II созыва.

Декабря 24. Организация в коммуне пошивочного цеха и расширение деревообделочного цеха.

1930 г.

Февраля 1. Выборы совета командиров VIII созыва. ССК — Разумовский Николай Павлович. Николай Павлович большой аккуратист, и его правление привело коммуну в идеальный порядок с точки зрения чистоты. Но бедны мы были тогда, как мыши. Убытков становилось все больше и больше, сплошь и рядом в коммуне нельзя было достать рубля. Это было время нашей бедности.

Февраля 15. Перевыборы бюро комсомольской ячейки. Секретарем бюро избран Алексеенко. Это был второй неудачный выбор. Алексеенко недостаточно освободился от следов

улицы — был развязен и демагог. Очень скоро это обнаружилось. Алексеенко не перенес падения своего авторитета и просил об увольнении; он устроился работать на заводе в Николаеве. Через год он приехал навестить коммуну. Коммуна дала ему квалификацию, а настоящей культуры рабочего он, конечно, не получил. А между тем в это время от комсомола требовалась большая работа.

Марта 12. Выборы секретаря ячейки ЛКСМ коммунарки Сторчаковой. В это время комсомольцами было уже 70 коммунаров. Сторчакова дала работе комсомола более серьезное направление. Этому соответствовали и ставшие перед комсомолом задачи — появление в коммуне настоящих производственных установок. Главным видом работы комсомола в это время сделалось управление коммуной в момент очень трудного операционного поворота. Комсомол с этим делом справился во всех отношениях блестяще.

Марта 13. Коммуна приобрела 3 стареньких токарных станка, старенький литейный барабан. Начали делать кроватные углы и масленки, делали стандартную мебель, тысячами шили трусики — это во всяком случае было производство.

Апреля 10. Введение зарплаты для коммунаров. Это была большая реформа. Усилилась ответственность коммунара, усилилась производительность.

Апреля 10. Выборы совета командиров IX созыва. ССК — Вася Камардинов. Командиры IX созыва сразу начали борьбу с неполадками на производстве (за лучшее качество, за своевременное выполнение заказов и т. д.).

Июня 1. Переход коммуны на полную самокупаемость. В коммуне сразу появился капитал — необходимое следствие производительного труда.

Июня 1. Начало постройки сборного цеха деревообделочной мастерской. Он был выстроен из всякой чепухи — дикта, обрезок, тряпок и земли, но имел колоссальные размеры. Коммунары в шутку называли его «стадионом». В связи с этим цехом много драм было в коммуне. Но этот цех все же дал возможность выпускать массовую продукцию. Коммуна стала выбрасывать на рынок тысячи столов, стульев, чертежных столов и пр. Ежедневный выпуск продукции достиг суммы в 3 тысячи рублей.

Июля 6. Выборы совета командиров X созыва. ССК — Харланова. Это был серьезный совет командиров. Он продолжал политику Камардинова, но борьба шла уже за лучшее будущее. На горизонте появился будущий завод — еще неизвестно какой, но не кустарный. Ближайшая перспектива украсилась крымским походом. Средства для этого у коммунаров уже были.

Июля 12. Посещение коммуны чехословацкой рабочей делегацией.

Июля 29. Выезд коммунаров в крымский поход. Отправились тремя эшелонами.

Июля 30. Коммунары прибыли в Севастополь. Последний эшелон прибыл в Севастополь в 2 часа ночи; ночевать коммунарам было негде, поэтому построились и двинулись в ночной поход. В 7 верстах от города остановились в горах и заночевали.

Августа 1. Прибытие коммунаров в Байдары. Смычка с байдарским комсомолом.

Августа 2. Знаменитый переход коммунаров через Чертову лестницу и 40-верстный марш в Симеиз. В Симеиз пришли в 10 часов вечера и разбудили публику громом своего оркестра. Ночевали в рабочем клубе.

Августа 3. Прибытие коммуны в Ялту. Остановились в лагере на самом берегу моря.

Августа 31. Возвратились в Харьков, отдохнули, покупались, поправились и с новой энергией набросились на новую работу. Главным событием в коммуне в это время было открытие собственного рабфака.

Сентября 9. Перевыборы бюро комсомола. Секретарь ячейки ЛКСМ — Акимов. Акимов был хороший производственник и ударник. Производственный рост коммуны правильно выдвинул его во главу комсомола. Комсомол принял самое деятельное участие в производстве. Нужно отметить вообще большое оживление комсомольской работы в это время — по связи с селом и городом, по работе рабфака и политехучебе. Именно в это время комсомол в коммуне стал действительным руководителем коллектива.

Сентября 15. Торжественное открытие рабфака при коммуне. Это был чрезвычайно важный шаг вперед. Открытие рабфака машиностроительного института сообщало коммуне характер серьезного, политехнически гармонированного учебно-производственного комбината и открывало большие перспективы в поисках нового, более совершенного производства.

Сентября 25. Посещение коммуны пограничниками.

Октября 15. Начало постройки дороги к Белгородскому шоссе. Сейчас мы не замечаем этого блага, а тогда коммуна много страдала от отсутствия дороги. При малейшем дожде, особенно осенью и весной, добраться до коммуны было невозможно. От этого в особенности страдало производство, нельзя было доставить материалы, нельзя было просто поехать в город. Шоссе строилось при большом участии коммунаров.

Октября 16. Упразднение в коммуне должностей воспитателей. Коммунары уже настолько выросли и настолько выросло их самоуправление, что они уже могли в дальнейшем сами вести коммуну.

Октября 17. Выборы совета командиров XI созыва. ССК — Дорошенко. Это был совет командиров, состоящий из интеллигентов. Полукустарное производство перестало удовлетворять коммунаров, они на нем добросовестно работали, но увлекались рабфаком. Школа и образование стали наиболее притягательным приложением их энергии.

Декабря 3. Посещение коммуны красными фронтовиками Германии.

1931 г.

Февраля 7. Выборы совета командиров XII созыва. ССК — Никитин. Началась эпоха реализации давней мечты о новом заводе. В коммуне появилась группа инженеров — началась напряженная работа мысли: какой нам нужен завод? Скоро мы решили, что будем строить завод электроинструментов. На многих заседаниях правления и совета командиров обсуждались детали этого завода, материальные возможности и возможности рабочие.

Март 13. Утверждение проекта строительства нового завода, общежития, клуба и гаража.

Марта 22. Посещение коммуны делегацией рабочих — ударников харьковских предприятий.

Апреля 20. Организация комсомольских цеховых ячеек в коммуне.

Мая 1. Посещение коммуны коллективом ГПУ УССР.

Мая 10. Создание в коммуне парторганизации, основана партгруппа. Первым руководителем стал Барбаров.

Мая 13. Торжественная закладка корпуса новых спален и завода электроинструментов. Коммунары выстроились со знаменем и оркестром, и Ленка Алексюк, самый молодой коммунар, заложил первый камень.

Июля 14. Начало кавказского похода. Кавказский поход давно значился в плане — еще осенью прошлого года. Сейчас нужно было выезжать поневоле. Все корпуса коммуны были разорены — началась перестройка и приспособление коммуны для нового большого коллектива на 300 коммунаров. Коммунары после прощального вечера в ГПУ отправились ночью на вокзал и выехали утром на юг.

Июля 16. Прибытие коммуны во Владикавказ. Кавказ нас встретил проливным дождем. Нельзя было организовать обоз, нельзя было просто выйти из вагона. Только на другой день, 17 июля выступили в поход по Военно-Грузинской дороге, сопровождаемые обозом из 6 парных арб. На 8-м километре вышли из [зоны] дождя и весело зашагали по направлению к Тифлису. Ночевали в тесной школе, в Ларсе.

Июля 19. Уже подходили к станции Казбек, в 50 километрах от города, как вдруг обнаружилось, что дорога вконец разбита Терекон и переправиться через разлив невозможно. Общее собрание у замка Тамары небольшим большинством постановило направиться в Тифлис через Баку. Отошли к деревне Чми, в 25 километрах от города, и остановились на ночевку, а во Владикавказ послали разведку позаботиться о поезде.

Июля 21. Только на другой день нам обещали вагоны, но обещания не выполнили, и колонне коммунаров со всеми вещами и провизией, заготовленной на всю дорогу до Тифлиса, пришлось садиться в переполненный поезд. Этот яркий эпизод известен в истории коммуны под названием «Посадка в Беслане».

Июля 21. Утверждение нового состава правления. Утверждение проекта реорганизации производства. Утверждение нового набора в коммуну в 150 человек.

Июля 23—25. Коммунары в Баку. На промысле Биби-Эйбат коммунары хорошо познакомились с нефтяниками и их делом. Салютовали знамени Биби-Эйбата, подаренному Харьковским горсоветом. Вечером были в рабочем парке, где провели смычку с рабочими.

Июля 26—28. Тифлис. Древности Тифлиса, музеи, вечера в клубе ГПУ.

Июля 29. Коммунары в Батуми. Здесь нас особенно ласково приняли, организовали катание на озере. Ночь просидели на пристани, а утром были уже на борту «Абхазии», чтобы плыть в Сочи.

Июля 31. Прибытие коммунаров в Сочи; разбит лагерь; целый месяц коммунары купались, отдыхали, встречались с обитателями домов отдыха и санаториев, «ловили» медведей, лазили по горам и с горячим интересом читали письма из коммуны, в которых описывались дела строительные. Эти дела определенно затягивались, и коммунары уже начинали нервничать. Выходило так, что возвращаться в коммуну некуда.

Сентября 1. Месяц в Сочи кончился. Решили поехать в Одессу, пожить там недельку и познакомиться с этим городом. Ночью погрузились на теплоход и 3 сентября были уже в

Одессе. Пребывание в Одессе было испорчено плохой столовой, а самое главное — плохими вестями из коммуны. Наконец коммунары заявили, что они все равно едут домой, чтобы скорей помочь окончанию строительства.

Сентября 17. Возвращение коммуны в Харьков. Спать негде, есть негде, учиться негде; расположились прямо на полу в столовой.

Сентября 17. Утверждение проекта строительства дома ИТР коммуны. Установлен срок выпуска первой электросверлилки на 1 апреля 1932 г.

Сентября 18. Объявлен первый коммунарский штурм окончания строительства... Штурмовые колонны коммунаров бросились на непривычную работу: бетонирование, подноска кирпичей, разборка лесов, планирование площадок, устройство цветников. Конец работы был назначен на 7 ноября, но в успехе многие сомневались.

Сентября 22. Выборы совета командиров XIII созыва. ССК — Швед. Это был самый энергичный, самый боевой и самый победоносный совет. Очень трудная работа по строительству была еще более отягчена приемом новеньких, которых нужно было приготовить для работы на заводе.

Сентября 30. Посылка вербовочных комиссий по Украине для набора новеньких.

Октября 1—19. Прием в коммуну первой полусотни новых коммунаров.

Ноября 7. На торжественном заседании коммуна рапортует об успешном окончании строительства завода и спален и монтаже станков.

Ноября 13. Массовый набор... беспризорных с вокзала. Взвод беспризорных стал в строй коммунаров и маршем был приведен в коммуну. Здесь было совершено торжественное сожжение их одеяний, и они вступили в коммунарский коллектив.

Ноября 27. Посещение коммуны председателем ВЦСПС тов. Шверником и народным комиссаром труда СССР тов. Цихоном.

1932 г.

Января 7. Торжественный пуск Г. И. Петровским первого в союзе завода электросверлилок коммуны им. Дзержинского.

Января 11. Выпущена первая электросверлилка.

Января 18. Объявлен второй коммунарский штурм по случаю неудовлетворительного выпуска продукции.

Января 20. Число коммунаров достигло 300 человек.

Февраля 2. Утверждение годовой программы выпуска 7 тысяч штук электросверлилок.

Февраля 21. Посещение коммуны делегацией писателей, литераторов и поэтов Москвы и Ленинграда.

Мая 10. Выборы совета командиров XIV созыва. ССК — Землянский.

Мая 28. В первый раз заводом выпущено 50 электросверлилок в день.

Мая 29. Новый подбор на вокзале [беспризорных, принято] 30 новых воспитанников.

Июня 2. Начало проектирования производства фотоаппарата типа «Лейка» (ФЭД).

Июня 21. Введение в учебный план коммуны военизации коммуны.

Июня 21. Постановление правления о начале проектирования электрошлифовалки и более мощной электросверлилки типа «Блек и Деккер».

Организация специального экспериментального бюро по разработке пленочного фотоаппарата типа «лейка». Перевод завода на хозрасчет.

Утверждение строительства бани-прачечной, водопровода и канализации.

Июля 6. Постановление о переходе цехов на хозрасчет.

Июля 16. Начало третьего коммунарского штурма за 1 тысячу сверлилок в июле.

Июля 30. Выпуск в июле 1002 сверлилок.

Июля 31. Выезд коммунаров в отпуск в Бердянск.

Августа 31. Возвращение коммунаров из Бердянска.

Сентября 8. Перевыборы бюро комсомольского коллектива. Секретарем избран Швед.

Коммуна имела уже три цеховые ячейки, и общее число комсомольцев достигло 180 человек. Комсомольская организация уже имеет опыт большой производственной и организационной работы.

Сентября 15. Пять коммунаров поступили в военно-инженерные институты и 13 — в Харьковский машиностроительный институт.

Сентября 20. Выборы совета командиров XV созыва. ССК — Волченко. Этому созыву выпала честь праздновать 15-летие Октября и 5-летие коммуны. У коммуны снова большие планы впереди.

Октября 26. Выпуск первых трех фотоаппаратов.

Октября 31. Экспертизой профессоров и специалистов по фотоаппарату «ФЭД признан хорошим, не уступающим заграничному образцу, с некоторым преимуществом в оптической части» (исследование ГОИ).

Ноября 9. Начало постройки жилого дома для инженерного и рабочего коллектива завода фотоаппаратуры.

Ноября 9. Организовано управление строительством завода фотоаппаратуры ФЭД при коммуне.

Ноября 14. Начало изготовления технического проекта завода пленочного аппарата типа ФЭД производительностью 30 тысяч аппаратов в год.

Ноября 16. Утверждение новой схемы управления электроинструментального завода. Тогда же организация оргбюро по постройке завода пленочной фотоаппаратуры.

Ноября 27. Утверждение контрольных цифр промфинплана на 1933 г.: электросверлилок ФД-1 — 7000 штук, электрошлифовалок ФД-2 — 1500, электросверлилок ФД-3 — 1000, штативов ФД-1 — 1750, штативов ФД-3 — 250.

Декабря 13. Организация в коммуне ИТС.

Декабря 26. Закончена годовая производственная программа.

Декабря 28. Выпуск в СССР первой серии пленочных фотоаппаратов типа ФЭД.

Декабря 29. Пятилетие коммуны.

* * *

За время существования трудкоммуны им. Ф. Э. Дзержинского ее посетили 214 делегаций: СССР — 87, Германия — 37, Франция — 16, Англия — 17, Южная Америка (Перу, Чили, Мексика, Аргентина, Бразилия, Уругвай, Парагвай) — 11, США — 8, Испания — 7, Чехословакия — 4, Бельгия — 3, Польша — 3, Галиция — 2, Швеция — 2, Дания — 2, Швейцария — 2, Венгрия — 1, Китай — 1, Индокитай — 1, Голландия — 1, Норвегия — 1, Австралия — 1, Филиппины — 1, Египет — 1, Эстония — 1, эсперантистов — 4.

Материалы очерка о коммуне им. Ф. Э. Дзержинского

Украшенные будни

Харьков. Из Харькова бежит шоссе на Белгород. Впереди по шоссе обычный для нашего времени вид: целый новый город, к нему же суетливо спешают трамвайные вагончики, а справа и слева — молодой дубняк. Здесь хорошо: и ново все, и строимся, и воздух не харьковский.

Вдруг справа у вас арка, почти триумфальная, — два обелиска, наивно скрывающих под серой краской сосновый материал, а на обелисках повешена сетчатая вывеска: «Трудовая коммуна им. Дзержинского»; дело сразу становится понятным: арку строили коммунары.

Коммунары-дзержинцы? Они способны построить именно такую арку, очень скромную, веселую и в то же время почти триумфальную.

Коммунаров-дзержинцев знают не только в Харькове, народ это подвижной и склонный к путешествию. Это может и не все знают, но зато каждый видел этих стройных мальчиков и девочек, марширующих по шести в ряд за своим великолепным оркестром с полным стариком дирижером впереди. 1 Мая и 7 Ноября они всегда открывают марш рабочих организаций и, проходя мимо трибуны, по-детски грациозно подбрасывают вверх руки, салютуя правительству.

А это въезд в их владения. Арка открывает дорогу, проложенную в лесу, дорогу правильную, вымощенную, снабженную телефонными столбами и электрическим освещением.

Через лес [идти] недолго. За лесом — поле, а в конце его виден целый

ряд серых корпусов, отдельным новым миром стоящих впереди темного леса. Два красных флага реют над ними. Скоро рядом с вами начинается мелькать узорчатая ограда, корпуса все ближе и ближе, и ваша машина останавливается у кирпичных ворот.

Широкий асфальтовый тротуар ведет к дому, справа и слева от вас протянулись в стороны широкие обильные цветники и дорожки.

Здесь и живут коммунары-дзержинцы.

В дверях вы обязательно столкнетесь с подтянутым ловким мальчиком, который машинально уступит вам дорогу и немедленно забудет о вашем существовании, улетаая куда-то по своим важным коммунарским делам.

В вестибюле часовой с винтовкой только в том случае обратит на вас внимание, если вы не сняли галош. Если же вы человек культурный, не бойтесь часового, и можете даже осведомиться у него, к кому обратиться, чтобы посмотреть коммуну. Он вас направит к начальнику коммуны, или к его помощнику, или к дежурному командиру, или просто передаст на руки первому свободному коммунару. Вы теперь обеспечены любезным чичероне, вас проведут по всем помещениям коммуны, покажут клубы, спальни, завод, школьные кабинеты и ответят на все ваши вопросы, даже самые ехидные и недоверчивые.

Если вы попали в рабочее время, вы почти не увидите коммунаров в коридорах или в спальнях. Только случайно вас может догнать звонок на перемену — и мимо вас прольются из классов мальчишеский гомон, девичий смех, [звуки] резиновых мячиков малышей. Зато на заводе вы попадете в среду, щедро наполненную шумом, работой, движением, производственным материалом, запахом серьезного большого завода и самое главное — коммунарами.

И на заводе, и в спальнях, и в клубах, и в столовой вас обязательно поразит какая-то совершенно исключительная опрятность и нарядность этого особого мира — мира до конца социалистического. Все здесь блестит и радуется: безукоризненный паркет, зеркала, блестящие никелем и чистой станки, правильно сложенные детали и полуфабрикаты, портреты, гардины и цветы, солнечные пятна на каждой стене, сверкающие улыбки молодежи, снова цветы и снова улыбки. Цветов много: в столовой, в спальнях, в клубах; много и радости, но все это каким-то чудесным образом не кажется вам праздником. Нет, это будни, это вы чувствуете на каждом шагу, так много здесь делового движения, так мало здесь торчащего излишества, так все по-деловому прилажено и скромно. Да, это совершенно новый мир, здесь новая радость, и даже цветы кажутся новыми. И это мир рабочий.

Вам непременно захочется проникнуть в самое существо этого мира. Что это за коммунары-дзержинцы?

Идиллия или социализм?

Вам захочется проникнуть в самое существо этого мира. Вас к тому же немного смущает внешняя идилличность коммуны, и вы не можете связать ее с другими вашими впечатлениями: с серьезной заводской работой, с уверенным и четким ритмом коммунарской жизни. Поэтому и самый завод, и ритм, и настоящий рабфак вам иногда начинают казаться тоже идиллией.

Потом вы начинаете догадываться, что идилличны не коммунары, а вы сами. Они вас растрогали и удивили, а пока вы стоите и умиляетесь, они разбежались куда-то по своим делам и забыли о вас — им некогда. Вы начинаете соображать, что они счастливы тем счастьем, за которое и вы, может быть, боролись и истратили не один метр ваших нервов.

И тогда ваша мысль поневоле направляется к источнику этого прекрасного дела: кто это придумал, кто это так разумно, с такой любовью к детям, с таким уверенным знанием создал это детское счастье, кто это смог не испугаться идиллии, советской идиллии, о которой и вы мечтали и которая, как потом оказалось, называется социализмом? Счастье здесь не от папашиного капитала, не от жизни беззаботной, не от паразитического обжорства, не в слое разведенного жирка, покрывающего мускулы, а счастье в рабочем усилии, в ощущении самих мускулов, в просторной дороге вперед, по которой идут миллионы трудящихся, в этом слиянии с мировым делом. Счастье в том, что уже не может быть стыдно от паркета, цветов и зеркал, счастье в настоящей человеческой свободе.

И вы начинаете понимать, что это и ваше дело, что это дело нашей революции, что фундаменты его заложены на неизмеримых полях великих и победных классовых битв. А чекисты были последовательны и логичны: увековечить память Дзержинского после его смерти они решили этим уголком социализма, тем более что социализм — это не остановка, это тоже движение, и движение вперед.

Коммуна открыта 29 декабря 1927 г. Чекисты Украины вовсе не были так богаты, чтобы строить дорогой завод, большие корпуса. Все дело в том, что чекисты обладали очень небольшими средствами, собранными путем вычетов из их жалованья. Они вложили в дело другой капитал: силы своего коллектива, свою мысль, свое преклонение перед памятью Дзержинского, они реализовали новые представления о человеке, позволяющие беспризорного поставить в первые ряды общества, в первые ряды не только по характеру прав, но и по характеру обязанностей, по требованию к человеку.

Коммуна 1927 г. была совсем маленьким детским коллективом — всего на 50 человек, он владел только одним домом, небольшой мастерской полукустарного типа, в которой даже эти 50 поместиться не могли. Дети эти не умели работать и не знали, что они должны делать, они были малограмотны и малокультурны: «цветы» интервенции и войны, беспризорные.

Но чекистский коллектив в эту небольшую ячейку вложил большие запасы энергии, большевистской настойчивости и возможности далекого развития, вложил в форме крупной человеческой заботы и мысли о детях. Коммунары пришли в светлые солнечные комнаты, в уют и тепло, им были сказаны настоящие человеческие слова о работе и жизни, и полдюжину станков и две классные комнаты были поставлены перед ними как отправная точка будущей их работы.

Было это небольшое хозяйство до конца продумано, прилажено, строго проверено до последней мелочи, и в него была уже с первого дня вложена идея того же счастья, о которой мы говорили выше.

Сейчас, когда прошло пять лет, когда коммуна живет полной жизнью, коммунары вспоминают имена своих первых начинателей с благодарностью и любовью.

Скажите перед коммунарами эти имена — и коммунарские лица рас-

цветают улыбками, гремят аплодисменты, и после того еще долго не может замереть щебетание детских, девичьих, юношеских голосов, взволнованных родными образами, возникшими перед ними. Тогда в коммуне ярко вспоминаются и первые детские дни, и первые годы, наполненные проблемами и стремлениями, иногда недалекие и от нужды, бороться с которой коммунары были всегда в силах, тем более что нужда тоже возбуждалась стремлением вперед и сознательным отказом от некоторых вещей. Вспоминаются и первые «достижения» — кустарная мебельная фабрика, и арматурный цех, и напряженная борьба за настоящий завод, годами проводившаяся в деревянных худых цехах, среди чахоточных дряхлых станков, борьба с кустарщиной и дешევкой. Вспоминаются и поражения, и победы: поражения учили коммунаров работать, победы вели к новым победам, вели вперед.

Опыт методики работы детской трудовой колонии

(Материалы книги)

1. Предисловие

Содержание настоящей книги я хотел бы ограничить узкометодическим материалом, не производя разведок в область теории воспитания...

К сожалению, мне приходится считаться с разрывом между теорией и практикой воспитания. «Теория» живет отдельно от практики, влияние ее в нашем деле ничтожно, а в последнее время она и сама поняла тщету своего существования и потихоньку замерла в одной из запыленных кладовочек великолепного дворца наук. Воспитательная практика, оказавшись не в силах понять теоретические тексты и привязать их к делу, в лучшем случае опирается на здравый смысл, в худшем — на ходячие старенькие педагогические предрассудки... Методика воспитания не может опереться на педагогическую теорию как на нечто действительно существующее в данный момент и надежное. Поэтому мне придется довольно часто задерживаться на теоретических вопросах, чтобы логика того или другого приема сделалась ясной.

Теоретические рассуждения, не опирающиеся на широко поставленную науку, разумеется, рискуют оказаться дилетантскими, но я надеюсь, что нам поможет общая ясность тех принципов, на которых строится советское общество...

Я должен еще сделать несколько замечаний по существу вопроса.

Человек воспитывается целым обществом. Все события в обществе, его работа, движение вперед, его быт, успехи и неудачи — все это настолько могучие и настолько сложные воспитательные факторы, что адекватно показать их работу можно только в большом специальном исследовании, которое может быть убедительным, только опираясь на большое количество достоверных наблюдений. Это уже не методика, а нечто более широкое.

Детское воспитательное учреждение в современной практике руководит ростом человека на очень ограниченном отрезке времени — три года — пять лет. Его работа ограничена во времени, количественно, но она

ограничена и в глубину, так как детская колония может овладеть только очень небольшим пучком влияний, идущих от всех элементов общества, природы, наследственности. Правда, влияние детской колонии и в этом случае может быть чрезвычайно могучим, так как оно проводится в специально концентрированных формах действия, но это не уничтожает его ограниченности.

Тема еще более суживается благодаря специфической позиции автора. Я не педагогический мыслитель, не специалист-исследователь детской жизни и жизни детского учреждения. Я — фронтовой работник. Я работал в двух детских учреждениях: в колонии для правонарушителей им. М. Горького с 1920 по 1928 г. и в коммуне им. Ф. Э. Дзержинского с 1928 по 1932 г. Оба эти учреждения, каждое в свое время, достигли хороших результатов. Это обстоятельство дало повод многим товарищам понуждать меня к изданию книги о работе в детской колонии. Но я никогда не имел досуга ни записывать свои наблюдения, ни подсчитывать результаты отдельных приемов и влияния отдельных событий в коллективе. Все же передо мной прошло за 12 лет около 2500 молодых людей, и я пережил около 70 тысяч часов рабочего педагогического напряжения. Все это «материал» слишком сырой, но я ни на какую особенную «сухость» и не претендую... Далее я работал почти исключительно с беспризорными...

В итоге я предлагаю читателю чрезвычайно мало, но глубоко убежден, что многое из моего опыта и кое-что из моих соображений нашим работникам пригодится.

2. Вступление

Цели воспитания

Чрезвычайно существенный момент в нашей работе — она должна быть до конца целесообразна. Мы обязаны воспитывать такого человека, который нашему обществу нужен. Иногда эта надобность определяется обществом очень нетерпеливо и требовательно: дайте инженеров, врачей, формовщиков, токарей. Это требует партия, хозяйственники, плановики.

Врачи, инженеры и формовщики требуются не только у нас рабочим классом. На Западе буржуазия предъявляет такие же требования к педагогам. Но кадры, выпускаемые у нас, и кадры для буржуазных стран за пределами своего профессионального единства должны отличаться прямо противоположными личными особенностями. Удастся ли буржуазии воспитывать эти необходимые ей особенности — вопрос посторонний, но наше воспитание должно быть удачным. Здесь мы уже выходим за границы понятия «кадры» в том смысле, в каком это слово часто понимается теперь. Мы уже должны говорить не только о профессиональной подготовке нового поколения, а о воспитании такого типа поведения, таких характеров, таких личных комплексов, которые нужны именно в Советском государстве в эпоху диктатуры пролетариата, в момент нашего перехода к бесклассовому обществу. Цели воспитательной работы могут быть выведены только из общественного требования, из его нужды.

Попытки повозиться с «целями воспитания» у нас, конечно, были.

В начале революции наши педагогические писатели и ораторы, разо-

гнавшись на западноевропейских педагогических трамплинах, прыгали очень высоко и легко «брали» такие идеалы, как «гармоническая личность». Потом они заменили гармоническую личность «человеком-коммунистом», в глубине души успокаивая себя соображением, что это все равно. Иногда они расширяли идеал и [про]возглашали, что мы должны воспитывать «борца, полного инициативы».

С самого начала и проповедникам, и ученикам, и посторонним зрителям было одинаково понятно, что при такой абстрактной постановке вопроса наблюдать достижения подобных целей и таким образом проверить педагогическую работу все равно никому не доведется, а потому и постановка указанных идеалов была делом совершенно безопасным.

Таким же безопасным делом была и дальнейшая работа на педагогическом «турнике»: идеалы эти очень удобно укладывались в какие угодно логические комбинации. Один из авторитетных авторов не так давно без всякого особенного напряжения непосредственно выводил из поставленного идеала педагогическую методику: хулигана нельзя выгнать в коридор из класса, ибо в таком случае из него не выйдет «борец с инициативой», а получится «раб и подхалим»¹.

Нужно удивляться нашему чрезмерному прекраснодушию. Мы читали все это с поразительным спокойствием, выключая и наш опыт, и политическое развитие, и человеческое достоинство, и здравый смысл. Больше того, мы почтительно поражались учености автора, и если на другой день мы все-таки выгоняли хулигана из класса, то делали это с ощущением своей преступности, хотя собственными глазами видели, что ни рабы, ни подхалимы от нашего греха как будто бы не размножались. Очень часто мы убеждались и в том, что оставление хулигана в классе никогда не воспитывало из него «борца с инициативой».

Так сильно действует на впечатлительную душу педагога ловко сделанный трюк с идеалом.

Все же постепенно, по мере того как мы сами развивались в работе и проверяли ее результаты, мы начали сомневаться в ценности предложенных идеалов. Они нам не понравились прежде всего по причине своего чрезмерного совершенства. Это именно идеалы, а нам нужны практические цели, понятные для нас, выполнимые и грамотные, как хорошие чертежи дома в жилищном строительстве: здесь балкон, здесь лестница, кухня.

Потом мы обратили внимание на небольшой «хвостик» индивидуализма, который незаметно торчит у каждого такого автора. Личность, коммунист, борец — все это обязательно в единственном числе. Так и представляется богатый кабинет в богатом доме — уютный, мягкий, затененный. В кабинете личность — сынок хозяйский, а над его душой ученый мастер, который за приличное вознаграждение взялся изготовить из хозяйского сына «гармоническую личность» в полном соответствии с либеральными убеждениями папаши, тем более что «гармоническая личность» очень идет и к хорошему автомобилю, к замечательной яхте, и к богатому дворцу, и к богатой невесте.

А у нас массовое воспитание, воспитание миллионов, кадры для наших исторических пятилеток. О целях нашего воспитания нужно говорить в каких-то других словах, в каких-то цифрах, с совершенно иным пафосом, деловым, скромным, ответственным².

Цели нашей работы должны быть выражены в реальных качествах людей, которые выйдут из наших педагогических рук. Каждый воспитанный нами человек — это продукт нашего педагогического производства. И мы, и общество должны рассматривать наш продукт очень пристально и подробно, до последнего винтика. Как и во всяком другом производстве, у нас возможен выпуск прекрасной продукции, только удовлетворительной, только терпимой, наконец, условного брака, полного брака³. Успех нашей работы зависит от бесчисленного количества обстоятельств: педагогической техники, снабжения, качества материала. Наш основной материал — дети — неизмеримо разнообразен. Спрашивается, сколько процентов этого материала годится для воспитания «человека, полного инициативы», — 90? 50? 10? 0,05. А на что пойдет остальной материал?

Если так подходить к вопросу, становится абсолютно недопустимым заменять точное описание нашего продукта общими возгласами, патетическими восклицаниями и «революционными» фразами.

В подобных целевыражениях так разит идеалом, что практическое их использование делается совершенно невозможным. Абстрактный идеал как цель воспитания неудобен для нас не только потому, что идеал вообще недостижим, но и потому, что в сфере поступка очень запутаны «междуидеальные» отношения. Идеальная вежливость, идеальный хозяйственник, идеальный политик, идеальный коммунист — это чрезвычайно сложные комплексы, так сказать, различных совершенств и определенных предрасположений и отвращений. Попытки воплотить выражение цели воспитания в короткой формуле доказывают только полный отрыв от всякой практики, от всякого дела. И поэтому совершенно естественно, что подобные формулы ничего не создали в живой жизни и в живой нашей работе.

Проектировка личности как продукта воспитания должна производиться на основании заказа общества. Это положение сразу снимает с нашего продукта идеальные хитоны. Нет ничего вечного и абсолютного в наших задачах. Требования общества действительны только для эпохи, величина которой более или менее ограничена. Мы можем быть совершенно уверены в том, что к следующему поколению будут предъявлены несколько измененные требования, причем изменения эти будут вноситься постепенно, по мере роста и совершенствования всей общественной жизни.

Поэтому в нашей проектировке мы всегда должны быть в высшей степени внимательны и обладать хорошим чутьем, в особенности еще и потому, что развитие требований общества может совершаться в области мало-значительных и малых деталей.

И, кроме того, мы всегда должны помнить, каким бы цельным ни представлялся для нас человек при широком обобщении, все же нельзя его считать совершенно однообразным явлением. Люди в известной степени представляют собой очень разноразный материал для воспитания, и выпускаемый нами «продукт» обязательно будет тоже разнообразен. Так, объединяя многие вещества в одном понятии металла, мы не будем стремиться к производству алюминиевых резцов или ртутных подшипников. Было бы невероятным верхоглядством игнорировать человеческое разнообразие и вопрос о задачах воспитания стараться втиснуть в общую для всех словесную строчку.

Наше воспитание должно быть коммунистическим, классовым, и каждый воспитанный нами человек должен быть полезен делу рабочего класса. Это обобщающее положение с необходимостью предполагает именно различные формы его реализации в зависимости от различия [человеческого] материала и разнообразия его использования в обществе. Всякое иное положение есть обезличка, которая, к слову сказать, нигде не свила для себя такого крепкого гнезда, как в педагогике.

Общие и индивидуальные черты личности в отдельных живых явлениях образуют бесконечно запутанные узлы, и поэтому проектировка личности становится делом чрезвычайно трудным и требующим осторожности. Самым опасным моментом еще долго будет страх перед человеческим разнообразием, неумение из разнообразных элементов построить уравновешенное целое. Поэтому у нас всегда будут жить попытки остричь всех одним номером, втиснуть человека в стандартный шаблон, воспитать узкую серию человеческих типов — это кажется более легким делом, чем воспитание дифференцированное. Между прочим, такую ошибку совершали спартанцы и иезуиты в свое время.

Преодоление этой проблемы было бы совершенно невозможно, если бы мы разрешали ее силлогистически: разнообразны люди — разнообразен и метод. Приблизительно так рассуждали педологи, когда создавали отдельные учреждения для «трудных» и отдельные — для нормальных⁴. Да и теперь грешат, когда отдельно воспитывают мальчиков от девочек. Если и дальше развивать эту логику по линиям разветвления личных особенностей (половых, возрастных, социальных, моральных), мы придем все к тому же индивидуалистическому, единственному числу, так ярко бьющему в глаза в ультрапедагогическом слове «ребенок».

Достойной нашей эпохи организационной задачей может быть только создание метода, который, будучи общим и единым, в то же время дает возможность каждой отдельной личности развивать свои способности, сохранять свою индивидуальность, идти вперед по линиям своих склонностей.

Совершенно очевидно, что, приступая к решению такой задачи, мы не имеем уже возможности возиться только с отдельным «ребенком». Перед нами сразу встает коллектив как объект нашего воспитания. И проектировка личности от этого приобретает новые условия для решения. Мы должны выдать в качестве продукта не просто личность, обладающую такими или иными чертами, а члена коллектива, при этом коллектива определенных признаков.

Конечно, я не имею в виду, да и не имею сил произвести такую проектировку. Мне кажется, что эта тема достойна усилий нескольких больших ученых, и в особенности усилий наших наркомпросов, когда для воспитательного корпуса будет приготовлена папка «чертежей» — личных, типовых, коллективных. Но сейчас у нас не только нет разработанных научных проектов личности, но нет и эскизов, самых первоначальных набросков, рабочих чертежей.

А что у нас есть? Есть в литературе, в журналистике, в газете и еще больше есть в живой жизни. В жизни общественные отзывы, осуждения, одобрения, пожелания рассыпаны щедрой рукой. Если бы можно было собрать мнения людей о своих помощниках (соратниках, сотрудниках, на-

чальниках и соседях, друзьях и врагах, близких и далеких) хотя бы одного учреждения, мы получили бы богатейший черновой материал для нашей проектировки.

И как много таких суждений, так легко и естественно вытекают из них первичные итоги, средние представления о типе нужного для общества человека! Конечно, эти представления неодинаковы в различных социальных группах, в различных бытовых, производственных, культурных слоях нашего общества, но мы, воспитатели, должны знать, на что нужно опереться.

Общий средний комплект общественного требования, между прочим, чрезвычайно ясен и общеизвестен. Нам говорят: «Выпускайте здорового, хорошо грамотного, а если можно, то и образованного человека, дисциплинированного, бодрого, обладающего хорошим развитием и инициативой, упорядоченного в гигиене и быте, а самое главное, сознательно участвующего в общей работе коллектива, [рабочего] класса, активного деятеля нашего строительства, в любой момент способного стать в военные ряды для защиты нашего дела в Советской стране от армии буржуазии».

Я глубоко убежден: многие педагоги скажут, что этого мало, настолько мало, что граничит с оппортунизмом, что нужно гораздо больше — гармоническая личность.

А я утверждаю, что если бы мы могли обеспечить массовый выпуск такой «продукции», то это было бы прямо замечательно. И партия, и хозяйственники, и военные в таком случае сказали бы, что это действительно хорошо.

Никаких затруднений в количественной оценке приведенного заказа я не предвижу. Затруднения возникнут тогда, когда начнется толкование на старую тему: что есть истина? Что такое дисциплинированный человек? Что такое сознательное участие, что такое активный деятель? Это все великолепные площадки для теоретических споров.

Но и это не страшно. В конце концов, авторитетный арбитр скажет: «Так держать».

Большие трудности ожидают нас только на практической работе. Здесь на каждом шагу мы встретимся с противоречиями между отдельными деталями и условиями задачи, с одной стороны, и между коллективным и личным принципом — с другой. Эти противоречия очень многочисленны и могучи. Для разрешения их мы не имеем часто не только метода, но и основных принципов. В итоге это проблема коллектива и личности в коллективе. Проектировке личности поэтому необходимо должен предшествовать анализ внутриколлективных и личных явлений.

Не задерживаясь сейчас на этом вопросе, я рассчитываю коснуться отдельных тем такого анализа в соответствующих главах; таким образом, детали нашей проектировки будут выясняться на протяжении всего изложения. Но, кроме того, необходимо еще предварительно пересмотреть наши представления о коллективе.

Остается сказать несколько слов о затруднениях совсем особого порядка — о затруднениях педагогической логики. Ясность поставленной задачи, определенность проектировки личности — только небольшая часть дела. Исходя из данных проектировки или из других оснований, нам нужно прийти к педагогическому средству. Логические пути к нему в на-

стоящее время находятся в печальном положении: они заросли сорняками, забиты непроходимыми нагромождениями каменистых осколков старого мира и старой идеологии. В третьей, и последней, главе я рассчитываю без больших претензий, но искренне подойти к этому тяжелому вопросу.

К о л л е к т и в

Одни говорят: «Коллектив как реальность не существует. Реальна только личность».

Другие говорят: «Индивид как что-то самостоятельное в социальной действительности не существует. Существует только общество».

Третьи рады, что существует весь этот вздор, и пишут о нем целые тома.

И первые, и вторые, и третьи — «ученые люди».

Мы не будем бросаться в волны подобной болтовни. Примем без доказательства, что личность и коллектив существуют. Не подлежит сомнению, что нам приходится иметь дело и с коллективом, и с личностью.

Что такое коллектив? Были попытки считать коллективом «группу взаимодействующих лиц, совокупно реагирующих на те или иные раздражения».

Приходится считаться с тем, что это определение есть, так сказать, последнее слово педолого-педагогической литературы. Приятно, если наш коллектив подойдет под это определение, тем более что коллектив дзержинцев есть как будто в самом деле коллектив: 330 ребят работают вместе, учатся вместе, обедают, играют, спят. Чего больше?

И все-таки коммуна им. Дзержинского не есть коллектив, потому что не удовлетворяет приведенному определению. Во-первых, она не вполне отчетливо выполняет требования взаимодействия. Конечно, можно допустить, что если живут вместе 330 коммунаров, то они как-то взаимодействуют. Но если уточнить этот сложный термин, то получается почему-то неудобно: каждый из коммунаров взаимодействует с 329 товарищами — это пусть будет 329 линий взаимодействия, а во всей коммуне таких линий, следовательно, будет 100 тысяч. Существуют ли все эти 100 тысяч взаимодействий, или только 50 тысяч, или 1 тысяча, имеет ли это какое-нибудь значение или не имеет?

Наш опыт говорит, что число реально существующих в каждый данный момент взаимодействий очень невелико: не более 150—200. Следовательно, каждое взаимодействие неизменно прерывается, а подавляющее большинство возможных взаимодействий все время находится, так сказать, в потенциальном состоянии. Они только возможны, но на деле их нет. И чрезвычайно велико число таких случаев, когда два члена коллектива просто не взаимодействуют, линии их движений не скрещиваются.

Признак взаимодействия делается в известной мере случайным и во всяком случае переменным. Если его считать все же достаточным для определения, то как решается такая задача: «Я прошел несколько кварталов по главной улице города, мне навстречу прошло несколько сот человек. Все мы видели друг друга, слышали шум шагов, иногда друг друга толкнули, извинились, иногда обменялись приветствиями, друг с другом поговорили. Имеем ли мы право сказать, что главная улица города будет коллективом?»

Требуется еще второй признак — «совокупное реагирование на те или иные раздражения». Но такой признак тоже имеется в данном случае. Все эти проходящие по улице люди совокупно реагируют: радуются солнечному дню, сторонятся автомобилей, подчиняются знаку постового милиционера, останавливаются перед интересными витринами, обходят заградительные знаки на тротуаре, вздрагивают при звуке взрыва в автомобильном моторе и т. д.

Одно из двух: либо улица тоже коллектив, либо предлагаемые два признака коллектива случайны, неточны и ничего не определяют. Подравшиеся пьяные не только взаимодействуют, но и совокупно реагируют: удирают от милиционера, отталкивают людей, желающих их примирить, видят одни и те же лица, слышат один и тот же шум. И с другой стороны, в организованной коммуне, несомненно коллективе, случаи действительно совокупного реагирования не так уж часты — коллектив в своем реагировании всегда дифференцирован⁵, этим он и отличается от толпы.

Итак, нам приходится констатировать, что наш реальный коллектив с педагогической литературой не помирился. Пожалуй, он и не мог помириться, ибо эта литература меньше всего интересуется коллективом.

Названное определение коллектива имеет целью систематизировать исключительно логические понятия, связанные с коллективом. В погоне за кажущейся стройностью систематики, за возможностью написать какую-нибудь классификацию авторы почти не замечают живого коллектива и его характернейших признаков. И тот коллектив, который смотрит на нас с книжных страниц, — это что-то в высшей степени невыразительное, расплывчатое и пассивное. Взаимодействие и совокупное реагирование — это что-то даже не человеческое, не социальное, от него на десять верст несет биологией, это стая обезьян или колония полипов, что хотите, но не коллектив людей, не человеческая деятельность.

Эти «достижения», собственно говоря, эта биологическая всеобщность только и позволяют авторам считать коллективом всякое явление среди людей, если это не один человек, а больше:

1. Группа самостоятельно затеявших игру детей.
2. Летучие митинги.
3. Уличные толпы, объединенные каким-либо действием.
4. Компании беспризорных.
5. Собрание верующих, не принадлежащих к организованной религиозной общине.

К коллективам относят и государства, и даже лигу наций. А мы еще рекомендуем прибавить подравшихся пьяных или пассажиров трамвайного вагона.

Если это и систематика, то систематика бесполезная.

Профессор Е. А. Аркин в определении коллектива стоит ближе к действительности, предлагая признаки: «Общность среды и организации и самодеятельность».

Г. Фортунатов подчеркивает «совместное удовлетворение органических или социальных потребностей».

Все эти определения ближе к человеческой природе коллектива. Кроме того, все они сводят коллектив к понятию вида, в то время как определение, приведенное в самом начале, относится к самому широкому родо-

вому явлению. Даже в этом важном вопросе социологической систематики нет договоренности.

Видовые и родовые термины, конечно, условны, но эта условность должна определяться не усмотрением отдельных авторов, а уже существующей человеческой практикой, реальной систематикой. Когда словом «коллектив» именуют и все человечество, и государство, и общество, и компанию беспризорных, это знаменует, собственно говоря, отказ от классификации. Дальнейшие разветвления социальных единств у автора направляются придуманными им самим признаками: самовозникающие и организованные коллективы, временные и длительные, простые и сложные. Это не классификация реально существующих явлений по реальным признакам, а детская игра с двумя-тремя примитивными терминами, не обладающими ни точностью, ни специфической социальностью признаков. Временные, длительные, простые, сложные — все эти термины могут употребляться в любой области знания.

Нам нужно учиться у великих систематиков естествознания прежде всего их эрудиции, во-вторых, их уважению к реальным явлениям. А спекулятивное мышление возможно, разумеется, без эрудиции. Человечество много десятков веков жило, не ожидая, пока ученые-социологи разделят его на группы. Оно уже давно на них разделилось, давно социализировалось, сложилось по совокупностям, которые обладают естественной группировкой и обозначаются определенными установившимися терминами. И что особенно важно: и в природе и в обществе протекают процессы и эволюционные и революционные, систематика социальных группировок развивается и меняется.

Наша научная мысль должна не дедуцировать случайные комбинации общелогических признаков, а фотографировать действительную схему социальных явлений, на полученных снимках различать принципы разделения и объединения, а самое важное — путем сравнения двух разделенных временем фотографий делать заключение о процессах и тенденциях изменения, роста, падения и пр.

Прежде всего рассмотрим момент становления индивида членом какого-либо объединения. Уже в момент рождения человек становится членом семьи, рода, племени, нации, государства. Это происходит без его воли и ведома, причем основанием для такого становления является естественный признак, родство по крови, а по отношению к государству — определенный закон. И в дальнейшем человек продолжает быть членом указанных объединений, членом кровных единств — на основании естественного права и членом государства — на основании права государственного.

В различных формах объединений мы встречаем признаки принудительности, авторитарности, уполномочия, добровольного вхождения личности в ту или иную совокупность.

Обращаясь к исторической ретроспективе, мы видим вымершие формы принудительного объединения людей, крепостничество. Более новым принципом образования социальной совокупности явился принцип мнимой добровольности. Но анализ начала добровольности убеждает в том, что в большинстве случаев эта добровольность меньше всего имеет целью вхождение человека в социальное целое.

Возьмем пример: рабочий поступает на завод к предпринимателю. Им руководит прежде всего стремление к заработку. Социальная совокупность рабочих завода оказалась только необходимым фоном его работы. Ни в какой мере нельзя считать рабочих на капиталистическом предприятии собранием лиц, добровольно объединившихся. Здесь истинным стимулом объединения явился стимул нужды. Нужда толкает человека в определенное социальное единство, каждый член становится им почти случайно, и самое единство организуется волей и распоряжением владельца завода.

Мы могли бы этот принцип назвать принципом социальным по преимуществу, таким он и является, если обособленно рассматривать каждый отдельный случай. В группе купцов, объединившихся в компанию, человеческая личность по отношению к другой личности занимает позицию нормального мирного сотрудничества. Но, поскольку деятельность такой группы по отношению к целому человеческому обществу является деятельностью агрессивной и по существу препятствующей объединению человечества, будет правильнее назвать принцип такого добровольного объединения групповым принципом⁶.

Социальным принципом мы можем признать только такой, который определяет объединение людей, исходя из принципиальной позиции мирового единства трудового человечества, единства, практически выраженного не декларативно, а в самых реальных формах человеческого общения и деятельности. Ясно, что под ножом этого критерия многие добровольные объединения людей не могут считаться построенными по принципу социальному, [принципу] социалистическому.

Для иллюстрации рассмотрим два параллельных случая: артель подрядчика и советскую артель. И в том и в другом случае имеются добровольные объединения людей, связанных общей работой, общими интересами и почти всегда предварительным знакомством друг с другом. Но в первом случае члены артели принципиально признают различие и в положении своем и в положении подрядчика, его право на прибавочную стоимость. Вследствие этого у членов артели образуется ограниченное представление о едином коллективе артели, и слово «коллектив» к такой артели, собственно говоря, и не приложимо.

Советская артель, и в том числе артель сельскохозяйственная, позволяет каждому своему члену видеть единое в другом разрезе. Здесь элементы распоряжения, распределения, пользования на каждом шагу утверждают суверенитет не отдельного лица, а социально целого коллектива. И, что особенно важно, положение этого социального целого признается не случайной формой сотрудничества для всех людей. В пределах нашей страны здесь нет принципиального противопоставления одного социального единства другим. В сущности, такое утверждение есть утверждение бесклассового общества. Мы говорим, что в этом случае социальная совокупность построена по принципу социалистическому.

Я ожидаю решительных возражений против такого тезиса. Воспитанные на биологических и рефлексологических профилях теоретики не так легко расстанутся с индивидом. В руках у них ничего нет, кроме этого индивида, препарированного по последнему слову техники. Поэтому социальное явление они не могут представить себе иначе, как механической сум-

мой индивидов, и определяют социальное единство в функциях личности (взаимодействие и реакция)⁷.

Мы исходим из того положения, что, во-первых, социальная совокупность есть действительно существующая форма жизни человечества, во-вторых, форма — необходимая (это дано в историческом опыте), в-третьих, это совокупность не полипов и не лягушек, а именно людей, т. е. существ мыслящих, поступки которых направляются не простыми реакциями. Человек стремится к улучшению жизни, он реально уверен в том, что это улучшение возможно только в [определенных] социальных условиях.

Поэтому влечение личности к социальному объединению есть не только влечение особи, но и влечение масс, имеющее свою историю и, самое главное, свое историческое развитие. Развитие это протекало диалектически: примитивные формы общения сменялись новыми формами, представляющими шаг вперед в деле организации человеческого общества.

Но только социальное единство, построенное по социалистическому принципу, может быть названо коллективом. По крайней мере, русский язык точно и определенно это отмечает.

Мы говорим и пишем: «Коллектив ХТЗ должен дать стране сто тракторов».

Но мы никогда не употребляем выражение «коллектив заводов Форда».

Мы говорим «коллектив сотрудников ГПУ», но не скажем «коллектив французского министерства внутренних дел».

И если советская семья, построенная на равном участии ее членов в общественном труде и принципиально утверждающая свободу и равенство своих членов, может быть названа коллективом, то ни в коем случае не будет коллективом семья во главе с отцом-самодуром или дворянская семья, допустим, утверждающая даже равенство членов, но по отношению ко всему обществу занимающая потребительскую групповую позицию.

Таким образом, наш язык в определении коллектива безошибочен. Нужно еще отметить в нашем языке тенденцию называть коллективом только контактное единство, отличая коллектив от более широкого понятия союза.

По нашему мнению, коллектив есть контактная совокупность, основанная на социалистическом принципе объединения⁸.

По отношению к отдельной личности коллектив утверждает суверенитет целого коллектива.

Утверждая право отдельной личности добровольно состоять в коллективе, коллектив требует от этой личности, пока она состоит в нем, беспрекословного подчинения, как это вытекает из суверенитета коллектива.

Коллектив возможен только при условии, если он объединяет людей на задачах деятельности, явно полезной для всего советского общества.

Советская система воспитания тем и отличается от всякой иной, что она система социалистическая, и поэтому наша воспитательная организация имеет форму коллектива. Мы рассматриваем нашего воспитанника не как материал для дрессировки, но считаем его членом нашего общества, активным его деятелем, создателем общественных ценностей. Коллектив наших воспитанников есть не только собрание молодежи, это прежде всего ячейка социалистического общества, обладающая всеми особен-

ностями, правами и обязанностями всякого другого коллектива в Советской стране.

Все это сообщает нашей педагогической позиции совершенно особые признаки. Развитие нашей педагогической логики, нашей работы должно отправляться от поставленной обществом задачи, а эта задача выражена уже в самой форме нашей воспитательной организации — в коллективе.

Педагогическая логика

Не может быть вопроса более для нас важного, чем вопрос о логике педагогического средства. Интересно бросить взгляд на историю этого вопроса, тем более что история эта очень коротка.

Нам нечего заглядывать в глубь веков и начинать с Аристотеля. Не только то, что было при Аристотеле, но даже и то, что было при Николае II, можно оставить без рассмотрения. Во всяком случае, никогда еще педагогика эксплуататорского общества не могла похвалиться сколько-нибудь заметным изобретением в области воспитания. Наши предки-педагоги надеялись на одно спасительное обстоятельство: «В жизни хорошего больше, чем плохого, а потому из воспитания всегда что-нибудь да выйдет».

И действительно выходило: выходили и воины, и фабриканты, и рабочие, и крестьяне. Одни были «в меру» своекорыстны, накапливали [добро], богатели, но на улице не хватали людей за горло. Другие были «в меру» послушны, и если иногда и дерзили, то с соблюдением правил демократии. Правда, очень часто происходили и конфузы: честные джентльмены оказывались мошенниками настолько изобретательными, что граница между джентльменом и мошенником начинала казаться чересчур уж эфемерной. Люди религиозные и даже специально для религии предназначенные вдруг оказывались самыми настоящими циниками и низвергателями. Покорные рабы то и дело восставали и обнаруживали настойчивое желание в пух и прах разнести весь «благородный» цивилизаторский мир. Даже самые мирные сельские жители, казалось, идеально вымуштрованные земскими начальниками и церковноприходскими школами, вдруг без всякой застенчивости начинали поджигать дворцы своих «благодетелей», с идеальным хладнокровием игнорируя неизбежно угрожающие им в таком случае загробные застенки. Педагогика господствующего класса, выработанная поколениями воспитателей, оказывалась ни с того, ни с сего ликвидированной.

Слишком хорошо нам известна история таких провалов педагогической теории, и о них можно даже не вспоминать.

Но вот что хорошего сделано у нас после Октябрьской революции?

Много сделано хорошего. Мы имеем и комсомол, и школы, и фабзавучи, и рабфаки.

Но были и провалы⁹. В чем их причины? Кто же в этом виноват?

Во всех неудачах воспитания виноваты, конечно, мы, педагоги, и прежде всего виновата наша педагогическая логика, наша педагогическая теория. В последние дни на нас посмотрели старшие строгим глазом и сказали:

— Ну куда это годится, как вам не стыдно?¹⁰

К сожалению, трудно говорить о воспитательных приемах как о какой-нибудь системе, как о единой разработанной теории. Если вычеркнуть из досужих педагогических разглагольствований все украшающие революционные фразы, термины и призывы, то в полученном остатке мы найдем конгломерат самых разнообразных идеологий, теорий и систем. Больше всего здесь окажется отрывок свободного воспитания¹¹, толстовства, непротивленчества. На втором месте стоят сентенции так называемой социальной школы Дьюи и Наторпа, потом немного соленой воды бременцев¹², наконец, так называемая общественно полезная работа.

Теория ограничилась декларированием принципов и общих положений, а переход к технике был предоставлен творчеству и находчивости каждого отдельного работника. В этом же видели педагогическую мудрость.

То, что «натворили» самодельные творцы-педагоги, и есть практика. В оправдании можно, правда, сказать, что и творить им как следует проектировщики от педагогики тоже не давали. Бывали случаи, когда под руками энергичного человека, смотришь, что-то начинало выходить путное. Но проходит год, другой — все развалилось, и сам энергичный человек исчез, и он уже не педагог, а кооператор. Оказывалось, действовал такой закон: пока дело в детском доме, например, идет плохо — чиновники сидят и скулят с печальной физиономией о том, что дело наше трудное, что нет людей, что нет материальной базы; но как только в каком-нибудь пункте зашевелится настоящая работа — они набрасываются на нее со всей эрудицией, принципами и формулами и по всем правилам доказывают, что дело делается не так, как нужно, что в деле непоправимые провалы, которые должны привести к воспитательной катастрофе.

Нужно обратить внимание читателя особенно на такую форму: это *должно привести* к плохим результатам. За 12 лет своей практики, подвергаясь не раз экзекуции со стороны теории педагогов-олимпийцев, я ни разу не слышал другой формулы: это *обычно приводит* к плохим результатам. Вот это небольшое различие между подчеркнутыми словами наилучшим образом характеризует логику и является истинной первопричиной и теоретической бедности, и практических неудач.

У нас не было педагогической техники прежде всего потому, что и слова «педагогическая техника» никогда не произносились, и самая педагогическая техника не наблюдалась и не исследовалась. И это произошло не потому, что о ней случайно забыли, а потому, что традиционная педагогическая философия вела свою работу по дорогам, необходимо проходящим мимо педагогической техники.

Поэтому, если бы мы хотели подвергнуть критике существующую педагогическую технику, мы не в состоянии это сделать просто за отсутствием объекта... Например, материальная сфера, едва ли не самый могущественный воспитательный фактор, обходилась полным молчанием. Вопросы производства, вопросы хозяйствования коллектива, его отношения к другим коллективам, вопросы сохранения коллективных навыков, все вопросы, требующие детального анализа реальных явлений, разрешались «двумя взмахами пера», разрешались при этом исключительно в порядке установления *должного*.

Постановление о средствах, если оно ограничивается утверждением

должного и если оно игнорирует существующее, необходимо обречено на омертвление.

Суждение о работе детского дома часто происходило по одному рецепту. Проверялась не действительная работа, не ее результаты, а исключительно номенклатура общих рекомендованных средств: производилась ли общественно полезная работа, не употреблялись ли наказания, имеются ли органы самоуправления, есть ли простор для инициативы, имеется ли самокритика. Если все это налицо, значит, дело поставлено хорошо, если чего-либо нет, значит, плохо.

Такой простой способ измерения, с одной стороны, представляет широкий простор для всяческого очковтирательства, с другой стороны, он очень скоро превращается в догматический шаблон, мертвый список, в содержание которого не способна пробиться жизнь.

Методическая догма представляет собой, разумеется, недопустимое условие для дела воспитания. Но, если она выведена из живых, действительных требований жизни, она еще не так опасна.

Педагогическая догма, выведенная из случайных, непроверенных, легкомысленных утверждений, из убеждений, сложившихся в бездеятельной среде русской интеллигенции в эпоху черной реакции в России, эта педагогическая догма основательно осуждена всей нашей историей. Многие педагогические фасыны, которые пробовали натянуть на наше детство и юношество, — фасыны поношенные и сданные в музей.

Возьмем «общественно полезный труд». В этих трех словах, по существу, не содержится ничего порочного, и мы намерены отстаивать общественно полезный труд, но в педагогической литературе он рекомендовался в формах какого-то «хождения в народ», и от него на сто верст действительно несет народничеством. А взгляды на дисциплину, на положение личности в коллективе охотно списывали из Руссо. «Относитесь к детству с благоговением. Бойтесь помешать природе» — под такими словами подписывались многие педагоги-теоретики и деятели нашего соцвоса. На педагогических конференциях случалось слышать разглагольствования о «правах ребенка», а отвлеченные рассуждения о педагогических идеалах, собственно говоря, держались на «Декларации о правах человека и гражданина» с небольшими добавлениями из Толстого и новейшего европейского индивидуализма.

Странным образом с этим уживалось представление о «среде», взятое из популярно изложенного Дарвина и тем не менее крепко въевшееся в интеллигентские мозги. «Среда» понималась как всеильное начало, простое и элементарное, определяющее положение личности до конца, как фон, на котором нарисована бледная, пассивная личность.

Исходя из этого багажа, при помощи самой нехитрой дедукции выводились постановления о должном педагогическом средстве, в то время когда живая детская жизнь беспомощно увязала в сетке обычных противоречий, разрешить которые очень часто можно было при помощи простого здравого смысла.

Какой должна быть логика педагогического процесса?

Прежде всего он должен быть до конца целесообразен, следовательно, невозможно допустить действие каких бы то ни было шаблонов. Нет никаких непогрешимых средств, и нет средств обязательно порочных. В за-

висимости от обстоятельств, времени, особенностей личности и коллектива, от таланта и подготовки исполнителей, от ближайшей цели, от только что исчерпанной конъюнктуры диапазон применения того или иного средства может увеличиваться до степени полной общности или уменьшаться до положения полного отрицания. Нет более диалектической науки, чем педагогика, и поэтому ни в какой другой области показания опыта не имеют такого большого значения.

Эта многоликость педагогического средства, сложная красочность и изменчивость воспитательной картины делают чрезвычайно ответственной позицию педагога-теоретика. Номенклатура педагогического приема в общем едва ли может быть специально дополнена для отдельного воспитательного задания. Свобода выбора и маневрирования в воспитательной сфере должна быть настолько велика, что для воспитания строителя-большевика и убежденного буржуазного деятеля сплошь и рядом может пригодиться один и тот же список приемов, как требуется одинаково кирпич, бетон, железо, дерево и для постройки храма, и для постройки рабочего клуба. Вопрос решается не выбором списка, а сочетанием средств, их расстановкой по отношению друг к другу, их общей гармонизированной направленностью и, самое главное, их естественным классовым содержанием, т. е. тем, что приходит не от педагогики, а от политики, но что с педагогикой должно быть органически связано.

И только там, где начинается это комбинирование, эта расстановка, где определяется общая направленность и классовая связанность, только там есть место для установления педагогического закона. Само собой понятно, что этот закон уже не может принимать форму рекомендации или отрицания отдельного средства, которое вообще представляется аполитичным и, если так можно выразиться, апедагогичным.

Какую же форму может принять педагогический закон?

При настоящем положении науки о человеке и о человечестве он ни в каком случае не может полностью дедуцироваться ни от какого общего положения.

Основанием для советского педагогического закона должна быть индукция цельного опыта. Только цельный опыт, проверенный и в самом его протекании, и в результатах («проверка на сопротивление»), только сравнение цельных комплексов опыта может предоставить нам данные для выбора и решения.

Очень важно при этом, что здесь возможна одна чрезвычайно опасная ошибка. Я имел возможность наблюдать несколько попыток отбора такого цельного опыта и всегда при этом встречал и указанную опасную ошибку. Она заключается в том, что, принимая опыт в целом, участники отбора обязательно стараются внести в него коррективы, т. е. осуждают отдельные частные приемы или вставляют дополнительные, новые, собственного изобретения.

Нечего и говорить, что эти изменения производятся все по тому же методу дедуцированного средства, иначе говоря, производятся без всяких оснований. А между тем это самодурство приводит к печальным результатам. Нарушенная в своей органической цельности система делается больной системой, и пересадка опыта оканчивается неудачей. С такими ошибками трудно бороться, ибо контролеры и реформаторы орудуют

совершенно чужой логикой. Убедить их можно было бы только опытом, но как раз опыт не входит в систему их логики.

Мои утверждения вовсе не значат, что недопустима критика системы и ее исправление. И критика, и исправление возможны, но обязательно в системе индуктивной логики.

Прибавления и купюры в системе могут контролироваться только в работе всей системы на довольно большом отрезке времени; всякие же безответственные пророчества («наказание воспитывает раба») могут быть оставлены без рассмотрения.

Я рекомендую индуктивную логику вовсе не для того, чтобы она применялась в редких случаях, когда такой зуд появится у контролера-охотника. Индуктивная проверка, дополнения, изменения должны быть постоянным явлением в воспитательной системе. Это необходимо и потому, что всякое дело никогда не теряет способности совершенствоваться, и потому, что каждый день приносит и новые условия, и новые оттенки в задаче.

Постоянная работа исправления обычно производится самим коллективом, который, конечно, имеет преимущественное право на авторство в этой области, и к тому же обладает большей утонченностью нервов в привычной области и лучше приспособлен сберегать традиции. Наблюдатель со стороны, хотя бы и официальный, всегда имеет склонность «скашивать на нет», ему нечего терять, и он ни за что не отвечает. Его преимущество заключается только в старороссийском «со стороны виднее». Здоровый коллектив обычно всегда сопротивляется таким реформаторам, тем более что они не оперируют опытной логикой, а безапелляционно заявляют: «Так лучше».

Но и коллективы, и здоровье коллектива бывают разные, и поэтому постороннее вмешательство в постановку цельного опыта вообще возможно, а в некоторых случаях и необходимо.

Отстаивая права цельного опыта, мы ни одной минуты не истратим на отстаивание исключительных прав индукции¹³. Как и во всякой другой области, опыт возникает из дедуктивных положений, и они имеют значение далеко за пределами первого момента опыта, остаются направляющими началами на всем его протяжении.

Дедуктивные положения прежде всего возникают как отражение общей задачи. Если в самой задаче сказано, что мы должны выпустить здорового человека, то на всем протяжении нашего опыта мы будем оперировать измерительными дедукциями из этого требования: мы не будем забывать о форточках и о свежем воздухе, не ожидая опытной проверки.

Вторым основанием для дедукции является положение о коллективе. Наш опыт необходимо будет направляться и положением о суверенитете коллектива, и положением о деятельности коллектива в обществе.

Наконец, третье основание для дедукции составляет накопленный веками социальный и культурный опыт людей, концентрированный в так называемом здравом смысле. К сожалению, эта штука пользуется наименьшим уважением педагогов. Уж на что, кажется, бесспорно признан сарказм Грибоедова «числом поболее, ценою подешевле» и касается он как раз педагогической деятельности, а ведь не так давно в колониях для правонарушителей полагался один воспитатель на каждые десять воспитан-

ников. И платить им было назначено по сорок рублей в месяц¹⁴. В колонии им. М. Горького было четыреста воспитанников. Спрашивается, какие чудеса могли отвратить полный развал колонии при соблюдении этого замечательного условия?

Направленный общими дедуктивными положениями, длительный опыт цельной системы должен сам в себе заключать постоянный анализ. Процессы протекания и углубления опыта, конечно, не могут быть свободными от ошибок. Нужно очень осторожное, сугубо диалектическое отношение к ошибкам, потому что очень часто то, что кажется ошибкой, при более терпеливой проверке оказывается полезным фактором. Но такая проверка требует обязательно педагогической техники, широкого педагогического мастерства, высокой квалификации.

Сохранение ценных опытных очагов, уважение к их находкам могут нашу молодую логику воплотить в строгих формах педагогической техники.

Только так мы создадим школу советского воспитания.

И еще одно: наши педагогические вузы должны решительно перестроить свои программы. Они должны давать хорошо подготовленных, грамотных педагогов-техников.

3. Организационный период¹⁵

Общие соображения об организационном периоде

Успешность протекания воспитательной работы детского коллектива (детского дома, колонии, коммуны; в дальнейшем мы будем употреблять термин «колония» как средний между детским домом и коммуной) во многом зависит от первоначальных вкладов в его организацию, от организационного периода.

На практике длительность организационного периода бывает очень различна. Есть колонии, в которых организационный период никогда не заканчивается. Иногда такое положение признается даже нормальным, иногда рассматривается как последнее слово педагогической техники. Предполагается, что дети в таких случаях вырастут хорошими организаторами. С этим, к сожалению, невозможно согласиться, так как опыт доказывает обратное. Иначе быть и не может, ибо организационный период, хотя и носит такое приятное название, предполагает, что многое еще не готово для выполнения основной задачи воспитательного учреждения.

С другой стороны, нужно признать: как бы хорошо ни было поставлено детское учреждение, по самому существу нашей работы предполагается, что оно может и должно расти и улучшаться, и поэтому детский коллектив всегда должен вести именно организационную работу, он не должен остановиться в развитии, замереть в строгом стационаре.

Вопрос сводится к установлению двух границ. Первая — момент вселения детей в колонию. Что-то должно быть сделано, подготовлено к приходу детей, должен быть обеспечен какой-то организационный минимум. За вычетом этого минимума некоторая часть организационного периода приходится уже на то время, когда дети живут в колонии и принимают участие в организационной работе. Наконец, должен наступить момент, когда и эта

часть организационного периода заканчивается и наступает период нормальной постоянной работы колонии. Это и будет вторая граница.

За этой границей могут и должны быть организационные усилия [педагогов и воспитанников] и работа, направленные к расширению и улучшению колонии. [Эта работа] может принимать грандиозные размеры и совершенно изменять «лицо» колоний, но какие-то признаки должны говорить, что это не организационный период, что это нормальная работа, иначе говоря, что основной необходимый комплекс воспитательных средств обеспечен.

Расположение указанных двух границ в истории колонии должно быть обязательно правильным, в противном случае мы никогда не приходим к успеху, и самое наше развитие, если оно выражается даже в больших материальных цифрах, будет развитием болезненным. Я обращаю внимание читателя на это обстоятельство самым серьезным образом, ибо мне приходилось очень часто, пожалуй даже в большинстве случаев, наблюдать полное нарушение предполагаемого мною правила о двух границах и очень печальные последствия этого нарушения. Печальнее всего то, что это нарушение сплошь и рядом производится не в порядке ошибки или недосмотра, а, так сказать, нарочно, в убеждении, что так и нужно делать, что такой именно способ полезен.

Именно поэтому я хочу подробнее остановиться на анализе этих ошибок и на выяснении наиболее удобных мест, по которым должны проходить обе границы. Для удобства изложения назовем отрезки времени от момента зарождения колонии до первой границы периодом А, а отрезок между первой и второй границей — периодом Б и период нормальной работы — периодом В.

Ошибочное определение границ и ошибочное содержание самих периодов принимают в таком случае следующие формы:

- 1) период А очень короток
- 2) период А очень велик
- 3) период Б очень короток
- 4) период Б очень велик.

Во всех случаях страдающим является третий период В, период нормальной работы, хотя, разумеется, и протекание других периодов делается неправильным и, следовательно, вредным.

1. Период А очень короток.

Это наиболее часто встречающийся случай. Характеризуется он тем, что к приему детей не готовы ни здания, ни оборудование, и детям поэтому приходится переживать все трудности организационного периода.

На протяжении периода А должны быть обеспечены такие условия, чтобы жизнь детей не сделать чересчур тягостной, неудобной, чтобы от них не потребовались усилия, на которые они не способны или которые связаны с безразличным воспитательным эффектом. Установить точно, что именно должно быть сделано в течение периода А, не представляет особенно трудной задачи. Если бы организаторы-педагоги во время организационного периода задавались скромными практическими целями, они эту задачу решали бы, вероятно, всегда правильно. К сожалению, в большинстве случаев задача усложняется такими педагогическими «взлетами», что от практического здравого смысла остаются жалкие клочки.

Мне посчастливилось близко наблюдать организационный период двух детских учреждений. В первом — коммуне — в течение периода А был сделан максимум. Были выстроены прекрасные здания, все комнаты до конца оборудованы и даже украшены. В спальнях не только поставлены кровати, но и положены на них матрасы, простыни, одеяла, пододеяльники, подушки. На стенах в спальнях и других комнатах повешены портреты, зеркала и лозунги, в «тихом» клубе оборудованы уголки. Такая же картина и в столовой, и на кухне, и в кладовых. Все запасено, положено на место, приспособлено до конца. В один прекрасный день с утра затопили на кухне, приступил к работе персонал, тоже подобранный и проверенный и даже одетый в новые спецкостюмы. Новый с иголки кладовщик еще вчера вечером отправил в какую-то «дружественную страну» шестьдесят комплектов белья, костюмов, поясов, обуви, фуражек. В ту же «страну» отправился парикмахер, врач и другие представители гигиены.

И вот к обеду, точно в назначенное время, прибыли хозяева нового дома, вошли в теплый, уютный и украшенный дворец, без крика и хулиганства рассыпались по спальням и клубам, но уже через полчаса их трубач что-то заиграл, и, повинуясь его приказу, хозяева собрались в столовую и пообедали. А после обеда тот же трубач что-то такое наладил в их толпе, и она уже не толпа, а организация, состоящая из шести отрядов с командирами во главе. Все это было выражено в движениях ладных и, очевидно, привычных и простых.

Оказывается, что не только спальни и уголки были организованы до мелочей, но и колонисты пришли уже организованными, они были взяты не с улицы, а из другой колонии, принесли с собой навыки и привычные формы. Общая организованность казалась настолько совершенной, что уже излишним были небольшие таблички на стенах с надписями «Соблюдайте чистоту», «Не плюйте на пол».

Уже по самому описанию моему должно догадаться, что в организации этой коммуны было все до конца подготовлено, продумано и объединено какими-то общими идеями.

Во всяком случае, среди этих идей хорошо «прощупываются» такие:

1. Колония должна быть организована до конца и сдана детям в совершенно готовом виде.
2. Она должна быть организована по возможности комфортабельно, уютно и даже красиво.
3. Первые коммунары должны быть так подобраны, чтобы наименьшим был риск разорения, расхищения, порчи всего собранного добра.

В выражении этих идей чувствуется некоторый запах «антипедагогический». В самом деле, похоже на то, что организаторы построили и оборудовали хорошую коммуну, но за деревьями потеряли лес и больше беспокоились о целостности имущества, чем о педагогическом творчестве.

Совсем другое дело во второй колонии. Нашли старый монастырь, положили заплатки на крышу, чтобы не протекало, и привезли триста ребят, собранных в течение двух-трех дней на вокзалах, улицах и даже изъятых из реформаториумов и временных мест изоляции. Конечно, не было не только уголков и гардин, цветов и портретов, но не было и столов, и кроватей, и сами помещения даже не были распределены. Правда, в кладо-

вой нашлось немного продуктов для того, чтобы приготовить обед, нашлась недалеко и баба, которая по линии женского закрепощения давно была приспособлена, чтобы обслуживать человечество на кухне. Но этим ограничен был список приспособлений для человеческой жизни.

Зато все было приспособлено для жизни «педагогической». Организаторы усиленно подчеркивали это немаловажное обстоятельство. Они указывали на тлетворное влияние богатства и изнеженности и предлагали убедиться на деле, что самоорганизация, самообслуживание, самооборудование, инициатива и другие полезные вещи в самое короткое время из распушенной дикой толпы создадут организованный пролетарский коллектив. Нет кроватей — сделайте для себя кровати, нет столов — сделайте столы, сделайте стулья, побелите стены, вставьте стекла, исправьте двери. «Путевка в жизнь» — картина, как известно, продолжила эту схему: «Постройте для себя железную дорогу», — и, кажется, никто не осудил «Путевку» за это предложение¹⁶.

Логика организаторов была неуязвима. В самом деле: получить все готовое, прийти в оборудованное жилье — это значит ни о чем не заботиться, не бороться с нуждой, это значит расти барчуком, потребителем.

И наоборот, получить только стены и крышу, все сделать собственными руками, пусть сначала простое и дешевое, в коллективном напряжении создать «свою» коммуны, добиться благополучия и богатства — разве это не значит воспитать нового человека? В этом рассуждении есть своя логика и «логика сугубо педагогическая». Если бы дело решалось одной логикой, представители второго способа организации были бы, пожалуй, правы. Но дело в том, что необходимы еще некоторые вещи, кроме логики.

Организаторы коммуны тоже оперировали логикой. Они считали, что воспитательное учреждение должно обладать каким-то максимумом материальных условий, они и создавали эти условия, т. е. истратили довольно большую энергию на обдумывание каждой детали, каждого уголка в новом доме. Ими была совершена большая работа. Это уже не только логика, это уже нечто реальное, ибо такая первоначальная организация учреждения в общем — *это метод*. Новый воспитанник колонии оказался в определенном материальном комплексе, который определил его жизнь не только в первый день.

Логика организаторов при этом не ограничивала своего собственного развития. Владение оборудованным жилищем не исключало возможности дальнейшего развертывания логики и практики, и это развертывание при удаче могло быть педагогически положительным. Например, хранение всего собранного в коммуне, забота о чистоте, пополнение новыми необходимыми вещами являются категориями педагогическими, хотя и не столь «яркими», как во втором случае.

Но дело как раз в том, что во втором случае яркость только кажущаяся. Здесь вообще нет ничего реального, кроме логики. Предложенный проект организационного периода в сущности не имеет никакого практического содержания. Если в первом случае логически пришли к необходимости поставить кровати и покрыть их одеялами, то эта логика была завершена выбором кроватей и одеял, их покупкой, доставкой, расстановкой и пр.; одним словом, была проделана какая-то работа.

Во втором случае никакой работы нет. Процесс самооборудования, мыслимый только как процесс желательный, не выходит за границы мечты. Детский коллектив оказывается в практической пустоте, его поведение не определяется педагогом, ибо мечта педагога ничего не определяет, кроме его собственной души. Побудить ребят заняться изготовлением мебели могли бы только практические меры, какая-то система приемов, и эта система должна быть детализированной, продуманной до конца и обязательно проверенной. [Но] ничего этого нет, нет практического комплекса, и не доказана даже его возможность, не доказана на опыте, не доказана и в плане. Фантастичность этого проекта нисколько не меньше фантастичности, допустим, такого проекта: не нужно учебников, пусть сами ребята сделают для себя учебники.

Таким представляется проект самооборудования в общем виде. Еще более сумбурным он делается, когда переходим к деталям. Уединенность педагогической логики, ее простодушная самоуверенность, ее непрактичность сказываются в первые же дни колонии. Если при первом способе организации имеется опасность пассивности и изнеженности, то это пока что опасность только в абстрактной логике. Действительность же в этом случае настолько наполнена вещами, что ребячий коллектив, подчиняясь воле организаторов, включается в воспитательный процесс и не замечает никакой логики, он приступает к функции хозяина как к простой и понятной функции. Педагогу остается эту функцию утвердить, упорядочить, развить. Здесь превосходная точка отправления.

При втором способе, где выпячена только логика, ребячий коллектив принуждается тоже занять логическую позицию, и он всегда так и делает. Мечтательной логике педагога он противопоставляет свою логику, имеющую нисколько не меньшую убедительность. Жизнь на улице тоже не оборудована и полна неуюта, но зато наполнена приключениями, чередованиями удач и напряжений, а перспектива — кто ее разберет? При способе «самооборудования» она тоже представляется неразборчивой, но [еще] и не интересной. Педагог видит впереди большие успехи, у него перспектива есть, но другие ее не видят, — это удел всякой перспективы, построенной на мечте. Может быть, и ребята могли бы увлечься такой мечтой-перспективой, но им мешает это сделать слишком тяжелая и неприятная действительность в колонии, благодаря чему далекая перспектива педагога («самооборудования и самоорганизации» детей) легко сбивается с позиции, знакомой беспризорным детям, близкой перспективой «свободной улицы».

Таковы результаты сравнения описанных двух методов организационного периода. Они не в пользу второго. Кроме того, если в первом все-таки остается некоторая опасность неактивного развития, то во втором присутствует еще один дополнительный порок: если даже предположить, что процесс самооборудования начнется и приведет к каким-либо материальным результатам, то педагогическая польза его все-таки должна быть поставлена под сомнение.

Решить эту проблему можно было бы только опытным путем. К сожалению, мы не имеем возможности сравнить хотя бы пару цельных опытов. Я не знаю случая, чтобы предпринятая операция второго способа была доведена до конца. Обыкновенно на втором же месяце организационного

периода организаторы отказываются его продолжать. Правда, для газетных сотрудников при случае рисуются в розовых тонах захватывающие картины прошлого. Для романтической души такие темы вообще незаменимы. Можно не только делать столы, можно строить и железную дорогу и в порядке уже настоящего гурманства угробить на ней главного героя. На деле бывает не так. На деле бывает дебош, массовые побеги и бесконечное бузотерство ребят, это именно и принуждает организаторов вывесить белый флаг.

Не имея под рукой цельного опыта, мы можем оперировать только отдельными опытными деталями и кое-какими положениями здравого смысла. Предлагаемый метод, обычно выражаемый в хвастливой формуле «дети все сами сделали», не разработан даже в логическом смысле. Он обладает явными пороками уже «в утробе матери». Вот эти пороки:

1. Он весь построен на боклевском положении¹⁷, что цивилизация создается нуждой, положении неверном и понимаемом не диалектически. Нужда всеобщая, как известный этап в борьбе человечества с природой, нужда, понимаемая не как бедность, а как неприспособленность всего общества, конечно, является стимулом для усилий, изобретательности, находчивости, поисков всех людей. Это даже не нужда, это потребность, вытекающая из всего предшествовавшего этапа культуры. Но эта потребность присутствует не только на первобытной ступени культуры. Она в любой общественной организации проявляет себя как главный стимул движения вперед, и тем больше проявляет, чем больше имеется уже завоеванных позиций в борьбе человека с природой, чем больше точек соприкосновения с природой. Поэтому вообще процесс совершенствования материальной обеспеченности человека должен развиваться в порядке прогрессии. Пока, например, человечество не знало электричества, совершенно невозможно было зарождение огромного числа потребностей, которые могут быть удовлетворены только при помощи электричества.

При таком положении какой воспитательный смысл может иметь ввержение группы ребят в нарочито созданную первобытную обстановку? Если такое ввержение имеет смысл, то почему только в области мебели или одежды? Почему в таком случае не отказать ребятам и в крыше, и в пище, вообще поставить их в позицию первобытного дикаря?

Между прочим, какие-то заграничные выдумщики и это предлагали. Говорилось, что ребенок близок к дикарю, и другие подобные глупости. Только слабая логика может заблудиться на таком ровном месте — принудить ребят переживать потребности, которые были бы естественны только на заре человечества. Искусственно направить мысль ребенка на столы, стулья, побелку, одеяло — это значит рассматривать его как вневременное существо, как категорию историко-культурную, а не социальную.

А этот самый ребенок в это самое время ощущает себя категорией временной. Он живет не в первобытную эпоху, а в век электричества, он не вообще человек, а принадлежит к определенному классу, в задачи которого отнюдь не входит повторять на практике историю культуры; он, наконец, уже знает, что существует техника, электричество, автомобили и машинное производство, знает и стремится ко всему этому. Очевидно, что правильное воспитание и должно исходить из этого стремления,

которое в то же время выражает сущность общих наших классовых задач. Эта простая и лаконичная идея не оставляет никакого места для каких бы то ни было педагогических фокусов.

2. Вторая порочная линия проекта «самооборудования» заключается в том, что, рассчитывая организовать деятельность ребят на [основе] потребности, мы на деле организуем не потребности, а конфликт. Для колонистов не будет секретом, что необходимые для них вещи отсутствуют нарочно. Вещи эти, эту необходимую степень комфорта они будут видеть вокруг себя, у всех людей. Отсутствие их в колонии не будет ничем оправдано; таким образом, в центре их внимания становится не борьба с нуждой, а борьба с этой неоправданностью — несправедливостью.

Приведенный небольшой анализ метода «самооборудования» заставляет нас рекомендовать полный отказ от его применения, но это вовсе не значит, что мы целиком стоим на стороне способа чрезмерного оборудования.

Середина должна быть найдена при помощи уже известных нам принципов. Правда, опыт коммуны им. Дзержинского, оборудованной до полного совершенства и населенной не случайно собранными ребятами, а членами сложившегося коллектива, был опытом очень удачным. Никакой изнеженности, ничего такого, что напоминало бы барчука, в коммуне не получилось. Интересно, между прочим, что в первое время коммунаров во многих местах, в особенности во многих детских домах, называли барчуками и с разгона называли даже тогда, когда коммуна перешла на самокупаемость и совершенно освободилась от каких бы то ни было дотаций, и называли именно те, которые продолжали жить на государственный счет.

Это доказывает, что полное оборудование не приведет к таким последствиям, которые предсказываются, если приняты какие-то специальные меры.

Об этих мерах, собственно, и призвана говорить вся эта книга. Логика здесь такая: если есть возможность как можно удобнее и лучше обставить жизнь детей с самого начала и можно так устроить, чтобы развитие детского рабочего коллектива было все-таки правильным, то нет никаких оснований от этого полного оборудования отказываться. Основанием может быть только материальная нужда, недостаток средств для полного оборудования. В таком случае необходимо удовлетворять первоочередные потребности.

Так, например, хороший красный уголок, сделанный художником, стоит дорого, и эти средства лучше истратить на другое, а уголок оборудовать силами ребят. При хорошей организации это вполне доступная для них творческая работа, имеющая много положительных сторон. Точно так же приобретение дорогих гардин и портьер можно отложить до более богатого времени, а украсить со вкусом окна и двери при желании всегда найдется возможность с небольшими затратами.

В частности, и в истории коммуны им. Дзержинского такие ошибки были сделаны. Были и гардины, и уголки, и портреты, но не было ледника, не было оборотного капитала. Это, правда, произошло только потому, что никто всерьез не собирался коммуну делать производственной, просто в то время это было не в моде, не было образцов.

Таким образом, вопрос о характере оборудования решается не в принципиальной области, а в материально-практической. Все дело в средствах, которыми располагают организаторы. Но так как мы вообще не представляем, что у организаторов имеется монетный двор, то этим самым естественно возникает вопрос о создании шкалы, в которой бы расположились отдельные области оборудования в порядке их важности и очередности.

Какой принцип может руководить нами при создании такой шкалы? Этот принцип классового заказа. Нам нужно воспитать здоровое поколение, способное сознательно, энергично и успешно участвовать в строении социализма и в защите дела пролетарской революции. Три положения этого принципа: здоровье, умение работать и способность к борьбе, идейная вооруженность, — и должны нами руководить.

Под контролем этих положений складывается наша шкала.

1-е: мы должны дать детям крышу, дом, где было бы много солнца, где были бы хорошие уборные, умывальни, души. Дом, в котором было бы много воздуха и где было бы удобно учиться, и работать, и жить.

2-е: для учебы и работы, для еды и сна все должно быть готово и приспособлено к открытию колонии, «и чем лучше, тем лучше». При этом совершенно достаточно, если потребности в пище и в одежде будут удовлетворены нормально, но потребности учебы и работы должны быть удовлетворены как можно лучше. Можно ограничиться в крайнем случае некрашеными столами и деревянными ложками, но зато купить лишнее пособие для школы и поставить лишний станок в мастерских. Деревянные ложки потом всегда можно будет заменить хорошими металлическими.

Эта подробность не относится к зданию. Здание не так скоро заменишь, и в плохом здании страдают все стороны жизни колонии, поэтому здание должно быть как можно лучше построено с самого начала.

3-е: жизнь ребят должна проходить в обстановке уютной и красивой, но на первое время можно ограничиться более скромными условиями, всегда стремясь к максимальной культуре быта, а украшение колонии отложить до лучших времен.

Таким образом, общая шкала последовательного удовлетворения потребности в оборудовании получается такая:

1. Хорошее здание.
2. Необходимый минимум запасов пищи и одежды.
3. Необходимый минимум обстановки.
4. Хорошие школьные условия, мебель, пособия.
5. Библиотека.
6. Хорошие производственные условия: станки, капитал, материалы.
7. Отсутствие безобразных вещей.
8. Хорошая мебель и оборудование.
9. Украшение колонии — эстетика.

Я предлагаю организаторам детских учреждений по этой шкале проверить любое дело, и они увидят, что шкала правильная. Если уже имеется хорошее школьное и производственное оборудование по выработанному и проведенному плану, необходимо расширять библиотеку, школьные кабинеты, а тогда можно уже приобретать красивую обстановку. Пока

всего этого нет, воздержитесь от дорогой одежды и от украшающих вещей домашнего обихода, а когда есть уже хорошая одежда, можете приступить к украшению помещений и здания колонии.

Разумеется, точно указать все отдельные частности подготовительных приобретений мы не в состоянии. Все же нам кажется, что место первой границы организационного периода должно проходить именно через эту шкалу, которая позволяет приспособиться к разным материальным обстоятельствам.

Можно представить себе такое положение, когда даже для соблюдения первой потребности — в хорошем здании — нет средств. Как тогда быть? Отказаться от колонии? Конечно, отказаться от колонии. Но есть и иной выход — передать средства другой крепкой колонии, построить хорошее здание с учетом расширения учреждения.

Я ожидаю и такого ехидного вопроса: значит, если есть средства только на здание, то нужно его построить и отказаться от хорошего завода или мастерских и, пожалуй, даже отказаться от пищи и обстановки? Какая же в таком случае получится колония? Не лучше ли эти средства употребить на хорошие мастерские, на закупку пищи и одежды?

Я думаю, что не лучше. Какое бы значение мы ни придавали производству и школе, на первом месте должна стоять задача — выпустить здоровое поколение. «Дохлые» производственники и строители нам не нужны, невращенники только испакостят наше дело. Лучше в таком случае отказаться от затеи или построить хорошее здание и подождать, пока у нас отыщутся средства. Во всяком случае, в этой работе мы хотим говорить о советской детской колонии, о воспитательном коммунистическом очаге.

На Западе как раз имеются такие комбинации: для детей есть работа на хороших фабриках, но они живут в плохих лачугах. Я думаю, что для детства и юношества эта комбинация должна быть признана не советской.

Приведенная шкала последовательности оборудования может быть выполнена и вся целиком, но мы не склонны считать это обязательным. Я, наконец, такого случая и не знаю. В приведенной мною в качестве примера истории коммуны им. Дзержинского как раз не была выполнена вся программа, производство было организовано слабо. Это обстоятельство на четыре года задержало производственное развитие коммуны, но оно не привело ни к каким тяжелым воспитательным последствиям.

Я лично думаю, что в реализации полного списка никакой опасности нет. Опасности на наших путях, пожалуй, меньше всего лежат в оборудовании, если в этом деле не переступать границы здравого смысла.

План книги «Опыт методики работы детской трудовой колонии»

И. Вступлени е

1. О цели воспитания.
2. Диалектика педагогики.
3. Что такое коллектив.

II. Организационный период

4. Помещение. Приспособление. Постройка. Главные помещения и их размеры. Квартиры. Служебные помещения. Двор. Лес. Вода. Свет.

5. Оборудование. Мебель. Одежда. Хранилища. Посуда. Прачечная.

III. Развитие коллектива

6. Резервы коллектива. Беспризорные, семейные, общие типы.

7. Прием новеньких. Первые дни.

8. Типичные моменты рождения, жизни и смерти коллектива. Ядро и актив. Их смена и сбережение. Типы развития коллектива.

9. Значение личности в коллективе.

IV. Производство

10. Виды производства, их развитие.

11. Кустарное.

12. Сельскохозяйственное.

13. Завод.

14. Производственные отношения.

15. Производственное обучение.

V. Строение коллектива

16. Сечение коллектива. Первичный коллектив. Командир. Возрастные отношения.

17. Органы самоуправления. Ядро и актив.

18. Увязка частей. Политорганзация.

19. Рабочий день. Дежурный командир (ДК). Дежурный член санитарной комиссии (ДЧСК). Самообслуживание.

20. Медчасть.

VI. Материальные отношения

21. Значение материальных отношений.

22. Пища.

23. Одежда.

24. Ремонт помещения и оборудование. Транспорт.

25. Баня и прачечная. Санитария.

26. Зарплата. Карманные деньги. Личное и общее.

27. Элементы коммуны. Самоокупаемость.

VII. Дисциплина

28. Общее понятие о дисциплине. Диалектичность вопроса. Сознательность и бессознательность. Поощрение и наказание. Борьба с нарушениями и профилактика. Новые и старые коммунары.

29. Общий вид нарушений и борьба с ними. Диалектика борьбы. На-

казание. Воровство. Хулиганство, драка. Насилие. Умственно отсталые. Культурная запущенность. Шум.

30. Рождение дисциплины. Общие замечания. Строение профилактики. Общая ее методика.

31. Центр. Единоначалие и демократия. Конституция [коллектива]. Надзор. Доверие. Охрана. Традиции.

32. Общий тон. Уважение и требования. Интерес. Долг. Инициатива и необходимость. Прошлое. Точность. Нервность. Ругань и вежливость.

33. Атрибутика. Честь. Соцсоревнование. Военизация. Эстетика. Чистота. Энтузиазм и упадничество.

34. Перспектива. Ближняя, средняя, дальняя. Индивидуальная, групповая, коллективная, классовая.

35. Побег и борьба с ними.

VIII. Внутренние отношения

36. Чистое и практическое влияние. Собственное и постороннее. Персонал, его деятельность и характер. Обеспечение. Любовь.

37. Воспитатель как субъект чистого и педагогического влияния. Его работа.

38. Инструктора, мастера, персонал.

39. Заведующий.

Чистое и практическое влияние среди воспитанников. Возрастные, половые, личные, групповые влияния.

IX. Внешние отношения

40. Отношения коллектива.

41. Отношения личные.

X. Школа и клуб

42. Общее значение школы. Форма в коммуне.

43. Клубная работа. Кружки, библиотека, газеты, журналы. Стенгазеты. Кино. Вечер.

44. Отдых. Летние экскурсии.

45. Оркестр.

46. Спортработа.

XI. Выпуск

47. Характер выпуска.

48. Бывшие воспитанники.

[Отдельные вопросы]

Высказывание мнения
Общее собрание. «Встать»
Тактичность
Слово «преступник»
Отношение к прошлому
 * * дракам
 * * кражам
Кража у воспитателя
Холод
Выносливость
Сцена
Чистота
Комендант
Отношение к лени
 * * нервам
Честь колонии
Отношение к кражам
Ломка приказа
Приказ
Отчетный журнал
Знамя
Тов. суд
Не выдавать товарища
Ругань
Услуги воспитателям
Инициатива
Речи
Дерзости
Рабфаковцы
Газета
Равенство
Карманные деньги
Уют
Игра
Праздники
Благодарность
Место
Новый воспитанник
Чтение
Библиотека
Воскресники
Ответственность
Технический персонал

Проблема мелочей
Девочки
Парубки
Надзирательство
Возвращение
Солидарность
Протесты
Личный авторитет
Воспитатель в администрации
[Разве] нельзя воспитателям...
Величина коллектива
Состав коллектива по полу
 * * * возрасту
 * * * образованию
 * * * характеру
 * * * идеологии
Зарплата [в трудовом воспитательном]
коллективе
Натуральное довольствие
Огороды
Отпуска воспитателям
Разделение труда
Спецодежда
Почасовая оплата
Единство работы коллектива
Главное дежурство
Рабочее *
Вечернее *
Клубная работа
Запоры и доверие
Штаты
Вечерние разговоры
Отношение к нужде
Перспектива будущей колонии
Работа на урок
Строй
Гимнастика
Личная жизнь воспитателей
Прислуга у воспитателей
Рапорт
Выговоры воспитателям
Дисциплина
Трудовые «истерички»
Отношение к гостям
Участие в самоуправлении

Положение о выпускниках-коммунарах детской трудовой коммуны НКВД УССР им. Ф. Э. Дзержинского

1. Выпускником считается каждый коммунар, оставляющий с разрешения совета командиров и педагогического совета общежитие коммуны.

Непременное условие для каждого выпускника — окончание семилетки и общая удовлетворительная оценка педагогического совета по качественным показателям жизни и работы в коммуне.

2. Все коммунары-выпускники делятся на две категории. К первой категории относятся те из коммунаров, которые за время своего пребывания в коммуне показали ударную работу на производстве, хорошую успеваемость в учебе и отличное поведение в быту.

Ко второй категории — все остальные выпускники.

3. Каждому коммунару-выпускнику коммуна выдает единовременное пособие вещами и предметами первой необходимости — для выпускников первой категории на сумму 600 рублей и второй категории — 300 рублей.

Набор выдаваемых каждому выпускнику вещей определяется учебно-педагогической частью коммуны по согласованию с самим выпускником.

4. Все расходы выпускников по поездке на испытания для поступления в иногородние учебные заведения в том случае, если эта поездка одобрена и санкционирована руководством коммуны, принимаются за счет коммуны.

5. Все коммунары-выпускники, поступившие с согласия руководства коммуны для продолжения образования в высшие и специальные учебные заведения, получают на протяжении всего срока обучения от коммуны стипендию при удовлетворительной успеваемости в учебе:

Специальные школы	1-й и 2-й курсы	— 25 рублей в месяц			
Техникумы	3-й и 4-й	* 50	*	*	*
Вузы и втузы	1-й и 2-й	* 50	*	*	*
* * *	3-й и 4-й	* 75	*	*	*

При хорошей и отличной успеваемости размер стипендий повышается на 25%.

6. Все коммунары-выпускники по окончании высшего или специального учебного заведения получают от коммуны единовременную премию: окончившие вуз — 1000 рублей, окончившие специальные школы и техникумы — 500 рублей.

Завоевать новые высоты

Как и все в нашем Союзе, коммуна дзержинцев идет вперед, идет, часто выдвигаясь в первые ряды общего советского фронта.

Но идет вперед вся коммуна, а отдельные коммунары часто отстают от общего нашего движения, плетутся в хвосте, путаются в наших ногах, тащат нас назад. Кроме многих новеньких есть и десятка три «стариков», участвующих в этом тяжелом для нас арьергарде.

Что видят перед собой такие отставшие? Они не видят нашего будущего, они не видят лежащей перед нами дороги, не видят и опасностей, которые нас встречают, не видят и широких просторов впереди. Они видят только спины товарищей.

А они должны видеть; в противном случае, спотыкаясь и падая, они еще больше будут нас затруднять.

Этот наш «хвост» по обыкновению не читает наших газет, вообще он ничего не читает. Надо их ловить, надо им рассказывать о нашем движении, надо им показывать наше будущее. Во многих отношениях сейчас вместе со всем Союзом наша коммуна совершает напряженные марши, вплотную подходя к величайшим достижениям нашей революции, общим для всего нашего общества.

Эти достижения, завоевать которые мы должны в 1934 г., следующие:

1. Пуск и освоение первого в Союзе завода пленочной аппаратуры.
2. Расширение и улучшение образовательной базы коммуны.
3. Постройка новых корпусов для спален и школы на 600 человек.
4. Значительное улучшение политического и культурного уровня коммунаров, более энергичный переход к новым совершенным социалистическим формам работы и быта.
5. Расширение воспитательной базы коммуны за счет ИТРовского и рабочего состава, сведение коммунарских и взрослых сил в один дружный, дисциплинированный, культурный коллектив.

Эти главные пять задач должны быть хорошо известны каждому коммунару, и каждый коммунар в своем поведении и работе должен единственно заботиться об их решении.

Характеристики выпускников

I. Группа Харьковского машиностроительного института

1. Ключник. Один из самых культурных и организованных коммунаров, очень много проработавший в коммуне, между прочим, неизменный командир первого взвода. Оказывает очень хорошее влияние на коммунаров благодаря своему спокойному характеру и рассудительности. Политически и морально — вне сомнений.

2. Борисов. Самый молодой из наших студентов, ему сейчас только 17 лет, но, без сомнения, самый способный. К сожалению, у него сильны элементы эгоизма, и поэтому в коммунарской общественной жизни мало принимал участия. Несмотря на это, был всеобщим любимцем благодаря хорошему характеру. Очень развит и абсолютно честен. Школу окончил отлично.

3. Никитин. Был в самом главном активе коммуны и одно время ССК. Человек, преданный коммуне, очень восприимчив к коллективным явлениям. Хорошая работоспособность. Есть еще остаток беспризорности в явлениях характера: некоторая недоверчивость к окружающим. Человек серьезный.

4. Панов. Исключительные способности, живой характер и искренность давно выдвинули его в первые ряды в коммуне. Совершенно честен, очень развит, интеллигент, что не мешает ему быть хорошим токарем. К недостаткам нужно отнести склонность к резонерству. Политическое воспитание по отношению к Панову было не таким легким делом, сейчас он абсолютно устойчив в убеждениях.

5. Захожай. Умен, способен, хорошо дисциплинирован. Отличается замечательно бодрым постоянным настроением, вообще лучший тип коммунара. В коммуне и в комсомоле был всегда в ведущих рядах, одним из лучших командиров. Совершенно честен. За него можно ручаться во всех отношениях.

6. Куксов. Способен, не глуп, но очень часто у него бывают срывы мысли или характера, которые в коммуне назывались «куксизмом». Иногда бывает вздорным или резонером. Слабо поддавался дисциплине и часто был склонен противопоставить положениям дисциплины собственное рассуждение. Были небольшие срывы и политические. В последнее время заметно выровнялся и сделался более уверенным в себе комсомольцем, сохранив хорошие черты: способность к анализу, живой характер.

7. Матвеев. Еще молод, есть в характере черты легкомыслия, еще недостаточно развит. В институт пошел, потянувшись за другими. Уверенным в успехе еще нельзя быть, все будет зависеть от того, сохранят ли на него влияние старшие. Может и лениться. Грубоват, вообще не забыл некоторые следы беспризорности. Притом честен.

8. Таликов. Во всех отношениях примерный коммунар, способный, дисциплинированный, бодрый. В характере очень ровен, «улыбчив», возможно, что сознательно понимает пользу такого характера. Очень трудолюбив, умеет выбирать главную линию, не разбрасываясь по сторонам.

9. Зотов. Признанный вожак наших студентов, человек, обладающий наибольшей эрудицией, действительно много знающий, серьезен, культурен, очень вежлив, коммунар, почти не имевший проступков за пять лет жизни в коммуне. На него можно положиться в любом деле как на взрослого культурного человека, обладающего большим достоинством и умного. Идет в машиностроительный институт. Отличается большой работоспособностью. Без всякого сомнения, из него будет самый дельный инженер.

II. Группа университета

10. Соколов. Очень трудолюбив и усидчив. Хорошо развит и совершенно культурен, серьезен. Принимал самое активное участие в жизни коммунарского коллектива и никогда не имел никаких срывов.

11. Сторчакова. Одна из самых серьезных коммунарок, активная комсомолка. Совершенно политически воспитана — кандидат партии, была секретарем комсомола в коммуне.

Очень честный и культурный человек, но, к сожалению, в характере несколько излишняя сухость.

12. Бобина. Средних способностей, тиха, малоактивна, но добросовестна и работоспособна. Отличается отсутствием сколько-нибудь ярких черт в характере.

13. Сидоренко. Хорошие способности, очень трудолюбива, но невыносимо тиха, застенчива, старается всегда быть в одиночестве или рядом с ближайшим другом. С большим трудом удалось выбрать для нее факультет, так как ей казалось, что нигде она не справится. Очень женственна, и это обстоятельство ей прямо мешает. Училась в школе отлично.

14. Камардинов. Самый боевой коммунар, умный, прямой, обладающий даром слова и умением руководить и вести за собой массу. Был всегда во главе коммунарского коллектива, даже в то время, когда не занимал официального поста. Сознательно посвящает себя политической работе и обещает быть незаурядным политическим работником.

15. Ширявский. Друг Камардинова, но менее яркий. Имел большой беспризорный стаж, но совершенно избавился от всех следов беспризорности, кроме некоторой отсталости в развитии. Серьезен, хорошая направленность [личности].

III. Московский физкультурный институт

16. Торская. Хорошие способности, но неяркий характер. Идет в институт, не руководствуясь особенной преданностью к физкультуре. В данное время ей просто интересно, чему ее там научат. В этом отношении она не способна очутиться в тяжелом положении: не понравится в этом институте, перейдет в другой, заранее уверенная, что с пути не сойдет и что из нее будет полезный человек. Можно быть уверенным, что никаких неприятных осложнений в ее жизни не будет.

17. Редько. Человек странный. Во время собраний бывает остроумен и находчив, но вообще способности средние. Очень много следов беспризорности, главным образом в мышлении, морально совершенно выправлен. Иногда склонен «побузить» из упрямства. Не уверен в своих силах, потому что чувствует некоторую отсталость. Идет в физкультурники, и на самом деле физкультуру любит.

IV. Горьковский институт инженеров водного транспорта

18. Конисевич. Дисциплинирован, честен, способный и восприимчивый человек, прекрасный товарищ, горячо преданный коммуне. Обладает литературными способностями, но сознательно избирает дорогу инженера. К водному транспорту его привлекает некоторая романтичность природы, сознательно отдающей себе отчет в эстетической ценности впечатлений и напряжений жизни — хочет «окружить» себя пароходом, рекой, берегами.

19. Гонтаренко. Почти противоположен по характеру Конисевичу, молчалив, скромен, обладает хорошими способностями. Смелый. Мечтатель, поэтому нашел общий язык с Конисевичем. Ему хочется более новой, красочной обстановки, чем обыкновенный завод.

V. Медицинский институт

20. Иванов. Единственный не комсомолец. Был исключен из комсомола три года назад и с тех пор в комсомоле не восстановился. Коллектив до конца не перестал относиться к нему подозрительно и имеет для этого основания.

Иванов с внешней стороны очень культурен, вежлив, развит, не глуп и работоспособен. Но это в существе нечестная натура, и положиться на него нельзя. Мы и теперь не уверены, что у него все окончится благополучно. Можно надеяться только на то, что Иванов очень осмотрителен, осторожен и дипломат. Может быть, в силу осторожности удержится. Но... когда он будет уже врачом, с ним возможны всякие случаи.

VI. Московский авиационный институт

21. Илюшечкин. Очень способен, уживчив, вежлив и хорош собой, напоминает девочку, но на самом деле мужествен и может быть даже грубоватым. Давно интересуется аэропланами и интеллектуально предан идее конструкции аэроплана, увлечен новостью этого дела и большими перспективами его развития. Культурен. Можно на него положиться.

22. Салько. Культурен. Совершенно честен, имеет большие способности и отличается напористостью и умением добиться цели. Будет прекрасным инженером, потому что имеет очень ясно выраженные способности конструктора и возможности дальнейшего роста. Дис-

циplinирован, коллективист, прекрасный товарищ, вежлив и прямодушен. В руках у него работа всегда ладится еще лучше, чем в тетради.

23. Терентюк. Окончил [рабфак коммуны] первым студентом, но во время вступительных испытаний заболел и поэтому мог поступить только на последний курс рабфака. Безусловно, его переведут на первый курс. Большие способности, принадлежит к типу спокойных, умных, сообразительных людей. Серьезен, но в характере есть еще остатки беспризорности: бывает угрюм, недоверчив.

24. Файнбергольд. Способен, но с ленцой. Будет тем не менее тянуться за другими, потому что прекрасно понимает необходимость учиться. Личность интересная. Имеет математические способности, музыкален.

25. Бронфельд. Способный мальчик, но еще молод. Будет хорошо идти потому, что не представляет себе другого пути, как учение. Хотя характер еще не совсем определился, но он коллективист, смел, активность пока средняя, склонностей к преобладанию над другими нет. В школе был среди лучших.

26. Буряк. Способный, спокойный, хорошо настроенный юноша, активный комсомолец, очень рассудителен и с неплохой способностью к анализу. Честен и культурен, несмотря на внешнюю неповоротливость.

VII. Московский институт иностранных языков

27. Беленкова. В коммуне с самого начала, очень добрая девочка, склонная к бодрости, но всегда отличалась неуживчивым характером и часто участвовала в ссорах с товарищами. Долгое время не имела никакого авторитета среди коммунаров и считалась образцом легкомыслия, но в последний год доказала, что обладает незаурядными способностями, в особенности к языкам. Была в коммуне лучшим знатоком немецкого языка и давно избрала себе путь языковеда. Хорошо выдержала испытания в Москве. В коммуне значительно улучшила свой характер и недавно с успехом отбыла командирский стаж.

VIII. Вольская авиатехническая школа

28. Пивень. Один из самых способных коммунаров, но в то же время больше других принес с собой остатков беспризорности и висел в коммуне на волоске. Очень скоро, впрочем, принял на себя все полезные влияния коллектива и сделался одним из активных и передовых комсомольцев. В особенности отличился горячим участием в ноябрьском штурме 1931 г., с тех пор был в большом почете у коммунаров. Окончил школу одним из первых учеников.

29. Агеев Александр. В коммуне с самого начала, был представителем интеллигенции, писателем и поэтом, руководителем литературного кружка. Учился в школе хорошо. С постройкой нового завода постепенно переключился на технику и неожиданно выбрал себе работу авиационного техника. Хороший комсомолец и товарищ. Очень культурен и совершенно честен.

30. Дорошенко. Обладает способностями, но имеет вялый характер, что мешало ему быть в первых рядах коммунаров. Обладает здравым смыслом и спокойной, уверенной формой высказывания.

31. Каплуновский. С большим беспризорным стажем, но вконец избавился от остатков беспризорности. Культурный и честный человек, к сожалению, чрезвычайно застенчив и поэтому в коллективе был в тени. Тем не менее нельзя его назвать пассивом, он никогда не отказывался ни от каких нагрузок и все, что ему поручали, выполнял хорошо. Школу окончил хорошо.

IX. Ленинградская школа совторгфлота

32. Козырь. В коммуне с самого начала. При средних способностях был одним из самых страстных людей, преданных коммуне и участвующих в работе с полной преданностью. В характере еще и теперь много остатков беспризорности: грубоватость, недоверчивость. Один из лучших производственников. Человек с воображением, поэтому давно мечтает о карьере моряка, чтобы много видеть, много ездить. Очень возможно, что морская действительность, на самом деле не такая эстетическая, как воображает Козырь, покажется ему не столь привлекательной, и поэтому возможны у Козыря еще перемены пути.

33. Студецкий. В коммуне пользуется некоторым авторитетом. Человек вообще честный и с хорошими намерениями, но с склонностью к «неполноценным» рассуждениям. Внут-

ренне озлоблен и завистлив, но старается быть хорошим товарищем, это ему отчасти и удается. Хороший шлифовальщик, но на производстве активным себя не показал. В глубине его натуры можно рассмотреть хорошо спрятанный крепкий эгоизм. В морскую школу идет из соображений практических.

34. Богданович. Очень добропорядочная, честная и благородная натура. Мало верит в свои силы. Коммунар всегда был хороший, и его любили. На производстве работал со средним успехом, на рабфаке поленивался, поэтому боится идти в вуз, выбрал морскую школу как такую, в которую легко поступить. Моряком будет хорошим. Политически безупречен, дисциплинирован.

35. Луцкий. Хорошо настроенный, но малоспособный и малокультурный человек с недостаточным развитием. Есть склонность к лени, преодоленная коммуной только отчасти. Попробовал в прошлом году учиться в машиностроительном институте, но бросил. Убежденный футболист, но и в этой области особенных успехов не обнаружил. Хороший, спокойный характер. Много будет зависеть от окружения.

X. Московский геолого-разведочный институт

36. Черный. Большие способности, культурен, абсолютно честен, не осталось никаких следов беспризорности. С внешней стороны очень нескладен и некрасив, тип интересный: способен к большим напряжениям и в глубине очень живая и цельная натура. Интересуется разведочной работой, мечтает исколесить весь Союз.

XI. ГПУ УССР

37. Швед. Признанный политический деятель и оратор коммуны. В самом деле обладает незаурядными способностями оратора, политически развит и умен. Но значительно избалован в коммуне и мало работает над собой, почти отвык от неинтересного делового напряжения. Необходимо восстановить у него трудовую дисциплину и приучить к работе над деталями.

38. Красная. Способная, честная, культурная девочка. Училась прилежно и хорошо. Хорошо воспитана, но в характере попадаются капризные нотки. Развитие среднее, на эту сторону нужно еще обратить внимание. Политически развита выше, чем другие девочки.

39. Харланова. Серьезный, культурный и честный человек. Большая работоспособность и значительное политическое развитие. Кандидат партии. Способности средней величины, но это значительно улучшается активной способностью к работе.

XII. Работают в коммуне

40. Скребнев. Один из способных коммунаров, учился в школе прекрасно, член коммунарской верхушки, доказавший не раз способности организатора. Очень работоспособен, культурен. Прославился у нас как художник-револьверщик, на работу которого можно смотреть, как на зрелище. Сейчас инструктор револьверной группы и незаменим на нашем заводе. Учиться в вузе будет, но в настоящее время и он и руководство коммуны находят возможным отсрочить это до следующего года, так как он еще молод.

41. Долинный. Замечательно добродушен, великан, но способности в учебе небольшие. Предан коммуне. Пытался поступать в вуз. Не получилось. В коммуне будет хорошим мастером, добросовестный и исполнительный.

42. Боярчук. Слесарный и конструкторский «гений» коммуны. Замечательно любит всякую работу и совершенно неспособен сидеть без дела. Никогда в коммуне не отдыхает и никогда не сбрасывает спецовки. Он и слесарь, и электромонтер, и шофер, и хозяйственник. При этом никогда не интересуется заработком и часто по три месяца не получает его. Точно так же может забыть и об обеде. Учиться не хочет.

XIII. Финансово-коммерческая сеть

43. Семенов. В коммуне считался коммунаром с склонностью к хулиганству, лентяем. В школе учился хорошо. Советом командиров был снят с производства и назначен в хозяйственную часть. Здесь показал себя прекрасным работником и совершенно выправил свой характер. Сейчас общий любимец коммунаров. Честен, вежлив, культурен и по натуре очень добр. Переходит на работу агента снабжения. Энергичен, напорист и любит всякое дело кончать.

44. Крымский. Единственный коммунар, по отношению к которому мы должны при-

знать значительную неудачу нашей работы. Остался грубым, наклонным к пьянству. Эти наклонности сейчас сильно придавлены коммунарской дисциплиной, но в плохом окружении всегда могут восстановиться. Малокультурен и не интересуется знанием. Идет в шоферы, потому что это нетрудно. Все же есть данные, что путевку в жизнь ему дать можно.

45. Прасов. Малоспособен и малокультурен. Учился плохо и всегда находился под чьим-нибудь влиянием. Был под влиянием Камардинова — было лучше, стал ближе к Крымскому — стало хуже. Человек беспринципный, слабый.

46. Агеев Василий. Малоспособен и ленив. Общее движение коммунаров его захватывает, просто оставаться без дела все-таки не хочет. Идет в шоферы, будучи уверен, что для него это самое подходящее.

XIV. Армия

47. Волченко. Самый старший коммунар, родился в 1912 г. В коммуне был самым лучшим коммунаром, передовым комсомольцем, постоянно активным, преданным и честным руководителем коммунарской массы. Имеет замечательный характер: с внешней стороны очень мил и приветлив, но обладает большой волей и способен очень легко применить эту волю в массе, в коллективе. В коммуне его очень любят все: «Волчок». Был секретарем совета командиров и секретарем комсомольского коллектива.

Коммуна им. Ф. Э. Дзержинского (1933)

Коммуне им. Дзержинского 6 лет.

В конце 1927 г. чекистами Украины была открыта небольшая детская коммуна как памятник железному Феликсу. В коммуне было всего 100 коммунаров, небольшая школа и слабые мастерские полукустарного типа, вырабатывающие самую разнообразную продукцию: от трусиков до сосновой мебели включительно. За год коммунары выпускали такой продукции на 10 тысяч рублей, при этом работали почти на убыток. В настоящее время в коммуне 379 коммунаров. Коммунарский завод, открытый в 1931 г., ежегодно выпускает на 9 миллионов рублей ценнейшей продукции, до сих пор импортируемой из-за границы, — электрический ручной инструмент. По всему Союзу расходится продукция завода коммунаров, электрошверлилки марки ФД-1, суппортные электрошлифовалки марки ФД-2, мощные электрошверлилки ФД-3. Коммунары выпустили уже 16 000 машинок, план 1934 г. проектирует выпуск 1200 машинок.

Учатся коммунары на собственном рабфаке, готовящем уже третий выпуск.

Большинство коммунаров в возрасте 13—16 лет. Почти все они бывшие беспризорные, приглашенные коммуной прямо с улицы и вокзала. Обыкновенно принято считать такой состав детей очень тяжелым, требующим специальной педагогической работы. Поэтому многие посетители коммуны очень удивляются, когда наблюдают в коммуне строгую дисциплину, упорядоченный быт, совершенно культурную обстановку. Удивляются они еще больше, когда узнают, что в коммуне вовсе нет воспитателей, специально приставленных для надзора за ребятами.

Каждый день в шесть часов утра сигнал трубы поднимает коммунаров. Вставши с постели, они немедленно приступают к авральной работе — к уборке своей коммуны: убирается пыль, натираются полы, до блеска доводятся все предметы в коммунарских комнатах. В семь часов с торжественным салютом сегодняшнему дежурству производится проверка всей проделанной работы, коммунарских костюмов, постелей, мебели. После этого коммунары завтракают, и только в начале девятого гудком приглашают они своих руководителей прийти им на помощь, и в коммуноу сходятся преподаватели, инженеры, инструктор — начинается рабочий день. В пять часов он закончен, и снова коммунарский коллектив самостоятельно ведет свою жизнь, руководимый своим самоуправлением, привычными, выработанными опытом, навыками, традициями, правилами.

Воспитание нового человека коммуна производит не в уединенных от жизни оранжереях, а в каждодневной борьбе за свой промфинплан и за свою новую культуру. В этой борьбе для коммунаров особенно дорога помощь старших товарищей, харьковских рабочих, харьковской советской общественности.

Шефство над коммуной Харьковского государственного театра русской драмы приносит коммуне новую помощь, помощь тем более ценную, чем выше культура коллектива театра, а в высоте этой культуры коммунары сомневаться не могут. Уже первые посещения коммуны работниками театра, первые спектакли, на которых побывали коммунары, внесли в жизнь коммуны совершенно новые и замечательно действенные влияния.

Начальнику коммуны им. Дзержинского

Начальника педагогической части А. Макаренко¹

Р а п о р т

По вопросу о так называемой кавсекции² девочек считаю необходимым представить Вам следующее.

Эта кавсекция была организована во время моего отпуска в конце октября 1933 г. без какого бы то ни было критического рассмотрения желательности или полезности таких именно спортивных занятий для девочек и без всякого участия в решении этого вопроса со стороны педагогической части.

Как в самом решении вопроса, так и в порядке практического осуществления в коммуне пошли за группой девочек, удовлетворяя только их желания, не контролируя состав секции и не учитывая всех обстоятельств в других областях работы коммуны.

К сожалению, я не имел возможности представить свои соображения в момент организации секции. Соображения эти следующие:

1. Верховая езда в мужском седле не принадлежит к видам спорта, рекомендуемым для девочек, в некоторых руководствах она прямо противопоказана. Никаких серьезных аргументов в пользу верховой езды для девочек, настолько серьезных, чтобы очевидной становилась необходимость пожертвовать чем-либо в общем воспитательном процессе, приведено быть не может. Практическая польза, какая очевидна в верховой езде для мальчиков в отношении военной подготовки, в этом случае тоже отсутствует.

2. Как известно, в составе девочек-коммунарок наблюдается слабое развитие, чрезмерная погоня за удовольствиями, нелюбовь к книге, к учебе, к культурному отдыху. Стремление девочек в кавсекцию есть продолжение того же порядка, в этом стремлении нет ничего, кроме погони за простым удовольствием, некоторого фантазирования и уклонения от серьезных требований, которые к девочкам предъявляют рабфак и коммунарская общественность.

3. Поездка на занятия в кавсекцию отнимает вечером от 4 до 10 часов, т. е. пять с половиной часов, сопровождаясь большими неудобствами в использовании автотранспорта. Эта поездка один раз в пятидневку совершенно отрывает коммунарок от общественной жизни коммуны, от работы органов самоуправления и клубной работы, не говоря уже о подготовке уроков, чтении книг, совершенно недостаточном у девочек. Вместе с тем нужно отметить, что состав кавсекции девочек на 70% является неуспевающим на рабфаке: из 16 человек 11 было лишено в ноябре и в декабре стипендии за неуспеваемость.

4. Состав кавсекции мальчиков обычно характеризуется тем, что все члены ее зарекомендовали себя как активные физкультурники. Их работа в кавсекции является некоторым завершением физкультурной работы. Между тем у девочек замечается вообще уклонение от серьезной физкультурной работы, даже от физкультурной игры, до сих пор в коммуне нет и не было порядочной волейбольной команды. Это в особенности подчеркивает легковесность всего начинания с кавсекцией девочек.

Все вышеизложенное достаточно характеризует отрицательные обстоятельства всего начинания, не только не уравновешенные какой-нибудь определенной пользой, но и усиливаемые сомнительным спортивным значением верховой езды для девочек.

14/1—1934 г.

А. Макаренко

Из сводки о нарушениях дисциплины коммунаров

за январь 1934 г.

Дисциплинарное состояние коллектива в общем удовлетворительное. Нарушения дисциплины большей частью совершаются младшими коммунарами и новенькими. Из всего коллектива за январь не совершили даже малейшего нарушения 238 коммунаров.

Дисциплинарные меры в коммуне очень ограничены. Взысканий типа «внешнего» воздействия применяем два: наряд, т. е. дополнительная часовая работа в коммуне по уборке или в сторожевом отряде. Наряды назначаются начальником педагогической части и сообщаются командиру сторожевого отряда, который и требует нарядных, [наказанных] в случае надобности, большей частью в выходной день, когда чаще приходится убирать в здании. К сожалению,

дополнительной уборки в коммуне, как и других дополнительных работ, очень мало, поэтому применять назначение приходится редко. Вторая мера — свободный арест, накладывается исключительно на старших коммунаров за нарушение внешних [форм] дисциплины на 1—3 часа, по нашей традиции, не подлежит проверке и проводится в моем кабинете за любым занятием¹.

Из других мер, имеющих больше значение морального воздействия, отмечаем:

- а) замечание в совете командиров²,
- в) выговор или замечание в приказе,
- г) снятие с работы на заводе и назначение на другую работу,
- д) занесение на черную доску (почти не применяется),
- е) выговор перед строем (применяется очень редко)³...

Председателю государственного политического управления УССР

В связи с произведенным недавно обследованием коммуны им. Дзержинского... и с предстоящим в ближайшее время решением основных вопросов дальнейшего развития коммуны считаю необходимым представить Вам краткое описание нынешнего положения коммуны, ее сил, и возможностей, и вытекающих отсюда перспектив.

Рассматривая коммуну прежде всего как воспитательное учреждение, главным предметом нашего внимания считаем коллектив коммунаров.

Этот коллектив в настоящее время является большой ценностью, и необходимо в первую очередь ставить проблему сбережения качеств этого коллектива и дальнейшее его развитие, избегая всеми средствами понижения его работы.

Коллектив коммунаров накопил в себе много опыта, хороших традиций, он является результатом шестилетней работы и внимания к нему всего чекистского коллектива и основных работников коммуны, а в своем кадровом составе этот коллектив был самым активным деятелем в истории развития коммуны от небольшого детского дома до сложнейшего комбината, имеющего пятнадцатимиллионный промфинплан, имеющего семь миллионов собственного имущества, из которого на триста тысяч рублей золотом только одного импортного оборудования, выпускающего уже двадцатую тысячу сложных механизмов и находящегося в прямых деловых производственных отношениях с самыми далекими краями Советского Союза.

Рядом со школой стоит внешкольная и физкультурная работа. В настоящее время она развернута в коммуне в максимальной степени, дальнейшее ее развертывание приходится тормозить, чтобы не перегружать чрезмерно дневной календарь. Это работа очень много дает коммунарам в области общего развития, а так как она политически направлена, то является очень мощным орудием для повышения политического уровня.

Внешкольную работу, впрочем, невозможно рассматривать как совершенно отдельную область, она очень близко стоит к руслу комсомольской работы, направляемая комсомолом не только в смысле постоянного руководства со стороны бюро, но и активным проникновением внешкольной работы комсомольскими нагрузками и поручениями.

Повышение политического уровня коммунаров необходимо отметить как самый яркий факт последнего года работы. Во время проработки материалов XVII съезда мы обнаружили большие сдвиги в области политического развития и политического воспитания. Широко задуманная проработка материалов съезда, представлявшаяся для нас даже непосильной, была перевыполнена против наших ожиданий как количественно, так и качественно. Коммунарами было сделано 52 реферата, охвативших не только материалы самого съезда, но и всю параллельную литературу и связавших все установки партии с работой коммуны. Среди комсомольцев выделилось несколько десятков человек способных докладчиков с признаками хорошего языка и тона.

Эти результаты мы относим за счет как социально-экономических дисциплин рабфака, «политчасов» и «политбоев», так и внешкольной работы, работы библиотеки, чтения газет и в особенности за счет общего роста коммуны и улучшения коммунарского окружения: если в 1930 г. в коммуне не работало ни одного члена партии, то сейчас больше 60 членов партии.

Центром политической работы в коммунаром коллективе является комсомол. Относительно характера его работы необходимо сказать следующее: каждый комсомолец, как и каждый коммунар, вообще очень занят. В течение рабочего дня у него есть только 2¹/₂ так

называемых свободных часа. Эти часы он отводит на комсомольскую, внешкольную и другую работу, в том числе и на подготовку уроков. Обычно он не может лечь спать в законное время — в 10 часов.

Поэтому комсомольская работа не может приобрести характера заседаний и осуждений и преимущественно проводится в очень многочисленных личных нагрузках и поручениях: секретари и члены бюро пяти комсомольских ячеек, агитмассы, военорги, командиры отрядов, старосты курсов, бригады производственных бригад, комсорги отрядов и курсов, члены редакций нескольких коммунарских газет, члены органов самоуправления, старосты клубных кружков, «буксиры» и многие другие.

Комсомольский актив пропитывает тело коммуны в самых разнообразных направлениях и линиях, корректирует ее работу не в длительных заседаниях, а почти без речей, в быстрых встречах и в коротких решениях, пользуясь случайными свободными получасами, перерывами и переменами.

Именно благодаря этому комсомольскую работу невозможно проследить по протоколам и бумажным материалам, и поэтому необходимо отметить слабость учета всей комсомольской работы.

Сравнительно отстают от общих темпов девочки. Существенным обстоятельством до сих пор является чрезвычайно слабый прием 1931 г., почти целиком из детских домов. Тогда число девочек было утроено.

С тех пор прошло два с половиной года, а до сих пор весь актив девочек сплошь состоит из старых коммунарок приема 1927—1930 гг. Например, из 8 командиров отрядов девочек нет ни одной более позднего приема, чем 1930 г., в то время как из 20 командиров отрядов мальчиков — 8 приема более позднего.

Активизация этой группы девочек очень затруднена их отсталостью и уже сложившимися привычками и наклонностями, среди которых раннее половое развитие и связанные с ним явления играют первую роль: из пяти случаев брака за 1933—1934 гг. четыре приходится на эту группу девочек.

Трудность этой группы девочек осложняется тем обстоятельством, что они пришли в коммуну в возрасте 15—16 лет, следовательно, мы не имели для работы с ними необходимого «разгона». Уже более младший состав коммунарок, находящийся в пионерских отрядах, в настоящее время выше указанной группы.

Как раз в этой среде группы наблюдаются яркие факты полового влечения. Мы были застигнуты этими явлениями в самое трудное время, когда пришлось проводить большую работу с новым приемом более 200 человек.

Все же коммуна в разрешении половой проблемы не стала на путь прямого подавления и осталась в границах свойственных коммунам форм коллективного влияния. Нам удалось ликвидировать в самом начале проявления половой распущенности, которые уже потому сильно угрожали нам, что в приеме 1931 г. было несколько девочек проституировавших. Удалось локализовать половое влечение в границах определенных пар, связанных дружбой и намерением вместе пройти жизненный путь. При первой возможности мы помогли этим парам устроить семейную жизнь, обеспечив их работой, квартирами и первоначальной помощью.

Появление на территории коммуны этих семейных образований сильно охладило многих, так как доказало, что любовь связывается с реальной ответственностью. Благодаря этому в последнее время мы отмечаем наличие сильной реакции в коллективе, и общее положение в обществе девочек значительно улучшилось, усилилась активность в школьной и во внешкольной работе, появились десятки девочек-физкультурниц, членов различных кружков, в том числе даже планерного, уменьшился интерес к нарядам и сплетням.

В дальнейшей нашей работе мы должны использовать опыт и ошибки в вопросах приема. Пополнение коммуны новыми коммунарами должно быть ограничено правилами, среди которых мы предлагаем:

- а) прием мальчиков не моложе 12 лет и не старше 15 лет,
- б) прием девочек от 12 до 14 лет,
- в) отказ в приеме умственно отсталых.

Производство коммуны уже сейчас приобрело характер комбината, так как фото завод с каждым днем становится все более значащим элементом нашего производства как по выпуску продукции, так и по числу занятых рабочих и общественному своему значению.

Завод электроинструмента является совершенно сложившимся производственным организмом. Технические затруднения на этом заводе можно ожидать только в моменты перехода к новым маркам, но и то в такой только мере, в какой освоение этих марок мы всегда стремимся провести в самые короткие сроки.

Завод накопил достаточно опыта и достаточные кадры, в последнее время, впрочем, значительно поредевшие благодаря отвлечению на фотозавод.

До сих пор завод электроинструмента работал всегда в условиях случайного снабжения. Только в самые последние дни появились признаки существенного улучшения в деле снабжения и надежды на получение постоянных фондов.

В известной мере завод электроинструмента сейчас страдает вследствие отвлечения нашего внимания на фотозавод, который находится на самом трудном этапе своего развития.

Все же, несмотря на это, завод электроинструмента хорошо выполняет свою роль как в производственном обучении коммунаров, так и в финансовом отношении.

Завод фотоаппаратов находится в стадии освоения, не достигнув еще ни приближения к проектной мощности, ни овладения территорией, ни полного оборудования. Он еще размещается во временном плане, и полного его разворота можно ожидать только к концу лета. Но технологический процесс хорошо намечен, есть уже практическая уверенность, что с этим заводом мы хорошо справимся, есть хорошие кадры руководителей.

Как только строительство цехов фотозавода будет подведено к концу, можно будет форсированным образом приступить к развертыванию завода на постоянный план, и мы уверены, что с этого момента начнется быстрое приближение к проектному выпуску.

ФЭД оказался очень популярной продукцией, и уже сейчас этот завод привлекает внимание всей страны. В нем можно уже увидеть дополнительные требования, которые будут предъявлены к нашему заводу со стороны потребителя, — это требования на увеличители, приспособления для проявления и пр. Нам нужно пораньше позаботиться об организации производств всех этих приспособлений.

Инструментальный цех, который должен обслуживать оба завода и который у нас называется инструментальным заводом, в настоящее время делает огромную работу. Как только он перейдет в постоянное свое помещение и начнет обслуживать идущие на полном ходу заводы, он сделается для коммунаров самым важным и интересным производственным полем деятельности, так как именно здесь коммунары будут получать самую высокую квалификацию.

Таким образом, производственные перспективы коммуны довольно радужны. Они значительно улучшились в последние дни в связи с особенным вниманием, которое проявлено к фотозаводу со стороны штаба РККА. Представители штаба с самым полным удовлетворением осмотрели наши заводы, работу фотоаппаратов, будущие цехи и сказали нам, что наш фотозавод они рассматривают как важный стратегический пункт. Они предложили нам финансовую и материальную помощь, не требуя даже от нас никаких обязательств.

Столь хорошие производственные перспективы нисколько, однако, не уменьшают трагичности нашего положения с кадрами. Сейчас приходится набирать случайных людей, и коммунары становятся не основными кадрами завода, а некоторым вкраплением. Это плохо не только в том отношении, что понижается воспитательное значение коммуны, но и потому, что руководители наших производственных отделов очень слабо ощущают какие бы то ни было педагогические задачи.

Такое положение не может долго продолжаться без большего вреда для нашего основного дела. Во всяком случае, затягивать такое положение на год или больше невозможно.

Нельзя также допустить решение вопроса о кадрах путем паллиативных мер: постройки временных бараков для новых коммунаров, так как в этом случае мы дадим коммунарам только крышу, не обеспечив правильного их воспитания. Самым опасным в таком решении будет разделение коммунарского коллектива на два различно обставленных лагеря.

Правильное решение этого вопроса может быть только одно: постройка в этом же сезоне большого здания для второго коллектива коммунаров и организация в нем образцового техникума. Это требует некоторого строительного напряжения и дополнительного расхода 2 миллионов рублей. Так как солидные увеличения прихода мы ожидаем только в 4 квартале, то весь финансовый вопрос такого строительства приобретает характер кредитного типа.

Для нас остается важным принципиальное решение вопроса о таком строительстве. С финансированием его коммуна справится собственными силами.

Таким образом, основными вопросами нашей работы в ближайшее время являются:

- а) полная реорганизация школы и ее улучшение,
- б) уточнение работы завода электроинструмента, особенно в вопросах снабжения,
- в) полное освоение и развертывание завода фотоаппаратов,
- г) увеличение коммунарского коллектива вдвое и постройка для этого нового здания,
- д) дальнейшая активизация коммунарского коллектива, и особенно активизация девочек.

О школьном комбинате коммуны им. Ф. Э. Дзержинского

Семилетка — III, IV, V, VI, VII, классы, 297 воспитанников.

Оптико-механическое отделение техникума — I и II курсы, 24 воспитанника.

Индустриальное отделение техникума — I и II курсы, 24 воспитанника.

Старший концентр десятилетки в составе VIII, IX и X классов, 110 воспитанников.

Одногодичные технические курсы, 16 воспитанников.

Технически такая организация школьного комбината в одной системе [работы] коммуны не представляет никаких затруднений. Для всех этих групп мы должны использовать только одно школьное здание, оборудованное достаточным количеством кабинетов и лабораторий, и располагать одним педагогическим коллективом. Только в подробностях учебного плана и школьного расписания будут отражаться различия между отдельными группами. Не потребуется также никакого специального штата управления для групп различного типа.

Я должен обратить внимание на незначительность групп техникума (по 12 человек) и одногодичных технических курсов. Незначительная численность этих групп вызовет, конечно, некоторое удорожание стоимости одного ученика. Но на это необходимо идти в настоящее время, так как мы, собственно говоря, даже не приступили к оборудованию техникума, и поэтому он не вызывает большого доверия коммунаров. По мере того как техникум начнет работать, закончена будет его материальная организация, а самое главное, когда на глазах коммунарского коллектива техникум будет делать выпуски, будут повышаться интерес коммунаров к этому типу образования и увеличиваться группы техникума.

Учебно-производственный процесс (практика) для студентов техникума должен быть организован в отдельные часы от производственного процесса. Для этого потребуется не больше двух дней в шестидневку, от 4 до 6 часов в некоторых цехах.

Объяснительная записка к проекту организации трудового детского корпуса

Есть у меня небольшая надежда, что Вы прочтете эту записку — более обстоятельный список аргументов, чем представленный проект. Тема сама по себе настолько важна, настолько и назрела, что требует внимания самых ответственных лиц.

Главной причиной всех происходящих недоразумений с этой темой я считаю ничем не объяснимое суживание вопроса. А суживается вопрос от простой причины — от нашего закрывания глаз на действительное существование беспризорщины. И в Ваших многих словах это проскальзывало. Нам все кажется, что беспризорность — это явление случайное или пережиток прошлого, что она скоро, вот-вот через один-два года, исчезнет.

Во всем Союзе я, кажется, единственный человек, который с начала Советской власти на Украине не изменил этому делу, не ушел от него, я, таким образом, могу себя считать самым высоким специалистом по беспризорным. И вот за 15 лет своей работы я регулярно наблюдаю одни и те же надежды: беспризорность вот-вот прекратится.

Если она не прекращается, мы это относим за счет специальных явлений, а не за счет органических процессов. За нашими надеждами мы не заметили очень многих вещей, мы не производили никакого анализа, не увидели явлений гораздо более широких, чем беспризорность. Эта ошибка уже принесла много вреда, и этот вред увеличивается.

А между тем нужно обратить внимание на следующее:

1. Беспризорные 1921—1924 гг. уже давно исчезли. Писательская романтика еще до сих пор культивирует этот старый тип беспризорного анархиста, блатняка и в то же время гениально способного индивида. На самом деле сейчас ничего такого нет. И раньше беспризорный не был так ужасен,

как рисовали его наши, а еще более западные писаки, но раньше он действительно был сыном уголовного общества и в значительной мере или по крайней мере воспитывался им. В лучшем случае он был выходцем из отворотительного мещанского моря городской кустарщины.

Сейчас у нас ни этого кустарного мещанства, ни тем более специально уголовного мира нет. Вор теперь больше руководится нуждой, чем какой-либо философией. И современный беспризорный — это вовсе не то, что раньше. Даже если он вор, то все же он больше всего хочет перестать быть вором... Сейчас увлекает не романтика блатного индивидуализма, а зависть к металлистам, к футболистам, к летчикам, шоферам, морякам. Дайте вору в руки инструмент — и он доволен.

Наш теперешний беспризорный — это не продукт классового распада... Теперешний беспризорный — это прежде всего ребенок, потерявший семью.

Причин этому много: более свободна форма семьи, отсутствие принудительного сожительства, более напряженное движение человека в обществе, бóльшая загруженность отца и матери работой, отход женщины от семейной ограниченности, материальные и прочие формы противоречий. А в то же время остались и действуют и ранее существовавшие формы потери семьи: смерть одного из родителей, измены, мачехи, болезни и инвалидность.

Если ребенок раньше был собственностью своего отца и до конца подчинялся не только его авторитету, но и его палке, то теперешний ребенок, в особенности мальчик, абсолютно не склонен к собственному обезличиванию. Он считает себя вправе отказаться от принадлежности к семье и уходит. Отцы и дети в наше время стоят почти на равноправных позициях, нет уже того, что раньше держало семью связанной, — деспотической власти отца, освященной всей моралью общества... Отцы тоже не очень церемонятся с детьми. Я знаю почти анекдотический случай такого типа: родители отправляют сына на два дня погостить к тете, а когда сын возвращается в отчий дом, он не находит ни родителей, ни вещей, никаких следов — семья выехала неизвестно куда.

Мы можем сколько угодно штрафовать родителей или принудительно возвращать детей к ним — это совершенно безнадежное и бесполезное занятие.

Сами дети это очень хорошо понимают. Понимают это и родители. В настоящее время я принимаю ежедневно несколько десятков просителей. Из них очень немного беспризорных. Большинство же — дети из семьи или родители.

Я встречал очень мало ребят, для которых не являлось бы мечтой поступление в коммуну им. Дзержинского. Здесь привлекает отнюдь не хорошее обеспечение. Во-первых, коммунары не так уже и обеспечены, во всяком случае, они ходят еще в бумажных костюмах. Во-вторых, такое же явление я наблюдал и по отношению к колонии им. Горького, которой заведовал восемь лет, хотя колонисты всегда жили бедно. Ребят привлекает прежде всего интересная и богатая перспективами и содержанием жизнь коллектива. Ребята инстинктивно видят в жизни такого коллектива что-то настоящее.

Если проверить состав детей в детских домах, то прежде всего поражает то, что почти у всех детей есть или родители, или родственники. Это происхо-

дит и от того, что детские дома в очень большой мере заполняются прямо из семьи при помощи разных просьб, протекций, ходатайств и пр. А также и оттого, что многие беспризорные скрывают свое семейное положение; оно выясняется только к концу пребывания мальчика в колонии.

2. Борьба с беспризорщиной, отданная во владение интеллигентщины, по совести говоря, не была по существу большевистской. Подходят к беспризорному с самым нежным сердцем и даже с разнообразными чувствами, вокруг беспризорного нагородили непроходимые ворохи всякого идеалистического словесного хлама, вплоть до свободного воспитания и гармонической личности, рассматривали его не как гражданина и будущего работника, а как биологическую игрушку для нашего этого самого сердца или как хороший прибор для упражнений в разных логических трюках. Остатками старой российской интеллигентщины заражены многие... Мы и легкомысленны, как интеллигенты. Мы ничего не жалеем, отдаем на беспризорных огромные деньги, но за разными делами забываем проверить, как истрачены эти деньги и что получается.

А что получается? Этому самому ребенку на линиях политической грамотности рассказываем об индустриализации, о Днепрострое, об автомобильных заводах. Даем ему газету, в которой он читает о технике, о рационализации, о стройках. А работать заставляем его в сапожной мастерской или в столярной, при этом работать так, как работали только сапожники в старой России, заставляем «сучить дратву» и строгать рубанком. А этот самый беспризорный прекрасно знает, что на обувных и деревообделочных фабриках вовсе не так работают. Этому не знают только его педагоги. Он стремится на завод, он хочет быть металлистом, шофером, механиком, радистом, летчиком, станковым или электромонтером, а мы ему в руки даем архаическое сапожное шило или заставляем делать вручную табуретки, которых теперь уже никто вручную не делает.

И это в лучшем случае. А бывает гораздо хуже: мы заставляем его собирать лекарственные растения, или заниматься картонажным делом, или просто ничем не заниматься. В детских домах обвиняют беспризорного в лени, обвиняют только потому, что тот не хочет сучить дратву. Так же ленивы были и «мальчики» у старых сапожников, но старые сапожники могли по крайней мере заставить «мальчика», а мы и этого сделать не в состоянии. И тогда мы начинаем кричать о проблеме дисциплины, когда на самом деле у нас такой проблемы вовсе нет, а есть только одна проблема: здравого смысла по отношению к детям.

И поэтому стремление ребенка в детский дом оказывается стремлением неудовлетворенным. Если мальчишка бежит из детского дома, то вовсе не потому, что там плохо кормят, а потому, что такой детский дом ему просто не нужен, да вообще он и никому не нужен. Он бежит потому, что рассчитывает хоть на что-нибудь: на удачу, на новый дом, на случай, а здесь ему, во всяком случае, рассчитывать не на что.

С удивительной настойчивостью приняли меры, чтобы детские дома отвращали от себя. Их организовали в случайных местах, наименее социалистического типа: в старых монастырях и помещичьих гнездах, далеко от города, без водопровода, без канализации, без электричества. Их сделали карликовыми, т. е. обрекли на кустарное или примитивное хозяйство, лишили общества техников и инженеров и всех признаков серьезного советского

хозяйства: промфинплана, рентабельности, цельности, полезности, качества, хозрасчета. Такие детские дома — это форменные белые вороны в Советском Союзе. Это ничем не объяснимое утверждение кустарщины, уравниловки, мелкобуржуазного ханжества. И на эти по меньшей мере чуждые нам учреждения ежегодно тратим миллионы рублей.

3. Из таких детских домов должны бежать — это непреложный закон. Он вытекает из самых общих наблюдений. А если коснуться педагогической и организационной техники ближе, то мы найдем очень много причин... Возьмем наудачу одну техническую деталь. В детские дома дети идут не по собственному выбору, а по случайным обстоятельствам. И тем не менее мы предлагаем всем воспитанникам данного детского дома одну и ту же работу... Наробразы только и знают, что «реорганизуют детские дома», т. е. беззастенчиво перебрасывают из одного детского дома в другой по разным поводам и просто без поводов целые группы, закрывают, открывают, укрупняют, разукрупняют... У меня и сейчас есть воспитанники, которые ни разу ниоткуда не бежали, но которые тем не менее перешли через **в о с е м н а д ц а т ь** детских домов.

Беглецы из детских домов должны представлять для нас интерес не только потому, что их снова нужно «подбирать», а скорее по другой причине. Беспризорные на улице — это настоящая социальная зараза. Возле таких непризорных на улицах обязательно начинает организовываться группа будущих непризорных. Вопль всех родителей сейчас выражается буквально в одних и тех же выражениях:

— Мальчик от дому отбился, шляется с непризорными...

4. И вот при такой конъюнктуре мы повторяем одну и ту же ошибку. Мы вдруг ассигнуем на подбор непризорных большие суммы и действительно в течение трех-четырех дней очищаем улицы, запикиваем этих опытных беглецов из детских домов в эти же самые детские дома... Я участвовал не меньше как в десятке таких массовых подборов и давно пришел к такому заключению, что это самое большое зло, какое у нас есть.

Нет ничего вреднее такого массового подбора. Самый характер этого подбора определяет и его неудачу. Это очень несолидно, хотя и стоит солидных денег. Все эти ребята очень хорошо знают, чем кончаются такие подборы, а зная это, они и других научат — новеньких, первичных непризорных.

Конечно, нужно убрать непризорных с улицы и нужно их прежде всего накормить, но наконец нужно же когда-нибудь задуматься: до каких же пор будет продолжаться эта игра? Не лучше ли организовать детские дома так, чтобы больше массовых подборов не было?

А для этого нужно:

1. Иметь все-таки какой-то план, исходящий из реальных данных, в том числе из данных о потере семьи или по крайней мере о числе физических сирот.

2. Организовать детские учреждения так, чтобы дети из них не бежали.

3. Поставить перед детскими учреждениями серьезный вопрос о подготовке кадров, а не сапожников, о воспитании нужных для страны людей. Этот вопрос тоже запланировать, в том числе запланировать и вопрос о выпусках и о назначении выпусков. Совершенно же очевидно, что по окончании детского дома воспитанник должен куда-нибудь командироваться на

работу и ему должны быть предоставлены все условия, чтобы он эту командировку мог выполнить.

4. Принять все меры, чтобы детские дома перестали быть потребительскими учреждениями, а сделались учреждениями трудового советского социалистического воспитания, чтобы на них не нужно было выбрасывать десятки миллионов рублей совершенно непроизводительно.

5. И совершенно ясен путь правильной работы детских домов — это тот самый путь, который мы предлагаем. Путь следующий:

А. Детские колонии должны быть настолько крупными, чтобы в них можно было организовать серьезное производство, обставленное станками, обладающее строгим технологическим процессом, дающее подготовку по разным разрезам и специальностям, руководимое инженерным и техническим персоналом, достаточно квалифицированным.

Б. Подготовка кадров в колониях должна равняться не на кустарную квалификацию для кустарной мастерской, а на квалификацию современного рабочего в большом производстве с разделением труда и со стандартной продукцией.

В. Само собой разумеется, что в более крупном производстве всегда найдутся отделы, где будет получаться не стандартная квалификация. Только крупное производство может подготовить, с одной стороны, и токаря и револьверщика массовой продукции, но, с другой стороны, и высокой квалификации слесаря-инструментальщика, или лекальщика, или модельщика.

Такая колония должна обладать и школой на разные вкусы и способности. Беспризорная масса дает очень разнообразный букет личных качеств. Многим нужно будет дать в прибавку к квалификации только обычную грамотность — не больше, как за четыре группы, другим грамотность семилетки или фабзавуча, третьим знания специального техникума, четвертым общее среднее образование, может быть, даже без всякой квалификации, с установкой на вуз.

Это все чрезвычайно серьезные вещи, и все это требует соответствующих организационных выводов. Ясно, что в маленькой колонии нельзя удовлетворить все эти наклонности и вкусы случайно собранных ребят. Это порождает не только побеги, а гораздо более тяжелые последствия — конфликты, разочарования, гибель характеров, подавленность, подозрительность, скрытые и открытые протесты, воровство, пьянство, хулиганство.

Г. Трезво глядя в глаза жизни, нужно подчеркнуть, что интерес к квалификации и к учебе сам по себе далеко не всегда определяет движение колониста вперед. Есть много слабых характеров, для которых необходимы более простые стимулы: дисциплина и в особенности материальная заинтересованность.

Впрочем, вопрос о зарплате имеет гораздо более широкое значение, чем только стремление (материальной) заинтересованности. На получаемой зарплате колонист воспитывается координировать личные и коллективные интересы, приучается к личному бюджету, попадает в сложнейшее море советского промфинплана, хозрасчета и рентабельности, изучает всю систему советского заводского хозяйства и принципиально входит в класс пролетариата, становясь на совершенно общие позиции со всяким другим рабочим. Наконец, приучается просто ценить заработок и уже не выходит

из детского дома в образе своеобразной беспризорной институтки, не умеющей жить, а обладающей только «идеалами».

Кроме того, зарплата позволяет каждому колонисту к моменту выпуска иметь сбережения в сберкассе и выходить в жизнь довольно хорошо обеспеченным.

Д. И наконец, самое главное. Пора детским колониям сделаться очагами коммунистического воспитания. А это значит, что мы должны воспитывать не только рабочих, но и ударников, знающих по опыту, что такое социальное соревнование, комсомольцев, людей, преданных своему классу и революции. А это мы можем сделать только в атмосфере серьезного советского производства.

Можно сказать: а как же наша школа? Неужели и для нее необходимо производство? Я давно говорю: да, совершенно необходимо, но в школе мальчик или девочка не так оторваны от общества. Отец или мать, братья, сестры, дяди и родственники — они очень много вносят в психику мальчика от того производства, на котором они работают. А воспитанник детской колонии, если в колонии нет производства, оторван от советской жизни, он живет и воспитывается в искусственно созданных не советских условиях.

6. Все это совершенно необходимо аргументирует крупную детскую колонию. Собственно говоря, я вовсе не настаиваю на этой логике — 12 тысяч детей в одном месте. Достаточно, если в колонии будет тысяча детей. Важно, чтобы она была оборудована и организована правильно.

Мое предложение о единой колонии на 12 тысяч детей вытекает из других соображений.

Если нужно подобрать сейчас 12 тысяч детей, то, собственно говоря, в воспитательном отношении безразлично, будет ли организовано 12 колоний на расстоянии нескольких сот верст одна от другой, или будут эти самые 12 колоний, расположенные одна от другой на расстоянии полукилометра. Воспитательный успех будет решен не расстоянием между колониями, а их организацией. Конечно, в одном коллективе не должно быть больше тысячи детей. Здесь критерием является контактность коллектива: необходимо, чтобы члены одного коллектива друг друга знали, чтобы они могли вместе собраться на общее собрание, чтобы они знали своих руководителей и все свои дела. И поэтому, на каком бы расстоянии ни были расположены колонии одна от другой, каждая из них должна быть самостоятельной единицей, управляемой в порядке единоначалия и в порядке единства коллектива и его интересов, на отдельном хозрасчете, с отдельным промфинпланом. Это совершенно необходимо.

Но очень много приносится полезного и общением между колониями, и соревнованием между ними. Вот сейчас коммуна им. Дзержинского имеет постоянную живую связь с Прилукской коммуной, с Дергачевской и Гиевской колониями, с колонией им. Горького, с 82-й и 55-й школами, со школой слепых в Харькове и с другими детскими организациями.

Если эта связь и общение будут не случайно и сложно налажены, как теперь, а организованы в одном федеративном союзе на базе участия в одном производственном, бытовом и культурном комбинате, то от этого будет огромная и, пожалуй, даже не виданная до сих пор польза.

Ибо одним из недостатков детских домов и колоний является именно их

все определяющая контактность. Своими дети считают только тех, кто с ними живет в одном доме и кого они знают в лицо. Необходимо, чтобы признак «свой» определялся не интернатом, а общим делом — единственно правильный классовый подход.

Но допустим даже, что все эти выгоды несущественны. В таком случае, какие могут быть названы воспитательные убытки? Я не знаю никаких.

Значит, можно считать, что в воспитательном отношении расстояние между колониями безразлично.

Но оно не безразлично во многих других отношениях. Прежде всего одна колония на 12 тысяч человек будет стоить раза в три дешевле, чем 12 колоний на тысячу человек каждая. Будет стоить и в строительстве, и в функционировании.

Во-вторых, и это очень важно: для 12 колоний потребуется персонал в шесть тысяч человек, а для одной колонии, большой, — в три тысячи человек. А самое главное: мы настолько бедны опытом удачных детских колоний, что в настоящее время можно сказать уверенно: для 12 колоний нет людей, нет их и для четырех. Поэтому выгоднее создать кулак организаторов в одном месте, чем разбрасывать кадры по всей республике.

В-третьих, все равно нужно центральное управление этими колониями как хозяйственно-производственным трестом. Но гораздо удобнее это управление иметь в самой колонии, чем заставить его разъезжать по всей Украине или ограничиваться бумажными директивами.

В-четвертых, наконец, наибольшая выгода заключается в солидности дела. Это во всех отношениях облегчит и получение фондов, и снабжение, и сбыт и предохранит колонию от каких бы то ни было партизанских наскоков случайных реорганизаторов на местах, от ненужных и вредных опытов.

Можно строить одну колонию, можно строить двенадцать или шесть, в последнем счете, если есть лишние деньги, отчего не строить.

Но не могу без глубочайшего оскорбления представить себе, что большие миллионы будут вложены на расширение и организацию существующих колоний. Сколько же есть таких колоний, которые не жалко развалить? Ведь в колонии им. Горького все здания давно нужно взорвать. И сколько уже совершали таких ошибок: найдем какой-нибудь трехсотлетний монастырь, которому прямо грош цена, соблазнимся его дырявыми крышами, начинаем организовывать там колонию. Постепенно вкладываем большие капиталы — миллионы. А потом сами себя ругаем: монастырь стоит десять тысяч, а вся колония — двадцать миллионов, но благодаря тому что привязались к монастырю, колония отстоит от железной дороги на 18 километров, на каждом шагу мешают все эти холодные и теплые церкви, и мы еще должны их бесконечно ремонтировать, ибо неосмотрительно расположили в них столовую или клуб. Далек не нужно ходить — в подобном положении находится и Прилукская коммуна ГПУ УССР, и вторая коммуна ОГПУ под Москвой, в Николо-Угрешском монастыре. Здесь я привожу названия крупных единиц, а что уж говорить о мелких колониях, которые по своим материальным данным просто ничего не стоят.

Такова наша история

В 1927 г. на заседании коллегии ГПУ УССР было решено увековечить память тов. Ф. Э. Дзержинского открытием в Харьковском лесопарке детской коммуны его имени.

В октябре назначили обслуживающий персонал. Штат работников был невелик: заведующим коммуной стал я, воспитателем — Т. Д. Татаринов¹, завхозом — Опришко из Ахтырки, повар был тоже оттуда.

В декабре в коммуну прибывает первая партия беспризорных из колонии им. Горького, среди которых было 50 мальчиков и 10 девочек.

В январе 1928 г. в коммуну прибывают еще 40 новых беспризорных, подобранных с улицы. В настоящее время они составляют правящий актив коммуны, многие уже вышли в самостоятельную жизнь.

В это же время организуется первый духовой оркестр, составивший первое музыкальное богатство коммунаров. Руководить оркестром пришлось В. Т. Левшакову, который у нас в коммуне с тех пор является несменным капельмейстером.

В сентябре в коммуну с улицы и из детских домов приняли снова 50 новых коммунаров. В коммуне стало гораздо теснее и веселее.

В декабре 1929 г. в коммуне организован пошивочный цех и расширены деревообделочные цехи. Вскоре приобретены 3 стареньких токарных станка, старенький литейный барабан. Начали делать кроватные углы и масленки, делали стандартную мебель, тысячами шили трусики — это, во всяком случае, было производство.

Введение зарплаты для коммунаров повысило ответственность за работу и производительность труда. С этого времени коммуна переходит на полную самокупаемость. В результате производительного труда в коммуне появляются денежные накопления, что дало возможность значительно расширить цехи деревообделочной мастерской. Коммуна стала выбрасывать на рынок тысячи стульев, чертежных столов и др. Ежедневный выпуск продукции достиг суммы 3000 рублей.

В сентябре 1930 г. состоялось торжественное открытие рабфака при коммуне. Это был чрезвычайно важный шаг вперед, который открывал большие перспективы в поисках нового, более совершенного производства.

В этом же году в коммуне были упразднены должности воспитателей, так как коммунары уже настолько выросли и настолько выросло их самоуправление, что они уже могли в дальнейшем сами вести коммуну.

В мае 1931 г. состоялась закладка корпуса новых спален и завода электроинструментов.

В ноябре снова состоялся массовый набор беспризорных с вокзала. Взвод беспризорников, вместе с коммунарами, с маршем, был приведен в коммуну. Здесь было совершено торжественное сожжение одежды беспризорников, которые с этого дня стали равноправными членами коммуны.

В январе 1932 г. при участии всеукраинского старосты Григория Ивановича Петровского был пущен первый в Союзе завод электросверлилок коммуны им. Феликса Дзержинского. И какой радостью была для коммунаров выпущенная первая электросверлилка! С этого дня началась организованная борьба коллектива коммунаров за освоение годовой программы в 7 тыс. электросверлилок. 28 мая в первый раз за все время коммунаровцы достигли

наивысшей производительности, выпустив 50 электросверлилок в день.

Немного позже, в июне коммунаровцы задумали производство фотоаппаратов типа «Лейка» (ФЭД). Было организовано специальное экспериментальное бюро по разработке пленочного аппарата. И только в октябре были выпущены первые 3 таких аппарата.

Экспертизой профессоров и специалистов фотоаппарат ФЭД признан хорошим аппаратом, не уступающим заграничному, с некоторым преимуществом в оптической части.

В ноябре приступили к изготовлению технического проекта завода пленочного аппарата типа ФЭД производительностью в 30 тыс. аппаратов в год, и уже в декабре была выпущена первая в СССР серия пленочных фотоаппаратов.

Все последующие годы коммунаровцы энергично боролись за освоение программы выпуска электросверл, пленочных аппаратов, добившись к первому августа выполнения программы по электросверлам в 20 тыс. штук.

Огромная работа проведена по жилищно-культурно-бытовому строительству.

Новые корпуса спален, бани, прачечной, домов ИТР выросли за это время.

Развиваясь в течение семи лет, коммуна прошла большой интересный жизненный путь. В настоящее время она представляет собой одно из ведущих педагогических учреждений и далеко известна не только в СССР, но и в Европе, Америке. До 214 делегаций посетили коммуны, из которых две трети были делегациями Германии, Франции, Америки, Китая, Австралии и многих других стран.

Сосредоточивая в себе контингент ребят в возрасте от 11 до 20 лет, коммуна в то же время настойчиво утверждает принципы совместного воспитания мальчиков и девочек. В настоящее время из 400 коммунаров в ней около 100 девушек.

Огромное внимание уделено учебе. Коммуна давно уже в собственных стенах имеет рабфак Харьковского машиностроительного института. Почти половина коммунаров, учащихся рабфака, ушла на учебу в вузы и втузы. В этом году рабфак коммуны преобразовывается в техникум с двумя отделениями: электромеханическим и оптико-механическим.

Имея годовой промфинплан на двух своих заводах, достигающий 20 млн. рублей в год, коммунары производят чрезвычайно важную в общей экономике страны продукцию, одновременно готовя стране грамотные высококвалифицированные кадры.

О летнем лагере коммунаров

Начальнику коммуны им. Ф. Э. Дзержинского
Начальника педагогической части
РАПОРТ

По вопросу о положении, создавшемся в связи с отклонением похода в Одессу, представляю следующее:

1. Поговорив со старшими коммунарами, прихожу к заключению, что никакого особенного сожаления об Одессе не будет, многие коммунары даже предпочитают провести отпуск где-нибудь на реке близко от Харькова. Этим самым, впрочем, нисколько не исключаются за-

труднения, происходящие от позднего времени, недостатка лодок и вполне естественного ожидания скуки.

2. Исходя из этого, в создавшемся положении, принимая во внимание необходимость для коммунаров выехать из здания коммуны на время ремонта, считаю возможным вывод лагеря коммуны в какую-либо местность на реке Донец...

Считаю, что необходимо осмотреть место возле Чугуева, где также протекает Донец, есть хорошие сосновые леса, гораздо здоровее местность и близко находится железная дорога и город Чугуев, а также Эсхар.

3. Для сколько-нибудь удовлетворительной организации лагеря считаю совершенно необходимым:

а) немедленно освободить т. Дидоренко¹ от обязанностей по коммуне и поручить ему дела подготовки лагеря, столовой, кухни и пр.;

б) достать трактор и динамо[машину] для освещения лагеря;

в) принять самые решительные меры к оборудованию лагеря лодками в количестве не менее 65 штук;

г) организовать закупку спортивных и рыболовных принадлежностей для наилучшей организации досуга коммунаров;

д) пригласить массовика для организации развлечений младших коммунаров;

е) принять меры к организации в лагере постоянного буфета, хорошо снабженного фруктами, папиросами², водой и пр.;

ж) организовать постоянное кино в лагере.

К организации лагеря должно быть приступлено немедленно, с тем чтобы колонна коммунаров могла выступить не позже 1 августа. С 1 сентября разрешить мне право дать отпуск отдельным коммунарам за их счет для посещения родственников и знакомых. В коммуну возвратиться 15 сентября.

Некоторые соображения о школе и наших детях

Я считаю главным недостатком нашей школы вовсе не плохую дисциплину и не плохую успеваемость, а отсутствие определенного тона и стиля, отсутствие традиций и неясность вопроса о нормах. [Плохая] дисциплина и успеваемость являются только результатом этих недостатков.

Старая школа (царская) была очень выдержанна в отношении стиля. В средней школе учительство было крепко организовано как определенная ветвь чиновничества, связано табелью о рангах, движением по службе, ясным положением в обществе и очень твердой системой представлений об ученике, его обязанностях, его перспективах и, конечно, такой же твердой шкалой норм, касающихся ученика, его успеваемости, поведения и пр. Этой определенности соответствовали многие внешние формы и процедуры, начиная, скажем, от ритуала экзаменов и кончая формой классных журналов.

Этой определенности соответствовала такая же определенность детского общества средней школы. Как бы часто теперь ни отмечались многие недостатки старой школы, ее казенный формализм, ее бездушность, это не исключает в общем того обстоятельства, что детское и юношеское общество средней школы находилось всегда в очень точной сфере различных норм, подчинялось этим нормам и приспособилось к ним, хотя часть и вырабатывала своеобразные формы оппозиции. Партия учителей и партия учеников в средней школе часто противостояли друг другу, но даже это противостояние проходило в определенных традиционных формах, т. е.

в некоторой степени признавалось как некоторая дополнительная форма, нисколько не разрушающая общую систему.

В начальной старой школе, земской и городской, учительство не было чиновным, здесь не было бездушности и формализма, но и в этой школе работа и жизнь были сильно нормированы.

Наконец, в старое время совершенно определенной была позиция ребенка в семье. Власть родителей не вызывала никаких сомнений и простиралась очень далеко «количественно и качественно». Не только замужество дочери, но и жизненный путь сына находились в значительной мере в сфере отцовской власти. Это не вызывало даже особенных протестов младшего поколения, ибо семья как «первичный педагогический коллектив» была почти государственным учреждением, авторитет которого был обеспечен и вековой традицией, и реальными интересами членов семьи.

Дисциплинарное благополучие старой школы и выдержанность ее стиля были тем более возможны, что школа впитывала в себя только верхний слой общества, во всяком случае, настоящие низы там, где не было ни крепкой семьи, ни традиций, ни материальной обеспеченности, в большинстве случаев не имели никакого отношения к школе и не вливали в нее ничего принципиально отличного.

Советская школа... еще не выработала своего стиля, своих традиций, своего тона. В таком же положении находится и семья. Возвращение к старому стилю невозможно, потому что исчезла старая структура общества, исчезли старые традиции, их никто не может возродить, даже если бы хотели. И поэтому, если в порядке некоторой растерянности мы иногда пытаемся восстановить что-нибудь старое (например, экзамены), у нас получается не то. Мы сами собственными руками на другой же день после первого энергичного решения начинаем вносить уничтожающие решение поправки.

Я не представляю себе, чтобы нашу школу можно было наладить при помощи только общих идей или случайных паллиативов. А сейчас как раз мы этим и занимаемся. Общие идеи до сих пор имеют характер расплывчатый и идут неизвестно откуда: это идеи некоторой «демократии», некоторого отрицания «внешних» мер [воздействия], некоторой излишней веры в «развитие ребенка», некоторой «политехнизации» и т. д.

А рядом с этим некоторые паллиативы, настолько неуверенные, что даже они не доводятся до конца. Эти паллиативы у нас принимают характер закона, не поддержанного характером самого школьного общества. Например, был издан закон, что за хулиганство в школе нужно увольнять без права поступления в другую школу². Едва ли этот закон был применен где-нибудь, потому что наша школа просто не способна его применить. В нашей школе нет фундамента для такой репрессии.

Наша школа должна быть построена на фундаменте, отличном от фундамента старой школы. Там фундаментом было чиновное учительство и авторитарная семья. Нашим фундаментом должны быть педагогические коллективы, коллективы учеников и новая семья, которая тоже должна принять форму трудового коллектива. Ни того, ни другого, ни третьего у нас пока что нет, и их нужно создать...

Что нужно делать с педагогами? Я бы считал необходимым следующее:

а) В каждой школе должен складываться коллектив педагогов. Для этого необходимо решительное запрещение для учителя работать больше, чем в одной школе. Кроме того, нужны специальные меры, чтобы работа учителя в данной школе была как можно более длительной. Увольнение учителя или перевод его в другую школу должны быть затруднены.

б) В школе не должно быть слишком много учителей, т. е. не должно быть учителей, имеющих два-три урока в неделю. В самих педагогических вузах дело должно быть так поставлено, чтобы из них выходили преподаватели определенных циклов в средней или неполной средней школе. Каждый цикл предметов должен составлять в практике школы совершенно определенную норму нагрузки на одного преподавателя. Эта норма классной нагрузки плюс определенный объем собственно воспитательной работы в ученическом коллективе и должны составить среднюю рабочую долю для каждого учителя. Уклонения от нее в сторону уменьшения или увеличения должны быть очень незначительны и даже не отражаться на жалованье.

в) Жалованье учителя не должно исчисляться почасно. Каждый учитель в зависимости от своего образования и типа школы, в которой он работает, должен получать определенную ставку, удовлетворяющую не только его материальные, но и культурные потребности.

г) Так как для учителя очень сокращены возможности какой бы то ни было карьеры, движения по службе, повышения и т. д., то необходимо разработать систему пятилетних или трехлетних прибавок с таким расчетом, чтобы учитель, проработавший, скажем, 15—20 лет в одной школе, получал жалованье, превышающее жалованье новичка раза в три.

д) Наряду с этим необходимо разработать систему иных поощрений, отмечая работу лучших учителей при помощи присвоения им различных званий («старший учитель», «заслуженный учитель», «народный учитель»); конечно, это нужно хорошо обдумать.

е) Очень желательно, чтобы большинство учителей данной школы имели квартиры при самой школе. У нас сейчас очень часто школы помещаются в жилых дворах, но там живут не учителя, а посторонние. Учительский коллектив, живущий при школе, сильно содействовал бы и «коллективизации» учеников при помощи вечерних работ, устройства игр и вечеров, праздников и просто живого общения.

ж) Необходимо пересмотреть программы педагогических вузов и техникумов как со стороны подготовки к преподаванию, так и со стороны специальной подготовки к воспитательной работе учителя.

Эту последнюю нужно организовать в двух направлениях:

а) Необходимо, чтобы из педагогических вузов выходили люди более широко образованные независимо от избираемого для преподавания цикла предметов. Программа такого широкого образования должна быть построена параллельно всей сумме вопросов нашего строительства. Выпускники вузов должны знать, как строится производство, какие богатства и перспективы в нашей стране. Они должны знать, как добывается нефть и что получается из нефти. Что такое апатит, должны знать историю Арктики, особенности Сибири, Кавказа, вообще они должны знать все, что мо-

жет помочь их воспитанникам избрать себе путь и специальность.

б) Во время пребывания в вузе студенты должны получить не только специальное образование, но и специальное воспитание, они должны быть организованы, подтянуты, воспитать волю и сдержанность, получить физкультурную подготовку, вообще они должны быть культурны во всех отношениях, вежливы, чистоплотны, знакомы с литературой, искусством, музыкой.

в) Особенным вопросом в педвузах должен стоять вопрос о семье, структуре семьи, методике воспитания в семье и о средствах педагогической помощи семье.

Ученики должны быть организованы в коллектив, иметь органы самоуправления, построенные не по принципу «демократии», а по принципу уполномочия и единоначалия с усилением элементов: хозяйственной заботы, личной и коллективной ответственности за успех, дисциплинарных и бытовых активных действий.

Школьный коллектив должен накапливать традиции, внутренние нормы [жизни и деятельности], может быть, даже отличающие данную школу от другой.

Желательно в школе ввести некоторые внешние формы [организации] полувоенного типа: строй, оркестр, салют, некоторые обязательные формы выражения вежливости.

Все школьное общество должно быть мобилизовано на выработку норм поведения и на наблюдение за выполнением этих норм. Старшие ученики должны получить некоторую власть над младшими.

Школьный коллектив должен иметь право контролировать семью со стороны ее воспитательной деятельности, помогать семье методическим советом, прямой воспитательной помощью отдельным лицам... Школа должна иметь право репрессий по отношению к семье, не выполняющей своих воспитательных функций. Это право должно принадлежать не милиции, а именно школе.

Для этого необходимо подчеркнуть территориальное прикрепление определенных частей города к той или иной школе. Нужно уничтожить право родителей выбирать школу, тем более уничтожить погоню их за «лучшей» школой. Все школы должны быть лучшими, и родительское общество должно за это бороться.

Помощь семье должна быть оказана в самых разнообразных формах, а именно:

- а) выпуском специальной литературы,
- б) краткосрочными обязательными курсами для родителей,
- в) материальной помощью «на воспитание»,
- г) постоянным наблюдением,
- д) мерами воздействия и поощрениями,
- е) организацией родителей по большим домам, по квартирам, их ин-структированием, постоянной работой (система дежурств) и ответственностью.

Переписка А. С. Макаренко с А. М. Горьким

(8 июля 1925 г. — февраль 1935 г.)

Полтава,
колония им. М. Горького.
8 июля 1925 г.

Дорогой Алексей Максимович!

Трудно поверить, но я второй год не могу получить Ваш точный адрес. Писал в редакции всех журналов, в которых Вы участвуете, но ответа не получал. Наши воспитатели писали кое-кому из людей, побывавших у Вас в гостях, но тоже ответом нас никто не порадовал. В общем, мы знали, что Вы в Сорренто, но ведь нужно знать и что-то большее. Наконец в «Огоньке» мы нашли статью о Вас и в ней Вашу литературную фамилию, написанную по-итальянски¹. Так и посылаем. В статье «Огонька» написано, что в Сорренто все знают Ваш адрес.

Кто мы такие? В Полтаве 25 августа 1920 г. была открыта колония для несовершеннолетних правонарушителей. Я состою заведующим этой колонией с самого ее основания, мне тогда же удалось собрать крепкий коллектив воспитателей, который работает в колонии вот уже 5 лет, почти без изменений в составе. Благодаря этому и некоторым другим обстоятельствам наша колония все время жила здоровой жизнью и, по отзывам в педагогической литературе, считается лучшей в России². Это позволяет нам со спокойной совестью носить Ваше имя. Мы просили о присвоении колонии Вашего имени в 1921 г.³, и теперь гордимся, что носим его с честью. Выбирая Вас своим шефом, мы руководствовались не простым желанием носить имя известного всему миру лица, а какой-то глубокой родственностью между Вами и нами. Эту родственность мы видим и чувствуем не только в том, что и Ваше детство подобно детству наших ребят, и не только в том, что многие типы в Ваших произведениях — это наши типы, но больше всего в том, что Ваша исключительная вера в человека, нечто единственное во всей всемирной литературе, помогает и нам верить в него. Без такой веры мы не могли бы 5 лет работать без отдыха в колонии. Теперь эта вера стала и верой наших хлопцев, она создает в нашей колонии здоровый, веселый и дружный тон, которому удивляются все, кто у нас бывает. Когда меня спрашивают, какое главное доказательство успешности нашей работы, я указываю: наши мальчики, присланные к нам принудительно, по постановлению судебных органов, носящие позорное клеймо правонарушителя, через несколько месяцев уже гордятся тем, что они колонисты, да еще горьковцы. Я бы сказал, — пожалуй, чересчур гордятся, задирают носы, важничают и на всех остальных людей смотрят несколько свысока. Всякий воспитанник, пробывший в колонии 1 год, также и каждый служащий получают от педагогического совета почетное звание колониста.

Разрешите более подробно описать нашу колонию. Сейчас мы поме-

щаемся в 10 верстах от Полтавы в имении б. помещиков Трепке. Получили мы это имение еще в 1920 г. в совершенно разрушенном виде и до ноября 1924 г. ремонтировали его, а сами ютились в старой колонии малолетних преступников, верстах в трех. Истратили мы на ремонт 14 000 рублей и около 20 000 детских рабочих часов.

Колония стоит на реке Коломаке. При ней 40 десятин пахотной земли, 3 десятины луга, парк и сад.

В настоящее время в колонии живет 130 хлопцев и 10 девочек (возраст от 14 до 18 лет). Воспитателей 8.

К нашему счастью, нас никто никогда не баловал особенным вниманием. Поэтому мы пережили много тяжелых дней. Две зимы хлопцы не имели теплой одежды и обуви, но работы не прекращали. Только с 1923 г., когда мы стали опытно-показательной колонией Наркомпроса УССР, нам стало легче, и мы даже начали обрастать всяким добром. Сейчас мы уже арендуем паровую мельницу, имеем 7 лошадей, 4 коровы, 7 штук молодняка, 30 овец и 80 свиней английской породы. Имеем свой театр, в котором еженедельно ставим пьесы для селян — бесплатно. Театр собирает до 500 человек зрителей.

Живем мы, в общем, хорошо. Правда, у нас всегда бывает до 30% новеньких, еще не привыкших к дисциплине и труду, которые всегда приносят в нашу общину беспорядочный дух городской улицы, рынка, вокзалов и притонов. Под влиянием дружной семьи более старых колонистов этот дух очень быстро исчезает, и только в редких случаях нам приходится приходить в отчаяние.

Колония организована как открытое учреждение. Кому в ней не нравится, может свободно уходить. В то же время мы завоевали право общим собранием принимать в колонию тех детей, кто к нам непосредственно обращается с улицы.

Все хозяйство колонии находится в руках колонистов. Они владеют всеми кладовыми, амбарами, вообще всеми ключами. Разделены колонисты на 16 отрядов, во главе каждого отряда командир. Совет командиров — высший хозяйственный орган колонии.

Нам удалось добиться крепкой дисциплины, не связанной с гнетом. Вообще мы думаем, что нашли совершенно новые формы трудовой организации, которые могут понадобиться и взрослым⁴.

В течение года мы выпускаем в жизнь до 40 юношей. Часть из них идет на производство, часть — в армию, наиболее способные — в рабфаки. Рабфаковцы — это наша гордость. По ним равняются, за ними тянутся все живые силы. К сожалению, в колонии много детей умственно недостаточно развитых.

Наш день — это строгий до минуты трудовой комплекс. Но почему-то он у нас всегда проходит со смехом и шутками. Особенно оживляемся мы в дни великих праздников. Между ними мы имеем наши собственные праздники. «День первого снопа», когда мы первый раз выезжаем в поле с жнейками, и день «Первого хлеба», когда выпекается первый хлеб из собственного зерна. На эти праздники к нам приезжает много гостей из села, Полтавы и Харькова. Зато 26 марта, в день Вашего рождения⁵, мы не приглашаем никого. Нам всем это страшно нравится. Колония вся украшается флагами и зеленью (сосны у нас свои). В столовой

белоснежные скатерти, все в праздничных костюмах, но ни одного чужого человека. Ровно в 12 часов к Вашему портрету торжественно выносятся знамя и вся колония, до единого человека, усаживается за столы. Всегда в этот день у нас печется именинный пирог. Произносятся короткие, но горячие и душевные речи. В этот день мы ежегодно повторяем:

— Пусть каждый колонист докажет, что он достоин носить имя Горького.

Обед заканчивается множеством сладостей — это единственный день, когда мы позволяем себе некоторую роскошь.

Знамя у Вашего портрета стоит до вечера, и возле него меняется почетный караул из воспитанников и воспитателей. На меня, как заведующего, возложена особая честь нести караул последнему.

Вот и все. Но как раз простота и немногословие делают этот праздник особенно прекрасным. Наши хлопцы, если припоминают что-нибудь, то обыкновенно говорят: «Это было до именин» или «после именин».

Вечером в театре мы все эти 4 года ставим «На дне». Говорят, что хорошо выходит. Пьесу мы знаем почти на память.

И наконец, в этот день мы с особенной страстью мечтаем, что Вы к нам когда-нибудь приедете. Часто газеты нас обманывают — пишут, что Вы скоро приедете в Москву. Мы иногда вслух рисуем себе картину: что было бы, если бы Вы приехали к нам на целый месяц.

Мы надеемся, что Вы откликнетесь на это письмо. Если мы от Вас получим ответ и более точный адрес, мы пришлем Вам снимки фотографические из жизни нашей колонии и будем присылать Вам время от времени отчеты о нашей работе. Надежду видеть Вас мы не решаемся претворить в просьбу приехать, так как знаем, что Вам не позволяет приехать здоровье.

Полтава,
колония им. М. Горького,
ящ. № 43
А. С. Макаренко

А. Макаренко

Гр. А. С. Макаренко

Примите сердечную мою благодарность за Ваше письмо, очень обрадовавшее меня, а также и за обещание прислать снимки с колонии и колонистов. Может быть, пришлете и отчет о работе, если отчет имеется?

Мой адрес: Italia. Sorrento. M. Gor'ki. Италия. Сорренто. М. Горькому.

Есть ли в колонии библиотека? Если есть — не могу ли я пополнить её? Буде Вы нуждаетесь в этом — пошлите список необходимых Вам книг в Москву. Кузнецкий мост, 12. «Международная книга». Ивану Павловичу Ладыжникову⁶.

Мне очень хотелось бы быть полезным колонии. Передайте мой сердечный привет всем колонистам. Скажите им, что они живут во дни великого исторического значения, когда особенно требуется от человека любовь к труду, необходимому для того, чтоб построить на земле новую, свободную, счастливую жизнь.

Привет работникам, это всегда — самые великие герои в истории человечества, в деле, цель которого — свобода и счастье!

М. Горький

19. VII—25

Дорогой Алексей Максимович!

Вчера мы получили Ваше письмо. Я не хочу даже искать слов, чтобы изобразить нашу радость и нашу гордость, — все равно ни одного слова не найду, и ничего не выйдет. Сегодня с утра задождило — бросили молотью и все пишут Вам письма⁷. Кому-то вчера на собрании после чтения Вашего письма пришла в голову мысль: общее письмо никуда не годится, пускай каждый напишет Вам записку. Насилу убедил хлопцев, что Вам будет очень трудно читать столько писем. Тогда решили писать по отрядам — сейчас вся колония представляет нечто вроде «Запорожцев» Репина, умноженных на 15 — число наших отрядов: такие же голые загоревшие спины и такие же оживленные лица, нет только запорожского смеха. Писать письмо Максиму Горькому не такая легкая штука, особенно если писари не очень грамотные. Дождь перестал, и наш агроном, у которого тоже усы еще не успели вырасти, волнуется молча: все же ему стыдно признаться, что молотья выше всех писем.

Все же я серьезно боюсь, что и письма хлопцев, и мое собственное составят для Вас слишком тяжелое бремя, а ничего не поделаешь — слишком большой зуд рассказать Вам все и как-нибудь описать Ваше великое для нас значение. Вы вот написали: «Мне очень хотелось бы быть полезным колонии». А мне эту строку Вашу даже неудобно читать как-то. Если Вы станете для нас полезным в каком-либо материальном отношении, то это будет профанацией всего нашего чувства к Вам. Я очень хорошо знаю, что это общее наше настроение. Разрешите мне несколько подробнее на этом остановиться.

Наш педагогический коллектив до сих пор одинок в вопросе о значении деликатности по отношению к нашим воспитанникам. С самого начала мы поставили себе твердым правилом не интересоваться прошлым наших ребят. С точки зрения так называемой педагогики это абсурд: нужно якобы обязательно разобрать по косточкам все похождения мальчика, выудить и назвать все его «преступные» наклонности, добраться до отца с матерью, короче говоря, вывернуть наизнанку всю ту яму, в которой копошился и погибал ребенок. А собравши все эти замечательные сведения, по всем правилам науки строить нового человека.

Все это ведь глупости: никаких правил науки просто нет, а длительная вивисекция над живым человеком обратит его в безобразный труп. Мы стали на иную точку зрения. Сперва нам нужно было употреблять некоторые усилия, чтобы игнорировать преступления юноши, но потом мы так к этому привыкли, что в настоящее время самым искренним образом не интересуемся прошлым. Мне удалось добиться того, что нам даже дел и характеристик не присылают: прислали к нам хлопца, а что он там натворил, украл или ограбил, просто никому не интересно. Это привело к поразительному эффекту. Давно уже у нас вывелись раз-

говоры между хлопцами об их уголовных подвигах, всякий новый колонист со стороны всех встречает только один интерес: какой ты товарищ, хозяин, работник? Пафос устремления к будущему совершенно покрывает все отражения ушедших бед.

Но вне колонии мы не в состоянии бороться с общей бестактностью. Представьте себе: у нас праздник, мы встречаем гостей, мы радостны, оживленны, мы украшаем гостей колосьями и цветами, показываем свою работу, хозяйство, демонстрируем свое улыбающееся здоровье и гордо задираем носы, когда выносят наше «наркомпросовское» знамя⁸. Гости приветствуют нас речами. Такими:

«Вот видите. Вы совершали преступления и не знали труда. А теперь вы исправляетесь и обещаете...»

А был и такой случай:

— Бандиты на вас не нападают?

— Нет, не нападают.

— Хе-хе! Бандиты своих не трогают?

Я не умею описать ту трагическую картину, которая после таких речей и разговоров наступает. Видим ее только мы, воспитатели. Суровая сдержанность, крепкое задумчивое молчание надолго. Никто из колонистов не будет делиться с другим своим оскорблением, но до вечера Вы не услышите смеха, а обычно у нас половина слов произносится с улыбкой.

Мы с большим трудом сбросили с себя официальное название «Колония для несовершеннолетних правонарушителей»⁹. Но сбросили для себя только. Иногда хорошие люди пишут о нас статьи в газетах и журналах, статьи хвалебные, но их приходится прятать от хлопцев, потому что начинаются они так (по-украински): «Вчора в колонії малолітніх злочинців...»

Даже не правонарушителей, а «злочинців». Убийц и мошенников, когда они сидят в тюрьме, называют «заключенными», т. е. определяют их внешнее положение, а детей почему-то «правонарушителями», т. е. пытаются определить их сущность.

Мы поэтому особенно крепко привязываемся к обыкновенным людям, которые к нам относятся, как к обыкновенным людям, которые просто разговаривают с нами, не опасаясь за свой карман. И с особенной злостью мы находим утерянные кошельки и забытые портфели и галантно вручаем владельцам...

Я сам не понимаю хорошо, почему в представлении наших хлопцев Ваше шефское имя является самым убедительным и неотразимым аргументом против смешивания нас с «преступниками», но это так. Отрывок из недавней речи:

— ...Вы ничего не понимаете, товарищ. Если вы ехали в колонию малолетних преступников, то, значит, не туда попали. Здесь колония Максима Горького.

Ваше имя и Ваша личность для всех нас лучшее доказательство, что мы тоже люди. В день Вашего рождения у нас серьезно ставится девиз «Каждый колонист должен доказать, что он достоин носить имя Горького». А теперь, когда мы почувствовали Вас не только как символ, а как живую личность, когда мы все держали в руках лист, который дер-

жали и Вы, и когда мы слышали Ваши слова, обращенные к нам, о свободной и счастливой жизни, нам сам черт не брат. Ваше шефство для нас большое счастье, и много, очень много сделано нашими воспитателями только благодаря Вам. Сейчас у нас серьезно ставится вопрос о переводе колонии в новое имение с 1000 десятин и об увеличении ее населения до 1000 детей. Мы ставим единственное условие, чтобы колония осталась горьковской.

Простите, что так много написал.

Отчета печатного у нас нет. Вместо него посылаю Вам книжку Марро¹⁰. В ней на с. 61—77 описание колонии, правда, немного устаревшее. В конце августа празднуем 5-летний юбилей и готовим юбилейный сборник. Тогда Вам пришлем. На днях вышлю Вам большие снимки, а пока посылаю несколько последних любительских.

Теперь мы будем писать Вам часто. За подарок (книги) благодарим Вас крепко, но Вам не нужно думать ни о какой материальной помощи. Вы для нас дороги и страшно «полезны» только тем, что живете на свете. Хлопцы просили у Вас портрет. У нас действительно нет хорошего портрета и достать негде — есть только маленькие. Большой я сам нарисовал углем по репинскому портрету. Сейчас снимаем копию с портрета в «Огоньке». Но у Вас ведь тоже большого портрета нет.

Если Вы будете в России, Вы когда-нибудь подарите нам знамя. Может быть, Вы не согласитесь со мной, что это будет страшно хорошо. И «полезно». Простите за шутку.

Хлопцы заваливают мой стол своими письмами. И спрашивают: «А это ничего, что мы так написали?» После этого можно еще пять лет поработать в колонии.

[1925 г., август]

А. Макаренко

Дорогой А. С.,

я очень тронут письмами колонистов и, вот, отвечаю им, как умею. В самом деле, жалко будет, если эти парни, выйдя за пределы колонии, одиноко разбредутся кто куда и каждый снова начнет бороться за жизнь один на один с нею.

Ваше письмо привело меня в восхищение и тоном его и содержанием. То, что Вы сказали о «деликатности» в отношении к колонистам, и безусловно правильно и превосходно. Это — действительно система перевоспитания, и лишь такой она может и должна быть всегда, а в наши дни — особенно. Прочь вчерашний день с его грязью и духовной нищетой. Пусть его помнят историки, но он не нужен детям, им он вреден.

Сейчас я не могу писать больше, у меня сидит куча иностранцев, неловко заставляя их ждать. А Вам хочется ответить хоть и немного, но сейчас же, чтоб выразить Вам искреннейшее мое уважение за Ваш умный, прекрасный труд.

Крепко жму руку.

М. Горький

17. VIII—25
Sorrento

Дорогой Алексей Максимович!

Я опять пересылаю целую кучу писем. Они во всех отношениях неудачны, наши хлопцы не умеют в письме выразить то, что они чувствуют, да это ведь часто и наши взрослые не умеют. К тому же вся наша верхушка в числе 19 человек уехала на рабфаки.

А чувствуем мы много. Ваши письма делают у нас чудеса, во всяком случае, делают работу нескольких воспитателей. Простите за такой «рабочий» взгляд на Вас, но ведь Вы сами этого хотели. Нужно быть художником, чтобы изобразить наши настроения после Ваших писем. С внешней стороны как будто нечего протоколировать. Сидит за столом председатель и возглашает: «Слушается предложение Максима Горького!» А в это время зал никак не может настроиться на деловой лад. Глаза у всех прыгают, чувства тоже прыгают, и все это хочет допрыгнуть до Вашего портрета и что-нибудь сделать такое... Ночью в куренях мечтают о том, как будут Вас встречать, когда Вы приедете, какую Вам дадут комнату, чем будут кормить. Наши хлопцы ведь всегда были одиноки: отцы, матери, дедушки, бабушки — все это растеряно давно, мало кто помнит о них. А любовь у них требует выхода, и вот теперь такое неожиданное и великое счастье — можно любить Вас. Раньше у нас был шеф великий писатель Максим Горький, ведь из хлопцев больше половины не могли Вас ощущать как писателя. А теперь у них шеф живой человек, великий тоже, но не писатель, а человек, большой и расточительно ласковый по отношению к нам, на зло всем милиционерам, которые нас «тыряли» по участкам и угрозыскам.

«Общество взаимопомощи колонистов-горьковцев» обещает сделаться чем-то в высшей степени интересным. Специальная комиссия заканчивает устав, который после принятия его общим собранием будет Вам прислан на утверждение. Вы подняли вопрос самый важный в нашем быту. Неверное будущее, полное неизвестности и новых страданий, основательно портит наши теперешние дни. Патронирование выпускников налаживается с трудом, в особенности в таком захолустье, как Полтава.

Хлопцы писали Вам под впечатлением юбилейного праздника, но едва ли из их писем Вы этот праздник представите себе¹¹. Нас чествовали как следует. Были гости из Харькова. 8 сотрудников, работающих в колонии с самого начала, Полтавский горисполком наделил подарками. Наркомпрос мне дал звание «красного героя труда», а Полтава командировывает меня в «научную» командировку в Москву и Ленинград на два месяца, на какое дело ассигновали 200 рублей. К сожалению, едва ли я этой командировкой воспользуюсь: не умею осторожно тратить деньги, а поэтому мне не хватит, самое же главное, не сумею на такое долгое время бросить колонию — за пять лет я не оставлял ее больше, как на 2—3 дня. Сейчас же у нас обычный осенний кризис. Старики колонисты ушли учиться, а на их место присылают новых. Переварить два десятка совершенно разболтавшихся, разленившихся, диких хлопцев трудно.

По опыту я знаю, что нужно не меньше 4 месяцев, чтобы увидеть на их лицах первую открытую человеческую улыбку доверия и симпатии. В особенности трудно с новыми девочками. Пережившие всякие ужасы, вступившие на путь проституции, озлобленные, вульгарные, они очень нескоро начинают нас радовать. С ними не с чего начать, у них нет совсем уважения к себе и нет никаких надежд.

По закону в колониях, подобных нашей, запрещено совместное воспитание. Я добился давно, чтобы прислали девочек в качестве опыта, и теперь именно совместное воспитание много мне помогает. В настоящее время я вожусь с 17-летней девочкой Крахмаловой. На ее глазах, когда ей было 11 лет, ее мать убили, облили керосином и сожгли. Крахмалова после того перебивалась во многих притонах, тюрьмах и колониях, отовсюду бежала, везде обкрадывала. У этой девочки прелестное лицо, невинное и серьезное, но взгляд жесткий и какой-то остановившийся. Она у нас живет с месяц, послушна и вежлива; но я не знаю, с какой стороны к ней подойти. На авось, просто по чутью, я просил воспитателей не обращать на нее никакого внимания, держать строго деловой и вежливый тон, чуждый лишних слов и сантиментов. Только к концу месяца я наконец поймал первый ее внимательный взгляд, в котором жажда тепла смешана с гордой осторожностью. В этот именно момент я дал ей ключ от своей комнаты и поручил принести портфель, но... она отказалась от ключа и убежала, а теперь смотрит еще более внимательно, но страшно угрюмо и дико... Жду чего угодно.

Простите, что я разболтался. Вы теперь страшно заняты, мы это знаем по Вашему письму акад. Ольденбургу¹², а мы надоедаем Вам своими письмами и своими буднями. Все мы очень хорошо знаем, что поступаем эгоистично, но ничего с собой поделать не можем. Мы эгоистичны, как дети, а Вы такой родной и наш «собственный». Один из наших пацанов так и говорит:

— Когда Горький приедет, так он уже у нас будет жить?

А другой отвечает:

— Вот, если он приедет, так такое будет! Он никуда и не захочет ехать. Он тогда уже будет совсем нашим.

Посылаю Вам снимки нашего юбилея. Получили ли Вы посылку со снимками и книжкой?

Не чересчур ли мы надоедаем Вам? Если будете нам писать, то одну-две строчки, не обращайтесь внимания на наши аппетиты.

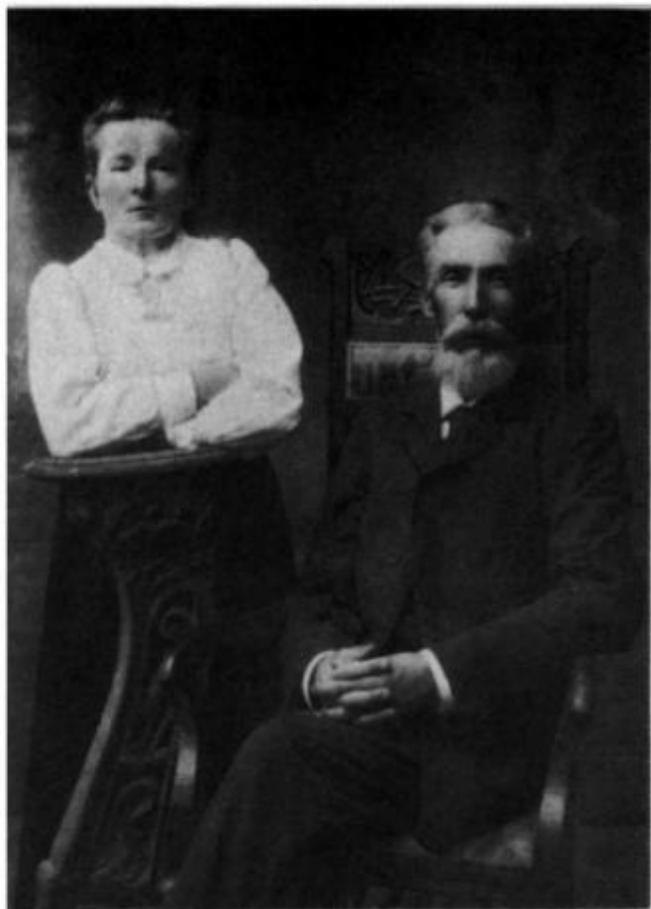
Будьте здоровы и радостны.

А. Макаренко

Полтава,
почт. ящ. № 43

А. Макаренко.

Получил письма колонистов и Ваше, очень радуюсь тому, что отношения между мною и колонией принимают правильный характер. Я прошу и Вас, и колонистов писать мне всякий раз, когда это окажется желаемым, а тем более — нужным.

Родители А. С. Макаренко: Семен Григорьевич и Татьяна Михайловна (1913).

А. С. Макаренко в школьные годы.

А. С. Макаренко в первые годы учительства в дореволюционной школе.

А. С. Макаренко, 1920 г.

*А. С. Макаренко и
преподаватели Крюковского
железнодорожного училища.*

Воспитанники детской трудовой колонии им. М. Горького на работе (начало 20-х гг.).

Совет командиров колонии, группа воспитателей-учителей (примерно 1926 г.).

Первый трактор в колонии им. М. Горького (примерно 1926 г.).

Горьковцы-студенты (1927 или 1928 г.).

Пост коммунаров у мемориальной доски в вестибюле «главного» здания коммунуны.

А. С. Макаренко, Т. Д. Татаринев и коммунарка К. Борискина (1933).

«Главное» здание детской трудовой коммунуны им. Ф. Э. Дзержинского.

А. С. Макаренко, 30-е гг.

*Фотография А. М. Горького, подаренная
А. С. Макаренко.*

*А. М. Горький, А. С. Макаренко и
колонисты (1928).*

*А. С. Макаренко — студент
Полтавского учительского института*

Младшие коммунары

АКАДЕМИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ НАУК РСФСР

А.С. МАКАРЕНКО

СОЧИНЕНИЯ
В СЕМИ ТОМАХ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. А. КАИРОВ (главный редактор),
Г. С. МАКАРЕНКО, Е. Н. МЕДЫНСКИЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ НАУК

Я послал колонии снимки Неаполя и Сорренто, получили Вы их? И написал в Москву, чтоб колонии выслали все мои книги.

Мне хотелось бы, чтоб осенними вечерами колонисты прочитали мое «Детство», из него они увидят, что я совсем такой же человек, каковы они, только с юности умел быть настойчивым в моем желании учиться и не боялся никакого труда. Веровал, что действительно: «учение и труд все перетрут».

Очень обрадован тем, что мой совет устроить общество взаимопомощи понравился Вам и колонистам. Надо бы обратить особенное внимание на помощь тем из них, которые пошли в рабфаки, — рабфаковцам живется особенно трудно, не так ли?

Скажите колонистам, приславшим мне письма, что я сердечно благодарю их, но ответить им сейчас же не имею возможности, очень занят. Желаю им всего доброго и бодрости духа. Вам — тоже.

Будьте здоровы.

19.IX.25

М. Горький

Полтава, колония им. М. Горького.
24 ноября 1925 г.

Дорогой Алексей Максимович!

Я надеюсь, что Вы не будете на меня сердиться за то, что я на время прекратил поток наших писем к Вам. Мы чересчур злоупотребляли Вашим расположением к нам и, вне всякого сомнения, много отнимали у Вас дорогого времени. Хлопцы немного дулись на меня за то, что я решительно запротестовал против целых ворохов бумаги, которые они опять наладили в Сорренто. Я считаю, что только изредка мы имеем право беспокоить Вас, и то должны чувствовать угрызения совести. В колонии сейчас хорошо. Наша злоба дня — переезд в Запорожье. Уже давно мы хлопотали о переводе нашей колонии на какой-нибудь простор. В этом вопросе не только хозяйственное устремление. По моему мнению, наше советское воспитание так, как оно определяется в нашей литературе, и в особенности, как оно сформировалось на практике, не представляет ничего ни революционного, ни советского, ни просто даже разумного. Мы оказались без определенной системы, без строгой линии, а самое главное, без какого бы то ни было воспитания. Наши педагоги просто не знают, что они должны делать, как держать себя, а наши воспитанники просто живут в наших детских домах, т. е. едят, спят, кое-как убирают после себя. Картина очень печальная. В управлениях люди зарылись в чисто материальные планы, в статистику и отчеты, а на фронте кое-как волынят, чтобы благополучно провести день до вечера без скандалов. Нельзя никого винить в этом. Мы перекроили нашу жизнь по новым выкройкам, которые давно были заготовлены, а о воспитании и о его планах никто у нас серьезно не беспокоился... Наш коллектив, разумеется, не скоро мог решиться заговорить о ревизии нашего соцвеса, но на деле уже с 20-го г. мы конструировали свою линию, конструировали исключительно в опытном плане без предварительно принятых догматов. Результаты оказались более удовлетворительными, чем мы ожидали, и в то же время совершенно неожиданными. В Харьковском институте народного образования, где наш опыт особенно пристально

рассматривался, есть группа наших противников, которая меня иначе не называет, как «атаманом шайки».

Тем не менее я решился настаивать на правильности нашего пути и представил в Наркомпрос проект¹³. Главной его мыслью является утверждение, что воспитание должно быть организовано как массовое производство, в огромных коллективах, хозяйственно ответственных и самостоятельных, в то же время конструированных без всякой романтики и предвзятых догматов, а прежде всего по теории здравого смысла. Мой проект был поддержан фактическим успехом нашей колонии и бросающейся в глаза спаянностью всей нашей общины. Так или иначе, а к настоящему дню мы уже имеем постановление о преобразовании нашей колонии в центральную для Украины¹⁴. Предлагают нам [бывшее] имение Попова в 30 верстах от Александровска. В имении 1200 десятин пахотной, какой-то прекрасный дом — замок. Имение сейчас занято коммунной «Незаможник», но коммуна страшно задолжалась, дом развален, в итоге мы принимаем наследство чаоторговца. В субботу выезжает наша комиссия для осмотра имения. Вы не можете себе представить, какой у нас подъем. Хлопцы на собраниях встречают меня аплодисментами. Интересно: нам было представлено на выбор: имение либо Попова, либо князя Голицына под Харьковом (500 десят.). Голицынское вполне исправно. Голосование общего собрания дало за Запорожье 111 голосов, за Голицына 27. Мотивы такие: дальше от центра, больше земли, близко Днепр.

Дело поднимаем трудное. Я не сентиментальный человек, но меня до слез трогает моя шайка. Казалось, чего бы нужно. Четыре года мы восстанавливали руины здесь. Наполовину зимой ходили босые и раздетые. Теперь у нас все в порядке, чистота и уют, свое электричество и даже прибыль — 120 английских свиней и прочее. А вот все же бросают это и едут на новые места в разваленный дворец, в опустошенную степь.

Но зато 1200 десятин. Какой там размах будет, дорогой Алексей Максимович! Хлопцы знают, что будет трудно. Для того чтобы обработать 1200 десятин с нашими 120 хлопцами, нужны тракторы, сноповязалки, паровые гарнитуры, много всего прочего. Дворец стоит без окон и дверей (незаможники жили в конюшне). Один посев будет стоить больше 10 000 рублей. Наркомпрос, конечно, нам денег не даст, какой ему смысл давать, да и нет их у него в таком количестве. Единственный выход — кредитная операция и труд. Значит, нам в первые годы предстоят солидные лишения, и хлопцы об этом хорошо знают. И все же они все как будто начинены ракетами и выстрелами и нас, «педагогов», увлекают за собой.

Простите, что пишу о таких вещах, которые, может быть, только для нас интересны, но так хочется, чтобы и Вы представили наши радости и поняли нас. Ведь для нас так важно, страшно важно, что на месте вольницы запорожской мы поставим флаг с Вашим именем. У нас уже и сейчас решено, что мы будем хлопотать о переименовании ст. Попова в станцию «Колония им. М. Горького».

Занимаемся усиленно и довольно интересно. Рабфаковцы все идут хорошо. Спасибо, что Вы беспокоитесь о них. Мы им помогаем деньгами и вещами. Живут они хорошо. Писали нам о том, что писали Вам.

Желаю Вам здоровья и хорошего настроения.

А. Макаренко

Дорогой Алексей Максимович!

Вы меня так расхвалили в Вашем письме от 13 декабря, что я постеснялся даже показать письмо Ваше хлопцам, сказал им только, что Вы переехали в Неаполь, что Вы нездоровы и что Вы передаете им привет. От частых и обильных писем я продолжаю хлопцев удерживать. Сейчас у нас такой порядок, что письма Вам будут посылаться только по постановлению совета командиров. Иногда мне кажется, что когда Вы получаете наши листы, то должны хвататься за голову, а потом принимать валерьянку. У Вас такая большая напряженная работа, Вам так мешают всякие посетители, а тут вдруг почтальон приносит письмо Ваших провинциальных родственников. Мы искренне сочувствуем Вам, дорогой Алексей Максимович, и удивляемся, что Вы так терпеливо и так ласково нам отвечаете, но в то же время мы ничего не можем сделать с собой, от природы, как и всякие провинциалы, мы эгоисты и должны писать Вам о поросятах и о бешеных собаках. Мы прекрасно знаем, насколько мы большие эгоисты, ибо мы сознательно пользуемся своим исключительным правом любить Вас. Вы нам раз навсегда простите нашу надоедливость и считайте в числе крестов, выпавших на Вашу долю, Полтавскую колонию. Вы же знаете, что мы уверены, что Вы когда-нибудь к нам приедете. Как видите, мы и до этого доходим.

Живем мы «средне». С Запорожьем заминка, кажется, просто волокита. Коммуна незаможников, сидящая в имении Попова, просто не спешит ликвидироваться. До тепла досидит, а с теплом поцарапает буккерами десятин сорок. Ее не может особенно беспокоить, что сотни десятин останутся невозделанными. Мы не имеем никаких рук и связей и можем давить только нашим делом... Если нынешняя волокита окончится ничем, нам остается только два пути: или обратиться к Петровскому с деловой истерикой, или занять Запорожье явочным порядком. Последний план вовсе не шутка, и, представьте, он, вероятно, принесет и наибольшую пользу. Просто доставим где-нибудь две тысячи, погрузимся в вагоны и выгрузимся в Запорожье. Замок Попова стоит пустой, значит, поселиться будет где, а за лето что-нибудь сделаем. Обращение к Петровскому может помочь только в том случае, если мы сумеем уверить его, что наш план достоин внимания. А у нас план огромный и с первого взгляда может показаться химерой...

Мы в нашей работе достигли бы большего, если бы нам не мешали. При этом нужно сказать, что помехи эти происходят с той стороны, откуда их меньше всего можно ожидать. Те формы, которые нам рекомендуются, прямо противоположны задаче. Способы организации, финансирования, учета, отчета, штатов решительным образом противоречат задачам нового воспитания. Пожалуй, трудно в этом винить кого-нибудь: в последнем счете оказывается, что условия создаются многочисленными усилиями разных секретарей, делопроизводителей, помощников бухгалтеров, всеми теми, кто никакого отношения ни к какой идеологии не имеет, но которые способны сбить с толку любую идеологию.

Все это приводит к тому, что на деле никакого нового воспитания у нас просто нет, а все строится по формуле Стоюнина¹⁵: «Все же в жизни больше

хорошего, чем плохого, и из каждого человека что-нибудь да выйдет».

А между тем новое воспитание возможно. Это сразу видно, если подойти к делу с простым здоровым смыслом, не особенно полагаясь на «педагогику». Нужно создавать новую педагогику, совсем новую. Наш коллектив чувствует себя в силах принять участие в этом создании, и мы уже много сделали за 5¹/₂ лет. Но первое, что нам нужно, это свобода от делопроизводителей, свобода от всякого хлама, которым мы завалены, а потом уже мы легко избавимся и от педагогических предрассудков. Вот почему мы и стремимся в Запорожье. Там экономическая мощь и общий размах помогут нам посадить бухгалтеров на их место.

То обстоятельство, что вместе с нами стремятся и все хлопцы, страшно нас поддерживает и внушает веру в успех.

Сейчас мы живем в большом нервном напряжении и тревоге. Каждое письмо, каждая телеграмма из Харькова возбуждают надежды и разочарование. Большая радость жить в таком движении.

Альбомы Сорренто и Неаполя мы получили. Вы нас балуете своим вниманием. В одном только хлопцы разочарованы — видно только крышу Вашего дома, а у нас огромный интерес к Вашей частной жизни, виноваты, каемся.

«Общество взаимопомощи колонистов-горьковцев» еще не имеет устава. Не хочется его делать здесь. Все кажется, что Запорожье нам откроет невиданные просторы в этом деле. Фактически несколько пунктов проводятся в жизнь. Мы уже разыскали около четверти бывших воспитанников, некоторым оказывают помощь. Рабфаковцы все поддерживаются.

Простите большое письмо. Чисто провинциальная манера, ничего с собой поделать не можем.

Желаем Вам полного выздоровления и всякой радости.

А. Макаренко

Ваша похвала мне может меня заставить действительно взять Запорожье штурмом. Никогда в жизни мне никто таких слов не говорил. А все-таки хвалить человека особенно крепко не стоит. Он от этого начинает «воображать».

24. II—26

А. Макаренко

Не смогу ли я быть полезен Вам и колонии в деле «завоевания» ею Запорожского имения?

Я мог бы написать о Вашем деле А. И. Рыкову¹⁶, Свидерскому¹⁷ и другим, на кого Вы укажете.

Очень занят, пишу наскоро. Отвечайте. Если хотите — телеграммой одно слово: «пишите».

Адрес новый

Неаполь. Posilippo
Villa Galotti
Вилла Галотти
Napoli. Posilippo

Извините, напутал.

Привет колонистам.

А. Пешков

Будет лучше, если Вы сами изложите Ваше дело в письме и пришлете его мне, а я, приписав к нему, что следует, pošлю отсюда с дипкурьером.

А. П.

Полтава, колония им. М. Горького.
25 марта 1926 г.

Дорогой Алексей Максимович!

Спасибо Вам большое за заботу о нас. Возможно, что объективно мы не заслужили такого внимания. Ваше предложение написать письмо А. И. Рыкову вызвало у нас целую дискуссию, которая заняла целую неделю. На первом общем собрании голоса поделились. 69 высказались за то, что мы имеем право воспользоваться Вашей помощью, 66 за то, что так поступить мы не должны. Я отказался руководиться мнением такого незначительного большинства и предложил хорошенько продумать вопрос прежде, чем голосовать. После этого в течение 4 дней мы вели горячие споры. Представители большинства доказывали, что наше стремление в Запорожье есть здоровое стремление, которое пойдет на пользу всего государства, а поэтому мы должны воспользоваться Вашей помощью. Представители противоположной точки зрения, по моему мнению, были все-таки правы. Они говорили:

— Хотите иметь помощь, так выбирайте шефом Госбанк или Совнархоз, а если вы имеете шефом Горького, то не воображайте, что вы можете надоедать ему своими делишками. Не хитрая штука, что Горький напишет письмо и вам поднесут Запорожье. Зачем нам тогда работать, было б с самого начала обратиться к Горькому, и нам бы все дали. Мы добиваемся Запорожья потому, что мы его заслужили.

— В какое положение вы ставите Горького? Почему он будет просить за нас? Потому, что мы носим его имя? А если мы оскандалимся с Запорожьем?..

— А откуда Горький знает, какие мы? Из наших писем? Какое мы имеем право ставить Горького в такое положение?

Я любовался своими хлопцами...

В колонии мне всегда приходилось доказывать, что мы не можем профанировать Ваше имя в нашем собственном представлении принятием от Вас материальной помощи. Это означало бы, что мы чересчур носимся с собой, это значит, что мы себя недостаточно уважаем.

В данном споре я и воспитатели держались совершенно таинственно, хотя мою точку зрения многие чувствовали. На втором собрании картина получилась иная. За Вашу помощь 27 против 101.

Двадцать семь пробовали продолжить войну.

— Ну, как теперь написать Горькому. Он нам предлагает помощь, а мы важничаем!

Вы нас должны понять, Алексей Максимович. Как раз Вы, одни во всей мировой литературе, сумели сказать, что человек — это прекрасно. И другие пробовали говорить это, но у них человек получался или вроде петуха, или вроде сумасшедшего, только у Вас человек сумел свою гордость

совместить с любовью к людям и с трепетным уважением к чему-то высшему. Может быть, в моих словах эта экскурсия в литературу звучит дико, но ведь Вы меня между строк поймете.

А для нас так хорошо ощущать Вашу близость к нам во всей ее чистоте. Ну в самом деле, разве можно Вам кого-то просить о каком-то Запорожье. Для таких дел есть другие люди. Вы нам могли оказать эту помощь потому, что Вы многим помогаете, мы это хорошо знаем, но нам, имеющим честь носить Ваше имя и честь быть с Вами в общении, нужно избавить Вас от всякой заботы.

Может быть, и впереди нам придется описывать Вам свои нужды, это так естественно, но никогда Вы не читайте в наших письмах необходимости нам помогать. С нашей стороны было бы просто гадко смотреть на Вас как на человека, который может нам принести пользу.

От Запорожья мы отказались (даже телеграфно). Запорожский окрисполком не желает нас пускать на свою территорию, боится, что колонисты «терроризируют население». Поэтому он значительные куски уже роздал кое-кому. У нас была еще возможность надеяться — мы передали дело в Совнарком Украины, но и Совнарком отказал нам — слишком дорогой ремонт требуется. Совнарком (какая-то комиссия Совнаркома) уверен, что мы с ремонтом не справимся. Дальше идти уже некуда. Теперь мы требуем себе место под Харьковом. Нам предлагают имение б. Куряжского монастыря в 7 верстах от Харькова. В имении этом сейчас детская колония, в педагогическом отношении яма, ужаснее которой я не видел в жизни. Мы соглашаемся переехать туда со всем имуществом с условием, чтобы нам оставили из тамошних колонистов не более 200 и убрали куда-нибудь весь персонал. Наш Наркомпрос приходит в ужас — боится, что мы не только ничего не сделаем с этими двумястами, но и сами потеряем свою стройность и дисциплину. Посмотрим. Дело, кажется, выгорит. Задача страшно трудная, но у нас есть еще пафос.

Сегодня мы чистимся, моемся, штукатурим, красим. Сейчас 10 часов вечера, а все в колонии работает и поет. Зарезали целое стадо гусей. К сожалению, не можем поставить пьесу, так как окружены на своей горе со всех сторон водой. Страшно досадно. У нас уже приготовлены «Враги»¹⁸. Завтра в 2 часа «обед со знаменем», речи, декламации, а вечером моя лекция о детских типах в Ваших произведениях. К сожалению, некогда написать даже хороший конспект, а подумать пришлось много. У меня есть способность разбираться в художественных данных, но в условиях моей жизни разобраться в целом море Ваших детских лиц страшно трудно. Поэтому я, вероятно, буду нести ересь. Но ведь меня будут слушать только наши хлопцы и воспитатели.

Простите за такое длинное письмо.

Преданный Вам А. Макаренко

Мы получили прекрасные альбомы из Москвы от Е. П. Пешковой¹⁹. Как Вас благодарить за ласку. В марте в нашей школе были разработаны комплексы: для младших «Где живет Горький», для старших «Италия». Альбомы эти мы изучили вдоль и поперек. Но... только крыша Вашего дома в Сорренто говорит прямо о Вас. В колонии все умирают: кто такая

Е. П. Пешкова! Написали письмо, в котором требовали откровенного признания.

Полтава, ящик 43,
колония им. М. Горького

А. М.

Полтава, 8 мая 1926 г.

Дорогой Алексей Максимович!

Только вчера окончилась страстная борьба за Куряж. Я уже Вам писал, что, потерпев поражение в войне за Запорожье, мы поставили вопрос о передаче нам имения б. Куряжского монастыря в 7 верстах от Харькова. В первые же дни вопрос как будто был решен окончательно, но потом нашлись другие претенденты, и заварилась целая каша, потому что «Засватана дівка всім гарна». Харьковская комиссия помощи детям, которой принадлежит нынешняя весьма неудачная колония в Куряже, не хотела передавать колонию нам главным образом потому, что не хотела признать своей неудачи и надеялась в будущем поправить дело. Мы требовали от комиссии 20 000 рублей на ремонт домов, приведенных в негодность. Комиссия соглашалась дать нам 50 000, но с тем условием, чтобы колония по-прежнему называлась «Куряжской колонией им. 7 Ноября» и была ответственна перед Помдетом. На общем собрании единогласно было заявлено категорическое требование, чтобы колония называлась «Харьковской колонией им. М. Горького» и подчинялась Наркомпросу. Помдет на это не согласился и, пользуясь тем, что ставки жалованья Наркомпроса очень малы (воспитатель у нас получает 48 рублей), гораздо ниже ставок Помдета, предложил перейти в Куряж нашему персоналу. Когда наши хлопцы узнали об этом, возмущению не было границ. Воспитателей стали подозревать в желании «продать Горького». Нужно сказать, что эти подозрения были неосновательны. Разумеется, каждому лучше жить под Харьковом и получать 90 рублей, но без меня и без наших хлопцев ехать в Куряж на растерзание 200 малыми хулиганами никто бы не решился. Независимо от этого каждому воспитателю имя Ваше дорого, как наше знамя.

В последнем счете мы одержали победу. Договор подписан. Копию Вам посылаю. У нас страшный подъем.

В то же время мы переживаем очень большое напряжение. В Куряже все работники снимаются. 200 детей, какие там имеются, представляют собой огромный клубок копошащихся в грязи распущенных подростков, привыкших к пьянству и матерной ругани. Перебросить в Куряж наших 130 хлопцев немедленно, значит создать там сразу два враждебных лагеря. Наши будут задирать носы и задаваться, куряжане от стыда и старого озлобления будут смотреть на нас, как на завоевателей. Поэтому я решил ехать один. Надеюсь, что мне удастся заразить куряжан хоть небольшим пафосом, увлечь моей верой в их человеческую ценность (Вашей верой). Тогда они смогут встретить наших хлопцев с некоторым достоинством, тем более что я постараюсь их организовать и поставить на работу.

Не скрою, я немного побаиваюсь. Мне еще не приходилось сразу

нагружать свою волю и нервы такой массой человеческого несчастья, принявшего уже формы застаревших язв.

Завтра я с двумя воспитанниками выезжаю в Куряж принимать колонию. Вам будем сообщать о нашей работе.

Разрешите в этот критический и, может быть, самый интересный момент в жизни нашей колонии приветствовать Вас от имени всей колонии и благодарить за ту энергию и бодрость, которую сообщает нам одно Ваше имя, не говоря уже о живом общении с Вами.

Преданный Вам *А. Макаренко*

Дорогой Алексей Максимович!

Пишем из Куряжа. Сюда собрался первый наш эшелон — 4 воспитателя, 11 воспитанников и старший инструктор. Вот уже две недели спим на столах и кое-как организуем новую жизнь. Трудно представить себе бóльшую степень запустения, хозяйственного, педагогического, просто человеческого. 200 детей живут не умываясь, не зная, что такое мыло и полотенце, загаживают все вокруг себя, потому что нет уборных, отвыкли от всякого подобия работы и дисциплины. Но дети, в общем, хорошие, мы надеемся, что за лето их удастся привести в некоторый порядок. Очень надеемся на организующее влияние горьковцев. Послезавтра они уже грузятся в вагоны и числа 27-го, вероятно, будут здесь. Как нашим хлопцам, так и работникам придется, вероятно, еще долго жить во временной обстановке, так как здания все крайне запущены, требуют большого ремонта.

Жизнь начинается интересная и страшно напряженная. Самая главная задача — изжить потребительскую философию наших новых питомцев. Ко всему они подходят с единственным вопросом: нельзя ли потратить? Очень любят лечиться: приблизительно 30% больных всякими болезнями. Мы надеемся, что огромная работа по ремонту и развитию хозяйства поможет нам перевести эту философию на рабочие рельсы.

Положение наше затрудняется тем, что борьба за Куряж еще и не окончена. Наши враги пустили в дело последнее средство — пытались опорочить Полтавскую колонию и добились даже посылки в Полтаву представителя РКИ для обследования. Это очень понизило было наше настроение — просто стало обидно. Разве можно обследовать колонию, которая вся запакована в ящики, откуда уже уехал заведующий и бóльшая половина персонала?

Теперь к этой обиде привыкли. Как-то хочется смотреть больше вперед.

Мешают очень церкви, колокольни бывшего монастыря в самом центре нашей усадьбы. В главном храме совершаются служения, и мы представляем соединение двух стихий несоединяемых. Нужно много положить энергии, чтобы добиться сноса церкви.

К нам вчера вечером приехали гости Софья Владимировна Короленко²⁰ и заведующий Полтавской колонией им. Короленко Ф. Д. Иванов. Они являются нашими наследниками — занимают нашу полтавскую усадьбу. Вчера они меня «накрыли». В Полтаве мы сторговались, что посевы мы

уступаем им за 1600 рублей, а в Харькове они завлекли меня в кабинет к важному лицу, и я, по своей провинциальной скромности, принужден был уступить посевы за 1200 рублей. За это я их тут же в кабинете выругал «интеллигентами».

Но люди они страшно хорошие, и так приятно, что они навестили нас в нашей яме.

Дорогой Алексей Максимович, к Вам большая просьба: если Вам не трудно и если Вы находите удобным, напишите несколько слов благодарности президиуму Харьковского окрисполкома в лице его председателя т. Гаврилина. Они оказали нам огромное доверие, защищая нашу колонию и выдержав большую борьбу из-за нашего перевода. Это обстоятельство в особенности понуждает нас все сделать, чтобы колония Вашего имени и под Харьковом справилась с задачей.

Будьте здоровы. Приветствуем Вас в самый критический момент нашей работы.

Преданные Вам горьковцы.
А. Макаренко

Наш новый адрес: Харьков, Песочин. Почтов. отделение. Колония им. М. Горького.

[23 мая 1926 г.]

А. Макаренко.

Сердечно поздравляю Вас и прошу поздравить колонию с переездом на новое место.

Новых сил, душевной бодрости, веры в свое дело желаю всем вам!

Прекрасное дело делаете Вы, превосходные плоды должно дать оно.

Земля эта — поистине наша земля. Это мы сделали ее плодородной, мы украсили ее городами, избороздили дорогами, создали на ней всевозможные чудеса, мы, люди, в прошлом — ничтожные кусочки бесформенной и немой материи, затем — полузвери, а ныне — смелые зачинатели новой жизни.

Будьте здоровы и уважайте друг друга, не забывая, что в каждом человеке скрыта мудрая сила строителя и что нужно ей дать волю развиваться и расцвести, чтоб она обогатила землю еще большими чудесами.

Привет.

Sorrento
3. VI—26

М. Горький

Харьков, 16 июня 1926 г.

Думали ли Вы, дорогой Алексей Максимович, что Ваше письмо будет поворотным пунктом в истории нашей борьбы с Куряжской разрухой. С воскресенья 13 июня у нас совершенно новое настроение и новая работа. Ваше письмо получено в субботу. Как раз на воскресенье был назначен мой доклад о Вас. Мне посчастливилось быть в ударе. Ребята в течение 2¹/₂ часов были захвачены рассказом о Вашей жизни. Очень помогли выдержки из

«Детства», «В людях», которые были мною прочитаны. Страшно Вы понравились куряжанам. Много задавали вопросов, и каждый захотел подержать в собственных руках Ваше письмо. Потом целый день толпились возле Вашего портрета, который мы выставили только утром.

После доклада я прочитал Ваше письмо. Когда я читал его при получении, мне казалось, что запущенные, одичавшие ребята не поймут великой любви Вашей к Человеку и Вашей веры в человеческую культуру, и я думал, что мне придется много им объяснять, но, когда я прочитал письмо на общем собрании и увидел, как блестели глаза набежавшей слезой, я понял, что эти оборванные худые дети тоже имеют отношение к человеческим идеалам и что это Вы силой своего слова заставили их это почувствовать.

Вечером все писали Вам письма. Интересны письма куряжских отрядов, если у Вас найдется время, может быть, Вы их прочитаете. (Это отряды 9, 16, 17, 18, 19, 20, 22.) Многие хотели писать отдельно от отряда, но им не позволили. Только письмо Котова я посылаю, ибо он ни за что не хотел помириться с запрещением и представил мне письмо в запечатанном конверте, спросил, сколько нужно марок, и ходил целый вечер по колонии, упрасивал всех воспитателей позаимствовать ему 28 копеек на марки.

В понедельник все мы поражались величиною радости и энергии, с которой ребята работали и жили. Впервые здесь мы вздохнули с облегчением. Нужно при этом отметить, что куряжане взялись за работу даже охотнее полтавцев, хотя, конечно, далеко уступают им по выдержке и умению работать. Благодаря «горьковскому» дню, как наши воспитатели называли воскресенье, первый, самый тяжелый период овладения Куряжем окончился вдруг в один день нашей блестящей победой. Сейчас мы живем уже хорошо. Начали бороться с грязью, красим, штукатурим, моем. К сожалению, куряжское голое состояние совершенно растворило наши запасы одежды, и вид мы имеем кромешный. Очень много страдаем от паразитов. Окончательно очиститься успеем, вероятно, только осенью, так как сейчас каждую лишнюю копейку ухлопываем на ремонт. Хочется кое-что сделать и в организации мастерских, а в особенности свинарни, молочной фермы и оранжереи. Зато цветники мы уже разбили везде, где успели убрать сор. Монастырские стены, которым 212 лет, развалили. От этого стало больше света и воздуха, расширился двор, открылись прекрасные виды на всю долину. По секрету Вам, как родному, признаемся, что думаем блеснуть на празднике Первого снопа и после этого выцыганить что-нибудь.

Настроение у всех прекрасное, жизнерадостное — хорошо строить — Вы ударили нас по самому человеческому месту.

По Вас прямо скучают. Как будто раньше видели Вас и давно уже пора повидаться. На Вашем портрете разглядывают морщинки и спрашивают, какого Вы роста и какой у Вас голос. Я говорю, что Вы высокий, худой, говорите басом, очень сердитый и страшно добрый. А какого цвета Ваши усы, затруднился определить. Мечтают все о Вашем приезде. В тех шершавых письмах, которые хлопцы Вам шлют (плоды обучения на «родном» языке), они пишут правду. 15-й отряд (они гордятся тем, что ближе всего к Вам — работают в пекарне) прекрасно, хоть и глупо, выражает общие чувства: «В эту минуту готовы обнять Вас в своих молодых, но крепких объятиях и крепко расцеловать». Если Вы к нам приедете, то Вам придется плохо, потому что некоторые обладатели молодых, но крепких объятий произво-

дят очень внушительное впечатление. Но что же делать, дорогой Алексей Максимович? Я сам, кажется, забыл свою давнюю любовь к Вам как к писателю, а люблю сейчас Вас, как мальчишка.

Мы все очень тронуты Вашим письмом к Г. Гаврилину²¹, у нас у всех тепло на душе, как будто нашли крепкую любящую руку отца, которая нам поможет, и защитит, и приласкает. Только Вы напрасно, дорогой Алексей Максимович, хвалите меня (письмо напечатано в газетах). Я боюсь личной известности, страшно боюсь и, кроме того, совершенно не заслуживаю особенного внимания Вашего. Я потому и отдался колонии, что захотелось потонуть в здоровом человеческом коллективе, дисциплинированном, культурном и идущем вперед, а в то же время и русском, с размахом и страстью. Задача как раз по моим силам. Я теперь убедился, что такой коллектив в России создать можно, во всяком случае из детей. Раствориться в нем, погибнуть лично — лучший способ рассчитаться с собой. Мне удалось посвятить этот коллектив Вам — вот тот великий максимум, о котором я только мечтал...

Простите, что я о себе. Мое желание, чтобы Вы меня поняли, конечно же, никуда не годится — мы не имеем права затруднять Вас такими пустяками. То, что наша жизнь так крепко связана с Вашим именем, — мы переживаем как совершенно незаслуженную милость к нам кого-то — судьбы? Но мы Вас крепко любим, так крепко, что стесняемся Вам об этом говорить, а вдруг Вы этих сантиментов не любите.

Простите, что так много мы все написали. Спасибо Вам, что живет Ваша душа у нас, живая, родная, мы так ее прекрасно чувствуем.

Преданный Вам *Антон Семенович*

Балуете Вы меня, Антон Семенович, похвалами Вашими. Ведь я знаю, что для колонии я не делаю ничего, что, хоть немного, облегчило бы жизнь и работу колонистов. Не делаю, да и не могу ничего делать. Вот, разве посылать Вам для библиотеки колонии книги, переводы с иностранных языков, прочитанные мною? Книг таких набралось бы немало. Хотите? Буду посылать.

Очень волнуют меня милые письма колонистов, с такой радостью читаю я эти каракули, написанные трудовыми руками. Пожалуйста — прочитайте им мой ответ.

Вас я крепко обнимаю, удивительный Вы человецище и как раз из таких, в каких Русь нуждается. Хоть Вы похвал и не любите, но — это от всей души и между нами.

Будьте здоровы, дорогой дружище.

12.VII.27. Sorrento

А. Пешков

P. S. А что, как живет та диконьякая девица²², о которой Вы мне писали? Помните — недоверчивая, все молчала? Напишите о ней.

А. П.

Дорогой Алексей Максимович!

Три месяца мы не затрудняли Вас своими письмами. В августе хлопцы написали целую кучу отрядных писем, но я рассердился на них, ругал, ругал, — пишут одно и то же, не умеют писать писем, прямо убивают меня. Они согласились со мной, были очень убиты, но решили написать, когда подучатся. Сегодня они спрашивали меня: когда? Сказал им, что после триместровых зачетов. Если Вы меня осудите за это, так тому и быть, но не могу я переносить ни безобразных почерков, ни трафаретного... письма, бессодержательного и всегда глупого...²³ Хлопцы на меня подулись, но не осудили.

У нас множество всяких событий, как я Вам о них напишу? Ремонт закончили, но все же окрпомдет надул нас на $7\frac{1}{2}$ тыс. В один прекрасный день вдруг он заявил нам, что все 20 000 на ремонт выданы. Как выданы? А еще $7\frac{1}{2}$ тыс.! Четыре тысячи стащили с нас за медь, которая в количестве 150 пудов для чего-то была в Куряже, которую мы получили по всем правилам и которую, конечно, продали. А 3500 еще красивее. В июле приехал в колонию президиум окрпомдета в полном составе и подарил нам 300 одеял. Подарил в торжественной обстановке, при знамени, с речами, барабанным боем. Хлопцы играли туш, подбрасывали президиум в воздух и кричали ура! А в сентябре за эти самые одеяла удержали $3\frac{1}{2}$ тыс. Теперь приходится судиться с помдетом.

Мы почти уверены, что высудим деньги, но пока сидим в долгах, а самое главное, не закончили постройку свинарни и наш завод гибнет. Приходится очень много работать хлопцам и в очень тяжелых условиях.

Тем не менее настроение у всех прекрасное. Нас обуревают множество всяких планов и проектов. В начале октября в Одессе был съезд всех детских городков и колоний. На нем выяснилось довольно бедственное состояние нашего соцвеса: нет людей, нет четкой работы, прекрасные принципы наши остаются нереализованными. Зато наша колония стоит крепко и весело. На съезде нам много аплодировали и вообще качали, но практические предложения наши вызвали у всех страх: мы оказались слишком решительными. Я предлагал организацию всеукраинской детской трудовой армии, с широким активным самоуправлением, но с горячей дисциплиной²⁴. Разумеется, из этого ничего не вышло. Грустно, дорогой Алексей Максимович. У нас были широкие полеты, когда мы разрушали, а вот когда приходится строить, мы боимся тронуться с места.

В Харькове к нашим проектам относятся почти сочувственно, здесь разговор идет об объединении всех детских учреждений Харьковского округа — их около 30 с 10 000 детей²⁵. Сочувствие, впрочем, помогает мало... Нужно разбить много мелких сопротивлений, страшную толщу формализма, нужно преодолеть апатию, вялость, а самое трудное... веру в пустые словечки... сектантскую глупость. Поэтому надежд у нас больших нет.

Я боюсь, что еще через год нам придется тоже положить оружие. Несмотря на то что все признают большие достоинства нашей работы, даже исключительные достоинства, все же наша колония пока только черновой набросок. Закончить нашу систему нам не позволяет отсутствие совершенно

необходимых условий. Например, система финансирования, какая сейчас практикуется, в совершенстве обуславливает воспитание жадного потребителя, но ни в каком случае не коммунара. Деньги выдаются полумесячными долями да еще с разделением на полтора десятка всяких параграфов. Что можно с такими деньгами сделать? Только проесть. Хлопцы не имеют даже права распорядиться ими. Если нам дали на питание 1000 рублей, а мы истратили 900, то 100 рублей мы уже не можем истратить на одежду или на оборудование мастерской или на покупку сырья. Говорить о том, что у нас при таких условиях возможно какое-то новое воспитание, конечно, нельзя. Вообще у нас очень мало нового, а если оно и зарождается, то исключительно благодаря отчаянным усилиям отдельных лиц, которым приходится при этом лезть не на один рожон.

У нас тут в колонии поэтому странное двойное настроение: с одной стороны, у нас огромное желание работать и большие запасы энергии, с другой — страшная усталость от вечного тыканья в каменные стены. И выхода как будто нет. Бросить колонию мы уже не в состоянии: за шесть с лишним лет в нее чересчур много положено и чересчур много сделано, наконец, образовались слишком крепкие живые связи, которые без боли не разорвешь. А продолжать работать — значит убивать силы и время. Неинтересно топтаться на месте.

Вы простите меня, что я затрудняю Вас нашими бедами. У нас есть и кое-что радужное. Давно уже работает школа, работает весело и с большим напряжением. Я никогда не видал еще такой охоты учиться. Много очень значит, что у нас под боком рабфаковцы (некоторые уже студенты). Сейчас в Харькове отряд в 20 человек, из них одна девушка. Правда, в этом году у них тоже настроение почему-то пониженное, но это замечаю только я, среди же хлопцев царит воодушевленное отношение к рабфаковцам.

Несмотря на тяжелое положение, в которое нас поставил помдет своей помощью, мы стараемся развиваться. Сейчас мы заняты устройством производственной столярной мастерской. Денег у нас, правда, нет, но мы взяли заказ на 10 000 ульев и в счет платы получили оборудование мастерской. Заказ мы обязаны выполнить в 6 месяцев. Дело очень интересное. Уже установили строгальный станок, всякие пилы, сушилки. Харьковские табачники²⁶ подарили нам трактор, который и будет двигать нашу мастерскую. С организацией труда произошел казус. Для того чтобы поднять производительность труда в столярной мастерской, я предложил отряду (их 60 человек) установить премию за хорошую выработку с тем, чтобы эта премия не выдавалась на руки, а сберегалась до выхода воспитанника из колонии. К моему удивлению, хлопцы заявили, что они будут и так хорошо работать и никакой премии не нужно. Получается совершенно идеально, но непрактично — мы тоже не можем найти серединки между идеалом и жизнью.

У нас много новых людей — и воспитателей, и хлопцев. Последних за лето мы приняли около сотни — много очень запущенных, присланных к нам после трех-четырёхмесячного тюремного сидения. Мы их получаем почти всегда в совершенно развалившемся платье, завшивевшими и не мытыми давно. Колонисты отчаянно сопротивляются внедрению этих новичков, конечно, по соображениям гигиены.

И все же до сих пор я не имею возможности всех новичков одеть как следует.

Еще раз простите, что затрудняю Вас нашими мелочами.

Ваше предложение взять у Вас книги нельзя, дорогой Алексей Максимович, приводить в исполнение. Вероятно, с книгами этими у Вас связано много и с нашей стороны будет нехорошо, если мы лишим Вас библиотеки. Желаем Вам здоровья

А. Макаренко

Колония им. М. Горького.
Харьков, 14 марта 1927 г.

Дорогой Алексей Максимович!

Опять посылаю Вам кучу наших безграмотных писаний. стыдно мне, как учителю, за эту безграмотность, ведь с некоторыми я бьюсь не первый год, но трудно переучивать наших запущенных ребят, а кроме того, режет нас украинизация²⁷: хлопцы городские, по-украински никогда не говорили, сейчас вокруг них, даже в селе, все говорят по-русски, читают книги исключительно русские, а учатся исключительно «на родном языке». Я удивляюсь, откуда еще у них берется охота учиться. И смотрите, письма к Вам написаны почти все по-русски. Все это наводит на чрезвычайно печальные размышления, не столько об украинском языке, сколько о нашем... формализме, догматизме, головотяпстве.

В той мере, в какой нам не мешают жить, живем сносно...

Сейчас в колонии довольно бедно. То обстоятельство, что осенью нам недодали 11 000 рублей, здорово нас подкосило, никак не можем оправиться. Сейчас судимся, как будто успешно, но времени потеряно много и у нас не будет новой свинарни и коровника. В то же время хочется не только жить, но и работать — без капитала это, собственно говоря, невозможно. Сейчас мучительно зарабатываем столярную мастерскую (с машинами), начинаем организовывать производство английских кроватей, все это чрезвычайно тяжело, с протестованными векселями, с угрозами: «Попробуйте описать!», с бегством от телефонной трубки, с большими заминками в одежде и пище.

Ничего. Уверен, что выберемся к зиме из всех затруднений, и в том числе из самого большого — из обилия закончивших воспитание ребят, которых давно пора выпустить и... почти невозможно. Невероятно трудно разбить толщу общего безразличия, волокиты и нечестной работы, защищенную ворохами бумажных правил и переписки. Кажется, у нас командует жизнью бывший коллежский регистратор, где-то тайно организованный, везде имеющий своих незаметных агентов и везде убивающий всякое здоровое движение.

Настроение всех наших 350 ребят не только превосходное, а удивляющее даже меня, который видит их вот скоро 7 лет. Страшно любопытно видеть, как они обрабатывают каждого новенького. К нам теперь стараются присылать исключительно тяжелых, в конец расхулиганившихся подростков, вшивых матерщинников, лодырей, убежденных противников всякого авторитета и дисциплины. Но в течение двух дней их сопротивление коллективу рушится бессильно. На каждом шагу они натываются на острый, меткий, веселый взгляд, короткое энергичное слово, а в крайнем случае и на ряд кулаков, готовых разбить нос при первом антиобщественном движе-

нии. За это меня регулярно едят наши педагогические мудрецы. Я, грешен, люблю мальчишеские драки²⁸, разбитые носы двух дуэлянтов меня просто радуют, в особенности потому, что владельцы их всегда с большой готовностью благородно подают друг другу руки, но все же и для меня сейчас вопрос о дисциплине скорее выражается в формуле торможения. Мы выделили новеньких в особый отряд (22), две недели они не работают, мы ввели предварительное изучение конституции колонии. Через месяц, смотришь, сам новенький представляется мне дежурством как слишком энергичный защитник интересов и тона колонии.

Все мечтают о Вашем приезде. В печати очень часто врут, что Ваш приезд ожидается в Москву, я не вижу необходимости разуверять их в этом, а они глубоко убеждены, что если Вы приедете в Москву, то приедете и к нам. Весь вопрос в том, сумеем ли мы Вас встретить? Сейчас у нас хорошо пахнет весной, уже сделаны парники, возимся со всяким приплодом, летом нас ожидает до 40 десятин огорода, но общее настроение такое, чтобы ехать куда-нибудь на новое место. По-прежнему мечтают об острове, о море, о колонии в несколько тысяч человек, о «Первом детском корпусе им. Горького». Пусть мечтают. Если хлопцы не мечтают, то они ничего не стоят.

Теперь самое главное. Мы готовим сборник «Колония им. М. Горького»²⁹. В рукописи он почти готов, издателей, жаждущих его издать, несколько. Мы придали ему боевой характер борьбы с педагогическими предрассудками, борьбы за живую личность.

Участвуют в нем воспитатели и хлопцы.

Разрешите, дорогой Алексей Максимович, открыть его несколькими Вашими письмами — они будут как декларация основного нашего принципа: «Нет ничего выше человека». Кроме того, нам нужен Ваш последний портрет. Если Вам не трудно, пришлите нам последний снимок, у Вас, наверное, есть свободный.

Простите за эти просьбы и за беспокойство, которое мы Вам причиняем.

Сборник обещает быть интересным — мы не посраим Вашего имени.

Письмо это Вы, вероятно, получите к 26 марта. От лица всей колонии приношу Вам поздравление с праздником. Вспомните в этот день, что в старом монастыре 400 людей в этот день будут любовно думать о Вас и мечтать о том, что они Вас когда-нибудь увидят.

Мы желаем Вам надолго-надолго сохранить здоровье и силы.

Харьков, Песочин.
Колония им. М. Горького.
А. С. Макаренко

Преданный Вам А. Макаренко

Р. С. Прилагаю письма всех отрядов. № 9, 14, 18, 21, 24 у нас совсем нет, были ликвидированы в последнюю реорганизацию³⁰.

Дорогой т. Макаренко,

обладая способностью «воображать», я, разумеется, представлял себе, как должно быть трудно Вам командовать тремя сотнями юношей, не очень склонных к дисциплине и организованному труду. Но, представляя это,

я, конечно, не могу почувствовать всю сложность Вашего положения.

А вот теперь я это чувствую и — понимаю. Научили меня почувствовать и понять, что такое Вы и как дьявольски трудна Ваша работа, два бывших воришки, Пантелеев и Белых, авторы интереснейшей книги «Республика Шкид». «Шкид» — сокращенное название «Школы им. Достоевского для трудновоспитуемых». Пантелеев и Белых — воспитанники этой школы. Они описали ее быт, свое в ней положение, и они изобразили совершенно монументальную фигуру заведующего школой, великомученика и подлинного героя Виктора Николаевича Сорина³¹. Чтоб понять то, что мне от души хочется сказать Вам, — Вам следует самому читать эту удивительную книгу.

Я же хочу сказать Вам вот что: мне кажется, что Вы именно такой же большой человек, как Викниксор, если не больше его, именно такой же страстотерпец и подлинный друг детей, — примите мой почтительный поклон и мое удивление пред Вашей силой воли. Есть что-то особенно значительное в том, что почувствовать Вас, понять Вашу работу помогли мне такие же парни, как Ваши «воспитуемые», Ваши колонисты. Есть — не правда ли?

Ну вот и все, что мне хотелось сказать Вам.

Прочтете «Республику Шкид», — издано Госиздатом, — напишите мне Ваши мысли об этой книге и о главном ее герое Викниксоре³².

Крепко жму руку.

М. Горький

Р. С. Само собою разумеется, что Вы можете пользоваться для сборника моими письмами. Портрет будет выслан Вам из Москвы.

Колонистам — пишу, прилагаю письмо для них.

И еще раз — крепко жму Вашу руку.

28.III.27.
Sorrento

А. П.

Харьков, 25 февраля 1928 г.

Дорогой Алексей Максимович!

Мы страшно много пережили за последние полгода, много работы и много борьбы, и чуть-чуть не погибли. Еще и сейчас положение опасно. Хуже всего то, что я начинаю чувствовать усталость.

Разрешите рассказать Вам все по порядку.

В июле и в августе развал в детских колониях и городках достиг высшей точки. Почти не было колонии, которая не была бы отягчена актом прокуратуры или РКИ.

В это время мне предложили объединить работу всех 18 колоний Харьковского округа. Я не мог принять это предложение без определенных условий. Семь лет работы в горьковской колонии сделали-таки из меня специалиста по беспризорным и правонарушителям. Я поэтому мог представить органический план широкой реформы организации этих ребят с таким расчетом, чтобы они составили единое для округа общество, объединенное не только общим управлением, но и общим планом работы, общими внешними

формами быта, общим хозяйствованием, взаимной помощью и пр.³³.

Случилось то, чего я даже не мог предполагать раньше: со мной как будто не спорили, но даже ни разу и не выслушали, по частям растащили весь мой план, отказали по мелочам на самых формальнейших основаниях в очень важных организационных деталях, а, кроме того, в самом подборе персонала прямо задавили самыми дикими кандидатами.

Во всей этой борьбе я нажил кучи врагов, и началась самая обыкновенная история: обрушились на колонию им. М. Горького. Осенью мы выпустили на производство до 70 ребят, разослали по другим колониям десятка два. В ноябре ГПУ открыло в новом специально отстроенном доме-дворце детскую коммуну им. Дзержинского. Организацию детского коллектива здесь поручили нашей колонии. Мы выделили в коммуну им. Дзержинского 62 воспитанника, разумеется, лучших, откомандировали туда же пятерых воспитателей³⁴. Еще раньше по другим колониям были назначены 6 воспитателей. Таким образом, к декабрю горьковская колония так щедро раздала свои силы, что сама оказалась в очень тяжелом положении. Кроме того, наш штат увеличили на 50 мальчиков (довели до 400), и мы буквально завалены новенькими. Они принесли к нам чесотку, вшей, разгильдяйство и особенную потребительскую философию детских домов.

Горьковцы, рассыпавшись по округу, разнесли вокруг «горьковскую» систему. Это и послужило причиной всяких нападков. Ведь у нас обычно так: в десятках и сотнях случаев дело просто гниет и гибнет, растут самые дикие, деморализованные и слабенькие людишки. Все смотрят на это безобразие, опустивши руки. Но стоит образоваться одному серьезному дельному пункту, как все на него набрасываются: прежде всего требуют идеологии, да еще какой-то такой, о которой вообще никто толком ничего не знает. Во всяком случае, простая идеология работы и культуры объявляется каким-то страшным грехом. Во-вторых, стоит случиться одному случайному промаху, как немедленно подымается такой вой и такая истерика, что требуются чрезвычайно крепкие нервы, чтобы все это выдержать.

А как можно говорить об отдельных наших промахах? Законом у нас запрещено учреждать колонии для правонарушителей свыше 60 мальчиков (обязательно без совместного воспитания). Но вот мне все же дали 400. Ко мне их сплошь и рядом привозят в черной карете и сдают из-под револьвера. У меня нет карцера, и я ни одного за 8 лет не возвратил в тюрьму. Почему можно думать, что подросток только потому, что попал в колонию, сразу делается паинькой?

У нас, правда, нашлись и друзья, но я, в сущности, не имел ни одной свободной минутки для борьбы. Я поэтому ушел из Управления колониями и теперь кое-как отбиваюсь от всяких кирпичей вдогонку. Горьковской колонии я не бросал, но на прямой работе в колонии работали мои помощники. Их переменялось четверо, и все они не выдержали больше месяца. В довершение всего наши сметы страшно порезали в этом году.

В результате мне приходится с горьковцами начинать чуть ли не новую жизнь. Правда, в колонии осталось ядро стариков около 100 человек и кадр воспитателей. Но отсутствие средств, ветхость монастырских построек, их непригодность, наконец, страшно суровая зима, все это страшно усложнило ребячью жизнь, сделало ее настоящим подвигом. Все это далеко выходит за пределы какой угодно педагогики, этих 400 жизней «второсте-

пенной необходимости», как выражается в письме к Вам 26-й отряд.

Рядом с горьковской колонией — коммуна им. Дзержинского. Дворец, паркет, дубовая мебель, 19 электромоторов, мастерские по последней технике, души, ванны, прекрасное платье, богатые спальни, обильная пища. И там тоже почти все горьковцы, воспитанные, выдержанные, бодрые, чистые. И воспитатели горьковцы и, наконец, я — заведующий. 3 дня в неделю я провожу там, три дня у себя. Бросить дзержинцев не могу, не на кого. Боюсь, что уйду, а мой преемник наделает глупостей и опять будут есть живьем горьковскую колонию и горьковскую систему.

Сейчас вокруг коммуны им. Дзержинского завязался интересный узел. ГПУ, учреждение замечательной четкости, представило мой воспитательный план³⁵ на утверждение Наркомпроса (УССР) и потребовало ответа: «Так или не так?»

Одобрить мою «еретическую» укладку Наркомпросу страшно, это значит рекомендовать ее всем; не одобрить, — значит, нужно предложить иную, а это значит принять на себя ответственность прежде всего за целостность дворца, душ, ванн и пр.

Сижу и жду. В коммуне благодущная педагогика, уют, тепло, нега, хорошее настроение и маленькая расслабленность. У горьковцев в спальнях обувь примерзает к полу, валится везде штукатурка, в каторгу обратилась топка печей «горячим» сводным отрядом, сотни новеньких, не могущих пройти по лестнице, чтобы не плюнуть, срывается «мат», светят иногда голые колени — отчаянная борьба за жизнь, за каждую латку, за огрызки ботинок, но зато веселый дружный тон, дисциплина, смех, гремит оркестр — играет «Веселого горьковца», сыпятся язвительные словечки по адресу дзержинцев, ждут весны и с весной того, чего ждут семь лет, с чем уже ушли многие из колонии, — ждут Вашего приезда. Сомнений в том, что Вы к нам заедете, нет ни у одного, вопросы и проблемы только в одном: как Вас принять, как встретить, как пицать от восторга и радости, когда Вы приедете.

Я лучше их знаю, как Вы будете нужны в каждом уголке России, и я не уверен даже, имеем ли мы право просить Вас заехать к нам, но несколько строк в 18-м томе о нашей колонии³⁶ все-таки дают и мне некоторую надежду. Мы все сделаем, чтобы к Вашему приезду победить нашу бедность, чтобы не оскорбить Вас никаким неприятным впечатлением. Да нам и весна поможет. Дзержинцы также убеждены, что Вы навестите их.

Простите, что затруднили Вас нашими письмами.

Все наши педагоги и служащие просили меня передать Вам их любовный привет и гордость, что они горьковцы.

Навсегда преданный Вам

А. Макаренко

Уважаемый т. Макаренко,

очень взволнован и огорчен Вашим последним письмом! Сожалею, что вы не сообщили о неприятностях, Вами переживаемых, в самом начале их; объясняю это Вашей удивительной деликатностью в отношении ко мне, Вашим нежеланием «беспокоить» меня. Это — напрасно! Знали бы Вы, как мало считаются с этим другие мои корреспонденты и с какими просьбами

обращаются ко мне! Один попросил выслать ему в Харбин — в Маньчжурию! — пианино, другой спрашивает, какая фабрика красок в Италии вырабатывает лучшие краски, спрашивают, водится ли в Тирренском море белуга, в какой срок вызревают апельсины и т. д. и т. д.

А Вы, человек, делающий серьезнейшее дело, церемонитесь. Напрасно.

Чем я могу помочь Вам и колонии? Очень прошу Вас — напишите мне об этом. Я уже написал в «Известия», чтоб к Вам послали хорошего корреспондента, который толково осветил бы жизнь и работу колонии, но это, разумеется, не важно, а вот, чем бы я мог быть практически полезен Вам?

Прошу Вас передать ребятам мой сердечный привет и пожелания им всего доброго.

Могу прислать много книг различного содержания, но ненужных мне. Присылать?

На первый раз посылаю небольшой пакет.

Крепко жму Вашу руку. Ребятам скоро напишу длинное письмо, напишу и Вам, а сейчас прошу меня простить, — приехали иностранцы и я должен принимать их. Утомительное занятие!

17.III—28
Sorrento

А. Пешков

Колония им. М. Горького.
18 апреля 1928 г.

Дорогой Алексей Максимович!

Ваше письмо, и карточки, и подарок принесли нам оправдание и поддержку в самый трудный момент нашей жизни. Я не могу найти слова, чтобы выразить Вам то чувство благодарности и благоговения, которое я сейчас испытываю. Но все же я перестал бы уважать себя, если бы позволил себе хоть бы стороною причинить Вам заботы по поводу наших неприятностей. Не нужно Вам ничем помогать нам, ибо это значит, что Вы войдете в целую систему очень несимпатичных и непривлекательных историй. Наконец, Ваша помощь — явление совершенно исключительное, и поэтому нельзя на ней строить нашу работу: если судьбы здоровой детской колонии зависят от вмешательства Максима Горького, то нужно бросить все наше дело и бежать куда глаза глядят. Вы, дорогой Алексей Максимович, должны понять мое положение. Я веду колонию 8 лет. Я уже выпустил несколько сот рабочих и студентов. Посреди общего моря расхлябанности и дармоедства одна наша колония стоит, как крепость. В колонии сейчас очень благополучный ребячий коллектив, несмотря на то что в нем 75% новых. И все же меня сейчас едят. Едят только потому, что я решительно отказываюсь подчиниться тем дурацким укладкам, той куче предрассудков, которые почему-то слывут у нас под видом педагогики. А разве трудно меня есть? Когда организуется жизнь 400 ребят, да еще правонарушителей, да еще в условиях нищеты, так трудно быть просто должностным лицом, в таком случае необходимо стать живым человеком, следовательно, нужно и рисковать, и ошибаться. Где в работе есть увлечение и пафос, там всегда возможны отклонения от идеально мыслимых движений.

А меня едят даже не за ошибки, а за самое дорогое, что у меня есть —

за мою систему. Ее вина только в том, что она моя, что она не составлена из шаблонов. К этому должно было прийти. В то время, как в разных книжонках рекомендуется определенная система педагогических средств, давно уже провалившихся на практике, наша колония живет, а с осени на нашу систему (наша основная формула: «Как можно больше требований к воспитаннику и как можно больше уважения к нему») стихийно стали переходить многие детские учреждения.

Вот тут-то и поднялась тревога. Нашу колонию стали «глубоко» обследовать чуть ли не ежемесячно. Я не хочу говорить, какие глупости писались после каждого обследования. Но в последнем счете договорились до того, что нашу систему запретили по всему округу, а мне предложили перейти на «исполкомскую»³⁷. В то же время никто не решается утверждать, что в колонии им. Горького дело поставлено плохо. Вообще никакой логики во всем этом нет. В декабре мне прибавили коммуны им. Дзержинского и сразу же подняли крик — «Почему и там горьковская система!» На днях вдруг мне прислали приказ о прибавлении к нам еще одной колонии — им. Петровского с явным расчетом, что я туда сразу переброшу два-три отряда горьковцев, и в полной уверенности, что они там наведут порядок, но и там будут кричать, что я еретик!

Иногда мне хочется смеяться, глядя на все это ребячество, а чаще все-таки приходится прямо впадать в тоску. У нас так легко могут сломать и растоптать большое нужное дело, и никто за это не отвечает. И вот теперь, для того чтобы отстоять колонию после 8 лет работы, успешность которой никто не отрицает, мне приходится говорить о таких сверхъестественных мерах, как Ваша помощь.

После этого стоит ли что-нибудь делать. Ведь в таком случае гораздо спокойнее просто служить и честно получать жалованье.

А то что же это:

— В колонии Горького хорошо?

— Хорошо, только идеология не выдержана.

— Как не выдержана? Ведь там 35% комсомольцев!

— Это ничего не значит, но там нет классовой установки.

— Позвольте, как нет классовой установки. Ведь все до одного работают и гордятся своей работой.

— Это ничего не значит. Работают потому, что там строгая дисциплина, а вот не будь этой дисциплины, то и не работали б.

— Так ведь дисциплина это хорошо!

— Хорошо, если она основана на классовом самосознании, а у Макаренко вместо этого «долг», «честь», «горьковец», гордость какая-то.

И т. д.

Как тут можно спорить? К вам приводят запущенного парня, который уже и ходить разучился, нужно из него сделать Человека. Я поднимаю в нем веру в себя, воспитываю у него чувство долга перед самим собой, перед рабочим классом, перед человечеством, я говорю ему о его человеческой и рабочей чести. Оказывается, это все «ересь». Нужно воспитать классовое самосознание (между нами говоря, научить трепать языком по тексту учебника политграмоты).

Дело окончится тем, что мы разбежимся. Но это в будущем.

Сейчас мы боремся и уступать не думаем. Если меня бьют педагогиче-

скими догматами, то я бью живым коллективом 400 горьковцев, бодрых, веселых, энергичных, знающих себе цену и с прекрасной рабочей «установкой». Если этот мой аргумент не действителен, то, значит, и бороться не за что.

Дорогой Алексей Максимович, очень прошу Вас, не беспокойтесь и не огорчайтесь нашей борьбой. Вам нельзя нам помогать — наша борьба слишком мелка для того, чтобы втягивать в нее Ваше имя.

Остроменцкая³⁸ написала в «Народном учителе» статью о нашей колонии «Навстречу жизни». Она писала мне, что послала книгу Вам. В статье, в общем, хорошо нарисован общий тон нашей колонии, но есть отдельные ошибки. Я не Кузьма Прутков³⁹ и не Хулио Хуренито⁴⁰ и решительно отказываюсь от тех афоризмов, которые мне там приписываются. Возможно, что я просто дразнил при помощи двух-трех парадоксов какого-нибудь туриста. Точно так же история с палками и дубинами — явный гротеск. Наши ребята любят сочинять обо мне легенды.

Простите, что длинное письмо.

Ребята благодарят Вас за книжки и карточку и все толкуют об одном: «а когда же он приедет». Мы Вас ждем и готовимся: белим, красим, шьем.

За библиотечку большое спасибо. Если у Вас есть книги, которые Вам не нужны, конечно, пришлите их нам. Это для нас не только вещи, но и реликвия.

Преданный Вам

А. Макаренко

Дорогой т. Макаренко,

горестное письмо Ваше получил вместе со статьей Остроменцкой; читая статью, едва не разревелся от волнения, от радости. Какой Вы чудеснейший человек, какая хорошая, человечья сила. Настроение Ваше, тревогу Вашу — я понимаю, это мне знакомо, ведь и у меня растаптывали кое-какие начинания, дорогие душе моей, напр.— «Всемирную литературу»⁴¹. Но — не верю я, что Ваше прекрасное дело может погибнуть, не верю! И — позвольте дружески упрекнуть Вас: напрасно Вы не хотите научить меня, как и чем мог бы я Вам и колонии помочь? Вашу гордость борца за свое дело я также понимаю, очень понимаю! Но ведь дело это как-то связано со мною и стыдно, неловко мне оставаться пассивным в те дни, когда оно требует помощи.

Мне известно стало, что Вами заявлено требование субсидии в 20 т. Я осведомлен, что деньги эти Вы получите. Книги Вам буду посылать, семь пакетов посылаю вместе с этим письмом, из Москвы вышлю все свои книжки. Было бы хорошо, если б Вы составили список нужных Вам и послали его в Москву, Чистые Пруды, Машков переул. 1, кв. 16.

Затем: мне очень хочется подарить ребятам инструменты для духового оркестра и для оркестра балалаечников. Разрешите? Может быть, среди ребят окажутся талантливые музыканты. А я имею возможность приобрести все это очень дешево.

В Россию еду около 25-го мая, у Вас буду во второй половине июня.

Передайте мой сердечный привет ребятам и научите меня сделать что-нибудь приятное для них. Дорогой друг, я очень хорошо знаю великое значение маленьких радостей, испытанных в детстве.

Крепко жму Вашу талантливую руку, будьте здоровы!

9.V.28.
Sorrento

А. Пешков

Харьков, 8 июня 1928 г.

Дорогой Алексей Максимович!

Мы живем сейчас исключительно под знаком Вашего приезда, думаем только о Вас, говорим только о Вас; работаем только для того, чтобы увидели Вы нашу работу. И я вместе с ребятами могу сейчас думать, говорить и писать только о Вашем приезде. Ваше последнее письмо для меня какое-то неожиданное, незаслуженное высшее достижение моей жизни, и я не пытаюсь даже искать слова, чтобы выразить Вам чувства благодарности и благоговения. Если Вы еще приедете к нам, мне уже ничего не останется хотеть.

Мы все крепко уверены, что Вы у нас будете во второй половине июня. Но так как в этой половине 15 дней, то мы и не можем считать дни до Вашего приезда, а нам это страшно нужно.

Чтобы реальнее для нас сделался Ваш приезд, посылаю к Вам двух ребят. Один из них Шершне⁴² — наш бывший воспитанник, теперь студент Харьковского медицинского института, очень славный душевный человек, умеющий искать правду жизни без лишних криков и истерик. Это одно из моих «достижений», которое далось мне довольно трудно. Другой Митька Чевелий⁴³ — один из самых первых горьковцев, мой друг, теперь дзержинец, человек, не обладающий большими способностями, но сумевший из чисто воровской «психологии» сделать искреннюю, горячую и благородную натуру.

Они оба Вам не надоедят, так как оба по-горьковски лаконичны, сделают дело и уедут. В области выражения чувств они также умеют быть сдержанными.

Дорогой Алексей Максимович, не откажите им сказать, когда Вы приедете, сколько времени думаете у нас пробыть, кто еще приедет с Вами? Наши желания по всем этим вопросам мы даже не смеем высказывать, но, конечно, они у нас максимальны.

Я в страшном затруднении: Вы хотите подарить нам два оркестра и еще что-то для всех колонистов. Конечно, Ваша воля, дорогой Алексей Максимович, но, поверьте, нам страшно будет неловко вводить в такие расходы, ведь духовой оркестр стоит несколько тысяч. Может быть, совершенно невозможно, чтобы благодаря нашему существованию Вы переживали материальную заботу, а для нас так трудно связать Ваше имя с материальной ценностью. С другой стороны, всякая вещь, связанная с Вашим именем, дорога для нас, независимо от того, сколько она стоит. И если Вы хотите доставить ребятам радость сверх той радости, какая заключается в Вашем приезде, то подарите им какую-нибудь небольшую вещь вроде ножика, чтобы она

всегда могла остаться на память о Вашем приезде.

У Вас так много забот сейчас и Вы так заняты в Москве, что я позволяю себе не послушаться Вас и не посылаю списка книг.

В Москве так много Вам приходится видеть людей и говорить с ними, что мне страшно совестно затруднять Вас еще нашей делегацией. Вы простите.

9.VI.28

Преданный Вам *А. Макаренко*

Сейчас получили перевод 20 000 рублей по Вашему приказу. Я даже не способен понять, что случилось. И я не способен ничего сказать, кроме слов удивления и преклонения перед Вашей живой личностью. Но здесь есть недоразумение. Я просил у разных учреждений 20 000. Наконец, я получил 16 000 рублей в Харькове на ремонт. Вы, конечно, об этом не знали. Я очень виноват перед Вами, что не сообщил Вам об этом, и у Вас осталось преувеличенное знание о нашей нужде. Я очень боюсь, что сейчас дело непоправимо, но я буду ждать встречи с Вами, чтобы просить у Вас прощения и совета, как поступить.

Преданный Вам *А. Макаренко*

Харьков, 27 июня 1928 г.

Дорогой Алексей Максимович!

Наши хлопцы, бывшие у Вас, рассказывали, сколько Вы писем получаете, и теперь прямо стыдно писать Вам длинное письмо.

Но и коротко нам так легко рассказать о себе. Мы ждем Вас, в этих словах вся наша жизнь. Ждем между пятым и десятым. Если Вы приедете в Харьков, мы на вокзале Вас потихоньку встретим так, что никто не будет знать. Вы обещали нам написать о дне и часе Вашего прибытия. Я этот день и час скрою даже от колонистов, чтобы действительно Вас никто не беспокоил. У нас в колонии мы также не будем Вас затруднять никакими речами. Вы у нас даже сможете отдохнуть.

Никаких подарков не нужно больше, дорогой Алексей Максимович, и так мы Вам уже чересчур дорого стоим.

Ждем.

Искренне преданный Вам

А. Макаренко

Харьков,
коммуна им. Дзержинского.
22 ноября 1928 г.

Дорогой, родной Алексей Максимович!

Спасибо, что вспомнили обо мне в Вашем письме к горьковцам. Я давно должен был написать Вам и должен был объяснить Вам причины моего

ухода⁴⁴ из колонии, но мне все казалось, что моя переписка с Вами внесет новую тревогу и новую нервность в жизнь горьковской колонии. Насколько я дорожил ее покоем и правильным развитием, Вы можете судить по тому, что я уехал из колонии, даже не простившись с ребятами и товарищами, уехал ранним утром, как будто в отпуск, и больше в колонии не был. Я тем более должен был так поступить, что в колонии тогда оставались на работе все мои друзья, с которыми я вел колонию 8 лет. Волновать ребят и проливать слезы мне представлялось вредным для самого дела. По этим же причинам я решил не писать Вам, решил, так сказать, исчезнуть с колониjsких горизонтов.

Вся эта моя дипломатия оказалась напрасной: кроме меня, нашлось много охотников приложить руки к колонии. Прежде всего стравили персонал — большинство старых работников не могли выдержать постоянных обвинений в «макаренковщине» и ушли, кто куда мог. На место завкола долго искали педагога, не нашли и назначили неграмотного столяра, человека хорошего, но, разумеется, неспособного справиться с 400 характерами наших горьковцев. Он скоро сделался предметом насмешек со стороны ребят и, вероятно, должен будет скоро уйти. Колония пока что держится благодаря нечеловеческим усилиям Весича⁴⁵, может быть, помните, человека с рано поседевшей головой. Он был при мне заместителем заведующего и остался им и теперь. Много зла приносит в колонию Гойдарь, бывший заведующий одной из колоний в Полтаве, уволенный за побои и теперь старающийся восстановить свое реноме в должности заведующего педагогической частью колонии им. Горького. Колония, благодаря его деятельности, принимает постепенно обычный вид наших детских домов: ленивый... персонал, кое-как отбывающий свои часы, склочный и вздорный, готовый из-за каждого пустяка утопить товарища, подсидеть, донести; ленивый, скрытый, сонный ребячий состав, смотрящий на колонию, как на временное пристанище, как на «казенный» котел, в котором можно пожить до того счастливого времени, когда можно будет устроиться на какой-нибудь работе, пить водку и носить клеш. Поэтому отношение к колонии у ребят сугубо утилитарное — уже сейчас дошло дело до кражи пассов в столярной мастерской и на электростанции.

Для того чтобы подкупить ребят, откровенно брошен лозунг: «Вас эксплуатировали, теперь вас будут учить». Но учить некому, да и какая учеба без рабочего настроения, без рабочего пафоса, без рабочих традиций. Разрушение этих традиций — главное зло. Их нельзя сделать в неделю при помощи безответственной болтовни, они создаются годами, в колонии им. Горького они складывались в течение восьми лет.

Для чего нужно было губить нашу колонию, трудно сказать. В самый день Вашего пребывания в колонии туда приехал предглавсоцвоса Арнаут и поставил мне ультиматум: или перейти на обычную соцвосовскую систему, или уйти. На другой день после Вашего отъезда я сдал колонию, не мог же я серьезно поставить крест и над своей восьмилетней работой, и над самой колонией.

Но интереснее всего то, что вот уже четыре месяца, как я ушел из колонии, а система все-таки держится. Именно то, против чего особенно возражали — отряды и командиры, салюты и рапорта — осталось неприкосновенным. Для гибели колонии никаких серьезных причин вообще не было. Было

обычное коллективное головотяпство, в котором и виновных не сыщешь. Отдельные лица, особенно старавшиеся в травле колонии, уже успели бросить свою полезную педагогическую деятельность и даже уехали из Харькова, остальные продолжают жевать свою жвачку за письменными столами и сонно посматривать на гибель колонии — что им такое колония им. Горького, одной колонией меньше, одной больше.

Моя личная трагедия, конечно, меньше всего может занимать даже меня самого — мало ли у кого глупые руки отнимали дело целой жизни. Жаль колонии.

Сейчас я занят книгой, которую почти закончил. В ней я описываю историю работы и гибель колонии и стараюсь изложить свою воспитательную систему. Книга получается большая и кажется интересною, но я боюсь, что ее предварительно отправят на заключение Наркомпроса и там съедят. Называю я ее «Педагогическая поэма»⁴⁶.

Я очень надеюсь, что Вы разрешите посвятить ее Вам. Это дело не только моего преклонения перед Вами, как перед великим художником, но и дань чисто деловой благодарности, — в Ваших книгах я нашел для себя педагогические откровения. Не может быть воспитания, если не сделана центральная установка о ценности человека.

Я буду Вам без конца признателен, если пришлете две-три строчки. Для меня они принесут запасы сил надолго.

Работаю я сейчас в коммуне им. Дзержинского. Здесь 80% горьковцев и горьковская педагогика. Мы все-таки не умерли.

Мне хочется надеяться, что наша правда восторжествует и мне удастся где-нибудь возродить колонию Вашего имени.

Будьте здоровы, дорогой Алексей Максимович.

Спасибо Вам за любовь и внимание к нашей колонии и за те начала силы, которые мы в своей работе находили благодаря Вам.

Искренне преданный Вам

Харьков, почтовый ящик № 309

А. Макаренко

Дорогой Антон Семенович,

Ваш уход из колонии поразил и глубоко огорчил меня. Если б я узнал об ультиматуме Арнаутова, я, конечно, действовал бы более энергично. Но у меня было обещание т. Б. в Харькове «не мешать» Вам в работе Вашей. В Москве я тоже говорил о том, чтоб Вас не трогали, и тоже был успокоен обещанием не делать этого. И — все-таки! Очень боюсь, что в это дело замешаны тенденции «националистического» характера.

Пишу в Москву, настаивая на необходимости Вашего возвращения в Кураж. В январе будет напечатана моя статья о «беспризорных» и колонии, созданной Вашей энергией. Разрушать такие дела — преступление против государства, вот как я смотрю на эту историю.

Антон Семенович — Вы энергичный, умный человек. Я знаю, как должно быть больно Вам, но — не падайте духом! Все наладится.

За предложение посвятить мне Вашу «Педагогическую поэму» сердеч-

но благодарю. Где Вы думаете издать ее? Советую — в Москве. Пошлите рукопись П. П. Крючкову⁴⁷, по адресу: Москва, Госиздат. Он Вам устроит печатание быстро и хорошо. Думаете ли Вы иллюстрировать ее снимками? Это надо бы сделать. Не опасайтесь, что этим книга станет дороже.

Крепко обнимаю Вас, дорогой друг, будьте здоровы!

6.XII.28

А. Пешков

Передайте мой привет колонистам Дзержинского. А своих видите? Они, ведь, наверное, знают, где Вы?

А. П.

Дорогой Алексей Максимович!

Простите, что я Вас беспокою. Когда я у Вас был, Вы мне рекомендовали издавать мою книгу не у «Народного учителя», а в Госиздате.

В моей книге выходит к последнему времени, когда я прибавил несколько совершенно необходимых теоретических глав, до 20 листов. Такую солидную книгу мне самому не хочется издавать в «Народном учителе».

Наконец мне просто хочется поступить так, как Вы советуете. Вы, вероятно, имеете для этого основания.

В связи со всем этим у меня к Вам большая просьба. Не откажите дать для моей книги небольшую рекомендательную записку. Пока что мне нужно только одно: чтобы ее не заложили куда-нибудь далеко и хотя бы прочитали, чтобы судить, годится она или не годится.

Потом, если она будет признана достойной издания, я буду просить Вас просмотреть ее.

Если Вы такую записку пошлете в ГИЗ, попросите Петра Петровича⁴⁸ мне об этом сообщить.

В моей книге 3 части. Первую я отправлю в ГИЗ немедленно после того, как получу письмо от Петра Петровича.

Преданный Вам и любящий Вас

Харьков,
почтовый ящик № 309,
А. С. Макаренко
[1929 г., сентябрь, октябрь]

А. Макаренко

Дорогой Макаренко,

ввиду того что Халатов⁴⁹ уехал в Сибирь и пробудет там не менее месяца, я рекомендую Вам передать рукопись в изд-во «Земля и фабрика»⁵⁰ Илье Ионовичу Ионову⁵¹. Письмо к нему прилагаю.

Жму руку, всего доброго.

10.X.29

А. Пешков

Дорогой Алексей Максимович!

Вместе с коммунарами-дзержинцами я приветствовал сорокалетие Вашей работы, и наше приветствие было напечатано в «Правде» в номере, посвященном Вам⁵². Заметили ли Вы его?

А сейчас у меня появилась надежда, что Ваш юбилей поможет возродиться идее горьковской колонии, правда, уже в другом месте. Третьего дня в московских газетах было напечатано, что МОНО решил открыть образцовую коммуну для беспризорных Вашего имени⁵³. Мне показалось, что я имею преимущественное право просить поручить эту коммуну мне. Кого просить? Может быть, в Москве меня мало знают. Я решился затруднить Вас напоминанием о себе.

Это письмо, вероятно, выйдет длинным, простите за это, но мне думается, Вы не будете сердиться за мой рассказ, если вспомните, что мы с Вами долго переписывались.

После Вашего посещения колонии им. Горького⁵⁴, если Вы помните, я из колонии должен был уйти, так как не хотел поступиться ни одним словом из своих педагогических верований. Вы тогда выступили на мою защиту, но даже Ваше слово не пробilo толщу наробразовских предрассудков и завирательной болтовни. Я спас остатки своего дела в коммуне им. Дзержинского, куда вместе со мной перекочевала сотня горьковцев и часть персонала. Они и до сих пор еще называют себя «старыми горьковцами».

Мне кажется, что Вам коммуна им. Дзержинского не совсем понравилась⁵⁵. Вас, вероятно, смутило кажущееся внешнее богатство. Но за этим богатством скрывался хороший рабочий ребячий коллектив, воспитанный в горьковской колонии. За прошедшие с тех пор четыре года дзержинцы многого достигли: давно уже перешли на полную самокупаемость, открыли у себя рабфак, построили новый, во всех отношениях замечательный завод, приняли много новых беспризорных. Сейчас это во всех отношениях интересное учреждение, красивое и культурное, делающее большую и нужную работу. В этом году мы выпустили в вузы двадцать четыре человека.

Я не спускал глаз с горьковской колонии, она пережила много тяжелых дней. В ней несколько раз менялись заведующие, это было плохо. Еще хуже было то, что наробраз провел настоящую победоносную войну против всех остатков «макаренковщины», разогнал всех моих помощников, а многие ребята и сами ушли. В результате всех этих мероприятий к весне этого года колония страшно обеднела и упала во всех отношениях: побег, воровство, пьянство, об этом писались целые страницы в харьковских газетах.

В марте «старые горьковцы», и живущие в коммуне, и давно вышедшие в самостоятельную жизнь, врачи, агрономы, педагоги, поставили вопрос о возрождении колонии. Горьковские ребята, а они все знают о старом блеске колонии, встретили эту мысль с настоящим энтузиазмом. Было несколько встреч и общих собраний дзержинцев и горьковцев, побывал и я

в колонии. Намечалось объединение двух колоний на началах федерации под моим общим руководством. В наробразе давно исчезли старые противники моей системы, давно уже признаны достижения коммуны им. Дзержинского, возражений с этой стороны не было. Но не захотели такого объединения мои теперешние шефы. Мне пришлось отказаться от продолжения горьковской истории.

Сообщение в московских газетах об открытии новой коммуны Вашего имени меня снова взволновало. Я предъявляю мое право на работу в колонии Вашего имени и считаю, что это право никто оспаривать не может: с 20-го г. я, кажется, один во всем Союзе стоял во главе коллектива горьковцев. Ведь нас объединяло не только официальное Ваше шефское имя, но и реальное объединение наше вокруг Вашей личности, жизни и Вашей мысли. Много моих воспитанников сейчас работают в Союзе, и они до сих пор с гордостью называют себя горьковцами и не теряют связи ни со мной, ни друг с другом. И вот мы, горьковцы, считаем, что организация новой коммуны горьковцев должна быть нашим делом. Нас интересует в данном случае не только желание снова работать в горьковской колонии, но и чисто деловые соображения: ни для кого не секрет, что детские дома и колонии у нас плохо живут и работать в них до сих пор не умеют. А колония Вашего имени должна быть во всех отношениях образцовой. Мы чувствуем за собой и силу и опыт такую колонию создать. И есть какая-то красота в том, что новую Вашу колонию создадут не бюрократические деятели, а Ваши старые друзья — горьковцы.

Важно еще одно обстоятельство: в той же телеграмме из Москвы сказано, что создается и техникум им. М. Горького для подготовки работников внешкольного типа — педагогов. Прямо не пойму, почему именно внешкольного, когда у нас совершенно нет работников для детских домов, а готовить их наши педвузы не умеют. Я считаю, что при коммуне им. Горького надо иметь техникум для подготовки работников таких коммун. Я не хвастун, но ручаюсь, что такой техникум могу создать только я, и, может быть, еще три-четыре человека в Союзе, ведь для этого нужно иметь огромный опыт работы с беспризорными, а у нас этот опыт редко кто выдерживал больше двух-трех лет. Для подготовки таких работников нужна совершенно особая программа. В глубине души я думаю, что эта программа пригодится вообще для создания советской школы воспитания, но это пусть так и будет в глубине.

Я Вас прошу: помогите сделать это большое и нужное дело, помогите это дело сделать нам, горьковцам. Сколько их я смогу насобирать, я еще хорошо не знаю, но за успех я ручаюсь.

Никаких своекорыстных мотивов у меня, конечно, нет. В коммуне им. Дзержинского меня ценят и любят, хорошо платят, и дело способно удовлетворить работника, но здесь уже все сделано, осталось наводить последний лоск. Правда, и здесь не дают мне полной свободы творчества, и здесь находятся охотники потребить то, что добыто огромным моим напряжением, но ведь от этого нигде не избавишься...

Я знаю, что первые годы в новой коммуне для беспризорных всегда каторга, но к этому влечет по привычке, а ведь в Москве пахнет горьковской колонией — вот, даже странно как-то представить, что колония им. Горького — и вдруг без меня.

Я, наверное, слишком многословен, а Вы и так уже увидели и почувствовали мою правду.

Я не знаю, как это сделать, мне кажется, что Вы имеете право выбирать заведующего Вашей коммуной. Мне бы хотелось участвовать в самом проектировании колонии, потому что тогда легче всего наделать всяких глупостей.

В МОНО меня когда-то знали, о коммуне им. Дзержинского знают наверняка. На днях выйдет в ГИХЛе моя книга «Марш тридцатого года», которая о коммуне много расскажет интересного. Может быть, и это поможет.

Кстати, о моей литературной деятельности: в ГИХЛе принята и вторая рукопись «ФД-1», большой очерк листов на двенадцать, а самая дорогая для меня работа, «Педагогическая поэма»⁵⁶, изображающая не сладкие достижения, а тяжелейшую борьбу в горьковской колонии, полную не только пафоса, но и преступлений, между прочим моих собственных, книга, посвященная Вам, лежит у меня дома: как-то страшно выворачивать свою душу перед публикой с такой щедрой искренностью.

Все-таки простите за такое длинное письмо. Но если Вы его прочитали, я почему-то уверен, что колония им. Горького будет в моих руках, серьезно, иначе быть не может, это было бы просто недопустимо.

Преданный Вам

Харьков, 54,
коммуна им. Дзержинского,
А. С. Макаренко

А. Макаренко

Дорогой Антон Семенович,

вчера прочитал Вашу книжку «Марш 30-го года». Читал — с волнением и радостью, Вы очень хорошо изобразили коммуны и коммунаров. На каждой странице чувствуешь Вашу любовь к ребятам, непрерывную Вашу заботу о них и такое тонкое понимание детской души. Я Вас искренне поздравляю с этой книгой. Вероятно, немножко напишу о ней. Колонисты Куряжа не пишут мне. Не знаю о них ничего. Прискорбно, какие хорошие ребята были там.

Крепко жму Вашу руку.

Передайте ребятам привет мой, скажите, что я страшно рад был прочитать, как они живут, как хорошо работают и хорошо, дружески, по-настоящему — относятся друг к другу.

17.XII.32.
Sorrento

М. Горький

Дорогой и глубокоуважаемый
Алексей Максимович!

Ваше письмо о моей книге — самое важное событие в моей жизни, к этим словам я ничего уже не могу прибавить, разве только то, что я просто не понимаю, как это можно иметь такую большую душу, как у Вас.

А я о своем писании был очень плохого мнения. Писательский зуд просто оказался сильнее моей воли, а по доброй воле я не писал бы. Ваш отзыв перепутал все мои представления о собственных силах, теперь уже не знаю, что будет дальше. Впрочем, к писательской работе меня привлекает одно — мне кажется, что в нашей литературе (новой) о молодежи не пишут правдиво, а я очень хорошо знаю, какая это прелесть — молодежь, нужно об этой прелести рассказывать. Но это очень трудно, для этого нужен талант и еще... время. У меня как будто не было ни того, ни другого. Пишу сразу в чистовку, получается неряшливо, а через каждые две строчки меня «пацаны» отрывают, писать приходится все в том же «кабинете».

Поэтому все, что я написал, меня смущало. Сейчас в ГИХЛе лежит моя рукопись «ФД-1» из истории последних лет коммуны им. Дзержинского. В редакции относятся к ней очень сдержанно, наверное, она будет издаваться тоже два года, как и «М. 30 г». А самая дорогая для меня книга, давно законченная, «Горьковцы»⁵⁷, листов на 20, лежит у меня в столе, там слишком много правды рассказано, и я боюсь.

Есть еще у меня и пьеса⁵⁸. Даже стыдно писать Вам о таком обилии.

Недавно я писал Вам в Москву, наверное, Вы не получили моего письма. В нем я писал и о колонии в Куряже. В московских газетах было сообщение об открытии «образцовой колонии» им. Горького. Я просил Вас поручить эту колонию нам, «горьковцам». На это дело пошли бы лучшие ребята, выпущенные из колонии в Куряже, теперь педагоги, инженеры, врачи.

Куряжскую колонию возродить уже нельзя. В прошлом году дзержинцы поставили вопрос об объединении с Куряжем в «дивизию», но начальство не согласилось. Колония живет плохо, после меня переменялось уже четыре заведующих, глупости там наделаны непоправимые, коллектива нет, проходной двор. Монастырское старье давно нужно было развалить, нужно было строить, богатеть, а там до сих пор штукатурка 1928 г. Нехорошо. Коммуна им. Дзержинского на днях праздновала свое пятилетие. Ребята постановили передать Куряжу помощь 10 000 рублей, но это чепуха. Там деньги не помогут. Там нужна большая работа, все нужно сначала. А если сначала, так лучше уже на новом месте. Ваше имя в Куряже нужно снять.

Простите за длинное письмо. Ваши слова ребятам я передал на общем собрании. Они горды и сейчас Вам пишут.

Посылаю Вам наш юбилейный сборник⁵⁹.

Спасибо за Ваше внимание и поддержку, если можно за это благодарить.

Харьков, 54,
коммуна Дзержинского.

1. 1. 1933

Преданный Вам А. Макаренко

Дорогой Антон Семенович,

я, стороною, узнал, что Вы начинаете уставать и что Вам необходим отдых. Собственно говоря, мне самому пора бы догадаться о необходимости для Вас отдыха, ибо я, в некотором роде, шеф Ваш, кое-какие простые вещи

должен сам понимать. 12 лет трудились Вы, и результатам трудов нет цены. Да никто и не знает о них, и никто не будет знать, если Вы сами не расскажете. Огромнейшего значения и поразительно удачный педагогический эксперимент Ваш имеет мировое значение, на мой взгляд.

Поезжайте куда-нибудь в теплые места и пишите книгу, дорогой друг мой. Я просил, чтобы из Москвы Вам выслали денег. Будьте здоровы, крепко жму руку. Всего доброго!

30. I. 33

А. Пешков

Дорогой Антон Семенович,

не отвечал Вам, ожидая, когда получу возможность ответить конкретным предложением.

Но покамест еще не вижу этой возможности и пишу только для того, чтоб Вы знали: письмо Ваше получено мною и о Вашем переводе в Москву я — забочусь.

Будьте здоровы!

10.VIII.33

А. Пешков

Макаренко.

Харьков. 25 августа 1933 г.

Дорогой Алексей Максимович!

Получил Ваше письмо. Поверьте, нет в моем запасе таких выразительных слов, при помощи которых я смог бы благодарить Вас. Если я вырвусь из моей каторги, я всю свою оставшуюся жизнь отдам для того, чтобы другим людям можно было вести воспитательную работу не в порядке каторги. Это очень печально: для того чтобы воспитать человека, нужно забыть, что ты тоже человек и имеешь право на совершенствование и себя, и своей работы.

Отсюда вырваться без Вашей помощи мне не удалось бы никогда.

Сейчас я выпустил 45 человек в вузы, и для моей совести сейчас легче расстаться с коллективом. Вырваться от начальства гораздо труднее, оно очень привыкло к безграничной щедрости, с которой здесь я растрчивал свои силы, растрчивал при этом не столько на дело, сколько на преодоление самых разнообразных предрассудков.

Простите, дорогой Алексей Максимович, что я занимаю Вас своей персоной. В Вашей работе, наверное, много более ценных объектов, но что же делать, если мне выпало такое счастье — заслужить Ваше внимание.

В начале сентября я буду в Москве, и, надеюсь, Вы разрешите Вас посещать.

Преданный Вам

А. Макаренко

Дорогой Антон Семенович,

на мой взгляд, «Поэма» очень удалась Вам. Не говоря о значении ее «сюжета», об интереснейшем материале, Вы сумели весьма удачно разработать этот материал и нашли верный, живой, искренний тон рассказа, в котором юмор Ваш — уместен как нельзя более. Мне кажется, что рукопись не требует серьезной правки, только нужно указать постепенность количественного роста колонистов, а то о «командирах» говорится много, но армии не видно.

Рукопись нужно издавать. Много ли еще написано у Вас? Нельзя ли первую часть закончить решением переезда в Куряж?

[25/IX 1933]

А. Пешков

7 марта 1934 г.

Дорогой Алексей Максимович

Спасибо Вам. Благодаря Вашему вниманию, поддержке, а может быть, и защите моя «Педагогическая поэма» увидела свет, да еще в таком совершенно уже незаслуженном соседстве с Вашей пьесой⁶⁰.

Для меня выход «Поэмы» — важнейшее событие в жизни. Я не способен судить, насколько это важно или нужно для людей. Здесь, в своей харьковской каторге, я вообще слишком мало ощущаю из широкой литературной жизни и не могу даже следить за критическими статьями, не знаю даже, есть они или нет.

И меня очень затрудняет вопрос о том, что дальше делать с поэмой? Следует ли добиваться отдельного издания первой части, или она не стоит того, чтобы ее отдельно издавать? Отдельное издание меня интересует больше всего потому, что можно будет восстановить несколько глав и отдельных мест (всего около 4 печатных листов), не напечатанных в альманахе за недостатком места; мне, как, вероятно, и каждому автору, кажется, что места эти очень хороши и очень нужны, что без них «Поэма» много в своей цельности теряет.

Писать ли вторую часть или не стоит?...

Материал для второй части у меня как будто богатый. Это лучшее время горьковской колонии. В первой части я пытался изобразить, как складывается коллектив, во второй части хочу описать сильное движение развернутого коллектива, завоевание Куряжа и харьковскую борьбу — до самого Вашего приезда. Закончить хочу Вашим приездом в Куряж.

Вторая часть для меня труднее, чем первая. Я не представляю себе, как я справлюсь с такой трудной задачей: описывать целый коллектив и в то же время не растерять отдельных людей, не притушить их яркости. Одним словом, боюсь.

Не знаю также, уместно ли разбавлять повествование теоретическими отступлениями по вопросам воспитания, у меня есть такой зуд, — хорошо ли это?

И еще одно затруднение. Ваш приезд — это кульминационный пункт развития коллектива горьковцев, но это и его конец. До Вашего еще приезда

мне удалось спасти 60 человек в коммуне им. Дзержинского. Эти 60 человек и продолжают традиции горьковцев уже на новом месте. Я всегда думал, что история дзержинцев уже составит тему третьей части «Педагогической поэмы». На деле, однако, мне не удалось сохранить цельность развития коллектива. Здесь набежало много людей, они дружно растащили коллектив в разные стороны, и в настоящее время вместо одного цельного явления я стою перед целой кучей проблем, получившихся исключительно благодаря неумению многих людей.

Для окончания «Поэмы» здесь нет хорошей правды, врать не хочу, окончить же 28-м годом тоже как будто неудобно.

Простите, дорогой Алексей Максимович, что затрудняю Вас своими делами. Просто хочу поделиться с Вами. Если Вы только одним словом отзоветесь — стоит ли писать продолжение? — мне больше ничего и не нужно. А что выйдет, я все равно Вам покажу, тогда будет видно.

Страшное спасибо Вам за Ваше письмо Серафимовичу⁶¹. Оно многим людям показывает дорогу.

Желаю Вам здоровья и радости.

Харьков, 54,
коммуна им. Дзержинского

Преданный Вам А. Макаренко

Дорогой Антон Семенович!

Рукопись Ваша сокращена по недоразумению, сократить нужно было не ее. Но я живу за городом и — «не досмотрел». А на других положиться — нельзя, как Вы знаете.

Очень огорчен тем, что Вы еще не принимались работать над второй частью и очень Вас прошу: начинайте!

Первая часть хорошо удалась Вам, все, кто читал ее, — читали с наслаждением, и все говорят: нет конца!

Первую часть нужно издать, включив, конечно, выпавшие четыре листа. П. П. Крючков возьмет на себя хлопоты по изданию. Особенно резко полемизировать по поводу Вашего метода воспитания Вам не стоит, метод этот оправдан на Б-Б.⁶² водном пути по Печоре — книга «Большой шанс» Канторовича⁶³ и другие. Замалчивать правду, разумеется, не рекомендую.

Крепко жму руку, рукописей жду.

14. III. 34

Ваш А. Пешков

Харьков, 54,
коммуна им. Дзержинского,
14 июня 1934 г.

Дорогой Алексей Максимович!

Давно должен был написать Вам, но не хотел тревожить Вас моими делами во время таких горестных для Вас событий, которые и мы здесь

встретили с глубокой и искренней печалью⁶⁴. Непереносимо тягостно было представить себе Ваше страдание, так это все не вяжется с Вашей личностью и с любовью к Вам. Нет ничего отвратительнее для меня знать, что и по отношению к Вам возможны подобные издевательства этих дурацких мировых неустройств. Так это возмутительно, и так себя неуютно чувствуешь в мире: ведь по справедливости и по здравому смыслу умирать должны только те люди, которые уже не нужны для жизни.

Я пишу вторую часть «Педагогической поэмы». Подвигается она чрезвычайно медленно, мешают коммунарные дела, напряженные, как всегда. К коммунарным делам прибавилось еще одно, увлекательное до высшей степени. Здесь в Харькове организован Комитет для открытия новых детских трудовых коммун на 12 000 человек. И меня ввели в состав комитета. Я настойчиво предлагаю всем открыть одну коммуну на 12 000 детей на берегу Днепра недалеко от Черкасс или при впадении Сейма в Десну. Я представил подробный план, составленный целой группой людей, понимающих в этом деле и настоящих энтузиастов. План деловой и точный⁶⁵. Я прошу 33 миллиона выдать в течение 3 лет. Обязуюсь потом возвратить эти деньги в течение десяти лет, а сверх того ежегодно увеличивать коммуну на 2000 человек. Вообще, начиная с четвертого года, коммуна должна быть на хозрасчете.

О деньгах никто не спорит. На борьбу с беспризорностью ежегодно расходуются гораздо большие деньги и без всяких материальных и педагогических последствий. И если открыть не одну, а двенадцать коммун на 12 000 человек, то это будет стоить не 33 миллиона, а больше ста.

Не денег жалеют, а просто боятся поднять серьезное большое дело, боятся тронуться с насиженного, хотя и дрянного, места, на котором давно стоит беспризорный вопрос. Я уже многих убедил, но многие еще сомневаются и чего-то боятся.

Если бы дали в руки такое дело, да еще если бы назвали новую коммуну Вашим именем, я уже не мог бы ручаться за скорое окончание «Педагогической поэмы». Это, конечно, очень грустно, но отказаться от такой коммуны я все равно не в силах.

Первая часть «Педагогической поэмы» давно сдана в «Советскую литературу», но с изданием там не спешат, говорят, что до августа она в производство не пойдет. Почему так долго, не знаю, может быть, так и нужно. Вероятно, украинский перевод выйдет раньше, так как «Радянська література» спешит обогнать Москву, справедливо рассчитывая, что читатель будет читать по-украински только в том случае, если рядом нет лучшего⁶⁶.

Сдал я и «Мажор» в МХАТ товарищу Виленкину⁶⁷. Около месяца поработал над пьесой, считаю, что она теперь лучше, чем была раньше, но бабы прибавить не сумел — я еще очень слабый техник. Виленкин сказал, что с Вами будут советоваться. Здесь в Харькове есть симпатичный и культурный театр русской драмы. Коллектив этого театра очень воодушевленно и красиво шефствует над коммуной им. Дзержинского. Просили дать им «Мажор» к постановке, но я не хочу ставить пьесу в том городе, где так хорошо знают коммуну, — будут копировать, а это совсем не то: в «Мажоре» есть много от мечты о ближайших будущих днях.

В конце июля коммунары уезжают в отпуск. Становимся лагерем в

Сосновом лесу на берегу Днепра. Как и в прошлом году, ребята воображают, что это замечательная вещь — лагерь на Днепре, и собираются приглашать Вас. Главное, чем они собираются Вас завлечь, это маленький пароходик в распоряжении лагеря. Ездить на пароходике по Днепру и снимать берега собственной «лейкой» — конечно, высшее блаженство.

Между прочим, «лейки» (по-нашему — ФЭД — «Федьки») нашего нового завода выходят не плохие. Остался еще недоступным секрет одного лака. Когда этот секрет будет осилен и ФЭД примет настоящий нарядный вид — коммунары мечтают, что Вы примете от них образец — ведь это тоже «наши достижения».

Простите за длинное письмо.

Преданный Вам А. Макаренко

В «Литературной газете» было напечатано, что в Союз писателей принят Макаренко⁶⁸. По некоторым данным, это я. Но я так не верю в это счастье, что боюсь страшно разочарования. Недавно жена была в Москве, но я ей прямо запретил заходить в ССП, а вдруг скажут:

— Н-нет... это другой товарищ.

Дорогой мой друг Антон Семенович,

спасибо за письмо!

Очень обрадован намерением правительства широко организовать детские трудкоммуны, очень ясно сознаю необходимость Вашего участия в этом прекрасном деле, но — огорчен тем, что вторая часть «Педагогической поэмы» Вашей «подвигается медленно».

Мне кажется, что Вы недостаточно правильно оцениваете значение этого труда, который должен оправдать и укрепить Ваш метод воспитания детей. Вы должны сделать что-то, чтоб «Поэма» была кончена Вами и прочитана в момент организации новых коммун. Этим актом Вы поможете поставить дело правильно, как оно было поставлено в Куряже и в коммуне Дзержинского. Убедительно прошу Вас — напрягитесь и кончайте вторую часть «Поэмы». Настаиваю на этом не только как литератор, а — по мотиву, изложенному выше.

Крепко жму руку, будьте здоровы и — за работу!

[Июль, после 16-го, 1934 г.] Москва

М. Горький

Дорогой Антон Семенович,

вторая часть «Поэмы» значительно менее «актуальна», чем первая; над работой с людьми и землей преобладают «разговоры». В них много юмора, они придают «Поэме» веселый тон, — это, конечно, еще не порок, если не снижает серьезнейшее тематическое, а также историческое значение социального опыта, проделанного колонией.

Мне кажется, что эта часть поэмы весьма выиграет, если Вы сократите ее. Сокращать надо незначительное, чтоб ярче оттенить значительнейшее. Длинновата сцена покупки лошади. Очень хороша свадьба...

Я «придираюсь», потому что глубоко убежден в серьезнейшем значении «Поэмы», в правде метода, в поучительности опыта. Но чтоб опыт был ясен читателю, — даже и тогда, когда он — профессионал-педагог, — Вам необходимо более четко изображать постепенность перерождения ребят. В этой части личная Ваша фигура и работа оставляет ребят несколько в тени. И это — потому что работу Вы освещаете словами, тогда как освещение ее требует фактов. Незаметно, как ребята пришли к необходимости учиться в рабфаках, решение это является неожиданным.

Вообще очень прошу Вас внимательно прочитать и местами сократить, а кое-где дополнить рукопись.

Крайне важно дать эту Вашу работу в форме — по возможности — совершенной.

Крепко жму руку.

10.IX.34 г.

М. Горький

[Из черновика письма А. М. Горького
А. С. Макаренко, 10.IX.34]

...И это потому, что работу Вы освещаете словами, тогда как освещение ее требует фактов. Незаметно, как ребята пришли к необходимости учиться в рабфаках, решение это является неопределенным.

Вообще очень прошу Вас внимательно прочитать и — местами — сократить, а кое-где дополнить рукопись. Крайне важно дать эту Вашу работу в форме — по возможности — совершенной.

Крепко жму руку.

10. IX. 34 г.

М. Горький

Дорогой, родной Алексей Максимович!

Не нахожу слов, чтобы выразить Вам свою благодарность и любовь. Одно знаю хорошо, что ни я, ни моя поэма не стоят того исключительного внимания, которое Вы оказываете нам, и не стоят огромного труда, который Вы нам дарите.

О второй части у меня нет ясного представления: то она кажется мне очень хорошей, гораздо лучше первой, то чрезвычайно слабой, ничего не стоящей. Писал я ее в ужасных условиях, но время большой напряженной работы в коммуне, в летнем походе коммунаров: в вагоне, на улицах городов, в передышках между торжественными маршами.

И поэтому и по моей неопытности и слабости в ней, конечно, много недостатков, которые я в особенности ясно увидел после Вашего отзыва: много «разговоров», выпирает моя фигура, есть лишнее зубоскальство.

Я постарался вычеркнуть все то, что бросается в глаза, всего вычеркнул больше двух печатных листов, но как-нибудь основательно переделать всю часть я уже потому не могу, что вся она построена по особому принципу, который я считаю правильным, но который, вероятно, плохо отобразил в своей работе над книгой.

Я очень прошу Вашего внимания к следующему:

Моя педагогическая вера: педагогика — вещь прежде всего диалектическая — не может быть установлено никаких абсолютно правильных педагогических мер или систем. Всякое догматическое положение, не исходящее из обстоятельств и требований данной минуты, данного этапа, всегда будет порочным.

Единственно, что я хочу утверждать: в коммунистическом воспитании единственным и главным инструментом воспитания является живой трудовой коллектив. Поэтому главное усилие организатора должно быть направлено к тому, чтобы создать и сберечь такой коллектив, устроить его, связать, создать тон и традиции, направить...

В первой части «ПП» я хотел показать, как я, неопытный и даже ошибающийся, создавал коллектив из людей заблудших и отсталых. Это мне удалось благодаря основной установке: коллектив должен быть живой и создавать его могут настоящие живые люди, которые в своем напряжении и сами переделываются.

Во второй части я сознательно не ставил перед собой темы переделки человека. Переделка одного, отдельного человека, обособленного индивида, мне представляется темой второстепенной, так как нам нужно массовое новое воспитание. Во второй части я задался целью изобразить главный инструмент воспитания, коллектив, и показать диалектичность его развития.

Инструментовку коллектива я хотел изобразить в следующих главных чертах:

1. Пролетарская классовая направленность — отрицание индивидуального крестьянского хозяйства.

2. Превалирование интересов коллектива над интересами личности.

3. Дисциплина.

4. Бодрость.

5. Коллективный труд и хозяйство.

6. Образовательный и культурный процесс.

7. Настоящие живые люди (Калина, Силантий, Мария Кондратьевна).

8. Стремление вперед, обязательное развитие.

9. Традиции, в том числе и внешние.

10. Эстетическое оформление жизни.

Может быть, это все мне плохо удалось, это другое дело.

В третьей части я этот коллектив хочу показать в действии: в массовой переделке уже не отдельных личностей, а в массе — триста куряжан. В третьей части у меня богатый материал для изображения такой переделки и доказательства того, что силами коллектива эта переделка легче и быстрее.

В третьей же части я хочу изобразить и сопротивление отдельных лиц в НКП. Во второй я хотел показать только первые предчувствия, первые дыхания борьбы. Нападение НКП на мою работу было вызвано именно обстоятельствами активной деятельности коллектива горьковцев в Куряже.

В третьей же части я хочу показать, как здоровый коллектив легко размножается «почкованием» (дзержинцы).

Это моя схема. Очень возможно, что я не умел и не умею рассказать все так, чтобы и читателю было ясно. Страшно хорошо, что это обнаруживается

сейчас: в третьей части я теперь постараюсь все прояснить, если хватит у меня способности.

Еще раз спасибо Вам, дорогой Алексей Максимович. Ужасно тяжело, что я не увидел Вас, и еще тяжелей, что Вы хвораете.

Желаю Вам здоровья и бодрости.

Преданный Вам

Москва. 18. IX. 34

А. Макаренко

Дорогой Алексей Максимович.

Если Вы помните, весной прошлого года я был принят Вами и представил Вам свою пьесу «Мажор», которая перед тем побывала на конкурсе Совнаркома и удостоилась даже рекомендации.

В общем Вы пьесу мою одобрили, предложили кое-что исправить. Я драматург молодой, и мне легче написать новую пьесу, чем исправить старую. Я все-таки еще поработал над «Мажором» и передал ее для печати в Гос. изд. «Художественная литература». Оттуда я получил очень хороший отзыв, скоро она должна выйти в свет. Ваше положительное отношение к моему драматургическому дебюту и потом успех пьесы в «Художественной литературе» меня настолько окрылили, что я даже пренебрег полной неудачей моих попыток пристроить ее в театре (МХАТ отозвался отрицательно, все другие даже не ответили), тем более что эти попытки не отличались особенной энергией.

Короче говоря, я написал еще одну пьесу «Ньютоновы кольца» (почему-то скрываюсь под фамилией Гальченко). Меня увлекла тема изобразить игру мельчайших бликов, зайчиков на очень ограниченном участке нашей борьбы, мне хотелось этой радужной игрой подчеркнуть величие и уверенность нашего движения. Сегодня я прочитал Вашу статью «Литературные забавы»⁶⁹, и теперь я понимаю, что меня в моей пьесе интересовала «химия» явлений среди наших людей. Очень возможно, что такой химии у меня не получилось, я не имею никакого понятия о качестве «Ньютоновых колец». Но так как в эту работу я вложил кое-что и так как в ней есть рисунки настоящих живых людей и живых конфликтов, которые я наблюдал вокруг себя, то я осмеливаюсь просить Вас, если позволяет Ваше здоровье и если у Вас найдется время, прочитайте «Ньютоновы кольца», которые я Вам одновременно посылаю. Внимание и забота, которые Вы мне всегда оказывали, позволяют и теперь обратиться к Вам с этой просьбой.

Начал третью часть «Педагогической поэмы», которую надеюсь представить к альманаху седьмому. Очень хочу, чтобы третья часть вышла самой лучшей, поэтому постараюсь ее закончить раньше, чтобы успеть сделать исправления, а может быть, даже написать наново, если потребуется.

Простите, что письмо на машинке — уже две недели, как лежу в постели, немножко надорвался — нервы.

Харьков,
коммуна Дзержинского.
26 января 1935 г.

Преданный Вам *А. Макаренко*

Дорогой Антон Семенович,

на мой взгляд, «Ньютоновы кольца» пьеса интересная и может быть разыграна очень весело, если за нее возьмутся молодые артисты, например — филиал МХАТа, играющий в Коршевском театре.

Но я уверен, что любой режиссер скажет Вам: пьеса растянута и требует солидных сокращений «по всей длине» ее текста.

К этому недостатку присоединяется другой: недописаны фигуры Хромова, Лугового, Никитина. Хромов особенно требует добавлений, ибо драматизм его положения недостаточно подчеркнут. Ему надо бы дать сценку с Рязановой, сцену, после которой она почувствовала бы, что Хромов работает честно.

Впрочем — все это дело режиссуры, и я Вас спрашиваю: будете ли Вы переделывать пьесу сейчас же или сначала покажете ее режиссеру? Жду ответа.

Сударь мой: мне очень хочется обругать Вас. Вам бы следовало сначала довести до конца «Педагогическую поэму», а потом уже писать пьесы. А Вы, по примеру литературных юношей, взявшись за одно дело и не кончив его, начинаете другое. Первое дело от этого весьма страдает, а оно важнее пьесы, значительно важнее.

Ну вот, обругал, легче мне стало?

Увы, нет. Всего доброго. Крепко жму руку.

[8/II 1935]

А. Пешков

1935 г. февраль

Дорогой Антон Семенович,

на мой взгляд, «Ньютоновы кольца» пьеса веселая и — если хотите — я могу передать ее в театр Корша или же Вахтангова.

Но — мне хочется ругать Вас. Напрасно Вы прервали работу над «Педагогической поэмой», значение которой гораздо солиднее пьес. Вот уже первые части «Поэмы» вышли, а где третья? Очень прошу Вас: продолжайте эту работу! Я думаю, что 3-ю часть нужно довести до момента Вашего ухода и на нем кончить.

Копию Вашего письма П. П. о Куряже я сообщил Павлу Петровичу Постышеву⁷⁰, вероятно, он Вас вызовет «для разговора».

Будьте здоровы! Работайте.

А. Пешков

[1935 г., февраль]

Дорогой Алексей Максимович!

Ругаете Вы меня или помогаете, а я все равно не умею так написать Вам, чтобы хотя бы на минутку Вы почувствовали всю глубину и теплоту моей благодарности и любви к Вам. И я страшно злюсь на себя и на наш

век за то, что теперь люди такие деловые и суровые, что они умеют только возиться с материей, что явления в собственных душах такие для них стали непосильные.

Спасибо, что обругали. Это у Вас так сильно и ласково выходит, что мне может позавидовать любой мой воспитанник. Секрет педагогического воздействия таким образом еще и до сих пор для меня проблема. Во всяком случае, после Вашей проборки мне хочется написать не третью часть «Педагогической поэмы», а третью часть чего-то страшно грандиозного.

Это, однако, не мешает «жалкому лепету оправданий». «Педагогическая поэма» — это поэма всей моей жизни, которая хоть и слабо отражается в моем рассказе, тем не менее представляется мне чем-то «священным». Я не могу писать поэму в сутолоке моей работы в коммуне. Для поэмы мне нужен свободный вечер или какое-нибудь уединение. А пьесы я набрасываю в коммунарском кабинете в трехминутных перерывах между деловыми разговорами, выговорами, заседаниями, удовлетворяя писательский зуд, который так поздно у меня разгорелся в значительной мере благодаря Вашему ко мне вниманию. Теперь я уже не в состоянии пройти безучастно мимо интересных людей и коллизий. А так как мне записывать некогда, то хочется написать скорей, пока не забыл ничего.

Оправдался? Кажется, нет. Поэтому даю Вам слово не писать ничего, пока не окончу «Педагогическую поэму», кстати, конец уже недалеко.

А после «Педагогической поэмы» я мечтаю не о пьесах, а о таком большом деле: напишу тов. Бубнову⁷¹ предложение. Я хочу написать большую, очень большую работу, серьезную книгу о советском воспитании. Если у меня хватит здоровья, я уверен — это будет очень важный и капитальный труд. Я однажды приступил к нему⁷², но увидел, что такую книгу можно писать в полном отрешении от текущей работы и обязательно «с книгами в руках», просмотрев все высказывания старого опыта, истории, художественной литературы. Вы даже представить себе не можете, Алексей Максимович, сколько у меня скопилось за 30 лет работы мыслей, наблюдений, предчувствий, анализов, синтезов. Жалко будет, если все это исчезнет вместе со мной. Я потому и буду просить т. Бубнова, чтобы мне дали возможность жить в Москве, поближе к книгам и к центрам мысли, и работать. Мне понадобится два года.

Видите, я не очень отравлен драматургией и помню ваше указание — писать о педагогическом деле. Но сейчас мои мозги очень скомканы коммуной: ведь у нас 520 ребят, а я уже достаточно заморился.

Не знаю, как сказать, как благодарить Вас за то, что прочитали «Ньютоновы кольца». Совесть мучит меня, что я затруднил Вас этой работой, но утешаюсь тем, что в «Ньютоновых кольцах» тема тоже педагогическая. Ведь теперь перевоспитываются не только дети. В пьесе я и хотел захватить кусочек великого процесса перевоспитания, только выражая его не в «небывалых чудесах», а в простой «химии». Перевоспитывается не только Хромов, а и Рязанова, и Луговой, и Ходиков, и Елочка. И не потому перевоспитывается, что стоит над душой гениальный педагог, а потому, что вся атмосфера, весь тон жизни и отношений новые. конечно, все это тонкие штуки, и поэтому сократить, дописать, доработать пьесу наедине с самим собой я не сумею. Если пьеса того заслуживает, если она станет

объектом работы режиссера или театрального коллектива, я с большим успехом смогу ее улучшить. И Вы так пишете. Поэтому, если Вам придется говорить о моей пьесе с режиссером, Вы считайте, что за моими исправлениями остановки не будет.

Спасибо еще раз за Ваше великое человеческое внимание ко мне и за ласку.

Преданный Вам *А. Макаренко*

Харьков, 54,
коммуна им. Дзержинского,
А. С. Макаренко

Киев, 28 сентября 1935 г.
ул. Леонтовича, 6, кв. 21

Дорогой Алексей Максимович!

Сегодня авиапочтой выслал Вам третью часть «Педагогической поэмы». Не знаю, конечно, какой она получилась, но писал ее с большим волнением.

Как Вы пожелали в Вашем письме по поводу второй части, я усилил все темы педагогического расхождения с Наркомпросом, это прибавило к основной теме много перцу, но главный оптимистический тон я сохранил.

Описать Ваше пребывание в Куряже я не решился, это значило бы описывать Вас, для этого у меня не хватило совершенно необходимого для этого дела профессионального нахальства. Как и мои колонисты, я люблю Вас слишком застенчиво.

Третью часть пришлось писать в тяжелых условиях, меня перевели в Киев помощником начальника Отдела трудовых колоний НКВД, обстоятельства переезда и новой работы — очень плохие условия для писания, в сутки оставалось не больше трех свободных часов, а свободной души ничего не оставалось.

Работа у меня сейчас бюрократическая, для меня непривычная и неприятная, по хлопцам скучаю страшно. Меня вырвали из коммуны в июне, даже не попрощался с ребятами.

Дорогой Алексей Максимович! Большая и непривычная для меня работа «Педагогическая поэма» окончена. Не нахожу слов и не соберу чувств, чтобы благодарить Вас, потому что вся эта книга исключительно дело Вашего внимания и любви к людям. Без Вашего нажима и прямо невиданной энергии помощи я никогда этой книжки не написал бы.

У меня сейчас странное ощущение. Работа окончена, но остались уже кое-какие навыки письма, кое-какая техника, привычка к этой совершенно особенной, волнующей работе.

А в то же время я вдруг опустошился, как будто всю свою жизнь до конца выложил, нечего больше сказать.

Я очень хочу надеяться, что Вы не бросите меня в этой неожиданной пустоте.

Посоветуйте, как сначала наладить мое писательское самочувствие, куда броситься, как сохранить те элементы стиля, которые, вероятно, все-таки есть в моей работе?

Искренне преданный Вам *А. Макаренко*

Р. С. Второй экземпляр выслал в редакцию альманаха «Год XVIII».

В Москве буду числа 6-го—12-го. Если нужно, вызовите меня телеграммой, а то так не пускают.

В случае надобности, я думаю, можно выбросить главы «У подошвы Олимпа» и «Помогите мальчику».

А. М.

Дорогой Антон Семенович,

третья часть «Поэмы» кажется мне еще более ценной, чем первые две.

С большим волнением читал сцену встречи горьковцев с куряжцами, да и вообще очень многое дьявольски волновало. «Соцвосовцев» Вы изобразили так, как и следует, главы: «У подошвы Олимпа» и «Помогите мальчику» — нельзя исключать.

Хорошую Вы себе «душу» нажили, отлично, умело она любит и ненавидит. Я сделал в рукописи кое-какие мелкие поправки и отправил ее в Москву.

Вы спрашиваете, «как сохранить элементы стиля» и т. д. Очень просто: ведите аккуратно ежедневную запись наиболее ясных мыслей, характерных фактов, словесной игры: удачных фраз, афоризмов, «словечек». Пишите ежедневно хоть десяток строк, но так экономно и туго, чтобы впоследствии их можно было развернуть на две, три страницы. Дайте свободу Вашему юмору. Делая все это, Вы не только сохраните приобретенное работой над «Поэмой», но расширите его.

Напомню Вам сказанное в «Поэме» о «чекистах». Так же, как Вы, я высоко ценю и уважаю товарищей этого рода. У нас писали о них мало и плохо и писали не от удивления пред героями, а, кажется, «страха ради иудейска». Сами они, к сожалению, скромны и говорят о себе молча. Было бы очень хорошо, если б, присмотревшись к наркомвнудельцам, Вы написали очерк или рассказ «Чекист». Попробуйте. Героическое Вы любите и умеете изобразить.

Если Вас тяготит «бюрократическая» работа и Вы хотели бы освободиться от нее — давайте хлопотать. Я могу просить, чтоб Вас возвратили к ребятам.

Ну — что же? Поздравляю Вас с хорошей книгой, горячо поздравляю.

М. Горький

Р. С. Вы, конечно, использовали не весь материал — дайте десяток портретов беспризорников. Говорят, что теперь они — грамотнее, легче идут на работу, быстрее дисциплинируются. И, будто бы, причиной ухода из семьи на улицу служат: мачехи, вотчимы и «скука жизни» в семье. Отцам-матерям некогда заниматься детьми, детям не о чем говорить с родителями.

8 октября 1935 г.

Тессели

М. Г.

Методика организации воспитательного процесса

1. Организационное строение коллектива

Организация коллектива в детских учреждениях происходит по различным принципам. Дети могут разделяться на группы по признаку школы; при этой системе в интернатных учреждениях они поселяются в спальнях школьными классами или [их] частями. В этом есть свои выгоды: дети подбираются одного возраста, одного развития, для них удобнее и легче готовить уроки, пользоваться общими пособиями и учебниками, помогать отстающим.

Но в этом есть много недостатков: первичные коллективы, образованные таким образом, быстро замыкаются в кругу узких школьных интересов, отходят от трудовых и производственных вопросов, от вопросов хозяйственного роста всего учреждения.

Первичные коллективы воспитанников могут быть организованы и по другим принципам, а именно:

по производственному,

по возрасту и т. п.

В коммуне им. Ф. Э. Дзержинского основным признаком организации первичного коллектива является признак производственный. При такой организации нужно руководствоваться следующими положениями:

а) все воспитанники разделяются на отряды, которые являются отрядами и на производстве;

б) величина отряда может колебаться от 7 до 15 человек. Больше 15 человек иметь в одном отряде нельзя. Как показал опыт, первичный коллектив, если он составлен из большого числа членов, слабо подчиняется руководству своего старшего, а старший не в состоянии охватить всех членов отряда;

в) если воспитанники работают на производстве в две смены, лучше составлять отряды сменные;

г) если группа станков незначительна, можно составлять отряды, включающие воспитанников первой и второй смены, но эта форма является менее удобной, так как в таком случае ребята одной смены не встречаются на производстве с ребятами другой смены;

д) если позволяют условия производства, желательно в некоторых случаях составлять сквозные отряды, т. е. обслуживающие поток одних и тех же деталей от начала до конца;

е) каждый отряд должен быть расположен в отдельной спальне или в группе спален, находящихся рядом;

ж) в столовой отряды помещаются вместе.

Организуя первичный коллектив по производственному признаку, нельзя оставлять без внимания возрастных различий. В учреждениях, где нет еще крепкого и хорошо организованного коллектива и не создан правильный дисциплинарный тон, совершенно необходимо, чтобы первичные коллективы — отряды для младшего возраста 10—14 лет — были отдельные; только как исключение можно допускать включение отдельных малышей в отряды старших, но в этом случае необходимо самым внимательным образом проверять индивидуальные особенности: учесть, под каким

влиянием будет находиться младший, как его принимают в отряде, кто персонально отвечает за его жизнь в отряде и работу, кто должен осуществлять особенную о нем заботу.

Если есть пионерская организация, необходимо, чтобы в каждом отряде была пионерская прослойка. Если пионеров хватает для всех отрядов малышей, то желательна организация специальных пионерских отрядов.

Точно так же должны располагаться и комсомольские силы в отрядах старших. Отдельные комсомольские отряды допустимы только в том случае, если во всех остальных отрядах есть по крайней мере 25—30% комсомольцев.

Это же относится и к активу: актив не должен замыкаться в отдельных отрядах и спальнях, а должен быть распределен между всеми отрядами. Членов актива нужно специально посылать в отстающие отряды.

Когда коллектив организационно и дисциплинарно сложился, созданы точный режим и здоровые традиции, тогда чрезвычайно полезно организовать смешанные возрастные отряды.

В коммуне им. Ф. Э. Дзержинского первичные коллективы-отряды организованы по принципу объединения разных возрастов¹.

Такая организация дает большой воспитательный эффект — она создает более тесное взаимодействие возрастов и является естественным условием постоянного накопления опыта и передачи опыта старших поколений. Младшие получают разнообразные сведения, усваивают привычки поведения, рабочую ухватку, приучаются уважать старших и их авторитет. У старших забота о младших и ответственность за них воспитывают качества, необходимые советскому гражданину: внимание к человеку, великодушие и требовательность, наконец, качества будущего семьянина и многие другие.

Весь этот сложный воспитательный процесс в хорошо организованном коллективе происходит без специальных усилий, в порядке постоянного наслаивания мельчайших и тонко нюансированных впечатлений, поступков и отношений.

Но такой стиль отношений старших и младших является более высокой формой организации воспитательного процесса и требует квалифицированного и вдумчивого педагогического руководства и влияния.

Необходимо всегда следить за тем, чтобы состав отряда по возможности не менялся, чтобы члены отряда сбивались в дружный коллектив. Слишком частые переброски воспитанников с одного рабочего места на другое не только вредят производственному процессу, но и разрушают первичные коллективы ребят. Вообще закрепление первичных коллективов в своем составе на более или менее продолжительное время является решающим обстоятельством во всем воспитательном процессе. Поэтому необходимо переброски ребят с одного рабочего места на другое производить как можно реже.

Во всяком случае, при производственном делении коллектива является правилом: если воспитанник переходит с одного рабочего места на другое, то он должен перейти и из одного отряда в другой, т. е. переменить и спальню и место в столовой.

В школе, разумеется, дети должны быть организованы по классам или

курсам. В коммуне им. Дзержинского эта организация действует только в стенах школы во время учебной работы или вечером во время подготовки уроков.

Организация же первичных коллективов в форме производственных отрядов должна считаться главной организацией, ей должно всегда уделяться самое пристальное внимание.

Необходимо самым решительным образом бороться с бытовой бесформенностью коллектива. Если ребята на производстве и в школе организованы, а в быту предоставлены случайным формам, воспитательные результаты всегда будут ниже. В учреждениях с интернатом спальня ни в коем случае не должна рассматриваться только как общежитие. Спальня должна явиться дополнительной формой трудового, хозяйственного и политического воспитания; группа ребят в спальне должна быть связана своими школьными успехами, производственными удачами, неудачами, производственной борьбой, производственными злобами дня, ростом и успехами всего коллектива.

Если эта связь не будет организована, спальня делается местом самотечной организации других связей, идущих обычно по линии наименьшего сопротивления и пониженных требований — примитивные удовольствия и развлечения, а иногда и антисоциальные связи и проступки.

Вот почему необходимо обращать самое серьезное внимание на четкую организацию быта, а ребят рекомендуется расселять в спальнях по отрядам.

2. Самоуправление в отряде

Во главе отряда должен стоять командир — один из членов коллектива. Может быть два принципа выдвижения командира — назначение и выборы.

1. Назначать командиров необходимо во всех случаях, когда нет крепкого коллектива, а комсомольская организация еще недостаточно руководит общественным мнением в коллективе.

Тогда одна из первоочередных задач педагогического коллектива — помочь усилению политического влияния комсомольской организации, объединить актив, увлечь его энергичной работой в коллективе и самоуправлении. Командиры должны назначаться из числа влиятельных комсомольцев и актива приказом руководителя учреждения, но предварительно кандидатуры должны быть обсуждены в педагогическом совете, в производственном управлении, в комсомольской организации и в совете командиров.

2. В хорошо организованных коллективах с сильной комсомольской организацией следует переходить к выборности командиров. В коммуне им. Ф. Э. Дзержинского отряд намечает своего кандидата в командиры при ближайшем участии бюро комсомола, педагогического коллектива и совета командиров. Кандидатуры представляются на окончательное распоряжение руководителя педагогической частью. В случае отвода кандидата вопрос согласуется с отрядом. Командиры избираются персонально на общем собрании коллектива. Голосуют только члены коллектива, имеющие звание коммунара. Командиры должны постоянно чувствовать свою связь с уполномочившим их коллективом и свою ответственность.

В командиры должен выбираться воспитанник, преданный интересам учреждения, хороший ученик в школе, ударник на производстве, более других квалифицированный и обладающий личными данными: тактом, энергией, распорядительностью, вниманием к младшим, честностью. Работа командира рассматривается как самая ответственная нагрузка, свидетельствующая о доверии к нему руководства и коллектива.

На производстве командир должен главной своей задачей считать выполнение производственного плана и развертывание стахановского движения. В направлении к решению этой задачи командир должен проявить свою заботу во всех решительно областях работы, каковыми являются: стахановское движение, дисциплина, обеспечение материалами, борьба с простоями и прогулами, хороший инструмент, хороший инструктаж, организация рабочего места, удовлетворительная спецовка, правильные нормы, правильная документация.

Обо всех решительно неполадках и недостатках в этих областях командир должен советоваться с инструктором, начальником цеха, докладывать руководителю учреждения или его помощнику; обсуждать на общем собрании отряда или производственном совещании.

Однако он обязан принимать самые решительные меры, чтобы такие обсуждения и совещания не происходили в рабочее время, чтобы от станка ни один воспитанник не отрывался во время работы.

Сам командир должен иметь свое рабочее место у станка. За командирскую работу ему может быть положен дополнительный заработок в размере 10—20% его производственного заработка.

Командир не должен подменять инструктора, на обязанности которого лежит прямое руководство техническим процессом производства. Если инструктором является один из членов коллектива — воспитанник, он на производстве должен выполнять те же функции, что и наемный инструктор, не смешивая этих функций с функциями командира отряда.

В быту, в спальне командир также является ответственным старшим товарищем в отряде. Из числа воспитанников в отряде выделяется один в качестве помощника командира. Кроме того, в отряде выделяется спорторганизатор. Эти кандидатуры намечаются всем отрядом или персональным представлением командира, они утверждаются педагогическим руководством и советом командиров. В каждом отряде должен быть комсорг.

Руководство отряда во главе с командиром имеет следующие функции:

а) следить, чтобы все воспитанники строго выполняли порядок дня, вставали в положенное время, не опаздывали к столу, вовремя уходили на работу и в школу, вовремя находились в учреждении вечером; точно в указанное время отходили ко сну;

б) наблюдать за санитарным состоянием отряда, своевременностью и качеством уборки, выполнением очередными дежурными их обязанностей, за умыванием и пользованием баней, за стрижкой воспитанников, за мытьем рук перед едой. Приучить всех воспитанников соблюдать чистоту, не сорить, не плевать на пол, не курить, стричь ногти на руках и ногах, не валяться на кроватях в одежде, не устраивать на кроватях борьбы и т. п.;

в) следить за успехами воспитанников в школьной работе, организовать помощь отстающим, добиваться порядка в отряде, обеспечивающего возможность готовить уроки;

г) втягивать воспитанников в клубные и спортивные кружки, чтение газет и книг, участие в стенгазете;

д) добиваться повышения культурного уровня воспитанников, уничтожения в их лексиконе грубых слов и ругательств, регулировать товарищеские отношения, приучать к разрешению конфликтов без ссор и драк, решительно бороться с малейшими попытками насилия более старших или более сильных над младшими и слабыми;

е) вести решительную борьбу с отрицательными наклонностями отдельных воспитанников. Воспитывать у членов отряда уважение к чужому труду, к чужому покою, отдыху, занятиям;

ж) следить за образованием в отряде отдельных группировок и дружеских спаек, поощрять и развивать полезные занятия (спортивные, радиолюбителей и др.), решительно уничтожать вредные (антисоциальные). Ходатайствовать об удалении из отряда особенно вредных членов.

В школе коммуны им. Ф. Э. Дзержинского имеется институт командиров классов. Эти командиры находятся в распоряжении заведующего школой и являются помощниками классных руководителей.

Они наблюдают за дисциплиной в классе во время уроков и на перемене, за общим порядком и чистотой в классе, за сохранностью классного имущества. Дежурные по классу подчинены командиру класса, и он отвечает за их работу. По требованию преподавателя командир удаляет из класса нарушителя дисциплины. Эта организация действует в школе во время учебной работы. Вне школы — в быту и на производстве — командир класса подчиняется командиру отряда, членом которого он состоит. Сложная система коллективных зависимостей воспитывает умение руководить и подчиняться.

Командиры осуществляют руководство отрядами на базе общих собраний отряда, влияния отрядного актива, политической работы комсомола и политобразовательных организаций учреждения, работы всех органов самоуправления в полном согласии с административно-педагогическим руководством, при постоянном инструктировании и помощи со стороны педагогического персонала.

Независимо от этого отрядное руководство, на базе тех же процессов и организаций, должно всегда мобилизовать внимание членов отряда на вопросах производственной работы, выполнения промфинпланов, повышения качества и борьбы с браком, на школьной учебе и дисциплине в коллективе, на общих путях роста и развития учреждения.

Командир всегда должен стремиться к тому, чтобы отряд был дружным коллективом, свой авторитет он строит на своей лучшей работе, на своем образцовом поведении, комсомольской принципиальности и не превращается в начальника.

В конце дня в точно установленное время и по определенной форме командиры рапортуют руководителю педагогической части о состоянии своего отряда, о проступках воспитанников и нарушениях режима, если они имели место. Такой краткий ежедневный рапорт дает руководителю ясную картину состояния учреждения и возможность немедленно принять

необходимые меры как в отношении отдельных воспитанников, так и по вопросам общей организации. Для коллектива ребят осведомленность руководства и возможность немедленно реагировать на поступки и события имеет большое воспитывающее значение.

Командиры избираются на 3—6 месяцев. Такой срок является наиболее целесообразным: во-первых, в этот короткий срок командиры чувствуют себя уполномоченными коллектива и не превращаются в своеобразных должностных лиц; во-вторых, через командные посты проходит большое количество воспитанников и, в-третьих, обязанности командира, требующие дополнительных напряжений, не становятся в этот срок тягостными для воспитанников. Вопрос о снятии до срока полномочий командира всегда должен быть основательно мотивирован и одобрен советом командиров. Административное отстранение командира может быть вызвано только очень серьезными и не терпящими отлагательства обстоятельствами. Все командиры отрядов и классов составляют центральный орган самоуправления — совет коллектива (совет командиров) данного учреждения.

3. Органы самоуправления

Главным органом самоуправления является общее собрание всех воспитанников детского учреждения. Оно должно собираться в период организации и прорывов в работе учреждения или в коллективе не реже одного раза в шестидневку, а остальное время — не реже двух раз в месяц.

Общее собрание, как правило, должно быть всегда открытым, т. е. на нем имеют право присутствовать и высказываться все члены коллектива. В некоторых вопросах может быть допустимо и голосование всех присутствующих, например в вопросах, имеющих отношение к культурной и клубной работе и др.

Председательствует на общем собрании председатель совета коллектива², за исключением тех собраний, на которых совет коллектива отчитывается. Может быть принят и другой способ выделения председателя, например могут председательствовать все члены коллектива по очереди. Это полезно для сообщения всем воспитанникам определенных общественных навыков и вовлечения их в активную общественную жизнь.

Необходимо рекомендовать сокращение времени на выбор президиума. Вообще общие собрания коллектива воспитательных учреждений должны быть всегда строго деловыми и не отнимать у воспитанников много времени. Поэтому для общих собраний должен иметься постоянный точный регламент, разработанный учебно-воспитательной частью совместно с комсомольским комитетом и утвержденный на одном из общих собраний.

Регламент этот имеет значение не только потому, что не позволяет общим собраниям затягиваться и отнимать у воспитанников время для сна или для чтения, но еще потому, что он приучает ораторов укладываться в точное время и высказываться по-деловому, коротко.

Однако на общих собраниях коллектива никогда не следует допускать прекращения прений или сокращения списка ораторов, так как одной из целей общих собраний является вовлечение всех воспитанников в активную общественную жизнь.

Руководство воспитательного учреждения обязано добиться, чтобы

на общих собраниях была строгая дисциплина, высказывались по очереди, не было шума, хождений в зал и из зала, выкриков с места. Поэтому председательствующий должен иметь право делать замечания нарушающим порядок на собрании и удалять их в случае повторных нарушений.

Необходимо, чтобы все первичные коллективы учреждения (отряды, бригады, классы) по очереди несли распорядительство в зале во время общих собраний. Рекомендуются делать это так: каждый отряд воспитанников отвечает за порядок в зале во время общих собраний (концертов, кино) в течение полумесяца. Об этом должно быть объявлено в приказе. Дежурный коллектив заботится, чтобы в начале собрания в зале было убрано, чтобы был стол для президиума, графин с водой, сукно на столе и пр. Из состава дежурного отряда на каждое собрание выделяются дежурные распорядители, которым присвоены повязки определенного цвета. Дежурные распорядители находятся у входа в помещение и наблюдают, чтобы во время собрания или речи никто не ходил по залу, не толпился у дверей, не курил в зале. Нужно, чтобы на собрании не сидели в шапках, не приходили в спецовках (кроме производственных — в цехах). Эти же распорядители должны исполнять все приказания председателя.

В начале полугодия на общем собрании избираются следующие органы самоуправления: совет коллектива, санкомиссия, хозкомиссия.

Личный состав этих органов до выборов должен быть назначен в виде списка кандидатов учебно-воспитательной частью и комсомолом. Когда комсомольская организация занимает в учреждении соответствующее руководящее место, право намечать кандидатов необходимо предоставить ей.

Работа всех органов самоуправления в детском учреждении должна протекать точно по плану, кроме центрального органа — совета коллектива (совета командиров), которому приходится разрешать очень много текущих вопросов, и все их планом предусмотреть невозможно.

В работе органов самоуправления решающим обстоятельством является ее регулярность. Каждый орган самоуправления, если он почему-либо долго не собирается, теряет свой авторитет и фактически должен считаться несуществующим.

Регулярность работы органов самоуправления не обеспечивается одним календарем и указанием точных дней, в которые должно собираться то или другое заседание.

Работа органов самоуправления только в том случае будет актуальной и важной, если вся жизнь воспитательного учреждения так построена, что замирание деятельности того или другого органа сейчас же отражается на работе учреждения и ощущается коллективом как недостаток. Для того чтобы органы самоуправления имели именно такое значение регулярно действующих институтов, необходимо следующее:

а) администрация учреждения, в том числе и педагогическая, ни в коем случае не должна подменять органы самоуправления и самостоятельно решать вопросы, подлежащие ведению этих органов самоуправления, даже если бы решение руководства и казалось очевидно правильным или более быстрым;

б) каждое решение органов самоуправления необходимо должно быть выполнено, и при этом без волокиты и откладывания;

в) если администрация считает невозможным выполнение ошибочного

решения того или другого органа самоуправления, она должна апеллировать к общему собранию, а не просто отменять решение;

г) основным методом работы администрации должно быть влияние в самих органах самоуправления, и тот товарищ, который таким влиянием не пользуется и у которого всегда происходят конфликты с органами самоуправления, совершенно очевидно, для работы в этом учреждении не годится;

д) работа в органах самоуправления не должна отнимать у воспитанников чересчур много времени, чтобы они не тяготились своими обязанностями и не превращались бы в «чиновников»;

е) нельзя органы самоуправления загружать различными мелочами, которые могут быть разрешены в порядке обычной административной и текущей работы;

ж) учет работы всех органов самоуправления должен быть поставлен очень точно, и все решения их должны быть записаны. Желательно, чтобы такой учет был сосредоточен в одном месте, например у секретаря совета коллектива.

Такой учет позволит освободить органы самоуправления от утомительного и ненужного протоколирования, которое придает работе органов самоуправления бюрократический тон и перегружает работу детей излишним количеством бумаги. Только для важнейших решений, связанных с выпуском воспитанников, необходима книга протоколов. Текущий же учет работы органов самоуправления должен иметь характер общего журнала, в котором отмечаются даты и краткие формулы решений.

Весьма важной формой самоуправления, значительно разгружающей работу его органов и имеющей много других полезных воспитательных сторон, является работа отдельных уполномоченных, несущих персональную ответственность за свою работу. Эта форма в значительной мере подводит работу коллектива воспитанников к принципам единоначалия, приучает к личной ответственности, сокращает прения и обсуждения, сообщает всей жизни коллектива необходимый деловой темп.

Каждый уполномоченный должен работать от имени того или другого органа самоуправления, перед ним отчитываться, иметь строгие границы деятельности. Могут быть уполномоченные и от имени общего собрания. Об этих формах самоуправления будет сказано дополнительно.

В каждом воспитательном учреждении должен быть порядок, предусматривающий систему проверки решений органов самоуправления и исполнение их. Функция проверки может быть доверена всем первичным коллективам по очереди сроком на месяц.

В особенности трудным вопросом является проверка исполнения постановлений, касающихся наказаний и мер воздействия, накладываемых на того или другого воспитанника. Поручение этой функции наемному сотруднику недопустимо. В особенности трудно следить за наказаниями, имеющими длительный характер, например различные ограничения; очень часто такие наказания забываются и самими виновными, и всем коллективом и теряют из-за этого всякое значение.

Опыт показал, что лучшей формой проверки в области мер воздействия является такая, когда функция проверки вытекает из каких-либо других обязанностей. Например, желательно в каждом коллективе иметь груп-

пу воспитанников, которым доверяется охрана учреждения извне или изнутри. Такой сторожевой отряд может являться отрядом проверки исполнения, а, в частности, обязанности проверки могут быть возложены на командира этого отряда.

Они могут быть возложены и на командира распорядительного отряда (дежурного по учреждению), т. е. на всех командиров по очереди.

4. Общее собрание

Общее собрание рассматривает следующие вопросы:

1. Отчетные доклады органов самоуправления и производит выборы новых органов.

2. Доклады отдельных частей учреждения — учебной, производственной, хозяйственной, санчасти.

3. Заслушивает и обсуждает контрольные цифры годовой сметы и производства.

4. Информационный доклад руководителя учреждения о проекте сметы на будущий год.

5. Специальный доклад финансовой части о стоимости содержания воспитанников, суммах и ассигнованиях по всем видам снабжения.

6. Ежемесячные доклады центрального органа самоуправления (совета командиров) о положении учреждения, успеваемости, о состоянии дисциплины, о положении производства.

7. Доклады о выпуске, наградах, премировании воспитанников.

8. Регулярно, по мере надобности, представления совета командиров о наиболее ярких фактах недопустимого поведения воспитанников.

9. Все вопросы, связанные с текущей жизнью коллектива, его деятельностью, которые касаются важных отделов работы и интересуют весь коллектив воспитанников.

10. Проекты всех организационных изменений, какие вносятся или намечаются управлением учреждения.

11. Переписку и информацию о связи с другими детскими учреждениями или организациями и лицами.

12. Вопросы, предлагаемые вниманию общих собраний комсомольской организацией.

Общее собрание всех воспитанников должно рассматриваться администрацией и воспитанниками как главный орган самоуправления, его авторитет должен неуклонно поддерживаться всеми силами учреждения.

Именно поэтому работа общего собрания должна пользоваться особым вниманием руководства учреждения. Ни в каком случае нельзя допускать неправильных, вредных, ошибочных постановлений собрания; поэтому раньше, чем ставить вопрос на рассмотрение общего собрания, необходимо самому руководству иметь в этом вопросе свое ясное мнение, нужно твердо знать, какие силы в собрании будут поддерживать правильное решение, кто будет идти против.

Настроение и решение общего собрания необходимо хорошо готовить в работе отдельных органов самоуправления, в комсомольской и пионерской организациях, в активе коллектива, в отдельных беседах с воспитанниками.

Во время самого общего собрания руководство учреждением не должно злоупотреблять возможностью для себя высказываться сколько угодно и когда угодно, а должно дать возможность высказываться прежде всего воспитанникам.

В том случае, если ожидаются неправильные выступления отдельных влиятельных воспитанников или явно неправильные решения общего собрания, нужно усилить предварительную подготовку работы собрания, а на самом собрании подготовить выступления наиболее преданных и дисциплинированных членов коллектива; ни в каком случае нельзя административной властью производить давление на собрание, угрожать ему или запугивать.

В случае явно намечающегося неправильного решения необходимо самому руководству обратиться к собранию с товарищеским предупреждением или указанием и отложить решение на несколько дней.

Руководству воспитательного учреждения необходимо всегда помнить, что неправильные и ошибочные постановления общего собрания возможны не потому, что состав собрания плохой или неопытен, а исключительно потому, что самим руководством допущены в работе весьма важные ошибки, потому, что не проявляется достаточно заботы о воспитанниках или проявляется излишняя забота, приводящая к чрезмерному изобилию в какой-нибудь части, или потому, что отдельные сотрудники работают халатно или недобросовестно, потому, наконец, что вопрос не был достаточно подготовлен.

В таких случаях необходимо руководству открыто вскрывать свои ошибки и ошибки отдельных сотрудников, не защищать их во что бы то ни стало, а, напротив, принимать против них решительные меры по административной линии.

Работа общих собраний, которая имеет такое большое воспитывающее значение, только тогда будет правильной, если в коллективе все время накапливается актив, если руководство не боится актива, а допускает его к самым существенным отделам деятельности учреждения, если оно находится в постоянных дружественных и деловых отношениях с активом, если крепко работают и пользуются авторитетом органы самоуправления.

Если учреждение находится даже в самом тяжелом положении, это не может явиться основанием для конфликтов руководства с общим собранием. В таком случае необходимо, чтобы это тяжелое положение являлось предметом горячего внимания и руководства и общего собрания в совместном искреннем и энергичном стремлении к выходу из тяжелого положения.

Руководство должно стремиться к тому, чтобы, разрешая все текущие вопросы жизни и работы, общие собрания воспитанников не зарывались в мелочи сегодняшнего дня. Необходимо, чтобы перед общим собранием всегда стояли широкие задачи всего детского учреждения, чтобы, решая сегодняшние дела, все воспитанники никогда не забывали о задачах завтрашнего дня, о перспективах учреждения, о планах строительства и улучшения жизни. Основной темой всей работы собраний должно быть движение вперед, расцвет учреждения, улучшение воспитательной работы, успеваемости, производства.

С точки зрения этого стремления вперед должны рассматриваться все вопросы, как образовательные, хозяйственные, производственные, так и во-

просы дисциплины. Даже вопросы о поведении отдельных воспитанников должны рассматриваться всегда прежде всего с точки зрения анализа, насколько поведение этих воспитанников помогает или противодействует общему движению учреждения вперед.

Этот основной тон приводит к большому успеху только при соблюдении двух условий:

а) если проводится большая и серьезная политико-воспитательная работа, если воспитанники всегда знают о том, что делается в Союзе, учатся понимать внутригосударственные процессы, разбираются в особенностях классовой борьбы на каждом данном этапе, если они повседневно воспитываются в духе беззаветной любви к своей социалистической Родине, если они не живут оторванно, только в своем коллективе;

б) если учреждение действительно идет вперед, имеет успехи в учебе, в воспитательной работе, в быту, в работе на производстве и является действенной политической и хозяйственной организацией.

5. Совет коллектива

Совет командиров является центральным органом самоуправления, проводящим всю текущую работу в коллективе детского учреждения. Совет командиров может быть составлен различными способами в зависимости от структуры и спецификации учреждения, отсутствия или наличия и вида производства, а также от величины актива и возраста воспитанников.

В том учреждении, где есть сильная ячейка комсомола, совет сохраняет большее значение, так как комсомольская организация, работающая правильно, не может подменять самоуправления и проводить обычную текущую его работу.

За комсомолом, естественно, остается общее руководство всеми органами самоуправления и политическое руководство всем коллективом. Совет командиров в этом случае является проводником всех оперативных мероприятий в коллективе. Совет составляется преимущественно из комсомольцев, и все важнейшие решения совета должны быть всегда согласованы с бюро комсомольской организации.

При наличии сильной комсомольской организации работа и структура совета могут выражаться в такой форме.

В совет входят все командиры, председатели всех комиссий, руководитель учреждения, помощники по учебно-воспитательной части, врач и заведующий школой. На заседаниях совета присутствуют, с правом решающего голоса, секретари комсомольских бюро и вожатый пионерской организации.

Очень часто руководители детских учреждений увлекаются стройностью разных схем самоуправления и, без всякой надобности, проектируют сложные системы самоуправления, создавая советы, отдельно избираемые общими собраниями, рядом с которыми самоуправление первичных коллективов существует параллельно.

Такой порядок создает всегда запутанность отношений и неповоротливость всей системы самоуправления.

Совет, избираемый отдельно целой группой на общем собрании, потому неудобен, что он представляет интересы всего коллектива без разделения

его на первичные коллективы. Этот принцип упорно отстаивали детские учреждения Наркомпроса, но он давно осужден опытом. «Детисполкомы» доказали, что в количественно значительном детском коллективе общий коллегиальный орган работает слабо, если он не состоит из представителей отдельных первичных коллективов. Решение такого органа очень медленно доходит до массы. Кроме того, при такой системе члены центрального органа самоуправления очень слабо чувствуют свою ответственность перед избирателями и перед отдельными заинтересованными группами, а поэтому их авторитет незначителен.

Гораздо работоспособнее совет, составленный из лиц, являющихся одновременно и уполномоченными первичных коллективов; в данном случае такими уполномоченными являются командиры классов в школе или производственно-бытовых отрядов в специальных учреждениях с интернатами.

Удобство этой структуры главного совета заключается в следующем:

а) в совете представлены не только интересы всего коллектива в целом, но и интересы отдельных первичных коллективов, следовательно, такой совет ближе к воспитанникам, демократичнее;

б) в совете очень легко и быстро решаются все вопросы, касающиеся отдельных первичных коллективов — отрядов и даже отдельных лиц, так как в нем есть всегда возможность получить самый быстрый отзыв или информацию ответственного в отряде лица — командира отряда;

в) решения совета немедленно становятся известными во всех отрядах. При этом, как правило, должно быть установлено, что немедленно после совета командиры должны разъяснить своим отрядам решения совета;

г) будучи принужден немедленно информировать свой отряд о решениях совета, каждый командир тем самым в самом заседании совета чувствует себя уполномоченным отряда, ответственным за все решения совета;

д) составленный по такому плану совет является органом, удобным для быстрого маневрирования целого коллектива и для приведения в исполнение любых решений в самое короткое время;

е) поскольку члены совета, командиры, сами являются участниками на производстве и в быту, в деловой жизни отряда, им предоставляется широкая возможность быстро проводить все решения совета в практической деятельности воспитанников;

ж) так как командиры представляют производство решительно по всем видам, цехам и отделам, в таком совете можно разбирать любые вопросы из области производства самой разнообразной специфики: трудовых колоний и коммун, детских домов, специальных учреждений, а также школ.

Все эти удобства заставляют предпочитать указанную структуру совета всякой другой.

Принимая указанную структуру совета, необходимо, чтобы после предварительной проработки кандидатур в комсомольской организации командиры избирались общим собранием воспитанников учреждения как уполномоченные первичных коллективов и общего собрания. Избирать надо персонально, а не по общему списку.

Заседания совета должны происходить не реже одного раза в шестидневку. Кроме того, они могут созываться в экстренном порядке. Так как

совет должен быть очень подвижным, оперативным органом, желательно, чтобы его можно было собрать в любую минуту. Для этого необходимо установить специальные формы извещения членов совета или специальный сигнал.

Ведению совета командиров принадлежит:

- а) руководство работой всех других органов самоуправления и постоянное наблюдение за их деятельностью;
- б) подготовка всех вопросов к общему собранию;
- в) разрешение всех текущих вопросов основного производства учреждения, быта, клубной работы, спортивной работы, снабжения, материального обеспечения воспитанников, дисциплины;
- г) все вопросы распределения уборки, дополнительных работ, организации субботников и пр.;
- д) все текущие распоряжения по коллективу, в зависимости от различных обстоятельств;
- е) приведение в исполнение всех постановлений общих собраний;
- ж) проведение всех кампаний в учреждении;
- з) организация культпоходов, праздников, экскурсий и летнего отпуска воспитанников;
- и) распределение помещений учреждения и перераспределение;
- к) перемещение воспитанников из одного отряда в другой;
- л) наблюдение за бюджетом воспитанников и регулирование расходования ими собственных денег;
- м) руководство межотрядным соревнованием воспитанников и регулярное примирение лучших отрядов;
- н) руководство ведением рабочего дня через своих уполномоченных (дежурного командира);
- о) общее наблюдение за выполнением расходной сметы коллектива и принятие мер к экономии и сокращению лишних расходов;
- п) обеспечение помощи воспитанникам, назначенным к выпуску, и заведование фондом совета для помощи бывшим воспитанникам;
- р) принятие решительных мер к ликвидации отдельных отрицательных группировок, тенденций и явлений в коллективе;
- с) предварительная проработка предложений по вопросам увольнения и выпуска воспитанников.

Председательствует в совете отдельное лицо — секретарь совета командиров, воспитанник, избираемый на общем собрании на срок не менее полугодия и освобожденный от других обязанностей (в колонии им. Горького и в коммуне им. Дзержинского — и от производственной работы), но с обязательной и совершенно нормальной учебой в школе.

В специальных учреждениях структура центрального органа самоуправления может или оставаться такой же, или несколько изменяться в зависимости от структуры учреждения и органов детского самоуправления.

Если это вызывается деловыми соображениями, полномочия совета могут быть продлены на следующий полный или неполный срок.

Совет малоактивный или не соответствующий новым задачам, стоящим перед коллективом, следует переизбрать досрочно в полном составе или заменить отдельных командиров.

Руководство учреждением в таком случае, не задевая достоинства совета, ставит вопрос о перевыборах.

Пока в учреждении еще нет достаточно крепкого общественного мнения, состав совета может и не избираться общим собранием, а назначаться педагогическим руководством и постепенно пополняться новыми членами способом кооптации. Но и тогда всякое изменение в составе совета командиров должно быть сейчас же доведено до сведения общего собрания.

Личный состав совета командиров после избрания или назначения объявляется приказом руководителя учреждения.

Совет командиров отчитывается за свою работу перед общим собранием коллектива.

6. Санкомиссия

Для учреждения в 500 человек санкомиссия должна состоять не менее чем из семи человек.

Санкомиссия избирается на полгода общим собранием коллектива.

В санкомиссии обязательно участвует врач учреждения. Решения санкомиссии обязательны не только для воспитанников, но и для всех сотрудников учреждения.

Работа санкомиссии заключается в следующем:

а) наблюдение за чистотой помещений, общих залов, классов, спален, столовой, кухни, коридоров, квартир сотрудников, двора, складских помещений;

б) особое наблюдение за чистотой посуды, кухонных принадлежностей, тары, в которой перевозится пища;

в) наблюдение за чистотой тела воспитанников и регулировка всех вопросов, связанных с купанием, пользованием баней и прачечной;

г) наблюдение за регулярной сменой белья и костюмов;

д) принятие мер для предотвращения эпидемий;

е) скорая помощь в несчастных случаях;

ж) участие в мероприятиях по охране здоровья воспитанников.

Немедленно после избрания санкомиссии врач учреждения должен провести со всеми членами комиссии несколько бесед, в которых сообщает им краткие сведения об эпидемических заболеваниях и об их предупреждении, дает краткие понятия по физиологии и гигиене, сообщает правила изоляции больных, способы проверки доброкачественности пищи и чистоты посуды, правила полудки посуды и ее мойки, гигиенические правила работы кухонного персонала, кроме того, социально-гигиенические правила относительно сна, проветривания, уборки, употребления овощей и фруктов, курения и т. п.

На санкомиссию в полном составе должны быть возложены обязанности наблюдать за очередностью и регулярным посещением ребятами в назначенное время врачебных осмотров, профилактических прививок и других массовых врачебных мероприятий.

Следить, чтобы был налажен систематический врачебный осмотр зубов и проверка зрения у воспитанников и организовано своевременное лечение (в учреждении на 500 человек надо иметь свой зубо врачебный кабинет).

Контролировать работу бани, проверять ее оборудование и приспособленность, устанавливать очередь купания ребят в бане, порядок смены белья в дни бани, принимать меры, чтобы воспитанники после бани не простуживались.

Санкомиссия должна выработать и представить на утверждение совета командиров меры к тому, чтобы в спальни не заносились инфекция и паразиты, должна выработать правила входа в спальни посторонних, карантина для прибывающих из отпуска и т. п. и должна всегда следить, чтобы все принятые меры неуклонно проводились в жизнь.

В летнее время по почину и постановлению санкомиссии должны приниматься меры к борьбе с мухами, ставиться в кухне сетки на окнах, раскладываться липучки и т. п. Систематически добиваться, чтобы не было никаких насекомых и грызунов на кухне, организовывать решительную борьбу с прусаками и тараканами, а также с мышами и крысами.

Немедленно после избрания санкомиссия должна пройти по всем учебным, бытовым и производственным помещениям. Выработать все необходимые меры для приведения всех помещений, цехов и станков в более чистое состояние, доложив обо всех необходимых мерах в совет командиров и руководству учреждения.

Такие меры должны быть приняты относительно двора и спортивно-игровых площадок, сада, газонов, надворных мест общего пользования, а по мере возможности — и внешнего состояния здания.

Каждый день один из членов санкомиссии должен дежурить по учреждению, желательно с освобождением от производственной работы. Школьные занятия он должен посещать.

Обязанности дежурного члена санкомиссии (ДЧСК) следующие:

а) вместе с дежурными по учреждению ежедневно проводить (утренний или вечерний, в зависимости от типа учреждения и условий его работы) осмотр всех помещений и принять уборку;

б) утром, во время вставания, проверить, как воспитанники умываются, убирают постель и убирают в спальнях.

Необходимо при этом, чтобы дежурный проверил, вытряхнуты ли и расправлены простыни, убрано ли в тумбочках и шкафах, вытерта ли пыль в спальнях, в особенности за портретами, на батареях, на окнах, произведена ли мокрая уборка пыли;

в) такую же проверку спален нужно произвести и после обеденного перерыва;

г) после утренней зарядки проверить состояние костюмов воспитанников, аккуратно ли они одеты, в порядке ли пуговицы, пояса, чулки, шнурки на обуви и пр., особенно у младших. А также вид воспитанников, когда они выходят из учреждения на улицу;

д) во время окончания работы смены на производстве проверить, как воспитанники убирают свои станки, и отметить более неряшливых;

е) во время принятия пищи проверить, у всех ли воспитанников вымыты руки, не входят ли в столовую в спецовках, аккуратно ли едят, не набрасывают ли и не наливают ли на стол;

ж) в школе — проверить, чтобы в классах производилась уборка, чтобы пол всегда был чистый, классы проветривались во время перемен;

з) вечером, перед отходом ко сну, проверить, не укладываются ли ре-

бята спать с грязными ногами, проветрена ли спальня перед сном.

Санкомиссия через своих дежурных должна регулярно проверять, стригут ли дети ногти на руках и ногах, должна добиться, чтобы в каждом отряде были для этого ножницы, чтобы ноги и руки были всегда чисты, чтобы было постоянное место для мытья рук, мыло и полотенце, следить, чтобы у каждого воспитанника были зубной порошок и щетка.

Добиваться, чтобы во всех отрядах были обувные и одежные щетки и мазь, чтобы у воспитанников были всегда чистые ботинки.

Устраивать, по крайней мере один раз в шестидневку, широкую проверку одежды и постели воспитанников.

Принимать меры к ликвидации каких бы то ни было паразитов.

Во всей этой работе ДЧСК не подменяет командиров отрядов, а является членом содействующей и контролирующей организации.

Все свои замечания в течение дня дежурный член санкомиссии должен представлять вечером руководителю учебно-воспитательной части.

Необходимо, чтобы по этим замечаниям против отдельных нерях и в особенности против неряшливых коллективов принимались немедленные меры.

Лучшим способом воздействия на отряды, побуждающим их к лучшей уборке и аккуратности, является соревнование между отрядами с самым точным учетом, с одной стороны, всех санитарных нарушений и упущений, с другой стороны, образцового состояния общих помещений, классов, спален и постелей.

Итоги и сводки соревнования должны объявляться по истечении месяца и, согласно итогам, приниматься такие меры:

а) по отношению к лучшим коллективам: выдача портретов, цветов, какой-нибудь дополнительной мебели, выдача дорожки-коврика, выдача зеркала;

б) к остальным коллективам: назначение уборщиков за их счет, ответ на общем собрании.

При большом учреждении должна быть собственная парикмахерская, и санкомиссия должна следить за ее состоянием.

Ношение причесок очень желательно, но с необходимым условием, чтобы они содержались всегда в полном порядке и чистоте и имели вполне культурный и соответствующий возрасту вид. Аккуратные красивые прически улучшают общий внешний стиль коллектива. Старшие воспитанники должны быть всегда тщательно и чисто выбриты.

Употребление косметики, слишком модные и сложные прически, карминные ногти должны быть воспрещены девушкам-воспитанницам.

Постоянное наблюдение за культурным видом одежды и причесок может быть возложено на санкомиссию, так как ей и удобнее и проще это делать.

Необходимо постоянное внимание руководства, чтобы работа санкомиссии и ДЧСК была придирчиво тщательной и регулярной, чтобы их требования всеми беспрекословно выполнялись.

Хорошо организованная работа санитарной комиссии в детском учреждении имеет очень серьезное педагогическое значение: чрезвычайно важно научить ребят не только желать чистоты и любить ее, но и уметь ее постоянно поддерживать, сохранять и требовать. Эта работа развивает вни-

мание к деталям и целому и умение настойчиво, в одних и тех же повторяющихся формах деятельности добиваться конкретной цели.

Красивее становится быт и жизнь коллектива: повышается санитарно-гигиеническое состояние всего учреждения — людей и помещений, создаются необходимые культурным людям навыки в этой области. Кроме того, работа переменного состава санкомиссии в течение ряда лет воспитывает актив гигиенистов, обладающий некоторыми специальными сведениями и высокими требованиями личной и общественной гигиены и санитарии.

7. Актив

Под активом понимаются все воспитанники, хорошо относящиеся к учреждению и его задачам, принимающие участие в работе органов самоуправления, в работе управления производством, в клубной и культурной работе.

Актив является тем здоровым и необходимым в воспитательном детском учреждении резервом, который обеспечивает преемственность поколений в коллективе, сохраняет стиль, тон и традиции коллектива. Подрастающий актив заменяет в общественной работе окончивших учреждение воспитанников, и таким образом обеспечивается единство коллектива.

Чрезвычайно важным является процесс образования актива. Если этот процесс предоставить самотеку, а с активом не работать, никогда не образуется настоящий рабочий актив. Для нормального роста и созревания актива очень важно придать ему определенные организационные формы. В коммуне им. Ф. Э. Дзержинского основанием для постоянного образования актива явилось разделение воспитанников на кандидатов и членов коммуны. Первые назывались *воспитанниками*, вторые имели звание *коммунаров*. Звание коммунара присваивалось постановлением совета командиров, утверждалось общим собранием, и здесь же утвержденному торжественно вручался значок коммунара.

К этому институту нужно относиться очень внимательно и никогда не забывать о нем. Как только первый раз выделен и организационно оформлен актив, необходимо чаще собирать его, беседовать о делах и перспективах учреждения, находить с ним решение текущих вопросов, выделять из него отдельных лиц на руководящую работу. В коммуне им. Ф. Э. Дзержинского *коммунары и воспитанники* отличаются друг от друга не только степенью доверия и степенью участия в решении дел коммуны, но и характером некоторых прав и обязанностей.

Коммунары имеют некоторые преимущественные права перед *воспитанниками*. Каждое учреждение может установить специальное звание, присвоенное членам актива, и выработать у себя список прав применительно к своим условиям и своему контингенту. Эти права могут располагаться только в таких областях:

- а) облегченный отпуск (в интернатных учреждениях — на прогулку, в город в выходной день);
- б) облегченное право на получение на руки заработанных денег;
- в) право занимать определенные посты и выборные должности в коллективе;

- г) право носить отличительный значок или значок учреждения;
- д) преимущественное право выбирать себе рабочую бригаду;
- е) право голосования на общих собраниях.

В учебно-воспитательной части должен очень аккуратно вестись список членов актива, и учебно-воспитательная часть должна очень внимательно следить, чтобы звание членов актива не сделалось фикцией.

Для этого необходимо всегда находить случай подчеркивать их значение, чаще с ними беседовать, давать им отдельные поручения, применять к ним все указанные выше особые преимущества.

В приказах по коллективу, которые обязательно должны вестись отдельно от приказов по учреждению, в коммуне им. Ф. Э. Дзержинского, когда упоминалась фамилия дзержинца, всегда указывалось его звание — коммунары или воспитанник.

Не нужно бояться, что в учреждении много воспитанников получают звание членов актива. Это звание нужно давать осмотрительно, с таким расчетом, чтобы потом не приходилось исключать из актива, однако нужно стремиться к тому, чтобы большинство воспитанников были организационно оформленными членами актива.

Членам актива необходимо предъявить постоянные большие деловые и дисциплинарные требования. Привилегии, которыми они пользуются, должны явиться справедливыми в глазах всех воспитанников результатами большой работы и заслуг актива перед коллективом. Только в этом случае организация актива имеет педагогическое значение. Пониженные требования к активу и незаслуженные привилегии, как и всякое неоправданное потребление, приводят к загниванию актива.

Актив приобретает особое значение в период организации детского учреждения, пока еще нет сильного комсомольского коллектива. В этом случае немедленно выявить и привлечь к работе наиболее деятельных ребят является первостепенным мероприятием педагога-организатора.

Актив должен быть активом комсомольским, поэтому вся работа по созданию и укреплению актива организуется вместе с комсомолом.

По решению комсомольской организации может созываться широкое собрание актива. В учреждении, где комсомольская организация недостаточно сильна, активу не может быть доверено политическое руководство коллективом. В этом случае совершенно необходима сильная молодая группа педагогов-партийцев, которая может давать отдельные политические задания воспитанникам из актива, работая под общим руководством парторганизации учреждения.

8. Дисциплина и режим

Иногда под дисциплиной понимают только внешний порядок или внешние меры. Это самая губительная ошибка, которая только может быть в воспитательном учреждении.

При таком взгляде на дисциплину она всегда будет только формой подавления, всегда будет вызывать сопротивление детского коллектива и ничего не будет воспитывать, кроме протеста и желания скорее выйти из сферы дисциплины.

Дисциплину не нужно рассматривать только как средство воспита-

ния. Дисциплина есть результат воспитательного процесса, результат прежде всего усилий самого коллектива воспитанников, проявленный во всех областях жизни: производственной, бытовой, школьной, культурной.

Дисциплина в нашем обществе — это явление нравственное и политическое. Человек недисциплинированный в старом обществе никем не рассматривался как человек безнравственный.

В нашем обществе недисциплинированность, недисциплинированный человек — это человек, выступающий против общества, и мы рассматриваем его не только с точки зрения внешнего технического удобства, но и с точки зрения политической и нравственной. Такое понимание дисциплины необходимо иметь каждому педагогу и воспитаннику.

Наша дисциплина, в отличие от старой дисциплины, должна сопровождаться сознанием, т. е. полным пониманием того, что такое дисциплина и для чего она нужна. Каким способом можно достигнуть этой сознательности дисциплины?

Прежде всего дисциплина как форма нашего политического и нравственного благополучия должна требоваться от коллектива.

Такой взгляд на дисциплину необходимо на каждом шагу воспитывать у детей, необходимо, чтобы воспитанники гордились своей дисциплиной и относились к хорошей дисциплине как к лучшему показателю работы всего коллектива.

О дисциплине нужно часто говорить с воспитанниками, в особенности на заседаниях органов самоуправления, общих собраниях и т. д. При всяком случае необходимо обращать внимание воспитанников на явления дисциплины в нашем обществе, в партии, в Красной Армии, среди наших летчиков, производственников.

Не приводя беседы о дисциплине к какому бы то ни было морализированию, всегда нужно в то же время сообщать ребятам не только дисциплинарные навыки, но обязательно и элементы логики дисциплины, а именно:

а) дисциплина необходима коллективу для того, чтобы он лучше и быстрее достигал своих целей;

б) дисциплина нужна, чтобы каждый отдельный человек развивался, чтобы воспитывал в себе умение преодолевать препятствия и совершать трудные работы и подвиги, если к подвигам призовет жизнь;

в) в каждом коллективе дисциплина должна быть поставлена выше интересов отдельных членов коллектива;

г) дисциплина украшает коллектив и каждого отдельного члена коллектива;

д) дисциплина есть свобода, она ставит личность в более защищенное, свободное положение и создает полную уверенность в своем праве, путях и возможностях именно для каждой отдельной личности;

е) дисциплина проявляется не тогда, когда человек делает что-либо для себя приятное, а тогда, когда человек делает что-нибудь более тяжелое, неожиданное, требующее значительных напряжений. Это он делает потому, что убежден в необходимости и полезности этого дела для всего коллектива и для всего советского общества и государства.

Во всех этих теоремах и аксиомах дисциплины нужно всегда под-

черкивать главное и основное — это политическое значение дисциплины, так как это очень важный отдел общего политического воспитания.

Эти простые положения должны быть известны всем воспитанникам — детям и юношам — как положения, совершенно не подлежащие сомнению. К их категорическому выражению нужно всегда возвращаться, как только в коллективе возникают тенденции, им противоположные.

Эти положения будут бесполезными, если они не сопровождаются постоянным указанием на примеры дисциплины в нашем обществе и если они не сопровождаются опытом самого коллектива и постоянным упражнением.

Организация такого опыта должна выражаться в специальных формах, выходящих за пределы обычной повседневной практики, во всех областях жизни коллектива, выражаться в следующем:

а) поручение отдельным бригадам, отрядам, классам или отдельным группам ребят неожиданных дополнительных работ в порядке устного приказа или письменного, объявленного по коллективу с указанием срока и нормы выполнения, с нарочитым нарушением каких бы то ни было очередей. Такие работы должны заканчиваться рапортом группы или отряда, бригады и при необходимости обсуждением результатов работы и в особенности характера дисциплины, проявленной группой;

б) институт особого полномочия, представленного, например, дежурному по учреждению командиру; он имеет право на ходу отдать любое приказание воспитаннику, и такое приказание должно быть выполнено при всяких условиях и без единого слова возражения. Необходимо при этом, чтобы такой дежурный имел в момент приказания официальные признаки своей власти: красная повязка и т. д.;

в) поверочный общий сбор по сигналу со специальной целью проверить быстроту явки всего коллектива, отдельных членов и выяснить при этом высоту первичных коллективов: отрядов, классов, бригад в области дисциплины;

г) такой же поверочный сбор в момент какого-нибудь развлечения или обеда, во время киносеанса или футбольного матча;

д) пожарная тревога;

е) ежедневная зарядка, несмотря ни на какую погоду, с самым быстрым сбором всех участвующих;

ж) особое дисциплинарное доверие лучшим отрядам, бригадам, которое выражается в том, что этому коллективу при случае поручается выполнение более или менее неприятной вещи. Например, если нужно освободить спальню для других, приказ об этом дается как раз самому лучшему отряду.

Если в учреждении такой дисциплинарный тон уже воспитан, необходимо иногда такие срочные поручения давать самым слабым первичным коллективам в порядке особого доверия.

Руководство детского учреждения всегда найдет случай испытать дисциплинарную крепость отдельного коллектива, или отдельной группы, или отдельного воспитанника.

Такого рода дисциплинарные проверки и испытания не должны быть особенно частыми, чтобы не утомлять коллектив и не обращать дисциплинарный долг в простую игру.

Само собой разумеется, что такие поручения и испытания не должны быть голыми упражнениями, а должны оправдываться в глазах всех определенной пользой для всего коллектива. Начинать процесс такого дисциплинирования нужно не сразу, а с самых незначительных и не требующих особых усилий поручений.

Воспитание указанного дисциплинарного тона только тогда будет успешным, если само руководство подает пример в этом же направлении. Если, например, коллектив в строю или группой отправляется куда-нибудь пешком, а начальник учреждения или педагоги пользуются экипажем или машиной, то можно заранее сказать, что никакой особенный дисциплинарный тон воспитан не будет. Если воспитанники в холодный день идут куда-нибудь без пальто, то и руководство не должно надевать пальто. На все собрания и сборы по сигналу или по тревоге руководство, педагоги и воспитатели должны приходить не после всех, а раньше всех. В неожиданных авральных работах всего коллектива педагогический коллектив должен принимать обязательное участие.

Чрезвычайно важным обстоятельством является самый тон, в каком руководство организует свои дисциплинарные соприкосновения с коллективом. Это должен быть тон серьезный, простой, точный, решительный, но в то же время доверчивый, расположенный к воспитаннику, иногда украшенный улыбкой и шуткой и всегда сопровождаемый особенным вниманием к каждому человеку.

Все вышесказанное относится к высшим формам дисциплины, которые являются показателями уже определенного воспитательного процесса. Самый процесс дисциплинирования должен протекать не столько в области дисциплины, сколько во всех остальных областях жизни и работы детского воспитательного учреждения.

Например, в школе, на производстве этот процесс заключается в воспитании уважения к своему рабочему месту и своему участию в производственном и учебном процессе, к знанию общих производственных целей, к знанию всех недочетов на производстве и к борьбе с ними, не в виде нытья, а в виде организованных действий, постановлений и усилий. В быту этот процесс заключается во многих формах борьбы за лучше организованную спальню, лучший стол и обслуживание в столовой, в лучшем умении не только не мешать жить товарищам, но и помогать друг другу и просто уметь изящно и без шума пройти по коридору.

В отличие от дисциплины, которая всегда является результатом всего воспитательного процесса, режим представляет собой прежде всего средство, при помощи которого коллектив организует внешние рамки поведения, предоставляя каждому воспитаннику наполнить эти рамки внутренним содержанием.

Признаки правильного режима следующие:

а) **Целесообразность.** Все формы режима должны иметь определенный смысл и в глазах коллектива определенную логику. Если требуется, чтобы все вставали одновременно, то всем должно быть понятно, для чего именно это требуется. Если от всех требуется чистота, то все должны понимать необходимость этой чистоты. Если же руководство вводит, например, ежедневный марш в столовую в парах или в рядах

и никому не понятно, для чего именно это нужно, — такая форма режима является просто вредной.

Логика режима должна проверяться, однако не в момент выполнения, а в момент постановления. Поэтому все формы режима должны быть обсуждены на общем собрании, но после их принятия никакие обсуждения и возражения, иначе как в порядке пересмотра на том же общем собрании, не должны быть допускаемы.

б) Точность. Все правила жизни и порядок дня не должны допускать никаких исключений и послаблений в смысле времени и места. Если постановлено, что завтрак должен выдаваться в 7 часов 10 минут, то каждое опоздание завтрака должно рассматриваться как нарушение порядка, и виновные в таком опоздании обязательно привлекаются к ответственности.

Если постановлено, что библиотека должна быть открыта от 5 до 7, то этот срок должен обязательно соблюдаться, несмотря ни на какие уважительные причины.

Для того чтобы такой порядок пользовался всеобщим уважением, необходимо, чтобы малейшее нарушение режима могло иметь место только с письменного каждый раз разрешения руководства.

в) Общность. Режим должен быть обязательным для всех.

Какие бы то ни было исключения должны прежде всего удовлетворять принципу целесообразности и утверждаться определенными постановлениями. Против этого правила грешат очень многие детские учреждения: кто-то почему-то встает позже других, завтракает не вместе со всеми, а после всех и почему-то не в столовой, а в кухне. Кто-то опаздывает на уроки и объясняет свое опоздание тем, что имел специальные задания.

Нарушение правила общности всегда приводит к созданию в учреждениях особых групп, для которых режим вообще не обязателен. Это обычно группы старших, бригадиров, командиров отрядов, членов совета, которые прямо подкупаются начальством таким освобождением от требования режима.

В каждом учреждении должно быть правилом: старшие, командиры отрядов, бригадиры, члены актива и органов самоуправления подчиняются режиму в первую очередь, и их ответственность за нарушение режима должна быть повышена.

В первый момент этот тон наладить довольно трудно, особенно если в учреждении уже зародились противоположные традиции, но зато потом эта трудность окупается очень большой пользой как в области тона, так и в области самого режима.

г) Определенность. Режим не может сохраняться, если он не обоснован, не регламентирован точными правилами и распределением ответственности. При этом не следует такую определенность вносить при помощи составления больших инструкций и положений, составленных за письменным столом. Режим должен быть результатом опыта всего коллектива, и его отдельные детали вырабатываются в органах самоуправления в моменты назревшей нужды, определившихся неудобств, неопределенностей и неясностей.

Только таким способом нужно довести до последней определенности многие мелочи режима: кто должен вставать раньше всех, кто должен

производить уборку, куда девать ведро после уборки, кто получает и раздает воспитанникам необходимые вещи, предметы обихода и в какие сроки, кто следит за культурным внешним видом и гигиеническим состоянием воспитанников, кто имеет право вызывать воспитанника из класса или цеха, кто имеет право разрешить сверхурочную работу, кто отвечает за порядок в клубе, кто имеет право распоряжаться сигналами и звонками, на сколько минут можно опоздать в столовую, кто должен сообщить и кому о плохом поведении, самовольном уходе, побеге воспитанника.

В методике режима во многих учреждениях боятся быть последовательными сами руководители.

Эта последовательность должна быть доведена до конца.

В особенности в детских домах и колониях не умеют сделать режим крепко поставленной нормой. Поэтому в области режима допускают существование противоречий, которые разрешаются в каждом отдельном случае по усмотрению. Если, например, завтрак опоздал, задерживается сигнал на работу, то возникает проблема: как поступить? И обычно поступают так: дают сигнал на работу, но опоздавшим на завтрак разрешают опоздать и на работу. Такой выход из положения неправилен, ибо он утверждает наметившийся в одном месте (на кухне) беспорядок и для другого места — для производства. А в этом случае необходимо либо задержать сигнал на работу, либо, еще лучше, прекратить завтрак.

Последнее, конечно, возможно только тогда, если воспитан описанный выше дисциплинарный тон.

Однако и в том и в другом случае необходимо немедленно произвести расследование, наказать виновных в опоздании завтрака.

Ни в коем случае режим не должен скрепляться строевой муштровкой. Шеренги, команда, военная субординация, маршировка по зданию — все это наименее полезные формы в трудовом детском и юношеском коллективе, и они не столько укрепляют коллектив, сколько утомляют ребят физически и психически.

Разумеется, это указание не относится к тем случаям, когда строй действительно необходим. Например, на праздниках, в каком-нибудь походе с оркестром, во время физкультурных занятий должны быть и шеренги, и команда, и стройное движение. Но только в этих случаях и нужно пользоваться строем.

Специальное военное обучение и военные строевые занятия составляют очень важный раздел воспитательно-образовательной работы и имеют свою методику. Военные занятия непременно повышают общий дисциплинарный стиль коллектива, но при всем своем значении являются только частью общего процесса дисциплинирования.

9. Наказания и меры воздействия

Наша методика воспитания должна основываться на общей организованности жизни, на повышении культурного уровня, на организации тона и стиля всей работы, на организации здоровой перспективы, ясности, особенно же на внимании к отдельному человеку, к его удачам и неудачам, к его затруднениям, особенностям, стремлениям.

В этом смысле правильное и целесообразное применение наказания является очень важным. Хороший воспитатель при помощи системы наказаний может много сделать, но неумелое, бестолковое, механическое применение наказаний приносит вред всей нашей работе.

Нельзя дать общих рецептов в вопросе о наказании. Каждый поступок является всегда индивидуальным. В некоторых случаях наиболее правильным является устное замечание даже за очень серьезный проступок, в других случаях — за незначительный проступок нужно наложить строгое наказание.

Для того чтобы воспитатель правильно применял наказание и другие меры воздействия, необходимо, чтобы он усвоил советские принципы наказания. Если они для него неизвестны или непонятны, он не может быть воспитателем.

В буржуазной школе разрешаются телесные наказания. Логика их кратко может быть выражена так: всякое нарушение правил должно сопровождаться некоторой формой страдания для нарушителя. Переживание страдания есть содержание буржуазного наказания. Предполагается при этом, что пережитое страдание (боль, лишение, голод, уединение) заставит нарушителя «в другой раз» воздержаться от нарушения из боязни снова пережить страдание. По отношению ко всем остальным наказание является формой террора по очень простой формуле: кто будет нарушать, тот будет страдать.

Отправной точкой нашего наказания является целый коллектив: либо в более узком значении — отряд, бригада, класс, детское учреждение, либо в более широком — рабочий класс, Советское государство. Интересы коллектива, и в особенности интересы рабочего класса и государства Советов, являются интересами общими. Кто нарушает эти интересы, кто идет против коллектива, тот отвечает перед коллективом. Наказание есть форма воздействия коллектива либо в виде прямых его решений, либо в виде решений уполномоченных коллектива, избранных, чтобы оберегать его интересы.

Исходя из этого основного положения, наше наказание должно обязательно удовлетворять следующим требованиям:

а) оно не должно иметь целью и не должно фактически причинять простое физическое страдание;

б) оно имеет смысл только в том случае, если наказанный понимает, что все дело в том, что коллектив защищает общие интересы, иначе говоря, если он знает, что и почему коллектив от него требует;

в) наказание должно назначаться только в том случае, если действительно нарушаются интересы коллектива и если нарушитель открыто и сознательно идет на это нарушение, пренебрегая требованиями коллектива;

г) наказание должно в некоторых случаях отменяться, если нарушитель заявляет, что он подчиняется коллективу и готов в будущем не повторять своих ошибок (конечно, если это заявление не является прямым обманом);

д) в наказании является важным не столько само содержание наложенных процедур, сколько самый факт его наложения и выраженное в этом факте осуждение коллектива;

е) наказание должно воспитывать. Наказанный должен точно знать, за что он наказывается, и понимать смысл наказания.

При нашем понимании наказания весьма важное значение приобретает его техника. Каждое наказание нужно строго индивидуализировать применительно к случаю и к данному воспитаннику.

Необходимо, чтобы право налагать наказания принадлежало в воспитательных учреждениях только помощнику по педагогической части или руководителю учреждения. Никто другой не имеет права накладывать наказания. Наказание может быть наложено от имени руководства и, еще чаще и обычнее, от имени органов самоуправления: совета коллектива, общего собрания, но во всех этих случаях в первую очередь отвечает за наказание заведующий педагогической частью, ни одно наказание не должно быть наложено без его ведома и совета, и никто не должен приступать к наложению наказания, если заведующий педагогической частью к наказанию не представляет.

Заведующий педагогической частью должен хорошо знать всех воспитанников, их положение на производстве, в школе и коллективе. Если воспитанник совершил проступок, нужно считаться с предшествующей историей воспитанника в коллективе, его характером, с уже применявшимися по отношению к нему мерами воздействия.

Во всяком случае, раньше, чем наложить взыскание, необходимо с воспитанником поговорить. Все эти разговоры и беседы могут и должны совершаться по поводу поведения воспитанника, но не сразу принимать форму внешнего взыскания. Беседы эти могут иметь такие формы:

а) беседа немедленно после проступка в присутствии старших товарищей, очень короткая, серьезная и официальная, заключающаяся в требовании объяснений. Если эти объяснения неудовлетворительны, следует просто указать воспитаннику, как нужно поступать. В такой беседе нужно без особенных доказательств объяснить неправоту воспитанника. Доказательства в этом случае не нужно применять потому, что присутствующие воспитанники сами постараются все доказать;

б) беседа наедине, тоже немедленно после проступка. Она должна проводиться в более строгом тоне, сопровождаться большим анализом, однако в форме мотивированного протеста от имени коллектива. Она должна сопровождаться указанием на вред, принесенный нарушением, на политическое отставание нарушителя. Она может сопровождаться и угрозой передать дело на общее собрание;

в) отсроченная беседа. Она должна производиться тоже наедине или в присутствии небольшого числа лиц, вечером в тот же день или на другой день после нарушения. Нарушителю должно быть известно заранее, что он приглашается на беседу в определенный час. Иногда такое приглашение нужно послать ему запиской, чтобы о беседе знал только нарушитель. Такая форма позволяет нарушителю, ожидая беседы и, естественно, волнуясь, передумать много о своем поведении, поговорить с товарищами. Беседу нужно проводить попозже вечером, когда она не может быть прервана. Беседу нужно вести в приветливом тоне, подробно, внимательно слушать, но никогда в этом случае не нужно ни улыбаться, ни иронизировать, ни шутить. В этой беседе нужно хорошо растолковать воспитаннику вред его поведения и для него и для коллектива, привести

ему примеры, рекомендовать почитать книжку. Иногда в результате беседы, особенно если воспитанник признал свою вину, а вина не маленькая, можно наложить на него взыскание.

В некоторых случаях нужно поручить провести такие беседы двум-трем старшим воспитанникам, а потом узнать у них, чем кончилось дело.

По отношению к некоторым случаям, наоборот, никаких бесед проводить не нужно, а сразу наложить взыскание, объявив его приказом.

Если воспитанник сознательно нарушает интересы коллектива, если он демонстративно не хочет подчиниться его правилам, если никакие беседы не помогают, надо передать его совету коллектива или общему собранию, надо, чтобы с протестом против нарушителя выступили члены коллектива. В этих случаях необходимо, чтобы было наложено и внешнее взыскание.

Взыскания, прежде всего, должны иметь характер осуждения. Сюда относятся:

выговор на общем собрании,

выговор в приказе.

Иногда бывает полезно, чтобы собрание просто постановило: такой-то поступил неправильно, поступать нужно так. В такого рода моральных постановлениях общего собрания можно допустить и особо квалифицированные формы, в особенности в тех случаях, когда нарушитель проявил упорство, если он поступил недостойно, глупо, позорно, эгоистично.

В практике коммуны им. Дзержинского бывали постановления такого характера: «Поручить Петрову (самому младшему в коммуне) разъяснить Иванову, как нужно поступать (а Иванов один из взрослых).

В выходной день от двух до половины третьего Иванов должен подумать, насколько он поступил не по-товарищески.

15-го марта — через три месяца — пусть Иванов выступит на общем собрании и скажет, правильно он поступил сегодня или нет».

На общем собрании нужно выступать не столько по адресу нарушителя, сколько обращаясь ко всем, предлагая всем анализ проступка и выдвигая наиболее отчетливо интересы коллектива и рабочего класса, указывая на пути и задачи учреждения и долг перед ним всех его членов.

Наиболее тяжелыми, из ряда вон выходящими проступками являются хулиганство, плохая работа на производстве и в школе, воровство, пьянство, насилие над более слабыми.

Воровство, если оно совершается новенькими, не должно вызывать больших репрессий. В коммуне им. Ф. Э. Дзержинского за воровство новенького просто не наказывают, и это производит на него наиболее сильное впечатление. Ему только разъясняют, почему нельзя красть в коллективе, ему показывают новые пути, стараются поставить его в такое положение, чтобы он физически не мог украсть, наблюдают за ним.

Зато по отношению к старшим должны быть применены самые решительные меры в случае воровства. Первый случай может быть предметом обсуждения на общем собрании с выяснением всех обстоятельств, может быть наложено наказание (лишение отпусков, карманных денег, возмещение убытков, перевод в бригаду новеньких и т. п.). В случае повторного воровства должна быть применена самая последняя мера: отдача под суд и немедленный арест.

Даже в том случае, если воспитанник искренне раскаивается и обещает прекратить воровство, оно не может быть оставлено без наказания, если воровство совершено вторично. Но если такой воспитанник не передается суду, ему об этом должно быть сделано предупреждение.

Пьянство тоже должно строго преследоваться в коллективе. Первый случай пьянства должен повлечь одну из таких мер воздействия:

лишение права расходовать деньги без разрешения командира;

лишение отпусков без определенного провожатого;

специальное наблюдение вечером и в выходной день.

Повторное пьянство должно вызвать более решительный протест, вплоть до удаления из учреждения.

Это удаление в интернатных учреждениях может в данном случае иметь характер откомандирования в приемник своей области на определенный срок для исполнения работы бригадира с условием: если приемник даст хорошую характеристику, воспитанник может быть возвращен в колонию.

И в случае воровства, и в случае пьянства общее собрание может постановить о задержке выпуска из учреждения до определенного срока, о занесении в личное дело.

Хулиганство и насилие над более слабыми должны решительно преследоваться во всех детских учреждениях. Но в этом случае наказания мало приносят пользы, гораздо лучше разные моральные формы осуждения — карикатура в газете. В истории коммуны им. Дзержинского был случай, когда по отношению к одному такому насильнику было вынесено постановление: «общее собрание коммунаров отказывается защищать Иванова, если над ним будут насильничать».

Такие случаи, как воровство, пьянство, хулиганство, меньше затрудняют воспитательные учреждения, потому что они кажутся ясными и слишком яркими. Однако для педагогического руководителя они представляются гораздо более сложными. Так, например, воровство в детском учреждении почти никогда не совершается одиночкой. Воровство обязательно является доказательством того, что в учреждении образовалась определенная группа и что образование этой группы руководство прозевало.

А это значит, что целая группа воспитанников не вовлечена в производственную и культурную работу, что в каком-то отряде, классе имеется нездоровый очаг, что командир не на месте.

Иногда воровские проделки такой группы являются следствием каких-либо несправедливостей, неудач на производстве, нечуткого отношения к интересам воспитанников.

Пьянство еще более является признаком того, что педагогическое руководство потеряло точное представление о жизни воспитанников, что некоторые ребята оказываются вне сферы влияния учреждения, коллектива и попадают под влияние классово чуждых элементов.

Наконец, третьим отделом мер взыскания являются такие, которые налагаются за проступки сравнительно мелкие, но такие, которые нельзя пропустить без наказания. Сюда относятся: опоздания на работу, в столовую, порча имущества, отказ подчиниться командиру, учителю или начальнику, вызывающее демонстративное поведение в отряде, в классе, на производстве, грубость, невежливость, развязный тон.

Эти проступки больше всего затрудняют педагогическое руководство, потому что их пока довольно много.

По отношению к таким проступкам лучше всего применять метод естественных последствий: за опоздание на производство — лишение права работать на производстве на определенный срок, за плохую работу — дополнительная работа, за неряшливость — дополнительная работа по уборке, за неподчинение командиру или бригадиру и вызывающее поведение в отряде — перевод к самому строгому командиру.

Однако во всех этих случаях необходимо остерегаться, чтобы наказания не лились целыми потоками одно за другим. В таком случае они не приносят никакой пользы, только нервируют коллектив, а вследствие своего большого количества даже не могут быть приведены в исполнение. С другой стороны, даже мелкие проступки воспитанников не должны остаться без реагирования.

За правило нужно взять следующее: ни один проступок воспитанников не должен быть незамеченным. В учебно-воспитательной части должна вестись постоянная регистрация всех нарушений дисциплины, традиций, стиля и тона учреждения, даже самых мелких; данные этой регистрации должны итти по неделям, по отрядам, бригадам и классам и быть предметом обсуждения в советах коллективов (педагогическом и детском) воспитательного учреждения. Первичный коллектив, наиболее отсталый в дисциплине, должен вызываться в совет коллектива в полном составе; командиру этого коллектива нужно предложить дать отчет о положении и состоянии коллектива, отдельные нарушители должны быть привлечены к ответственности персонально.

В таком заседании совета можно наложить взыскание и на отдельных лиц, и на целый отряд. Вообще же нужно избегать налагать взыскание на целый отряд или на группу виновных. Такое взыскание объединяет нарушителей, уже ранее объединенных в самом нарушении. По отношению к целым группам виновных в нарушении всегда лучше применять такой порядок: наказать одного — самого виновного, остальных оставить без возмездия, ограничиться только предупреждением.

Вообще всегда нужно стараться наказывать как можно реже, только в том случае, когда без наказания нельзя обойтись, когда оно явно целесообразно и когда оно поддерживается общественным мнением.

Весьма важно еще одно обстоятельство: как бы ни строго был наказан воспитанник, никогда не нужно выходить в этой строгости за пределы наложенного. Если наказание уже наложено, не следует вторично о нем вспоминать. Наложившее наказание должно всегда разрешать конфликт до конца, без всяких остатков. Уже через час после наложения взыскания нужно быть с воспитанником в нормальных отношениях.

Тем более нельзя позволять в момент выполнения наказания кому-либо смеяться над воспитанником, вспоминать его вину и т. п. Вообще в области наказания, как и в других областях жизни детского учреждения, нужно всегда помнить правило: как можно больше требований к воспитаннику, как можно больше уважения к нему.

Наказание лишением пищи или ухудшением пищи не должно никогда применяться; даже если воспитанник плохо работает или отказывается от работы, нельзя лишить его пищи. По постановлению общего собрания мож-

но только так или иначе подчеркнуть, что столовой он пользуется незаслуженно.

Одна колония в этом случае применяла остроумный способ: над одним из столов она ставила надпись: «Для гостей», усаживала дармоедов за этот стол и предлагала им пищу в большом изобилии.

Такая ирония коллектива должна быть организована с большим тактом и может применяться только в очень крепких коллективах.

Напротив, улучшение пищи для лучших стахановцев, а еще лучше — для передовых отрядов и бригад может быть допущено. При этом из такого первичного коллектива не должны исключаться воспитанники, еще отстающие по своей работе или поведению.

10. Центр

Очень важное значение имеет организация педагогического центра. Этот вопрос в наших детских учреждениях находится в забросе.

Обычно управление детским учреждением сосредоточивается в кабинете директора или его помощника по учебно-воспитательной части³. Второго кабинета иногда даже не бывает. Помощник находится в учительской, а в детских домах — в своей квартире.

Обычно кабинет и квартира являются святилищем, куда воспитанники попадают только в особых случаях.

В некоторых учреждениях есть комнаты самоуправления, которые организованы как красные уголки и больше существуют для приличия. В них, правда, происходят заседания, но большей частью они просто пустуют. При этом в детских домах и колониях кабинет педагогического руководителя почти всегда находится в другом здании — там, где сосредоточено все управление колонией, контора, бухгалтерия. Это совершенно неправильно.

Кабинет педагогического руководителя должен находиться в том корпусе, в котором протекает жизнь коллектива, где находятся спальни, столовая клубы, в школе — в главном школьном здании. Этот кабинет должен располагаться рядом с кабинетом самоуправления — совета командиров — и сообщаться с ним.

В комнате совета командиров всегда должен находиться дежурный по учреждению, и для него нужно поставить небольшой столик. Тут же должен быть и пункт санкомиссии и стол хозяйственной комиссии.

Каждый воспитанник имеет право всегда зайти в эту комнату по делу, не спрашивая разрешения.

Стиль поведения воспитанников в кабинете педагогического руководителя и совета командиров должен стать определенной традицией в коллективе: сдержанность, вежливость, расположенный деловой тон. Какая бы то ни было фамильярность недопустима в такой же мере, как и излишняя сухость, официальность или раздражительность. По возможности необходимо, чтобы вся работа педагогического руководителя проходила открыто, чтобы каждый воспитанник мог присутствовать при его беседах с отдельными нарушителями, при разборах случаев, отдаче распоряжений.

Необходимо добиваться, чтобы его кабинет сделался центром внимания и притяжения всего коллектива, и в особенности любимой комнатой актива, с которым педагогический руководитель всегда должен находиться в обще-

нии, не ожидая специальных заседаний и собраний.

Работа педагогического руководителя должна проходить всегда в контакте с председателем самоуправления, со всеми группами очередных дежурных. Обо всех своих начинаниях он должен советоваться с ними и выслушивать их сообщения о делах учреждения.

Если педагогический руководитель куда-нибудь отлучается надолго, вместо него должен оставаться в кабинете заменяющий его на это время. Центр не может бездействовать. В коммуне им. Ф. Э. Дзержинского в таком случае в кабинете остается кто-нибудь из педагогов, секретарь совета командиров (ССК) или дежурный по коммуне командир (ДК). Эти товарищи не замещают педагогического руководителя, они только представляют его во время его отсутствия. В коммуне все знают, что в кабинете всегда есть лицо, к которому можно обратиться в экстренном случае.

Каждый воспитанник в любой момент должен иметь возможность зайти к педагогическому руководителю, передать ему просьбу, жалобу, посоветоваться о чем-либо. Вечерние, более поздние часы должны быть предоставлены для тех, кто нуждается в интимной помощи педагогического руководителя.

Не нужно в детских учреждениях устанавливать какую-нибудь обязательную субординацию — обращаться только через ближайшее начальство: учителя, воспитателя, командира или бригадира. Конечно, в тех случаях, когда воспитанник злоупотребляет своим правом и обращается к педагогическому руководителю по вопросу, который может быть разрешен в ближайшей инстанции, такому воспитаннику нужно всегда разъяснить его ошибку.

В комнате совета командиров происходят и все заседания совета, на которых обязательно должен присутствовать педагогический руководитель.

Поскольку совет командиров является органом постоянного руководства, постольку регулярный календарь его работы не может быть выработан с полным охватом всех вопросов, совет должен собираться немедленно, как только возникает самая маленькая необходимость. Раньше уже говорилось, что очень полезно для этого иметь специальный сигнал, по которому члены совета собираются в экстренном порядке.

Комната эта должна быть настолько велика, чтобы в ней свободно поместилось 25—30 человек. Рекомендуется в комнате по всем ее стенам сделать неподвижный диван.

Рекомендуем отряд младших воспитанников во главе с их командиром назначить хозяином комнаты с тем, чтобы он отвечал за весь инвентарь в ней, порядок и дисциплину. Члены отряда в то же время являются и связистами, исполняя всегда очень быстро распоряжения о вызове того или другого воспитанника или нужного лица.

11. Материальная часть

Ни в коем случае материальная сфера не должна считаться стоящей вне воспитательной работы. Руководитель учебно-воспитательной части должен считать материальную часть одной из самых существенных в своей деятельности и никогда не уступать ее целиком заведующему хозяйством. Вместе с органами самоуправления он должен отдавать материальной заботе значительное время.

Для педагога материальная сфера имеет значение не только потому, что она определяет достаток, удобство жизни воспитанников, чистоту и порядок, но и потому, что в этой области воспитываются очень важные навыки, создается более спокойный фон для психического настроения воспитанников.

Упорядоченная материальная часть значительно облегчает всю работу. Кроме того, что очень важно, главным образом в формах материальной жизни коллектив приучается к общим хозяйственным условиям, знакомится с началами коллективной ответственности, и именно здесь можно найти много тем для упражнений воспитанников в области коллективного интереса. Поэтому воспитательная часть не должна пренебрегать даже самыми пустячными мелочами в материальном быту коллектива и с помощью органов самоуправления разрешать самые мелкие вопросы как можно лучше, создавая кодекс внутриколлективных правил, обязанностей и традиций и т. д.

Самое значительное место в материальной сфере детских учреждений с интернатом занимает одежда. Затрудненное положение в этой области, прежде всего, характеризуется бедностью в одежде, ее изношенностью, безобразным видом и покроем, слишком быстрым изнашиванием одежды.

Между тем это происходит вовсе не потому, что на одежду выдается мало денег. Ассигнования на одежду совершенно достаточны, во всяком случае они больше, чем расходы средней семьи на одного ребенка.

«Одежная бедность» детского учреждения происходит исключительно от неумения и нежелания наших хозяйственников-педагогов работать разумно в этой области. Обычный способ нашего одежного хозяйствования заключается в том, что ребята одеваются всегда в пожарном порядке, перед праздниками 1 Мая или 7 Ноября. Перед этими днями нажимают все пружины, достают мануфактуру, ботинки, все в таком же пожарном порядке свозят, наспех шьют, раздают. Последние раздачи обыкновенно происходят утром — в день праздника. При этом всегда оказывается, что третья часть ботинок была привезена малого размера, что часть не успели пошить, белье привезли не полностью. С такой же поспешностью одежда раздается. Взрослому мальчику попались очень малые кальсоны, а малышу — очень большие, и он их завязывает узлом на животе, чтобы они не спадали.

Все же считается, что в общем к празднику оделись, прорыв не так значителен и праздновать можно. А после праздника хозяйственная часть просто отдыхает от одежных трудов, большая часть воспитанников наслаждается новыми предметами одежды, а меньшинство тоже не страдает, так как надеется к следующему празднику оказаться в большинстве. Через два месяца выданная одежда уже испачкана и изношена, тесные рубахи и кальсоны изорваны, носки давно заношены и выброшены, ботинки надеваются на босу ногу. Начинаются жалобы, но приближается лето, следовательно, нет ничего страшного, а к Октябрьским праздникам начинается снова одежная горячка.

В этой одежной сутолоке обычно ничего не учитывается, и никто ничего не жалеет. Никого не интересует то обстоятельство, что к 7 Ноября все босы, все успокаиваются ожидающимся приобретением новых ботинок. Никто не спрашивает, куда делись пояса.

Такое хозяйничанье обходится очень дорого, а в результате его дети всегда раздеты. Способ одевания воспитанников к праздникам должен быть

решительно отброшен. Необходима строгая, постоянная система заботы об одежде, проводимая не только в хозяйственной части, но и в коллективе воспитанников. Эта система должна заключаться в следующем:

1. Каждый воспитанник должен иметь только ему присвоенную одежду, обувь, белье. В каждой кладовой для каждого воспитанника должен иметься отдельный шкаф или полка. Каждому воспитаннику должен быть присвоен отдельный номер, который ставится на всех предметах его одежды при помощи несмываемой краски. Одежда и белье должны шиться по мерке, а поэтому их нужно шить не перед праздником, а задолго до праздника, спокойно и без спешки.

Хранение лично присвоенной одежды надо производить в отведенных каждому отряду шкафах или полках. В таком случае из состава отряда выделяется один из воспитанников, обыкновенно помощник командира, который и следит за правильной сменой одежды, ее хранением в отрядном шкафу у кастаньяши, ее починкой и за соблюдением всех правил носки и хранения одежды.

2. При первой возможности нужно переходить на систему парно-комплектной одежды; эта система только и может привести к большой экономии в расходах на одежду. Система эта заключается в том, что воспитанник имеет не одну пару обуви, а две. Одну он носит, а вторая стоит на его полке совершенно исправная. Как только первая чуть-чуть износилась, истерлась подошва или где-нибудь разорвалась кожа, эта пара должна быть немедленно отобрана у воспитанника и отправлена на полку, а воспитаннику выдана запасная пара для носки. Попавшая на полку пара должна быть немедленно отдана в починку, а после починки снова поставлена на полку в качестве запасной пары. Только такая система позволяет производить починку при самом малейшем изъяне, не запускать дефекта в обуви до такой степени, когда ее уже нельзя починить.

Само собой разумеется, что эта система требует полной перестройки работы хозчасти. Она должна больше заботиться не о покупке новых сот пар ботинок, а материалов для починки, заботиться о правильной организации починочной мастерской, которую всегда можно держать на хозрасчете, не имея даже никаких штатов.

Так же должна быть перестроена и система школьного костюма. Один костюм на воспитаннике, второй — в запасе на полке в полной исправности.

При малейшем изъяне в костюме, при оторванных пуговицах этот костюм должен сдаваться на полку для починки, чистки и пр. Иногда нужно отбирать для этой цели все костюмы целого отряда просто даже для того, чтобы проветрить их, пересмотреть, произвести чистку, отутюжить.

В каждом интернатном учреждении должна быть небольшая починочная мастерская с запасом необходимых материалов: пуговиц, ниток, материалов для заплат, а также утюги для глажки брюк, платьев и прочих предметов туалета.

При многокомплектной системе только и можно приучить ребят к бережливому отношению к костюму, можно учитывать и преследовать неряшливое отношение к платью, прекратить игру в футбол в новых ботинках, использование школьного костюма для работы на производстве.

3. Если на полке оказываются костюм или ботинки, которых нельзя уже починить или из которых воспитанник вырос, должен быть на эту полку по-

ложен новый костюм или новая пара ботинок. Таким образом, эта система позволяет производить обновление гардероба постепенно, спокойно и применительно к обстоятельствам, а не в пожарной гонке.

4. Для каждого предмета одежды должны быть установлены сроки носки. Момент выдачи нового костюма или новой пары обуви должен быть записан. При следующей выдаче должно проверяться, насколько тот или другой воспитанник аккуратно или бережливо носил костюм или обувь. Воспитанникам наиболее аккуратно или бережливым должны выдаваться премии за сбережение имущества, составляющие некоторый процент экономии. Напротив, приведение в негодность костюма или обуви раньше истечения срока носки обязательно должно сопровождаться возмещением убытков, хотя бы и по действительной стоимости, плюс накладные расходы.

5. Для работы на производстве должна быть спецовка. Если нет еще возможности пошить спецкостюм, для этой цели используются более изношенные школьные.

6. Каждое учреждение должно стремиться как можно скорее отказаться от бумажных костюмов, так как они очень быстро изнашиваются и стоят в итоге очень дорого. Надо иметь, по крайней мере, полусуконные костюмы, которые гораздо дольше сохраняются, которые легче чистить и которые воспитанники лучше хранят.

Утеря костюма должна сопровождаться обязательно полной оплатой его стоимости плюс накладные расходы. Под утерей костюма нужно понимать всякое его исчезновение, в том числе и кражу. За украденную вещь должно отвечать не учреждение, а временный ее владелец. На этом принципе необходимо всегда настаивать и строго проводить его в жизнь, обращая внимание воспитанника на то, что это самый обыкновенный случай: если у человека украли вещь, то он, естественно, лишается ее ценности, отвечая за плохое хранение, за безразличное отношение к ее ценности, за плохую работу в коллективе.

7. Независимо от материальной ответственности каждый воспитанник должен строго отвечать в дисциплинарном порядке за всякий случай небрежного и небережливого отношения к костюму, к обуви, все равно, своим, или принадлежащим товарищу, или всему коллективу.

8. При наступлении теплого времени как можно раньше нужно отобрать у воспитанников ботинки, белье и выдать более легкую и дешевую обувь, белье и одежду, а отобранное сдать в ремонт и после ремонта положить на полки в качестве резерва. К зиме у каждого воспитанника должны лежать два комплекта зимней одежды и обуви.

9. Для того чтобы белье не изнашивалось и не рвалось, необходимо, чтобы было не меньше четырех смен белья по такому расчету: одна пара на воспитаннике, вторая — на полке, готовая к смене, третья — в стирке, четвертая — в просмотре, в починке.

Только тогда, когда одна из этих пар окончательно износилась, она заменяется новой парой, обязательно соответствующего размера. Для этого в распоряжении хозяйственной части должна быть небольшая база готового белья разных размеров.

Такие же правила должны быть и для простынь и наволочек, полотенец, носков, чулок, носовых платков и столового белья.

10. Пальто выдается не меньше чем на два года. Должно быть решено

тельно запрещено носить пальто в помещении, в спальнях, в школе и на производстве, даже если в помещении прохладно. Поэтому в учреждении обязательно должна быть общая вешалка, а в спальнях — одежные шкафы. С вешалки пальто выдается по предъявлению своего постоянного номера, как обычно на всех вешалках. Если нельзя иметь специального наемного служащего на вешалке, на ней должны дежурить воспитанники, а на ночь помещение, где находится вешалка, должно запирается. В коммуне им. Дзержинского пост дневального в вестибюле расположен так, что дневальный наблюдает за вешалкой, а ночью охраняет.

Необходимо решительно бороться с обычаем, по которому воспитанники целый день ходят в пальто и потому, что его негде повесить, и потому, что боятся кражи. Это правило относится и к фуражкам.

Если производство находится очень близко от бытовых помещений, воспитанники должны отправляться на работу без пальто. Если же производство находится сравнительно далеко, там тоже должны быть вешалки.

11. Никогда не нужно приобретать зимние шапки. Это приучает воспитанников к излишней закутанности. Разумеется, нельзя зимой одевать их в бумажные картузы. Лучше всего иметь суконные фуражки, которые хороши и на зиму, и на весну, и на осень. Летом их надо отбирать на хранение и ремонт и выдавать тубетейки.

12. Администрация, самоуправление и педагоги, а также командиры и дежурные члены санитарной и хозяйственной комиссий при всякой возможности должны проверять, как воспитанники носят одежду, как ее берегут и чистят. Такую работу необходимо систематически вести и в школах. Надо учить ребят культуре носки и бережливости.

В каждом отряде обязательно должны быть одежная и сапожная щетки и регулярно выдаваться мазь. Ботинки необходимо чистить, они всегда должны блестеть. Воспитанникам надлежит разъяснять, что это необходимо для красоты и для сохранения обуви. Всегда должна быть вычищена и одежда. При первой возможности надо оборудовать учреждение пылесосами.

Постоянно нужно требовать, чтобы одеяла вытряхивались или чистились пылесосом один раз в шестидневку. Матрацы и подушки должны проветриваться не реже одного раза в месяц все сразу, для этого должен назначаться по приказу общий день.

При первой возможности необходимо переходить на тюфяки, набитые морской травой или волосом.

Командир и его помощник, а также весь отряд в целом обязаны заботиться и отвечать за целостность и сохранность всех вещей, находящихся в его распоряжении: кроватей, матрацев, стульев, этажерок, книг и т. п. Хозяйственная часть и хозяйственная комиссия должны иметь точные инвентарные списки по каждому отряду и всегда проверять, в каком состоянии находятся вещи, привлекая к ответственности воспитанников, виновных в их порче, а если виновные не установлены, весь отряд или его командира.

Это легко провести в учреждениях с интернатами по отношению к помещениям, принадлежащим определенным отрядам или спальням. Но есть много помещений, которыми пользуются все воспитанники: классы, клубы, столовая, лестницы, коридоры, кухня, уборные, проходы и т. п. Культурное состояние этих помещений и охрана имущества в них приобретают

особое значение в школах, но здесь с такой же точностью должна быть организована забота всего коллектива и об этих помещениях и о находящихся в них предметах.

Рекомендуется такая система:

1. Все общие помещения распределяются между отрядами или классами, которые и считаются их хозяевами и хранителями. Один отряд получает клуб, другой — коридор, третий — столовую, четвертый — кабинет, пятый — лестницу. Распределение производится в совете командиров. Желательно, чтобы перераспределение помещений не производилось часто. В коммуне им. Ф. Э. Дзержинского оно производилось один раз в год. Распределение — это довольно трудное дело, так как не легко точно определить относительную сложность работы.

В особенности могут быть недовольны те отряды, которые получают уборные (между тем, для того чтобы приучить к полной опрятности в местах общего пользования, в уборных, уборка в них должна производиться всеми воспитанниками по очереди; состояние уборных также определяет культурный уровень учреждения). Им ежедневно приходится совершать довольно грязную работу. Однако первый же опыт показывает, как в этом случае должна поступать воспитательная часть.

Так как отряды никогда не имеют одинакового числа воспитанников, то распределение надо производить так, чтобы сохранялась пропорциональность величины работы и величины отряда, с учетом трудности работы или ее непривлекательности. Поэтому самому большому отряду должно быть предложено самое большое помещение, но может быть предложена замена на уборную⁴.

2. Каждое помещение находится на ответственности отряда. Утром отряд убирает это помещение, для чего в его распоряжении должны быть соответствующие приспособления, смотря по характеру помещения: ведра, тряпки, метлы, пыльные тряпки и т. п. Отряд производит уборку помещения либо в порядке аврала, либо назначая на неделю или на каждый день очередных уборщиков.

Руководству не нужно вмешиваться в этот порядок очередных дежурств. За производство уборки и за чистоту в помещении отвечать должен не очередной дежурный, а отряд в целом, собственно говоря, его командир. Уборка всех таких помещений должна проверяться немедленно дежурным членом санкомиссии.

Но уборка не является единственной обязанностью отряда по отношению к данному помещению. В течение целого дня отряд должен следить за чистотой и порядком в данном помещении, за целостью имущества, время от времени производить в помещении генеральную уборку: мыть окна и двери, снимать пыль с ламп и абажуров, заботиться о ремонте мебели, рам, портретов, зеркал.

3. Вообще в коллективе необходимо воспитывать такой порядок, при котором делом чести становится сбережение имущества учреждения. В отрядной работе по сохранению и уходу за имуществом тоже должно вестись соревнование постоянного типа с периодическим небольшим премированием.

4. Особенное внимание воспитательная часть должна уделить работе хозяйственной комиссии.

Хозяйственная комиссия вместе с заведующим хозяйством и руководи-

телем учебно-воспитательной части должна входить в курс решительно всех вопросов материальной жизни детского учреждения, а именно:

а) приобретение и ремонт мебели, портретов, гардин, дорожек, цветов. Организация столовой, покупка и использование клеенок, скатертей;

б) украшение помещений;

в) шитье одежды и ее распределение.

5. На заботе хозяйственной комиссии, так же как и санитарной, лежит наблюдение за чистотой и организацией уборки. Необходимо также организовать систему входов в помещения. Их не должно быть много, чтобы меньшим количеством путей наносились в здание грязь и пыль. Лишние открытые двери надо закрыть. На главном входе должен быть всегда дневальный, на обязанности которого лежит предлагать входящим вытирать ноги. Для этого в сырую погоду при входе должны быть сухие тряпки, а в сухую — влажные тряпки. Надо приучать входящих вытирать ноги всегда, несмотря на кажущуюся чистоту обуви.

6. Совершенно особую работу для хозяйственной комиссии составляет руководство кухней и столовой, что, впрочем, не представляет особенных трудностей. Как правило, желательно, чтобы в столовой раздавали наемные подавальщицы. Чрезмерное увлечение так называемым самообслуживанием в этом деле приносит только вред: дети бьют много посуды, не умеют подавать еду, делают это неряшливо, вызывают различные справедливые протесты у брезгливых воспитанников, наконец, просто нарушают порядок выдачи пищи, так как таким подавальщикам самим приходится принимать пищу после всех, а это вызывает различные злоупотребления.

Гораздо более важным вопросом, чем сохранение такого самообслуживания, является поведение воспитанников за столом.

Воспитательная часть должна приучать воспитанников входить в столовую без шума, без опозданий, знать свое место и точно его занимать. Не надо требовать в столовой абсолютной тишины, но нужно всегда бороться с шумом и с отдельными выкриками. Необходимо приучать воспитанников есть аккуратно и красиво, без громкого проглатывания и жевания, без жадности, пользоваться правильно ложкой, ножом, вилкой. Совершенно недопустимо, чтобы воспитанники набрасывали на стол объедки, оставляли недоеденные куски хлеба, разливали на скатерть и сорили на пол во время еды. Культура еды — это очень важная область общей культуры человека, ее надо настойчиво воспитывать.

Необходимо строго требовать, чтобы в столовую все сходились не больше, чем через 10 минут после сигнала, но никогда не нужно в столовую входить строем. Это связывает воспитанников и не позволяет им пользоваться вообще свободой, располагать своим временем. Воспитанник должен в порядке войти в столовую не потому, что он связан строем, а потому, что он уже понимает необходимость режима и точности. Тем более нежелательно употребление в столовой разных команд: «Садись!» и т. д. Постоянная команда и строй, привычка к фронтальной стойке лишают той свободной грации, элегантности, которая необходима человеку, даже военному, в быту и в жизни.

7. Иногда затрудняет наших работников, как быть с плевательницами и сорными ящиками. Сорные ящики должны стоять во всех помещениях, где часто бывают воспитанники, особенно во дворе, в саду, в парке. Воспи-

танники должны приучаться бросать бумажки, окурки и т. д. только в сорный ящик. Плевательницы нужны в спальнях и в больничке, в других помещениях они нежелательны. Сплошь и рядом бывает, что плевательницы просто обозначают те места, где можно плевать, поэтому стены и углы в этих местах заплеваны. Гораздо целесообразнее следить, чтобы воспитанники имели носовые платки и правильно ими пользовались. Ребятам нужно приучать к тому, что для человека здорового плевать вовсе не обязательно, что привычка плевать — просто плохая привычка либо признак больного человека. А очищать нос нужно обязательно при помощи носовых платков. Платок должен быть чистым, за этим необходимо следить.

Некоторые сотрудники часто и сами обходятся без носовых платков и убеждены, что носовой платок — вообще роскошь. Снабжение всех воспитанников носовыми платками вовсе не требует больших расходов.

Необходимо только приучать воспитанников к тому, что носовой платок должен употребляться только по своему назначению.

12. Новые воспитанники

Новые воспитанники должны пользоваться особым вниманием и руководства учреждения, и коллектива воспитанников. На общих собраниях, заседаниях органов самоуправления, в отдельных беседах, в частных разговорах необходимо всегда побуждать коллектив к внимательному отношению к новым. От всего персонала также нужно настойчиво требовать, чтобы в каждом случае соприкосновения с новичками персонал понимал, какие лежат на нем задачи и какое важное значение имеют для воспитанников первые дни пребывания их в учреждении. Впечатления первых часов и дней в учреждении надолго, а иногда и навсегда определяют отношение воспитанника к учреждению, а следовательно, его поведение и процесс воспитания в целом.

Если новые воспитанники поступают целой группой, то порядок их приема должен быть продуман и подготовлен руководством, педагогическим коллективом и советом командиров во всех мелочах и до конца. Общие указания в данном случае сводятся к тому, чтобы с первого момента дать почувствовать новеньким организационную силу и требование коллектива и таким образом в самом начале ориентировать их в необходимом поведении. Прием должен проходить в сдержанном, приветливом и дружественном тоне. Эти общие положения одинаково относятся ко всем типам учреждений.

В детском учреждении интернатного типа прием воспитанников должен происходить только в том случае, если есть свободные места. Ни в коем случае нельзя допускать, чтобы вновь прибывший воспитанник не имел отдельной постели, помещался бы где-нибудь на скамье или даже на полу.

Точно так же недопустимо, чтобы вновь прибывший укладывался в одну постель со старым воспитанником, так как такой порядок не только ставит новенького в тяжелое положение, но и вызывает естественный протест других, и часто эти протесты принимают формы неприязни к новенькому, чрезвычайно осложняющей его освоение.

Администрации надлежит знать точно, сколько имеется свободных мест, и принимать решительные меры к тому, чтобы эти места были обеспечены

кроватьями и постельным бельем, свободным местом в столовой, чтобы были в запасе одежда и обувь.

Все эти предметы заранее готовятся и в том случае, если нет свободных мест, но предвидится прием воспитанников сверх комплекта. В таком случае заранее необходимо наметить место, на которое будет поставлена дополнительная кровать. Кроме этих мер надо принять и другие меры, по возможности сокращающие процедуру приема.

Каждый новичок по прибытии в учреждение должен быть представлен руководителю учебно-воспитательной части или лицу, его заменяющему. Отметив коротко его прибытие в общей системе документации, после самой короткой беседы новенького немедленно направляют к врачу, в баню, в одежную кладовую и к командиру того отряда, в который назначается прибывший.

Последовательное проведение прибывшего по всем указанным пунктам поручается отдельному лицу, каковым может быть или дежурный по учреждению, или командир хозотряда, или специальное лицо по приему новеньких; кто именно это делает — решает для себя каждое учреждение.

Ни в коем случае новенький не может помещаться в общую спальню до осмотра врачом и купания.

Какой бы то ни было подробный опрос новенького и заполнение анкет и вопросников в день прибытия должны быть прямо запрещены. Для новичка и дорога и новое место составляют нервную нагрузку. Желательно, чтобы в течение первых двух дней по прибытии новенький только осматривал учреждение, знакомился с товарищами. Очень хорошо, если в этом ознакомлении ему помогут.

Дня через два можно уже приступить к составлению разных документов, к определению образовательной подготовки новичка, его общего характера и т. п. На третий или четвертый день новичка необходимо направить в соответствующую школьную группу и допустить к работе.

Важным вопросом является, в какой первичный коллектив помещается новенький. Может быть два решения вопроса: 1) создаются специальные отряды новеньких, 2) новички распределяются по одному, по два человека в существующие крепкие отряды.

Первый порядок размещения новеньких применим только в численно больших трудовых детских коммунах, колониях и детских домах. В этих учреждениях первичные коллективы являются производственными отрядами, помещение новенького в эти отряды означает одновременно и назначение на рабочее место, а это не всегда возможно и желательно.

Назначение на рабочее место в постоянном, технически оборудованном производстве должно рассматриваться как особая честь и заслуга, которых надо добиваться и к которым нужно прийти через стадию простого труда.

Наконец, не всякий новенький может разобратся в непривычных для него условиях производства и выбрать для себя рабочее место. Ему нужно присмотреться и познакомиться с общей трудовой обстановкой в учреждении.

Поэтому предлагается нового воспитанника помещать в специальные хозяйственные отряды. Они состояются из новичков, но во главе их должна быть верхушка старых членов коллектива, наиболее выдержанных, способных и специально подготовленных для работы с новичками.

На 500 человек должны быть два таких отряда по 15 человек каждый. Они так же, как и все остальные отряды, имеют свои спальни и работают определенное количество часов, но исключительно на работах неквалифицированных, каковыми являются: уборка двора, уборка помещения, подноска материалов и деталей, работа на кухне, работа на огороде и погребе, подвозка или подноска воды, колка или пилка дров, уборка угля, обслуживание автотранспорта, уборка в производственных цехах, прочистка дорожек, другие земляные работы, простая работа на строительстве и пр.

Места, освобождающиеся в постоянных производственных отрядах, пополняются не новенькими, а лучшими из членов хозяйственного отряда.

К отрядам новичков необходимо прикреплять лучших воспитанников, имеющих большой стаж работы и пользующихся авторитетом среди воспитанников. Во главе отрядов новичков (хозяйственных) должны стоять лучшие члены коллектива. В каждом коллективе есть воспитанники, имеющие склонность к учебе, к чтению книг, к литературной деятельности или художественной. Такие воспитанники очень часто в течение ряда лет получают хорошую квалификацию на производстве, но они не стремятся использовать эту квалификацию. Часто они имеют хорошие способности и куда-нибудь готовятся. Такие воспитанники являются лучшими руководителями отрядов новичков.

Необходимо, чтобы эти командиры работали не на производстве, а вместе с членами своих отрядов на хозяйственной работе. Эта совместная работа старших членов коллектива с новенькими чрезвычайно полезна, так как она обеспечивает:

- а) лучшую работу воспитанников и большую охоту их к работе;
- б) делает хозяйственную работу в глазах новичков более почетной и ликвидирует презрительное отношение к ней;
- в) повышает в глазах всего коллектива внимание к новым;
- г) позволяет лучше изучать новичков, скорее втягивает их в общий коллектив;
- д) сближает командира с членами своего отряда.

Роль командира отряда новеньких должна считаться особенно почетной. Командиров этих следует возможно чаще премировать, а их зарплату приравнять к зарплате по высокой квалификации.

Специальные отряды новых воспитанников (хозяйственные) требуют пристального педагогического внимания и руководства, так как всегда есть опасность некоторого обособления новичков и замедленной их ассимиляции в коллективе. Между тем чем скорее новые воспитанники почувствуют себя членами коллектива, тем лучше, поэтому необходимо вовлекать их во все виды коллективной деятельности и не задерживать в хозотряде. Хозотряд должен рассматриваться как краткий этап, и чем короче, тем лучше.

Другой порядок состоит в распределении новичков по разным отрядам. Он имеет то преимущество, что новые сразу попадают в сильные первичные коллективы, под перекрестное влияние и наблюдение дисциплинированных и воспитанных ребят, но для этого необходимо, чтобы в учреждении был хорошо организованный коллектив. В коммуне им. Дзержинского именно такой порядок размещения новичков.

По какому бы принципу ни были размещены новички, о них надо проявлять специальную длительную заботу.

Командир отряда и прикрепленный к отряду воспитатель в течение первой декады пребывания воспитанника в учреждении должны провести с ним несколько бесед на такие темы:

Положения об учреждении и правила, касающиеся прав и обязанностей воспитанников; их движение к званию члена коллектива, правила работы на производстве, зарплата, выпуск, перспективы получения образования и квалификации, закон самоуправления.

Правила внутреннего распорядка, порядка дня, получения одежды, мыла, умывания, бани. Правила получения отпусков. Пользование библиотекой, клубными организациями, обязательное продолжение школьного образования и посещение школы.

Основные указания в области поведения. Отношение к старшим и младшим. Общие положения производственной, школьной и бытовой дисциплины. Правила разрешения конфликтов. Предпочтение интересов коллектива интересам личным. Отношение к женщинам. Недопустимость бранных, грубых и вульгарных слов. Культурное пользование столовой. Поддержание чистоты в помещениях и во дворе. Аккуратное отношение к одежде. Пользование носовым платком, уборной.

Часть таких бесед обязательно должна быть проведена руководителем учебно-воспитательной части.

Все эти беседы непременно должны сопровождаться наблюдением над тем, как практически усвоены воспитанниками основные положения и требования, насколько они принимаются к исполнению, насколько активно воспитанники со своей стороны готовы поддерживать все правила учреждения. При этом в порядке практического руководства и командира и воспитатели во время замечаний и указаний должны всегда сохранять серьезный тон, не допуская никакого беспринципного фамильярничания, не подыгрываясь к новичкам, не потрафляя их наклонностям и вкусам, не уступая ни одной принципиальной позиции. В глазах новичков их руководители должны быть всегда более культурными людьми, более знающими, более опытными и политически развитыми, они ни в коем случае не должны снижать своей культурной высоты, а, наоборот, стараться возможно скорее поднять на более высокий уровень других.

Оставаясь всегда товарищами, старшие руководители новичков ни в каком случае не должны проявлять непротивление хулиганству, демонстративному отказу подчиниться правилам учреждения, попыткам антиколлективного, антисоциального характера.

По отношению к новому воспитаннику, демонстративно и сознательно нарушающему законы учреждения и коллектива, должны быть приняты самые решительные и резкие меры общего порядка. В этом случае не должны быть допускаемы никакие личные беседы и уговоры, убеждения и просьбы. Но это вовсе не значит, что мы будем надеяться только на внешние меры дисциплинарного взыскания. Внешнее дисциплинарное взыскание только показывает новичку, что коллектив решительно борется с такими нарушениями, что коллектив сильнее его, что он не уступит.

Но наряду с внешней дисциплинарной мерой необходимо и логическое убеждение, только оно должно выражаться в форме коллективного высказывания во время разбора дела на общем собрании отряда, всех членов коллектива или в совете командиров. Логическое убеждение и в этом случае

должно принимать форму не личного обращения к нарушителю, а обращения к коллективу, форму протеста, форму аргументации требуемого дисциплинарного взыскания. При этом желательно вообще, чтобы в своих высказываниях отдельные члены коллектива требовали гораздо более решительных мер, чем это педагогически желательно, чтобы окончательное постановление было более мягко, чем многие предложения.

Именно в этой форме коллективного реагирования коллектив является не только объектом, но и субъектом воспитания, так как в этой форме он проходит опыт активной защиты своих интересов.

Придавая большое значение процессам коллективного опыта, руководство каждого учреждения должно принимать все меры к тому, чтобы масса новичков активизировалась, выделялись отдельные воспитанники, высказывались многие.

Подготовка общих собраний, обработка отдельных выступлений, организация общественного мнения должны составлять главную работу педагогического коллектива, комсомольской организации и старших членов коллектива воспитанников. Такая работа должна проводиться на каждом шагу: в спальнях, в личных беседах, во время случайных встреч. Она не должна, конечно, принимать формы морализирования, разговоров о том, что вообще хорошо, а что вообще плохо, а всегда ссылаться на общий ход нашей революции, на борьбу и усилия нашей страны, на ее строительство и достижения, на примеры героизма, самоотверженности и самоотречения (челюскинцы, Герои Советского Союза, завоевание стратосферы), на военную опасность, на будущее нашей страны. Как правило, можно рекомендовать: если в процессе наложения дисциплинарной меры виновный показывает проблески сознания и понимания, если он выражает готовность подчиниться коллективу, наказание должно быть значительно мягче.

13. Культработа

В каждой отрасли культработы есть своя методика, которая должна быть известна руководителям-специалистам. Здесь говорится только о тех общих принципах организации культработы, которые нужно иметь в виду в детских учреждениях.

Эти положения следующие:

1. Распределение ребят по кружкам и клубным организациям должно быть совершенно добровольным, с правом выхода из кружка в любое время. Однако и в кружках должна быть дисциплина, нельзя допускать текучести состава. Так, например, в оркестр можно вступать добровольно, но выход из оркестра должен быть ограничен. В противном случае никогда не создастся хороший оркестр. В особенности часто бывают конфликты с такими специалистами, как барабанщики или басисты. Ребята часто охотно идут на эти инструменты, но, увидев, что никакой особенной музыкальной науки здесь получить нельзя, стремятся уйти из оркестра.

В таких случаях нужно при вступлении в оркестр объяснить ребятам, что в оркестре вся ценность в ансамбле, что оркестр важен не только как возможность получить музыкальную квалификацию, но и как серьезный орган в самом коллективе.

Вступая в оркестр, каждый воспитанник должен дать подписку, что он

будет играть в нем определенное время, а о своем выходе из оркестра должен заявить не меньше как за три месяца, чтобы можно было подготовить уходящему замену.

Некоторые ограничения в вопросе выхода должны быть и в драматическом кружке и в хоре. Члены этих кружков не должны выходить из них до окончания постановки или концерта, к которому они готовятся.

Эти дисциплинарные ограничения должны быть утверждены общим собранием, и за нарушение их отдельные воспитанники должны отвечать как за нарушение общей дисциплины.

2. В больших учреждениях организация внешкольной и клубной работы должна быть поручена штатному работнику-специалисту.

3. Каждый кружок должен иметь ответственного руководителя, знакомого с этим видом работы. Если руководят кружками педагоги этого же учреждения, то желательно, чтобы педагог имел не больше одного кружка и получал за эту дополнительную работу известную денежную компенсацию.

4. Можно рекомендовать такие кружки:

хоровой,
драматический,
литературный русский,
литературный национальный,
музыкальный духовой,
музыкальный струнный,
музыкальный шумовой,
художественный,
свободной мастерской,
танцевальный,
фото,
естествоиспытательный,
радио,
физико-химический,
иностранных языков,
спортивный,
сказок,
шахматный и шашечный.

Приступая к организации кружков, следует руководствоваться правилом: лучше меньше кружков, но с настоящей работой.

5. Желательно, чтобы каждый кружок имел по возможности свою комнату.

Однако нужно наблюдать, чтобы эта комната не сделалась просто местом бездельничанья, уединения отдельных групп воспитанников, уклоняющихся от общественной работы. Поэтому всегда нужно следить за работой кружков и за их составом.

6. Ни один кружок не перестанет действовать, если руководство учреждения проявляет заботу о кружке.

Забота эта должна заключаться в следующем:

помещение,
руководитель,
инструменты,
материалы,

посещение рабочих занятий кружка,
информация о работе кружка в печати учреждения.

Обязательный общественный отчет каждого кружка в форме постановок, концертов, фотогазет, выставок, докладов.

Официальный отчет каждого кружка в совете коллектива.

Общее соревнование между всеми кружками по определенным показателям, выработанным в совете коллектива, при специальной проверочной тройке, выделенной советом.

В коммуне им. Дзержинского избирается конкурсное бюро по вопросам арбитража, премий, очередности показа и организации конкурсов.

Премирование лучших кружков инструментами, материалами, поездками и отдельных выдающихся членов кружка, по представлению самих кружков, небольшими специальными подарками.

Необходимо следить за тем, как вовлечены воспитанники в работу кружков, какие обстоятельства мешают отдельным воспитанникам войти в кружковую работу, и стремиться уничтожить эти причины. Очень часто бывает, что старшие воспитанники неохотно принимают в кружки новых членов, стараются ограничить их состав определенной крепкой группой. Этого нельзя допускать.

Втягивая отсталых членов кружка в работу, необходимо внимательно следить и за теми воспитанниками, которые записались в несколько кружков и не работают, а только мешают. Это ребята, обычно склонные к верхоглядству и почти всегда ленивые. Постановлением совета нужно ограничить право участия воспитанников двумя кружками.

7. Ни один кружок не должен иметь никаких привилегий и ни в каком случае не продавать самостоятельно свою продукцию кому бы то ни было за деньги.

Такая продажа может быть допущена администрацией только в единственном случае, когда заработок поступает на улучшение работы самого кружка, на покупку материалов и пр.

Особенно осторожно следует действовать по отношению к оркестру. Приходится слышать возражения, что музыканты тратят много времени и поэтому надо освободить их от производственной и общественной работы, дать отдельные спальни, командировать иногда на платную игру, заключать с ними специальные условия.

В некоторых учреждениях приходится наблюдать такую «оркестровую аристократию», расхаживающую в особых костюмах, презирающую остальных воспитанников и производственную работу. Этому порядку сочувствуют даже некоторые начальники, отправляют оркестр в летние месяцы на курорты, где музыканты подрабатывают игрой в садах и парках.

Такая «политика» является худшей формой разложения и коллектива и отдельных воспитанников, из которых, в лучшем случае, воспитываются обыкновенные и невежественные халтурщики.

Что без этого метода можно обойтись, лучше всего доказывает оркестр коммуны им. Ф. Э. Дзержинского, который за восемь лет работы не заработал ни одной копейки, не пользуется никакими привилегиями и, несмотря на это, является одним из лучших оркестров в Харькове.

Оркестр должен твердо знать, что исключительная его привилегия в том и заключается, что музыканты учатся играть и приобретают добавоч-

ную квалификацию. Во всем остальном они являются обыкновенными воспитанниками, принимают вместе со всеми одинаковое участие в работе, учатся в школе, несут все коммунальные обязанности, дежурства и т. п. Гордость оркестра должна состоять в том, что он служит прежде всего коллективу воспитанников, помогает ему веселее и красивее жить.

Вне учреждения оркестр может играть только по наряду руководства или совета командиров, обязательно бесплатно, в порядке пролетарской помощи отдельным организациям. По возможности, конечно, оркестр не нужно затруднять такими командировками, тем более нужно решительно отказать всем организациям, кроме самых родственных и близких, в проходах покойников и не давать оркестр в дни праздников, когда оркестр прежде всего нужен своему коллективу.

Вообще оркестр должен быть в полном подчинении у совета коллектива и выполнять все его распоряжения беспрекословно, показывая всем остальным воспитанникам образец дисциплины.

Только в исключительных случаях оркестру нужно уделять особенное внимание: если все едут, оркестр должен ехать в первую очередь; во время походов нужно помогать музыкантам нести тяжелые трубы, иногда оркестру нужно объявить благодарность за хорошую работу и премировать.

Во время воскресников и авральных работ оркестр может не работать, а играть для работающих.

Хороший собственный духовой оркестр в коллективе имеет громадное воспитывающее, объединяющее и украшающее значение. Руководству каждого крупного детского учреждения следует настойчиво рекомендовать организацию оркестра, — затраченные средства и усилия вполне будут оправданы результатами воспитания коллектива, и прежде всего эстетического воспитания.

8. С в о б о д н а я м а с т е р с к а я. Такая организация представляет большой интерес. Она устраивается так: отводится большой зал производственного типа, теплый и светлый, приглашается специальный инструктор. Начинать можно с небольшого. В зале помещается несколько станков, хотя бы и старых, самого разнообразного типа: токарный, сверлильный, несколько верстаков, подмостков, тисков.

Главное не станки, а инструменты. Инструменты должны быть самые разнообразные: по дереву, по металлу, иголки, пилы, ножики, в особенности разнообразен должен быть материал: дерево, сталь, железо, жель, олово, стекло, вата, клей, гипс, картон, проволока, бумага, уголь, краски, полотно.

Кружок должен быть крепко связан взаимными обязательствами. Каждый обязуется работать, беречь кружковое добро и соблюдать дисциплину. Каждый может делать, что он хочет: модель, паровую машину, самолет, игрушку, вырезать из дерева. О своих планах он должен доложить кружку, и кружок должен утвердить его намерение. Только в таком случае он получает материал и помощь инструктора.

Такая мастерская привлекает большей частью малышей, которые еще не доросли до более серьезных кружков и у которых всегда имеются конструкторские мечты и способности. Руководство учреждения должно всеми силами помогать такому кружку, давать небольшие деньги и материалы, представлять всякие остатки производства, обрезки и износившийся инструмент.

Работа такого кружка должна заканчиваться выставкой.

9. Особый вид клубной работы представляет ребусник. Для этого организуется тоже кружок. Он подбирает — из разных областей науки, жизни, истории, географии, практики производства — задачи, шутки, вопросы, ребусы, чертежи и все это в более или менее художественном виде изображает на большом картоне. Отвечать на вопросы могут все воспитанники в письменном виде. За каждую задачу, как за решение, так и за предложение, назначается некоторое количество очков. Ребусник выпускается в течение зимы несколькими сериями. К весне подсчитывается, сколько кто получил очков, и в зависимости от этого назначаются небольшие премии, которые и раздаются на специальном общем собрании.

Такой ребусник при удаче и хорошем оформлении втягивает сотни воспитанников и приносит большую пользу. Полные указания и готовые образцы ребусников можно получить в коммуне им. Дзержинского⁵.

Внешкольную и кружковую работу необходимо организовать таким образом, чтобы занять воспитанников в свободное время, и особенно в воскресные и праздничные дни.

14. Перспектива

Истинным стимулом человеческой жизни является завтрашняя радость⁶. В педагогической технике эта завтрашняя радость является одним из важнейших объектов работы. Сначала нужно организовать самую радость, вызвать ее к жизни и поставить как реальность. Во-вторых, нужно настойчиво претворить более простые виды радости в более сложные и человечески значительные. Здесь проходит интересная линия: от простейшего примитивного удовлетворения до глубочайшего чувства долга.

Самое важное, что мы привыкли ценить в человеке, — это сила и красота. И то и другое определяется в человеке исключительно по типу его отношения к перспективе. Человек, определяющий свое поведение самой близкой перспективой, есть человек самый слабый. Если он удовлетворяется только перспективой своей собственной, хотя бы и далекой, он может представляться сильным, но он не вызывает у нас ощущения красоты личности и ее настоящей ценности. Чем шире коллектив, перспективы которого являются для человека перспективами личными, тем человек красивее и выше.

Воспитать человека — значит воспитать у него перспективные пути. Методика этой работы заключается в организации новых перспектив, в использовании уже имеющихся, в постепенной подстановке более ценных.

Начинать можно и с хорошего обеда, и с похода в цирк, но надо всегда возбуждать к жизни и постепенно расширять перспективы целого коллектива, доводить их до перспектив всего Союза.

Неудачи многих детских учреждений, детских домов и колоний зависят от слабости и неясности перспективы. Даже хорошо оборудованные детские учреждения, если они этого не организуют, не добьются хорошей работы и дисциплины.

Завтрашний день должен казаться обязательно лучше сегодняшнего в детском коллективе, состоящем из людей, еще не способных надолго вперед располагать свои стремления и интересы. Чем старше возраст, тем дальше отодвигается обязательная грань ближайшей оптимистической перспективы. У юноши 15—16 лет близкая перспектива уже не имеет такого большого значения, как у подростка в 12—13 лет. У взрослого человека вполне достаточным бывает наличие только далекой перспективы, в зависимости от сознания и политического развития данной личности.

В развитии нашего воспитательного процесса одной из самых существенных задач является переход от более близких к более далеким удовлетворениям. Однако эта задача в области перспективы еще недостаточна и принципиально ничем не отличает нашу педагогику от педагогики буржуазной. Наша работа в области перспективы заключается еще и в том, что мы все должны воспитывать коллективные линии устремлений, а не только личные. Человек, у которого коллективная перспектива преобладает над личной, является уже человеком советского типа.

Наконец, наша задача — в гармонировании личных и коллективных перспективных линий с таким расчетом, чтобы у нашего воспитанника не было никакого ощущения противоречия между ними.

Благодаря такой сложности работа в этой области приобретает весьма важное значение и в области собственно воспитания делается самой важной.

Организация близкой перспективы должна, конечно, начинаться с личных линий. Первая стадия этой работы является необходимо обязательной в каждом упорядоченном учреждении. Оборудованные помещения и классы, теплые комнаты, удовлетворительная пища, чистая постель, полная защищенность ребенка от произвола и самодурства старших, приветливый, простой тон отношений представляют тот необходимый перспективный минимум, без которого вообще трудно представить себе правильную воспитательную работу.

Однако мы должны считаться с тем обстоятельством, что бывают ребята, у которых выработанные привычки к ближайшим перспективам иного типа: показать свою силу над слабейшими товарищами, демонстративно грубо относиться к девушкам, рассказать скверный анекдот; материальные приобретения в форме кражи, вино — являются тоже стремлениями, расположенными на линии ближайшей перспективы. Для таких ребят сплошь и рядом упорядоченная жизнь детского учреждения не является чем-то настолько притягательным, что привычные стремления могут забыться. Поиграть в карты, выпить, поиздеваться над другими можно и в самых комфортабельных бытовых условиях.

Поэтому в молодом коллективе всегда может происходить борьба между старыми и новыми перспективными линиями. Именно в это время должно уделить самое большое внимание делу организации близкой перспективы. Кино, концерты, вечера, работа клубных кружков, вечера чтения и самодеятельности, прогулки и экскурсии должны оттеснять примитивные типы «приятного» времяпрепровождения.

Однако было бы большой ошибкой строить близкую перспективу только на принципе приятного, даже если в этом приятном есть элементы полезного.

Таким путем мы приучим ребят к совершенно недопустимому эпикуреизму.

С самых первых дней близкая перспектива должна уже строиться по коллективному плану. Ребята большей частью отличаются активностью, довольно заметным самолюбием, стремлением выделяться из толпы, стремлением к преобладанию.

Надо опереться именно на эти динамические стороны характера и направлять интересы воспитанников в сторону более ценных удовлетворений.

Перспективные линии имеют интересную особенность. Они привлекают внимание человека общим видом удовлетворения, но это удовлетворение еще не существующее. По мере движения к нему возникают новые завтрашние планы, тем более притягательные, чем более усилий вложено на преодоление различных препятствий.

Надо дать возможность детям стремиться именно к таким удовлетворениям, которые требуют некоторого приложения труда. Если во дворе грязно, естественно, возникает представление о том, что нужно делать самую примитивную дорожку, и тогда по двору будет проходить приятно. Но когда начинается работа по проведению примитивной дорожки, возникает новый идеал — сделать дорожку более капитальную. Начинается очень сложная работа, требующая больших усилий. Целые группы ребят вовлекаются в эту работу, она занимает несколько дней. Воспитатель в этом случае может наблюдать, как первоначальная простая перспектива удобной дорожки заменяется более ценной перспективой выполнения как можно лучше трудовой задачи.

Если ребятам предложить устройство будущего катка, они с жаром примутся за работу, увлеченные очень простой и неценной перспективой развлечения. Но в процессе работы, когда возникнут отдельные интересные частности задачи: грелка, скамейка, освещение и т. д., эта перспектива приятного постепенно заменяется более ценным видом стремлений и трудового успеха. Это будет у всех. А у некоторых в процессе этой работы возникают дополнительные линии близкой перспективы: организационные находки, усилия распорядителя.

Когда коллектив сживается в дружную семью, уже один образ коллективной работы захватывает как приятная близкая перспектива.

Одна из важнейших задач руководства детского учреждения — организовать такую близкую перспективу, т. е. общее стремление к завтрашнему дню, наполненному коллективным усилием и коллективным успехом. В особенности много возможностей в этом направлении можно найти в школьной и производственной работе. Работа в цехе не должна быть цепью скучных однообразных процедур. Перед каждым цехом, перед каждой группой станков всегда должна стоять почетная задача, захватывающая всех и своим значением в процессе развития учреждения, и своим техническим интересом, и прямой пользой в приобретении навыков отдельным воспитанником. Если в учреждении создается такое настроение, воспитанники утром встают, уже увлеченные радостной перспективой сегодняшнего дня.

Надо, чтобы производственные планы, производственные трудности были известны всему коллективу, а для этого необходимо социалистиче-

ское соревнование. Если даже производство еще плохо налажено, мало станков, плохой инструмент, коллектив должен быть мобилизован на борьбу за лучшее производство. Ему должно быть известно, какие станки и где покупаются, когда они будут привезены, где поставлены, когда будет происходить назначение воспитанников к этим станкам.

Так же точно надо располагать перспективные линии и в школе и в клубе. Воспитанник, выучивший урок, просыпается всегда с хорошей перспективой. Вот почему важно помочь ему этот урок выучить. С такой же радостной мыслью о завтрашнем дне живет и член драмкружка, участвующий в пьесе, и член редколлегии, если у него удастся газета.

Жизнь коллектива должна быть наполнена радостью именно в этом смысле, не радостью простого развлечения и удовлетворения сейчас, немедленно, а радостью трудовых напряжений и успехов завтрашнего дня.

Работа по организации близкой перспективы должна проводиться регулярно в самых разнообразных формах. Работа эта очень легкая и интересная и никаких особенных хитростей не представляет. Достаточно, например, объявить, что через две недели будет происходить футбольный матч между командой данного учреждения и какой-нибудь соседней командой, чтобы у коллектива уже повысился оптимизм перспективного чувства.

Само собой разумеется, что игра перспективных линий только тогда будет действительна, если вы на самом деле заботитесь о коллективе, если вы на самом деле стараетесь сделать его жизнь более радостной, если вы не обманываете коллектив, показывая ему заманчивые перспективы, которые потом оказываются несуществующими. Всякая, даже небольшая, радость, стоящая перед коллективом впереди, делает его более крепким, дружным, бодрым. Иногда нужно поставить перед ним и тяжелую достойную задачу, а иногда бывает нужно дать им самое простое детское удовольствие: через неделю на обед будет мороженое.

Средняя перспектива

Средняя перспектива заключается в проекте коллективного события, несколько отодвинутого во времени. Это совершенно необходимо. Даже взрослый человек всегда имеет в некотором отдалении группы более или менее приятных событий: отпуск, поездка на курорт, повышение в звании и т. д. Для детей это еще более необходимо.

Таких событий не должно быть очень много. В октябре 1935 г. в коммуне им. Дзержинского было сказано: вы — одно из лучших учреждений. 1 Мая 1936 г. коммуна выедет в Киев, будет участвовать в киевской городской демонстрации, отсалютует нашему правительству.

Руководство коммуны уже не закрывало вида на эту линию. 1 Мая 1936 г. должно стоять перед коллективом как большой радостный праздник, все должны задолго готовиться, у каждого коммунара он должен стоять впереди.

Этот первомайский поход только в том случае будет воспитательно полезным, если он ощущается в течение всей зимы, в каждый рабочий день коллектива, усиливая и украшая всякую близкую перспективу.

На линии средней перспективы могут располагаться: участие в праздничных демонстрациях и всенародных кампаниях, празднование революционных дат, день годовщины открытия детского учреждения и юбилейных дат почетного шефа, имя которого присвоено учреждению, окончание и начало учебного года, выпуск, выход учреждения на первое место, открытие нового цеха, достижение проектного выпуска завода, летний отпуск.

Средняя перспектива будет иметь значение только в том случае, если к этим дням готовятся задолго, если им придается особенное значение, если к их основному содержанию присоединяются самые разнообразные темы: отчеты, прием гостей, премирование, новые помещения и оборудование, результаты годового соревнования.

Подготовка к такому дню (их не должно быть больше 2—3 в году) должна чувствоваться сначала только в форме коллективной мысли, бесед, соображений. Задолго нужно приступить к выбору различных комиссий, в которые привлечь как можно больше воспитанников. Эти комиссии чаще должны делать отчеты перед общим собранием. Полезно, если по поводу проведения такого праздника возникает в коллективе два проекта и весь коллектив занимается разрешением вопроса, какой проект лучше.

Особенно приятным, задолго ожидаемым событием должен явиться летний отпуск. Он должен рассматриваться не только как время отдыха, но главным образом как перспективная точка впереди. Лишение воспитанников отпуска не только потому вредно, что лишает отдыха, а главным образом потому, что отнимает у них радостную перспективу.

Летний отпуск по своему характеру должен соответствовать заслугам коллектива и развитию производства, организации быта и культурной работы. Чем больше достижения коллектива в работе, чем он дальше ушел вперед в организованности и дисциплине, тем более ценный отпуск будет ему предоставлен. Каждый коллектив должен стремиться к тому, чтобы заслуги коллектива были настолько значительны и единодушны, чтобы он в целом заслужил лучшие условия отпуска. Лучший отпуск для коллектива — это лагерь где-нибудь у воды.

Подготовка лагеря, его оборудование, организация столовой, спортивных площадок, встреч, культ- и спортработы должны заранее занимать коллектив.

Д а л е к а я п е р с п е к т и в а

Несмотря на то что каждый воспитанник пребывает в учреждении временно, рано или поздно уйдет из него, будущее учреждения, его более богатая и более культурная жизнь всегда должны стоять перед коллективом как серьезная и высокая цель, освещающая многие частности сегодняшней жизни. Как показал опыт, ребята вовсе не безразлично относятся к далекому будущему своего учреждения, если в учреждении им хорошо и они его любят.

Такая далекая перспектива может увлекать ребят на большие работы и напряжения, может действительно составлять для них радостную перспективу. Это обстоятельство строится на естественном инстинкте каждого воспитанника как члена семьи.

Коллектив учреждения есть расширенная семья, и для каждого члена коллектива будущая судьба учреждения никогда не может быть безразличной. В особенности эта перспектива имеет большое значение, если учреждение не порывает с выпускниками, поддерживает постоянную переписку с ними, приглашает и принимает их во время отпуска в гости.

Воспитание такой перспективы является очень важным этапом в деле широкого политического воспитания, так как служит естественным, практическим переходом к более широкой перспективе — будущему всего нашего Союза.

Будущее Союза, его движение вперед является самой высокой степенью в деле организации перспективных линий; не только знать об этом будущем, не только говорить о нем и читать, но и всеми чувствами переживать движение вперед нашей страны, ее работу, ее успехи. Опасности, друзей и врагов своей Родины должны знать воспитанники советского детского учреждения. Они должны уметь свою собственную жизнь представлять не иначе, как частью настоящего и будущего всего нашего общества.

Для развития этой перспективности мало только изучать Союз и его движение. Надо на каждом шагу показывать воспитанникам, что их работа и жизнь есть часть работы и жизни Союза. Надо показывать им героические и славные советские дни не только в знании, но и в ощущении, в опыте, в труде и напряжении. Очень важно показывать детям революционные кинофильмы, беседовать с ними о значительных событиях в Союзе, сравнивать эти события с событиями в учреждении, принимать в коллективе и беседовать с лучшими людьми в Союзе, переписываться с отдельными лицами, переписываться с другими коллективами детей и взрослых.

На фоне такой широкой советской перспективы всегда легко и удобно располагаются личные перспективы далекого типа отдельных воспитанников. Как только воспитанник детского учреждения начал учебу, в школе и на производстве, его уже интересует его собственное будущее.

Обслуживание этого будущего составляет одну из важнейших задач всякого детского учреждения, и задачу довольно трудную.

15. Стил ь работы с коллективом

Детское учреждение отличается от другого [однотипного] детского учреждения прежде всего своим общим стилем и тоном.

Нормальный тон может быть только один. Прежде всего он должен отличаться явной мажорностью, однако он ни в каком случае не должен иметь характера приподнятой, постоянной бурливости, истерической напряженности, которая всегда неприятно бьет в глаза и которая грозит при первой неудаче сорваться и перейти в разочарование.

Мажор в коллективе должен иметь очень спокойный и крепкий вид. Это прежде всего проявление внутреннего, уверенного спокойствия, уверенности в своих силах, в силах своего коллектива и в своем будущем. Этот крепкий мажор должен принимать вид постоянной бодрости, готовности к действию, однако не к действию простого бега и метушливости, не к беспорядочному действию, а к спокойному, энергичному, но в то же время и экономному движению.

Такая бодрость приобретается только в коллективе, который часто упражняется в исполнении разнообразных задач, но в исполнении не толпой, а организованно, с точным указанием функций отдельных органов и лиц, с точно обозначенной и неременной ответственностью отдельных лиц и всего коллектива.

В общем тоне всегда должно чувствоваться, что отдельные воспитанники и коллектив в целом ощущают свое достоинство трудящихся людей советского производственного коллектива.

Достоинство выражается, с одной стороны, сдержанной вежливостью к человеку незнакомому, приветливой готовностью быть хозяином, если постороннее лицо прибыло в учреждение по делу, и в такой же готовности оказать энергичное сопротивление, если постороннее лицо, не уважая коллектив, нарушает его интересы.

Наличие такого достоинства предполагает умение в воспитанниках ориентироваться быстро по отношению к отдельным лицам и к отдельным явлениям.

Нужно воспитывать у ребят такую способность ориентировки, нужно сообщать им привычку чувствовать, что происходит вокруг, узнавать и определять свое отношение к новому лицу, к постороннему лицу и быстро устанавливать такую линию поведения, которая наиболее соответствовала бы интересам коллектива.

Конечно, никакого достоинства нет у воспитанников, которые окружают толпой каждое только что приехавшее лицо, бродят за ним целой толпой. Никакого достоинства нет и у тех воспитанников, которые новое лицо встречают жалобами на администрацию.

Если даже эти жалобы и несправедливы, все равно они показывают, что воспитательная часть никуда не годится.

Чувство достоинства возникает у воспитанников только тогда, когда учреждение, его жизнь и работа в значительной степени лежат на ответственности детского коллектива, разделенной с руководящим составом. Если организация и положение дел в учреждении являются предметом общего внимания и общих усилий всего коллектива, только тогда каждый, даже незначительный, успех будет рождать и чувство достоинства.

На каждом шагу воспитывая самокритику, возбуждая стремление воспитанников вскрывать недочеты в работе учреждения, даже если для этого приходится критиковать администрацию и отдельных товарищей, должно в то же время воспитывать и гордость, любовь к своему учреждению, желание, чтобы его слава была славой хорошей. Поэтому раскрывать местные неудачи и внутренние трения перед каждым встречным является в коллективе поступком, подлежащим осуждению. Тем более воспитанники должны с достоинством переносить и некоторые лишения и не обращаться с просьбой об удовлетворении их нужд к людям, которых они впервые видят.

Только познакомившись с человеком, узнав, что ему нужно, какое он имеет отношение к учреждению, введя его в общую схему своей работы, воспитанники могут встречать его как друга и пользоваться его помощью.

Такой стиль отношений в учреждении воспитывает чувство собственного достоинства, гордость и бдительность, являющиеся необходимыми элементами здорового патриотизма.

Вторым очень важным качеством тона, который необходимо воспитывать в учреждении, является единство коллектива, дружеское единение его членов. Во внутренних отношениях, в будничной работе воспитанники могут сколько угодно «прижимать» друг друга, пробирать на общих собраниях, в совете, наказывать, но вне этих специальных форм воздействия они должны отдавать должное каждому воспитаннику, прежде всего потому, что они члены одного коллектива, защищать его перед посторонними, не причинять ему никаких огорчений, не позорить его. Это единство коллектива в особенности должно проявляться во время общих авральных работ, штурмов, общей большой борьбы. В эти моменты никогда не нужно вспоминать никаких грехов и проступков отдельных товарищей.

Третьим признаком нормального общего тона должна быть твердо определенная идея защищенности. Ни один воспитанник, как бы он ни был мал и слабосилен или нов в коллективе, не должен чувствовать своего обособления или незащищенности. В коллективе должно быть крепким законом, что никто не только не имеет права, но не имеет и возможности безнаказанно издеваться, куражиться или насильничать над самым слабым членом коллектива. Прежде всего он должен находить обязательную защиту в своем отряде, классе. Поэтому и важно иметь длительно сохраняющиеся отряды.

Во-вторых, он должен быть уверен, что в случае нужды он найдет защиту у любого старшего воспитанника, уверен, что и руководство учреждения также самым энергичным образом защитит его, если это будет необходимо. Какие бы то ни было попытки к насилию одних воспитанников над другими должны подавляться самым решительным образом.

Четвертым важным признаком общего тона является активность; она должна проявляться отнюдь не в беспорядочном беге или крике, а в постоянной готовности и любви к упорядоченному, деловому или игровому движению, к преодолению пространства и материала. В течение всего рабочего дня воспитанник должен быть разумно занят или работой, или учебой, или игрой, или чтением, или нужной для него какой-нибудь беседой. Он никогда не должен просто болтать, бесцельно проводить время, глазеть, толкаться между стенами, не зная, куда себя деть. Только в организованной деятельности у него будет воспитана разумная, полезная активность, привычка и любовь к полезному движению.

Пятым важным признаком тона, признаком чрезвычайно важным, должна быть привычка торможения; руководство детского учреждения постоянно должно развивать у воспитанников умение быть сдержанным в движении, в слове, в крике. Надо требовать соблюдения тишины там, где она нужна, нужно отучать воспитанников от ненужного крика, от неумеренно-развязного смеха и движения. В коммуне им. Ф. Э. Дзержинского коллектив запрещает воспитанникам прислоняться к стене, держаться за перила лестниц, валиться на стол, разваливаться на диване. Это торможение не должно иметь характера муштры; оно должно быть логически оправдано прямой пользой для организма самого воспитанника, эстетическими представлениями и удобствами для всего коллектива.

Особую форму торможения представляет вежливость, которую нужно настойчиво рекомендовать воспитанникам при каждом удобном случае и требовать ее соблюдения.

Воспитание общего тона происходит во всех плоскостях детского учреждения, в каждый момент работы, в жизни, в быту, в школе, на производстве, во время игр и т. д. Много зависит от поведения и тона учителей, воспитательского, руководящего и инструкторского персонала. Персонал сам должен в своем поведении удовлетворять всем требованиям, изложенным выше. Кроме того, у всего персонала детского учреждения должны быть выработаны специальные традиции и правила поведения. По отношению к воспитанникам руководящий и педагогический персонал всегда должен быть вежлив, сдержан, за исключением тех случаев, когда требуется либо некоторое повышение тона в связи с новыми требованиями, либо такое же повышение в сторону большей его эмоциональности — во время общих собраний, общих работ, отдельных прорывов в коллективе. Во всяком случае, никогда педагоги и руководство не должны допускать со своей стороны тона фривольного: зубоскальства, рассказывания анекдотов, никаких вольностей в языке, передразнивания, кривляния и т. п. С другой стороны, совершенно недопустимо, чтобы педагоги и руководство в присутствии воспитанников были угрюмыми, раздражительными, крикливыми. В отдельных случаях серьезных проступков можно допустить выражение негодования, но такой тон должен быть обязательно оправдан серьезностью проступка.

Как и от воспитанников, так и от педагогов и других работников детского учреждения необходимо требовать полного порядка и чистоты в костюмах, удовлетворительного состояния прически, усов и бороды, чистоты обуви, чистоты рук, остриженных ногтей и наличия носового платка.

Так же точно, как и воспитанники, педагогический персонал должен говорить тогда, когда нужно, и столько, сколько нужно, не должен валиться на стены и столы, не разваливаться на диванах, не плевать, не бросать окурков, не стряхивать на пол пепел, не ходить в помещениях в шапках и пальто.

В детских учреждениях не нужно заводить постоянного военно-строевого порядка. Не нужно также строить воспитанников в шеренги, за исключением случаев похода, праздничной демонстрации или физкультурной и военной работы. Не должно быть никакой военной муштровки для надобностей быта. В быту необходимы четкость и подтянутость, но это ценно само по себе, без всякого отношения к военному делу. Тем более не должно быть никаких зависимостей внешневоенного типа: команд, стоек и пр. В свободном движении человек развивает грацию, изящество, а от нашей молодежи всех возрастов надо требовать именно такого стиля и манеры держаться, но это становится вполне естественным и привычным только в постоянном опыте и упражнении с детства.

Это вовсе не значит, что коллектив должен отказываться от формы внешних украшений военного типа. Не гоняясь за показной муштровкой, нельзя отказываться от специальных форм проявления коллективных движений, сообщающих коллективу элементы внешней эстетики. Многие в этом отношении можно использовать из пионерского быта. Конечно, удобнее, если движение коллектива в течение дня направляется не звонками, а трубными сигналами, если в некоторые моменты дневной работы допускается символизация содержания при помощи внешних выражений. Так, например, взаимное приветствие при помощи подымания головного убора

свободно может быть заменено салютом пионерского типа. Такой же салют и внешняя торжественность должны быть допущены во время отчета командира за истекший день вечером. В последнем случае каждому воспитаннику должно быть понятно, что, присутствуя при рапорте командиров, он должен оказать уважение работе отряда и своего командира.

Точно так же необходимо отдание почести знамени, которое в глазах воспитанников всегда должно символизировать единство коллектива, а как красное знамя — принадлежность их к классу трудящихся. Поэтому необходимо, чтобы знамя было обставлено специальным ритуалом почета. На общем собрании надо избрать знаменный отряд, на обязанности которого лежит охрана знамени и ношение его во время походов.

В колонии им. Горького и коммуне им. Дзержинского в знаменный отряд выбирают самых лучших и достойных из всего коллектива. Знамя служит как бы предлогом для выдвижения людей. Знаменный отряд состоит из пяти человек: двух знаменосцев, двух постоянных ассистентов и одного запасного.

Должен быть выработан и установлен раз и навсегда точный порядок хранения, переноса и выноса знамени, охраны его во время походов, стоянок и пр. Почет знамени символизирует не только любовь к Родине, но и четкость работы в коллективе — это богатейшее воспитательное средство.

16. Работа воспитателей

Работа каждого воспитателя может иметь две формы: работы по всему коллективу и по отдельной части коллектива. Весь состав воспитателей распределяется между отрядами. На воспитателя приходится два-три отряда. Желательно, чтобы они объединялись в основном по признаку производства с учетом возраста и территориального расположения.

В этой группе отрядов составляется, таким образом, своего рода управление в составе воспитателя, командиров и помощников командиров. Такой верхушке не нужно придавать никакого официального значения, не нужно устраивать никаких заседаний, ибо такой порядок придавал бы работе воспитателя характер административный, а воспитатель не должен в глазах воспитанников выступать как администратор. Административный уклон в работе воспитателя является наиболее вредным уклоном, так как он позволяет слабому работнику, ссылаясь на разные административные обязанности, плохо выполнять свои прямые воспитательные обязательства, а сильного воспитателя все стараются использовать именно по административной линии, нагружая его самыми разнообразными снабженческими поручениями.

Работа воспитателя в отрядах должна заключаться в следующем: прежде всего воспитатель должен хорошо знать состав своих отрядов, должен знать жизнь и особенности характера каждого воспитанника, его стремления, сомнения, слабости и достоинства.

Хороший воспитатель должен обязательно вести дневник своей работы, в котором записывать отдельные наблюдения над воспитанниками, случаи, характеризующие то или иное лицо, беседы с ним, движение воспитанника вперед, анализировать явления кризиса или перелома, которые бывают у всех ребят в разных возрастах. Этот дневник ни в каком случае не дол-

жен иметь характера официального журнала.

Он должен просматриваться только заведующим педагогической частью и только в том случае, если он желает получить более полное представление о том или другом воспитаннике. Ведение такого дневника может характеризовать качество работы воспитателя и служить известным мериллом его ценности как работника, но формально требовать от него, чтобы он такой дневник вел, не следует, ибо в этом случае самым опасным является обратить такой дневник в официальный отчет.

Дневник рекомендуется вести в большой тетради, не разделяя ее на части для отдельных воспитанников, так как в этом дневнике воспитатель должен характеризовать и анализировать не только отдельных лиц, но и целые группы и явления в отрядах. Этот дневник не должен обращаться в регистрацию проступков и нарушений. Такая регистрация должна вестись в другом месте — у заведующего педагогической частью или в совете командиров. Воспитателя должны интересовать интимные, официальные трудноуловимые явления.

Чтобы воспитатель мог работать в таком именно направлении, он не должен напоминать надзирателя. Воспитатель не должен иметь права наказания или поощрения в формальных выражениях, он не должен давать от своего имени распоряжения, кроме самых крайних случаев, и тем более не должен командовать. Руководством отряда, имеющим право распоряжаться и требовать, является командир отряда. Воспитатель ни в каком случае не должен подменять его. Точно так же он не должен подменять высшее руководство учреждения.

По возможности воспитателю надо избегать жалоб на воспитанников старшему руководству, рапортовать официально о состоянии переданных ему отрядов. И эта обязанность официально рапортовать принадлежит командиру.

Только при освобождении воспитателя от формально-надзирательских функций он может заслужить полное доверие отрядов и всех воспитанников и вести как следует свою работу.

Что должен знать воспитатель о каждом своем воспитаннике?

В каком состоянии находится здоровье воспитанника, не жалуется ли он на что-либо, обращается ли к врачу, удовлетворен ли помощью врача? Достаточно ли внимателен врач к данному воспитаннику?

Как относится воспитанник к своему учреждению, дорожит ли им, готов ли активно участвовать в улучшении жизни учреждения или относится к нему безразлично, как к эпизоду своей жизни, а может быть, и враждебно? В последнем случае необходимо выяснить причины этого нездорового отношения: заключаются ли они в самом учреждении и его порядках, или причины лежат в стремлении воспитанника учиться и жить в другом месте, где именно, чем жить, что делать?

Достаточно ли точно представляет воспитанник свое положение, свои силы, понимает ли необходимость трудового пути? Не преобладают ли у него примитивные перспективы сегодняшней сытости, сегодняшнего удовольствия, развлечения, происходит ли это из-за укоренившихся привычек или из-за слабости развития?

Как воспитанник относится к товарищам и к каким больше тянется, кого не любит, с кем дружит, с кем враждует? Насколько сильны у него

наклонности к тайным антиобщественным группировкам, к фантастическим и авантюрным планам? Как он относится к отряду и командиру? Какие у него наклонности к преобладанию и на чем он стремится обосновать это преобладание: на интеллекте, на развитии, на жизненном опыте, на силе личности, на физической силе, на эстетической позе? Является ли это стремление к преобладанию параллельным интересам учреждения или направленным против учреждения, против отряда или отдельных лиц?

Как относится воспитанник к повышению своей квалификации, к школьной работе, культурной работе, к повышению общей культуры поведения, культуры отношения к людям? Понимает ли он необходимость собственного усовершенствования и пользу его, или его больше привлекает самый процесс учебы и культурной работы, те удовольствия, какие ему эта работа доставляет?

Что воспитанник читает, читает ли газеты, книги, получает ли их сам в библиотеке или читает случайные книги, интересуется ли он определенными темами или читает все без разбора?

Какие таланты и способности обнаруживает воспитанник, какие необходимо было бы развивать?

Где работает воспитанник на производстве, посильна ли для него работа, нравится ли она ему? Не проявляет ли воспитанник в своем отношении к работе слабости воли, не капризничает ли, не стремится ли к другой работе, насколько это стремление разумно, какие есть препятствия в таком стремлении, как воспитанник преодолевает эти препятствия, готов ли он долго бороться с ними, достаточно ли у него настойчивости?

Как воспитанник относится к своему рабочему месту, к процессам работы, к инструменту, к технологическому процессу, проявляет ли он интерес к техническому освоению своей работы, к ее улучшению, повышению производительности, к стахановскому движению? Какие неудобства и недостатки тормозят работу воспитанника, какие он принимает меры к их устранению, высказывается ли в отряде, в каких формах воспитанник все это делает?

Знаком ли воспитанник с общим производственным положением всего отряда, всего цеха? Известны ли ему контрольные цифры по отряду и по цеху, интересуется ли он успехом своего производства, учреждения, его движением вперед? Насколько его волнуют удачи и неудачи производства, насколько он живет ими?

Материальное положение дома — в семье и заработок воспитанника на производстве, сколько он получает денег на руки? Как их расходует, дорожит ли деньгами, стремится ли их сберечь? Помогает ли семье и кому именно из членов семьи, товарищам? Имеет ли склонность лучше одеваться, что покупает из одежды?

Прививаются ли воспитаннику навыки культуры, понимает ли он их необходимость, стремится ли улучшить речь, как относится к слабым, к женщинам, девочкам, детям и старикам?

Все эти данные о воспитаннике и многие другие, какие возникнут в процессе изучения воспитанника, воспитатель должен знать, а хороший воспитатель обязательно запишет. Но никогда эти данные не нужно собирать так, чтобы это было простым коллекционированием. Знание воспитанника должно прийти к воспитателю не в процессе безразличного его изучения,

а только в процессе совместной с ним работы и самой активной помощи ему. *Воспитатель должен смотреть на воспитанника не как на объект изучения, а как на объект воспитания.*

Из этого основного положения вытекают и формы общения воспитателя и воспитанника, и формы его изучения. Воспитатель не должен просто выпрашивать воспитанника о разных обстоятельствах его жизни, об его стремлениях и желаниях для того, чтобы все это записать и подытожить.

При первой встрече воспитателя и воспитанника первый должен поставить перед собой практическую цель: сделать из этого мальчика или девочки настоящего культурного советского человека, работника, такого работника, которого можно будет выпустить из учреждения как полезного гражданина, квалифицированного, грамотного, политически образованного и воспитанного, здорового физически и психически. Эту цель своей работы воспитатель никогда не должен забывать, буквально не забывать ни на одну минуту. И только в практическом движении к этой цели воспитатель должен иметь соприкосновение со своим воспитанником.

Каждое узнавание чего-либо нового о воспитаннике у воспитателя немедленно должно претворяться в практическое действие, практический совет, стремление помочь воспитаннику.

Такая помощь, такое движение к постоянной цели только в редких случаях могут быть оказаны в простой беседе с воспитанником, в простом разъяснении ему разных истин.

Беседы неопытным воспитателям кажутся высшим выражением педагогической техники. На самом же деле они представляют собой наиболее кустарные педагогические приемы.

Воспитатель должен всегда хорошо знать следующее: хотя все воспитанники и понимают, что в детском учреждении их учат и воспитывают, однако они очень не любят подвергаться специальным педагогическим процедурам и тем более не любят, когда с ними бесконечно говорят о пользе воспитания, морализируя каждое замечание.

Поэтому сущность педагогической позиции воспитателя должна быть скрыта от воспитанников и не выступать на первый план. Воспитатель, бесконечно преследующий воспитанников явно специальными беседами, надоедает воспитанникам и почти всегда вызывает некоторое противодействие.

Советская педагогика есть педагогика не прямого, а параллельного педагогического действия. Воспитанник нашего детского учреждения есть раньше всего член трудового коллектива, а потом уже воспитанник, таким он должен представляться самому себе. Поэтому официально он и не называется воспитанником, а кандидатом или членом коллектива. В его глазах и воспитатель должен выступать тоже прежде всего как член того же трудового коллектива, а потом уже как воспитатель, как специалист-педагог, и поэтому соприкосновения воспитателя и воспитанника должны происходить не столько в специальной педагогической плоскости, сколько в плоскости трудового производственного коллектива, на фоне не только интересов узкопедагогического процесса, а борьбы за лучшее учреждение, за его богатство, процветание и добрую славу, за культурный быт, за счастливую жизнь коллектива, за радость и разум этой жизни.

Перед коллективом воспитанников воспитатель должен выступать как

боевой товарищ, борющийся вместе с ними и впереди них за все идеалы первоклассного советского детского учреждения. Отсюда вытекает и метод его педагогической работы. Это педагог должен помнить на каждом шагу.

Поэтому, например, если воспитатель поставил себе целью разбить, искоренить какую-либо вредную группировку или компанию в отряде, в классе или в учреждении, он должен это делать в форме не прямого обращения к этой группе, а параллельной операции в самом отряде, классе, говоря о прорыве в отряде, о пассивности некоторых товарищей, о вредном влиянии группировки на отряд, об отставании отряда. Он должен мобилизовать внимание всего отряда на этой группировке. Беседа с самими воспитанниками должна принимать форму спора и убеждения не по прямому вопросу [воспитания], а по вопросу о жизни учреждения, о его работе.

Воспитатель, желая узнать положение воспитанника в школе или на производстве, имеет в своем распоряжении единственный метод: он бывает в школе, на производстве, выступает на всех производственных совещаниях, он говорит и активно действует в среде педагогического коллектива, производственной администрации, вместе с отрядом борется за отличную успеваемость, за хороший инструмент, за подачу материалов, за лучший процесс инструктирования и контроля и повышения качества обучения. Он выступает рядом с отрядом как заинтересованный его член во всех случаях, когда отряд отстаивает правильную общественную позицию.

Во всех случаях, когда отряд сбивается на неправильный путь, он ведет борьбу в самом отряде, опираясь на лучших его членов и защищая при этом не свои педагогические позиции, а, прежде всего, интересы воспитанников и всего учреждения.

«Обработка» отдельных воспитанников только в редких случаях должна принимать характер прямого обращения к данному воспитаннику. Прежде всего воспитатель должен мобилизовать для такой «обработки» некоторую группу старших и влиятельных товарищей из своего отряда или даже из чужого. Если это не помогает, он должен говорить сам с воспитанником, но даже эту беседу он должен сделать совершенно простым и естественным разговором о делах в учреждении или в отряде и только постепенно и естественно переходить к теме о самом воспитаннике. Необходимо всегда, чтобы воспитанник сам захотел говорить о себе. В некоторых случаях возможно прямое обращение к воспитаннику на тему о его поведении, но и такое обращение нужно делать, логически исходя из общих тем коллектива.

Чрезвычайной важности вопрос — отношение ребят к образованию. Это та область, которой воспитатель должен уделять самое серьезное внимание. Систематическое приобретение основательных знаний в школе и своевременное ее окончание определяют путь человека в жизни, но это необходимо также для здорового и правильного формирования характера, т. е. в значительной мере этим определяется и судьба человека. Поэтому успеваемость и отметки (а это не всегда вполне совпадает и тоже должно быть предметом специального внимания педагога), фактические знания воспитанника по отдельным интересующим его предметам должны быть хорошо и подробно известны воспитателю в их динамике, развитии и тенденциях. Неудача в школе, плохие отметки понижают настроение и жизнен-

ный тонус воспитанника, хотя внешне это может иметь форму бравады, напускного равнодушия, замкнутости или зубоскальства. Неудачи в школе бывают обычным началом систематической лжи ребят в самых разнообразных ее формах. Такая поза воспитанника противопоставляет его здоровому детскому и юношескому коллективу, и поэтому она всегда в большей или меньшей степени опасна.

У отличника может быть другая тенденция внеколлективной позиции: зазнайство, самовлюбленность, эгоизм, прикрываемые самой добродетельной миной и позой. У среднего ученика — однообразие и сероватый тон жизни, которые дети трудно переносят и поэтому начинают искать оптимистическую перспективу в других областях.

Школьные отношения составляют основной фон жизни ребят школьного возраста, это воспитатель всегда должен помнить, но и здесь полный успех и благополучие достигаются ясностью личных и социальных перспективных путей воспитанника, прочностью общественных и коллективных связей, и меньше всего помогают нотации и уговоры. Необходима реальная помощь отстающим в повышении их гражданского самочувствия.

Совершенно особо в представлении воспитателя должно стоять будущее воспитанника. Воспитатель должен знать, чем хочет и надеется быть воспитанник, какие для этого он прилагает усилия, насколько реальны его стремления, по силам ли они ему. Выбирать жизненный путь для юноши не так легко. Здесь часто большими препятствиями являются неверие в свои силы или, напротив, опасное подражание более сильным товарищам.

В этой сложной задаче воспитанники обыкновенно разбираются с трудом, тем более что мы еще не научились основательно помогать нашим выпускникам.

Помочь воспитаннику выбрать себе путь — очень ответственное дело не только потому, что это важно для будущей жизни воспитанника, но еще и потому, что это сильно отражается на тоне его деятельности и жизни в учреждении.

Эту работу воспитатель должен также проводить в толще всего отряда, возбуждая интерес воспитанников к различным областям жизни, приводя в пример передовых рабочих и колхозников, прославившихся на всю страну. Важно возбудить у ребят стремление на каждом месте, в каждом деле быть впереди. Важно доказать, что энергия, энтузиазм, разум, стремление к высокому качеству работы каждую специальность делают завидной.

Формы работы воспитателя в отряде могут быть самые разнообразные:

- участие в работе отряда, класса;
- участие во всех производственных совещаниях;
- участие во всех собраниях и общих собраниях;
- простое присутствие в отряде за беседой, за игрой в шахматы или домино, за спортивной игрой;
- совместные прогулки;
- участие в кружках вместе с членами отряда;
- участие в выпуске отрядной газеты;
- вечера чтения;
- руководство чтением и подбором книг;

участие в производстве генеральной уборки в отряде;
прогулки и беседы с отдельными группами и отдельными воспитанниками;

присутствие на классных занятиях;

помощь воспитанникам в подготовке уроков, в исполнении чертежей и рисунков;

присутствие во всех органах самоуправления;

совещание с отрядом или со всеми отрядами своей группы;

прямая работа в устройстве выставок и подготовке праздников;

активное участие в решении всех вопросов материального быта;

поездки и походы для смычки с разными организациями, просто в гости в рабочие и колхозные коллективы.

Купание, катание на лыжах, на коньках — прямая работа по устройству и налаживанию всех этих развлечений.

Работа воспитателя в отрядах требует много сил, и она может заполнить все рабочее время воспитателя.

Для такой отрядной работы не нужно устанавливать никакого регламента во времени. Эта работа не может быть дежурством. Воспитатель должен быть с отрядом, особенно в то время, когда отряд не занят на производстве или в школе, но даже и в это время каждый час, проведенный воспитателем вместе с отрядом, есть уже работа.

Воспитатель должен избегать только одной формы: простого пребывания на глазах у ребят без всякого дела и без всякого интереса к ним. Контроль отрядной работы воспитателя нужно производить не по числу отработанных часов, а по результатам работы, по месту, занимаемому его отрядом в межотрядном соревновании, по общему тону, по производственным успехам, по характеру роста отдельных воспитанников и всего отряда и, наконец, по отношению к нему самого отряда.

Совершенно понятно, что воспитатель, не имеющий авторитета, не может быть воспитателем.

В своей отрядной работе, как уже сказано, воспитатель не должен быть администратором. Если в отряде наблюдаются отрицательные явления, воспитатель должен говорить о них с заведующим педагогической частью, но организационные меры после такой беседы руководство учреждения может принимать только после того, как заявление о неблагополучии в отряде поступит от командира или членов отряда.

Для того чтобы поставить на очередь такие меры, воспитатель должен открыто потребовать от собрания отряда или отрядной верхушки сообщения руководству учреждения. В таком требовании воспитатель должен быть всегда настойчивым, не должен подыгрывать к воспитанникам и скрывать от них собственную точку зрения. В глазах воспитанников воспитатель не должен быть двуличным, и его действия в отряде не должны казаться стоящими в противоречии с действиями администрации учреждения. Совсем иная позиция воспитателя в его другой работе, в работе по всему коллективу. В этом случае он выступает уже не как старший товарищ в группе отрядов, а как уполномоченный всего коллектива. Эта его позиция должна отличаться точными и понятными для всех прерогативами.

Дневное дежурство по учреждению, ведущее день и отвечающее за порядок и точность движения распорядка дня, состоит из дежурного воспитателя и дежурного командира. Желательно, чтобы этот дежурный командир был из группы данного воспитателя.

Необходимо всегда подчеркивать перед всеми воспитанниками, что дежурные — это люди, представляющие силу и власть всего коллектива, что им необходимо строго подчиняться, что в этом подчинении есть особое достоинство для каждого воспитанника, что такой дежурный должен представляться каждому воспитаннику властью коллектива, к которому он принадлежит, а следовательно, своей собственной властью, которую он уважает и которой он дорожит.

В коммуне им. Ф. Э. Дзержинского свято действовало известное, понятное каждому коммунару старое постановление общего собрания коммунаров: рапорт дежурства не проверяется. Это правило ярко подчеркивает тот огромный авторитет, каким пользуется дежурство, и без такого авторитета рабочий день всегда будет путаться в отдельных спорах и разногласиях.

Выступая как член такого дежурства, воспитатель пользуется правом приказа, правом рапорта и распоряжений. Это свое право он делит с дежурным командиром. Желательно, чтобы между ними не было разделения по функциям, чтобы они оба одинаково отвечали за дежурство. Но воспитатель должен активизировать работу дежурного, должен приучать его к самостоятельному решительному действию, не допускать его прятаться за спину воспитателя и снимать с себя ответственность. В таких случаях, когда дежурный командир сомневается, как нужно поступить, дежурный воспитатель должен с ним посоветоваться, и принятое решение должно быть приведено в исполнение самим дежурным командиром.

Необходимо на каждом шагу поступать так, чтобы в глазах всего коллектива выступало всегда дежурство в целом, не разделяясь на воспитателя и командира.

В истории развития коллектива необходимо стремиться к тому, чтобы постепенно выростали кадры дежурных из командиров отрядов с тем, чтобы дежурство воспитателя обратилось постепенно в консультацию старшего товарища и в резерв на всякий случай.

Опыт показал, что в хорошо организованных коллективах дежурство по учреждению может быть возложено на старших воспитанников, и они вполне справляются с этой работой без помощи воспитателя. В случае затруднения дежурный обращается к руководителю педагогической частью, а это усиливает постоянный деловой контакт актива с руководством. Дежурству в целом должны принадлежать следующие права и функции:

1. Распоряжение всем порядком дня.
2. Регистрация всех уклонений в течение дня, нарушений, опозданий, случаев и событий, немедленное собственными силами реагирование на них с целью приведения обстановки к норме и вечерний рапорт обо всем происшедшем и о принятых мерах.
3. Распоряжение всеми сигналами в течение дня. Ни один сигнал не должен даваться иначе, как по распоряжению дежурства.
4. Прием гостей, делегаций, новеньких, выдача пропусков, проверка отпусков, проверка состава.

5. Контроль за правильной выдачей пищи и функционированием столовой и кухни.

6. Наблюдение за правильной работой всех комиссий.

7. Руководство при помощи дежурного отряда собраниями, развлечениями, играми, размещением клубной и культурной работы.

8. Распоряжение на случай тревоги, пожара, аврала и в отдельных несчастных случаях.

9. Правильное окончание рабочего дня и своевременный отход ко сну всех воспитанников.

17. Выпуск

Выпуск производится один раз в год в начале лета, по окончании школьных занятий, но подготовку к выпуску нужно начинать гораздо ранее, приблизительно в феврале — марте. Она должна заключаться в следующем:

а) выявление воспитанников, достойных выпуска; эта работа прежде всего должна быть сделана педагогическим коллективом, список окончательно утвержден руководством учреждения и проработан в аттестационной комиссии;

б) точное назначение, куда будет выпущен тот или другой воспитанник;

в) подготовка будущих условий его жизни: получение для него работы, квартиры или общежития, создание условий для продолжения образования;

г) выделение денег на выпуск, обмундирование.

Такая подготовка должна быть закончена не позже как за месяц до выпуска. После нее или даже во время нее надо приготовить и представление списка выпускников на утверждение соответствующей высшей инстанции, изготовление выпускных документов, получение паспорта и т. д.

В течение всего времени подготовки выпускники должны пользоваться большим вниманием руководства и всего коллектива. В особенности внимательно нужно отнестись к самому основному вопросу: действительно ли воспитанник готов к выпуску. Очень часто бывает, что эта готовность кажущаяся: воспитанник увлекается примером товарищей, слишком надеется на свои силы, не имея ни достаточного образования и квалификации, ни закрепленных качеств характера, ни сбережений. Нужно точно учитывать различные обстоятельства. Иногда воспитанник обладает большими способностями, рабочими или учебными, но не успел еще их развить. Такого нужно задержать в учреждении. Например, бывают и такие случаи, когда воспитанник со слабыми способностями все уже взял от учреждения, что оно может ему дать, но часто тянется за более способными. Этого нужно выпустить, чтобы не подвергать его влиянию неудач и срывов.

Очень важен вопрос о бытовом устройстве выпускников детских домов и колоний на новом месте. Прежде всего необходимо обеспечить их квартирой.

Настойчиво рекомендуем не устраивать в городах больших общежитий выпущенных воспитанников. Лучшей формой бытового устройства выпускников является предоставление отдельной комнаты на 2—3 человека

в доме или во дворе, заселенном рабочими или служащими того предприятия, в котором будет работать выпускник, или же в студенческом общежитии, если он продолжает свое образование. В таком случае он попадет в обычную рабочую или студенческую среду, а не останется искусственно изолированным в узкой группе прежних товарищей по учреждению. Надо добиваться, чтобы к моменту выпуска у выпускника были деньги в сберкассе.

Помощь выпускникам должен оказать фонд самоуправления в виде определенных сумм, назначаемых в зависимости от заслуг того или иного воспитанника. Размер этих пособий может колебаться от 100 до 300 рублей, а в учреждении с большим фондом — до 500 рублей.

Особый вопрос представляет помощь бывшим воспитанникам, поступившим в вузы или техникумы. Обычно они живут в другом городе в студенческом общежитии и получают стипендии. Необходимо следить за их материальным благополучием, помогать им в случае нужды и хороших успехов, а если детское учреждение достигло полного хозрасчета, то и регулярно выдавать небольшую добавку к стипендии: рублей в 100—150 в месяц.

Оказывать помощь из фонда нужно и тем, кто выпущен на работу, в случае действительной надобности, болезни, безработицы, большой семьи.

В коммуне им. Ф. Э. Дзержинского фонд совета командиров составляется из ежемесячных процентов отчислений от заработной платы всех воспитанников. Эти суммы хранятся в сберкассе, находятся в распоряжении совета командиров и расходуются только по постановлению совета командиров. Распоряжение такими коллективными суммами имеет большое воспитательное значение и придает совету командиров большой вес и самостоятельность.

Размер отчислений должен быть установлен применительно к условиям каждого учреждения.

Со всеми выпускниками нужно всегда поддерживать связь, переписываться, приглашать на праздники. Приезд таких выпускников в учреждение нужно всегда приветствовать. Само собой разумеется, что, находясь в гостях в учреждении, выпускники должны помогать воспитательной работе и рассказывать воспитанникам о своей жизни, труде и успехах.

Комментарии

Заявление в Центральный институт организаторов народного просвещения
(с. 8.)

ЦГА РСФСР, ф. 7954, оп. 2., хр. 266, л. 9—11, с об. Автограф, без даты, включает материал «К заявлению А. Макаренко. Вместо коллоквиума». По смежному документу датируется 24 августа 1922 г. Печатается под заголовком, данным при публикации материала в издании: *Макаренко А. С.* Соч.: В 7-ми т. Т. VII. М., 1958. Полностью впервые опубликовано по сообщению Р. И. Яковлевой в ж. «Исторический архив» (1961, № 2, с. 228—229). Публикации с сокращением: *Дементьева А., Токарев Ю.* Новые документы о Макаренко. — Нева. М.; Л., 1955, № 8, с. 171—172; *Лялин Н.* Личное дело студента А. Макаренко: Новые архивные материалы. — Учительская газета, 1955, 3 дек.). Печатается с небольшим сокращением.

А. С. Макаренко был студентом Центрального института организаторов народного просвещения им. Е. А. Литкенса в Москве с 14 октября по 27 ноября 1922 г. В заявлении с просьбой прервать обучение в институте он писал: «Вследствие полученных мною сообщений от воспитанников и воспитателей Полтавской трудовой колонии для морально дефективных [детей]... считаю необходимым немедленно возвратиться в колонию, чтобы вовремя остановить процесс ее распада. О моем возвращении телеграфировал мне и губсоцвос» (ЦГА РСФСР, ф. 7954, оп. 2, ед. хр. 266, л. 13).

Необходимость возвращения в колонию после месяца с небольшим учебы (в институте был годичный срок обучения) свидетельствует о трудностях, которые переживал в тот период коллектив горьковцев. В те годы (1918—1923) некоторые психологи и педагоги стали поддерживать распространившуюся теорию «моральной дефективности». Понятие «морально дефективные дети», предложенное в начале XIX в. английским психиатром Причардом, широко использовалось в психолого-педагогической литературе (П. Бельский, Г. Трошин и др.), в официальных документах. С развернутой критикой «морально дефективного» детства в конце 1923 г. выступили Н. К. Крупская и П. П. Блонский. Активным противником теории и практики «морально дефективного» детства был и А. С. Макаренко.

К началу учебы в институте Макаренко добился значительных успехов в создании коллектива колонии. В письме Полтавского губотдела народного образования от 25 августа 1922 г. говорилось: «...Губнаробраз рекомендует тов. Макаренко как очень энергичного, способного и знающего работника-организатора. За два года управления колонией при очень трудном составе детей тов. Макаренко создал одно из лучших учреждений Полтавской губернии» (ЦГА РСФСР, ф. 7954, оп. 2, ед. хр. 266, л. 2, с. об.). 15 июля полтавская газета «Голос труда» в заметке «Колония им. М. Горького» также отметила успехи в ее деятельности.

Заявление отражает начальный этап формирования воззрений А. С. Макаренко на марксистско-ленинской основе, не все содержащиеся в нем мысли методологически обоснованы. Он преувеличивал роль психологии для развития общественных наук и строительства социализма. Ошибочно оценивалась в заявлении роль Л. И. Петражицкого (1867—1931), буржуазного юриста и социолога, одного из лидеров партии кадетов, в развитии психологии; вместе с тем недооценивалось значение для научной психологии трудов А. Ф. Лазурского, впервые разработавшего методику естественного психологического эксперимента (1910).

По всей вероятности, А. С. Макаренко заинтересовала книга Л. И. Петражицкого «Введение в изучение права и нравственности. Основы эмоциональной психологии» (СПб., 1908), где предпринималась попытка социально-психологического анализа эмоций не только индивида, но и группы людей. Идея «коллективной личности» привлекала Макаренко и в работах религиозного философа В. С. Соловьева (1853—1900), также упоминаемого в заявлении. Впоследствии А. С. Макаренко на марксистско-ленинской методологической основе критически переоценил идеи буржуазной социальной психологии и этики.

Заявление представляет интерес как документ, свидетельствующий о сложившемся к тому времени стремлении А. С. Макаренко заняться научно-педагогической работой. Незадолго до поступления в институт, летом 1922 г., он отклонил предложения взять руководство учреждениями социального воспитания Южной железной дороги, а несколько позже — заведовать школой при Крюковских вагонных мастерских. Дальнейший путь Макаренко в педагогическую науку определился как путь самообразования и целенаправленной опытной работы.

Из заявления видно, что и в тот период А. С. Макаренко не был самоучкой, «автодидактом», как утверждают некоторые западные интерпретаторы его жизненного и творческого пути. Широта познаний в различных областях науки и культуры, ориентация на идеи научного социализма определили уже тогда глубокое понимание им таких основополагающих проблем педагогической науки, как объект педагогических исследований, целостность процесса воспитания и обучения, проблемы воспитательского коллектива, педагогических функций труда, соотношения и взаимосвязи педагогики и психологии.

Понятие дисциплины в общей системе воспитания

(с. 11)

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 92. Машинопись, без даты и заголовка. Примерно 1922 г. Впервые опубликовано в издании: *Макаренко А. С.* Соч.: В 7-ми т. Т. VII. М., 1958. Печатается под заголовком, данным при этой публикации.

В начале 20-х гг. среди многих педагогов были распространены идеи, типичные для дореволюционных либеральных педагогических представлений о допустимости школьной дисциплины «...лишь в такой мере и в такой постановке, при которой не получалось бы ущерба для развития свободной и самостоятельной личности учащихся» (см.: *Крупская Н. К.* Пед. соч.: В 6-ти т. Т. 1. М., 1978, с. 150). Широко были распространены идеи так называемого свободного воспитания (К. Н. Вентцель и др.), для которых характерно противопоставление дисциплины и свободы.

С резкой критикой идей свободного воспитания в конце 1921 г. выступил П. П. Блонский, опубликовав в журнале «Народное просвещение» (№ 21—22) статью «Марксизм как метод решения педагогических проблем». В ней, в частности, говорилось: «Идеи свободного воспитания представляют собой типичный реакционный утопизм... Сейчас это лозунг, объединяющий реакционные слои педагогической массы, не желающие активно и определенно проводить педагогические идеи рабоче-крестьянской революции... В период лозунгов организации производства и трудовой дисциплины педагогический анархизм... совершенно несвоевременен и может работать только на школьную разруху...» (см.: *Блонский П. П.* Избр. пед. и психол. соч.: В 2-х т. Т. 1. М., 1979, с. 183).

Педагоги-марксисты исходили из указаний В. И. Ленина о значении социалистической сознательной дисциплины в построении нового общества, содержащихся, в частности, в его речи «Задачи союзов молодежи» (2 октября 1920 г.): «...Для коммуниста нравственность вся в этой сплоченной солидарной дисциплине и сознательной массовой борьбе против эксплуататоров» (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 41, с. 313). По свидетельству Н. Э. Фере, работавшего в колонии им. М. Горького агрономом, А. С. Макаренко хорошо знал эту речь, часто перечитывал, обсуждал основные ее положения со своими коллегами (см.: *Фере Н. Э.* Мой учитель. М., 1953).

Критика А. С. Макаренко типичных для буржуазной педагогики противопоставлений свободы и дисциплины во многом перекликается с приводившимся выше высказыванием П. П. Блонского об идеях свободного воспитания. Характерно, однако, что Макаренко, опираясь на опыт работы с воспитательным коллективом, ставит вопрос о необходимости рассматривать проблему дисциплины «в общей системе воспитания», значительно опережая в этом многих своих современников.

Рассматривая диалектику социального и педагогического аспектов дисциплины, понимая ее как средство и результат воспитания, А. С. Макаренко органически связывал проблемы дисциплины и коллектива. Впоследствии, в «Педагогической поэме», он дал худо-

жественно обобщенное описание своих первых выступлений по вопросам воспитания дисциплины, основой для которых, возможно, послужил данный материал, имеющий форму тезисов (см.: *Макаренко А. С. Соч.:* В 7-ми т. Т. 1. М., 1957, с. 117, 128).

¹ *Мак-Мен Норман* — автор книги «Путь к свободе в школе». Пер. с англ. 2-е изд., 1919.

О воспитании

(с. 12)

Впервые опубликовано в издании: *Макаренко А. С. Соч.:* В 7-ми т. Т. VII. М., 1958. Фрагмент без заголовка и даты. Примерно 1922 г. Печатается по указанной публикации под заголовком, данным ее подготовителями.

Мысль об объективном, «естественноисторическом» (К. Маркс) характере законов воспитания является продолжением изложенной в заявлении А. С. Макаренко идеи о том, что «для хорошей школы прежде всего нужна научно организованная система всех влияний» (см. с. 11 наст. тома). Если педагогическая теория и практика не учитывают этого, школа перестает играть ведущую роль в воспитании. Нетрудно видеть в этом фрагменте попытку осмыслить ленинскую идею связи школы с жизнью.

Материал содержит наиболее ранние из критических замечаний Макаренко по поводу искусственных «увязок» обучения с трудом, бытовавших в педагогике начала 20-х гг. Содержащаяся в фрагменте мысль об огромном воспитательном значении «социального целого» — отражение передовой педагогической концепции советской педагогики 20-х гг. — социализма, или социального воспитания, получившей обоснование в ряде документов о школе, в трудах А. В. Луначарского и Н. К. Крупской. В советском социализме утверждалась идея общественного воспитания и выдвигалась в качестве главной педагогической задачи формирование личности коллективиста.

¹ См.: *Попова Н. И.* Школа жизни: Итоги трехлетней работы опытной школы. М., 1922.

Отчетная ведомость Полтавской трудовой колонии для дефективных детей им. М. Горького за ноябрь 1922 г.

(с. 13)

ЦГАОР УССР, ф. 166, оп. 2, д. 849, л. 34. Стандартная отчетная ведомость (таблица), отпечатанная типографским способом и заполненная А. С. Макаренко. Автограф, 1922 г. Печатается с небольшим сокращением. Публикуется впервые.

В начале 20-х гг. в учреждениях социального воспитания имело место влияние теории так называемой моральной дефективности, которая утверждала, что беспризорные дети и несовершеннолетние правонарушители имеют врожденные нравственные дефекты. В статье «О так называемой моральной дефективности» (1923) П. П. Блонский писал: «Беспризорный ребенок — ...это чаще всего просто педагогически запущенный ребенок... Теория «моральной дефективности» и здесь очень вредна, поскольку она благословляет педагога, без всякого основания, утверждать о ребенке, умывая свои руки: «Это — безнадежный ребенок, и воспитывать его не к чему» (Избр. пед. и психол. соч.: В 2-х т. Т. 1, с. 200). А. С. Макаренко к «морально дефективным» детям подходил, как к нормальным, психически полноценным, но запущенным в педагогическом отношении (см. также с. 18 наст. тома).

¹ Имеется в виду образовательный ценз воспитателей колонии.

² Далее часть сведений о помещениях колонии опускается.

³ «I колония» (основная, в Трибах) и «II колония» (в Ковалевской усадьбе).

⁴ Далее первое предложение в абзацах — стандартное наименование отдельной графы отчетной ведомости.

⁵ *Дортуарами* назывались общие спальни в учреждениях интернатного типа.

Опросный лист Полтавской трудовой колонии им. М. Горького

(с. 14)

ЦГАОР УССР, ф. 166, оп. 2, д. 1687, л. 102—103, с об. Авторская машинопись, с подписью-автографом. Имеет заголовок «Опросный лист». Документ не датирован, по содержанию может быть отнесен к концу 1922 г. Публикуется впервые, с небольшим сокращением.

Следует отметить, что в наименовании колонии им. Горького А. С. Макаренко употребляет определение «трудовая», но не указывает обычное «для дефективных детей», хотя в официальных документах это название еще не было отвергнуто. Нет никаких указаний на так называемую моральную дефективность в характеристике воспитанников. Материал

показывает, что одним из основных направлений педагогической работы колонии в этот период была организация сельскохозяйственного труда на принципе самоуправления.

¹ Имеется в виду Наркомпрос УССР.

² В оригинале часть предложения отсутствует.

Колония им. М. Горького

(с. 16)

Статья впервые опубликована в полтавской газете «Голос труда» (4 февраля 1923 г., с. 4). Это первая прижизненная публикация А. С. Макаренко. Печатается по указанной публикации.

В статье показаны первые достижения коллектива колонии, исходные педагогические установки Макаренко, получившие развитие в дальнейшей его работе в колонии им. М. Горького и коммуне им. Ф. Э. Дзержинского.

Характерно, что в данной статье А. С. Макаренко впервые ставит вопрос о «чрезмерном самообслуживании», указывая, при каких условиях этот вид труда имеет положительное значение для воспитания. На остроту этого вопроса указывала и Н. К. Крупская. В статье «К вопросу о детдомах» (1924) она писала: «Конечно, и самообслуживание, и огороды, и умение общаться с элементарными орудиями труда необходимы. Но вся суть дела в том, как этот труд поставлен. Можно поставить его так, что дети будут тяготиться лишь всей этой трудовой учебой, а можно на этих элементах научить ребят коллективно работать...» (Пед. соч.: В 6-ти т. Т. 2, с. 262).

¹ Хозяйственный совет колонии с лета 1923 г. превратился в совет командиров, который начал функционировать как высший хозяйственный орган колонии (см. с. 31 наст. тома).

Опыт образовательной работы в Полтавской трудовой колонии им. М. Горького

(с. 18)

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 94. Фотокопия из украинского журнала «Новыми стежками» («Новыми тропами»), органа Полтавского губнаробраза, 1923, № 2 (март-апрель). Печатается по прижизненной публикации, с небольшим сокращением.

Это первый материал об опыте образовательной и воспитательной работы в колонии в начале 20-х гг., опубликованный А. С. Макаренко в педагогической печати. В декабре 1922 г. в школе колонии начали проводить занятия по так называемым комплексным темам, в которых содержание образования излагалось не по учебным предметам, а в связи с трудовыми процессами. Это произошло после того, как были опубликованы схемы новых школьных программ, подготовленные научно-педагогической секцией ГУСа (см.: *Крупская Н. К.* К вопросу о программах. — Пед. соч.: В 6-ти т. Т. 2, с. 112—119).

В организацию учебной работы по комплексным темам Макаренко внес существенные коррективы, в их числе — создание в колонии с 1923 г. групп подготовки к рабфаку, работающих по особой программе.

А. С. Макаренко видел важную задачу образовательной работы в преодолении педагогической запущенности воспитанников, противоречий между их жизненным опытом и школьными знаниями. Реальный опыт окончательно убеждает Макаренко в несостоятельности идей «нравственной дефективности»; примечательно, что в конце того же, 1923 года выступили Н. К. Крупская и П. П. Блонский со статьями, в которых критиковалась концепция «моральной дефективности».

В колонии им. М. Горького работа по комплексным программам продолжалась до 1926 г. и, возможно, позднее. В опыте массовой единой трудовой школы эти программы действовали до 1931 г.

¹ Понятие *параллельный* встречается здесь впервые. Имеет смысл: «вполне соответствующий» чему-то, не расходящийся с ним, но и не тождественный ему. Это указание на диалектическое единство педагогических явлений, процессов. Впоследствии это понятие заняло важное место в педагогической терминологии А. С. Макаренко, отразившись в выражении «педагогика параллельного действия».

² *Триместр* — третья часть учебного года.

³ Данное утверждение носит несколько односторонний характер. В дальнейшем А. С. Макаренко рассматривал проблему соотношения интереса, долга и любви как фундаментальных стимулов в процессе обучения и воспитания (см.: *Макаренко А. С.* Соч.: В 7-ми т. Т. IV. М., 1957, с. 518—521).

⁴ Имеется в виду возникновение и развитие письменности.

⁵ Слово «сечение» А. С. Макаренко применяет в значении «структура», что в данном случае, вероятно, соответствует дидактическому принципу системности знаний, умений, навыков.

⁶ *Дикт* — фанера, для прочности склеенная в три слоя.

⁷ *Шибка* — часть оконного стекла (*диалек.*).

Из отчетной ведомости о состоянии Полтавской трудовой колонии им. М. Горького за апрель 1923 г.

(с. 24)

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 1, ед. хр. 52, л. 31. Заверенная машинописная копия, оригинал находится в ЦГАОР УССР. Цифровые данные о составе воспитанников сняты при подготовке публикации; опущены также стандартные наименования рубрик ведомости. Публикуется впервые.

Материал дает представление о конкретном содержании сельскохозяйственных работ и клубных занятий в колонии весной 1923 г. Интересны данные о разработке комплексных тем образовательной работы, среди которых есть поднятая самими воспитанниками тема о сельском хозяйстве в Соединенных Штатах.

Документ свидетельствует о поисках А. С. Макаренко путей соединения сельскохозяйственных работ с образованием, что было особенно важно для подготовки воспитанников к жизни.

Тов. завгубсоцвосом

(с. 24)

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 1, ед. хр. 52, л. 169—171. Заверенная машинописная копия. Оригинал находится в ЦГАОР УССР. Датировано маем 1923 г. Печатается впервые, с сокращениями.

В письме ярко подчеркнута особенность складывавшейся системы воспитания в колонии, в основе которой — единый коллектив педагогов и воспитанников, спаянный общим трудом, общим досугом, совместным культурным отдыхом и клубными занятиями. Это единство не исключало подразделения данного коллектива на педагогический и детский. Понятие «воспитательный коллектив» употреблялось А. С. Макаренко и в материалах, относящихся к 1922 г. (см. с. 21 наст. тома).

Макаренко не был сторонником работы педагогов «на износ», однако в конкретных условиях колонии не видел другого пути к успеху. Поэтому в письме подчеркиваются различия в условиях педагогической деятельности в колонии и обычной массовой школе.

Доклад о состоянии Полтавской трудовой колонии им. Горького

(с. 25)

ЦГАОР УССР, ф. 166, оп. 4, д. 937, л. 20—21, с об. Авторская машинопись, датирована 30 июня 1923 г. Фрагмент доклада опубликован Н. А. Морозовой (А. С. Макаренко: Семинарий. Л., 1961, с. 86). Большая часть материала опубликована на укр. яз. Н. П. Нежинским (*Життя і педагогічна діяльність А. С. Макаренка*. Киев, 1967, с. 74—75) и на русском языке А. А. Фроловым (А. С. Макаренко: Сборник. Львов, 1978, с. 122—125). Полностью публикуется впервые.

В публикуемом материале А. С. Макаренко впервые говорит о длительности организационного, самого трудного периода становления коллектива колонии, который завершился к концу 1922 г. В связи с этим в докладе ставится и вопрос о стаже педагогического коллектива, о необходимости сохранения основного состава воспитателей для успешного продолжения работы. Значительный интерес представляет анализ достижений воспитательной системы колонии. А. С. Макаренко вновь возвращается к установке органов народного образования на так называемую самокупаемость колонии и показывает ее вред как для хозяйственной жизни коллектива, так и для постановки воспитательной работы.

¹ *Робос* — сокр. укр. («робітники освіти») — работники просвещения.

² Как свидетельствуют архивные документы, колонии оказывалась материальная помощь со стороны органов народного образования и общественности. Стремясь скорее создать нормальные условия для работы, А. С. Макаренко сознательно заострял постановку хозяйственных вопросов.

Областному инспектору дефдетучреждений Харьковской области

(с. 27)

ЦГАОР УССР, ф. 166, оп. 4, д. 937, л. 13. Авторская машинопись с написанной рукой А. С. Макаренко датой и подписью-автографом, датирована 3 августа 1923 г. Опубликовано Н. А. Морозовой (А. С. Макаренко: Семинарий. Л., 1961, с. 87).

Из воспоминаний учителей, работавших с А. С. Макаренко в дореволюционные годы, известно, что Антон Семенович использовал оркестр еще в своей школьной практике. Впоследствии оркестр стал важным средством эстетического оформления коллективной жизни, создания «мажорного» стиля отношений, укрепления организованности и дисциплины колонистов. По архивным данным, колония им. М. Горького приобрела оркестр позднее, в 1927 г.

Областному инспектору учреждений Харьковской области

(с. 28)

ЦГАОР УССР, ф. 166, оп. 4, д. 937, л. 51—52, с об. Автограф, по содержанию текста и при сопоставлении с другими документами датируется сентябрем-октябрем 1923 г. Опубликовано с сокращениями А. А. Фроловым в книге «Организация воспитательного процесса в практике А. С. Макаренко: Учебное пособие» (Горький, 1976, с. 28—29).

В этом и последующих официальных письмах А. С. Макаренко в органы народного образования отсутствует наименование «инспектор дефдетучреждений», что свидетельствует о ликвидации в учреждениях соцвоса понятия «морально дефективные» дети. Весьма интересны соображения о необходимости сокращения общего числа воспитателей и использовании высвободившихся средств на оплату педагогов-инструкторов, увеличение доплаты воспитателям за стаж работы в колонии. Здесь просматривается важная идея дифференциации функций воспитателей с учетом конкретно выполняемой ими образовательной работы, руководства библиотекой, театром колонии и т. п. Большое значение в воспитании колонистов А. С. Макаренко придавал работе инструкторского персонала в мастерских колонии.

Отчетная ведомость о состоянии Полтавской трудовой колонии им. М. Горького за 1923 г.

(с. 29)

ЦГАОР УССР, ф. 166, оп. 4, д. 937, л. 5—6, с об. Бланк стандартной отчетной ведомости, напечатанный типографским способом и заполненный А. С. Макаренко. Автограф, датировано 6 февраля 1924 г. Фрагменты документа опубликованы в книге Н. А. Морозовой (А. С. Макаренко: Семинарий. Л., 1961, с. 87). Часть документа опубликована на украинском языке Н. П. Нежинским в упоминавшейся выше книге (с. 57) и на русском языке А. А. Фроловым (А. С. Макаренко: Сборник. Львов, 1978, с. 125—126). Печатается с сокращениями.

Помимо цифровых данных, позволяющих конкретизировать картину жизни колонии на конец 1923 г., отчет содержит ряд важных педагогических положений. А. С. Макаренко приходит к выводу о недопустимости одновременного выпуска из колонии большого числа старших воспитанников, составлявших ядро коллектива, и приема массы новичков, ибо это приводит коллектив к кризисному состоянию. Впервые вводится понятие «воспитательный процесс», впоследствии широко использовавшееся Макаренко. Центральное место в характеристике воспитательного процесса занимает развитие самоуправления, расширение его функций в жизни коллектива. Вместе с тем в отчете, как и в ряде предшествовавших материалов, коллектив характеризуется еще как «колонийская община». Весьма интересны данные о резком сокращении к концу организационного периода жизни колонии случаев грубых нарушений дисциплины и наказаний.

¹ Графа обозначена рукой А. С. Макаренко.

² Опускаются данные о количестве помещений в I и II колониях, жилой площади и площади двора, сада, огорода, полевых угодий. Далее вместо заполнения граф, предусмотренных отчетной ведомостью, Макаренко делает сплошную запись, выделяя приведенные ниже параграфы отчета.

³ *Радивончик* — прототип Родимчика в «Педагогической поэме».

⁴ *Весич В. А.* — воспитатель-учитель колонии с августа 1923 г., был одним из заместителей А. С. Макаренко. Прототип П. И. Журбина в «Педагогической поэме».

⁵ *Совет командиров* собирался в колонии еженедельно по субботам для распределения работ на следующую неделю, комплектования сводных отрядов. В дальнейшем его функции расширились. Решения совета о распределении работ и по другим вопросам проводились

приказом по колонии (позднее — по коммуне им. Ф. Э. Дзержинского) за подписью А. С. Макаренко и секретаря совета командиров, после чего эти решения вступали в силу. Такой порядок определялся принципом взаимосвязанных полномочий, который действовал в рамках единого коллектива воспитателей и воспитанников, являясь одним из путей осуществления педагогического руководства с помощью органов самоуправления коллектива.

⁶ *Сечение общины* (коллектива) — понятие, употребляемое А. С. Макаренко прежде всего в значении деления общего коллектива колонистов на первичные. Имелась в виду утвердившаяся к этому времени практика сочетания постоянных отрядов воспитанников и сводных, создававшихся временно для выполнения отдельных работ.

⁷ Опускается раздел отчета «5. Список воспитателей». Более полные данные о персонале колонии см. с. 36—37 наст. тома.

В отдел материального снабжения

(с. 31)

ЦГАОР УССР, ф. 166, оп. 4, д. 937, л. 10, с об. Автограф, датируется 15 марта 1924 г. Полностью публикуется впервые.

А. С. Макаренко вновь ставит вопрос о глубокой связи хозяйственной деятельности колонии и процесса воспитания. Здесь указывается также на опасения, которые могут возникнуть при централизации снабжения колонии. Известная хозяйственная самостоятельность коллектива (но не самокупаемость) имеет, по мнению А. С. Макаренко, важное воспитательное значение, так как предупреждает развитие потребительских настроений среди воспитанников, дает возможность включить детский коллектив в отношения хозяйской заботы о своем благосостоянии (см. об этом также с. 11, 46—47, 298—305 и др. наст. тома и Макаренко А. С. Соч.: В 7-ми т. Т. V, с. 53—58).

¹ *Параллелен* — здесь в значении соответствует.

Областному инспектору Харьковской области

(с. 32)

ЦГАОР УССР, ф. 166, оп. 4, д. 912, л. 175. Авторская машинопись с подписью-автографом А. С. Макаренко, датируется 30 марта 1924 г. Полностью публикуется впервые.

В письме А. С. Макаренко впервые ставит вопрос о выдаче карманных денег воспитанникам и о сбережении необходимых сумм для выпускников. Он рассматривал этот вопрос в общей системе экономического воспитания колонистов, считая, что они должны научиться разумно обращаться с деньгами. Позднее в коммуне им. Ф. Э. Дзержинского на определенном этапе развития ее производства была введена зарплата для коммунаров (см. об этом также с. 151, 161—162, 210 наст. тома и Соч.: В 7-ми т. Т. V, с. 193).

Главному инспектору охраны детства Главсоцвоса НКП УССР

(с. 33)

ЦГАОР УССР, ф. 166, оп. 4, д. 938, л. 29, с об. Автограф, датируется 16 июня 1924 г. Имеет заголовок «Главному инспектору охраны детства». Полностью публикуется впервые.

Документ интересен как свидетельство начавшегося к середине 20-х гг. снижения числа правонарушителей среди детей, поступавших в колонии, а также возрастного ценза этих детей и преобладания среди них просто педагогически запущенных.

Письмо А. П. Сугак

(с. 33)

Фонд Кременчугского педагогическо-мемориального музея А. С. Макаренко. Полностью публикуется впервые.

К середине 20-х гг., опираясь на достижения колонии им. М. Горького, А. С. Макаренко все более укрепляется в мысли о преимуществах учреждений соцвоса перед обычными школами (см. об этом также с. 139—140 наст. тома и Соч.: В 7-ми т. Т. V, с. 121—124).

В Главсоцвос НКП УССР. 15 июля 1924 г.

(с. 34).

ЦГАОР УССР, ф. 166, оп. 4, д. 912, л. 310. Автограф. Имеет заголовок «В Главсоцвос», датируется 15 июля 1924 г., на укр. яз. На документе угловой штамп Полтавской трудовой колонии им. М. Горького, исх. № 392. Имеются две резолюции: «Было рассмотрено на засед.

исп. кол. Главсоцвоса и удовлетворено» (17 июля 1924 г.) и «В Главпрофобр послана выписка из протокола» (25 июля). Перевод К. М. Ширяевой. Публикуется впервые.

В период, к которому относится письмо, колония им. М. Горького стала опытно-показательным учреждением НКП УССР. Поддержка органов народного образования, которой колония пользовалась и ранее, в этот период становится еще более заметной.

¹ *Ряппо Я. П.* (1880—1958) — советский деятель просвещения, в 1921—1928 гг. был заместителем наркома просвещения УССР, руководил научно-исследовательской работой в области педагогики на Украине.

В инспектуру охраны детства НКП УССР

(с. 34)

ЦГАОР УССР, ф. 166, оп. 4, д. 937, л. 31—32, с об., датируется 20 июля 1924 г., на укр. яз. Перевод К. М. Ширяевой и А. А. Фролова. Частично опубликовано в книге, указанной выше (Киев, 1967, с. 88—90). Публикуется с небольшими сокращениями.

Публикуемый документ раскрывает принципиальный подход А. С. Макаренко к вопросу о соотношении прав центральных органов народного образования и функций отдельных учреждений системы соцвоса. Макаренко считал, что на основе единого для всей системы юридического статуса, отраженного в Уставе, каждое учреждение должно вырабатывать правила и традиции жизнедеятельности, выявляя специфические условия своей работы. Примечательно, что в наше время помимо таких обязательных для всех школ документов, как Устав общеобразовательной средней школы, Правила для учащихся и т. п., многие школы разрабатывают единые педагогические требования, различные памятки и инструкции по вопросам ученического самоуправления и т. п., являющиеся внутришкольными документами.

В письме вновь ставится вопрос о необходимости относительной хозяйственной самостоятельности детских трудовых колоний для полноценного воспитания в духе социализма (см. по данному вопросу: *Макаренко А. С.* Соч.: В 7-ми т. Т. I, с. 701; т. II, с. 400—405; т. VII, с. 413).

¹ Трудовая колония им. М. Горького, а позднее и трудовая коммуна им. Ф. Э. Дзержинского имели свои конституции, т. е. выработанные в многолетней практике коллектива принципы, правила, требования к воспитанникам и педагогам во всех областях учения, труда, быта (см.: с. 52 наст. тома и *Макаренко А. С.* Соч.: В 7-ми т. Т. II, с. 405—412; т. V, с. 325—326).

² Примеры подобной переписки см. с. 24, 27—29, 31—34 и др. наст. тома, а также: *Макаренко А. С.* Соч.: В 7-ми т. Т. VII, с. 405—412.

Список персонала Полтавской трудовой колонии им. М. Горького на 1 сентября 1924 г. (с. 36)

ЦГАОР УССР, ф. 166, оп. 4, д. 937, л. 38—40, с об. Автограф без даты, на укр. яз. Таблица, на документе есть пометки проверяющего. Перевод В. К. Андриенко. Публикуется впервые, с сокращением.

Материал показывает, как в данный период жизни колонии им. М. Горького в педагогическом коллективе между воспитателями-учителями распределялись обязанности по педагогическому руководству коллективом воспитанников. А. С. Макаренко к тому времени удалось предотвратить угрожавший колонии в 1923 г. уход ряда педагогов, усовершенствовав организацию и оплату труда путем возложения на всех педагогических работников дополнительных обязанностей с доплатой за эту работу (см. также с. 29, 63, 64 наст. тома).

Многочисленность педагогического персонала колонии объяснялась ее тогдашним расположением в двух местах — Трибах и Ковалевке. Развитие самоуправления воспитанников в опыте А. С. Макаренко не вело к сокращению персонала. Упразднение должности воспитателя в коммуне им. Ф. Э. Дзержинского стало возможным благодаря наличию большого числа взрослых в производственных коллективах заводов коммуны. Эта мера сопровождалась усилением воспитательных функций учителей школы, преподавателей коммунарского рабфака.

Принципиальная позиция А. С. Макаренко состояла в том, что развитие самоуправления немислимо без педагогического руководства; такая установка была характерна и для научно-педагогической деятельности Н. К. Крупской. О роли педагогического руководства в воспитательном процессе см.: *Макаренко А. С.* Соч.: В 7-ми т. Т. V, М., 1958, с. 371.

¹ *Поповиченко В. И.* — воспитатель-учитель, работал в колонии в 1921—1925 гг. Пер-

вый заместитель А. С. Макаренко. Еще в 1918—1919 гг. работал под его руководством в Крюковском высшем начальном железнодорожном училище. В другом документе значится: «Окончил учительскую семинарию». Заведовал также мельницей, переданной колонии в аренду. Прототип И. И. Осипова в «Педагогической поэме».

² *Григорович Е. Ф.* — близкий друг А. С. Макаренко с первых лет его работы в дореволюционной школе. В 1920 г. заведовала школой в Полтаве. Работая вместе с А. С. Макаренко в колонии, затем до 1931 г. — в коммуне им. Ф. Э. Дзержинского, была его активной помощницей. Прототип Екатерины Григорьевны в «Педагогической поэме». Министерством просвещения УССР одной из первых награждена медалью А. С. Макаренко.

³ *Поповиченко Н. Т.* — воспитательница-учительница, работала в колонии в 1921—1925 гг. Вместе с мужем, В. И. Поповиченко, работала в 1918—1919 гг. в Крюковском железнодорожном высшем начальном училище под руководством А. С. Макаренко. Прототип Н. М. Осиповой в «Педагогической поэме».

⁴ *Чаплян Н. Д.* — прототип З. И. Буцай в «Педагогической поэме» (см.: *Макаренко А. С.* Соч.: В 7-ми т. Т. I, с. 688).

⁵ *Фере Н. Э.* — агроном колонии, прототип Э. Н. Шере в «Педагогической поэме». Впоследствии кандидат экономических наук, профессор Сельскохозяйственной академии им. К. А. Тимирязева.

⁶ *Богданович С. Л.* — прототип С. П. Богданенко в «Педагогической поэме».

⁷ *Николаенко М. П.* — прототип П. П. Николаенко в «Педагогической поэме».

⁸ *Козырь А. А.* — прототип Козыря-колесника в «Педагогической поэме».

⁹ А. С. Макаренко намеревался изобразить О. П. Ракович в «Педагогической поэме» как Н. В. Субботину (см.: *Макаренко А. С.* Соч.: В 7-ми т. Т. I, с. 694).

¹⁰ Далее опущены разделы «Технический персонал» и «Медицинский персонал».

Тезисы содоклада на Всеукраинском совещании комиссий по делам несовершеннолетних правонарушителей

(с. 37)

ЦГАОР УССР, ф. 166, оп. 4, ед. хр. 845, л. 187—188. Машинопись, имеет заголовок «Тезисы». Публикуются впервые.

Совещание состоялось в октябре 1924 г. в Главсоцвосе Наркомпроса УССР в Харькове. Оно подвело итоги работы комиссий по делам несовершеннолетних правонарушителей (комонесов) — межведомственных органов, осуществлявших в первые годы Советской власти принципиально новый подход к борьбе с правонарушениями несовершеннолетних, в основе которого лежали меры социальной защиты детства, воспитания и перевоспитания. Как содокладчик инспектора Главсоцвоса Наркомпроса республики И. А. Соколянского, впоследствии известного ученого-дефектолога, А. С. Макаренко выступил 10 октября 1929 г. по вопросу о методах борьбы с правонарушениями несовершеннолетних. В официальном отчете о совещании сказано: «Особый интерес вызвал доклад представителя Полтавской колонии им. Горького, достигшей в своей работе достаточно больших результатов» (Три съезда. Харьков, 1925, с. 42). О совещании см. также в журнале «Шлях освіти» («Путь просвещения») (Харьков, 1924, № 10, с. 254—255); ЦГАОР УССР, ф. 166, оп. 4, д. 845, л. 180—181.

Для правильной оценки основных положений доклада необходимо учитывать, что социалистические преобразования в Советской стране еще только начинались, еще предстояло, в соответствии с ленинским планом, «...пересесть, выражаясь фигурально, с одной лошади на другую, именно, с лошади крестьянской, мужицкой, обнищавшей, с лошади экономий, рассчитанных на разоренную крестьянскую страну, — на лошадь, которую ищет и не может не искать для себя пролетариат, на лошадь крупной машинной индустрии, электрификации, Волховстроя и т. д.» (*Ленин В. И.* Лучше меньше, да лучше. — Полн. собр. соч., т. 45, с. 405). Эту статью, опубликованную в «Правде» 2 марта 1923 г., видимо, читал и А. С. Макаренко.

Реальное знание условий единоличного крестьянского хозяйствования побуждало А. С. Макаренко весьма сдержанно оценивать воспитательный потенциал ряда распространенных мер, практиковавшихся комиссиями, в их числе возвращение несовершеннолетних правонарушителей в семьи, направление их в ремесленные артели и т. п. В докладе излагается и сформировавшийся в тот период замысел А. С. Макаренко, поддерживаемый рядом работников Главсоцвоса НКП УССР, который предусматривал укрепление и организационное объединение детских трудовых колоний в мощные хозяйственно-педагогические учреждения. В центре внимания Антона Семеновича была забота о выпускниках колонии, их будущем, в котором не должно быть места для возврата к недостойному прошлому, к мелкособственнической психологии и морали.

¹ Имеются в виду комиссии по делам несовершеннолетних правонарушителей.

² *Патронат* — одна из форм воспитания детей-сирот, способствовавшая в те годы разгрузке детских домов и колоний путем передачи ребенка на воспитание в семью (не обязательно родственную) по договору с органами народного образования или здравоохранения, если ребенок не достиг школьного возраста. Нередко патронат над подростками носил характер скрытой эксплуатации их труда в крестьянском мелкотоварном (кулацком) хозяйстве или ремесленной артели.

³ *Скаутизм* — одна из форм буржуазного воспитания детей и подростков, возникшая в Англии в начале XX в. и позднее получившая широкое распространение во многих капиталистических странах; скаутизм имел место и в дореволюционной России, а также в первые годы после революции. Цель скаутизма — формирование из детей как господствующих, так и эксплуатируемых классов активных защитников капиталистических порядков. Н. К. Крупская еще в 1919 г., указывая на несовместимость целей скаутизма с коммунистическим воспитанием детей, в то же время отмечала: «Нам многому надо учиться у бойскаутизма...» (см.: Пед. соч.: В 6-ти т. Т. 2, с. 54). 30 декабря 1921 г. Научно-педагогическая секция ГУСа по докладу Н. К. Крупской приняла постановление, в котором, в частности, было записано: «...Методы бойскаутизма, основанные на прекрасном знании психологии переходного возраста, заслуживают самого внимательного изучения и должны быть внесены как в практику РКСМ (младшего возраста, по преимуществу 14—16 лет), так и в практику единой трудовой школы» (ЦГА РСФСР, ф. 298, оп. 1, ед. хр. 44, л. 74).

Из работы «Кое-что о самоуправлении»

(с. 38)

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 97, л. 49—52, с об. Авторская машинопись. Незавершенная работа, без даты, по содержанию может быть отнесена к 1924—1925 гг. Данный фрагмент был опубликован под названием «Еще одна страница. Авторские материалы к главам «Педагогической поэмы» (см.: Литературная газета, 1963, 14 марта.) Квалификация данного источника как подготовительного материала к «Педагогической поэме» не имеет достаточных оснований; вероятно, это часть самостоятельной работы, которая не была завершена автором.

В этой работе А. С. Макаренко отходит от ранее использовавшегося им понятия «детская община», рассматривая коллектив и формирующуюся в нем личность как диалектическое единство. Обращает на себя внимание то, как остро критически реагировал Макаренко на смещение некоторыми педагогами понятий «индивидуальность» и «индивидуализм». Он боролся с вульгарными представлениями о коллективном воспитании как нивелирующем личность. Эта идея получила затем развитие во многих работах и выступлениях А. С. Макаренко. Приписываемая ему некоторыми буржуазными исследователями «недооценка» личности, индивидуальности даже в тот относительно ранний период макаренковского творчества была органически чужда советскому педагогу.

¹ Вопрос об индивидуальных огородах А. С. Макаренко рассматривает здесь в связи с комментированием похожего факта, описанного в книге С. Т. Шацкого «Дети — работники будущего», которая была посвящена опыту детских клубов и колонии общества «Сетлемент», организованному Шацким и его единомышленниками еще в дореволюционные годы. Попытка организовать коллективный огород окончилась у Шацкого неудачей (см.: *Шацкий С. Т.* Пед. соч.: В 4-х т. Т. 1. М., 1962, с. 212—218). Следует, однако, отметить, что сравнение дореволюционного опыта колонии общества «Сетлемент» с опытом колонии им. М. Горького не вполне корректно в силу совершенно разных социальных и педагогических условий.

² Такого рода ошибочное направление педагогической логики А. С. Макаренко позднее квалифицировал как «дедуктивное предсказание» и «этический фетишизм» (см.: *Макаренко А. С.* Соч.: В 7-ми т. Т. V, с. 104—105, 115—117). Подобным схоластическим, абстрактным рассуждениям он противопоставлял «специальный и очень детальный анализ» реального процесса воспитания в реальных условиях, конкретных ситуациях.

В Главсоцвос НКП УССР. 8 августа 1925 г.

(с. 40)

ЦГАОР УССР, ф. 196, оп. 6, ед. хр. 1823, л. 1—4, с об. Автограф. Имеет заголовок «В Главсоцвос». Публикуется впервые.

Публикуемая докладная записка А. С. Макаренко 23 сентября 1925 г. была одобрена на заседании Главного управления социального воспитания Наркомпроса Украины. На основе

предложений А. С. Макаренко возник план создания в районе Запорожья на базе колонии им. Горького Центральной украинской колонии для несовершеннолетних правонарушителей. Возникновение проекта получило впоследствии отражение в «Педагогической поэме». Однако осуществление проекта произошло в форме объединения колонии им. М. Горького с Куряжской колонией под Харьковом. В мае 1926 г. путем этого объединения произошло укрупнение горьковской колонии.

Идею создания крупных, объединенных учреждений системы соцвоста, в которых организованное на современном уровне промышленное или сельскохозяйственное производство было бы полностью подчинено решению педагогических задач, А. С. Макаренко продолжал развивать и в ряде последующих работ (см. с. 55—63, 205—212 наст. тома, а также относящийся к 1932 г. план объединения коммуны им. Ф. Э. Дзержинского с колонией им. М. Горького в виде «федерации», «комбината» (Макаренко А. С. Соч.: В 7-ми т. Т. VII, с. 479—480), и проекты организации трудового детского корпуса (см. там же, с. 401—411, 438—447).

Наряду с чисто деловой аргументацией в пользу укрупнения колоний системы соцвоста документ обращает внимание на ряд принципиальных проблем теории и практики коммунистического воспитания. В их числе — развитие А. С. Макаренко критики идей так называемой самокупаемости колоний, разработка им «системы воспитывающих влияний», обоснование самоуправления воспитанников, исходя из принципа демократического централизма. Сочетание деятельности коллективного органа в виде общего собрания колонистов с широким использованием выборных полномочий и индивидуальных поручений — важная черта системы самоуправления в опыте Макаренко, сложившаяся в его опыте к середине 20-х гг.

¹ Трудности первых лет колонии были связаны с общим крайне сложным социально-экономическим положением страны в начале 20-х гг. Вместе с тем документы свидетельствуют, что даже в те годы колония им. М. Горького в своей хозяйственной деятельности опиралась на материально-финансовую помощь советских и общественных организаций.

² Говорится о Центральной комиссии помощи детям УССР (другое наименование — комиссия по улучшению жизни детей, сокращенно «помдет»). Первым председателем Деткомиссии при ВЦИКе был Ф. Э. Дзержинский. Председателем ЦКПД УССР был Г. И. Петровский, председатель ВУЦИКа в 1919—1938 гг. (с 1936 г. — Председатель Президиума Верховного Совета УССР).

³ Как видно из употребления слова «капиталистически» в кавычках и общего контекста, здесь имеются в виду свойственные современному производству промышленная организация труда и концентрация производства, обеспечивающие более высокую производительность труда по сравнению с хозяйствами мелкотоварных производителей, ремесленников.

⁴ Имеется в виду применение наказаний. Этот вопрос остро обсуждался в педагогической теории и практике второй половины 20-х гг. Во многих школах наблюдались попытки возврата к мерам наказания, типичным для буржуазной педагогики, возложения на органы ученического самоуправления в основном дисциплинарных, «полицейских», по выражению Н. К. Крупской, функций. Об этом она, в частности, писала в статье «Школьное самоуправление», опубликованной в журнале «На путях к новой школе» (см.: *Крупская Н. К.* Пед. соч.: В 6-ти т. Т. 2, с. 384—387).

А. С. Макаренко был непримиримым противником физических и других унижающих достоинство личности воспитанника мер наказания. Вместе с тем опыт колонии им. М. Горького давал ему основания отстаивать необходимость педагогически и этически оправданных мер наказания. В огульном отрицании любых наказаний Макаренко видел рецидивы идей и практики так называемого свободного воспитания.

⁵ А. С. Макаренко сравнивает некоторые функции педагогического совета с функциями Научно-педагогического комитета Наркомпроса УССР. Педсовет в колонии им. М. Горького и позднее в коммуне им. Ф. Э. Дзержинского, возглавлявшийся Макаренко, руководил основными направлениями учебно-воспитательного процесса на научно-педагогической основе.

⁶ *Механическое влияние* (действующее как бы машинально, автоматически) — выражение, тесно связанное в терминологии А. С. Макаренко с такими понятиями, как «технологическая логика» в воспитании, «педагогическая техника» и др., общий смысл которых состоял в расширении традиционных рамок толкования педагогического процесса как процесса только межличностных отношений воспитателя и воспитанников (см., напр.: Макаренко А. С. Соч.: В 7-ми т. Т. I, с. 556—564; т. V, с. 505, а также с. 107, 108 наст. тома).

Очерк о работе Полтавской колонии им. М. Горького
(с. 44)

Впервые опубликован в издании: Макаренко А. С. Соч.: В 7-ми т. Т. 7. М., 1952. По содержанию датируется: не ранее августа 1925 г. Печатается по указанной публикации.

Очерк — обобщение опыта колонии за относительно длительный и самый трудный период ее существования — первые пять лет. Самые большие по объему разделы очерка посвящены остро обсуждавшимся в тот период в педагогической печати проблемам самоуправления и дисциплины. Главное внимание А. С. Макаренко направлено на то, чтобы разъяснить свои позиции, правильно истолковать опыт колонии.

¹ Приводятся средние цифры. По месяцам число колонистов изменялось, их состав был текучим из-за периодических выпусков и приема новых воспитанников (см. с. 13—14, 29 наст. тома).

² Колония была опытно-показательным учреждением Наркомпроса УССР с начала 1923 г. до октября 1926 г. Вскоре после переезда в Куряж колония была переведена с республиканского бюджета на госбюджет Харьковской окрinspectуры наробраза.

³ Это высказывание нельзя толковать буквально. В действительности, зная о прошлом воспитанников, педагоги как бы игнорировали его в отношениях с детьми, полагаясь на силу нового социально-нравственного опыта, формировавшегося в условиях коллектива колонии.

⁴ Примечательно, что, отстаивая право коллектива на использование в необходимых случаях педагогически и этически оправданных мер принуждения (наказания), А. С. Макаренко вместе с тем был против принудительного содержания детей в колонии, оставляя за ними возможность оставить коллектив. «Удержание личности в коллективе», по Макаренко, — это проблема, которая должна решаться лишь морально-психологическими средствами (см. с. 141 наст. тома).

⁵ Как и Н. К. Крупская, А. С. Макаренко считал, что самоуправление воспитанников не может успешно развиваться лишь на основе «самоорганизации», без педагогического руководства. Позднее эта идея сформировалась в его опыте и теоретических воззрениях как концепция *воспитательного коллектива*, включающего воспитанников, педагогов, мастеров, рабочих и служащих и подчиняющего всю свою многообразную деятельность педагогическим задачам.

⁶ В авторской машинописи стерто.

Тезисы доклада «Организация воспитания трудного детства»

(с. 53)

Впервые опубликованы в издании: Макаренко А. С. Соч.: В 7-ми т. Т. 7. Печатаются по указанной публикации.

Доклад был сделан на Первой Всеукраинской конференции детских городков, которая была организована Главсоцвосом Наркомпроса УССР и проходила в г. Одессе 30 сентября — 5 октября 1926 г., на базе крупнейшего на Украине Первого Одесского детского городка им. III Интернационала, с 2250 воспитанниками.

В докладе А. С. Макаренко продолжал развивать идею укрупнения учреждений системы соцвоса республики, в связи с чем обращал особое внимание на необходимость изменения юридического и материально-финансового статуса колоний. Главсоцвосом был в принципе поддержан предложенный им план создания «Всеукраинской трудовой детской армии», которая должна была объединить в социально-педагогической системе 63 тыс. детей и подростков, содержащихся в учреждениях соцвоса республики. В порядке опыта Наркомпрос республики предложил Антону Семеновичу организовать «детский корпус» в Харьковском округе, объединив вокруг колонии им. М. Горького 30 детских учреждений интернатного типа, в том числе 18 колоний, с общим контингентом 10 тыс. воспитанников. Несколько позднее, с августа 1927 г. по февраль 1928 г. А. С. Макаренко возглавлял Управление детдомов, колоний и учреждений для рабочих подростков Харьковского округа, заведывая одновременно колонией им. М. Горького, а с октября 1927 г. и коммуной им. Ф. Э. Дзержинского, созданной в системе учреждений ГПУ УССР.

Основываясь на обобщении 6-летнего опыта колонии, «Тезисы» были вместе с тем нацелены на обоснование путей более широкого практического применения «горьковской» системы. Выступление А. С. Макаренко было, по свидетельству организаторов конференции, «лучшим докладом, наиболее оживившим конференцию». Некоторые из положений доклада легли в основу ряда резолюций конференции по работе не только учреждений для несовершеннолетних правонарушителей, но и обычных детских городков и колоний, где в основном были беспризорные.

Знаменательно, что в данном докладе ясно выражено критическое отношение А. С. Макаренко к установкам авторитетных в то время ученых-педагогов П. Г. Бельского, А. Б. Залкинда. Идеи буржуазного юриста Л. И. Петражицкого, роль которого в развитии отечественной психологии Антон Семенович в 1922 г. явно переоценивал (см. с. 10 наст. тома), теперь также

рассматриваются сдержанно-критически. Существенным для понимания развития взглядов А. С. Макаренко на этом этапе является выдвинутое им в докладе положение о том, что сущность проблемы так называемого дефективного детства не в порочности якобы самой природы ребенка, а в дефективности отношений между обществом и формирующейся личностью.

¹ *Залкинд А. Б.* (1889—1936) — врач-психоневролог, один из теоретиков так называемой социогенетической концепции педологии. Имеется в виду, вероятно, его статья «Дети, социально выбитые из колеи (О разделении их на группы и способах на них педагогического воздействия)». — На путях к новой школе, 1924, № 10—12 (см. также его статью «О тех, кто еще вчера был на улице». — Дитячий рух (Детское движение). Харьков, 1928, № 4).

² *Бельский П. Г.* (1879—1948) — педолог-дефектолог. Говорится, по-видимому, о его статье: «Типология этически дефективных несовершеннолетних». — В кн.: Вопросы воспитания нормального и дефективного ребенка. М., 1924; см. также его статью «Новейшая» система перевоспитания беспризорных» (в сб.: Вопросы изучения и воспитания личности: (Педология и дефектология), 1928, № 2).

³ См. комментарий к статье на с. 332—333.

⁴ Внимание А. С. Макаренко к правовым отношениям в процессе воспитания — характерная черта его педагогической системы, основы которой сформировались в период работы в колонии им. М. Горького. Следует отметить, что этот аспект воспитательного процесса еще явно недостаточно разрабатывается в современных педагогических исследованиях.

⁵ Так в авторской машинописи. Возможно, следует читать: «...отбора, борьбы за существование...»

Письмо Г. С. Салько

(с. 55)

Впервые опубликовано в издании: *Макаренко А. С.* Соч.: В 7-ми т. Т. VII (М., 1958). Печатается по указанной публикации.

Письмо адресовано Галине Стахиевне Салько, впоследствии в 1929 г. ставшей женой А. С. Макаренко, его соратницей в педагогической и литературной деятельности. Будучи председателем комиссии по делам несовершеннолетних Харьковского окрисполкома, Г. С. Салько активно участвовала в делах колонии им. М. Горького после переезда ее в Куряж, на окраину Харькова. Позднее работала в коммуне им. Ф. Э. Дзержинского. А. С. Макаренко предполагал изобразить ее в «Педагогической поэме», по-видимому, под фамилией Лосевой (см.: *Макаренко А. С.* Соч.: В 7-ми т. Т. I (М., 1952), с. 686).

Письмо отражает историю объединения управления колониями и детдомами Харьковского округа, которое было начато в то время под руководством А. С. Макаренко. Его предложения были приняты лишь частично, что отрицательно сказалось на осуществлении данного проекта и в конечном счете привело к прекращению работы в этом направлении.

Проект организации трудового детского корпуса Харьковского округа

(с. 55)

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 98. Без даты. По содержанию и смежным документам относится к середине 1927 г. Впервые опубликован в издании: *Макаренко А. С.* Соч.: В 7-ми т. Т. 7 (М., 1952). Печатается по данной публикации.

Документ подготовлен А. С. Макаренко в период, когда он, заведя колонией им. М. Горького, начал одновременно работать в Управлении детдомов, колоний и учреждений для рабочих подростков Харьковского округа. Есть основания полагать, что Макаренко спешил согласовать с руководством Главсоцвоса все детали своего проекта, так как только полное и последовательное осуществление разработанной в опыте колонии им. М. Горького воспитательной системы могло, по его мнению, принести желаемый успех.

В проекте привлекает внимание ряд новых идей, вызванных перспективой объединения столь большого количества различных интернатных учреждений округа. Мы видим замысел А. С. Макаренко дифференцировать функции колоний и детдомов, которые намечалось объединить в корпус, и по мере необходимости перемещать воспитанников из одного учреждения в другое. Это помогает понять, почему Макаренко так настаивал на том, чтобы проект был принят целиком, без каких-либо изменений и ограничений. Корпус, таким образом, должен был стать своеобразным экспериментальным социально-педагогическим комплексом.

Проект Устава управления детскими школьно-трудовыми колониями
(с. 60)

ХОГА, ф. Р-845, оп. 3, д. 1778, л. 219—221. Машинопись, с заголовком: «Устав управления детскими школьно-трудовыми колониями». Датировано 4 октября 1927 г. На первом листе сверху надпись: «По заявлению т. Макаренко сам Устав отпадает». Публикуется впервые.

Документ был подготовлен в дополнение к «Проекту организации трудового детского корпуса Харьковского округа» и преследовал цель согласования с Главсоцвосом и Харьковским окрисполкомом основных материально-финансовых условий, на базе которых должно было функционировать Управление детскими трудовыми школьными колониями. В самом названии этого учреждения не случайно появилось слово «школьными». Этим А. С. Макаренко стремился подчеркнуть ведущий характер общеобразовательной функции детских трудовых колоний. Последние мыслились как бюджетные учреждения, а средства, которые были бы получены за счет участия воспитанников в производительном труде, рассматривались как дополнительные к бюджетным ассигнованиям.

На заседаниях 4 и 6 октября 1927 г. финотдел Харьковского окрисполкома не согласился с финансовым обоснованием данного документа и составленным А. С. Макаренко проектом положения об отпуске средств на содержание детских школьно-трудовых колоний. Видимо, это побудило А. С. Макаренко подать заявление о том, что, поскольку финансовое обоснование, предложенное им, не принимается, то и проект устава управления детскими школьно-трудовыми колониями тоже отпадает, о чем говорит надпись на документе. 11 ноября 1927 г. Харьковским окрисполкомом было принято компромиссное решение. В это время он принимает предложение ГПУ УССР о переходе на работу в коммуну им. Ф. Э. Дзержинского, оставаясь по совместительству заведующим колонией им. М. Горького. Объединение колоний и детдомов Харьковского округа, за которым должно было последовать и создание «Всеукраинской трудовой детской армии», не было завершено.

¹ Говорится об учебно-воспитательных учреждениях интернатного типа.

² Далее, после запятой, кем-то записано от руки на украинском языке: «г. Харькова, его районов».

³ Речь идет о профсоюзе работников просвещения.

⁴ Далее одно слово неразборчиво.

⁵ Так в тексте: за п. 21 следует п. 24.

В президиум окрплана

(с. 63)

ХОГА, ф. Р-845, оп. 3, д. 113—114, с. об. Автограф, без даты. По содержанию и смежным документам материал датируется концом 1927—началом 1928 г. Публикуется впервые.

Документ интересен педагогическим обоснованием изложенных в нем финансово-бюджетных соображений. Отстаивание права колонии им. М. Горького самостоятельно распределять фонды зарплаты и составлять штатное расписание А. С. Макаренко обосновывает с точки зрения организации целостного учебно-воспитательного процесса, в котором как обучение в школе, так и организация трудовой деятельности и внеурочной воспитательной работы должны осуществляться одним и тем же педагогическим коллективом. В этой связи в письме Макаренко в президиум Харьковского окрисполкома 19 января 1928 г. говорится: «Будучи колонией Наркомпроса в Полтаве и потом в Куряже, по специальному разрешению финансового совета, как опытная колония, колония им. М. Горького всегда имела специально уменьшенный штат, за счет чего колония имела возможность приглашать лучших работников...» (ПОГА, ф. Р-845, оп. 3, д. 1386, л. 51).

Вместе с тем есть основания полагать, что отмена окрпланом права колонии им. М. Горького самостоятельно составлять штатное расписание в пределах предусмотренных бюджетом ассигнований в значительной степени была связана с тяжелым материально-финансовым положением детских учреждений округа в данное время.

Вроде методического плана клубной работы

(с. 64)

ЦГАЛИ, ф. 332, оп. 1, ед. хр. 26, л. 1—9. Авторская машинопись, не датирована. По тексту и смежным источникам можно отнести к началу 1928 г. (10 и 24 января 1928 г. на двух заседаниях педсовета коммуны им. Ф. Э. Дзержинского обсуждался вопрос об организации клубной работы). С сокращением опубликовано Ю. Л. Львовой: А. С. Макаренко / Отв. ред. Ф. И. Нау-

менко. Кн. 5. Львов, 1963, с. 173—179. Печатается с небольшим сокращением.

Развернутая постановка проблем методики организации клубной работы в самом начале деятельности коллектива коммуны дзержинцев свидетельствует, что А. С. Макаренко придавал ей важное значение.

¹ Здесь и далее даются инициалы воспитателей-учителей коммуны им. Ф. Э. Дзержинского. В их числе — В. Н. Терский, работавший в колонии им. М. Горького со второй половины 1926 г. и затем в коммуне все годы ее существования. Прототип В. Н. Терского в «Педагогической поэме», «Марше 30 года», «ФД-1»; во «Флагах на башнях» — Маленький, в «Типах и прототипах» — Кубанов. В. Н. Терский — автор ряда книг по методике клубной работы, развивал в этой области педагогические идеи А. С. Макаренко. Был удостоен звания заслуженного учителя школы РСФСР.

² *Руковод* — так назывались в 20-е гг. педагоги, которые руководили отдельными группами.

³ *Таким чином (укр.)* — таким образом.

⁴ *Навпаки (укр.)* — наоборот, напротив.

⁵ Так называли первоклассников, среди которых в колонии было много переростков.

⁶ *Сиречь (старослав.)* — то есть.

⁷ См. «Докладную записку об организации свободной мастерской», с. 68 наст. тома.

Докладная записка об организации свободной мастерской

(с. 68)

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 387. Без даты, по содержанию можно отнести к началу 1928 г. Впервые опубликована в издании: *Макаренко А. С. Соч.: В 7-ми т. Т. VII (М., 1958)*.

Записка адресована в правление коммуны им. Ф. Э. Дзержинского, орган, созданный ГПУ УССР для повседневного управления делами коммуны и состоящий из 5 человек. Общее руководство осуществлял совет коммуны из 22 человек.

¹ Необходимые средства были выделены, и вскоре такая мастерская в коммуне была открыта. Подобные формы политехнического обучения, воспитания творческих технических способностей и индивидуальных трудовых склонностей, а также организации кружковой работы сохраняют большую ценность и в настоящее время (см. также: *Макаренко А. С. Соч.: В 7-ми т. Т. V (М., 1958)*, с. 73).

Доклад на заседании секции социального воспитания

Украинского научно-исследовательского института педагогики

(с. 69)

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 145. Стенограмма. Впервые опубликован в издании: *Макаренко А. С. Соч.: В 7-ми т. Т. V (М., 1958)*. При подготовке данной публикации название уточнено. Печатается с небольшими сокращениями.

Материал включает доклад А. С. Макаренко 14 марта 1928 г. на организованном по инициативе правления коммуны им. Ф. Э. Дзержинского заседании секции социального воспитания НИИ педагогики УССР, в котором приняли участие члены правления коммуны и представители Главсоцвоса Наркомпроса республики. Доклад посвящен характеристике разногласий между А. С. Макаренко и институтом по поводу представленного Антоном Семеновичем в правление коммуны проекта ее организации. Накануне выступления с докладом, 13 марта 1928 г. проект А. С. Макаренко обсуждался в Украинском НИИ педагогики и вызвал ряд серьезных возражений. Защищая проект организации коммуны, основанный на опыте колонии им. М. Горького, он выдвигал важные положения, получившие впоследствии обобщенное название «педагогической логики» (см.: *Макаренко А. С. Соч.: В 7-ми т. Т. V (М., 1958)*, с. 104—106), в частности о практической целесообразности, диалектичности воспитательных средств, необходимости использования их в определенной системе.

Это свидетельствует о возросшей методологической зрелости его педагогических воззрений ко времени начала работы в коммуне им. Ф. Э. Дзержинского.

Как видно из стенограммы заседания (ЦГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 145, л. 1—33, с об.), многие из его участников неверно восприняли назначение и характер представленных А. С. Макаренко принципов организации и конституции коммуны. Макаренко рассматривал их как проекты чисто внутренних документов коллектива коммуны, предназначенных прежде всего для воспитанников. Этим объяснялось и отсутствие в данных материалах общих положений, которые относились бы не к специфике коммуны, а к характеристике системы коммунистического воспитания в целом. С этим связано и то, что Антон Семенович сознательно избегал

излишней детализации конституции, рассчитывая на творчество работников и воспитанников коммуны, на развитие коллективных традиций. Не поняв существа этого замысла, многие из выступавших критиковали проект за отсутствие в нем якобы идеологической выдержанности классовой установки и т. п. Было даже высказано суждение о противоречии проекта «основным принципам соцвоса».

Острота обсуждения в значительной мере объяснялась принципиальной позицией, занятой А. С. Макаренко в вопросе о воспитании сознательной дисциплины, об использовании наказаний. В принятом в 1928 г. методическом письме Наркомпроса РСФСР «О состоянии и мерах дисциплины в школе», которое широко использовалось и на Украине, и в других республиках, наряду с верными положениями и рекомендациями неправомерно исключалось применение каких-либо мер наказания. А. С. Макаренко занимал позицию открытого несогласия с этой установкой, отстаивал возможность и необходимость педагогически целесообразного использования наказания в общей системе воспитания сознательной дисциплины.

Вместе с тем необходимо иметь в виду, что А. С. Макаренко, как и Н. К. Крупская и А. В. Луначарский, выступал против стремления некоторых педагогов поддерживать дисциплину в основном с помощью наказаний. Он рассматривал дисциплину как закономерный результат всей организации учебно-воспитательного процесса, придавая особое значение дисциплинирующей роли общественного мнения сплоченного детского коллектива. Такой подход к проблеме воспитания сознательной дисциплины Макаренко развивал и позднее, в 30-е гг., когда применение наказаний к нарушающим дисциплину учащимся было признано целесообразным.

Несмотря на остроту возникших в ходе обсуждения разногласий, доклад А. С. Макаренко произвел на участников совещания большое впечатление своей аргументацией, тактом, выдержкой. В заключительном слове директор института А. И. Попов назвал его признанным виртуозом в области педагогической техники. Совещание создало комиссию в составе И. А. Соколянского, представлявшего Главсоцвос, А. И. Попова и А. С. Макаренко для выработки резолюции, отражающей мнение института. Впоследствии руководители и сотрудники института пытались со своих позиций какое-то время практически участвовать в разработке педагогических основ деятельности коммуны, но жизнь подтвердила правоту А. С. Макаренко. Об этом, в частности, свидетельствует и принятая позднее конституция коммуны («Конституция страны ФЭД»). В этом документе получили отражение все основные положения, которые А. С. Макаренко защищал в своем докладе (см.: *Макаренко А. С. Соч.:* В 7-ми т. Т. II, с. 405—412).

¹ Конец доклада. Далее следует выступление А. С. Макаренко в прениях и его заключительное слово.

О некоторых проблемах теории и практики воспитания

(с. 80)

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 97, л. 3—24. Авторская машинопись, без заголовка и даты, с правкой автора. По содержанию материал датируется: не ранее ноября 1927 г. — не позднее июля 1928 г. Впервые опубликовано по частям: *Макаренко А. С. Соч.:* В 7-ми т. Т. 1 (М., 1952), под редакционными заголовками «Наши скромные желания» и «Воспитатель»; *Учительская газета*, 1957, 14 марта, под редакционным заголовком «О путях общественного воспитания». Анализ архивного источника показывает, что публикуемый материал был задуман как статья в объеме 1 печатного листа. Заголовок дан составителями настоящего издания. Печатается с некоторыми сокращениями.

Статья характеризует размышления А. С. Макаренко о путях развития системы соцвоса в условиях, когда наметилась тенденция сокращения числа детских домов. В изданной в 1927—1929 гг. «Педагогической энциклопедии» под ред. А. Г. Калашникова, в частности, отмечалось, что с 1921/22 г., когда детдома обслуживали 540 тыс. детей, их контингенты сократились в 4 раза. В связи с этим несколько позднее, в 1930 г., Н. К. Крупская в статье «О социальном воспитании» писала: «Нам надо сейчас приступить к стройке целой системы учреждений социального воспитания, учреждений массового характера, имеющих в виду обслуживание всех детей и доступных для всех» (Пед. соч.: В 6-ти т. Т. 4, с. 254). Нетрудно заметить, что с этим соображением Крупской совпадает и общая направленность публикуемого материала Макаренко.

В начале 20-х гг. на Украине детские дома рассматривались как ведущая форма организации учебно-воспитательных учреждений, что было связано с последствиями гражданской войны, необычайно широкими масштабами детской беспризорности. Несмотря на наметившуюся

ся тенденцию значительного сокращения числа детдомов, А. С. Макаренко и в этот период считал, что им принадлежит будущее. Целостность педагогического процесса, его направленность в соответствии с целями коммунистического воспитания могли быть обеспечены, по его мнению, лишь путем сосредоточения всех воспитательных функций в государственных учреждениях.

Макаренко верно угадывал, что начавшееся строительство социализма, индустриализация страны повлекут за собой разрушение старого семейного уклада и необходимость усиления общественного воспитания детей. Однако в тот период он еще не мог предугадать перспектив в развитии воспитательных функций общеобразовательной школы и новой, социалистической семьи, чем и объясняется несколько односторонний характер его рассуждений о детском доме как якобы единственно отвечающем потребностям общества типу учебно-воспитательного учреждения. Впоследствии, в 30-е гг., он приходит к более верным представлениям о взаимодействии школы, семьи, других социальных институтов в процессе коммунистического воспитания детей и молодежи.

¹ Школа, получение молодежью полноценного образования занимали в воззрениях и практическом опыте А. С. Макаренко очень важное место; колония им. М. Горького и коммуна им. Ф. Э. Дзержинского в учебной работе были передовыми учреждениями. Однако Макаренко выступал против тенденции сводить всю воспитательную работу лишь к учебному процессу.

² Подобные суждения в педагогической теории А. С. Макаренко позднее характеризовал как ошибки типа дедуктивного предсказания (см.: Соч.: В 7-ми т. Т. V, с. 104—105, 115).

³ В данном месте статьи, как и в других подобных высказываниях А. С. Макаренко, отразилась острота его полемики с теми педагогами 20-х гг., которые абсолютизировали определение В. И. Лениным социалистической общественной дисциплины как сознательной применительно к задачам воспитания детей и подростков, сводя эту проблему лишь к осознанию детьми норм дисциплины, добровольному подчинению этим нормам. При этом явно недооценивалось воспитательное значение практической деятельности детей, приучение их к выполнению норм дисциплинированного поведения.

⁴ Гринько Г. Ф. (1890—1938) — советский государственный и партийный деятель, нарком просвещения УССР в 1919—1922 гг.

⁵ Книга Н. Н. Иорданского «Основы и практика социального воспитания» вышла в свет в Москве вторым изданием в 1923, третьим — в 1924, четвертым — в 1925 г. Выписки А. С. Макаренко из этой книги, изданной на украинском языке, см.: ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 189, л. 1—2. Там же (л. 2) — его выписки из книги В. Н. Шульгина «Основные вопросы социального воспитания» (вторым изданием вышла в свет в Москве в 1924 г.). На л. 3 см.: выписки из книги Л. Джемсона «Очерки марксистской психологии» (издана в Москве в 1924 г.).

Резкость критических высказываний А. С. Макаренко по поводу страниц книги Иорданского, посвященных работе воспитателя, связана с тем, что подготовка воспитателей для учреждений соцвоса в то время была поставлена неудовлетворительно. Педагогические учебные заведения готовили будущих учителей в основном лишь к учебной работе. В общеобразовательных школах еще не было классовых руководителей. Не разработана была в педагогической теории и методика организации воспитательного процесса в условиях детского дома, колонии; в частности, не был освещен вопрос о педагогическом коллективе, которому Макаренко придавал особенно важное значение. Публикуемый материал показывает, что к концу 20-х гг. многие исходные позиции А. С. Макаренко по этим вопросам уже сформировались.

⁶ *Иновец* — так называли тогда учителей-воспитателей, окончивших Институт народного образования.

Предисловие к альбому «Наши жизни — Горькому — горьковцы»

(с. 91)

Архив А. М. Горького Института мировой литературы АН СССР им. А. М. Горького, ДПГ-20-75-1. Авторская машинопись, без даты. Написано в 1928 г. к приезду А. М. Горького в колонию его имени. Впервые опубликовано в издании: Макаренко А. С. Соч.: В 7-ми т. Т. 7 (М., 1952).

Книга-альбом с биографиями колонистов была преподнесена А. М. Горькому 8 июля 1928 г., в первый день его пребывания в колонии. За предисловием А. С. Макаренко в альбоме следуют перепечатанные на машинке им самим статья воспитателя колонии С. Ковпаненко «Правда о горьковцах» и 264 биографии колонистов-горьковцев. Материал иллюстрирован 32 фотоснимками о жизни колонии. А. М. Горький тепло отозвался об этом альбоме в очерке «По Союзу Советов», опубликованном в журнале «Наши достижения» в 1929 г. (книга 2). См.: Горький А. М. Собр. соч.: В 30-ти т. Т. 17. М., 1953.

Привет пионерам!

(с. 92)

Впервые опубликовано в украинском пионерском журнале «Октябрьские всходы» (Харьков, 1928, № 12). Публикация приветствия А. С. Макаренко произведена в связи с помещенной в том же номере журнала корреспонденцией о военизированном походе харьковской пионерии в колонию им. М. Горького 30 июня — 1 июля 1928 г.

Печатается по указанной публикации.

Письмо заведующему Главным управлением социального воспитания НКП УССР

(с. 92)

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 251. Без даты, по содержанию можно предположить, что оно написано не ранее 11 июля — не позднее августа 1928 г. Впервые опубликовано в издании: Макаренко А. С. Соч.: В 7-ми т. Т. 7 (М., 1952).

Письмо адресовано заведующему Главсоцвосом Наркомпроса Украины В. А. Арнаутову, который при посещении колонии во время приезда туда А. М. Горького предложил А. С. Макаренко пойти на «минимальные уступки» в сложившейся к тому времени системе организации воспитательного процесса в колонии, согласиться с некоторыми из замечаний, высказывавшихся в адрес Макаренко сотрудниками Наркомпроса и НИИ педагогики, чтобы предотвратить таким компромиссом его отстранение от заведования колонией (см. с. 251—252 наст. тома).

Материал примечателен как свидетельство того, что даже в столь критической ситуации А. С. Макаренко считал невозможным отступление от каких-либо «деталей» сложившейся к тому времени системы работы в колонии, рассматривая эту систему как органическое целое. С 1 сентября 1928 г. согласно поданному Макаренко ранее заявлению он был освобожден от работы в колонии им. М. Горького и продолжал развивать «горьковскую» систему в коммуне им. Ф. Э. Дзержинского.

Вопрос о том, какой коллектив в том или ином воспитательном учреждении является первичным, А. С. Макаренко решал в зависимости от конкретных условий и уровня развития воспитательного коллектива в целом. В массовой школе он видел первичный коллектив в классе. В его трудовой колонии и коммуне первичным коллективом был отряд, организованный главным образом по производственному принципу, а также по принципу учебному и разновозрастному.

² Говорится об Ахтырском детском городке УССР; детскими городками назывались воспитательные учреждения системы соцвоса с большим числом воспитанников.

В правление трудкоммуны им. Ф. Э. Дзержинского

(с. 94)

ЦГАЛИ СССР, ф. 332. Датируется 12 июля 1928 г. К документу приложен список выпускников: на производство — 9 человек, на рабфаки — 6 (в том числе 5 на «технологические» и 1 на медицинский). Возраст: 17 лет — 2, 18 лет — 11, 19 лет — 2. Публикуется впервые.

Еще в колонии им. М. Горького А. С. Макаренко придавал большое значение выпуску воспитанников из педагогического учреждения, рассматривая его как один из вопросов методики организации воспитательного процесса. Более подробно см. по этому вопросу специальный раздел его работы «Методика организации воспитательного процесса» (с. 330—331 наст. тома). Он выдвигал идею патронирования выпускников коллективов коммуны (см.: ЦГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 97, л. 55, 64—65, с об.).

Сокращение расходов

(с. 94)

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 97, л. 55—62 об. Авторская машинопись, без даты. В конце первой страницы дан под цифрой «3» заголовок раздела «Сокращение расходов». Часть раздела отсутствует; до пропуска имеется 6 нумерованных автором страниц, после пропуска идет нумерация, начиная со с. 17. По содержанию датируется июлем 1928 г. Часть материала опубликована А. А. Фроловым (Школа и производство, 1978, № 3, с. 27—28). Публикуется с небольшими сокращениями.

Материал представляет собой раздел обширного доклада А. С. Макаренко правлению коммуны им. Ф. Э. Дзержинского, где он изложил свои соображения по поводу предложений

правления о дальнейшем развитии коммуны и представил финансовую смету на будущий год.

Данная публикация особенно актуальна в современных условиях, когда соединение обучения учащихся общеобразовательных школ с их участием в производительном труде приобретает массовые масштабы, в связи с чем появляются необоснованные призывы к «самоокупаемости», «хозрасчету» труда школьников в сельском хозяйстве и промышленности. При этом авторы нередко ссылаются на отдельные высказывания А. С. Макаренко, вырывая их из контекста и общей логики подхода Макаренко к этой сложной проблеме (см.: *Макаренко А. С.* Соч.: В 7-ми т. Т. V, с. 191—192, 282, 311 и др.).

Необходимо иметь в виду, что, во-первых, в период, к которому относятся указанные высказывания А. С. Макаренко, в коммуне были построены два первоклассных завода — электроинструментов и фотоаппаратуры, что создавало исключительно благоприятные условия для соединения обучения коммунаров в средней школе с их трудом на производстве. Во-вторых, рентабельность производства коммуны была бы невозможна, если бы на каждых трех воспитанников в возрасте до 18 лет и более, работавших по 4 часа ежедневно, не приходился бы один взрослый квалифицированный рабочий или служащий, работавший по 8 часов ежедневно и имевший высокую производительность труда. Указанное соотношение включает и численность педагогического персонала. К тому же А. С. Макаренко не считал такое положение, когда воспитанники ежедневно работали по 4 часа, идеальным, это была вынужденная уступка правлению коммуны, добивавшемуся роста экономических показателей производства. Значительно позднее, в письме в совет жен писателей «О лесной школе», он писал о желательности двух часов труда в день на производстве для учащихся лесной школы, которую мыслилось организовать под Москвой (см.: Соч.: В 7-ми т. Т. VII).

Очевидно, что сегодня эта проблема должна решаться на основе всестороннего анализа условий и передового опыта работы современной общеобразовательной школы, а не умозрительно-догматическим путем.

¹ Говорится о руководстве профсоюза работников просвещения и Наркомате Рабоче-Крестьянской инспекции УССР.

² Далее в оригинале отсутствует часть материала.

³ Речь идет о Болшевской и других подмосковных коммунах. Изучение А. С. Макаренко опыта трудкоммуны бывших правонарушителей им. ОГПУ № 1 в Болшеве, открытой по инициативе Ф. Э. Дзержинского в 1924 г., сыграло важную роль в становлении и развитии коллектива колонии им. М. Горького и коммуны им. Ф. Э. Дзержинского (см. с. 127—128, 161 наст. тома).

⁴ Позднее в Болшевской коммуне была открыта вечерняя школа.

⁵ Первый опыт трудового воспитания А. С. Макаренко организовал весной 1919 г., создав сельскохозяйственную коммуну в Крюковском высшем начальном училище, где он тогда был инспектором (директором).

⁶ Замечание в скобках сделано, вероятно, с учетом опыта Болшевской коммуны, где при механизированном производстве обуви применялось много узкоспециализированных операций.

⁷ Из общего контекста документа видно, что речь идет о частичном возмещении расходов на обучение и воспитание за счет труда коммунаров, а не о так называемой полной самоокупаемости.

Длительность педагогического коллектива

(с. 102) |

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 100, л. 1—22. Авторская машинопись, без заголовка и даты, без конца. В начале материала обозначено: «§ 1». По содержанию датируется: после 1 января 1929 г. Впервые опубликовано в издании: *Макаренко А. С.* Соч.: В 7-ми т. Т. 1 (М., 1951). Есть основания считать, что это часть самостоятельной теоретико-методической работы. Об этом, в частности, свидетельствует обозначение параграфа в начале рукописи. Публикуется с небольшим сокращением, под названием, которое дано подготовителями указанного семитомного издания сочинений А. С. Макаренко.

¹ Это произошло после прекращения работы А. С. Макаренко в колонии им. М. Горького в июле 1928 г.

² А. С. Макаренко иронически напоминает о критических замечаниях по поводу его доклада в Украинском НИИ педагогики 14 марта 1928 г. (см. с. 70—71, 77 наст. тома).

³ Это выражение носит полемическую окраску и не характеризует взглядов А. С. Макаренко на проблему авторитета воспитателя, которой он придавал важное значение (см., напр.: *Макаренко А. С.* Соч.: В 7-ми т. Т. IV, с. 149—151, 357—360 и др.).

Рецензия на рукопись «Руководство для комиссий по делам несовершеннолетних правонарушителей»

(с. 111)

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 643, л. 1—10, с. об. Авторская машинопись, без даты. По указанию Г. С. Макаренко относится к 1929 г. Перевод с укр. яз. отдельных мест документа сделан Н. И. Кмить и А. А. Фроловым. Публикуется впервые.

Из находящейся в указанном архивном деле объяснительной записки Г. С. Макаренко явствует, что, получив «Руководство» для рецензии, она передала А. С. Макаренко эту рукопись вместе с проектом своего краткого заключения, после чего он составил публикуемый материал. «Это окончательный текст,— писала Г. С. Макаренко,— отпечатал его сам Антон Семенович на своей машинке...» (л. 1).

Рецензия интересна как свидетельство критического отношения А. С. Макаренко к тому, как освещалась в «Руководстве» проблема соотношения социального и биологического факторов в развитии личности. Особенно резкую оценку получило механистическое «вынесение за скобки» социальной среды педагогических воздействий, которые авторы документа рассматривали часто с точки зрения возможных негативных последствий для личности несовершеннолетнего правонарушителя. Ошибки подобного рода у педологов и педагогов критиковала и Н. К. Крупская, а позднее, в 30-х гг., — Б. Г. Ананьев.

Рецензия показывает дальнейшее развитие взглядов А. С. Макаренко на проблему личности и коллектива, обоснование им к концу 20-х гг. «логики коллективного воспитания» как нового раздела теории и методики коммунистического воспитания. Особенно ценные не публиковавшиеся ранее в других макаренковских работах соображения о взаимодействии «организованных» и «самоорганизованных» («самовозникающих») коллективов (в логике понятий современной социальной психологии и педагогики — «формальных» и «неформальных» коллективов). Мысль о том, что начинать формирование и изучение отношений детей надо с организованного, а не с «самоорганизованного» коллектива, помогает внесению существенных поправок в методику многих современных психолого-педагогических исследований.

Материал свидетельствует о зрелости идеологических, социально-классовых установок А. С. Макаренко к концу 20-х гг., о сложившихся к этому времени основах его педагогической системы. В рецензии впервые он уделяет значительное внимание вопросам воспитания детей в семье, обосновывает необходимость дифференцированного, конкретного анализа воспитательных возможностей семьи и характера ее влияний на ребенка.

¹ Здесь и далее в оригинале названия разделов, параграфов «Руководства» даны на укр. яз.

² ВКОН — Всеукраинская комиссия охраны прав несовершеннолетних.

³ *Модулирование* (лат. *modus* — мера) — подразумевается, вероятно, обособленное «измерение» личности.

Мнение «Шарошки»

(с. 118)

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 2, ед. хр. 57. Машинопись, заметка в ежедневной стенгазете коммуны им. Ф. Э. Дзержинского «Шарошка» (орган коммунаров-дзержинцев). Часть стенгазеты, без даты. Ориентировочно датируется — март 1930 г. Подписано псевдонимом «Кип» (что, возможно, означает «контрольно-измерительный прибор»), которым, как известно, подписывался в этой газете А. С. Макаренко. Само название газеты — от названия слесарного инструмента, с помощью которого производилась очистка деталей; название подчеркивало критическую направленность значительной части материалов газеты. Публикуется впервые.

Публикуемая заметка дает представление о языке, каким А. С. Макаренко общался с воспитанниками, о важной организующей роли стенной печати в жизни коллектива коммуны. Историю «Шарошки» см.: Макаренко А. С. Соч.: В 7-ми т. Т. II, с. 49—50.

Конкретным поводом для публикуемой заметки явились перевыборы органов самоуправления, которые проводились в то время в коммуне каждые 2—3 месяца. А. С. Макаренко стремился к тому, чтобы возможно большая часть из вновь прибывающих воспитанников скорее приобщилась к управлению делами своего коллектива, вместе с тем он требовательно подходил к отбору кандидатур в выборный актив. В той же стенгазете есть заметка Камардинова, где дается схема отчета командиров о работе в отрядах. Схема такого же отчета из 8 пунктов содержится и в другой коммунарской стенгазете (ее часть, без названия и даты, имеется в той же ед. хр. фонда А. С. Макаренко в ЦГАЛИ СССР. Протокол перевыборного собрания см. в «Шарошке» от 3 апреля 1930 г. (та же ед. хр.). О перевыборах в комсомольской организации комму-

наров см. стенгазету «Дзержинец» от 24 июня 1930 г. (там же).

¹ КК — контроль коммуны, ведавший исполнением принятых коллективом решений. См. также: *Макаренко А. С. Соч.: В 7-ми т. Т. II, с. 48.*

² Совет (коллегия) заместителей заведующего коммуной (СЗ) — выборный орган из числа наиболее авторитетных коммунаров. О функциях «дежурных заместителей» (ДЗ) см.: *Макаренко А. С. Соч.: В 7-ми т. Т. II, с. 484—485.* Усиление роли органов коммунарского самоуправления в тот период было связано с планировавшимся А. С. Макаренко упразднением должности воспитателей отрядов (окт. 1930 г.).

³ В практике А. С. Макаренко отряд выдвигал кандидатуру командира отряда, а его избрание проходило на общем собрании коммунаров. Командир отряда являлся, таким образом, уполномоченным всего коллектива коммуны, обязанным представлять в отряде общекоммунарские интересы, а в общем коллективе — интересы отряда.

Заметка о стенгазете «Дзержинец»

(с. 119)

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 2, ед. хр. 58, рулон I, л. 35—39. Машинописная заметка в стенгазете «Дзержинец», органе бюро комсомольской ячейки и совета командиров коммуны, № 119, 22 апреля 1930 г. Подписана «А. Макаренко». Частично опубликована Г. Е. Жураковским: *Ученые записки Моск. обл. пед. ин-та, т. XXV. М., 1953.* Полностью публикуется впервые.

Заголовок заметки дан А. С. Макаренко по фамилии бывшего зав. производством коммуны, который работал там с августа 1929 г. до начала 1930 г. «Кропачевщина» здесь — синоним бесхозяйственности, разболтанности, неорганизованности. Интересен публицистический прием, на котором построена заметка: противопоставление энергии, энтузиазма, инициативы, проявлявшихся передовыми рабочими, техническими служащими и коммунарами, отдельным фактам недисциплинированности, бездельничанья на производстве коммуны. О «кропачевщине» см.: *Макаренко А. С. Соч.: В 7-ми т. Т. II, с. 422—423.* Еще одну заметку А. С. Макаренко на производственную тему см. также: ЦГАЛИ, ф. 332, оп. 2, ед. хр. 52, рулон II, л. 21—22.

¹ *Поляченко* — один из мастеров-инструкторов меднолитейной мастерской коммуны.

² Имеется в виду вторая смена слесарно-механической мастерской. В статье зав. производством С. Б. Когана говорилось о том, что некоторые члены этой бригады ушли с работы за несколько минут до окончания смены.

³ Для рассмотрения фактов недостойного поведения в коллективе общим собранием или советом командиров назначались так называемые следственные комиссии из воспитанников и педагогов, подотчетные общему собранию коллектива.

Докладная записка члену правления коммуны имени Ф. Э. Дзержинского

(с. 119)

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 387. По содержанию и смежным документам датируется: не ранее 4 ноября — не позднее 19 ноября 1930 г. Впервые опубликовано: *Макаренко А. С. Соч.: В 7-ми т. Т. 7 (М., 1952).* Печатается с некоторыми сокращениями.

Комментируя высказанные на заседании правления коммуны им. Ф. Э. Дзержинского критические соображения о ее деятельности, А. С. Макаренко развивает ряд важных положений разработанной им методики воспитания. В их числе вопросы о политическом воспитании, организации социалистического соревнования, так называемой педагогической операции. (Это слово им использовалось по аналогии с трудовой и военной операцией.)

Критикуя распространенный среди педагогов того времени взгляд на политическое воспитание лишь как на политическое образование, Макаренко проводит чрезвычайно актуальную и для современной школы и педагогики мысль о том, что политическое воспитание должно пронизывать всю организацию учебно-воспитательного процесса. С этой общей установкой он подходил и к организации социалистического соревнования в коммуне. Данный вопрос в то время приобрел особую остроту в связи с тем, что в начале 1929 г. в «Правде» была впервые опубликована статья В. И. Ленина «Как организовать соревнование?», написанная еще в 1917 г., сразу после Октября. Принятое на основе содержащихся в ленинской статье указаний постановление ЦК партии о социалистическом соревновании, на которое ссылается Макаренко, ориентировало трудовые коллективы на творческую разработку условий и форм учета соревнования. Однако в деятельности многих учебно-воспитательных учреждений, несмотря на широкий размах работы по организации соревнования, в этом деле было немало формализма, попыток навязывания органами наркомпроса неких унифицированных форм, что вело на деле к извращению самой идеи соцсоревнования.

Один из центральных вопросов, поставленных в записке, — логика применения педагогических средств и приемов. А. С. Макаренко вводит здесь понятие «педагогическая операция», которое занимает важное место в его терминологическом аппарате и отражает его представления о диалектическом единстве средств, методов и приемов, использующихся в условиях конкретной ситуации. Логика применения тех или иных педагогических средств для Макаренко всегда была обращена не только к отдельной личности, но одновременно и к целому коллективу.

¹ В период с 28 августа 1926 г. по 11 декабря 1927 г. колонию им. М. Горького в Куряже посетило 32 иностранные делегации. В 1928 г. в Нью-Йорке вышла книга Л. Вилсон «Новая школа в новой России», где с большим одобрением описывалась педагогическая практика горьковской колонии. Эта книга была известна А. С. Макаренко.

² Как уже отмечалось в комментариях, документы свидетельствуют, что опыт А. С. Макаренко в колонии им. М. Горького пользовался широкой поддержкой Наркомпроса УССР, ряда педагогов-теоретиков. В данном случае Макаренко заостренно обобщает отдельные конфликтные ситуации, складывавшиеся главным образом в последний период его работы в колонии, в связи с разногласиями по поводу подготовленного им проекта объединения колоний и детских домов Харьковского округа.

³ Имеется в виду документ французской буржуазной революции — «Декларация о правах человека и гражданина».

⁴ *Погребинский М. С.* — организатор трудкоммуны бывших правонарушителей им. ОГПУ № 1 в Болшеве, автор книги «Фабрика людей» (М., 1928).

Из письма Г. С. Макаренко

(с. 135)

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 303. Машинописная копия. Публикуется отрывок письма, характеризующий некоторые детали кавказского похода коммуны по маршруту: Владикавказ — Баку — Тифлис — Батум — Сочи — Одесса. Описание похода см. в издании: *Макаренко А. С.* Соч.: В 7-ми т. Т. II, с. 225—275. Опубликовано «Из писем к Г. С. Макаренко» (Вопросы теории и истории педагогики / Отв. ред. А. В. Ососков. М., 1960, с. 17—18 (Предисл. Г. С. Макаренко см. там же, с. 10—11).

Ежегодные дальние летние походы коллектива коммуны им. Ф. Э. Дзержинского — важное звено воспитательной системы А. С. Макаренко. Был даже проект коммунарского путешествия вокруг Европы на пароходе «Армения», о котором А. С. Макаренко рассказывал в письме от 15 сентября 1931 г. (см.: Вопросы теории и истории педагогики. М., 1960, с. 18).

¹ Фильм «Красные дьяволята» коммунары видели раньше.

Письмо отряду дзержинцев

(с. 135)

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 289. Написано в Москве, где А. С. Макаренко во время отпуска работал над повестью «ФД-1». Впервые опубликовано в издании: *Макаренко А. С.* Соч.: В 7-ми т. Т. VII (М., 1958).

¹ Здесь и ниже говорится о станках той или иной марки.

Педагоги пожимают плечами

(с. 136)

Статья впервые опубликована в сборнике «Второе рождение» (Харьков, 1932), который был подготовлен выездной бригадой газеты «Комсомольская правда» и выпущен небольшим тиражом на правах ведомственного издания. Выпуск приурочен к 5-летию коммуны им. Ф. Э. Дзержинского, которое торжественно отмечалось с участием партийных, советских и общественных организаций, органов ГПУ и Наркомпроса Украины. С небольшими сокращениями статья вошла в издание: *Макаренко А. С.* Соч.: В 7-ми т. Т. 2 (М., 1952). Публикуется по тексту сборника «Второе рождение».

В статье Макаренко подводит итоги 12 годам своей работы в колонии им. М. Горького и коммуне им. Ф. Э. Дзержинского. Принятое в начале 1931/32 учебного года постановление ЦК ВКП(б) «О начальной и средней школе» помогло А. С. Макаренко глубже оценить сильные и слабые стороны своего опыта, наметить программу дальнейшей работы. Публицистическая направленность статьи, выраженная уже в ее названии, отражает разногласия Макаренко с

некоторыми деятелями Наркомпроса УССР, сотрудниками НИИ педагогики Украины по ряду вопросов организации учебно-воспитательного процесса.

Центральное место в статье занимает проблема разностороннего воспитания культурного советского рабочего, обладающего качествами хозяина и организатора, проникнутого сознанием единства общественных и личных интересов. Воспитательный коллектив А. С. Макаренко рассматривал как орудие формирования активной творческой личности с высокоразвитым чувством долга, чести и достоинства, как средство защиты интересов каждой личности, превращения внешних требований к личности во внутренние побудители ее развития.

Организация процесса воспитания как процесса разносторонней жизнедеятельности воспитательного коллектива, в первую очередь его трудовой деятельности в условиях социалистического строительства, — один из важнейших принципов советской педагогики, получивший отражение в первых документах о единой трудовой школе, в работах видных педагогов-марксистов 20-х гг. Утверждение, конкретизация и развитие этого принципа занимают в наследии Макаренко одно из ведущих мест. Публикуемая статья — одна из обобщающих работ, в которых отражен не только опыт А. С. Макаренко, но и система его педагогических воззрений.

¹ *Олимпийцами* А. С. Макаренко образно называл некоторых авторитетных тогда педагогов, в основном теоретиков педологии, оторвавшихся от педагогической практики и искажающих идеи коммунистического воспитания.

² А. С. Макаренко имеет в виду постановления ЦК ВКП(б) от 25 августа 1931 г. «О начальной и средней школе» и от 25 августа 1932 г. «Об учебных программах и режиме в начальной и средней школе».

³ Здесь приводится в качестве примера высказывание А. С. Залужного (см. сб.: Педология и воспитание. М., 1928, с. 76), которое содержит типичное для педологов рефлексологическое определение коллектива.

А. С. Макаренко резко критиковал попытки рефлексологической интерпретации педагогических проблем, механистического понимания поведения детей как реакций организма на внешние раздражения. Он указывал на необходимость раскрытия социально-классовой сущности процесса воспитания.

⁴ 25 декабря 1927 г. 60 воспитанников из колонии им. М. Горького были переведены в коммуну им. Ф. Э. Дзержинского, где составили ядро коллектива дзержинцев.

⁵ Имеется в виду педагогический опыт колонии им. М. Горького, которая вначале располагалась в нескольких километрах от г. Полтавы, в лесу.

⁶ Говоря о таком «удержании личности в коллективе», при котором личность считает, что она находится в коллективе по своему желанию, а коллектив «добровольно вмещает эту личность», Макаренко отмечает характерную особенность и один из важнейших признаков коллектива, квалифицируя его как добровольное объединение людей.

⁷ *Авгур* — предсказатель.

⁸ Утверждение о том, что законы советского воспитания «вытекают из общей жизни Советского Союза», имеет принципиальный характер. Оно обусловлено последовательным осуществлением А. С. Макаренко марксистско-ленинского подхода к воспитанию как объективно-закономерному общественному явлению.

⁹ 7 января 1932 г. был пущен первый в СССР завод электросверл коммуны им. Ф. Э. Дзержинского. Затем в коммуне был построен также первый в СССР завод пленочных фотоаппаратов ФЭД. 28 декабря 1932 г. выпущена первая серия таких фотоаппаратов.

¹⁰ После постановления ЦК партии от 25 августа 1932 г. «Об учебных программах и режиме в средней школе» применение мер наказания по отношению к учащимся, нарушавшим дисциплину, стало общепризнанным.

¹¹ «...Коллектив детей не готовится к будущей жизни, а уже живет»; личность — «не объект воспитательного влияния, а его носитель — субъект». Позднее А. С. Макаренко более полно и точно раскрывает эту важную идею. Он, например, говорил: «Мы не хотели, чтобы каждая отдельная личность чувствовала себя объектом воспитания... Для нас он объект воспитания, а для себя он живой человек, и убеждать его в том, что ты не человек, а только будущий человек, что ты явление педагогическое, а не жизненное, было бы мне невыгодно» (см.: *Макаренко А. С. Соч.: В 7-ми т. Т. V, с. 169—170*).

Коммуна им. Ф. Э. Дзержинского (1932)

(с. 144)

Статья впервые опубликована в журнале «Коммуністична освіта», органе Наркомпроса УССР, 1932, № 10 (на укр. яз.). На русском языке публикуется впервые. Перевод В. К. Андриенко.

Статья написана к 5-летию коммуны и является одной из первых публикаций А. С. Мака-

ренко в педагогической печати 30-х гг. Указывая на преемственность между колонией им. М. Горького и коммунной им. Ф. Э. Дзержинского в исходных принципах организации воспитательного коллектива, Макаренко подчеркивает, сколь заметно изменились конкретные организационные формы работы. Важное место в статье занимает история развития производства коммуны, ее материально-технической базы. На этом фоне рассмотрены и вопросы связи труда коммунаров с обучением, совершенствования их быта, условий для разностороннего развития. Жизнь коллектива дается в единстве с изменениями в структуре коллективных органов, повышением роли самоуправления в жизни коммуны, что типично для педагогического опыта А. С. Макаренко.

¹ На строительство и оборудование коммуны им. Ф. Э. Дзержинского Советским государством была дана долгосрочная ссуда. В первые годы своего существования коммуна содержалась на полупроцентные отчисления от зарплаты сотрудников, политсостава и войск ГПУ УССР, а также на средства, предоставляемые коллегией ГПУ УССР и получаемые от совхоза «Красные зори», который был передан в распоряжение совета по делам коммуны. Материальную помощь коммуне оказывали также советские и общественные организации республики.

² Здание коммуны проектировал известный архитектор Носалевич, общая стоимость здания 250 тыс. рублей.

³ *Петровский Г. И.* — см. примеч. на с. 342 наст. тома.

⁴ Постановление об открытии на базе коммуны вечернего рабфака Харьковского машиностроительного института было принято ВСНХ УССР. Рабфак давал общеобразовательную подготовку в объеме средней школы. До 1934 г. учебной базой коммуны был школьный комбинат: неполная средняя школа (семилетка, подготовительные группы для поступления на рабфак) и рабфак, подвергнувшийся реорганизации в 1934 г.

⁵ В тексте статьи, вероятно, допущена опечатка, набрано «командир». По установившейся традиции, командир отряда вызывался «на середину» лишь в том случае, если он отвечал за себя лично, а не за отряд.

⁶ Об одной из конкретных форм организации междуотрядного соревнования в опыте А. С. Макаренко см.: А. С. Макаренко / Отв. ред. Ф. И. Науменко. Кн. 5. Львов, 1963 («Порядок ведения диаграмм междуотрядного соревнования в коммуне им. Ф. Э. Дзержинского»).

⁷ Приведенные цифры отражают экономические показатели производственной деятельности коллектива коммуны суммарно, с учетом работы не только воспитанников, но и квалифицированных взрослых рабочих, инженерно-технического персонала.

Конституция страны ФЭД

(с. 149)

Впервые опубликована в сб. «Второе рождение» (Харьков, 1932).

Конституция — внутренний документ коммуны им. Ф. Э. Дзержинского, представляющий собой свод основных положений об организации коллектива воспитанников и педагогов. Будучи целостным по своей структуре, документ включает регламентацию деятельности органов самоуправления коллектива, порядок организации дежурств, самообслуживания, перечень обязанностей выборного актива и его прав, распорядок дня, правила поведения на производстве и в быту, формы учета социалистического соревнования, поощрений и взысканий. Известно, что конституцию имел и коллектив колонии им. М. Горького (см. с. 242 наст. тома).

В современных школах документами такого рода являются единые педагогические требования, в которых применительно к особенностям той или иной конкретной школы разрабатываются целесообразные правила поведения учащихся на уроках, во время перемен, в мастерских, в спортивном зале, в походе и т. п. К подобным документам относятся также различные памятки для актива, положения об организации самоуправления, соревнования, самообслуживания и пр.

Программа учетного отдела педагогической части коммуны им. Ф. Э. Дзержинского

(с. 154)

Авторская машинопись А. С. Макаренко, хранящаяся у Е. П. Трениной, которая в 1932—1933 гг., будучи студенткой, во время педагогической практики преподавала в коммуне им. Ф. Э. Дзержинского русский и украинский языки. Одновременно была «педагогом по учету», о чем свидетельствует выданная ей А. С. Макаренко справка от 7 мая 1933 г. Документ не датирован; по свидетельству Е. П. Трениной, относится к концу 1932 г. Публикуется впервые.

Широкий, систематический и оперативный учет сведений, характеризующих воспитанников и их развитие, те изменения, которые происходят с личностью в процессе воспитания, — важная черта педагогической системы А. С. Макаренко. Такой учет способствовал индивидуализации воспитательного процесса (см.: *Макаренко А. С. Соч.:* В 7-ми т. Т. II, с. 429—435; т. V, с. 16, 49, 296).

¹ Средний индивидуальный балл учебной успеваемости.

² Замечания делали командиры отрядов и дежурные в исключительных случаях, отмечая их в устных и письменных рапортах.

³ Имеются в виду курсы рабфака коммуны.

Памятник Феликсу

(с. 154)

Статья, приуроченная к пятилетию коммуны им. Ф. Э. Дзержинского, впервые опубликована в «Комсомольской правде» от 21 декабря 1932 г., без подписи, наряду с другими материалами о коммуне. Анализ текста статьи, ее сопоставление со статьей «Прекрасный памятник» (см.: *Макаренко А. С. Соч.:* В 7-ми т. Т. V) не оставляют сомнений в ее принадлежности А. С. Макаренко.

Написанная в строгой манере документального очерка, статья вместе с тем сжато излагает основные проблемы сложившейся в коммуне педагогической системы: соединение среднего образования, обязательного для всех воспитанников, с трудом на производстве, деятельность органов самоуправления, политическое и нравственное воспитание, подготовка к активному участию в общественном производстве на современном, технически оснащенном предприятии.

Перевернутые страницы

(с. 157)

Документальная летопись коммуны им. Ф. Э. Дзержинского за пять лет ее существования впервые была опубликована в сб. «Второе рождение» (Харьков, 1932). Без подписи.

Материалы очерка о коммуне им. Ф. Э. Дзержинского

(с. 163)

Впервые опубликованы в издании: *Макаренко А. С. Соч.:* В 7-ми т. Т. II. М., 1957. По содержанию датируется концом 1932 — началом 1933 г. Материал представляет собой начальные главы очерка о коммуне им. Ф. Э. Дзержинского, задуманного А. С. Макаренко к ее пятилетию. Заголовок дан составителями настоящего издания. Печатается по указанной публикации.

Опыт методики работы детской трудовой колонии

(Материалы книги)

(с. 166)

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 103, л. 1—44, с об. Автограф, местами авторская машинистка, без даты. По содержанию датируется концом 1932 — началом 1933 г. Впервые опубликован с сокращениями в сб.: *Макаренко А. С. Пед. соч. М.:* Изд-во АПП РСФСР, 1948. Главы «Цель воспитания» и «Педагогическая логика» — в журнале «Вопросы философии», 1948, № 2. Печатается с сокращениями.

Публикуемый материал — начальные главы задуманной А. С. Макаренко в этот период большой теоретико-методической работы, которая осталась незавершенной (общий план книги см. на с. 192—195 наст. тома). Можно предположить, что это была его первая попытка написать «очень большую работу, серьезную книгу о советском воспитании», «очень важный и капитальный труд» (см. с. 267 наст. тома). Возможно, что отдельные положения были внесены в текст позднее, о чем свидетельствует, в частности, упоминание о педологии в прошедшем времени, которое могло относиться ко времени после 4 июля 1936 г., когда было опубликовано постановление ЦК ВКП(б) «О педологических извращениях в системе наркомпросов». Ряд идей, впервые развернуто высказанных в главах этой книги, получил затем дальнейшее развитие в других статьях в выступлениях А. С. Макаренко (см., напр., его статью «Цель воспитания». Соч.: В 7-ми т. Т. V (М., 1958).

В главах книги подняты важнейшие методологические проблемы педагогики, прежде

всего такие, как сущность законов воспитания, соотношение педагогической теории и практики, взаимосвязь целей и средств воспитания. Макаренко выдвигает тезис о том, что основанием для формулирования законов воспитания должно быть изучение и обобщение реальной педагогической действительности («индукция цельного опыта»). Вместе с тем необходимо, чтобы изучение и обобщение опыта осуществлялись с определенных методологических позиций: педагогическая теория должна опираться на положения марксистско-ленинской философии и других наук. Поэтому для определения законов воспитания наряду с индукцией опыта следует использовать и определенные «дедуктивные положения». Исключительно актуально для современных исследований методологических проблем педагогики внимание А. С. Макаренко к закономерностям не воспитания «вообще», а коммунистического воспитания, проявлениям педагогических законов в особенностях системы воспитания: в ее социально-классовом содержании, идейно-политической направленности.

Справедливо критикуя биологизаторские, рефлексологические определения коллектива, бытовавшие в то время в педагогической литературе, и настаивая на изучении особенностей социалистических воспитательных коллективов, А. С. Макаренко с неоправданной категоричностью высказывался о том, что коллектив вообще возможен лишь в условиях социалистического общества. На эту неточность справедливо указывалось в комментарии к статье «О личности и обществе» (см.: *Макаренко А. С. Соч.:* В 7-ми т. Т. VII. М., 1958, с. 507). О зарождении трудовых коллективов в условиях капиталистического производства свидетельствуют также современные исследования (см., напр.: *Смирнов Г. Л. Советский человек.* 3-е изд. М., 1980, с. 215—220).

Вместе с тем Макаренко четко указывает на основополагающее значение для педагогики марксистско-ленинского учения о коллективе и личности. Именно это учение явилось той общей методологической основой, на которой развивались идеи теории и методики трудового воспитательного коллектива в советской педагогике 20—30-х гг. Выступление с этих позиций против пережитков старых педагогических воззрений, борьба с проникновением буржуазных идей, внимание к диалектике средств воспитания, критика догматизма в педагогике — все это придает публикуемому материалу особую ценность в методологическом отношении.

¹ В данном случае А. С. Макаренко указывает на наличие некоторых пережитков идей «свободного воспитания» в ходе становления советской педагогической теории и практики.

² Макаренко считал необходимым конкретизировать общую цель коммунистического воспитания на различных этапах строительства социализма, исходя из объективных требований советского общества.

³ В противовес педологам, считавшим «брак» в учебно-воспитательной работе школы естественным и даже необходимым, оправдывавшим массовое второгодничество, перевод в широких масштабах детей и подростков в школы для умственно отсталых и т. п. ссылками на «объективные» условия социальной среды и наследственность, — А. С. Макаренко выдвигал идею такой организации педагогического процесса, при которой появлялась бы возможность не допускать «ни одного процента брака, ни одной загубленной жизни» (*Макаренко А. С. Соч.:* В 7-ми т. Т. IV. М., 1957, с. 488).

⁴ Теоретическую основу педологии составляли антимарксистские биологизаторские и социологизаторские теории, которые вели к фатализации в развитии личности роли наследственности и среды, недооценке активной деятельности формирующейся личности, роли коллектива в воспитании. Идеалистические и механистические установки педологии отрицательно сказывались на педагогике и психологии, нанесли ущерб практике обучения и воспитания, особенно в условиях перехода к всеобщему начальному, а затем и неполному среднему образованию.

⁵ Представляется весьма существенным, что А. С. Макаренко отличал коллектив от других типов социальных общностей людей, указывая на дифференцированность его структуры и вместе с тем на его целостность, единство.

⁶ Указание на группу как объединение, принципиально отличное от коллектива, свидетельствует, что эта актуальная для современной социальной психологии и педагогики проблема ставилась А. С. Макаренко уже в тот период.

⁷ Критикуя вульгарные представления о коллективе как «механической сумме индивидов», Макаренко противопоставлял им конкретно-исторический, социально-классовый подход к природе коллектива как явления жизни общества и педагогической категории.

⁸ Впоследствии А. С. Макаренко показал, что признак контактности является необходимым лишь для первичного коллектива, и дополнил характеристику социалистического воспитательного коллектива рядом других признаков (см.: *Макаренко А. С. Соч.:* В 7-ми т. Т. V. М., 1958, с. 164—165, 397, а также с. 211 наст. тома). В то же время он указывал на

необходимость установления каких-то пределов в численности коллектива, чтобы обеспечить его единство.

⁹ Имеется в виду указание о существенных недостатках работы школы, содержащееся в постановлении ЦК ВКП(б) «О начальной и средней школе» от 25 августа 1931 г.

¹⁰ А. С. Макаренко здесь имеет в виду указание ЦК ВКП(б) о том, что школа «...далеко еще не соответствует тем огромным требованиям, которые предъявляются к ней современным этапом социалистического строительства» (см.: Народное образование в СССР: Сб. документов 1917—1973 гг. М., 1974, с. 157).

¹¹ *Свободное воспитание* — течение в буржуазной педагогике, получившее распространение в России со второй половины XIX в. Сторонники «свободного воспитания» пытались выводить цели, содержание, организационные формы, методы воспитания не из потребностей развития общества, не из социальных отношений, а только из «природы ребенка», что приводило к утопическим построениям, к идеализации возможностей «саморазвития ребенка», к отождествлению всякого педагогического руководства с насилием над личностью ребенка.

После Октябрьской революции теоретики «свободного воспитания» (К. Н. Вентцель и др.) выступали за отрыв школы от политики, от жизни народа.

В современной буржуазной педагогике идеям «свободного воспитания» созвучны взгляды сторонников так называемого антиавторитарного воспитания, идеализирующих возможности саморазвития ребенка, отрицающих необходимость в школе дисциплины и режима, четкого педагогического руководства, стабильных программ, учебников и т. п.

¹² *Бременской* называлась группа немецких буржуазных школьных деятелей 20-х гг.; в 1920 г. в г. Бремене они организовали опытно-показательную школу, которая пропагандировала мелкобуржуазную анархистскую педагогику.

¹³ Уточнение данного положения см. далее, где говорится о руководящей роли «дедуктивных положений» в педагогической теории и практике.

¹⁴ Как отмечалось выше, А. С. Макаренко придавал первостепенное значение качеству педагогического персонала. Уменьшая количество педагогов против имевшегося штатного расписания, добиваясь совмещения каждым педагогом ряда учебно-воспитательных функций, он добивался повышения эффективности труда воспитателей, более высокой его оплаты при общей экономии средств.

¹⁵ Положение об организационном периоде жизни и деятельности воспитательного коллектива, введенное в педагогику А. С. Макаренко, является актуальным и для современной теории и практики воспитания.

¹⁶ Имеется в виду кинофильм «Путевка в жизнь», один из первых в звуковом советском кинематографе.

¹⁷ *Бокль Г. Т.* (1821—1862) — англ. историк и социолог-позитивист, связывал развитие сознания непосредственно с условиями географической среды, считая накопление знаний причиной изменений общественно-политического строя.

План книги «Опыт методики работы детской трудовой колонии» (с. 190)

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 102. Автограф, без даты. Ориентировочно датируется концом 1932 — началом 1933 г. Впервые опубликовано в сб.: *Макаренко А. С.* Пед. соч. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1948.

Данный план несколько позднее частично был реализован А. С. Макаренко в книге «Методика организации воспитательного процесса» (см. с. 270—331 наст. тома).

Положение о выпускниках-коммунарах детской трудовой коммуны НКВД УССР им. Ф. Э. Дзержинского (с. 193)

Впервые опубликовано в издании: *Макаренко А. С.* Соч.: В 7-ми т. Т. VII (М., 1958). Печатается по этой публикации.

Завоевать новые высоты (с. 193)

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 406, л. 3. Статья в газете-многотиражке «Дзержинец» (органе партячейки, бюро ВЛКСМ и совета командиров коммуны им. Ф. Э. Дзержинского) (1933, 17 ноября).

Характеристики выпускников

(с. 194)

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 409. Впервые опубликованы в издании: *Макаренко А. С. Соч.: В 7-ми т. Т. 2* (М., 1951).

Характеристики даны коммунарам, окончившим рабфак коммуны в 1931/32 и 1932/33 учебных годах.

Материал свидетельствует о широте профессиональных и жизненных ориентаций выпускников коммуны им. Ф. Э. Дзержинского.

Коммуна им. Ф. Э. Дзержинского (1933)

(с. 198)

Впервые опубликовано в газете-многотиражке «Театр русской драмы» (1933, 1 дек.), издававшейся в Харькове. Статья подписана «А. М.» и сопровождается двумя фотографиями о жизни коммуны. Харьковский театр русской драмы, начавший работу с сентября 1933 г., в октябре того же года взял шефство над коммуной им. Ф. Э. Дзержинского.

Начальнику коммуны им. Ф. Э. Дзержинского

(с. 199)

ХОГА, ф. Р-4511, оп. 1, д. 4, л. 8, с об. Авторская машинопись, с подписью-автографом А. С. Макаренко и написанной его рукой датой. Публикуется впервые.

Документ свидетельствует, что к организации каждого вида культурно-массовой или физкультурно-спортивной работы А. С. Макаренко подходил с точки зрения интересов целостной системы воспитания, направленной на всестороннее развитие каждого воспитанника. Рапорт интересен и для характеристики дифференцированного подхода к воспитательной работе с мальчиками и девочками.

¹ В связи с расширением производства Макаренко с 15 апреля 1932 г. был переведен с должности заведующего коммуной на должность начальника педагогической части.

² Сокращенное название кавалерийской секции.

Из сводки о нарушениях дисциплины коммунаров за январь 1934 г.

(с. 200)

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 408. Авторская машинопись. Публикуется впервые.

Дисциплину А. С. Макаренко рассматривал как существенный показатель результатов воспитания (см.: *Макаренко А. С. Соч.: В 7-ми т. Т. V*, с. 265 и др.).

Документ дает представление о характере нарушений дисциплины в коллективе коммуны в период ее зрелости и мерах наказания, применявшихся к нарушителям. В коммуне осуществлялся систематический учет поведения воспитанников в ежедневных рапортах дежурных, данные из которых суммировались по шестидневкам и месяцам. На основании полученных данных каждую шестидневку составлялся приказ по коммуне, в котором отмечалось место каждого отряда (взвода) в соревновании по дисциплине. Сводки и приказы такого рода, относящиеся к 1933—1934 гг., см. в указанной выше единице хранения ЦГАЛИ СССР. См.: *Макаренко А. С. Соч.: В 7-ми т. Т. V*, с. 172.

¹ О назначении и исполнении в коммуне наказаний в форме «наряда» и «ареста» см.: *Макаренко А. С. Соч.: В 7-ми т. Т. V*, с. 160—162, 238—239.

² Далее в тексте пункт «б» отсутствует.

³ О методике наказаний в коммуне см. с. 291—297 наст. тома. «Положение о дисциплинарных взысканиях и поощрениях коммунаров на производстве», составленное Т. Д. Татариновым, см.: *Макаренко А. С. Соч.: В 7-ми т. Т. VII*.

Председателю Государственного политического управления УССР

(с. 200)

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 415, л. 67. Без даты, по содержанию и смежным документам относится к лету 1934 г. Письмо впервые опубликовано в издании: *Макаренко А. С. Соч.: В 7-ми т. Т. III* (М., 1957).

Этот документ является ответом А. С. Макаренко на замечания комиссии, обследовав-

шей работу коммуны им. Ф. Э. Дзержинского. В нем А. С. Макаренко дает развернутую характеристику деятельности комсомольской организации, показывает ее авангардную роль во всех направлениях жизни коллектива коммунаров. Мы видим, как А. С. Макаренко представлял себе перспективы развития коммуны. Основное внимание он уделял созданию условий для соединения среднего образования с производительным трудом, подчеркивая в то же время необходимость всестороннего развития личности каждого воспитанника.

О школьном комбинате коммуны им. Ф. Э. Дзержинского (с. 203)

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 442. Авторская машинопись, с подписью-автографом А. С. Макаренко, без заголовка и даты. По содержанию и смежным документам относится к лету 1934 г. Название дано составителями. Публикуется впервые.

Идея создания школьного комбината с единым педагогическим коллективом и общим управлением была связана с тем, что в этот период в решениях XVII съезда ВКП(б) намечалась перспектива постепенного перехода прежде всего в крупных промышленных городах к всеобщему среднему образованию.

Объяснительная записка к проекту организации трудового детского корпуса (с. 203)

Впервые опубликована с некоторыми сокращениями в издании: *Макаренко А. С. Соч.: В 7-ми т. Т. VII. М., 1952.* Печатается по данной публикации. Полный текст см.: ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 422.

Идею объединения колоний и детских домов Главсоцвоса Наркомпроса Украины А. С. Макаренко выдвигал еще в 20-е гг. Теперь попытка создания крупного учебно-воспитательного учреждения на базе колоний и коммун для беспризорных детей и малолетних правонарушителей предпринималась по инициативе руководства НКВД УССР. Макаренко был введен в состав комитета Совнаркома УССР, разрабатывавшего план развития и объединения трудовых коммун.

В мае—июне 1934 г. А. С. Макаренко составил проект крупной коммуны, в котором наметил основные направления дальнейшего развития опыта коллектива дзержинцев. Этот проект, как и коллективный план, в подготовке которого Макаренко принимал участие и к которому он написал публикуемую записку, еще не известен исследователям. Проект не был осуществлен по ряду причин, среди которых А. С. Макаренко в одном из писем этого времени называл переезд Совнаркома УССР в Киев.

Данный документ говорит о возросшем интересе А. С. Макаренко к проблемам семьи и семейного воспитания.

Такова наша история (с. 210)

Впервые опубликовано в газете «Комсомолец Донбасса» (1934, 24 авг.). Очевидно, материал был заказан А. С. Макаренко редакцией газеты к началу 1934/35 учебного года.

¹ *Татаринев Т. Д.* — воспитатель-учитель колонии им. М. Горького (работал в ней с лета 1925 г.), активный помощник А. С. Макаренко, ведал в колонии работой школы, вместе с А. С. Макаренко перешел на работу в коммуну им. Ф. Э. Дзержинского. Руководил в коммуне производственным обучением воспитанников до весны 1932 г. Впоследствии заслуженный учитель школы РСФСР.

О летнем лагере коммунаров (с. 212)

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 423. Машинописная копия рапорта А. С. Макаренко в правление коммуны им. Ф. Э. Дзержинского. По содержанию датируется: лето 1934 г. Впервые опубликовано в издании: *Макаренко А. С. Соч.: В 7-ми т. Т. VII (М., 1958).* Название дано составителями предыдущего издания. Печатается с небольшим сокращением.

¹ Старшим коммунарам разрешалось курить. И в коммуне и в летнем лагере отводилось специальное место для курения.

Некоторые соображения о школе и наших детях
(с. 213)

Архив А. М. Горького Института мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР: Рав-п Г-29-2-1. Автограф датирован 15 октября 1935 г. Написаны ли соображения специально для А. М. Горького, или А. С. Макаренко направил ему этот материал для ознакомления — не установлено. Впервые опубликованы в издании: *Макаренко А. С. Соч.: В 7-ми т. Т. VII. М., 1958.* Текст печатается с небольшими сокращениями.

В материале высказаны мысли о взаимосвязи воспитательных функций школы и семьи в условиях, когда в стране завершалось создание основ социализма. А. С. Макаренко раскрывает главную особенность воспитательного процесса в социалистическом обществе — его коллективистическую направленность и единство как в школе, так и в семье, при ведущей роли школы как государственного педагогического учреждения. Такой подход характерен для зрелого периода творчества Макаренко, он получил развернутое обоснование в его последующих работах

Имеется в виду постановление ЦК ВКП(б) «Об учебных программах и режиме в начальной и средней школе» от 25 августа 1932 г., в котором, в частности, говорилось: «...Учащихся, хулиганствующих и оскорбляющих учащихся персонал, нарушающих распоряжения администрации школы и педагогов и ломающих школьный режим, портящих или расхищающих имущество школы, исключать из школы без права поступления в школу сроком от одного до трех лет» (см.: Народное образование в СССР. М., 1977, с. 163). Это положение подтверждалось в постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 3 сентября 1935 г. «Об организации учебной работы и внутреннем распорядке в начальной, неполной средней и средней школе» (там же, с. 172).

Переписка А. С. Макаренко с А. М. Горьким
8 июля 1925 г. — февраль 1935 г.
(с. 217)

Архив А. М. Горького Института мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР. Впервые опубликована частично в журнале «Октябрьские восходы» (Харьков, 1928, № 3), альманахе «Год XIII» (1930, кн. 10), отдельном издании «Педагогической поэмы» (М.: Советский писатель, 1940), «Учительской газете» (1946, 19 июня), «Известиях АПН РСФСР» (1952, № 38), в сб. «А. С. Макаренко. Опыт, изучение, применение» (М., 1969). (Публикация Л. Ю. Гордина и Е. С. Долгина.) Печатается с некоторыми сокращениями.

Переписка А. С. Макаренко и А. М. Горького, продолжавшаяся 10 лет, позволяет полнее воссоздать периоды развития педагогического опыта А. С. Макаренко, существенно дополняет и уточняет сведения о колонии им. М. Горького и коммуне им. Ф. Э. Дзержинского, открывает новые аспекты в теоретических воззрениях и характеристике личности выдающегося педагога. Публикуемый материал расширяет представления читателей о литературно-художественном творчестве А. С. Макаренко, отражая ряд важных моментов истории создания «Педагогической поэмы».

Одной из основных тем переписки является борьба А. С. Макаренко с идеями буржуазной педагогики и психологии, пережитками этих идей в педагогической теории и практике воспитания тех лет: биологизаторскими и социологизаторскими, педологическими тенденциями, концепцией «свободного воспитания», буржуазными и христианскими этическими представлениями и т. п. В этой борьбе поддержка Горького, неоднократно высказывавшаяся им в письмах к Макаренко, имела для Антона Семеновича исключительно важное значение.

Переписка дает представление о том, какую большую роль сыграло творчество М. Горького в становлении и развитии педагогической и литературной деятельности Макаренко, в разработке новых, подлинно гуманистических принципов и методов воспитания. Поддерживая связь с коллективом колонистов и коммунаров на протяжении ряда лет, А. М. Горький принял живое участие в жизни созданных А. С. Макаренко воспитательных учреждений. Его исключительная вера в человека поддерживала убежденность колонистов в ценности личности, укрепляя их веру в великую силу свободного созидательного труда, единства трудящихся. Крылатые слова «Человек — это звучит гордо!» стали жизненным девизом воспитанников Макаренко, их лозунгом.

А. М. Горький высоко оценил «значение социального опыта, проделанного колонией». Он настаивал на том, чтобы А. С. Макаренко попытался запечатлеть в художественном повествовании историю создания и развития колонии. При непосредственном участии

А. М. Горького была создана «Педагогическая поэма», которую А. С. Макаренко назвал самой дорогой своей книгой, «поэмой всей своей жизни». Посвящение к этой книге гласит: «С преданностью и любовью нашему шефу, другу и учителю Максиму Горькому». После смерти А. М. Горького (1936) Макаренко передал в дар Архиву Института мировой литературы все полученные им письма писателя.

¹ Имеется в виду статья в журнале «Огонек» (1925, № 26).

² А. С. Макаренко, вероятно, ссылается на отзыв о колонии в книге Маро (М. И. Левиной) «Работа с беспризорными. Практика новой работы в СССР» (Харьков, 1924), где о колонии им. М. Горького говорилось, что из всех обследованных автором сельскохозяйственных колоний на Украине, в Крыму и других местах она занимает первое место «по четкости и цельности педагогической работы».

³ Колония стала носить имя М. Горького с 28 марта 1921 г.

⁴ А. С. Макаренко с начала 20-х гг. активно интересовался проблемой научной организации труда (НОТ).

⁵ Здесь в письме допущена неточность: день рождения А. М. Горького — 28 марта.

⁶ *Ладыжников И. П.* (1874—1945) — издательский работник, близкий друг и помощник Горького. В 1921—1930 гг. был руководителем акционерных обществ «Книга» и «Международная книга».

⁷ Публикацию фрагментов из отдельных писем колонистов Горькому, являющихся важным дополнением к переписке с ним Макаренко, см.: *Сундуков Н. А.* Переписка воспитанников колонии им. М. Горького с А. М. Горьким. — Советская педагогика, 1954, № 1.

⁸ Колония была награждена Почетным знаменем Наркомпроса УССР 20 сентября 1923 г.

⁹ В 1923 г. колония стала называться Полтавской трудовой колонией им. М. Горького.

¹⁰ Речь идет о книге Маро (М. И. Левиной) «Работа с беспризорными».

¹¹ Говорится о праздновании пятилетия колонии с участием представителей Наркомпроса УССР, Харьковского окрнаробраза, Института народного образования, военного гарнизона г. Полтавы, общественных организаций. Представители ЦК профсоюза работников просвещения УССР передали колонии Красное знамя.

¹² *Ольденбург С. Ф.* (1863—1934) — русский ученый-востоковед, академик. Письмо А. М. Горького Ольденбургу с ответом на приглашение принять участие в 200-летнем юбилее Академии наук СССР было опубликовано в «Правде» 4 сентября 1925 г. и в других газетах.

¹³ См. с. 40—41 наст. тома.

¹⁴ 23 сентября 1925 г. А. С. Макаренко выступил в Главсоцвосе Наркомпроса УССР по вопросу об организации центральной колонии для малолетних правонарушителей на базе колонии им. М. Горького. Собрание положительно оценило предложенный им проект и меры по его конкретизации и осуществлению.

¹⁵ *Стоюнин В. Я.* (1826—1888) — прогрессивный русский педагог и методист-словесник. В своих теоретических и историко-педагогических работах развивал утопическую идею о возможности всестороннего развития личности в условиях классово-антагонистического общества.

¹⁶ *Рыков А. И.* (1881—1939) — в середине 20-х гг. был председателем Совнаркома СССР и РСФСР. Неоднократно выступал против ленинской политики партии, в 1928 г. — один из лидеров правооппортунистического уклона в ВКП(б). В 1937 г. за антипартийную деятельность исключен из партии.

¹⁷ *Свидерский А. И.* (1878—1933) — видный партийный и государственный деятель, с 1923 по 1928 г. — зам. наркома земледелия РСФСР, с 1929 г. — полпред СССР в Латвии.

¹⁸ «Враги» — название драмы, написанной Горьким в 1906 г.

¹⁹ *Пешкова Е. П.* (1876—1955) — жена А. М. Горького.

²⁰ *Короленко С. В.* — дочь русского писателя В. Г. Короленко, жившего с семьей с 1900 г. в Полтаве.

²¹ В письме, написанном А. М. Горьким по просьбе А. С. Макаренко председателю Харьковского окрисполкома Гаврилину и опубликованном в «Известиях» 16 июня 1926 г. (письмо было перепечатано в украинских газетах), в частности, говорилось: «Хотя я знаком с колонией только по переписке с ее ребятами и заведующим ее А. С. Макаренко — человеком, видимо, исключительной энергии и крепкой любви к делу, но мне кажется, что колония заслуживает серьезнейшего внимания и деятельной помощи».

²² А. М. Горький интересуется колонисткой Крахмаловой (см. с. 226 наст. тома).

²³ Имеется в виду, что многие колонисты слабо владели русским языком, особенно письменным.

²⁴ В письме Н. Ф. Остроменцкой 9 октября 1926 г. А. С. Макаренко указывает состав

одной планировавшейся «армии»: 7 «корпусов», 21 «дивизия», 63 «полка» по одной тысяче воспитанников.

²⁵ В указанном выше письме Н. Ф. Остроменцкой говорится, что создание первого детского корпуса в Харьковском округе было предложено Наркомпросом УССР в порядке опыта на основе идеи А. С. Макаренко об организации «Всеукраинской детской трудовой армии», в деятельности которой мог бы получить развитие опыт колонии им. М. Горького.

²⁶ Рабочие Харьковской табачной фабрики были шефами колонии.

²⁷ Речь идет о расширении преподавания в школах УССР на украинском языке. В колонии им. М. Горького обучение велось на русском языке.

²⁸ Неоднократно А. С. Макаренко писал о недопустимости драк в детском коллективе. В коммуне им. Ф. Э. Дзержинского драки были строго запрещены.

²⁹ Некоторые сведения об этом сборнике см.: *Шейкман С.* Куряжская быль. Калинин, 1963, с. 52.

³⁰ Реорганизация отрядов в колонии им. М. Горького и позднее в коммуне им. Ф. Э. Дзержинского была связана с изменениями в учебной работе, производстве, хозяйственной жизни коллектива, с приемом новых воспитанников и т. п.

³¹ Герой книги Л. Пантелеева и Г. Белых «Республика ШКИД» — Виктор Николаевич Сорокин, прототипом его являлся советский педагог В. Н. Сорока-Росинский.

³² Так сокращенно звали воспитанники школы им. Ф. М. Достоевского заведующего школой В. Н. Сорокина. Характеристику педагогического содержания этой повести А. С. Макаренко дал в лекции «Художественная литература о воспитании детей», прочитанной 21 апреля 1937 г. в Политехническом музее (см.: *Макаренко А. С.* Соч.: В 7-ми т. Т. V, с. 368—363; полный текст см.: *Гетманец М. Ф.* Из архива А. С. Макаренко. — В кн.: А. С. Макаренко, кн. 9. Львов, 1974, с. 100—102; см. об этом также: *Макаренко А. С.* Соч.: В 7-ми т. Т. V, с. 202—203).

³³ См. «Проект организации трудового детского корпуса», с. 55—60 наст. тома.

³⁴ Педагогический персонал во главе с А. С. Макаренко был назначен в коммуну им. Ф. Э. Дзержинского 20 октября 1927 г. Торжественное открытие коммуны было приурочено к празднованию 10-летия ВЧК—ОГПУ 29 декабря 1927 г.

³⁵ Говорится о проекте организации учебно-воспитательного процесса в коммуне им. Ф. Э. Дзержинского (см. с. 69—80 наст. тома).

³⁶ А. С. Макаренко упоминает о статье М. Горького «Заметка читателя», написанной им незадолго до возвращения из Италии в СССР. Впервые опубликована в альманахе «Круг» (1927, кн. 6). См.: *Горький А. М.* Соч.: В 30-ти т. Т. 24, с. 282—283.

³⁷ Речь идет о практике организации самоуправления воспитанников по форме, принятой в 20-е гг. в местных органах власти — исполкомах. А. С. Макаренко критически относился к подобному механическому переносу форм деятельности государственных и общественных органов в деятельность органов самоуправления воспитательного коллектива.

³⁸ *Остроменцкая Н. Ф.* — украинская журналистка и детская писательница. Летом 1926 г. работала в колонии им. М. Горького клубным работником и воспитателем. Опубликовала очерк «Навстречу жизни» о колонии им. М. Горького (Народный учитель. М., 1928, № 1—2).

Предварительно ознакомив А. С. Макаренко с очерком и получив в целом его одобрение, она не учла ряда замечаний Антона Семеновича, что привело к превратному толкованию отдельных мест ее публикации. В частности, в очерке утверждалось, будто в колонии применяются физические наказания воспитанников, хотя в действительности А. С. Макаренко был решительным противником подобных наказаний, унижения достоинства личности ребенка вообще. Основываясь на очерке Остроменцкой, Н. К. Крупская и А. В. Луначарский выступили в печати с осуждением воспитательных приемов, применявшихся якобы в колонии им. М. Горького (см.: *Крупская Н. К.* Пед. соч.: В 6-ти т. Т. 3, с. 293; *Луначарский А. В.* О воспитании и образовании. М., 1976, с. 271). Публикация очерка Остроменцкой усложнила положение А. С. Макаренко в колонии им. М. Горького.

³⁹ *Кузьма* (правильно — Козьма) *Пругков* — литературный псевдоним группы поэтов (А. К. Толстой и братья А. М. и В. М. Жемчужниковы), печатавшихся в 60-х гг. XIX в. в журналах «Современник», «Свисток» и др. В их сатирико-пародийных стихах и афоризмах высмеивались пошлость, чиновничья тупость, бюрократизм и другие пороки помещичье-буржуазной России.

⁴⁰ *Хулио Хуренито* — герой сатирического романа советского писателя И. Г. Эренбурга «Необычайные похождения Хулио Хуренито...».

⁴¹ «Всемирная литература» — издательство, созданное по инициативе А. М. Горького в 1918 г. в Петрограде, публиковало выдающиеся произведения мировой художественной литературы; существовало до 1924 г.

⁴² *Шершнев Н. Ф.* — один из первых колонистов-горьковцев, прототип Вершнева в «Педагогической поэме».

⁴³ *Чевелий Д.* — один из старших колонистов, прототип Жевелия в «Педагогической поэме».

⁴⁴ Заявление об уходе из колонии А. С. Макаренко подал 10 мая 1928 г., а освобожден от работы был 1 (или 3) сентября того же года, после истечения срока очередного отпуска.

⁴⁵ *Весич В. А.* — воспитатель-учитель колонии с августа 1923 г., затем один из заместителей А. С. Макаренко. Прототип П. И. Журбина в «Педагогической поэме».

⁴⁶ Имеется в виду первая часть «Педагогической поэмы», в основном законченная к тому времени.

⁴⁷ *Крючков П. П.* (1889—1938) — секретарь А. М. Горького.

⁴⁸ *Петр Петрович* — П. П. Крючков.

⁴⁹ *Халатов А. Б.* (1896—1938) — член партии с 1917 г., советский партийный и государственный деятель; в 1927—1933 гг. был председателем правления Госиздата.

⁵⁰ «Земля и фабрика» — советское государственное акционерное издательское общество в 1922—1932 гг., сокращено — ЗиФ.

⁵¹ *Ионов (Бернштейн) И. И.* (1887—1942) — поэт, издательский работник, в 1928—1930 гг. руководил издательством ЗиФ.

⁵² Приветствие коммунаров-дзержинцев М. Горькому в связи с 40-летием его литературной деятельности было опубликовано в «Правде» 2 октября 1932 г.

⁵³ Сообщение об открытии такой коммуны было опубликовано в «Правде» 2 октября 1932 г.

⁵⁴ А. М. Горький был в колонии им. М. Горького и коммуне им. Ф. Э. Дзержинского 8—9 июля 1928 г.

⁵⁵ О впечатлениях А. М. Горького, связанных с посещением колонии и коммуны, см. в его очерке «По Союзу Советов», впервые опубликованном в журнале «Наши достижения», 1929, № 2 (*Горький А. М.* Полн. собр. соч. М., 1974, т. 20, с. 160—169).

⁵⁶ Имеется в виду первая часть «Педагогической поэмы».

⁵⁷ «Горьковцы», «Горьковская колония» — варианты названия «Педагогической поэмы».

⁵⁸ Имеется в виду пьеса «Мажор».

⁵⁹ Речь идет о сборнике «Второе рождение», подготовленном бригадой «Комсомольской правды» к 5-летию коммуны им. Ф. Э. Дзержинского, которое отмечалось 29 декабря 1932 г.; книга вышла в Харькове в 1932 г.

⁶⁰ Первая часть «Педагогической поэмы» впервые опубликована в редактировавшемся А. М. Горьким альманахе «Год XVII», кн. 3, здесь же опубликована пьеса М. Горького «Достигаев и другие». Альманах был подписан к печати в конце декабря 1933 г. и вышел в свет в начале 1934 г.

⁶¹ В «Открытом письме А. С. Серафимовичу» (Литературная газета, 1934, 14 февр.) А. М. Горький выступил против небрежности в языке и стиле отдельных советских писателей.

⁶² Имеется в виду Беломорско-Балтийский канал.

⁶³ *Канторович В. А.* (род. в 1901 г.) — русский советский писатель-очеркист, автор книги о строительстве Беломорско-Балтийского канала.

⁶⁴ А. С. Макаренко высказывает соболезнование по поводу смерти сына А. М. Горького — М. А. Пешкова в мае 1934 г.

⁶⁵ Объяснительную записку А. С. Макаренко к проекту объединенной коммуны, направленную им в Совнарком УССР, см. на с. 204 наст. тома.

⁶⁶ На украинском языке первая часть «Педагогической поэмы» вышла в 1934 г.

⁶⁷ *Виленкин В. Я.* (род. в 1911 г.) — в то время сотрудник литературной части МХАТа; доктор искусствоведения, профессор школы-студии МХАТ.

⁶⁸ А. С. Макаренко был принят в члены Союза советских писателей 1 июня 1934 г.

⁶⁹ Эта статья А. М. Горького была напечатана в «Правде» 24 января 1935 г.

⁷⁰ *Постышев П. П.* (1888—1940) — советский партийный деятель. В середине 20-х гг. был секретарем Харьковского окружкома КП(б)У, секретарем и членом Политбюро ЦК КП(б)У; в 1933—1937 гг. — секретарь и член Политбюро ЦК КП(б)У.

⁷¹ *Бубнов А. С.* (1883—1940) — советский партийный и государственный деятель, в последние годы жизни был наркомом просвещения РСФСР.

⁷² Вероятно, А. С. Макаренко имеет в виду начатый им в 1932 г. труд «Опыт методики работы детской трудовой колонии». Начальные главы книги см. с. 168—192 наст. тома.

Методика организации воспитательного процесса

(с. 267)

«Методика» — первая крупная завершенная научно-педагогическая работа А. С. Макаренко — была написана им в 1935—1936 гг., в период работы заместителем начальника Отдела трудовых воспитательных колоний НКВД УССР в Киеве; опубликована в 1936 г. в ведомственном издании небольшим тиражом. Печатается по тексту: *Макаренко А. С. Соч.: В 7-ми т. Т. V. М., 1958, с. 9—100.*

Обобщая опыт своей работы в коммуне им. Ф. Э. Дзержинского, Макаренко стремился подготовить предельно конкретную, рабочую методику воспитательного процесса в колониях, книгу, которой могли бы пользоваться все педагоги, работающие в системе воспитательных учреждений НКВД.

В те годы в руководстве колониями для несовершеннолетних были сильны тенденции к ужесточению режима, созданию учреждений закрытого типа, в которых воспитательный процесс замыкался бы в основном рамками исправительно-трудовой деятельности. Макаренко, основываясь на опыте коммуны, показывает, какой полнокровной, многообразной, связанной с жизнью народа, строящего социализм, должна быть организация воспитательного процесса в колонии.

По разделам публикуемого материала можно судить об основных проблемах методики воспитательного процесса, как их представлял А. С. Макаренко. При этом надо иметь в виду, что связь воспитания с обучением, образованием в данной работе специально не рассматривается.

Вместе с тем значение данной работы далеко выходит за рамки лишь методики организации воспитательного процесса в колониях для несовершеннолетних правонарушителей и педагогически запущенных подростков. Ряд выдвигавшихся Макаренко положений вполне применим и к организации воспитательного процесса в обычной общеобразовательной школе. Широкая теоретико-методическая направленность данного труда ярко проявляется в таких разделах, как «Перспектива», «Стиль работы с коллективом», «Дисциплина и режим», «Наказание и меры воздействия», «Работа воспитателей». Принципиальное научно-теоретическое значение имеет указание А. С. Макаренко на то, что методика воспитания «должна основываться на общей организованности жизни, на повышении культурного уровня, на организации тона и стиля всей работы, на организации здоровой перспективы, ясности, особенно же внимания к отдельному человеку».

В центре «Методики» — идея Макаренко о перспективных линиях жизни и деятельности коллектива и формирующейся личности. Постановка и реализация общественно ценных перспектив позволяют добиваться гармонического развития личности в единстве ее идейно-нравственных и волевых качеств, чувств, потребностей, интересов. Внимание к всестороннему развитию каждой формирующейся личности, сознательным стремлениям к жизненным целям человека, его общественной активности, чувству радости и удовлетворения характеризует Макаренко как замечательного педагога-гуманиста. Работу в области «гармонизации» коллективных и личных перспектив он считает важнейшей частью воспитательной деятельности.

А. С. Макаренко раскрывает глубокий педагогический и гуманистический смысл методики «параллельного действия». Она предполагает, что воспитанник есть «...раньше всего член трудового коллектива, а потом уже воспитанник, таким он должен представляться самому себе». Поэтому и его взаимоотношения с воспитателями «должны происходить не столько в специальной педагогической плоскости, сколько в плоскости трудового производственного коллектива, на фоне интересов не только узкопедагогического процесса, а борьбы за лучшее учреждение...» (см. с. 325 наст. тома).

Во многих трудовых воспитательных колониях для несовершеннолетних в те годы получает чисто административный характер руководство всей жизнью учреждения; руководители и педагоги многих колоний подменяют вдумчивую работу по организации коллектива воспитанников чисто внешними атрибутами: хождением по территории колонии строем, разучиванием с воспитанниками правил внутреннего распорядка и т. п.

Против подобных административных увлечений направлен раздел «Методики», озаглавленный «Стиль работы с коллективом». Макаренко придает большое значение морально-психологическому, эмоциональному состоянию коллектива воспитанников, их уверенности в своих силах и готовности к целесообразному действию. Необходимые условия этого — «защищенность личности в коллективе», отсутствие муштры, «военно-строевого порядка». В быту коллектива полезны «элементы внешней эстетики», «символизация», торжествен-

ность, использование форм коллективных действий «военного типа», сопровождаемых не муштрой, а игровым оформлением.

Важное место в «Методике» отведено самоуправлению и педагогическому руководству им, руководящей роли комсомольской организации в коллективе, системе взаимосвязанных полномочий и ответственности, структуре органов коллектива. Примечательна установка на сочетание творческой разработки новых форм организации жизни и деятельности коллектива с четким «нормированием» коллективной жизни, культивированием традиций. «Методика» показывает, какое большое внимание в практике Макаренко уделялось организации быта воспитанников, индивидуальной работе, изучению личности, беседам с воспитанниками и какие особенности имела эта работа в условиях коммуны. Важный вклад в методику воспитательного процесса составляют разделы «Центр», «Материальная часть».

В целом этот труд А. С. Макаренко носит инструктивно-методический характер. Работа является интересным образцом изложения методических принципов и их конкретизации, воплощения в практических формах и «технике» воспитательной работы. Четкие практические рекомендации и требования к конкретным должностным лицам и членам выборного актива воспитанников сочетаются в «Методике» с указаниями на условия их применения и эффективность в зависимости от уровня развития коллектива и других факторов.

Несмотря на широту круга вопросов, освещенных в 17 разделах работы, публикуемый материал не является полным изложением опыта и воззрений Макаренко в области методики организации воспитательного процесса в трудовой колонии.

¹ Имея в виду сказанное выше, на с. 270 («В коммуне им. Ф. Э. Дзержинского основным признаком организации первичного коллектива является признак производственный»), следует считать, что объединение в первичном коллективе воспитанников «разных возрастов» является вторым, дополнительным признаком такого коллектива.

² В колонии им. М. Горького и коммуне им. Ф. Э. Дзержинского совет коллектива назывался советом командиров, а председатель совета — секретарем совета командиров, сокращенно ССК. Этим подчеркивалось, что, представляя весь коллектив учреждения, совет в то же время состоит из уполномоченных отдельных отрядов.

³ Более подробно об этом см.: *Макаренко А. С. Соч.:* В 7-ми т. Т. II. М., 1957, с. 75—85.

Начиная этими словами и кончая словами «доводить их до перспектив всего Союза», данный текст вошел полностью в «Педагогическую поэму» (см.: *Макаренко А. С. Соч.:* В 7-ми т. Т. I. М., 1957, с. 567).

Содержание

Педагогические
произведения
1922—1936 гг.

От составителей	5
Заявление в Центральный институт организаторов народного просвещения	8
Понятие дисциплины в общей системе воспитания	11
О воспитании	12
Отчетная ведомость Полтавской трудовой колонии для дефективных детей им. М. Горького за ноябрь 1922 г.	13
Опросный лист Полтавской трудовой колонии им. М. Горького	14
Колония им. М. Горького	16
Опыт образовательной работы в Полтавской трудовой колонии им. М. Горького	18
Из отчетной ведомости о состоянии Полтавской трудовой колонии им. М. Горького за апрель 1923 г.	24
Тов. зав. губсоцвосом	—
Доклад о состоянии Полтавской трудовой колонии им. Горького	25
Областному инспектору дефдетучреждений Харьковской области	27
Областному инспектору учреждений Харьковской области	28
Отчетная ведомость о состоянии Полтавской трудовой колонии им. М. Горького за 1923 г.	29
В отдел материального снабжения	31
Областному инспектору Харьковской области	32
Главному инспектору охраны детства Главсоцвоса НКП УССР	33
Письмо А. П. Сугак	—
В Главсоцвос НКП УССР. 15 июля 1924 г.	34
В инспектуру охраны детства НКП УССР	—
Список персонала Полтавской трудовой колонии им. М. Горького на 1 сентября 1924 г.	36
Тезисы содоклада на Всеукраинском совещании комиссий по делам несовершеннолетних правонарушителей	37
Из работы «Кое-что о самоуправлении»	38
В Главсоцвос НКП УССР. 8 августа 1925 г.	40
Очерк о работе Полтавской колонии им. М. Горького	44
Тезисы доклада «Организация воспитания трудного детства»	53
Письмо Г. С. Салько	55
Проект организации трудового детского корпуса Харьковско-го округа	—
Проект Устава управления детскими школьно-трудовыми колониями	60
В президиум окрплана	63
Вроде методического плана клубной работы	64
Докладная записка об организации свободной мастерской	68
Доклад на заседании секции социального воспитания Украинского научно-исследовательского института педагогики	69
О некоторых проблемах теории и практики воспитания	80
Предисловие к альбому «Наши жизни — Горькому — горьковцы»	91
Привет пионерам!	92
Письмо заведующему Главным управлением социального воспитания НКП УССР	93
В правление трудкоммуны им. Ф. Э. Дзержинского	94
Сокращение расходов	—
Длительность педагогического коллектива	102
Рецензия на рукопись «Руководство для комиссий по делам несовершеннолетних правонарушителей»	111
Мнение «Шарошки»	118

Заметка в стенгазете «Дзержинец»	119
Докладная записка члену правления коммуны им. Ф. Э. Дзержинского	—
Из письма Г. С. Макаренко	135
Письмо отряду дзержинцев	—
Педагоги пожимают плечами	136
Коммуна им. Ф. Э. Дзержинского (1932)	144
Конституция страны ФЭД	149
Программа учетного отдела педагогической части коммуны им. Ф. Э. Дзержинского	154
Памятник Феликсу	—
Перевернутые страницы	157
Материалы очерка о коммуне им. Ф. Э. Дзержинского	163
Опыт методики работы детской трудовой колонии	166
План книги «Опыт методики работы детской трудовой колонии»	190
Положение о выпускниках-коммунарах детской трудовой коммуны НКВД УССР им. Ф. Э. Дзержинского	193
Завоевать новые высоты	194
Характеристики выпускников	195
Коммуна им. Ф. Э. Дзержинского (1933)	199
Начальнику коммуны им. Дзержинского	200
Из сводки о нарушениях дисциплины коммунаров за январь 1934 г.	—
Председателю Государственного политического управления УССР	201
О школьном комбинате коммуны им. Ф. Э. Дзержинского	204
Объяснительная записка к проекту организации трудового детского корпуса	—
Такова наша история	211
О летнем лагере коммунаров	212
Некоторые соображения о школе и наших детях	213
Переписка А. С. Макаренко с А. М. Горьким (8 июля 1925 г. — февраль 1935 г.)	217
Методика организации воспитательного процесса	267
Комментарии	330

Антон Семенович Макаренко

Педагогические сочинения. В 8-ми т. Т. 1.

Составители:

Лев Юльевич Гордин

Анатолий Аркадьевич Фролов

Зав. редакцией Ю. В. Василькова

Редактор Е. А. Соколова

Художник В. Е. Валериус

Художественный редактор Е. В. Гаврилин

Технический редактор Т. Г. Иванова

Корректоры В. С. Антонова, Р. П. Семченкова

ИБ

Сдано в набор 10.11.82. Подписано в печать 22.04.83. А07786. Формат $70 \times 90^{1/16}$. Бумага кн.-журн. Печать офсетная. Гарнитура школьная. Усл. печ. л. 26,91 + 0,58 вкл. Уч.-изд. л. 32,76. Усл. кр.-отт. 28,35. Тираж 50 000 экз. Заказ 1694. Цена 1 р. 70 к.

Издательство «Педагогика» Академии педагогических наук СССР и Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, 107847, Лефортовский пер., 8

Ордена Трудового Красного Знамени Калининский полиграфический комбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. г. Калинин, пр. Ленина, 5.